

Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валахской профессор Евгений Евсигнеевич Голубинский

Вступление

Вступление

Печатая настоящую книгу, мы не считаем нужным распространяться о побуждениях, которые заставили нас взяться за ее составление. Справедливости того, что нам – русским не мешает иметь некоторое знакомство между прочим с церковной историей южных православных славян и составляющих как бы дополнение к ним православных румынов, конечно, никто не станет оспаривать. А поэтому цель, которую мы имели в виду, это – хотя до некоторой степени удовлетворить потребности, которая давно чувствуется в подобной книге.

Церковной истории каждого народа, для удобства читателей, мы предпослали краткий обзор историй государственных, которые стоили нам немалых хлопот и в которых мы старались быть, насколько было это возможно, тщательными и точными.

Опасаемся, что книга наша неприятным образом обманет ожидания некоторых из наших читателей: вместо полной церковной истории они найдут в ней только часть этой последней, именно только то, что называется историей внешней. Мы и сами желали бы написать нечто более полное, чем то, что представляем; но, к сожалению, пока не по чем писать. Летописей болгарских пока неизвестно совсем; летописи сербские хотя есть, но только позднейшие, чрезвычайно краткие и почти ни на что не пригодные, так что об обоих народах главным образом приходится говорить по чужим источникам – по византийцам. За отсутствием и непригодностью летописей, остаются так называемые исторические акты, т. е. разного рода

официальные грамоты и записи; но болгарских актов пока открыто менее десятка; сербских актов хотя напечатано довольно, но пока все еще таких, которые очень немного доставляют для церковной истории.

Мы имели желание прочесть все новые исследования и книжки по нашему предмету; но желание оказалось неудобноисполнимым. Сношения именно с славянами (и греками), с которыми нам, по-видимому, надлежало бы находиться в самом живом общении, и до сих пор сопряжены у нас с величайшими трудностями. Вследствие этого, некоторых книг, которые, вероятно, оказались бы для нас не бесполезными, мы не могли выписать из-за границы, несмотря ни на какие старания.

Говоря о недостатках книги, происшедших не по нашей вине, мы вовсе не хотим думать, чтобы она была свободна от недостатков, лежащих и на нашей ответственности. Забвение, по старому выражению, хвалится над всеми людьми, и поэтому очень может быть, что в книге найдется довольно недосмотров, пропусков и настоящих, малых и больших, погрешностей. Так как с работами нашими по истории всех трех церквей мы не намерены покончить на этом, а предполагаем продолжать их и на будущее время, то обращаемся к специалистам с просьбою указать нам все всякого рода недостатки, и даем обещание при дальнейших работах наших воспользоваться ими с полной благодарностью.

Позволяем себе думать, что книга наша не будет совсем бесполезна и для болгар с сербами и румынами. Но во всяком случае просим их не забывать, что она писана главным образом не для них, а именно для русских, и что к иностранцу, по разным уважительным причинам, они не имеют права быть столько же требовательными, как к писателю своему.

Мы было желали приложить к книге этнографическую карту; но, к сожалению, в настоящее время это оказалось для нас невозможным.

Так как по отдаленности нашего житья от места типографии и по болезни глаз мы не могли сами держать корректуры, то при печатании, несмотря на все добросовестное и усердное

старание корректора, вкралось некоторое количество опечаток. Прежде чтения книги просим их исправить; а равно просим предварительно отметить и те поправки и дополнения, которые сделаны на конце книги.

Е. Г.

Сергиев посад. М. Д. А. 25 апр. 1871.

I. Краткий очерк истории Болгарской православной церкви

Государственная история Болгарии

Из двух больших общих групп, на которые разделяются народы славянского племени по степени близости своего взаимного сродства, болгары принадлежат к группе так называемой юго-восточной, которая кроме их состоит из нас – русских и из сербов с хорватами и словенцами (другую группу – западную образуют из себя поляки, чехи с моравами и словаками и представляющие остаток славян полабских или балтийских – саксонские лужичане).

Не составляя одного общего государственного союза, а живя мелкими отдельными племенами, славяне болгарские, подобно нам – русским, первоначально не имели одного общего, собирательного для всех частных родственных племен имени, и получили свое настоящее имя в позднейшее время от покорившего их (точнее говоря, значительную часть их) не славянского народа.

Оставив в неизвестное нам время первоначальное место своего жительства за северным склоном Карпатов и перешедши в древнюю Дакию, нынешние – Трансильванию, Валахию и Молдавию (Шафарика Древности II, 1, 19 fin. sqq и 241), славяне, получившие впоследствии имя болгар, начали переселяться отсюда за Дунай, в пределы Византийской империи, в восточную половину древней Мизии, нынешнюю собственно так называемую Болгарию, не позднее как с конца четвертого или с начала пятого века по Р. Х.¹ Переселение, совершаясь мирно и будучи поощряемо или по крайней мере не будучи препятствуемо византийскими императорами, происходило постепенно и незаметно, так что о нем вовсе ничего не говорят греческие летописцы (сfr Шафарика *ibid.* II, I, 24, 255, 259). Заняв большую часть Мизии, славяне переступили Балканы и в продолжение трех столетий (с пятого по седьмое) расселились по Фракии до самого Адрианополя, по Македонии до Солуни, затем по всей территории нынешних Албании, Фессалии и Ливадии, и наконец даже простерлись в Пелопоннес и на соседние с ним острова². Что касается до

отношений этих новых жителей Балканского полуострова к константинопольскому правительству, то, смотря по большей или меньшей отдаленности занятых ими областей от столицы империи, т. е. смотря по меньшему или большему удобству для императоров предъявлять им свою власть, они были различны. Славяне, селившиеся в восточной Фракии, т. е. в местностях ближайших к столице и находившихся не с края, а в середине государства, окруженных греческими городами, а следовательно и греческими военными гарнизонами со всех сторон, нет сомнения, с первого же прибытия на место, признавали себя и постоянно потом оставались подданными или данниками империи, хотя во внутреннем управлении, вероятно, и пользовались большей или меньшей свободой. Славяне пелопонесские весьма долгое время успевали сохранять совершенную независимость от империи (см. Фальмерайера *Geschichte d. Halbinsel Morea*, т. I, стр. 215 sqq, быв за то, впрочем, вскоре после покорения совершенным образом еллинизованы или погречены). Славяне мизийские и македонские, по предположениям Шафарика (Древн. II, I, 260, 266), сначала находились в подданстве греков, потом только в зависимости от них, управляясь собственными князьями и старейшинами, а наконец, с течением времени усилившись, старались и совершенно избавиться от всякого им подчинения.

Во второй половине седьмого века часть славян Балканского полуострова, именно славянские племена, жившие в древней Мизии или в нынешней собственно так называемой Болгарии, подпали власти иноязычных завоевателей, которые собрали их, под свою власть, в один государственный союз и которые дали всем славянам полуострова одно общее имя. Этими завоевателями были родичи гуннов и угров я вообще народ урало-чудского племени – болгары³. Из своих становищ между Волгой и Доном болгары начали производить вторжения за Дунай в пределы империи с восьмидесятих годов пятого века, и продолжали их в течение почти целого столетия; с половины шестого до сороковых годов седьмого века они находились под властью авар, от которой освобождены были князем своим Кубратом. Пятеро сыновей Кубрата после его

смерти начали оспаривать друг у друга власть над народом, и один из них, по имени Аспарух, с частью болгар оставил родину и двинулся на запад; сначала он поселился в «углу» (по-гречески ὀ'κλoσ, ὀ'γλoσ) между Днестром, Прутом, Дунаем и Черным морем, или нынешнем Буджаке⁴, а потом вторгнулся через Дунай в империю, и здесь, несмотря на сопротивление импер. Константина Погоната, занял населенную славянами Мизию, чем и положил начало болгарскому государству, которое, получив свое имя от завоевателей, народность удержало побежденных. Это событие имело место в 678–80 году (Метог. рор. II, 442 sqq, 495 sqq, Шафар. Древн. II, I, 274, 262, 599).

Что касается до первоначальных пределов основанного Аспарухом государства, то восточная граница его, начинаясь с устья Дуная, шла по берегу Черного моря за Варну (Метог. рор. II, 508), – южная граница, начинаясь немного южнее Варны, шла по северным отрогам Балканов, с которых оставляя влево Софию, еще находившуюся во власти греков (см. ниже), приблизительно на р. Нишаву у нынешнего Пирота или Шарыкиоя и потом по сей последней и по болгарской Мораве, – западная граница шла или по соединенной Мораве от верховьев до устья или с ее верховьев, отклоняясь от нее влево, на нижнюю Саву и захватывала древний Сингедон, нынешний сербский Белград⁵. Северная граница остается неизвестною: после Аспаруха болгары владели по сю сторону Дуная более или менее значительной частью Баната с Трансильванией и Валахией с Молдавией, но нет сведений, кому принадлежало это завоевание. Если оно было сделано самим Аспарухом, то граница шла, неизвестно на каком расстоянии от Дуная, по сейчас указанным областям; если же после Аспаруха кем-нибудь из его преемников, то границу составлял самый Дунай.

Преемниками Аспаруха были:

2) Тербел или Тербелий.

3) Комерсий или Кормесий. Оба воевали с греками; при первом границей между империей и Болгарией назначены были Мелеоны во Фракии, остающиеся впрочем по ближайшей своей

местности совершенно неизвестными (Метог. рор. II, 511 sqq, 517 sqq, Шафар. Древн. II, I, 278; см. также у Свида в лексиконе под словом Βου'λγαροι). Если не Аспарух, то который-нибудь из сих двух его преемников распространили свою власть на левый берег Дуная, завоевав более или менее значительную часть Баната с Трансильванией и Валахии с Молдавией, о чем сказано нами сейчас выше⁶.

В 762 г. возмущившиеся болгары истребили весь царствующий дом Кубрата, и на место убитого Комерсия был избран

4) Телесий или Телец, за которым следовали

5) Сабин.

6) Поган. Среди смут, происходивших в Болгарии, все трое правили весьма недолго, между 762 и 764 годами (Метог. рор. II, 622 Шафар. ibid. II, I, 278 sqq).

7) Умар⁷.

8) Токта. Оба в продолжении одного (766) года (Метог. рор. II, 626 sqq, Шафар. II, I, 279). Все пятеро воевали с греками, и большею частью несчастливо.

9) Целиг или Телерик, неизвестно когда занявший престол; в 774 г. воевавший с греками, в 776 г. убежавший в Константинополь, где был крещен, женат на родственнице императора и сделан патрицием (Метог. рор. II, 528 sqq, Шафар. Древн. II, I, 280).

10) Кардам, упоминаемый под 791–797 годами, с переменным счастьем воевавший с греками (Метог. рор. II, 332, Шафар. ibid. II, I, 281).

11) Крум или Круб (также Крем, от чего в наших русских хронографах Кремль), взошедший на престол около 802–7 г., основатель новой династии, знаменитый воитель, страшно громивший и опустошавший империю и выведший из нее огромное количество пленных (Метог. рор. II, 535 sqq, Шафар. ibid. II, I, 281). Он расширил пределы государства, отняв у греков Сардику, нынешнюю Софию (Метог. рор. ibid.), и распространил свою власть (впрочем, совершенно бесполезным образом для государства) в юго-восточной Венгрии над бывшею там другой болгарской ордой и остатками

аваров до р. Тисы или Тейссы (Шафар. *ibid.* II, I, 281 sqq). Ему наследовал около 815–20 г. сын его –

12) Муртагон или Муртагон (у западных летописцев Омортаг, у архиепископа Феофилакта в Тивериупольск. мучениках Омбритаг). Держал мир с греками, но воздвиг гонение на христианских пленников, распространявших христианство между его подданными (Memor. por. II, 563 Шафар. *ibid.* II, I, 284 fin., Кедрин, в Memor. por. *ibid.*, неправильно называет Муртагона Критагоном)⁸.

13) Относительно преемника Муртагонова свидетельства византийцев несогласны. По Константину Порфирогениту (Memor. por. II, 154 sqq, 575), после Муртагона правил Пресиам, бывший отцом следующего государя Бориса-Михаила. Архиепископ Феофилакт (в Тивериупольск. мучениках, у Миня в Патрол. т. 126, § 31 sqq) говорит, что Муртагон (которого он называет Омбритагом) оставил после себя трех сыновей: Енрабугу (Ενραβύτας) или Бонна (Βοῖνος), Звеницу (Ζβηῖνιτζη) и Маломира, что преемником ему был младший сын Маломир и что преемник этого последнего Борис-Михаил был сын не его, а второго брата Звеницы. Неизвестно, которое свидетельство справедливее; мы с своей, стороны склоняемся более в пользу Феофилакта, потому что если он решается противоречить своему предшественнику, то, как мы думаем, не без достаточных оснований. (Можно, и даже должно предполагать, что свой рассказ о тивериупольских мучениках Феофилакт составляет на основании готовых, болгарских или греческих, о них записей; но в этих записях могло быть и о государях болгарских).

14) Борис-Михаил, по Константину Порфирогениту сын Пресиама, по Феофилакту сын Звеницы, – креститель болгар (вступил на престол между 852–856, передал его преемнику между 888–892 годами). О нем подробнее скажем ниже⁹.

15) Владимир, старший сын Бориса, поставленный отцом, пожелавшим под старость принять монашество, при своей жизни, но через четыре года им же лишенный престола, как недостойный.

16) Симеон, младший сын Бориса, поставленный им на место Владимира (между 892–896 гг.), – знаменитейший из всех болгарских государей; через принятие титула царя или императора (βασιλεύς – imperator) уравнивший себя с императорами византийскими и мечтавший было совсем заступить их место, нещадно громивший и едва совсем не сокрушивший Греческую империю; возведший свое государство на, высокую, хотя и непрочную, степень блеска и славы; окончательно утвердивший в стране христианство и с величайшим усердием старавшийся о водворении в ней просвещения, († 927)¹⁰.

Мы видели выше, что балканская часть болгарского государства первоначально представляла из себя не очень широкую полосу, простиравшуюся по правому берегу Дуная, и что из преемников Аспаруха только Крум несколько увеличил ее присоединением от греков Софии. Но Борис и Симеон – первый чрез подчинение своей власти соседних независимых славян, а второй посредством завоеваний у греков весьма широко раздвинули пределы здешних своих владений, так что при преемнике второго из них болгарам принадлежала значительнейшая, а грекам только меньшая часть полуострова. Восточная граница государства простиралась по берегу Черного моря от устья Дуная до Бургаса за южным склоном Балканов (причем, впрочем, приморские города Месемврия и Анхиал если не постоянно, то большею частью оставались во власти греков). Южная граница шла от Бургаса на Балканы, затем Балканами и с отрога Коджа-Балканы, пересекая верховья Марицы, поворачивала (идя мимо Татар-Базарджика и Чепены) на юго-запад на Родопские горы; отсюда шла на Стримон, который пересекала около нынешнего Демир-Гиссара (захватывая лежащие за левым берегом этой реки города Раслог и Мельник или Менлык), с Стримона на Вардар немного повыше устья, с Вардара на нижнюю Быстрицу (Индже-Карасу, ниже Веррии), с этой последней или по западному берегу Солунского залива, или не в дальнем расстоянии от него по горному хребту Олимпа на нижнюю Саламврию (др. Пеней), и наконец отсюда по более или менее прямой линии,

наклоняющейся с северо-востока к юго-западу, на верхнюю Саламврию, между городами Стагус-Калабаком и Трикалой, и на берег Адриатического моря около устья р. Каламы или Каламаса. Западная граница шла по берегу Адриатического моря, обходя только некоторые приморские города с их округами, еще остававшиеся во власти греков (напр. Диррахий, нынешний Дураццо); дошед до устья Дрина, она сначала поворачивала на северо-восток и шла по более или менее прямой линии на верховья р. Топлицы и на болгарскую Мораву ниже впадения в нее Нишавы; потом поворачивала на северо-запад, и с низовьев болгарской или с верховьев соединенной Моравы шла на нижнюю Саву¹¹. Что касается до задунайских владений болгар, то находившиеся в вассальной зависимости от них восточная Венгрия и Трансильвания в начале десятого века навсегда были заняты уграми (см. Фесслера *Geschichte von Ungarn*, 2 изд., Лейпциг, 1867, т. I, стр. 57 sqq, cfr Шафарика *Древн. II*, I, 286), а Молдавия и восточная Валахия, быв сначала ненадолго заняты этими же уграми (Фесслер *ibid.* стр. 49, Палацкий *Geschichte von Böhmen I*, 147), потом довольно продолжительное время были занимаемы прогнавшими их последних печенегам (Константин Порфирогенит *De administr. imperio* cap. 37, 40 и 42, ed. Bonn. p. 164, 173, 177, *Memoriae pop.* III, 776 sqq).

17) Петр, сын Симеона, – государь слабый и недейтельный, совсем не походивший на своего великого отца; женатый на греческой царевне, большую часть жизни находился в мире с греками и под их влиянием. Под конец его правления неожиданно разразилась над Болгарией гроза, приведшая к падению государства. Смирненное миролюбие болгарского царя возбудило в деятельном императоре Никифоре Фоке желание сделать попытку – сокрушить возросшую силу северных варварских соседей, и он накупил на них в 967 г. оружие русского вел. кн. Святослава. Когда Святослав, в два похода (967 и 969 г.) овладевший почти всею Болгарией, обманул надежды греков, так как хотел завоевать страну не для них, а для себя, то греки соединились было с болгарам для его изгнания. Но за сим преемник Никифора (с конца 969 г.)

Цимисхий, успев в этом последнем (971 г.), вместе с тем подчинил своей власти и значительную часть Болгарии, именно всю часть ее, находившуюся между Балканами и Дунаем (на западе по округи Софийский и Виддинский не включительно) и за Балканами во Фракии. Это было уже после смерти Петра (который † 968 г.), при его сыне и преемнике –

18) Борисе 2-м, который, после недолгого правления в занятой русскими Преславе, взят в плен Цимисхием, и по лишении царского сана получил от него достоинство магистра (см. Льва диакона *Меторіае* рор. II, 60 sqq, Черткова Описание войны вел. кв. Святослава против болгар и греков. Москва, 1843, Гильфердинга Письма об истории сербов и болгар, выпуск I, стр. 156 sqq).

В оставшейся непокоренною Болгарии македонской избраны были в правители сыновья одного знатного боярина, по имени Шишмана Мокра, четыре брата – Давид, Моисей, Аарон и Самуил, из коих, после случившейся в непродолжительном времени смерти троих первых, остался правителем и принял титул царя последний.

19) Самуил, правивший до 1014 г., – человек чрезвычайно мужественный, неутомимо и успешно боровшийся с греками, оставивший по себе память как государь знаменитый¹², которому наследовали: его сын –

20) Радомир-Роман или Гавриил, правивший менее года (убитый следующим, *Метог.* рор. II, 634 sqq, Шафар. Древн. II, I, 311, Гильфердинга Письма об истории сербов и болгар, период 2, стр. 157), и его – Самуилов племянник, сын Ааронов –

21) Иоанн-Владислав. Ослабляемые внутренними раздорами и страшно уже разгромленные болгары, несмотря на все свои усилия, не в состоянии были далее противостоятъ воодушевленным успехами грекам, и в 1019 г., после смерти Владислава (павшего при осаде одной греческой крепости), вся страна покорилась императору греческому Василию, получившему за это окончательное одоление болгар титул Булгароктона (болгаробойца), чем и кончилось существование первого болгарского царства (*Метог.* рор. II, 635 sqq, Шафар Древн. II, I, 311, Гильфердинга Письма, период 2, стр. 161 sqq).

Под игом греческим болгары находились в продолжении слишком полутора столетий. После нескольких неудачных попыток восстания (в 1040 г. под предводительством самозванца Петра Делеана или Долина, Тихомира и внука Шишманова Алузиана, Метог. рор. II, 650 sqq, в 1073 г. сербского княжича Константина – Петра Бодина, *ibid.* II, 661 fin. sqq), наконец удалось свергнуть иго в 1185 г., принадлежавшим к сословию болгарских бояр, двум братьям Петру и Асеню, с которых и начинается второе болгарское царство.

1) Петр и Асень большую часть времени (с 1185 по 1195 г.) правили вместе, при чем именовался царем и носил царский венец старший из братьев; после смерти второго (павшего от руки убийцы) недолго (в продолжение того же 1195 или 1195–96 г.) один первый (погибший таким же образом). Они успели отнять у греков почти всю Болгарию предбалканскую или собственно так называемую (за исключением Софии и приморских Варны и Анхиала), с принадлежавшей к ней подунайской частью нынешней Сербии, и северную часть, по Прилеп и Пелагонию, Болгарии албано-македонской.¹³

2) Иоанн Калиян (Калуян, т. е. Калоиоан, просто Иоанн, а также Ioannitius и Иваница), младший брат предшественников, с 1195 или 96 по 1207 г. Воюя счастливо с греками, а с 1204 г. с занявшими Константинополь крестоносцами, расширил свои владения в Македонии включительно по Верию, а во Фракии почти по Димотику и Адрианополь; на северо-запад в нынешней подунайской Сербии границы его государства простирались сначала по Белград и Саву, а потом, после отнятия Белграда и его области венграми, по соединенную Мораву, обнимая так называемую область браничевскую. Возбуждаемые свежими еще воспоминаниями недавно свергнутого рабства, как двое предшественников, так и Калиян, вели свои войны против греков с беспощадною жестокостью; последний, подражая Василию болгаробойцу, наименовал себя грекобойцем (ромеектоном)¹⁴.

3) Борис 3-й или Борил (и Борила), племянник предшественников, сын их сестры, – с конца 1207 по 1221 г. (Метог. рор. II, 721 sqq). При нем Болгария лишилась большей части своих владений в Македонии (*ibid.* 722 нач., 724). Вторые

семь лет правления провел в междоусобной войне с двоюродным братом, которому наконец и принужден был уступить престол (по взятии в плен быв им ослеплен, *ibid.* 722).

4) Иоанн Асень 2-й, сын Асена 1-го, с 1221 по 1241, или вероятнее по 1245 г., – знаменитейший из государей второго болгарского царства. По его собственным словам и по словам других свидетелей, он владел большею частью Фракии, за исключением Константинополя и ближайших к нему городов, Македонией со включением Солуни и Афонской горы, Фессалией, Албанией и северо-восточной Сербией по Белград включительно. Константинополем и ближайшими к нему городами владели латиняне; но и эти последние были в вассальной от него зависимости: но «и те – говорит он в одной записи – под руку царства моего повиновахуся, понеже иного царя не имеяху, разве мене и мною ради (т. е. мною довольные, подо мною счастливые) дни своя испровожающе бяху, Богу тако повелевшу» (см. статью Даскалова: Открытия в Тернове, в Чтениях Общ. Ист. и Древн. 1859 г., кн. 2, стр. 19). До такого блеска и могущества, хотя блеск был весьма непродолжителен и могущество весьма непрочное, не доходила Болгария даже при самом Симеове. Отзываясь с величайшими похвалами об его личном высокогуманном и благородном характере, византийские летописцы говорят, что он был любим не только своими варварами (болгарами), но даже и ромеями (греками)¹⁵.

5) Калиман или Коломан 1-й, сын предшествовавшего от первой жены (венгерки, почему и имя венгерское), или с 1241 по 1245 г., или в продолжение одного 1245 г., вступивший на престол двенадцатилетним ребенком, ничем неизвестный (*Memor. pop.* II, 732 sqq).

6) Михаил 1-й, брат предшествовавшего от другой жены Асеня (гречанки), – около 1245–1257 гг. Воевал с греками и с сербами, и должен был уступить первым довольно значительную часть завоеваний отца во Фракии и в Македонии (*Memor. pop.* 11, 733 fin. sqq).

7) Калиман (или вероятнее Калиян) 2-й, двоюродный брат предшествовавшего, виновник его смерти; правив весьма недолго, был согнан болгарами с престола¹⁶.

8) Константин, сын Тиха или Теха, происходивший из сословия бояр, избранный последними на место предшественника в 1257–8 году и правивший до 1277 г.; чтобы приобрести некоторое право на владение престолом и причислить себя к прежнему царскому роду, он развелся с своей женой и вступил в брак со внучкой Асеня 2-го по матери, дочерью императора Феодора Ласкаря 2-го (который 1255–1259), почему и называется в грамотах и записях Асенем; в войнах с греками он должен был уступить последним и еще некоторую часть завоеваний Асеня 2-го¹⁷.

9) Кордокува или Лахана (Бордокува неправильно вместо Вордокува, что есть болгарское бръдоква, по-русски брюква; Лахана есть греческий перевод болгарского, λαχανα – овощи, огородные зелия), происходивший из низкого состояния, дерзкий авантюрист или может быть горячий патриот, что по византийцам решить весьма трудно, сначала предводивший толпами гайдуков, отражавших набеги Татар, овладевший престолом около 1277 г. (после того как Константин в происшедшем между ними сражении лишился жизни). Правив весьма недолго, был согнан с престола (в 1279 г.) императором греческим Михаилом Палеологом, который желал посадить своего кандидата, и потом, по проискам того же императора, был убит (в 1280 г.) татарами, к которым отправился было искать себе помощи (Memor. por. II. 764 sqq).

10) Иоанн Асень 3-й (в одной записи 1279 г. Иваил (sic), см. Гласника XX, 245 fin.), внук по матери Асеня 2-го (сын того Мичи, о котором в примеч. 13), достигший власти при помощи названного выше императора греческого Михаила Палеолога (в 1279 г.); после весьма недолгого правления, вследствие опасений за свою жизнь от искавшего престола под ним одного знатного боярина, по имени Тертерия, бежал (в 1280 г.) в Константинополь (Memor. por. II, 768 fin. sqq).

11) Тертерий (Тертер) 1-й. В 1280 г. занял престол после бежавшего Иоанна; в 1293 г., страшась угроз и нашествия хана татарского Ногая, бежал к грекам (Memor. por. II, 783 sqq, 792).

12) Смилец, из болгарских бояр, после бегства Тертериева поставленный в 1291 г. ханом татарским Ногаем, во скоро

согнанный с престола сыном Ногая Чакой (Tzacas) (Memor. por. II, 796).

13) Феодор Святслав (т. е. Святослав, у греков Освентислав)¹⁸ сын Тертерия, поставленный в том же 1294 г. названным выше сыном Ногая и зятем Тертерия – Чакой, который, после поражения его отца ханом Тохтой, бросился с остатками его орды в Болгарию и подчинил ее своей власти. Правил сначала как подручник Чаки, а потом, захватив и убив его, как самостоятельный государь (Memor. por. II, 792 sqq) до 1322 года (ibid. 813 fin.). Воевал с греками и завладел от них несколькими городами, прилежащими с юга к Гему, также приморскими городами Анхиалом и Месемврисй (ibid. 799 fin., 804 § 378, 810 § 388, 804 § 380). Из этих завоеваний его узнаем, что после Константина Тиха болгары лишились всех своих владений во Фракии; а из сербской истории известно, что тогда совсем не были их владений и в Македонии, которая принадлежала частью сербам, частью грекам. (Во время правления Святослава, пытался было завладеть болгарским престолом, с помощью императора греческого, Михаил, сын Константина Тиха, но не успел в своем намерении: Memor. por. II, 794 sqq; вероятно, считая его законным претендентом, греки и после продолжали называть его царем. См. у Григоровича в Путешествии по Турции стр. 73 хризовул импер. Андроника.)

14) Георгий Тертерий 2-й, сын предыдущего, с 1322 по 1324 г. (Memor. por. 813 fin., 817), завоевал у греков провинцию Родопскую и Филиппополь (ibid. 814 § 395).

15) Михаил 2-й, сын деспота или удельного владельца виддинского Срацимира или Шишмана, избранный болгарскими боярами после умершего без наследников Георгия Тертерия (Memor. por. II, 817; см. также Животи кралева и архиепископа српских, изданные Даничицем, Загреб, 1866, стр. 117 sqq). Греки противопоставляли ему, впрочем безуспешно, соперника в лице Воисилы (Βοῖσίλας), сына Тертерия 1-го и дяди Тертерия 2-го (Memor. por. 813, 815, 817, 819); при нем отошла к империи некоторая часть владений Болгарии (ibid. 815 § 397); убит в войне с сербским королем Стефаном Дечанским, с которым враждовал из-за бывшей за ним в замужестве и отвергнутой им

по вступлении на престол для греческой царевны, сестры последнего (Memor. por. II, 838 sqq, Животи кральева, изд. Данич., стр. 178 sqq), в 1330 г. (Monumenta Serbica Миклошичар. 100).

16) Стефан Шишман, сын предшествующего от первой жены его, дочери сербского короля Стефана Милутина или Уроша 2-го; возведенный на престол дядей, названным выше Стефаном Дечанским, и управлявши недолго под опекой матери, был прогнан болгарами (в 1332 г. См. Животи кральева, изд. Данич., стр. 195 sqq, Memor. por. II, 840 sqq, 852 fin. sqq).

17) Иоанн – Александр, племянник Михаила 2-го, сын деспота (вероятно, также виддинского) Срацимира (Memor. por. II, 842 и в помянутом выше синодике Бориса стр. 13), возведенный на престол, после изгнания предшествующего, в 1332 г. (ibid.), возвратил от греков утраченное болгарами после смерти Михаила (ibid. § 435 fin.) и владел северной Фракией по Филиппополь включительно (Ibid. 866 § 465); был жив в 1359 г. и умер, как кажется, после 1364 г., именно, если верить одному довольно вероятному показанию, в 1371 году¹⁹.

18) Иоанн Шишман и Иоанн Срацимир, сыновья Иоанна – Александра, последние болгарские цари, управлявшие разделенною на двое страной одновременно и владевшие – первый Терновом и восточной Болгарией с остававшеюся за государством частью Фракии, – второй Виддином и Болгарией западной²⁰.

Не задолго перед тем явившиеся в Европе турки быстро совершали свое завоевание Балканского полуострова, и болгарскому царству первому суждено было пасть под ударами их оружия, что и случилось при сейчас названных государях.

Ближайший к занятой турками средней Фракии, Иоанн Шишман впервые подвергся их нападению при самом начале своего правления (в 1371–72 г.). Успев на этот первый раз спасти себя от них тем, что уступил им часть своих владений, признал себя их подручником и отдал в замужество султану (Амурату) свою сестру; он держался было потом на престоле более двадцати лет²¹. Но наконец он снова привлек на себя страшное оружие, и в 1393–94 г., после взятия столицы

государства Тернова и низложения его самого, царство его окончательно прекратило свое существование²².

Область Срацимира, загороженная дотолем владениями Шишмана, была покорена в непродолжительном времени после сих последних; именно – Виддин был взят султаном в 1398 г., т. е. на четвертый или на пятый год после взятия Тернова²³.

Первые государи болгарские, будучи предводителями кочевой орды, имели свое пребывание не в каком-нибудь городе, а подобно нашим ханам монгольским в ставках переносного аула. Переселение из шатра под кровлю дома имело место не ранее того, как из кочевых болгар они превратились в оседлых славян, что случилось после Крума, который жил еще в ауле (Метог. рор. II, 536, 538), около времени Мортагона, сыновья которого носят уже славянские имена (см. выше).

После этого в период первого царства до покорения предбалканской Болгарии Цимисхием, столица была в Преславе, находившейся недалеко от нынешней Шумлы; после Цимисхия до Василия Булгаробойца, в Болгарии македонской, она была переносима из города в город, – сначала была в Пресне, потом в Битоле (Метог. рор. II, 623 и 636) и наконец не задолго до падения царства перемещена была в Ахриду. В период второго царства с самого начала и до конца столицей был существующий до настоящего времени город Тернов.

Не все славяне Балканского полуострова были покорены во второй половине седьмого века болгарами, но все они в последствии приняли одно общее имя болгар. Нынешнее расселение их на полуострове, которого они занимают большую часть, см. на приложенной карте. Так как в Турции вовсе не производится точных переписей, подобных нашим ревизским, то общее число болгар в настоящее время сколько-нибудь достоверным образом вовсе неизвестно, и определяется так сказать на глазом, по заключениям от занимаемого ими пространства, одни считают их от 4½ до 5 миллионов, другие от 7 до 7½.

Обращение болгар в христианство

1. Начатки христианства до Бориса

Славяне, обитавшие в Дакии, как говорили мы выше, начали переселяться в Мизию и другие задунайские области империи с конца четвертого или с начала пятого века. Те племена этих славян, которые заняли именно Мизию, прежде чем покорены были болгарами (в 678 г.), довольно долгое время – в продолжение трех или двух с половиной веков – находились в зависимости от греков. На этом основании следует думать, что первое распространение христианства между славянами Мизии, позднейшей Болгарии, имело место еще в период времени, предшествовавший прибытию в нее болгар. Правда, что тогдашние греки нисколько не исполнены были ревности к делу апостольского проповедничества и что, не имея за сим своекорыстных побуждений к пропаганде в той идее всемирного духовного господства, которая уже одушевляла тогда латинян, они водились по отношению к славянам единственно чувством отвращения в ним, как к варварам. Но христианство должно было распространяться между славянами Мизии, как и большею частью других славян полуострова, несмотря и на всю незаботливость об этом со стороны самих греков. Есть известия, что уже в пятом веке славяне поступали на службу империи, в ее войска (таково известие об императоре Иустине). С первой половины шестого века мы находим их в византийской армии целые огромные толпы²⁴. Обращение в христианство, конечно, не было поставляемо условием принятия на службу, потому что не столько искали ее славяне, сколько старались искать и вербовать их на нее греки; но эти полки, набранные из славян-язычников, были помещаемы на житье в греческих христианских городах, и продолжительное обращение с жителями сих последних необходимо должно было приводить к тому, чтобы более или менее значительное количество славян-солдат принимали христианство. В десятом веке между нашими киевскими русскими, служившими в Константинополе, мы видим

целые отряды или роты, составленные из одних крещенных (Constant. Porphyrog. De ceremon. aulæ Byzantinæ, ed. Bonn., p. 579 fin.): нет сомнения, что то же самое было относительно успехов христианства прежде них и с славянами мизийскими, служившими в войсках империи. Но эти крещенные солдаты, возвращаясь со службы в свои деревни, должны были распространять христианство в своих семействах. Бесспорно, что подобные проповедники, несмотря на всю свою многочисленность, не могли иметь быстрых и больших успехов и что самое христианство в их проповеди не могло быть слишком чистым или совершенно подлинным. Тем не менее однако ж было бы несправедливо не придавать всему этому и совершенно никакого значения. Если каждый славянин-солдат, возвращавшийся на родину христианином, приобретал христианству еще только одного нового члена, то в общем итоге должно было составляться количество хотя и не очень значительное, но с другой стороны и не вовсе ничтожное. Что касается до внешнего существования христианства у славян мизийских в это первоначальное или доболгарское время – были или не были у них храмы и священники, то ничего этого неизвестно. С первого взгляда представлялось бы вероятнейшим думать, что они не имели еще ни тех, ни других; но если наши киевские христиане времен Игоря, несмотря на свою сравнительную малочисленность и несмотря на весьма большую сравнительно трудность получать священников, имели и храмы и священников, то в виду этого примера мы более склонны думать, что храмы и священники были и у славян мизийских²⁵, хотя вероятно и в весьма ограниченном числе.

В 678 г. болгары покорили Мизию с обитавшими в ней славянами и основали в ней свое государство. О положении христианской веры в новом государстве мы не имеем никаких сведений до начала девятого века. Относительно победителей болгар самое вероятное есть то, что во все это время неизвестности она оставалась совершенно им чуждою и нисколько не имела между ними прозелитов. Нет никаких прямых указаний и нет никаких оснований предполагать, чтобы приходили к ним греческие миссионеры; тем путем, о котором

говорили мы выше, христианство также и могло между ними распространиться, потому что из собственного государства они не ходили служить в войсках чужого. Таким образом, единственными проповедниками между ними христианства могли быть только побежденные ими славяне; но, во-первых, это были проповедники слишком мало способные к проповедничеству сколько-нибудь настоящему, каковое требовалось для успеха не между своими домашними; а во-вторых, проповедь их слова и примера, прежде чем победители их не слились с ними в один народ и не утратили своего к ним пренебрежения, во всяком случае не могла иметь особенного успеха. Относительно побежденных славян мы, наоборот, думаем, что господство болгар вовсе не подавляло бывших у них начатков христианства. Отличались ли не отличались болгары веротерпимостью, по христианство их подданных славян еще не имело ни такой внешней организации, ни такой внешней обстановки, чтобы сколько-нибудь резко выставляться на вид и чрез то привлекать на себя особенное внимание; а поэтому всего вероятнее, что болгары просто вовсе не замечали его существования. Если же и замечали, то христианство это, будучи в тесных семейных кругах содержимо и наследуемо, но не будучи открыто распространяемо, еще не заявляло себя с истинным своим характером веры враждебной всем другим верам; а вследствие сего, как никому и ничему не грозившее, оно еще не могло подвергаться гонению даже и в этом последнем случае.

Положительные сведения о христианстве в Болгарии, как мы говорили, начинаются с начала девятого столетия. В первых годах второй половины этого столетия последовало всеобщее крещение страны; но прежде чем принимать новую веру по собственной воле, государи болгарские содействовали ближайшему приготовлению к ней народа против своего желания и намерения. Страшный бич империи Крум, не довольствуясь опустошением областей и разрушением городов греческих, обыкновенно захватывал и уводил в плен всех жителей завоеванных местностей, и в продолжение последних четырех лет своего правления, ведя непрерывную и постоянно

счастливую войну с греками, переселил их такое неизсчетное множество, что должен был переполнить ими всю Болгарию²⁶. Эти-то, наполнившие всю страну, греческие пленники и сделались проповедниками в Болгарии христианства. Проповедь должна была идти тем успешнее, что, с одной стороны, между пленными вместе с двумя епископами было весьма большое число проповедников по долгу и призванию – священников, а с другой стороны – что весьма значительную часть их составляли единоплеменные и единойзычные с большинством населения Болгарии славяне, – сельское население северной Фракии, из которой выведена была Крумом наибольшая часть его пленников, состояло почти исключительно из одних славян, и эти славяне, быв с самого времени поселения не просто мало зависимыми данниками, а настоящими подданными империи, нет сомнения, уже все давно были обращены в христианство. Преемник Крума Мортагон, заметив быстрое распространение христианства в своем народе и опасность, грозящую язычеству, хотел остановить успех проповеди мерами преследования: епископа адрианопольского Мануила «и иных многих, обвиненных в том же» (слова Конст. Порфир.), т. е. в распространении христианства, он приказал предать смерти²⁷. Но известно, что гонениями скорее достигается противоположная цель нежели та, которая имеется в виду, потому что они возбуждают ревность проповедников и последователей гонимой веры. Терпя неудачи в войнах с греками, Мортагон был потом принужден возвратить им Крумовых пленников (Memor. por. II, 564), и таким образом проповедники христианства оставили Болгарию; но, во-первых, в продолжение пяти или шести лет пребывания они имели время совершить свое дело настолько, что в дальнейшем существовании оно могло быть предоставлено уже и самому себе; во-вторых, была выведена большая часть пленников, но не безусловным и буквальным образом все, – из бывшей сотни тысяч их осталось в Болгарии, вероятно, не одна сотня единиц, и между этими оставшимися, как дают знать последующие известия (о монахе Феодоре Куфаре), были люди и из числа наиболее способных к продолжению проповеди. Насколько

вообще успело распространиться и утвердиться христианство в Болгарии при Круме и Мортагоне, положительным образом неизвестно; но по весьма вероятному показанию одного из византийских повествователей «многие (из болгар) привлечены были к истинной Христовой вере и во многих местах (их страны) посеяны были семена христианского учения» (Константин Порфириог. в *Vita Basilii*, ed. Paris, p. 136, у Ассемана в *Kalendaria* II, 353).

Не знаем, до какой степени заслуживают веры слова архиепископа Феофилакта, но в своем сказании о тивериупольских мучениках он утверждает, что еще прежде крещения Бориса имел место случай обращения в христианство членов болгарского княжеского дома. Он рассказывает, что между пленниками, выведенными Крумом из Адрианополя, был некто Кинамон, юноша прекрасный телом и душою. Доставшись при разделе добычи сыну Крума Омбритагу (так называет Феофилакт Мортагона других византийцев), Кинамон весьма любим был князем и всеми его окружающими, но только последних сильно печалило, что он был не одной с ними веры, и поэтому князь употребил все убеждения, чтобы заставить его отказаться от христианства. Несмотря ни на что, юноша остался непреклонно тверд, и отвечая князю на его увещания проповедью о Христе и укоризнами бездушным идолам, наконец так разгневал его, что тот приказал возложить на мужественного исповедника жестокие раны, а потом бросить в темницу, в которой и оставался Кинамон до смерти Омбритага. После Омбритага остались три сына – Енработа, Звеница и Маломир, и престол отцовский наследовал младший между братьями – Маломир. Енработа, который иначе назывался Бойном, вспомнив «по божественному вразумлению» о Кинамоне, послал к Маломиру просить, чтобы он отыскал и прислал к нему узника; и когда тот исполнил его просьбу, то представший пред князя Кинамон скоро успел убедить его в истинности христианства, и князь решился отречься от идолов и принять крещение. Правитель всей страны Маломир, когда узнал о крещении брата, призвал его к себе и потребовал, чтобы он возвратился к вере отцов, угрожая в противном случае

смертной казнью. Но Енработа хотел лучше умереть за Христа, чем отречься от Него, почему и действительно запечатлел свое исповедание мученической смертью (*Historiæ martyrii XV martyrum* § 29 в Патрол. Миня т. CXXIV, стр. 191 sqq).

2. Крещение Борисом всего народа

Чрез пятьдесят лет после невольного распространителя христианства в Болгарии Крума последовало добровольное обращение к христианству всей страны, совершившееся при князе Борисе.

Древних сказателей, повествующих о крещении болгарского государя, мы имеем с излишком достаточное количество; именно – о событии говорят, во-первых, все писавшие о данном времени византийские летописцы и некоторые из частных византийских повествователей, – во-вторых, многие из летописцев западных Франко-немецких, и в-третьих – большая часть легенд о Константине и Мефодии. Но, к сожалению, в этом множестве сказателей весьма мало повествователей современных и достоверных, а большую часть позднейшие, которые или сами выдумывают что им нравится, или повторяют чужие готовые измышления. Относя нарочитую речь о них в примечание²⁸, мы здесь ограничимся только передачей самых результатов, которые получены нами из их взаимного сличения и вообще изучения.

Прежде всего, вопреки почти общепринятому мнению, должно быть признаваемо за несомненное, что не принимали никакого участия в обращении болгар к христианству первоучители славянские Константин и Мефодий, ни оба вместе, ни который-нибудь в отдельности²⁹. Равным образом, и рассказ о том, будто Борис решился принять христианство, быв поражен зрелищем написанной для него картины страшного суда, хотя бы даже написавшего картину живописца Мефодия и не считать за Мефодия брата Константинова, должен быть признаваем не более как за позднейший вымысел, принадлежащий тому самому византийцу, который первый его сообщает³⁰. Не знаем, до какой степени заслуживает веры рассказ византийского летописца о сестре Бориса, которая, быв

взята греками в плен и быв крещена и наставлена ими в христианской вере, после того как возвратилась домой, настоятельно увещевала брата к принятию христианства³¹. Может быть рассказ этот и действительно справедлив, и поэтому увещания сестры может быть и действительно имеют некоторое значение в событии обращения Бориса к христианству. Но как бы то ни было, во всяком случае необходимо думать, что государь болгарский решился оставить язычество и вознамерился принять христианство главным образом не вследствие чьих-нибудь увещаний и не проповеди перед ним каких-нибудь проповедников, а по своему собственному, добровольному и непосредственному решению; что при этом первоначальным побуждением для него (подобно тому как и для крестителя Руси Св. Владимира) служило не столько непосредственное убеждение в ложности язычества и истинности христианства, сколько сознание государственной необходимости, оставив свою прежнюю веру, принять веру своих соседей, или – одним словом – что его решимость переменить веру первоначально исходила не столько из побуждений непосредственно религиозных, сколько государственно-политических³².

Каждый из новых европейских народов рано или поздно, но необходимо должен был принять христианство, потому что это было условием, без которого ни для одного из них невозможно было сделаться действительным членом общей семьи этих народов, – и вот сознание именно этой-то необходимости и было для государя болгарского побуждением отказаться от своего язычества, которое было отдельною верою только его народа, и принять христианство – общую веру остальных народов Европы³³. Сознание не являлось у предшественников Бориса, потому что могло явиться не вдруг. Первые государи болгарские, быв предводителями дикой кочевой орды, думали только о хищнических набегах на своих соседей, и живя в аулах, не могли еще помышлять о том, чтобы ввести свое государство в общий состав европейских государств. Но время шло своим неизбежным чередом, вожди кочевых наездников превратились мало-помалу в настоящих государей, и – как государство

европейское – Болгария скоро или не скоро, но неизбежно должна была стать засим государством христианским, и след. рано или поздно, но необходимо должен был явиться государь, который бы сделал то, что сделал Борис. Пробуждению и развитию великих, подобно как и малых, мыслей содействуют разные частные обстоятельства и условия. Имея крайне скудные сведения о жизни первого христианского государя болгар, мы не можем сказать с уверенностью, какие именно обстоятельства содействовали пробуждению в Борисе его мысли и решимости сделать этот шаг, необходимо требовавшийся для того, чтобы окончательно ввести свое государство в круг европейских государств, т. е. принять христианство. С самого времени вступления на престол, Борису довелось войти в близкое и тесное общение с государями христианскими и принять участие в их делах, – именно, желая пользоваться оружием болгар против моравов, постоянно искал союза с государем болгарским король немецкий³⁴: мы думаем, что это обращение с государями христианскими и содействовало главным образом пробуждению в Борисе решимости принять христианство, поскольку на опыте могло показать ему всю необходимость этого дела для действительного и окончательного вступления в семейство государей европейских. Есть довольно достаточные основания полагать, что Борис также и прямо увещеваем и побуждаем был к этому самым королем немецким³⁵.

Решившись принять христианство, государь болгарский затем должен был решить для себя честнейший вопрос: от кого именно взять его, т. е. с кем именно вступить чрез него в ближайшее политическое общение – с греками или с западными латинянами. Первоначально он хотел было принять христианство от латинян, чрез посредство немецкого короля³⁶; но потом, вероятно, не найдя выгодными для себя условия, предложенные королем, и усмотрев могшую произойти от слишком тесного сближения с немцами опасность для своей страны, он переменял свои мысли. К грекам обратили Бориса случившиеся обстоятельства. Болгарию постиг страшный голод: ища оружием и военным грабежом добыть себе хлеба, а также

может быть желая приобрести себе и более плодородные поля, болгары сделали вторжение в пределы империи. Нападение было успешно; но когда собравшиеся отразить его греки предложили мир и – как нужно подразумевать – согласились удовлетворить предъявленным требованиям, государь болгарский принял мир, и при этом-то случае и изъявил желание обратиться с своим народом в христианство³⁷. Не видно по существующим источникам, сам ли первый изъявил Борис желание принять христианство, или заставил предлагать себе это греков; вероятнее последнее, чем первое, т. е. вероятнее, что государь болгарский, хотя и имел намерение принять христианство, заставил просить себя об этом греков, чтобы таким образом выговорить как можно более выгодные для себя условия при заключении мира.³⁸ – Так принял Борис от греков христианскую веру. Что касается до частных обстоятельств его крещения, то, по словам единственного, сообщающего известия о таковых обстоятельствах, византийского летописца³⁹, решившись креститься тотчас же, на самом месте мирных переговоров, он крещен был в присутствии самого императора (Михаила III), который был его крестным отцом и нарек его в христианстве своим собственным именем. Есть основания полагать, что и совершителем таинства крещения был сам константинопольский патриарх, которым был тогда знаменитый Фотий⁴⁰.

Возвратившись домой, Борис немедленно приступил к крещению своих подданных. Но если сам он сознавал необходимость для своего народа в принятии христианства, то еще далеко не разделяли этого его убеждения и все его бояре. Многие из числа сих последних, после того как принуждены были креститься, составили против него заговор с целью убить его и возвести на его место другого – язычника; выбрав время, они явились, к великокняжескому дворцу для исполнения своего замысла в сопровождении огромной толпы возбужденного ими простого народа. Дело впрочем, кончилось тем, что Борис, неустрашимо явившись среди бунтующих в сопровождении немногих оставшихся ему верными бояр, успел тотчас подавить восстание, после чего с неумолимой

строгостью казнил его зачинщиков (приказал умертвить не только самих виновных, но и всех их детей, т. е. совсем истребил их дома). После этого мы не имеем дальнейших – разумеет, достоверных – известий о распространении христианства в Болгарии: сам Борис в послании к папе Николаю говорит, что им крещены были все подданные еще прежде сейчас упомянутого восстания бояр; но если тогда приказ его был исполнен не всеми, то нет сомнения, что все спешили исполнить его теперь, видя этот пример неумолимой строгости, показанный над бунтовщиками; и так. обр. следует думать, что вся Болгария была крещена в самое непродолжительное время после крещения самого князя⁴¹.

Что касается до года крещения Борисова, то он пока может быть указан не с совершенной, а только с некоторой определенностью. Положительным и достоверным образом в настоящее время пока известно, во-первых, что Борис оставался язычником не менее как до 864 года, – во-вторых, что он крестился или в сем 864 году или в начале следующего 865-го⁴².

3. Отпадение болгар от греков к папе и возвращение от второго к первым

В весьма непродолжительном времени после крещения, Борис отложился от греков, своих крестителей, и обратился к римскому папе.

На вопрос о причине этого поступка ученые отвечают, что, находясь в церковной зависимости от слишком близких соседей, Борис опасался утратить государственную самостоятельность⁴³. Но если тут разумеют вообще какую бы то ни было Форму церковной зависимости от греков, то ответ будет несправедлив; если бы это было так, то Борис уже и после никогда не захотел бы возвратиться к грекам, между тем как он возвратился весьма скоро. Действительно, государя болгарского заставила обратиться от греков к папе церковная зависимость, но не вообще какая бы то ни было, а именно зависимость в той ее Форме, в какой греки хотели было

установить ее первоначально. Во-первых, не подлежит никакому сомнению, что, в видах господства над болгарами, греки первоначально не хотели дать болгарам своего собственного отдельного митрополита; а во-вторых, с весьма большою вероятностью следует думать, что, в слишком усердных стараниях об этом господстве, они не хотели дать им не только своего митрополита, но даже и своих епископов, и полагали ограничить их одними священниками⁴⁴: и вот нежелание состоять в подобной, действительно опасной для самостоятельности государства, церковной зависимости от кого бы то ни было и заставило Бориса обратиться к папе. Не получая удовлетворения своим требованиям от греков, Борис имел полное основание рассчитывать на большую податливость со стороны папы, потому что папа должен был оказаться податливым за тем, чтобы привлечь его на свою сторону от греков.

Посольство от Бориса к папе прибыло в Рим в августе месяце 866 года⁴⁵. Чего именно государь болгарский просил от папы на этот первый раз, ясно не видно. Как кажется, не прося отдельного митрополита или архиепископа, пока он просил только епископов; а что касается до первого, то только еще спрашивал, имеют ли болгары право получить его, при чем, расширяя на всякий случай вопрос, спрашивал, что если имеют право получить митрополита, то не имеют ли права получить даже и своего особого патриарха⁴⁶. Одновременно с папой, Борис отправил посольство к своему союзнику королю немецкому, прося у него также епископа и священников⁴⁷. Папа решил дать болгарам на первый раз одного епископа для всей страны⁴⁸; на вопрос о патриархе и митрополите отвечал, что ничего не может сказать, пока не возвратятся к нему и не донесут ему о состоянии у них христианства его легаты, которых он к ним посылает, — что в последствии времени, когда у них будет открыто несколько епископских кафедр, без всякого сомнения, могут они надеяться получить если не патриарха, то архиепископа⁴⁹. Для принятия Болгарии во власть папы, для обозрения в ней христианства и утверждения католичества и для поставления епископа посланы были из Рима, в ноябре

того же 866 года, два епископа – Павел популонский и Формоз портуенский⁵⁰. Так как болгары вместе с своей главной просьбой об епископах прислали папе целый свиток разного рода церковных вопросов, то папа послал им с своими легатами ответы и на эти их вопросы⁵¹.

По прибытии в Болгарию, папские легаты, как узнаем из свидетельства, патр. Фотия, немедленно приступили к утверждению в ней учения и обычаев латинских вместо православных, – заставляли читать символ с прибавлением *Filioque*, отвергая миропомазание священническое, снова миропомазывали, предписывали держать пост в субботу, внушали отвращаться, как недостойных, священников женатых и пр.⁵²

В непродолжительном времени после первого посольства к папе, Борис прислал к нему второе (в конце 867 г.). Решившись присоединиться в латинской церкви, он прогнал от себя всех чуждых, т. е. греческих священников, и поэтому просил папу, чтобы на место удаленных были присланы священники из Рима. Затем он просил, чтобы ему поставлен был в архиепископы один из находившихся в Болгарии папскими легатами епископов, именно Формоз портуенский⁵³, – позднейший судебный приговор над Формозом, не знаем насколько справедливо, говорит, что он до такой степени успел вкратиться в расположение болгарского государя, что взял с него клятву не просить себе в архиепископы никого другого, кроме него⁵⁴. Исполняя первое требование Бориса, папа немедленно собрал к себе большое число священников и выбрав между ними достойнейших послал их в Болгарию; с священниками послал двух епископов (Доминика тривенского и Гримоальда полимартуенского). На просьбу о поставлении в архиепископы болгарские Формоза папа отвечал, что Формоз не может быть поставлен, так как он уже имеет свою епархию и не должен быть с нее переводим, а что пусть государь изберет в кандидаты на архиепископию и пришлет для поставления в Рим кого-нибудь из посылаемых к нему священников (эти священники с названными выше епископами были избраны

папою Николаем I, но после его смерти, случившейся 13 ноября 867 г., посланы были его преемником Адрианом II)⁵⁵.

Ответ папы относительно архиепископа не удовлетворил Бориса, и он послал в Рим третье посольство (во второй половине 869 года)⁵⁶. Получив отказ в Формозе, Борис хотел иметь своим архиепископом не иначе как кого-нибудь из лучших лиц римского клира, и требовал с этим новым посольством, чтобы поставлен был в архиепископы или лично и хорошо известный ему диакон Марин (Борис узнал Марина, когда этот, быв в числе легатов, посланных в 866 г. в Константинополь вместе с легатами, посланными тогда к самому Борису, шел через Болгарию), или кто-нибудь из достойных занять кафедру архиепископскую римских кардиналов. Но и на этот раз, по странному, или лучше сказать счастливому для православия, упрямству папы, дело не могло кончиться чем-нибудь. Отказав в Марине, потому что он послан был легатом в Константинополь (т. е. это в другой раз, – вместе с епископами Донатом остиенским и Стефаном непезинским он послан был в июне или июле 869 г.), папа избрал в архиепископы и послал в Болгарию какого-то иподиакона Сильвестра. Немедленно воротив этого Сильвестра, Борис снова настоятельно просил, чтобы дан был или Марин или Формоз. Ничего не отвечая о двух сейчас названных и не посылая от себя никакого другого кандидата, папа отвечал государю, что охотно поставит в архиепископы всякого, кого бы сам он ему ни указал⁵⁷. Но последний уже не хотел более терпеть подобных проволочек...

Нет сомнения, что болгары скоро или не скоро, но все-таки возвратились бы от папы к грекам и от латинства к православию: крайне странное поведение папы сделало то, что они возвратились весьма скоро. Греки, желавшие через церковь как можно более подчинить себе болгар в отношении политическом, первоначально не хотели дать им епископов; но когда, вместо ожидаемого, возможно бóльшего, подчинения, следствием этого оказалось совершенное отпадение от них болгар, они увидели себя в необходимости уступить: теперь они начали употреблять всевозможные усилия, чтобы, отвлекая Бориса от папы, заставить его принять архиепископа от них⁵⁸.

Несмотря на все свои старания, может быть они успели бы в этом не вдруг; но, быв раздосадован папой, Борис решился внять их настоятельным приглашениям. Тот же самый посол, который принес от папы его последний, по-прежнему неудовлетворительный, ответ, немедленно по своем возвращении (в начале следующего 870 г.)⁵⁹ был отправлен Борисом в Константинополь, где и договорено было о возвращении болгар под церковную власть греков⁶⁰. После этого патриарх константинопольский (Игнатий), поспешил назначить в Болгарию архиепископа и потребное число епархиальных епископов, а Борис тотчас же прогнал из нее латинское духовенство⁶¹.

Так кончилось это непродолжительное господство в Болгарии латинян, которое, нет сомнения, и вовсе не имело бы места, если бы не до такой степени неразумия были своекорыстны расчеты византийской политики. Что касается до пап, то они долго старались снова получить страну в свою власть, грозно требуя е уступки от греков и настоятельно убеждая к возвращению под кров св. седалища самого Бориса⁶²; но все их усилия были совершенно напрасны: государь болгарский, в воле которого было тут все дело, более не хотел их власти. С 870 г., в котором греки дали болгарам своего архиепископа и епископов, страна их навсегда осталась православною. В последствии времени был один случай, что болгары, вынуждаемые своими государственными обстоятельствами, решились принять приглашение папы вступить с ним в церковный союз, но уже никогда более дело не доходило до того, чтобы являлось в Болгарию проповедовать свое учение и вводить свои церковные обычаи латинское духовенство.

Первоначальная решимость Бориса принять христианство, как мы говорили, исходила из побуждений не столько непосредственно религиозных, сколько политических. Но приняв христианство, он стал самым искренним и самым усердным христианином (в этом случае опять совершенно подобно нашему Св. Владимиру). Летописец западный, но дошедшим даже до его земли слухам, говорит о необыкновенном

благочестии новокрещеного Бориса, что днем он являлся перед народом одетый в царские одеяния, а ночью надевал вретище и входя в церковь распростирался на помост церковный для молитвы⁶³; а туземный свидетель архиепископ Феофилакт говорит, что его святая жизнь запечатлена была после его смерти многими чудесами от его телесных останков⁶⁴. Пробыв на великокняжеском престоле 36 лет и ненарушимо блюдши вовсе это время, данное грекам при принятии христианства, обещание содержать с ними братский мир Борис хотел провести последние годы своей жизни в подвигах уединенного благочестия; поэтому, передав бразды правления своему старшему сыну, он принял монашеское пострижение.⁶⁵ После немалых лет, проведенных в монашестве, он скончался в 907 году⁶⁶.

Русский летописец о просветителях Руси христианством – Св. Владимире и его сыне Ярославе говорит, что как бывает в земледелии, что один разорет землю, а другой засеет ее, так и Владимир взорал и умягчил, то есть крещением просветил, а Ярослав насеял книжным учением сердца верных людей. Совершенно то же было прежде Руси в Болгарии: после Бориса, который крестил ее и утвердил в ней христианство внешним образом, она имела Симеона, который с величайшим усердием заботился, чтобы в переводах с греческого дать новокрещеным все нужное для них учение книжное, и таким образом сделать возможным утверждение в них христианства и внутреннее. Просветительной деятельностью Симеона завершается история введения и утверждения христианства в Болгарии.

Мы говорили выше, что Константин и Мефодий должны быть считаемы не принимавшими никакого участия в обращении болгар к христианству. Когда болгары заимствовали из Моравии, совершенный первоучителями в сей последней стране, перевод богослужебных книг на славянский язык? Точного ответа на этот вопрос, к сожалению, не может быть дано. С одной стороны, необходимо думать, что еще при самом Борисе, а не после него при Симеоне, потому что если по чему-нибудь сами болгары медлили заимствованием, то во всяком случае принесли к ним славянские книги перешедшие из

Моравии в Болгарию некоторые ученики Константина и Мефодия; а это последнее было еще при первом из государей, а не при втором. С другой стороны, нужно думать, что при Борисе не ранее как уже после 870 г. или воссоединения болгар с греками, потому что если бы ранее, то по тогдашним обстоятельствам болгар это непременно должно бы стать нам известным, и что таким образом по крайней мере до 870 г. болгары принуждены были молиться, находясь под властью греков, на греческом, а находясь под властью папы – на латинском языке⁶⁷. Позволив его особым исключительным обстоятельствам сделать славянский перевод богослужебных книг для моравов, греки в действительности смотрели на него почти теми же самыми глазами, как и латиняне; поэтому не может подлежать сомнению, что появление славянских книг в Болгарии они встретила весьма недружелюбно; но кроме тех бессильных порицаний которые передает нам черноризец Храбр, они не имели против них в своем распоряжении никаких более действительных средств.

Болгарская иерархия

1. Архиепископия-патриархия первого царства и времен греческого ига. 870–1185

Мы уже говорили выше; что болгары получили от греков своего особого митрополита или, как он называется в известиях, архиепископа не при самом своем обращении в христианство, а после возвращения от папы в 870 г.

Так как на просьбу о патриархе был получен решительный отказ и от самого папы, то Борис по необходимости принужден был удовольствоваться подчиненным патриарху константинопольскому архиепископом⁶⁸. Но преемники его не оставляли его замысла, и сначала провозгласили своего архиепископа патриархом без спроса и помимо греков, а потом добились некоторого призвания его в этом сане и от сих последних.

Архиепископы-патриархи первого царства и времен греческого ига

Известный в настоящее время, не совсем полный, ряд архиепископов-патриархов болгарских до 1185 г. есть следующий:

1) Иосиф, первый архиепископ, данный греками Борису, как об этом сообщает одно современное и достоверное болгарское сказание⁶⁹. Неизвестно, с чьих первых слов и на каком основании, многие из старых и новых исследователей утверждают, что болгарский архиепископ, поставленный патриархом Игнатием после собора 869–870 г., был Феофилакт, но этот Феофилакт или просто вымышлен, или явился вследствие смешения с знаменитым Феофилактом позднейшим⁷⁰. Архиепископ, поставленный патриархом Игнатием после собора 869–70 г., был первый болгарский архиепископ, и следовательно он был не кто иной, как сей Иосиф.

2) Георгий. Об этом Георгии читается в письме папы Иоанна VIII к Борису от 16-го апреля 878 года (у Миня в Патрол.

т. 126, стр. 760, cfr Jaffe Regesta № 2357). В письме он называется просто епископом; но что он был архиепископ болгарский, видно из того, что он поставлял (как говорится в самом письме) болгарских епископов.

3) Агафон, сомнительный. Между архиереями, заседавшими на константинопольском соборе 879–80 года, в ряду митрополитов упоминается Ἀγαθὸν Μοραΐων – Агафон моравский (см. Lequien'a Oriens II, 289, Ассемани Kalendaria III, 138; в издании актов соборных в Τοῦμοσχαρῆς патр. Досифея, стр. 34 нач. – Μορράβων; в ряду присутствовавших на соборе он поминается между митрополитами навпактским и диррахийским, на 55 месте общего счета всех митрополитов). Что под Моравами тут не может быть разумеема страна – Святополкова Моравия задунайская, а должен быть разумеем город Балканского полуострова, это не подлежит сомнению, потому что, как положительно известно, в 879 г. архиепископ Моравии был не Агафон, а Мефодий первоучитель, и она была подведена не патриарху константинопольскому, а папе римскому. Если не ошибка в известных в Настоящее время списках деяний соборных, то городов Балканского полуострова, носивших требуемое имя, известен только один; это именно город, который у летописцев византийских вместо τῶ Μοραΐα называется τὸ Μοραΐον и который лежал при впадении соединенной Моравы в Дунай, что в нынешнем княжестве сербском⁷¹. Так как этот город Моравы или Морав находился в черте тогдашних владений болгарского государства, то представлялось бы думать, что присутствовавший на соборе митрополит его был не кто иной, как болгарский архиепископ; но мы с своей стороны не считаем этого вероятным. Правда, что у болгар и в последствии кафедра архиепископа была не в одном и том же городе с столицей государства; но чтобы она могла быть Первоначально учреждена в городе, который находился от этой последней в таком крайнем отдалении, а между тем совершенно ничем особенным не был замечателен, это представляется нам чрезвычайно сомнительным. Дело очень легко может быть объяснено иным образом. Город Морав находился на берегу Дуная; но так как нам известно несколько

примеров других прибрежных городов (Месемврии и Анхиала на Черном море, Диррахия на Адриатическом), что, найдясь в черте владений болгар, они оставались за греками (по причине решительного превосходства их над болгарскими в морском военном деле), то и о нем есть полная возможность думать, что в 879 г. он принадлежал еще не первым, а последним. А таким образом и об архиерее его, заседавшем на соборе сейчас указанного года, весьма возможно думать, что он был не архиепископ болгарский, а митрополит греческий (если бы в Мораве действительно находилась некоторое время кафедра болгарского архиепископа, то, по перенесении ее в другое место, в нем, конечно, была бы учреждена взамен ее кафедра епископская; но положительно известно, что после времен Бориса между епархиями болгарской архиепископии не было епархии моравской, см. ниже. В фульдской летописи под 873 г. говорится, что приходил к королю немецкому послом от императора константинопольского архиепископ или митрополит Агафон: если считать этого Агафона, как все считают, за одно и то же лицо с нашим, то по хронологическим данным будет следовать, что он не был архиепископ болгарский).

4) Леонтий.

5) Димитрий.

6) Сергий.

7) Григорий.

Всех четверых поминает в приведенном порядке, как болгарских патриархов, болгарский соборно-недельский синодик (читавшийся при так называемом соборовании в первую неделю вел. поста), дошедший до нас с последними записями начала пятнадцатого века, но первоначально написанный при царе Бориле или Борисе III-м в 1210 г. (напечатан г. Палаузовым в 21 кн. Временника *Общ. Ист. и Древн.*, стр. 14). Синодик не указывает времени их жизни; но они должны быть поставлены именно здесь, потому что дальнейшие патриархи-архиепископы первого царства, бывшие родом из болгар (а не из греков), за каковых необходимо должны быть принимаемы записанные в синодике, нам известны, как это с вероятностью следует думать, в непрерывном порядке, и остается в других источниках

пробел относительно именно данного промежутка времени. Мы полагаем, что синодик называет их патриархами непроизвольно, а потому, что они действительно так именовались и таковыми были. О непосредственном преемнике или одном из ближайших преемников последнего между ними мы имеем известие, что он был признан в сане патриарха властями греческими: зная крайние медлительность и неохоту, с которыми греки удовлетворяли подобного рода требованиям, мы думаем, что болгары, прежде чем успели добиться их признания, сами провозгласили своего архиепископа патриархом (подобно тому, как в последствии сделали это сербы). Этот решительный поступок, по всей вероятности, принадлежал не самому Борису, а его второму преемнику Симеону. В намерении совершенно сравнять себя с царями или императорами византийскими приняв тот же самый титул царя или императора, Симеон, действительно, не мог терпеть, чтобы церковь болгарская оставалась по-прежнему при простом архиепископе, потому что царство, как учили и сами греки, не может быть без патриаршества (см. послание царя болгарского Калияна к папе Иннокентию III, у Миня в Патр. т. 215, стр. 156), т. е. что независимый и самодержавный (а не вассальный по отношению к кому-нибудь) государь, что заключало в себе понятие царя, не может терпеть зависимости и подчиненности кому-нибудь своей церкви. Синодик называет своих патриархов патриархами преславскими, т. е. утверждает, что они имели пребывание в столице государства Преславе. Но это второе свидетельство его едва ли может быть признано за достоверное, и гораздо вероятнее, что оно есть просто собственное предположение его составителей, которые думали, что в период первого царства кафедра патриархов находилась в одном городе с престолом государей, заключая так по своему собственному времени. Если бы при Борисе и Симеоне, современниками которых должны быть считаемы названные четверо, кафедра архиепископов-патриархов действительно находилась в столице государства, то, конечно, она уже не была бы потом вынесена из этой последней; а между тем мы имеем заслуживающее полной веры свидетельство, что в правление Петра она находилась не

в Преславе, а в Доростоле или Дристре (нынешней Силистрии, – свидетельство в одном из хризовулов импер. Василия Болгаробойца, о которых см. ниже).

8) Дамиан. В греческом каталоге болгарских архиепископов, составленном, как нужно полагать, при ахридской архиепископской кафедре в половине двенадцатого века⁷², о нем читается: «Дамиан (имевший кафедру) в Доростоле, нынешней Дристе, со времени которого и Болгария почтена автокефалией; по приказанию императора Романа Лакапена он наименован от императорского синклита патриархом; но напоследок низведен Иоанном Цимисхием». Роман Лакапен сидел на престоле с конца 917 по конец 944 г.; Иоанн Цимисхий овладел забалканской частью Болгарии в 971 г., – именно Доростол, изгнанием из которого нашего великого князя Святослава завершились завоевания, взят был в конце июля месяца этого года (см. Черткова Описание войны великого князя Святослава против болгар и греков, Москва, 1843, стр. 254 sqq). Принимая во внимание, что Дамиан после смерти императора Романа находился на патриаршей кафедре с лишком 26 лет, следует думать, что он признан греками в сане патриарха не в первую, а во вторую половину правления этого последнего (потому что иначе выходило бы слишком продолжительным его собственное правление), и следовательно при болгарском государе не Симеоне, а его сыне Петре. Всего вероятнее, что событие имело место в 932 г., когда Петр женился на внучке Романа (Дюканжа *Familiae Byzant.*, ed. Paris., p. 313), и что благосклонность императора была следствием этого брачного союза⁷³. Что в правление Петра кафедра патриархов болгарских действительно находилась в Доростоле, показание об этом каталога подтверждается свидетельством одного из хризовулов императора Василия Болгаробойца, данных болгарскому патриарху в 1019–20 году (о сих хризовулах см. ниже). Низведши Дамиана, Цимисхий подчинил завоеванную часть Болгарии ведению своего константинопольского патриарха. Признав патриархом этого Дамиана, греки не хотели признавать патриархами его преемников, – не оспаривая и не отнимая у них права

автокефалии или независимости от патриарха константинопольского, они по-прежнему именовали их просто архиепископами.

9) Герман или Гавриил. О нем в каталоге Дюканжа: «Герман, он же и Гавриил (имевший кафедру) в Водинах и в Преспе». Герман заведовал не всей Болгарией, а только тою ее частью, которая осталась незавоеванной греками, именно македоно-албанской, на северо-восток к предбалканской Болгарии по Сардику или Триадицу (нынешнюю Софию), а на север по Виддин включительно. Кафедра архиепископии-патриархии, подобно столице государства, была переносима из города в город (прежде Водин, по свидетельству одного из хризовулов императора Василия Болгаробойца, она была еще в Сардике) потому, что вследствие происходившей тогда непрерывной войны с греками постоянно нужно было искать более безопасных мест.

10) Филипп. В каталоге Дюканжа: «Филипп (имевший кафедру) в Лихниде, называвшейся в древнее время Сассарипой⁷⁴, ныне Ахриде». Филипп перенес свою кафедру из Преспы в Ахриду, нет сомнения, потому, что в последней тогда утверждена была (быв перенесена из Битоля) столица государства (Метог. рор. II, 638, 640 низ и 641 fin.). В позднейших представлениях болгар Ахрида, как известно, затмила все другие их города и считается у них, подобно тому, как у нас Киев, матерью городов болгарских; но это совершенно несправедливо, и единственно вследствие неведения и заблуждения. Сделавшись столицей государства и центром народной жизни не ранее как под самый конец существования первого царства и весьма не на долгое время, она потом навсегда стала городом, в котором утвердилось не духовная жизнь болгар, а церковная власть над ними греков, и в котором было средоточие не поддержки, а подавления славянства.

11) Давид. Упоминается под 1015–19 годами, т. е. был архиепископом болгарским в самый год окончательного завоевания греками первого болгарского царства (Метог. рор. II, 638 и 641; в житии князя Владимира, у Мартынова в *Annis Eccles.* p.136, col. 2, называется епископом и выставляется не

совсем с хорошей стороны именно этот архиепископ Давид, cfrMemor. por. II, 638). Так как по завоевании немедленно поставлен был в архиепископы другой, то, вероятно, он был низведен императором.

12) Иоанн. Поставлен был императором Василием тотчас по завоевания болгарского царства, т. е. в 1019 г. При его поставлении император не только подтвердил ему неприкосновенность его архиепископского округа в тех пределах, которые, имел последний в минуту окончательного завоевания, но и предоставил было ему право возвратить себе все то, чем владела его кафедра в правление царя Петра, что однакож ему и его преемникам удалось не более как только отчасти (см. ниже). В каталоге Дюканжа о нем читается: «Иоанн и этот (также имел кафедру) в Ахриде; он был из Девры (Дебри), области агноандникской, из игуменов тамошняго монастыря Богоматери»⁷⁵.

13) Лев. В каталоге Дюканжа: «Лев, первый из римлян (т. е. греков), хартофилакс великой церкви (т. е. константинопольской патриархии), построивший нижнюю церковь во имя святой Премудрости Божией» (что он был действительно первым, поставленным из греков, см. деяния Константинов. собора 1156 г., в издании Анжело Майо *Spicilegium Romanum*, t. X, p. 26, где он называется πρῶτοπτοβλήτος). Все преемники Льва также назначаемы были из греков, а не из болгар, и таким образом архиепископия ахридская, заведую народом болгарским, совершенно превратилась из болгарской в греческую. Церковь Софии, о которой говорится в каталоге, была построена Львом в Ахриде. Он принадлежит к числу греческих церковных писателей (известно в настоящее время несколько полемических сочинений против латинян, и одно – 50 глав о невольных искушениях, – аскетическо-нравоучительное, см. Удина *Comment. de Scriptoribus Eccles.* t. II, p. 604, Lequien's *Oriens II*, 292) и известен как самый ревностный помощник патриарха Михаила Келуллария в его борьбе с латинской церковью (см. хронику Сигиберта гемблурского под 1053 г., у Миня в *Патрол.* т. 160, стр. 210). Умер в правление императрицы Феодоры (которая 1054–1057, см. Скилицу у

Кедрина, ed. Paris, p. 792, в Мемор. пор. II, 659), после 1054 г. (в этом году на него произнесено было вместе с патриархом Михаилом Келулларием церковное отлучение папскими легатами, см. Барония Annal. Eccles. an. 1054, n. XIX. Патриарх иерусалимский Досифей из одного этого Льва делает целых Трех – Λεῶν Βουλγαρί'ας, Λεῶν Πρεσλα'βας ἡ'τοι Μαρκιανουπο'λεως – вероятно, ошибочно разумея тут нашего Льва τῆς ἐν Πωσι'α Πρεσθλα'βας, Λεω'ν Ἀχρίδινος, см. его Истории иерусалимск. патриархов кн. 10, гл. 3, стр. 1144). Преемники Льва, все избравшиеся из греков, были назначаемы и утверждаемы не собором болгарского духовенства и не патриархами константинопольскими, а самими императорами (см. Нила Доксопатра у Алляция в De perpetua consensione Eccles. lib. I, cap. XXV, § IV, p. 432).

14) Феодул. В каталоге Дюканжа: «Феодул, игумен Св. Мовия (в Константинополе), создавший верхнюю великую церковь (Софии в Ахриде) при вспомоществовании Иоанна τὸν Ἀντζῶ» Скилица, дополняя каталог, говорить, что Феодул был родом из Иконии, из города Тетраполя, что внешней мудрости он был совершенно непричастен, а божественною с преизбытком налит, и что поставлен был в архиепископы на место умершего Льва императрицей Феодорой (у Кедрина, ed. Paris., p. 799, в Мемор. пор. II, 659), следовательно до 1057 г.

15) Иоанн Лампен. В каталоге Дюканжа: «Иоанн Лампен от горы Олимпа». По Скилице, Иоанн, называвшийся Лампеном от родины своей Λαμπή (в Малой Азии), был на Олимпе соподвижником и сотрудником Иоанна Ксифилина и поставлен в архиепископы ахридские императором Константином Дукой вскоре после избрания Ксифилина в патриархи константинопольские (ed. Paris. p. 817), следовательно после 1064 г. Умер, по свидетельству того же Скилицы (ed. Paris. p. 867) во время прохода чрез Ахриду бунтовщика Васибеки, следовательно в 1078–79 г. (о Васибеки см. у Анны Комненой и Нинифора Вриенния:

16) Иоанн трезвый (Ἀοῖος – не пивший вина). В каталоге Дюканжа: «Иоанн трезвый, игумен монастыря Ариция (той Арпфоо)». У Скилицы: «по смерти предстоятеля Болгарии

Иоанна, умершего во время прохода Василадельца, император (Никифор Вотианат, который уступил престол Алексею Комнени в апреле 1081 г.) избрал на его место другого, по имени также Иоанна, который прозывался трезвым, потому что совсем не пил вина» (ed. Paris. p. 867, в Memor. por. II, 667).

17) Феофилакт. В каталоге Дюканжа: «Феофилакт из Еврипа, бывший риторм (проповедником) и диаконом великой церкви». Этот Феофилакт есть тот известный греческий писатель, которому принадлежат толкования на весь Новый Завет (за исключением Апокалипсиса) и на некоторые из книг Завета Ветхого (и которого толкование на евангелистов, переведенное в неизвестное древнее время на славянский язык, в позднейшее время стало известно у нас под именем Благовестника). Показание каталога, что он был родом из Еврипа (город Еврип, называвшийся иначе Халкисом, был на острове Еврипе, который есть нынешняя Евбея или Неграпонт), подтверждается его собственными словами (см. письмо ed. Finetti II, у Миняв Патрол. т. 126, стр. 311). Когда поставлен был в архиепископы, точным образом неизвестно; но во всяком случае нужно думать, что не ранее года 1084–85-го. Когда умер, также неизвестно; полагают, что или в 1107 г., или вскоре после этого года (см. его краткую «жизнь» при I-м томе его Благовестника, изданного казанск. дух. академией, Казань, 1855). В его сказании о тивериупольских (или струмицких) мучениках читаются довольно важные известия о начале христианства в Болгарии (сказание у Миня в Патрол., в 126 т. всей греческой серии и в 4 т. самого Феофилакта); для внутренней истории болгарской церкви, вообще покрытой глубоким мраком неизвестности, имеют значение его письма (у Миня в том же томе; из этих писем между прочим можно видеть и то, как пастыри-греки чувствовали себя среди славянской паствы, см. у Миня стр. 308, 323, 333, 337, 443, 503, 507, 542 и некоторые другие); житие Климента белицкого усвояется ему надписанием сего последнего несправедливо.

18) Лев Мунг. В каталоге Дюканжа: «Лев Мунг, родом из иудеев, бывший учителем язычников» (χρηματίζας διδάσκαλος τῶν ἔθνῶν; Lequien Oriens, II, 294, и Ассемани Kalendaria, V, 163,

переводят это: *qui magistri gentium officio fungebatur*, но такой должности, сколько известно, не было, и вероятно слова нужно понимать не об официальной должности, а о частной миссионерской деятельности). Патриарх Досифей в своей Истории иерусалимских патриархов, кн. 3, гл. 2, § 4, ссылаясь на Георгия Акрополита, говорит о нарушении ахридским архиепископом Львом (этим или предшествующим, неизвестно) церковных правил при поставлении одного епископа (у Акрополита желаемого места мы искали, но не нашли).

19) Михаил по прозванию Максим. В каталоге Дюканжа: «Михаил, по прозванию Максим, бывший остиарием (дверником) между патриаршими чиновниками и диаконом великой церкви, евнух».

20) Василий. В известиях, не вполне достоверных, о Св. Филофее ардгишской в Валахии (см. у Мартынова в *Annis Eccles.* p. 301, col. 2) называется Василий архиепископ болгарский под 1139 годом.

21) Евстафий. В житии Илариона меглинского или моголенского, принадлежащем патриарху терновскому Евфимию, говорится, что архиепископ ахридский, ставивший Илариона в епископы, назывался Евстафием (житие находится в рукописях; мы имеем его под руками в нескольких рукописях библиотек московской духовной академии и троицкой сергиевой лавры). По другим источникам (не знаем впрочем, насколько достоверным) известно, что Иларион скончался в 1191 г., пробыв на своей кафедре 30 лет (см. у Мартынова в *Annis Eccles.* p. 956, col. 1). Следовательно, его посвящение архиепископом Евстафием должно быть относимо к 1134 г.

22) Иоанн Комнен, в мире Адриан, сына Исаака Комнена, старшего брата императора Алексея Комнена (который 1081–1118; в каталоге Дюканжа, который на сем архиепископе кончается). Когда именно был поставлен и умер, неизвестно; присутствовал на константинопольских соборах 1143 и 1156 годов (деяния первого собора, бывшего против зараженных богомильскою ересью двух епископов и одного монаха, у Алляция в *De perpetua consensione Eccles. Lib. II, cap. XII, p. 671 sqq.*, и у Ралли и Потли V, 83 sqq., – здесь архиепископ,

вероятно, не задолго перед тем посвященный, еще с своими мирскими чинами и титулами – πανσεβαστος σεβαστὸς καὶ μεγας Δρουαριος; деяния второго собора, бывшего против Пантевгена Сотериха, в издании Анжело Майо *Spicilegium Romanum*, t. X, pp. 61, 85 и 89. Палаузов, в статье о синодике Бориса, в 91 кн. *Временника* стр. 7, утверждает, что архиепископ Иоанн присутствовал еще на константинопольском соборе 1140 года; но на сем последнем соборе архиепископа болгарского не было, см. его деяния у Алляция *ibid.* p. 644, и у Ралли и Потли V, 76).

23) Константин I-й. Поставлен неизвестно когда до 1160 г.; по участию в происходившем тогда у греков одном богословском споре, за сопротивление голосу большинства осужден вместе с другими упорными и низведен с престола константинопольским собором 1166 г. (см. Алляция *De perpetua consensione Eccles. Lib. II*, cap. XIV, p. 689, cfr синодик в Древн. Росс. Вивлиофике ч. VI, стр. 430; о самом споре, который велся о словах Писания: Отец мой болий Мене есть (Ин.14:28), см. Киннама кн. 6, гл. 2, Хониата кн. 7, гл. 5, у Hefele в *Conciliengeschichte* 13, 55, 604, а самые деяния соборные в издании Анжело Майо *Scriptorum veterum nova collection*, t. IV сначала).

24) Неизвестный по имени. Под 1183 г. упоминается не названный по имени болгарский архиепископ, венчавший запрещенный патриархом константинопольским брак императора Алексея Комнена II (Хониат ed. Paris. 168, в *Memor. por.* II, 671; 1180 год выставлен у Стриттера неправильно, – брак венчан после удаления с престола патриарха Феодосия, а он удален в 1183 г., см. Lequien'a I, 272).

25) Иоанн Каматер. Поставлен в архиепископы после 1183 г. (Хониат ed. Paris. p. 176, в *Memor. por.* II, 671: он поставлен после смерти императора Алексея, а сей последний убит в 1183 г., см. Дюканжа *Familiae Byzantinae* p. 188).

О последующих ахридских архиепископах, после восстановления болгарского царства, будем говорить ниже.

Относительно времени предшествующего покорению предбалканской части Болгарии Цимисхием, как мы говорили,

для ответа на вопрос о месте архиепископско-патриаршей кафедры у нас имеются – во-первых, заслуживающее полной веры свидетельство, что в правление Петра она находилась в Доростоле или Дристре, – во-вторых, позднейшее свидетельство, что при Симеоне она находилась в столице государства Преславе, и в-третьих – некоторое основание для предположения, что первоначально она учреждена была в городе Моравах или Мораве. Что касается до нас лично, то, считая весьма невероятным предполагать последнее и еще более невероятным думать, чтобы раз внесенная в столицу государства кафедра могла быть потом из нее вынесена, мы с своей стороны полагаем, что с самого времени учреждения кафедра постоянно находилась в одном и том же городе, именно – помянутом выше Доростоле. После завоевания предбалканской Болгарии Цимисхием, по свидетельству приведенного выше каталога и хризовулов импер. Василия Болгаробойца, кафедра была переносима из города в город, именно, прежде окончательного своего утверждения в Ахриде, перебывала, преемственно в одном за другим, в четырех городах – в Сардике или Триадице, в Воденах, в Могленах и в Преспе.

2. Епархиальное разделение болгарской церкви или епископские кафедры в Болгарии в период первого царства и греческого ига

Епископские кафедры впервые учреждены были в Болгарии одновременно с тем, как дан был ей греками свой отдельный архиепископ, т. е. после возвращения болгар от папы, в 870–71 году (см. Константина Порфирогенита в жизнеописании Василия Макед., ed. Paris., p. 210, в Memor. por. II, 574, § 81, – год у Стриттера неладно).

Сколько открыто было кафедр первоначально и сколько существовало их при Борисе, относительно этого положительных сведений мы пока не имеем. Основываясь на словах Константина Порфирогенита, который говорит, что Борис

не отказался принять от императора вместе с архиепископом многих епископов (ibid.), и заключая от числа епархий, которое находилось на болгарской территории его княжения в последующее не слишком далекое время, с вероятностью должно полагать, что им учреждено было кафедр количество очень значительное, именно – как следует предполагать на основании данных последующего времени – не меньшее, если не большее, 10-ти⁷⁶. Из общего, пока точным образом неизвестного, числа первооткрытых кафедр прямо называются в памятниках, как существовавшие при Борисе, следующие пять: 1) проватская, 2) дебелътская, 3) брегалница, 4) ахридская, 5) белградская.

Сколько было епархий при Симеоне и при Петре, из коих первый весьма широко раздвинул пределы государства, а второй владел государством в его новых пределах, это также остается нам пока неизвестным. Но мы имеем почти что полные сведения, сколько было епархий на болгарской государственной территории времени Петра, спустя полстолетия после него, именно при окончательном покорении первого царства императором Василием Болгаробойцем в 1019 г., – эти сведения мы находим в хризовулах сейчас названного императора тогдашнему болгарскому архиепископу⁷⁷. В 1019 г. на болгарской государственной территории времени Петра, за исключением той предбалканской ее части, которая в 971 г. была завоевана Цимисхием, существовало 29 епархий. Они были следующие: 1) ахридская, 2) касторийская, 3) главеницкая, 4) могленицкая, 5) битольская, 6) струмицкая, 7) моровиздская, 8) вельбуждская, 9) триадицкая, 10) нишская, 11) белградская, 12) скопийская, 13) приштинская, 14) липенийская, 15) виддинская, 16) враницкая (браничевская), 17) трамская, 18) сервийская, 19) орейская, 20) черникская, 21) химерская, 22) адрианопольская, 23) вутротская, 24) янинская, 25) козильская, 26) петрская, 27) стажская, 28) веррийская, 29) неизвестная по имени (которое в нашем списке хризовулов пропущено). Из епархий предбалканской Болгарии, покоренной Цимисхием, в хризовулах называется только одна – дристрская, обнимавшая тогда (в 1019 г.) под собой все остальные епархии этой части

бывшего царства, как их митрополия; сообразно с данными предшествующего и указаниями последующего времени, этих остальных епархий нужно будет предполагать здесь от трех до пяти⁷⁸, и таким образом общее число всех епархий будет 32–34. Очень может быть, что не все это количество епархий существовали в правление Петра и что некоторые были открыты уже после него; но если и предположить, что епархий пять-шесть учреждены были позднее, то все-таки наименьшее число, которое мы будем иметь для времени самого Петра, будет не менее епархий 23-ти.

С правления преемника Петрова Бориса II, вместе с сокращением пределов государства, начали сокращаться пределы и болгарской архиепископии-патриархии.

В 971 г. Цимисхий покорил предбалканскую или верхнемизийскую часть Болгарии. Епархии завоеванной местности он не оставил по-прежнему в заведывании болгарского архиепископа, но образовал из них особую митрополию, с кафедрой митрополита в Дристре или Доростоле, подчинив эту последнюю ведению константинопольского патриарха.

С 999 года между болгарами и греками началась непрерывная война, окончившаяся через 20 лет падением болгарского царства, и последние, прежде чем достигнуть сейчас указанного результата, в продолжение этих 20-ти лет делали на территории первых частные приобретения, постепенно отнимая у них отдельные города и местности. Так как отнимаемые города и местности в церковном отношении тотчас перечисляемы были из-под ведения архиепископа болгарского в ведение патриарха константинопольского, то вместе с сим в данный промежуток времени постепенно умалялась и область болгарской архиепископии. В минуту окончательного покорения царства диоцез архиепископии состоял из 17-ти епархий, именно: 1) ахридской (собственной архиепископа), 2) касторийской, 3) главеницкой, 4) могленской, 5) битольской, 6) струхицкой, 7) морозвиздской, 8) вельбуждской, 9) триадицкой, 10) нишской, 11) враницкой (браничевской), 12) белградской, 13) трамской, 14) скопийской,

15) приштинской, 16) липенийской, 17) сервийской. (Из принадлежавших прежде отошли от архиепископии, во-первых, епархии южной части диоцеза, албано-македонские – черникская, химерская, адрианопольская, вутротская, янинская, козильская, петрская в веррийская, – во-вторых, северо-западной части, составляющей западный угол нынешней Болгарии и восточную половину княжества сербского – виддинская, враницкая и орейская).

После окончательного покорения Болгарии, в 1019 г. импер. Василий решил оставить страну при отдельном и самостоятельном управлении как гражданском, так и церковном. Что касается до архиепископа, то, признав за ним его прежнюю автокефальность или его независимость от патриарха константинопольского, император не только сохранил ему его округ в тех пределах, с которыми нашел в минуту завоевания, но и положил было восстановить этот последний (вследствие представлений тогдашнего архиепископа) в том его обширном объеме, какой он имел в правление Петра, и таким образом присоединить к нему все те, существовавшие в данную минуту и не принадлежавшие к нему, епархии, местность которых при названном государе входила в состав болгарского государства; для этого император издал несколько своих указов (хризовулов на имя архиепископа, о которых выше). Однако ж на деле архиепископу удалось вернуть себе свои прежние владения не более как только отчасти. Относительно епархий албано-македонских нет положительных сведений, и вероятнейшее есть то, что если не все отошедшие, то по крайней мере значительнейшая часть их более уже никогда не возвращалась к архиепископии; затем, что касается до этих сведений положительных, то епархия виддинская с епархиями местности, лежащей на запад от нее и составляющей восточную половину нынешнего княжества сербского, были возвращены, а митрополия доростольская или дристрская с своими епископиями по-прежнему осталась за патриархом константинопольским.

В продолжение одиннадцатого столетия и первой половины двенадцатого в архиепископии болгарской было открыто

несколько новых епархий, именно известны, как таковые, епархии 1) моравская, 2) дебьская, 3) малешовская и 4) гревемская. В половине двенадцатого века, по свидетельству непосредственного современника Нила Доксопатра, округ архиепископии болгарской состоял более чем из 30 епископий (ἔχει ἡ Βουλγαρίᾱ ἐπισκοπὰς πλείους τῶν τριάκοντα, см. у Алляция De perpetua consensione Ecclesiarum lib. 1, cap. XXV, p. 432). Между этими, более чем 30, епископиями должны быть полагаемы, во-первых, те 16 епархий, которые состояли за архиепископией в минуту окончательного покорения царства (считая без ахридской, собственной архиепископа) и которые, вероятно, все продолжали существовать и в последующее время, – во-вторых, сейчас названные вновь явившиеся 4 епархии. Что касается до недостающих епархий десяти-двенадцати, то следует думать, что число их составлялось отчасти из епархий также вновь открытых после 1019 года, но пока вам неизвестных⁷⁹, а отчасти из епархий, которые, на основании хризовулов импер. Василия, архиепископам удалось получить себе от соседних митрополитов.

Митрополии доростольской или дристрской, как мы сказали, архиепископы не могли возратить себе от патриархов константинопольских. В половине двенадцатого века, по свидетельству того же Нила Доксопатра (ibid. p. 412), округ митрополии состоял из 5 епископий; но какие это именно были епископии, остается пока совершенно неизвестным.

В правление царей Петра и Самуила, или по крайней мере второго из них, по свидетельству тех же хризовулов импер. Василия Болгаробойца, архиепископия болгарская кроме владений внутренних имела еще так сказать владений внешние. В соседнем с Болгарией княжестве сербском тогда еще не было своего особого митрополита, а один только на всю страну епископ (имевший кафедру в городе Раса); по всей вероятности, вследствие того, что самое княжество находилось в вассальной зависимости от Болгарии, и епископ его состоял под властью болгарских архиепископов.

1) Епархия преславская, предполагаемая. В Болгария были (если впрочем не ошибаются греческие летописцы) две

Преславы – малая и большая (Кедрин и Зонара в Мемор. рор. II, 628, Ephraemius ed. Bonn. p. 127). Первая находилась неизвестно где (полагают, что где-нибудь на Дунае; но если на основании слов Анны Комненой, в Мемор. рор. II, 619 прим., то последняя говорит о большой, а не малой Преславе, и слова ее *inter Istro circumpositas* вовсе не должно понимать так, что на самом Дунае; если на основании слов вашего летописца, Собр. Летоп. т. I, стр. 27 sqq, то и он также понимает под Переяславцем несомненно большую, а не малую Преславу, и его обозначение «в Переяславци на Дунай» есть или неверное, или употребленное в обширном смысле. Если действительно существовала эта малая Преслава, то, на основании Кедрина и Зонары, Мемор. рор. II, 628, и сносая сих последних со Львом диаконом, ed. Hase p. 85, и Анной Комненой, Мемор. рор. II, 668, – о Плискубе или Плескове, о котором у Шафар. Древн. II, 1,860 нач., – должно думать, что она была где-нибудь недалеко от большой Преславы). Вторая, большая или великая Преслава, под именем Маркианополя (и Мегалополя, см. Анну Комнену в Мемор. рор. II, 619), бывшая у греков главным городом провинции нижней или второй Мизии и кафедральным городом второго гемимонтского, т. е. балканогорского митрополита (*Hieroclis Synecdemus*, ed. Bonn, p. 391, Lequie *Oriens Christ.* I, 1217, – первый гемимонтский митрополит – адрианопольский), а у болгар со времени Бориса или одного из его ближайших предшественников (Крум жил еще в ауле, Мемор. рор. II, 536, 538) столицей государства, находилась где-то на северном склоне восточных Балканов (см. Никиту Хониата в Мемор. рор. II, 628 прим., Кедрина *ibid.* 619, Льва диакона ed. Hase p. 89), имея ближайшим к себе городом Проват, нынешний Праводи (Мемор. рор. II, 689 нижний текст), и была недалеко от нынешней Шумлы (потому что столица митрополита ярославского в настоящее время в сем последнем городе. Болгары в настоящее время считают и называют Преславой городок Ески-Стамбул⁸⁰, находящийся недалеко на юго-запад от Шумлы, на р. Буюк-Бамчик, см. Черткова Описание войны Святослава стр. 189; хотя это и противоречит показанию некоторых древних, по которым Преслава на половине дороги

из нынешней Силистрии в нынешнюю Варну, см. у Lequien'a I, 1217, но весьма вероятно. У Черткова *ibid.* о местоположения великой Преславы неладно). Как мы уже говорили выше, относительно правления Петра известно положительным образом, а относительно времени предшествующего необходимо должно быть предполагаемо, что кафедра архиепископов-патриархов болгарских находилась не в Преславе, а в Доростоле. Но если не в ней, а в другом городе было местопребывание первостоятелей болгарской церкви, то со всею вероятностью следует предполагать, что она имела по крайней мере своих собственных епископов, хотя об этих последних пока и неизвестно никаких упоминаний. Это нужно предполагать, во-первых, потому, что трудно допустить, чтобы государи болгарские, не имея при себе архиепископов, могли обходиться даже и без епископов (лишая самих себя и столицу торжественности архиерейского служения), – во-вторых, потому, что даже и в период второго царства, когда Преслава уже не была столицей государства, в ней была своя особенная епископская кафедра. После покорения предбалканской Болгарии Цимисхием, Преслава осталась в диоцезе образованной им из этой части болгарского патриархата митрополии доростольской; в половине двенадцатого века в этой последней было пять епископий, но, к сожалению, имена их пока остаются совершенно неизвестными.

3) Доростольская или дристрская. Доростол, по перестановке букв Родостол, у болгар Дръстр, у позднейших греков с болгарского произношения Дристра, в нашей летописи Деревъстр и Дерестер, – в настоящее время Силистрия, на Дунае. Как мы неоднократно говорили выше, Доростол был престольным городом болгарских архиепископов-патриархов в правление царя Петра и должен быть предполагаем как таковой с самого учреждения их кафедры. На вопрос: почему кафедра архиепископов была учреждена не в одном городе с столицей государства, не имея никаких положительных указаний, мы можем только отвечать, что так было не у одних болгар, а и у многих других народов (из православных народов так было сначала у нас и так постоянно было у сербов). Что касается до

того, что именно избран был Доростол, то это, нет сомнения, потому, что он был одним из лучших городов Болгарии, может быть даже лучшим, чем самая Преслава (см. Льва диакона ed. Hase p. 85). Завоевав в 971 г. предбалканскую часть болгарского государства, Иоанн Цимисхий поставил в Доростоле на место удалившихся архиепископов-патриархов болгарских подведомого патриарху константинопольскому митрополита, которому и была поручена в управление вся завоеванная местность. В 1019 г., после окончательного покорения болгарского царства, импер. Василий Болгаробоец предоставил было архиепископу болгарскому право возвратить митрополию с ее диоцезом под свою власть; но это последнему не удалось, и она оставалась под властью патриарха константинопольского до самого восстановления царства в 1185 г. В половине двенадцатого века округ митрополии доростольской состоял из пяти епископий, имена которых, как мы сказали выше, пока остаются неизвестными.

3) Проватская. Проват (Προβатов), у болгар в древнее время в переводе с греческого Овче, т. е. овча, в настоящее время Праводи (на иностранных картах Pravady), находится в 50 верстах к западу от Варны и в 40 верстах на юго-восток от Шумлы. Епископская кафедра открыта была при Борисе, на константинопольском соборе 879 г. присутствовал епископ проватский Мануил (см. Τοῦμοσχαρῆς, стр. 36; на соборе присутствовали, или по крайней мере так по списку в Τοῦμοσχαρῆς, два проватских епископа – Лев Προβᾶτων и Мануил Προβатов; мы считаем нашим последнего потому, что в каталоге архиерейских престолов, так называемом императора Льва мудрого, у Ралли и Потли V, 483, наш Проват по-гречески не Προβᾶτα, а Προβатов; о другом Провате или Проватах см. ниже). После покорения предбалканской Болгарии Цимисхием, епархия проватская вошла в состав учрежденной им митрополии доростольской (по сейчас помянутому каталогу, носящему в своем надписании имя импер. Льва, но в действительности принадлежащему гораздо позднему времени, она была отчислена к митрополии адрианопольской, у Ралли и Потли *ibid.*; но это весьма невероятно).

4) Дебельтская или загорская. Город Дебельт, названный болгарами и в настоящее время называемый Загорой (он приходился от собственной Болгарии за горами), находится в северо-восточном углу Фракии, недалеко от Черного моря, верстах в 20 к западу от приморского города Бургаса. Вместе с своим округом Дебельт был уступлен греками болгарам при крещении Бориса. Епископская кафедра существовала у греков в Дебельте с древнего времени (Lequien I, 1183), и болгарская епископия, вероятно, была непосредственным продолжением греческой; во всяком случае она уже существовала при Борисе, – на константинопольском соборе 879 г. присутствовал епископ дебельтский Симеон (см. Τοῦμος χαρῆς Досифея, стр. 36). После завоевания предбалканской Болгарии Цимисхием, если верить некоторым не совсем надежным показаниям (помянутого выше каталога, *ibid.*), епархия дебельтская не была оставлена в митрополии доростольской, а была отчислена к митрополии адрианопольской.

Не совсем точно известны юго-восточные границы первого болгарского царства при последних христианских его царях, именно – остается неизвестным, принадлежали или не принадлежали тогда болгарам находившиеся в черте их владений приморские города Месемврия и Анхиал. Как кажется, они оставались за греками; но если принадлежали болгарам, то в них, подобно тому как прежде и после под греческим владением (см. Lequien'a I, 1180 и 1190), были епископские кафедры и при владении государей болгарских (епископы обоих городов, присутствовали на константинопольском соборе 879 года, Lequien I, 1181 и 1191, по изданию деяний соборных в Τοῦμος χαρῆς анхиальского нет).

5) Брегалъницкая. Город Брегалъница, существующий в виде села, вероятно, до настоящего времени, по крайней мере существовавший в половине прошлого столетия (см. у Финетти в предисловии к Тивериупольским мученикам Феофилакта, по новому изданию Миня в Патрол. т. 125, стр. 442 § XXIV), находился на реке Брегельнице (что нужно произносить Брегалъница, а не Брегланица, см. в Речнике Даничича под словом Брегалъница), которая впадает с левой стороны в р.

Вардар немного пониже Велеса или Кюлрили: (и на которой, верстах в 20–30 от устья, стоит город Истиб или Штип), в пяти часах, т. е. верстах в 25 от города Струмицы (см. у Финетти *ibid.* Так как в пяти часах от Струмицы, то вероятно находилась на верхней, а не на средней или нижней Брегалнице. Реку Брегалницу см. на карте при 2-м изд. *Reise* Гана, а отдельно ее верхнее течение на 2-й карте при *Reise* Барта). По свидетельству архиепископа Феофилакта в Тивериупольских мучениках (у Мине в Патрол. т. 126), епархия брегалницкая была открыта при Борисе. В последующее время о ней нет никаких упоминаний; вероятно, что после недолгого существования она соединена была с соседней (и после нее открытой) епархией струмицкой.

Мы упоминали выше, что на константинопольском соборе 879 г. присутствовали епископы двух проватских епархий (Προβὰ του и Προβὰ των). Первая была в восточной части нынешней собственно так называемой Болгарии (в нынешнем Праводи); но возможно предполагать, что и вторая находилась также в пределах тогдашнего, т. е. времен Борисовых, болгарского государства. Принадлежавшая во времена Борисовы к болгарскому государству большая область, лежащая между левым берегом Вардара, тем же берегом впадающей в него Пшини (на половине его течения между Скопией или Ускюбом и Велесом или Кюприли) и правым берегом впадающей в него Брегалницы, и между городами Велесом или Кюприли, Каратовой или Кратовой и Истибом или Штипом, как в древнее время носила, так и в настоящее время носит, соответствующее греческому названию Прόβατα, славянское название «Овче Поле» (см. Речник Даничица, приложенную ко 2-му изд. *Reise* Гана карту сербский Родослов, по изд. Даничица стр. 108 fin., Гласника XIII, 296 и Известий Акад. Наук VI, 395 sqq, – по записям, напечатанным в двух последних – Злетово и находящееся недалеко на север от него, на р. Штоне, впадающей справа в Брегалницу, Лесново в области Овчепольской). Очень может быть, что в каком-нибудь из городов именно этой области Овчепольской и была епархия, существовавшая в 879 г. и называвшаяся τῶν Προβὰ των.

6) Ахридская. Мы упоминали выше о хризовулах императора Василия Болгаробойца, данных им в 1019–20 г. архиепископу болгарскому. В хризовулах этих при перечислении епархий, принадлежавших к диоцезу архиепископии, довольно о многих сообщаются подробные сведения относительно их пространства, именно – перечисляются все принадлежавшие к ним города. Епархию ахридскую, по хризовулам, составляли города: Ахрида, Преспа, Макр (Мокр) и Кичав. Ахрида или Охрида (первое по греческому, второе по болгарскому произношению), у греков прежде завоевания болгарами Λυ'νιδος и Λυκιν'ιδος, находится на северо-восточном берегу Ахридского озера (подробнее см. о ней ниже). Преспа, – в настоящее время небольшое село, на картах по-прежнему называемое Преспой, но у местных жителей Агиль (по имени Св. Ахиллия, мощи которого перенесены были из Лариссы в Преспу в 978 г, Метог. рор. II, 623), находится на перешейке, разделяющем два Преспанские озера, верстах в 50 на юго-восток от Ахриды. См. Григоровича Очерк путешествия по Европейской Турции, Казань, 1848, стр. 134. Мокр – Μόκρος; (в другом списке Макр – Μα'κρος). Архиепископ Феофилакт два раза упоминает в своих письмах об области Мокре как о принадлежащей к провинции и епархии ахридской (см. в Патрол. Миня т. 126, стр. 483 fin., письмо ed. Meursio LXV, – ὁ δὲ Μο'κρος τῆς Ἀχρίδος τριῖμα, и стр. 338 письмо ed. Finetti XV). В позднейшее время область Μο'κρος стала называться и до настоящего времени называется Μο'κρa, т. е. вместо Мокра Мокрой, и ее полное позднейшее и нынешнее название есть Нко'ра(Χῶρα или Κο'ра, т. е. гора) καὶ Μο'κρa – Гора и Мокра (в наших русских известиях семнадцатого века – Мокрая гора, см. ниже). Она прилегает к западному берегу Ахридского озера, имея главным своим местом селение Bagoraditza (Bogradetz или Bogradessi, т. е. Богородица), которое находится недалеко от северо-западного берега Ахридского озера, см. Albanesische Studien Гана, Иена, 1854, стр. 28, прим. 33, Albanien, Rumelien und österreichisch-montenegriscne Gränze Миллера, Prag., 1844, стр. 69 и карту (по Аравантиносу, Χρονοуραφί'α τῆς Ἠπει'ρου, ἐν Ἀθῆναις, ч. II под словом Σταρόβα, селение называется еще

Подгорицей; о монастыре Успения Богородицы см. у Григоровича *ibid.* стр. 127. По Rouqueville'ю, Мокра и Гора суть две особые, смежные между собой, области, – первая, начинаясь у юго-западного угла Ахридского озера, простирается к северу по западному берегу сего озера, а вторая, начинаясь в верховьях реки Гисмы, текущей в Адриатическое море, простирается отсюда на юг к северо-западному углу названного озера, *Voyage de la Grèce*, ed. 2, t. III, pp. 47 fin sqq, 57, 67 прим. и приложенная к VI т. карта. Нынешнее название части области – Gora, Гора, может быть от горной цепи Βαγγορά – Bagora, которая, по карте Кинерта, тянется параллельно западному берегу Ахридского озера и не в дальнем от него расстоянии, и о которой у архиепископа Феофилакта, по изд. Миня, *ibid.* p. 584: «ἡ Βαγορά ὁρος δὲ αὐτῇ παρμμευα καὶ τοῖς Βουλγαρικοῖς καὶ Αὐρράχικοῖς ὄρε σὶ μασιτευ'ον »). Что касается до города Мокра, то в древних памятниках упоминаний о нем не встречается, а по свидетельству одного из новейших описателей Епира – не знаем, насколько достоверному – он существует до настоящего времени и находится недалеко на запад от Ахридского озера, на левом верхнем берегу реки Шкумби (Мо'кра и Ма'кра, см. Аравантиноса Χρονογραφί'αν τῆς Ἠπει'ρου II, 102). Кичав (Κιζα'βις), в настоящее время Кичево (на большей части карт и у некоторых путешественников Кричево), на р. Треске, впадающей в Вардар, верстах в 60–70 на северо-восток от Ахриды. См. Григоровича Путешествие стр. 113, *Hahn'a Reise von Belgrad nach Salonik*, Wien, 1861, S. 189 (Феофилакт в одном из своих посланий упоминает о Кичаве, Κίτταβα, как о принадлежащем к его епархии, см. *epist.* Ed. Meursio XXVII, у Миня т. 126, стр. 416). Мы говорили выше, что архиепископская кафедра перенесена была в Ахриду перед самым падением болгарского царства: епископия была учреждена в ней при Борисе, – на константинопольском соборе 879 г. присутствовал епископ ахридский Гавриил (Το'μος χαρῶς, стр. 34).

7) Касторийская. По хризовулам императора Василия ее города были: Кастория, Курест, Колона, Деавол, Вооза и Мор. Кастория, у болгар и сербов Костур, у турок Кесриё, при озере Касторийском, верстах в 80–90 на юго-восток от Ахриды (см.

Pouqueville'я Voyage III, 4 sqq). Курест –Κουρεζὸς (в другом списке Κουρεὸς) пока остается неизвестным; может быть ошибка вместо Κορυτζᾶ – Корица или Горица (и Горча – Gortscha), которая находится верстах в 50 на северо-запад от Кастории, недалеко от левого берега верхнего Девола (и в которой века с XVI-XVII существует особая епархия корицкая или горицкая). Колона – Λολωνή, нет сомнения, одно и то же с Κολωνεια. О городе Колония упоминают Кедрин (Memor. por. II, 646 нач.), Пахимер (lib. II, cap. XI, ed. Paris. p. 68) и Кантакузен (lib. I, cap. LV, ed. Paris. p. 172); называясь иначе Стария (см. в Сборнике Мосолова Отрывки из путешествии по восточным областям Европейской Турции, Спб., 1868, стр. 234), он находится на юго-запад от Кастории, в верховьях р. Дешницы, впадающей в Воюцу (область, в которой он находится, называется также Колонией, см. карту Киперта при Albanesische Studien Гана, Pouqueville'я Voyage de la Grèce t. I, p. 243 и Аравантиноса Χρονογραφίαν τῆς Ἠπείρου II, 89). Деавол – Δεαβόλις (у других Διαβόλις), по-болгарски Девол (см. Miklosich'a Monumenta Serbica p. 3). Городов с именем Девол было два – большой и малый (см. Георгия Акрополита гл. 49); оба они находились в верховьях реки Девол, которая, выходя из Сухой горы между Преспой, Битолем и Касторией (см. карту Киперта при Albanesische Studien Гана), течет поперек Албании и, по соединении с Узумом или Бератино получив новое имя Семени или Ергента (у Гана ibid. S. 7), впадает в Адриатическое море (Акрополит ibid. и Ephraemius, ed. Bonn., p. 349 и 350). В настоящее время известны – во-первых, городок Девол, находящийся на левом верхнем берегу р. Девола, – во-вторых, развалины города, называемые Ески-Девол или Старый Девол и лежащие недалеко на юго-запад от городка Девола (Pouqueville Voyage de la Grèce t. III, p. 41 sqq и прилож. к VI т. карта): древним они соответствуют – развалины Ески-Девол, по всей вероятности, большому, а городок Девол малому Деволу. Вооза – Βοῶσα. Река Вооза, по-славянски Воюца, начинаясь в юго-восточной Албании, северо-восточнее Янины, течет поперек Албании, в направлении от юго-востока к северо-западу (см. указанную выше карту Киперта); город Вооза или Воюца

находился где-нибудь в верховьях этой реки, потому что середина и низовья ближе к другим епархиям; он приходится от Кастории довольно далеко (на юго-запад), но из слов императора (о числе чиновников, о чем см. в прям. 71) видно, что епархия касторийская была одна из более обширных. Где искать в епархии касторийской город Мора (Μωρός) остается нам пока неизвестным.

8) Главиницкая. По хризовулам императора Василия ее города были: Главиница, Канина и Неаниска. Главиница (Γλαβινίτζα, но и Главеница – Γλαβηνίτζα), первоначально называвшаяся Акрокеравнией (см. в каталоге архиерейских престолов императора Льва митрополию диррахийскую, у Ралли и Потли V, 484), находилась на мысу Акрокеравнии, ныне называемом Глоссой, в южной Албании, ниже Авлоны (см. у Анны Комненой кн. III, гл. 12). Канина – доселе существующий город в южной Албании, недалеко от берега Адриатического моря, на юго-восток от Авлоны (см. о ней в *Albanesische Studien* Гана стр. 72, cfr Miklosich'a *Monumenta Serbica* p. 178. Область Кавинская в правление архиепископа Феофилакта, как следует заключать из одного его письма, была пограничною с округом митрополии навпактской, см. *epist.* Ed. Lamio XXVII, у Миня т. 126, стр. 543). О Неаниске (Νεα'νίσκα или может быть отдельно Νέα Νίσκα) пока ни у кого не встречали мы никаких указаний. Из последующего времени известия о существовании епархии главиницкой и об ее принадлежности к архиепископии болгарской читаются в посланиях архиепископа Феофилакта (см. у Миня т. 126, стр. 322, ed. Finetti VII и стр. 553 ed. Lamio XXXII; каталог так называемый Льва мудрого, причисляя эту епархию к митрополии диррахийской, говорит неправду).

9) Могленская. По хризовулам импер. Василия ее города были: Моглены, Просак, Мирихова, Сетина, Остров и Заодрия. Моглены – τὰ Μοῦλαῖνα, у болгар Мъглин или Меглин (также Меглен, Меглян), – город в настоящее время не существующий, находился недалеко от существующего до настоящего времени городка Нотья (Метог. рор. II, 637), а сей последний за правым берегом Вардара, на верховьях р. Могленицы, верстах в 30 на северо-восток от Водевы (см. карту, приложенную ко 2-му

изданию Ганова *Reise von Belgrad nach Salonik*; что в настоящее время нет города Моглен, а есть только область Моглена, это нами слышано от А. Ф. Гильфердинга, который сам лично был на месте, см. также у Аравантиноса II, 110). Просак – Προσακος, славянское Просек, находился в горном ущелье на р. Вардаре, имел сильную крепость; по некоторым – нынешний Демир-Капу, находящийся на Вардаре, на северо-восток от Нотьи (см. Тафеля *De Thessalonica* стр. 295, *Memor. pop.* II, 996, 249). Мириховаχοβα, – на карте Турции Киперта и на путевой карте, приложенной ко 2-му изданию *Reise Гана*, область Морихово (у первого Morikhoval) – на восток от Битоля, на р. Черной или Карасу, впадающей в Вардар (немного ниже ее заворота с юга на север) и по южным склонам горного хребта Бабуна. О городе или селении Морихова, существующем до настоящего времени, упоминается в одном письме известного болгарского патриота Д. Миладинова (газеты *День*, 1862 г., № 46, стр. 17), но местности его из письма не видно. Сетина – Ζετινή, у Кедрина Сетена (*Memor. pop.* II, 639), находилась где-нибудь на восток от Моглен (по Шафартику, *Древн.* II, I, 372, на р. Месте или Карасу, во Фракии под Родопскими горами, но это неладно). Остров – Ὀττορος, – село Острово (у некоторых Каракайя) при озере, верстах в 20 на восток от Водены. См. Гризебаха *Reise durch Rumelien und nach Brussa*, 1841, В. 2, S. 155, Григоровича *Путеш.* стр. 110, Гана *Reise von Belgrad nach Salonik* S.112 sqq. Заодрия – τὰ Ζαοδρία остается нам пока неизвестною. Ревностный защитник православия против наполнявших Болгарию разных еретиков, Св. Иларион меглинский, подвизавшийся в первой половине двенадцатого века (родом не славянин, как думают некоторые, а грек), был епископом именно этих Моглен.

10) Битольская. По хризовулам импер. Василия ее города были: Пелагония, Прилеп, Декрета и Велес. Пелагония, в древнейшее время Ираклия, в настоящее время Битоль (на картах Битолия, по-гречески Βουταλίς), Толи-монастирь и просто монастырь, – большой и хороший город, верстах в 50 на юго-восток от Ахриды, на речке Драгор, составляющей приток реки Черной, впадающей в Вардар. См. Гризебаха *Reise durch*

Rumelien B. 2, S. 177 sqq, Григоровича Путеш. 140 sqq, Гана Reise, 1-го изд. стр. 113, 2-го 183. Прилеп. (Πρίλαπος) или Прилип в восьми часах пути (верстах в 40) на северо-восток от Битоли. См. Гризебаха *ibid.* 8. 214, Григоровича 137, Гана Reise, 1-го изд. стр. 108, 2-го 175. Деврета – Δευρίτῃ остается неизвестною, может быть одно и то же с Δευρή, о которой говорит, как о маленьком городке, находящемся между Кичавой и Прилепом, монах Ефремий, *ed. Bonn.* p. 366. Велес, по-турецки Кёнрили, на р. Вардаре, верстах в 50 на северо-восток от Прилепа. См. Гризебаха *ibid.* 223, Григоровича 140, Гана Reise, 1-го. изд. стр. 101, 2-го 166.

11) Струмицкая. По хризовулам импер. Василия ее города: Струмница, Радовиште и Конья. Город Струмница – Ζτρουμνίτζα, или правильнее Струмица (греч. Ζτρουμνίτζα), у греков называвшийся Тивериуполем (Ралли и Потли V, 405 fin.), находится на р. Струмице, впадающей с правой стороны в Струму (Стримон) или Карасу, верстах в 40 на юго-восток от Истиба или Штипа. См. о ней Никифора Грегораса кн. 8, гл. 14, в *Memor. por.* 11, 824, предисловие Финетти к Тивериупольским мученикам Феофилакта, в Патрол. Миня т. 125, стр. 433 sqq, Тафеля в *De Thessalonica* стр. 294 и 297, Даничича Речник под словом Строумица, Григоровича 142. Город Радовиште Ραδοβύστον на полпути между Истибом и Струмицей (на юго-восток от первого и на северо-запад от второй), у Григоровича 141, у Барта в *Reise durchdas Innere der Evropäisch. Türkei*, Berlin, 1864, S. 110 sqq, и на хороших картах. Конья -Konetsῃ (о славянском произношении *cfr* Речник Даничича и Григоровича Путеш. 53), в настоящее время деревня, находится на юго-запад от Радовиштя и на северо-восток от Струмницы, см. Барта *ibid.* S. 112 sqq и 2-ю приложенную к книге карту, также карту во 2-м изд. Reise Гана (принадлежит к округу радовиштскому, Барт *ibid.* 8. 113 прим.). Епархия струмицкая, как необходимо заключать из Феофилактова сказания о тивериупольских мучениках, открыта не при Борисе и не при Симеоне, а после них (иначе не стали бы переносить при них мощей названных мучеников из Струмицы к епископской кафедре брегальницкой, § 97, 47, если бы к первой была своя кафедра)⁸¹. На основании

слов Дюканжева каталога о Клименте, – известном писателе, действительном или мнимом ученике Константина и Мефодия, – что он был епископом Τίμαριουπο'λεως (читай Τίβεριουπο'λεως ἡ' τοι Βελί'κας) (см. *Familiae Byzantinae*, ed. Paris., p. 174), следует думать, что епископия струмицкая называлась еще белицкой, по горному хребту Белице (на иностранных картах неправильно по-греческому Velitza), который тянется между реками Стримом и Вардаром в направлении от северо-запада к юго-востоку (см. хорошие карты и у Григоровича в Путеш. 142, 146, 148), и что Климент был епископом именно этой струмицко-белицкой епархии (в греческом житии Климента Δρεμβί'τζας ἡ' τοι Βλί'τζας, вероятно, ошибка вместо Ζτρομβί'τζας ἡ' τοι Βελί'τζα_Σ).

12) Моровиздская. По хризовулам импер. Василия ее города: Моровизд, Козян, Славище, Злетова, Луковица, Пияница и Малешова. Моровизд – Μοροβί'σδος, в славянских памятниках четырнадцатого века Морозвизд, находился где-то недалеко на юг от Злетовой, о которой сейчас ниже (см. *Monumenta Serbica* Миклошича p. 565; у Шафарика, Древн. II, I, 356, о местности Морозвизда неправильно). Козак – Κοζιάκòς, в настоящее время деревня, находится верстах в 15–20 на востоко-северо-восток от Прилепа, см. у Барта в *Reise* 2-ю карту и текста 8. 133 sqq, также карту при 2-м изд. *Reise* Гана (вернее у первого, который сам был на месте, чем у второго). Славище – Σλαβιούτ'η находилась где-то недалеко на юг от города Врани, который па верхней болгарской Мораве немного ниже Гилана (*Monumenta Serbica* Миклошича p. 565). Злетова – Ζθλετοβ'α, в настоящее время Злетово, находится на реке Злетовой, впадающей с правой стороны чрез Штону в Брегалницу (впадающую слева в Вардар), на северо-восток от Истиба или Штипа (см. карту, приложенную ко 2-му изданию *Reise* Гана). Луковиц – Λουκο'βιτζος, может быть одно и то же с селом Луково, о котором упоминается в одной записи четырнадцатого века (Известий Акад. Наук VI, 387 и Гласника XIII, 293) и которое находилось недалеко на север от Злетова (близ Леснова *ibid.*, которое см. на карте во 2-м над. *Reise* Гана, упоминается область Луковица, Гласн. XI, 134 нач. и ХШ, 371, но пришедшаяся, кажется, в другой епархии). Пияница – Πιανί'τζα,

в славянских известиях Пианец (см. Григоров. Путеш. 42 fin. и сербский Родослов архиеп. Даниила, по изд. Даничича, стр. 109 нач.) находилась недалеко от Злетова (Григоров, и Родосл. *ibid.*; Пияница, нет сомнения, была городом болгарского племени пиянцев, а эти последние населяют местность на восток от Злетова, преимущественно между правым берегом верхней Брегалъницы и тем же берегом Струмы или Стримона, см. статью Берковича «Описание быта болгар, населяющих Македонию» в Известиях Московск. Университета, 1868 г., № 3, стр. 18, *cfr* у Барта в *Reise* 2-ю карту, где Царево село, составляющее по Берковичу центр области пиянцев, называемой Пиянецо, названо *Tserova Sella*, и где к югу от сего последнего *Piantsa Ovasi*, т. е. Пиянецкое поле). Малешова – Μαλεσο΄βα. По словам Берковича, город Малешова, с средним окончанием Малешово, существует до настоящего времени, *ibid.* стр. 18 fin.; напротив, по уверениям Барта есть только каза или волость Малеш (и Мадеш) или Малешовская, *Reise* 8. 105. Если город Малешово действительно существует, то его, не указанное у Берковича, положение где-нибудь при подошве горы Малеш или Малешовской, которая находится на северо-восток от г. Струмицы и на восток от Радовища, за правым берегом верхней Брегалъницы, см. у Барта в *Reise* 8. 103 sqq и 2-ю карту, и у Гана во 2-м изд. *Reise* карту (вернее, должно быть, опять у первого, а не у второго), *cfr* Берковича *ibid.* Каза или волость Малеш или Малешовская прилегает к сейчас названной горе Малеш, у Барта *ibid.* S. 105 (главное селение в ней по Барту, *ibid.*, есть *Bedjowa* или *Petchowa*, лежащее недалеко на восток от истоков Брегалъницы, см. у него же 2-ю карту. В гражданском отношении Μαλεσο΄βα принадлежала в одиннадцатом веке также к одному округу, ἐπα΄ρχια, с городом Моравиздом, см. *Fontes rerum Austriacarum*, ed. Tafel, Wien, 1856, t. XII, p. 278).

13) Вельбуждская. Но хризовулам импер. Василия ее города: Вельбужда, Сунтиаск, Германия, Теример, Стоб, Като-Сундеаск и Раслога. Вельбужда – Βελεβου΄σδα, в древности по некоторым Велентиуполь (Ралли и Потли V, 496), в славянских памятниках Вельбуждь и Вельблужль (см. в Речнике Даничича),

находилась где-то недалеко от Софии, на юг или на юго-восток от нее к горам Родопским, см. Речник Даничича под словом Вельбоуждь, в *Fontesrerum Austriacarum*, издаваемых Тафелем, I. XII, p. 278, *Memor. pop.* II, 787 и монаха Ефремия, ed. Bonn., p. 342 нач. (Григорович, Путеш. стр. 204 прим., полагает, что Вельбуждь есть нынешний Кюстендил; в одном сказании семнадцатого века Вельбуждь называется «баней бельбушкой» (sic), см. Гласн. XXII, 216, cfr *Monumenta Serbica* p. 100). Сунтяск – Ζουντι΄ασκος, вероятно славянское Сутеск, остается нам пока неизвестным; есть города Сутески (см. Речник Даничича), но совсем в других местностях. Германия – Γερμα΄νεια. О городе Γερμαν΄α (Γερμαν΄ος) в средиземной Дакии, которой главным городом была Сардина, нынешняя София, упоминают грамматик Гиерокл и Прокопий Кесарийский в шестом веке (первый в *Синекдеме* или *Дорожнике*, ed Bonn., p. 393, второй в *De aedificiis* lib IV, cap. 1 и 4) и Константин Порфирогенит в десятом веке (*De thematibus*, ed. Bonn., p. 56). Вероятно, он находился на р. Герман, о которой упоминается в Евфимиевом житии Св. Иоанна Рыльского (см. Гласника XXII, 298 и Мартынова *Annus Eccles.* под 19 октября, стр. 251) и которая впадает или в верхний Стримон, с левой стороны, между рр. Дубницей и Рилчицей, или в которую-нибудь из этих последних (cfr. Гласн. VII, 186 нач., в хризовуле Шишмана о Германчице). Григорович упоминает о селе Герман, находящемся в окрестностях Софии (Путеш. стр. 160); если слово окрестность понимать у него не слишком в тесном смысле, то вероятно, что это село и есть наш бывший город Германия (если не ошибается Барт, то Djerman'ом, что есть то же, что Герман, у него, в *Reise* на 2-й карте, названа та самая река, на которой стоит Дубница, а село Djerman или Герман поставлено на одном из южных притоков р. Djerman'а, недалеко на юго-восток от Дубницы). Теример (Τερ΄μερος) – пока нигде не встречали никаких указаний. Стоб – Στο΄βος, имевший у греков свою епископию (*Lequien* II, 75), ныне в развалинах, находился недалеко от Рыльского монастыря, на запад или юго-запад от него, см. хризовул Шишмана в Гласнике VII, 186 нач. и Григоровича Путеш. 148 (Ган, в *Reise* стр. 175 fin., и другие

определяют место развалин Стоба неладно). Като-Сундеаск – Κατω–Ζουδε΄ασκος (Нижний Сутеск) остается пока неизвестным. Раслога – Πασλο΄γα, в настоящее время Раслог (Разлук) – верстах в 30–40 на юго-восток от Рыльского монастыря, в верховьях р. Месты или Карасу, см. о нем Барта Reise S. 68 нач.

14) Триадицкая. По хризовулам импер. Василия ее города: Триадица, Перник, ἡ Ζυ΄κοβος и ἡ Ζβενε΄απος. Триадица – Τρια΄διτςα, в древности Сардика, у славян Средец и София, в настоящее время София⁸², известный большой город Европейской Турции, находящийся к западу от Балкан, на р. Искар или Искер, см. Григоровича Путеш. 158 fin. У греков Сардика была главным городом провинции Дакии средиземной и также имела своих епископов, которые упоминаются с первого вселенского собора до конца шестого века, LequienII, 301. Перник – Πέρνικος, бывший знаменитою у болгар крепостью, находился к югу или к юго-востоку от Софии между нею и Филиппополем. См. Метог. рор. II, 631, 641 и Даничича Речник под словом Перьникъ. Ζυ΄κοβος и Ζβενε΄απος пока остаются неизвестными (первый может быть есть нынешний город Самоков, находящийся на юго-восток от Софии в верховьях той же р. Искара).

15) Нишская. По хризовулам импер. Василия ее города Ниш, Мокр, Κο΄μττλος, Топлица и Сврѣлиг или Сверлиг. Ниш (Νι΄σος, Ναι΄σ–ς), родина Константина Великого, имевший и до болгар своего епископа (Lequien II, 313), находится на р. Нишаве, впадающей в болгарскую Мораву, недалеко от границы Болгарии с Сербией (см. о нем Гана Reise, 1-го изд. стр. 10, 2-го 31). Топлица, нет сомнения, находилась где-нибудь на реке того же имени, а эта последняя течет близь юго-восточной границы княжества сербского и впадает слева в нижнюю болгарскую Мораву. Сврѣлиг (Ζφελί΄γοβος, Ζφερλί΄γοβος) находился недалеко на северо-восток от Ниша, на сврѣлижском Тимоке (см. Каница Reise in Süd-Serbien und Nord-Bulgarien, Wien, 1868, S. 24 fin. sqq и приложенную к книге карту, Даничича Речник под словом Сврѣлиг). Мокр – Мо΄κρος и Κο΄μττλος остаются пока неизвестными.

16) Враняцкая, браницкая – браничевская. По хризовулам импер. Василия ее города: Βρα'νιτζα Μορο'βισκος, Ζφεντε'ρομος, Προ'τος, Διβί'σусκος, 'Ιστρααυλα'γυα и Вроδ'арисκος. Так как городов с именем Браница или Враница неизвестно, то мы предполагаем, что в рукописи хризовулов Βράνιτζα ошибкой вместо Βραβί'τζοβα; этот последний город, по-славянски называвшийся Браничево, находился в нынешнем княжестве сербском, при впадении р. Млавы в Дунай (на месте находившегося тут римского города Viminacium, см. Memor. pop. В Index'ах под словом Branitzova, Шафар. Древн. II, I, 347 и подробно у Каница в сочинении Serbien, historisch-ethnographische Reisestudien, Leipzig, 1868, S. 406 sqq). Μορο'βισκος, – если верно наше предположение о Βρα'νιτζα, то под ним, поправляя чтение в Μορα'βισκος (Моравьск), можно будет разуместь тот город Морав, о котором говорено было нами выше и который находился недалеко на запад от Браничева, при впадении в Дунай Моравы. Ζφεντε'ρομος, – под тем же условием верности помянутого выше предположения, можно будет принимать его за Смедерево (Семендрия), которое находится на Дунае недалеко на запад от сейчас помянутого бывшего города Морава (по летописным известиям, Смедерево построил в первой половине пятнадцатого века сербский деспот Юрий Бранкович; но это должно разуместь о построении не совсем нового города, а только нового на месте старого, – существование тут города должно быть возводимо еще ко временам римским, см. у Каница ibid. S. 7 sqq). Относительно остальных четырех, называемых в хризовулах, городов пока мы не можем сделать никаких предположений. (Кроме Браничева есть еще город, имя которого близко к названию Βρα'νιτζα; это именно город Браня, находящийся на верхней болгарской Мораве (на некоторых картах он – Wiwarina, см. о нем Гана Reise, 1-го изд. стр. 44, 2-го 82); но мы не полагаем, чтобы он мог быть разумеем под Βρανί'τζα ей, потому что по-гречески он αἱ Βρανε'αι, и написать τῆς Βρανί'τζης вместо τῶν Βρανεῶν было бы со стороны переписчиков хризовулов не допустить ошибку, а сделать намеренное изменение.)

17) Белградская. По хризовулам импер. Василия ее города: Белград, Γρα΄δειτζη, Ομτζος, Γλαβεντїνος и Белая Церковь. Белград, иначе и преимущественно называемый Бератом, также Арнаут-Белградом (у греков Берит – Γρα΄δειτζη, Ομτζος, Γλαβενтїνος Βη΄руτος и потом Пулхериуполь), находится в средней Албании, на р. Узуми или Бератино (и Ljum-Beratit), по соединении с Деволом впадающей под новым именем Семени и Ергента в Адриатическое море (см. у Гана в Albanes. Studien S. 7 и карту; на старых картах неладно), верстах в 80-ти на юго-запад от Ахриды. Γρα΄деτζη, иначе Γρα΄διτζα, Гради΄ста – Градец, Градиште, находится верстах в 80 на юг от Белграда, на правом берегу нижней Воюцы (см. Pouqueville΄я Voyage de la Grèce, 2 ed. 1, 840 sqq, карту при Albanes. Studien Гана и ΄Ιστορικὴν περι΄γραφην τῆς μητροπο΄λεως Βελεγρα΄δων митр. Анфима, ἐν Κερκυ΄ρα, 1868 Г., стр. 29). Ομτζος, Γλαβενтїνος и Белая Церковь (Α΄σπρη ἐκκλη΄σια) остаются пока неизвестными. Епархия белградская принадлежит к числу епархий, учрежденных при самом Борисе, – о ней упоминается в послании к Борису папы Иоанна VIII от 878 г. (у Миня в Патрол. т. 126, стр. 760, – упоминается по тому обводу, что некий священник Сергей, быв извержен из своего сана латинским епископом Болгарии, – когда последняя до 870 г. находилась под властью папы, – несмотря на это извержение, греческим болгарским архиепископом был после возведен в сан епископа, – именно белградского.)

В тогдашней Болгарии были два Белграда⁸³ – этот албанский и потом еще сербский, находящийся при впадении Савы в Дунай и составляющий нынешнюю столицу княжества сербского (в дославянские времена называвшийся Сингидоном или Сингедоном и Сигиндоном). В последнем до 1019 г. не было епископской кафедры, потому что о ней не упоминается в хризовулах импер. Василия; но неизвестно, не была ли она учреждена в нем в дальнейшее время настоящего периода. В той части болгарской архиепископии, которая составляет северо-восточную половину нынешнего княжества сербского, по свидетельству одного послания болгарского царя Калияна к папе Иннокентию III, перед 1204 годом было пять епархий⁸⁴: так

как Белград принадлежал к числу значительнейших городов данной местности, то со всею вероятностью следует полагать, что одна из епархий находилась именно в нем; но очень может быть, что все эти пять епархий были открыты еще до 1188 г. или до восстановления болгарского царства и до возвращения Белграда от греков к болгарам (архиепископ Феофилакт в одном из своих посланий упоминает об епархии белградской – τῆς Βελεγραδῆς, у Мини т. 126, стр. 525, ed. Lamio XIII, но так как упоминает без всяких точнейших обозначений, то остается неизвестным, епархия которого именно Белграда должна быть у него разумеема; вероятнее впрочем, что Белграда албанского, потому что Белград сербский, отнятый венграми у греков в 1078 г., кажется, не был возвращен последними во все Феофилактово правление, см. Фесслера *Geschichte von Ungarn*, 2-го изд., т. 1, стр. 167, 232 и 233).

18) Трамская – τῆς Θραμίου. Остается пока по своей местности совершенно неизвестною.

19) Скопийская. По хризовулам императора Василия ее города: Скопия, Βίνετζης, Πρεαμοῖρος, Λυκοῦβα и Πρίνιπος. Скопия (τὰ Ζκοπία) и Скопие, также Скоп ль и Скопле, потурецки Ускюб, в древности называвшаяся Ζκοῦπτοι (Ζκοῦποι) и бывшая главным городом провинции Дардании (Hierociis Synecdemus, ed. Bonn., p. 393), находится на верхнем Вардаре, при завороте этого последняго с востока на юг (см. о ней Гризебаха *Reise durch Rumelien II*, 227 sqq, Гана *Reise* 1-го изд. стр. 58, 2-го 103). Остальные города епархии остаются пока неизвестными (если Λυκοῦβα читать по-славянски Лукова, то в одной позднейшей записи упоминается село Луковица, находившееся на юг от Скопии, Гласи. VIII, 143, а Βίνετζης может быть есть одно и то же с нынешним селом Бинач, находящимся недалеко на север от нее же, Гана *Reise* 1-го изд. стр. 174).

20) Приштинская. По хризовулам императора Василия ее города: Приштина, Κοσνός, Αεασκομτζός и Βραιτός. Приштина (τὰ Πρίσδριῶνα ошибкой вместо τὰ Πτισδίῶνα, как это у византийских летописцев) находится на северо-запад от Скопии, на знаменитом Косовом поле (см. Гана *Reise* 1-го изд.

стр. 72 и Гильфердинга в XIII т. Записок Географич. Общ. стр. 239). Χοσνός по всей вероятности есть Хвостно; так называлась область, лежащая на запад от Приштины, в которой где-нибудь и был город одного с нею имени (см. у Даничича в Речнике под словом Хвостно; писалось Хвосно и Фосио). Λεσκουρτζός, нет сомнения, есть Лесковец, который находится на северо-восток от Приштины, на речке Ветернице, недалеко от ее впадения в болгарскую Мораву (см. у Гана *ibid.* стр. 27 и карту). Βραιτός остается неизвестным (слово Βραιτός в той рукописи, с которой преосвящ. Порфирий сделал свой список, написано сокращенно, и он читает так по догадке: не скрывается ли под этим неведомым Βραιτός город Враня, который находится на юг от Лесковца, недалеко от левого берега болгарской Моравы, и который по своей местности именно приходится в епархии приштинской?). После хризовулов импер. Василии, об епархии приштинской (Πριοδ'ανης) упоминается в письмах архиепископа Феофилакта (у Миня т. 126, стр. 323, *epist. ed.* Lamio XIII).

21) Липенийская. Городок Липений – Λιπαίνιον, по свидетельству Анны Комненой, находился на границе Болгарии с Сербией, в 12 греческих стадиях от сербского города Звечана (кн. IX, гл. 4, в *Метог. рор.* II, 170 sqq), а развалины сего последнего близь нынешнего городка Митровицы, находящегося на р. Ибаре, недалеко от впадения в нее Ситницы, на северо-западном конце Косова поля (о Звечане см. Гильфердинга в *Записках Географич. Общ.* т. XIII, стр. 205. На 1-й карте в 1-м изд. *Reise* Гана есть село *Lepinja* на р. Ситнице, немного выше впадения в нее речки Грачаницы, также село *Лерепа* на речке *Лепенце* или *Лепенице*, текущей в южном конце того же Косова поля и после соединения под Качаником с *Нередимкой*, впадающей слева в верхний *Вардар*; но если верно показано у Анны Комненой разстояние Ляпения от Звечана, то ни первого, ни тем более второго нельзя принимать за этот древний Липений. Всего вероятнее видеть его в самой нынешней Митровице). Подобно предшествующей, епархия липенийская упоминается в письмах архиепископа Феофилакта (у Миня *ibid.* стр. 344, *ed.* Finetti XVII, и стр. 348, *ed.* того же XVIII).

22) Сервийская. Город Сервия (τὰ Ζε'ρβία), Серфидже или по-турецки Сельфидже, находится в южной Македонии, почти на самой границе ее с Фессалией, недалеко от правого берега Быстрицы или Индже-Карасу (см. о ней Pouqueville'я Voyage III, 85, Барта Reise S. 167 и карту, Тафеля De Thessalonica p. 59, cfr ШаФарика Древн. II, I, 395). После завоевания болгарского царства Василием Болгаробойцем, епархия сервийская недолго находилась в ведении архиепископов ахридских; как кажется, быв тогда же оспариваема у них митрополитами солунскими (о чем следует заключать из двукратного подтверждения императором прав на нее архиепископа, см. прим. 71), она потом навсегда отошла от них к этим последним (при архиепископе Димитрие Хоматине, в последних годах XII и первой четверти XIII века, она принадлежала уже митрополитам-солунам, и притом, как кажется, отошедши к ним довольно задолго перед тем, потому что Хоматин уже не изъявляет на нее своих притязаний, см. у Гардта в Catalogue codicum manuscripts Biblioth. Bavaricae t. I, № LXII, p. 864, оправдательное его послание к патр. Герману по поводу поставления им епископа сервийского; при Феофилакте епархия, как кажется, принадлежала еще к архиепископии, см. его послание ed. Finetti VIII, у Мивя p. 821).

23) Виддинская. Город Виддин (Βυδι'νη, Βιδι'νη), у болгар Бъдин, Бдинь, находится на Дунае, недалеко от границы Болгарии с Сербией. Импер. Василий успел отнять у болгар этот город в самом начале своей с ними войны (в 1002 г., Мемор. рор. II, 630), вместе с чем и епархия виддинская отошла от архиепископии болгарской к патриархату константинопольскому; по всей вероятности, она причислена была к митрополии доростольской. После 1019 г., когда император возвратил архиепископу право на все его прежние владения, епархия снова присоединена была к архиепископии, за которой и состояла все дальнейшее время настоящего периода (после хризовулов императора Василия о ней читаются упоминания в письмах архиепископа Феориакта, у Миня *ibid.* p. 336 fin., ed. Finetti XVI, и p. 526, ed. 24) Орфйская – τῷς Ὁ'ραι'ας. Города Ὁ'ραι'α пока неизвестно, но был город Horreum Margi, который

по-гречески писался Ὁρρεον и Ο'ρρεα (см. Птоломея, Гиерокла и других) и который находился в нынешнем княжестве сербском, на реке соединенной Мораве, близь нынешнего города Чуприя. Весьма вероятно, что в этом именно городе и была наша епархия.

25) Червинская – τοῦ Τζερνίκου. По каталогу архиерейских кафедр, так называемому императора Льва мудрого, епископия τοῦ Τζερνίκου, что нет сомнения есть одно и то же с Τζερνίκου, в митрополии диррахийской (у Ралли и Потли V, 484). Следовательно, неизвестный город Черник находился где-нибудь в средней или северной Албании.

26) Химфрская. Городок Химера или Химара (Химарра) находится в южной Албании, на берегу Адриатического моря, немного выше острова Корфу (см. Rouqueville'я Voyage I, 80 и карту при Albanes. Studien Гана). Епархии черникская и химфрская, как видно из хризовулов императора Василия, перед 1019 г. отошли от архиепископии к митрополии диррахийской.

27) Адрианопольская. Город Адрианополь, Юстинианом переименованный было в Юстинианополь (Procop. De aedific. 1. IV, с. 1), позднее называвшийся Дринополем, находился в южной Албании, где-нибудь недалеко от города Аргирокастро (Rouqueville'я Voyage I, 105, 130 и II, 1 sqq), – округ и епархия аргирокастрские доселе называются дринопольскими, см. у Rouqueville'a ibid, и списки архиерейских кафедр в Христ. Чтении.

28) Бутротская. Город Бутрот (Βου'θρωτον, но у позднейших, подобно тому как в хризовулах, и Βοθρῶτον) находился в южной Албании, на берегу Адриатического моря, против северо-восточного берега острова Корфу (см. Lequien'a Oriens II, 140, Rouqueville'я Voyage II, 38 sqq).

29) Козильская – τῆς Κοζιλῆς. В последующее время город Κοζι'λη принадлежал к епархии химарской (Acta Patriarchat. Constantinop. Миклошича I, 411) и следоват. находился где-нибудь недалеко от города Химары. Удавалось ли архиепископам болгарским после 1019 г. вернуть себе сейчас названные четыре епархии, остается неизвестным; но есть

указания, заставляющие полагать, что не позднее как со второй половины одиннадцатого века они принадлежали к митрополии навпактско (в одном из посланий архиепископа Феофилакта дается знать, что пограничной областью болгарской архиепископии от митрополии навпактской тогда была область канинская, у Миня р. 543, epist. ed. Lamio XXVII; но все эти епархии южнее области канинской. Положительное свидетельство о принадлежности второй и третьей между ними к митрополии навпактской в начале тринадцатого века см. у Ралли и Потли V, 107).

30) Янинская. Янина (τα Ἰωαννίνα) – известный большой город южной Албании, находящийся при озере того же имени. Неизвестно, возвращалась ли епископия янинская после 1019 г. под власть архиепископов болгарских; но перед 1318 г., когда она возведена в митрополию, она принадлежала к митрополии навпактской (Acta Patriarchat. Constantinop. Миклошича 1, 93 fin. А в начале тринадцатого века ее в митрополии навпактской как будто еще не было, см. у Ралли и Потли V, 107).

31) Петрская – τοῦ Πέτρου. В рукописи хризовулов написано Πέτρου, по всей вероятности, ошибкой вместо Πέτρας. Город Петра, в виде села с монастырем, существующий до настоящего времени, находился в северо-восточной Фессалии, не очень далеко от западного берега Солунского залива, на полдороге между городами Влахоливадо и Катерина (см. Барта Reise S. 181, 201 sqq, 204 и вторую из приложенных к книге карт; средневековые известия в Memor. por. II, 308 и у Тафеля в De Thessalonica р. 61.) Епархия петрская существует до настоящего времени и принадлежит к епископиям митрополии солунской; епископ в настоящее время имеет пребывание во Влахоливадо, см. списки кафедр в Христ. Чтении.

32) Стажская (стагонская). Город Стаг или Стаги (Ζταῦρος, Ζταῦροι и Стагон – Ζταῦρον), в настоящее время Стаг-Калабак (Stagus Kalabak), находится в средней Фессалии, на р. Саламврии (др. Пенее) при подножии гор Метеорских (Pouqueville'a Voyage III, 338). Возвращалась или не возвращалась епископия стажская после 1019 г. под власть архиепископов болгарских, остается неизвестным; не позднее

как с половины четырнадцатого века она принадлежит к митрополии ларисской (Гласника XVIII, 197 sqq).

33) Веррийская. Город Веррия (Βερροῖα), тот самый, о котором говорится в Деяниях апостольских XVII, 10, находится в южной Македонии, недалеко от границы с Фессалией, на западо-юго-запад, в расстоянии дня пути, от Фессалоники или Солуни. Возвращалась или не возвращалась епархия веррийская к архиепископии болгарской после 1019 г., свидетельства относительно этого несогласны, – по одним, она возведена была в тринадцатом веке в митрополии из епископий именно сей последней, напротив по другим – из епископий митрополии солунской (у Ралли и Потли V, 492; при Феофилакте она как будто принадлежала к архиепископии, см. его послание ed. Finetti VIII, у Миня стр. 321). В шестнадцатом веке архиепископ ахридский Прохор, ссылаясь на хризовулы византийских императоров (по всей вероятности, именно на хризовул императора Михаила Палеолога с приводимыми в нем хризовулами Василия Болгаробойца), хлопотал было у турецкого правительства снова присоединить эту епархию (тогда снова бывшую епископией митрополии солунской) к своим владениям (см. у Крузия в *Turcograecia lib. II*, p. 163 fin. sqq).

34) Моравская. Город Морав, как мы говорили выше, находился в нынешнем княжестве сербском, при впадении р. Моравы в Дунай. Епархия моравская (τοῦ Μοροῦβου вместо τοῦ Μοραῦβου) упоминается в письмах архиепископа Феофилакта (у Миня стр. 525, epist. ed. Lamio XIII), и следовательно была открыта не позднее последней четверти одиннадцатого века.

35) Дебрьская. Об епархии дебьской или дебринской (Δεῦβρης) упоминает тот же архиепископ Феофилакт (у Миня стр. 488, epist. ed. Meursio LXVII), и следоват. она открыта не позднее той же последней четверти одиннадцатого века. Область Дебри (Dibra), подразделяясь на верхнюю (Dibra sibr) и нижнюю (Dibra post), лежит на север от Ахриды, по обоим берегам Черного Дрия, вытекающего из Ахридского озера. В настоящее время в верхней или южной Дебре нет ни одного города, а только деревни; в нижней Дебре – один город,

который называется также Дебрей (Dibra) и находится на правом берегу Дрина, в 8 часах или верстах в 40 от Ахриды (см. Миллера Albanien, Rumelien et caet. S. 69 fin. sqq). Византийские писатели из городов этой местности упоминают также только об одном, который назывался также Дебрей (Δεΐβρη) и который должен быть принимаем за один и тот же с сейчас помянутым нынешним, потому что находился на том же Дрине (по-тогдашнему – Дримоне, Метог. рор. II, 684). По всей вероятности, в этом именно, от тогдашнего до настоящего времени существующем, городе Дебре и была кафедра епископа дебьского (в настоящее время население города Дебри, исключительно состоящее из албанцев, все принадлежит к магометанству, и кафедра митрополита дебьского находится в г. Кичеве).

86) Малешовская. Епархия малешовская, города Малешовы –Μαλεσοΰρης, упоминается также у архиепископа Феофилакта (epist. ed. Meursio XXXII, у Миня стр. 432), а потому и о времени ее открытия должно быть сказано то же самое, что двух предшествующих. Эта Малешова, по всей вероятности, есть та самая, которая при импер. Василии принадлежала к епархии моровиздской; по крайней мере другой Малешовы пока неизвестно (что та самая, следует заключать и из слов Феофилакта, у которого, *ibid.*, епархия малешовская – соседняя с епархией струмицкой. В настоящее время малешовская область принадлежит к сей последней епархии, Барта Reise S. 112). – Упоминается в известиях современн. архиепископу Феофилакт или немного позднейший епископ малешовский (Μελεσοΰρης) Николай (у Ралли и Потли V, 431).

37) Гревенская. Городок Гревена или Гревено (по некоторым, славянское – Гребень, подразумевается – горный) находится в юго-восточном углу Албания, на притоке р. Быстрины, впадающей с запада в Салоникский залив (верстах в 50–60 к северо-востоку от Янины и в трех днях пути от Солуни, см. Rouqueville'a Voyage II, 495 sqq. Сношения России с Востоком, Спб., 1860, ч. 2, стр. 29). Когда именно после 1019 г. открыта была епархия гревенская, точным образом неизвестно; но во всяком случае не позднее первой половины двенадцатого

века (об епархии этой упоминается по поводу неправильного поставления в ее епископы некоего диакона Иоанна Сухорукого – Ἰωαννου τοῦ Κοφοχει'ρου архиепископом Львом, но которым Львом – первым или вторым, не сказано, см. у Lequien'all, 323).

38) Девольская. Первое известное упоминание об этой епархии относится к 1199 г. (см. Jus Graeco-romanum Леунклавия, lib. III, p. 285 и у Ралли и Потли V, 103); но так как с вероятностью можно предполагать, что она открыта была еще в течение настоящего периода или до 1185 г., то мы и присоединяем ее сюда. Городов, носивших имя Девол, как говорили мы выше (в епархии касторийской), было два; оба они находились в верховьях реки того же самого имени, на юг от Ахриды и Преспы и на северо-запад от Кастории. В котором именно была кафедра епископа, остается точно неизвестным, но по всей вероятности – в том, который назывался большим и который в настоящее время в развалинах.

39) Расская. Сербский город Раса или Рас (Ρα'σον) находился недалеко от южной границы нынешнего княжества сербского (не обнимающего собой древней Сербии), подле нынешнего города Нового Пазара, на р. Рашке, впадающей в р. Ибар. В десятом и одиннадцатом веке, подобно тому, как и в последующее время до начала тринадцатого века, когда учреждена была Св. Саввой сербская архиепископия, епископ расский был единственным православным епископом на все сербское великое княжество. В правление болгарских царей Петра и Самуила (или может быть только одного второго) епископ этот находился в зависимости от архиепископов болгарских, как мы говорили выше, нет сомнения, потому, что в государственном отношении сербское княжество состояло тогда в вассальной зависимости от царства болгарского. Удавалось ли архиепископам болгарским после 1019 г. снова подчинить себе епископию или, иначе, снова возратить себе церковную власть над сербским княжеством, положительным образом пока неизвестно; но в конце двенадцатого – начале тринадцатого века, пред самым учреждением сербской архиепископии, великие князья сербские действительно как будто признавали

своим высшим пастырем не патриарха константинопольского, а именно архиепископа ахридского (см. ниже).

Патриархат второго болгарского царства

Основатели второго болгарского царства, братья Петр и Асень, позаботились об устройстве самостоятельного церковного управления в своей стране немедленно вслед затем, как провозглашена была ее государственная независимость. Так как Ахрида, с находившимся в ней престолом прежнего болгарского архиепископа, осталась во власти греков, то поставлен был новый архиепископ в стольном городе нового царства Тернове, которому и подчинены были все болгарские епископы (находившиеся пред этим – одни в заведывании подчиненного патриарху константинопольскому митрополита доростольского, другие – под властью архиепископа ахридского). Это было или в 1185 или 1186 году⁸⁵. Только что отложившись от греков и находясь еще крайне во враждебных отношениях с ними, государи болгарские, нет сомнения, действовали при учреждении своей архиепископии без всякого спроса у этих последних и без всякого с их стороны согласия. В минуту отпадения болгар от империи епископские кафедры отпавшей части прежнего царства, более чем вероятно, все замещены были греками. Каким образом эти епископы-греки решились поставить отдельного болгарского архиепископа и тем посягнуть на права своих греческих – патриарха константинопольского и архиепископа ахридского, при отсутствии всяких речей об этом у летописцев, остается совершенно неизвестным; но несомненно, что архиепископ был поставлен, и следовательно так или иначе, но епископы были преклонены это сделать.

После сего, прежде чем восстановлен был церковный мир с греками, имел место эпизод подчинения болгар власти папы. Известный своими ревностными стараниями о привлечении славянских народов под кров св. седалища, папа Иннокентий III (1198–1216) всего менее мог оставить между этими народами без своего внимания недавно возвративших себе независимость болгар и преминуть воспользоваться теми

политическими обстоятельствами, в которых они находились. Свергнув иго греческое, новые государи болгарские eo ipso стали действительными и законными государями своей страны: но мало было того, что таковыми признавали они себя сами и были признаваемы от своих подданных; тогда, так же как и в настоящее время, важны были отношения международные, и необходимо было, чтобы признавали их не простыми бунтовщиками против императора греческого, а действительными государями их соседи. Но достигнуть этого последнего по отношению к соседям западным, между которыми весьма важны были непосредственные соседи венгры или мадьяры, возможно было не иначе как через посредство папы, т. е. не иначе как получив признание и утверждение в своем достоинстве от этого последнего, потому что по тогдашним понятиям католических народов только папа мог творить действительных и законных государей. Зная эту нужду в себе, Иннокентий III и не преминул обратиться к болгарам; в конце 1199 или в 1200 году он отправил к тогдашнему государю болгарскому Калияну своего посла, с которым, выражая государю свое благоволение за его будто бы приверженность к апостольскому седалищу, предлагал ему вступить с римским престолом в теснейшие сношения. Калиян принял сделанное предложение именно так, как рассчитывал папа, т. е. с величайшею готовностью, и таким образом и состоялось кратковременное подчинение болгар римской церкви. После недолго веденных переговоров, папа прислал в Болгарию своего легата, который венчал королевским венцом Калияна и возвел в звание примаса терновского архиепископа (в ноябре 1204 года), а болгары с своей стороны дали торжественное обещание признавать папу своим верховным главой и неизменно пребывать в его подчинении.

Нисколько не думая на самом деле присоединяться к римской церкви, а водимые единственно указанными нуждами политическими, болгары хотя Формальным образом не тотчас же разорвали с папою свой союз как дали ему свое торжественное обещание, но в действительности считали его прекращавшимся именно там, где папа видел его

начинавшимися, т. е. именно с той самой минуты как получили от него все, что желали получить в видах государственных⁸⁶. За сим следует небольшой промежуток времени, в продолжение которого дела болгарской церкви остаются для нас в совершенной неизвестности. Скоро прекратив сношения с папою, болгары, как кажется, не возобновляли и тесного общения с греками, а пребывая в православии, остались одни сами с собой.

В 1231 году, через пятьдесят лет после восстановления государства, возобновлено было в Болгарии и прежде бывшее в ней патриаршество. Тогдашний император греческий Иоанн Дука Ватацес (1222–1255), ища в бедственном положении своей империи, сокрушенной крестоносцами, заключить тесный союз с могущественным болгарским царем Асенем II или великим, просил руки дочери этого последнего для своего сына; когда брак состоялся и государи съехались для венчания детей (в Лампсак, на азиатском берегу Геллеспонта или Дарданельского пролива), то царь болгарский при этом случае и испросил титул патриаршее своему архиепископу у императора и патриархов греческих. Болгарское сказание о возобновлении патриаршества дает знать, что Асеню стоило немалых усилий достигнуть исполнения своего желания; очень может быть, что он поставил это императору условием *sine qua non* брачного союза, и что только таким образом удалось ему принудить последнего энергически потребовать у патриархов их согласия. Что касается до подробностей дела, то, по словам того же болгарского сказания, император писал к патриархам иерусалимскому, антиохийскому и александрийскому, настоятельно прося их прислать свои рукописания, в которых бы они изъявили свое согласие даровать архиепископу терновскому равную им степень патриаршескую; когда получены были требуемые рукописания патриархов, собран был (в Лампсак) торжественный и многочисленный собор, состоявший из всех митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов с одной стороны греческих, а с другой болгарских, а также всех монахов, находившейся тогда под властью и покровительством болгарского царя, горы

Афонской; торжественно нарекли патриархом тогдашнего архиепископа болгарского Иоакима, патриарх константинопольский Герман и все присутствовавшие на соборе греческие архиереи составили грамоту, которую, «своими сгиллиями печатлевше, вдали царю болгарскому и новопоставленному патриарху в вечное поминание неотъемлемо»⁸⁷. Подлинные, относящиеся к делу, акты, если они действительно только существовали, неизвестны в настоящее время, и поэтому мы не знаем, насколько справедливо говорит болгарский сказатель, что император требовал у патриархов согласия возвести архиепископа болгарского на равную им степень патриаршества и было ли об этом равенстве прямо сказано в утвердительной грамоте, которую дал патриарх константинопольский Герман с собором греческих архиереев. Но как бы то ни было, только несомненно, что в последующее время патриархи греческие, не отнимая совсем у патриархов терновских имени и титла патриаршего, вовсе не думали признавать их патриархами настоящими или действительными и совершенно им самим равными.

1. Архиепископы-патриархи второго царства

Известный в настоящее время, и начиная со второго из ниже именуемых, по всей вероятности, совершенно полный ряд архиепископов-патриархов второго царства есть следующий:

1) Василий I. Он поставлен был в архиепископы, как мы говорили выше, или в 1185 или 1186 г., и следовательно немедленно после того как было свергнуто греческое иго. Оставаясь архиепископом при Калияне, вместе с этим последним, он вступил в союз с папою Иннокентием III, от которого в 1204 году был возведен в примасы болгарской церкви (последующие болгарские писатели и его также называют патриархом, см. напр. Евфимиево, дополненное Владиславом, житие Иоанна рыльского, в Гласнике кн. XXII, стр. 285).

2) Иоаким I. Неизвестно когда вступил на кафедру архиепископскую, в 1234 г. получил сан патриарха. Умер в 1237 г. (Мемор. рор. II, 730). Этот Иоаким и все известные в

настоящее время его преемники, кончая последним болгарским патриархом Евфимием, поминаются в болгарском соборовнике или синодике XIII-XV века, о котором говорили мы выше и который напечатан в 21 кн. Временника Общ. Ист. и Древн.; по всей вероятности, запись их имен в синодике есть полная и относительно хронологического порядка правильная.

3) Василий II. Вступил на престол, вероятно, вскоре после смерти Иоакима; когда умер, неизвестно. Упоминается кроме синодика в житии Параскевы терновской патр. Евфимия как встречавший мощи этой Святой, принесенные в Тернов при Иоанне-Асене II⁸⁸.

4) Иоаким II. Пока ничего неизвестно, кроме имени (в синодике).

5) Игнатий. Когда вступил на престол и скончался, неизвестно; в записи на одном Евангелии упоминается под 1273 г. (см. Григоровича Путеш. стр. 183 fin.).

6) Макарий. Называется священномучеником (в синодике), но от кого и когда пострадал – неизвестно.

7) Иоаким III. Когда вступил на престол, неизвестно. Упоминается под 1283 годом (Метог. рор. II, 797). В 1291 г. к этому патриарху и тогдашнему болгарскому царю Георгию Тертерию I, по просьбе сербской кралицы Елены, писал увещательные послания о присоединении к римской церкви папа Николай IV. Кралица Елена, родом из страны латинской (точно неизвестно какой), была горячей ревнительницей католичества; желая сделать попытку привлечь к латинству болгарского царя с его народом, она и просила папу поддержать ее в ее стараниях своими посланиями в Болгарию. В послании к патриарху папа утверждает, что в 1277 г. или он сам, или другой, бывший тогда патриархом, присутствовал на константинопольском соборе, и здесь вместе с другими дал обещание покорности римскому престолу (см. у Ассемани в *Kalendaria* V, 45 sqq, 182 sqq и у Райвальда в *Annal. Eccles an.* 1291, о. 38 sqq. На константинопольском соборе 1277 г., устроенном императором Миханом Палеологом и патр. Иоанном Векком, была принята греками уния с латинянами, см. у Райнальда *an.* 1277, п. 34, у Алляция *De perpetua consens. lib.*

II, сар. XV, § V, р. 746 sqq. Присутствовал ли на соборе патриарх болгарский, остается неизвестным). Неизвестно положительно, но должно думать, что послания папы остались без всякого действия (Колоти и за ним Мартынов, см. у последнего в *Annis Eccles.* р. 326, col. 1, считают Иоакима приверженцем унии, но строя ни на чем не основанные предположения, единственно потому, что это так им хочется). Иоаким был убит (быв сброшен со скалы) в 1294 г. по приказанию жестокого сына Тертериева Святослава, вследствие подозрения в тайных сношениях с татарами и желании предать им Болгарию (*Memor. por.* II, 794).

8) Дорофей.

9) Роман.

10) Феодосий I.

11) Иоанникий I.

Всех четверых пока известны один имена (в синодике).

12) Симеон. Упоминается под 1346 годом как участвовавший в венчании царским венцом сербского крала Стефана Душана (см. Майкова *Историю сербского языка*, Москва, 1857, стр. 240 нач.).

13) Феодосий II. При нем в пятидесятых годах четырнадцатого столетия, в правление царя Иоанна-Александра, был в Тернове собор на возмущавших тогда в Болгарии христианство иудеев и на богомилов (см. житие препод. Феодосия терновского в *Чтениях Общ. Ист. и Древн.* 1860 г., кн. 1, л. 8. В напечатанном списке жития год собора 1360, но это неправильно; собор был созван главным образом по настояниям преп. Феодосия, а сей последний навсегда удалился из Болгарии в 1356 г., см. ниже о патр. Евфимии). Или этим Феодосием, или его предшественником Симеоном был незаконно поставлен в митрополиты русские известный Феодорит, один из соперников Св. Алексия. По отзыву патриарха константинопольского Каллиста (в житии Св. Феодосия терновского, *ibid.* л. 5 об. fin.), патриарх Феодосий был человек «прост сый», т. е. недалекий.

14) Иоанникий II. Вероятно тот самый, который на соборе, бывшем при патриархе Феодосии II, присутствовал в сане архимандрита, первого по степени между болгарскими

монастырями, Терновского монастыря (лавры) 40 мучеников (в житии Феодосия терновск., *ibid.* л. 8).

15) Евфимий, последний болгарский патриарх, известный своими письменными трудами и своим несчастьем пережить падение своего отечества. Довольно достаточные сведения о нем находим в похвальном слове ему, написанном соотечественником и современником его Григорием Цамвлаком⁸⁹; только, в сожалению, слово, как всякое ораторское, а не историческое произведение, не отличается желаемой точностью и обстоятельностью. Возымев намерение отказаться от мира еще в юных летах, Евфимий принял пострижение в монашество в монастыре Параорском (находившемся где-то недалеко на север от Адрианополя, на границе Болгарии с Грецией, в пределах первой, си. житие Феодосия терновского в Чтениях Общ. Ист. и Древн. 1860 г., кн. 1, л. 2 об. и житие Григория Сянаита в Афонском Патерике, Спб., 1860, ч. 1, стр. 873, – в местности, в которой есть озеро, «ихже жителя места оного виры наричют», см. выписки из жития Св. Ромила болгарского в Гласн. IX, 253), и здесь усердно упражнялся в подвигах монашеских под руководством тогдашнего настоятеля обители преп. Феодосия, бывшего учеником одному из вводителю в монастырях греческих так называемого умного делания – Григорию Синаиту (основателю Параорского монастыря; о Григории и Феодосии см. сейчас указанные их жития). Пробыв в монастыре Параорском довольно долгое время и достигнув в подвигах монашеских, и между прочим и в умном делании, такого совершенства, что принят был Феодосием в помощники в духовном руководстве братии, Евфимий вместе с своим наставником принужден был оставить свою пустыню вследствие того, что вся окрестная местность постоянно была воюема турками (о вторжениях турок во Фракию и Македонию прежде окончательного взятия ими Адрианополя и Филиппополя в 1361–62 г. см. Гаммера *Histoire d'Empire Ottoman*, в переводе Dochez'a, Paris, 1840, 1.1, livre V); так как Феодосий желал видаться с своим соучеником у Григория Синаита, тогдашним патриархом константинопольским Каллистом (это говорится в житии Феодосиевом), то они

отправились в Константинополь (прямо в Константинополь по Цамвлаку; по патр. Каллисту, в житии Феодосия, этот последний по удалении из монастыря Параорского, до путешествия в Константинополь, подвизался три года в одной пустыне близ Тернова. Феодосий вместе с Евфимием и другими тремя учениками отправился в Константинополь после того как получил от патриарха Каллиста соборный ответ на свое к нему послание о болгарских церковных делах, см. житие Феодосия; ответ этот, нет сомнения, есть тот самый, который читается в Acta Patriarchatus Constantinopolitani, напечатанных Миклошичем, Vindobonae, 1860, t. 1, p. 436; а так как он от декабря 1355 г., то прибытие Феодосия с учениками в Константинополь должно быть относимо к следующему 1356 г.). После смерти Феодосия в Константинополе, последовавшей не в очень продолжительном времени после прибытия в этот город (сравнивай житие Феодосия: Евфимий сначала остался подвизаться в одном из тамошних монастырей, именно монастыре Студийском, а потом перешел на Афон и подвизался в лавре Св. Афанасия и в столпе или пирге Селина (если только правильно написано название столпа в единственном, известном в настоящее время, списке жития). Быв оклеветан некоторыми из монахов прибывшему на Афон императору константинопольскому, будто притворяясь бессребренником скрывает у себя состоящее в деньгах и в ценных вещах весьма большое богатство, Евфимий был послан императором, который требовал от него и не получил не существующего богатства, в заточение на остров Лемнос (в списке ошибочно вместо Лимнос – Мимнос; что разумеется именно Лемнос, видно из того, что расстояние острова от лавры Св. Афанасия полагается в шестьдесят поприщ); но, по дознании клеветы, скоро был с честью возвращен из заточения, и получить от императора извинение нарочито вызываем был в Константинополь (императором греческим тогда был Иоанн Палеолог, занимавший престол с 1356 по 1391 г.; на Афоне он был, по всей вероятности, проездом в Рим куда путешествовал для признания церковной власти папы и для испрошения у него помощи против турок в 1369–70 г.; денежные дела его были в

таком худом положении, что на возвратном пути из Рима он был было задержан в Венеции своими кредиторами: а поэтому и нет ничего удивительного, что он хотел было бесцеремонным образом воспользоваться мнимыми капиталами болгарского монаха). Из Константинополя, несмотря на просьбы тамошних жителей, Евфимий решился возвратиться в свое отечество – Болгарию, и здесь, избрав местом своих подвигов один неизвестный пустынный монастырь (вероятно тот самый, в котором подвизался Феодосий по удалении из монастыря Параорского до путешествия в Константинополь, потому что как один, так и другой называются пещерой; монастырь Феодосия отстоял от Тернова на двадцать поприщ, которые у Цамвлака равняются или близки нашим верстам, см. у него расстояние Лемноса от Афонской лавры Афанасия). В монастыре, как кажется, быв избран в его настоятели (что у Цамвлака не ясно), Евфимий, между прочим, занимался весьма важным трудом исправления неисправного текста болгарских церковных книг чрез сличение его с подлинным текстом греческим и чрез усовершенствование в отношении литературном, а также вероятно и писанием своих, известных в настоящее время, сочинений (о том и другом подробнее скажем ниже, в особом отделе о древней церковной письменности болгар). Наконец, когда упразднилась кафедра патриарха терновского, по единодушному желанию епископов и всего народа, он был избран в верховные пастыри болгарской церкви. Год избрания у Цамвлака (говорящего тут вообще до крайности неясно) не указан; но приблизительно – последнее должно быть относимо к годам 1375–78. Что касается до пастырской деятельности Евфимия в сане патриарха, то панегирист об этом почти ничего не сообщает; похваляя его ревность о чистоте православия пасомых, он рассказывает об одном случае успешной борьбы его с проповедниками ереси Варлаама и Акиндина, – похваляя его ревность о чистоте нравов паствы, он упоминает об одном, клонившемся к сему, его церковно-правительственном распоряжении, – и только. После неизвестного числа лет управления (приблизительно лет 15–18-ти), Евфимий дожил до несчастья быть свидетелем порабощения своей родной страны.

Каких-нибудь новых и обстоятельных сведений о взятии турками столицы болгарской Тернова у нашего автора, к сожалению, также нет; но по крайней мере есть сведения о самом Евфимии. Когда, после отчаянного сопротивления, город был взят (о годе взятия нет, см. о нем выше), то патриарх своим мужественным предстательством успел до некоторой степени укротить ярость раздраженного упорством победителя (по Цамвлаку, это был сам царь, т. е. султан, каковым был тогда Баязид I-й); что касается до него самого, то, изгнанный из своей соборной церкви (которая, конечно, тогда же была обращена в мечеть), он принужден был перенести свою кафедру к другой церкви, именно церкви Верховных апостолов (по всей вероятности, одной и той же с церковью Двенадцати апостолов, при которой находится кафедра митрополита терновского в настоящее время). Спустя непродолжительное время после взятия города, оставленный для управления им турецкий начальник, т. е. паша (по необъяснимым у автора побуждениям и поводам) задумал избить знатнейших его граждан, вместе с которыми осужден был на смерть и сам патриарх. Собранные посредством хитрости в одну церковь, пали под топором палача сто десять человек; но когда после всех приведен был Евфимий, то, по словам Цамвлака, сохранен от смерти тем, что занесенная рука палача внезапно чудесным образом онемела. Оставив жизнь, паша, по приказанию султана, вскоре сослал патриарха в ссылку, куда-то в неназываемое место Македонии (одновременно с ним разосланы были в ссылку по разным местностям Македонии и многие из граждан Тернова; по свидетельству митрополита виддинского Иоасафа в похвальном слове Филофее терновской, это было в первый же год после взятия турками названного города); в ссылке, неизвестно долго ли еще жив, он и скончался естественною смертью.

С заточением Евфимия кончилось существование второго болгарского патриархата. Неизвестно каким образом, но грекам удалось получить от турок, что кафедра патриаршая была закрыта и все епархии бывшего болгарского царства подчинены были ведению константинопольского патриарха (в то время с султаном Баязидом, начавшим было осаждать

Константинополь, грекам удалось ценою унижений заключить на несколько лет перемирие, см. Гаммера *Histoire d'Empire Ottoman*, в переводе Dochez'a, Paris, 1840, t. I, p. 108 нач.). После ссылки Евфимия, епархия терновская, низведенная в ряд с другими и переименованная в митрополии, оставалась без архиерея, и в августе 1391 г. послан был из Константинополя для заведывания ею поставленный было в митрополиты молдавлахийские, но не принятый своей паствой (см. ниже), грек Иеремия (грамота ему в *Acta Patriarchatus Constantinopol.* Миклошича t. 2, p. 223).

2. Епископские кафедры болгарского патриархата в период второго царства

При восстановителях царства Петре и Асене и в начале правления их преемника Иоанна Калияна границы Болгарии были следующие: Дунай, Черное море, за исключением приморских городов Варны, Месемврии и Анхиала, которые оставались во власти греков; Балканы, с которых мимо остававшейся еще за греками Софии на верховья Струмы или Стримона; эта Струма, не доходя немного до впадения в нее Страницы; поперечная черта, шедшая со Струмы на Истиб и Кюприли и загибавшая на северо-запад к Косову полю; продольная, вероятно, шедшая по естественной горной границе, линия с северо-западного угла Косова поля на болгарскую Мораву немного выше Алексинца; низовья болгарской и верховья соединенной Моравы и потом в сей последней косая черта на низовья Савы; т. е. в продолжение указанного периода времени владения болгар обнимали всю предбалканскую или собственно так называемую ныне Болгарию, за исключением некоторых отдельных в ней мест, северо-восточную половину нынешней Сербии и северную часть Македонии. На этом пространстве перед 1203 г. при Иоанне Калияне существовали в болгарской патриархии (тогда еще архиепископии) епископские кафедры: 1) преславская, 2) вельбуждская, 3) скопийская, 4) приштинская, 5) нишевская или пишская, 6) бравичевская, 7) виддинская и 8–12

неизвестные по именам пять кафедр в области заморавской (составляющей северную часть западной половины нынешнего княжества сербского (см. послание, писанное в этом году всеми болгарскими епископами к папе Иннокентию III, в Патрол. Миня т. 215, стр. 289, – недостающий епископ браничевский сам ходил тогда послом к папе; о пяти епархиях в области заморавской, которая перед 1203 г. была отнята у Калияна венгерским королем, см. его послание к Иннокентию в Monumenta Slavorum Meridionalium Тейнера t. I, p. 30). Что касается до последующего времени, то нужно отличать постоянные владения болгар от временных. С конца правления Калиянова болгары постоянно владели до самого падения царства всей собственно так называемой в настоящее время Болгарией (за исключением приморских городов Варны, Месемврии и Анхиала, о которых см. ниже) с присоединением на юго-западе области Софийской. В этой постоянной части болгарских владений в последующее время существования их государства, кроме сейчас упомянутых двух епархий – преславской и виддинской, были еще пять епархий, именно – 1) червенская или руцукская, 2) ловечская, 3) средечская или софийская, 4) овечская или праводская, 5) дристрская или доростольская (т. е. силистрийская; о всех пяти в болгарском синодике, Времен, стр. 14 sqq). История остальных владений болгарского царства, а с ним и болгарской патриархии, есть следующая. Иоанн Калиян, быв вынужден перед 1203 г. уступить венграм область заморавскую, под конец своего правления овладел всей Македонией включительно по Веррию и почти всей Фракией, за исключением юго-восточного угла от Адрианополя и Димотики к Константинополю; таким образом, после этих его завоеваний в состав болгарской патриархии (тогда еще собственно архиепископии) входили архиепископия ахридская со всеми своими епископиями и большая часть фракийских митрополий и епископий константинопольского патриархата. Лишившись своих приобретений в Македонии при преемнике Калияна Борисе, болгары при преемнике этого последнего Иоанне-Асене II не только снова возвратили их, но и расширили пределы своего государства до естественных

пределов Балканского полуострова, так что на нем остался не принадлежащим их власти один только Константинополь с ближайшими к нему городами, а равным образом и на западе в нынешней Сербии снова возвратили все то, что было отнято у Калияна венграми. Вследствие этого, при Асене II в состав болгарской патриархии, кроме архиепископии архидской, входили: 1) митрополия солунская с своими епископиями 2) все до одной фракийские митрополии константинопольского патриархата, начиная серрскою и кончая адрианопольскою, и 3) в нынешней Сербии кроме епархии браничевской была еще восстановленная после венгров в области заморавской, уничтоживших в ней все пять ее епископских кафедр, епархия белградская. После смерти Асеня началось быстрое сокращение владений болгарского государства. В непродолжительном времени была утрачена вся Македония по город Кюстендил и по местность Косова поля включительно, а владения во Фракии, то уменьшаясь, то увеличиваясь, почти никогда не переступали на юг границы, шедшей по Морице от верховьев до Адрианополя, а отсюда по прямой линии к Агатополю, по-турецки Ахтеболу, на Черном море, при чем Адрианополь почти постоянно оставался во власти греков, а Филиппополь и приморские города выше указанной черты постоянно переходили из одних рук в другие. Сообразно с этим сокращением южных границ государства сократилась и забалканская область болгарской патриархии (в указанной, переходившей из одних рук в другие, части Фракии были – митрополия Филиппопольская с своими епископиями, епископии митрополии адрианопольской и в позднейшее время – отделенные от этих митрополий архиепископии литицкая и созопольская). На западной границе от Сербии (от нынешней и от тогдашней) сначала, вероятно тотчас после смерти Асеня, мадьяры отняли область белградскую, потом сербский король Стефан Милутин (1275–1320) – обширный край, лежащий на запад от черты, проведенной с верхнего Стримона на верхний Тимок и от сего последнего до его впадения в Дунай (неизвестно, со включением или за исключением области нишской), и наконец сербский король Стефан Дечанский (1321–

1336) – города Дубницу, Ихтиман и Самоково с их округами (и если не Милутин, то не позднее как он же – область нишскую).

Выше мы указали архиерейские кафедры, существовавшие в предбалканской или собственно так называемой Болгарии, какие упоминаются в известных в настоящее время памятниках; очень может быть, что фи указали их не все и что в действительности число их было несколько значительнее. Что касается до административных степеней этих кафедр, то разделения на митрополии и подведомые епископии, как кажется, никогда не было, а все они постоянно были равноправными епископиями, непосредственно зависевшими от самого архиепископа-патриарха. Ставшее употребительным у греков в позднейшее время, титулярное наименование митрополита (т. е. митрополита, не имеющего подчиненных епископов) некоторым из епископов, по всей вероятности, дано было одновременно с тем, как архиепископ признан был греками в сане патриарха, а под конец существования государства⁹⁰ оно было усвоено всем епископам до одного (т. е. всем семи, названным выше, – о шести см. в синодике, о седьмом – виддинском ниже).

Мы говорили выше, что в период второго царства почти постоянно было подведомо болгарской патриархии то или другое (в последние годы правления Калиянова и при Асене II весьма значительное) количество митрополичьих и епископских кафедр патриархата константинопольского. Что это действительно было так, т. е. что болгары, захватывая у греков те или другие части их владений, не оставляли архиереев завоеванных местностей по-прежнему в ведении константинопольского патриарха, а подчиняли своему патриарху терновскому, это не подлежит никакому сомнению. Во-первых, мы имеем относительно этого прямые и документальные свидетельства в актах греческих (см. ниже выписку из грамоты патриарха Антония от 1392 г.). Во-вторых, что касается до памятников болгарских, то хотя не встречается в них таких же общих прямых свидетельств, но в них упоминается в разные времена, как действительно подлежащие ведению патриарха терновского, некоторые отдельные

митрополии константинопольского патриархата; так, о временах Асеня II говорится, что тогда принадлежали к терновской патриархии греческие митрополии серрская и филиппская (в синодике)⁹¹; о временах Иоанна-Александра говорится, что тогда принадлежала к ней греческая митрополия филиппопольская (в житии Феодосия терновского л. 8).

1) Тернов. Стольный город второго болгарского царства и второй болгарской патриархии Тернов (у греков Τρίνοβος, Τρίναβος, Τόρνοβος) находится на реке Етре или Янтре, впадающей в Дунай, верстах в 50 от этого последнего. Будучи расположен на высоких обрывистых скалах (отрогах Балкан), он сильно укреплен самою природою, почему, вероятно, и был выбран в столицы государства; вместе с этим его местоположение, по отзывам путешественников, чрезвычайно величественное и красивое. Важнейшей святыней болгар в нем были: 1) церковь Вознесения Христова, «мать церквам болгарского царства», в которой находилась кафедра болгарского патриархата; 2) церковь Св. Димитрия Солунского, в которой короновались болгарские цари; 3) построенная Асенем II в 1230 г. и служившая для болгарских царей усыпальницей «Великая лавра» сорока мучеников. В настоящее время, за исключением церкви Двенадцати апостолов, при которой находится кафедра митрополичья, не остается в нем почти ничего древнего. Что касается до нынешнего населения города, то из 5000 с небольшим домов его 3800 принадлежат туркам и 1200 болгарам (при покорении болгарского царства турки поступили в Тернове так же, как после в Константинополе, – город заняли сами, а болгар выгнали в предместья. (См. Григоровича Путешествие, стр. 171 ftn. sqq, Барта Reise S. II, sqq, статью «Открытия в Тернове, во 2 кн. 1859 г. Чтений Общ. Ист. и Древн., написанную одним болгаринем краткую историю Болгарии, под названием Царственник, напеч. в Буде 1814, стр. 47, житие Феодосия терн, в 1 кн. 1860 г. Чтен. Общ. Ист., л. 8, синодик царя Бориса в 21 кн. Временника Общ. Ист., стр. 10. План Тернова см. при Reise Барта).

2) Епархия преславская. Под 1203 годом упоминается преславский епископ, возведенный в этом году папою в

митрополиты, Савва (см. послание болгарских епископов к папе Иннокентию III, в Патр. Миня т. 215, стр. 289 и в Monumenta Slavorum Meridionalium Тейнера, 1.1, р. 29; у Миня вместо Sabbas ошибочно Saccas). В болгарском синодике (разумею напечатанный в 21 кн. Времени, и многократно упоминаемый выше так называемый синодик царя Бориса) перечисляются следующие 12-ть митрополитов времен второй патриархии: Стефан, Дмитрий, Лев, Григорий, Герасим, Аарон, Мелетий, Савва, Дорофей (вероятно тот, который присутствовал на терновском соборе, бывшем при царе Иоанне-Александре, см. житие Феодосия терн., в Чтен. Общ. Ист. 1860, кн. 1, л. 8), Виссарион, Макарий (Времени, стр. 15). Преславские митрополиты были «протофронами», т. е. первыми после патриарха митрополитами (житие Феодосия терн., *ibid.* л. 8).

3) Вельбуждская. В первое время по восстановлении царства Вельбуждю почему-то придаваемо было особенное значение, – в 1203 г., при заключении унии с Римом, епископ вельбуждский вместе с епископом преславским возведен был в митрополиты, и притом поставлен был первым после патриарха (или примаса, во что собственно возведен был папою архиепископ терновский)⁹²; но в последующее время кафедра вельбуждская была просто епископией. Под 1203 г. упоминается митрополит вельбуждский (Belesbudiensis) Анастасий (Патрол. Миня т. 215, ст. 290); в болгарском синодике (Временн. стр. 15) упоминаются епископы вельбуждский: Анастасий, Епифаний и Дмитрий (очень может быть, что Анастасий синодика есть одно и то же лицо с митроп. Анастасом 1203 года, т. е. что синодик называет последнего епископом, не признавая за ним сана, полученного от папы). Территория епископии вельбуждской в половине тринадцатого века отошла от болгар к грекам (а от сих последних к сербам), при чем и кафедра епископская была закрыта.

4) Скопийская. Под 1203 г. упоминается епископ скопийский Марин (у Миня т. 215, стр. 289). Территория епархии скопийской отошла от болгар сначала к грекам, а потом к сербам, одновременно с территорией епархии вельбуждской; епископская кафедра осталась при этом незакрытою.

Кафедральной церковью епископа скопийского в 1203 г. была церковь Богородицы (у Миня *ibid.*).

5) Приштинская. Под 1203 г. упоминается епископ приштинский Авраам (у Миня т. 215, стр. 289). Во второй половине тринадцатого века область епископии приштинской отошла от болгар к сербам; неизвестно, когда была закрыта епископская кафедра, но под владением последних ее уже не существовало.

6) Нишевская или Нишская. Под 1203 г. упоминается епископ нишский Кирик (у Миня т. 215, стр. 289); в болгарском синодике упоминаются епископы Кирилл и Дионисий (Временн. стр. 15). В 1203 г. кафедра епископа нишского была при церкви Св. Прокопия (у Миня *ibid.*). В конце тринадцатого или в первой половине четырнадцатого века область епископии нишской отошла от болгар к сербам, причем и епископы нишские перешли под ведение сербских архиепископов.

7. Браничевская. Под 1200–204 годами упоминается *electus* (кандидат, назначенный в епископы), а потом епископ браничевский (по-лат. *Brandizuberensis* и *Brandiburznensis*) Власий (у Миня т. 214, стр. 1113 sqq, и т. 215, стр. 280 sqq); в болгарском синодике упоминаются епископы браничевские Иаков, Порфирий и Иоанникий (Временн. стр. 15). В последних годах тринадцатого или в первой четверти четырнадцатого столетия город Бравичев с своей областью отошел от болгар к сербам; при этом епископская кафедра браничевская, перешел из-под власти патриарха болгарского под власть архиепископа сербского, осталась существовать по-прежнему (см. ниже в истории сербской церкви).

8) Белградская. Белград, нынешняя столица княжества сербского, принадлежал к болгарскому государству в первый период его существования, как мы говорили выше, не позднее как со времени Бориса. В 1019 г. при окончательном покорении Болгарии Василием Болгаробойцем он достался вместе с остальными болгарскими владениями грекам, у которых в 1078 г. отнят был венграми и которыми возвращен был от сих последних, как кажется, не ранее 1129 г. (см. Фесслера *Geschichte von Ungarn*, изд. 2-го т. I, стр. 167, 238). При

восстановлении болгарского царства братьями Петром и Асенем (в 1185 г.) он снова было стал болгарским, но перед 1203 г. был отнят у преемника сейчас названных государей Калияна венгерским королем Емерихом. Быв возвращен от венгров Асенем II, он принадлежал болгарам в продолжение правления сего последнего, но тотчас или вскоре после его смерти отошел от болгар снова, и уже навсегда (дальнейшую его историю см. в истории сербской церкви). До 1019 г. в Белграде не было епископской кафедры (потому что иначе она упоминалась бы в хризовулах императора Василия). Когда она была открыта потом, остается неизвестным, но вероятно, что по крайней мере не позднее второй половины двенадцатого века: в заморавской области Болгарии, в которой находился Белград, перед 1202–203 годом, когда эта область была завоевана венграми, существовало пять епископских кафедр (см. выше), и так как Белград принадлежал к числу значительнейших городов области, то со всею вероятностью следует думать, что одна из кафедр была именно в нем. Относительно правления Асеня II, возвратившего область от венгров, имеются положительные свидетельства⁹³, что при нем существовала епископия белградская (если она была впервые открыта до 1202–203 г., то поскольку венгры по завоевании области уничтожили все бывшие в ней пять епархий, нужно будет представлять дело так, что Асенем она была восстановлена). Из болгарских епископов белградских, бывших при Асене и после него, в синодике записаны: Савва, Феодосий, Димитрий и Симеон (Временн. стр. 15).

9) Виддинская. Под 1203 г. упоминается епископ виддинский Климент (у Миня т. 215, стр. 289, у Тейнера в *Monumenta Slavica Meridionalia* т. I, р. 29; у первого вместо *Vydmensis* ошибочно *Hydmensis*). В 1381 г. удельный деспот виддинский Иоанн Срацимир, вероятно, находясь во вражде с братом своим царем Иоанном Шишманом и желая разорвать всякую связь с Терновом, изъял епархию виддинскую, тогда уже митрополию, из-под ведения патриарха болгарского и подчинил патриарху константинопольскому: по его просьбе этот последний (Нил) поставил в митрополиты присланного им

иеромонаха Кассияна, а на находившегося перед тем в Виддине митрополита, посвященного патриархом терновским, наложил свое запрещение (Acta Patriarchatus Constantinopolitani Миклошича t. II, № 345, p. 28). В 1392 г. на место оказавшегося недостойным Кассияна патриарх константинопольский (Антоний), по просьбе того же Срацимира, поставил в митрополиты виддинские иеромонаха Иоасафа (ibid. t. II, № 434, p. 161. В росписи архиерейских престолов императора Андроника старшего, 1282–1327, митрополия виддинская упоминается в числе епархий, подведомых константинопольскому патриарху, см. Ралли и Потли V, 494; ни это в нынешних списках росписи, нет сомнения, позднейшая вставка. Свидетельство Кодина от 1387 г., что митрополия виддинская присоединена была к константинопольскому патриархату только в недавнее перед тем время, см. у Ралли и Потли ibid. стр. 502 нач.). В 1203 г. кафедра епископа виддинского была при церкви Богородицы (см. у Миня т. 215, стр. 289. В болгарском синодике, на который приходилось нам многократно ссылаться и который есть синодик терновской патриаршей соборной церкви, читавшийся в неделю православия, нет имен виддинских митрополитов, по всей вероятности, потому, что Виддин с своею областью составлял особое удельное княжение, которое притом иногда, а может быть даже и часто, находилось с Терновом во враждебных отношениях. Кроме Иоанна Срацимира, в начале четырнадцатого столетия упоминается деспот виддинский Срацимир Шишман, отец царя Михаила II, см. выше; деспот Иаков Святислав, доставивший в 1262 или 1270 г. Кормчую книгу нашему митрополиту Кириллу II, см. у Восток. Румянц. Муз. стр. 290 sqq и Метог. рор. II, 763, вероятно, также был деспот именно виддинский).

10) Червенская или руцукская. Руцук, вероятно, называвшийся у болгар в древнее время Червеном, находится на Дунае. Когда открыта была кафедра червенская, неизвестно. В болгарском синодике упоминаются митрополиты червенские: Неофит, Каллиник и Захария (Времени. стр. 14. Епархия руцукская и до настоящего времени называется червенскою).

11) Ловечская (ловчанская). Город Ловеч (Ловец, Ловац) находится на реке Осме, впадающей в Дунай, на запад от Тернова. Когда открыта епархия ловечская, неизвестно. В синодике упоминаются митрополиты ловечские: Логгин, Мелетий, Киприан, Симеон I и Симеон II (Времени, стр. 14); на терновском соборе, бывшем при царе Иоанне-Александре, присутствовал митрополит ловчанский Парфений (житие Феодосия терновск. в Чтен. Общ. Истор. 1860 г., кн. 1, л. 8).

12) Сердечская или софийская. Архиерейская кафедра, открытая в Средце (нынешней Софии) еще при первых болгарских царях, никогда не была потом закрываема. Она не упоминается в числе кафедр, подведомых терновскому архиепископу, под 1203 г. потому, что Средец тогда принадлежал еще грекам и епископ средечский был еще подведом ахридскому архиепископу. Быв взят у греков вскоре после 1203 г. (тем же Иоанном Калияном), Средец оставался потом за болгарами до самого падения царства. Из митрополитов средечских упоминаются в синодике: Дионисий, Дамиан, Леонтий (вероятно тот самый, который присутствовал на терновском соборе, бывшем при царе Иоанне-Александре, житие Феодосия терн. *ibid.* л. 8), Дометиан и Парфений (Временн. стр. 15). После 1381 г. епархия средечская (триадицкая), вероятно, принадлежавшая тогда к уделу виддинского деспота Иоанна Срацимира, по просьбе митрополита виддинского, присоединена была патриархом константинопольским к епархии этого последнего (Miklosich'a Acta Patriarchal Constantinopol. t. I, № CCXCVI, p. 551, – акт помещен в кодексе не совсем на своем месте).

13) Овечская или праводская. Когда восстановлена была существовавшая в период первого царства епархия овечская или праводская, неизвестно. В синодике упоминаются митрополиты овечские: Феостирикт и Лазарь (Временн. стр. 15), – последний, вероятно, один и тот же с Лазарем, присутствовавшим на терновском соборе, бывшем при Иоанне-Александре (житие Феодосия терновск. лист. 8).

14) Дристрская или силистрийская. Мы говорили выше, что Цимисхий, покорив в 971 г. предбалканскую Болгарию,

образовал из нее в церковном отношении подведомую патриарху константинопольскому митрополию, с кафедрой митрополита в Доростоле или Дристре, и что эта митрополия с 971 г. продолжала существовать до восстановления болгарского царства в 1185 году. После восстановления болгарского царства сама собою должна была прекратиться зависимость митрополии от константинопольского патриарха, а равным образом был уничтожен и ее особый округ или диоцез, т. е. входившие в состав сего последнего епархии были поставлены в непосредственную зависимость от архиепископа терновского. Почему не упоминается об епархии дристрской в известиях 1203 г., в которых говорится обо всех тогдашних болгарских епархиях, остается нам неизвестным. Из архиереев дристрских последующего времени в синодике записаны митрополиты: Кириак, Аверкий, Феодул, Иосиф, Дионисий, Каллиник (Времени, стр. 15); на терновском соборе, бывшем при Иоанне-Александре, присутствовал митрополит Захария (житие Феодосия терновск. л. 8).

15) Месембрийская. Месембрия не постоянно принадлежала болгарам, а между ними и греками переходила из одних рук в другие. В синодике упоминаются митрополиты месембрийские: Василий, Марк, Никодим, Прокл, Дорофей и Парфений (с половины четырнадцатого века Месембрия, вероятно, постоянно принадлежала грекам; греческие месембрийские митрополиты упоминаются в 1357, 1369, 1372, 1381, 1387, 1391, 1392 годах, см. *Acta Patriarchal. Constantinop. Миклошича* t. I, pp. 367, 502, 593, t. II, pp. 28, 37, 39, 109, 153, 160).

Находившиеся подобно Месемврии в черте постоянных болгарских владений, приморские города Варна и Анхиал (немного ниже Месемврии), одинаково с этой последней, не постоянно находились под властью болгар, а переходили от них к грекам и обратно. В те промежутки времени, когда они принадлежали болгарам, конечно, они состояли и под церковной властью патриарха болгарского. Но в первом из этих городов архиерейская кафедра была впервые открыта, а во втором была возобновлена, по всей вероятности, уже после

того как они окончательно остались за греками, а поэтому мы и не упоминаем об их епархиях на ряду с другими епархиями болгарского патриархата. (В Анхиале существовала архиерейская кафедра, постоянно или с перерывами, со второго столетия до конца двенадцатого, см. Lequien'a Oriens Christ. I, 1190; но потом он принадлежат к епархии месембрийской, и свой архиерей, – сначала не митрополит, а архиепископ, – снова является в нем только уже около восьмидесятих годов четырнадцатого столетия, см. Acta Patriarchat. Constantinop. Миклошича 1.1, pp. 867, 502, t. II, pp. 10,11, 28, 39⁹⁴. Когда именно открыта митрополия варнская, называвшаяся иначе тивериупольской (см. Ралли и Потли V, 198, 500), остается неизвестным; она упоминается в каталоге архиерейских престолов императора Андроника старшего (ibid. У, 493), который правил в 1282–1328 годах, при чем дается знать, что существовала и прежде написания каталога (потому что низводится в нем с высшей степени на низшую). Вероятно, она открыта не ранее как при самом Андронике; а с его времени или по крайней мере с последних годов его правления, как положительно известно, она постоянно принадлежала патриархату Константинопольскому, см. Acta Patriarchat. Constantinopol. Миклошича t. 1, pp. 135, 144, 195, 219, 221, 230, 237, 368 нач., 528, 541, 594, t. II, pp. 6, 11, 19, 28,115, 138, Lequien'a Oriens Christ. I, 1239. (О пространстве епархии варнской около 1369 г. см. у Миклошича ibid. t. 1, p. 502, cfr 95 fin. Упоминаемый тут город или городок η Προβα'τους (sic), нет сомнения, не одно и тоже с названным выше болгарским Приводи, – он находился где-нибудь на самом морском берегу, которым одним владели греки.)

В заключение этого отдела кратко скажем о церковных сношениях болгар с папами и о взаимных церковных отношениях между болгарами и греками.

Случаев вступления болгар в церковный союз с папою было два, – первый при Борисе, вскоре после принятия христианства, второй при Иоанне Калияне, вскоре после восстановления царства (о том, что вовсе не было церковных сношений с папою при Симеоне, Петре и Самуиле, см. конец примеч. 75).

Первый случай не представляет ничего слишком особенного и требующего объяснений. Болгары отложились от греков и перешли к папе; но при этом не возникает вопроса: как они решились изменить православию. Во-первых, это было и всего на второй или на третий год после их крещения, и следовательно когда они еще вовсе не могли утвердиться в привязанности к православию и отвращении к латинству и когда греки и латиняне еще не могли стать для них – одни православными, а другие еретиками, но когда те и другие еще просто были для них совершенно одинаковыми христианами; во-вторых, и главное, это было еще до разделения церквей или до отпадения латинян от православия, и следовательно болгары, переходя от греков к папе, вовсе не отпадали от православия к ереси, а просто переходили от одного православного патриарха к другому столько же православному. Совсем иное дело второй случай, – на этот раз вступление болгар в союз с папою действительно было не чем иным как отпадением от православия. Как же понимать подобный поступок болгар? Несомненно, что их отступление от православия было только притворным, а не действительным. Что побудило их к этому притворству, мы уже начинали объяснять выше. Во-первых, для них весьма желательно было, чтобы папа признал в царском сане их новых царей, потому что это был единственный путь, посредством которого можно было получить указанное, весьма важное и нужное для них, признание со стороны западных, католических соседей; во-вторых, получить от папы утверждение в царском сане для царя и сан патриарха для архиепископа не могло не представляться им (болгарам) отличной демонстрацией против греков, т. е. самым верным средством вынудить потом то же самое от этих последних; наконец в-третьих, обаяние имени, всемогущего в то время в западно-европейском мире, папы было так велико и сильно, что получить искомое из его, хотя и не признаваемых, рук не могло не льстить их тщеславию. По всему этому и поспешили они притворным образом принять предложенный папою церковный союз, имея в виду, – как это и действительно сделали, – прекратить его тотчас же, как получают то, чего

искали. Поведение в этом случае болгар никак не может быть признано благовидным и заслуживающим похвал: взамен того, что получали от папы, они давали ему ложные клятвы во всегдашней и неизменной покорности его власти, и вообще решались недостойным образом кривить совестью в таком деле как вера. Но мы не должны слишком строго и осуждать их; то же самое, что делали они, и еще более того, точно таким же образом делали и другие южные славяне (сербы), и если мы русские свободны от упрека в подобном грехе, то мы не столько должны хвалиться этим, сколько благодарить Бога, что, быв поставлены вне круга влияний папы, мы избавлены были от искушения впасть в названный грех⁹⁵.

Вступая в притворные союзы с папою, болгары оставались верными православию; но оставаясь верными православию, они вовсе не могли похваляться своими отношениями к старейшим членам православной церкви – грекам. Впрочем, в настоящем случае вина лежит если и на них, то столько же, и даже более, и на противной стороне. Болгары постоянно стремились вполне уравнять свою церковь с церковью греческой, – не только освободить ее из-под всякой зависимости от этой последней, но и поставить как совершенно ей равноправную и единостойную: греки то совсем отказывали болгарам в их притязаниях, то, удовлетворяя их, хотели удовлетворять не вполне, а только отчасти; вследствие этого не только была почти постоянная холодность во взаимных отношениях, но по временам и совершенный перерыв всяких сношений, или между обеими странами некоторого рода церковный раскол. Второй христианский государь Болгарии Симеон, пытавшись или не пытавшись получить согласие греков, изъясил болгарского архиепископа из-под зависимости константинопольскому патриарху и провозгласил самого патриархом: мы не имеем прямых сведений, каким образом греки заявили свой протест против самовольного поступка; но так как новый патриарх не был признан ими, то необходимо предполагать, что они не имели с ним и церковного общения и что таким образом существовал между обеими церквами раскол со времени учреждения Симеоном патриаршества в Болгарии

до признания этого последнего греками при преемнике Симеоновом Петре. В правление Петра, вероятно, вследствие родственной связи, заключенной им в 932 г. с домом императорским, дотоле самозванный патриарх болгарский был признан законным патриархом и со стороны греков. Но уступая ему имя патриарха и автокефалию управления, греки столько же мало думали признавать его за патриарха совершенно равного своим собственным патриархам, как и в последствии патриарха второго болгарского царства (признав имя и сан патриарха за архиепископом Дамианом в 932 г., греки потом снова называли его преемников просто архиепископами, см. византийских летописцев); а за это непризнание, как необходимо предполагать, и патриарх болгарский платил подобною же монетой, именно – что как патриархи греческие не поминали его имени при богослужении, так и он с своей стороны не поминал имен этих патриархов, и что таким образом если не доходило между обеими церквами до совершенного раздора, то вовсе не было и сколько-нибудь тесного единения, а было взаимное холодное отчуждение. Как смотрели греки на болгарских патриархов в позднейшее время, после возобновления патриаршества при Асене II в 1234 г., это открывается из одной грамоты константинопольского патриарха Каллиста I (от 1355 г.). Именно, Каллист говорит, что терновскому епископу, вследствие настоятельных просьб болгарского государя (Асфня II в 1234 г.), дано было по снисхождению имя патриарха, но что он вовсе не причислен был к остальным патриархам, так как истинными патриархами навсегда должны оставаться только те патриархи, которые утверждены в сем звании вселенскими соборами, и что сам патриарх Герман, давший терновскому епископу имя патриарха, оправдываясь в своем поступке, говорит в одном из своих списаний, что он дал терновскому епископу имя патриарха и право автокефалии не безусловно, а с условием, чтобы он оказывал патриарху константинопольскому знаки повиновения и почтения как один из подведомых ему митрополитов⁹⁶. Из послания Каллиста узнаем, что в половине четырнадцатого века как патриарх константинопольский не возносил при

богослужении имени патриарха болгарского, так я сей последний, платя равным за равное, не возносил имени патриарха константинопольского. Но послание дает знать, что патриархи константинопольские и никогда не возносили имени патриархов болгарских, потому что, не признавая их равными себе и действительными патриархами, не считали себя к этому обязанными, а на этом основании если не необходимо, то весьма вероятно предполагать, что и патриархи болгарские поступали указанным образом точно также не изредка, а постоянно, и что таким образом, разъединение и необщение церквей не наставало только по временам, как явление случайное, а имело место, будучи явлением обычным и всегдашним, или во все время, или по крайней мере в большую часть времени существования болгарского патриаршества⁹⁷. Как в период первого царства от простой холодности доходило до Формальных разрывов, так точно случалось это и в период второго царства. Мы говорили выше что в период второго царства, со времени Иоанна Калияна постоянно состояло под властью болгарского патриарха то или другое количество епархий константинопольского патриархата: негодование на присвоение болгарскими этих-то епархий и заявляли иногда патриархи константинопольские посредством Формального разрыва церковного общения с болгарским духовенством. Как часто это случалось, неизвестно; о существовании вражды, дошедшей до подобного разрыва, упоминается в одной грамоте константинопольского патриарха Антония от 1392 года; болгарские епископы, – говорит патриарх, – не бояся божеских и не стыдясь человеческих законов, присвоили себе многие из наших церквей, «почему справедливо отлучены и от нашего общения (δι', читай – ἀπεσχίσθησαν), поскольку мы не позволяем себе быть в сослужении с иереями явно беззаконными и творящими законопреступное» (Acta Patriarchat. Constantinop., изданные Миклошичем, II, 161).

Архиепископия Ахридская (мнимая первой Юстинианы), со времени восстановления болгарского царства до конца своего существования. 1185–1767.

Архиепископия ахридская, пережившая терновскую патриархию почти целыми четырьмя веками, представляет собой в настоящий второй период своего существования замечательный пример того, как права вымышленные оказываются иногда гораздо действительнее всяких прав действительных.

Выше нами изложена предшествующая история ахридской архиепископии. Она была продолжением болгарской архиепископии первого болгарского царства: в 1019 г. первое болгарское царство окончательно покорено было греками, но виновник этого дела импер. Василий Болгаробоец не присоединил болгарской архиепископии к патриархату константинопольскому, а сохранил и подтвердил ей ее прежнюю автокефальность или самостоятельность, вследствие чего она и осталась существовать на будущее время. Как можно заключать по известному нам первоначальному поведению импер. Василия, он руководился при этом своим решением между прочим тою мыслью, чтобы сохранить болгарам их собственное национальное духовенство, т. е. чтобы при автокефальности архиепископии сохранить им возможность избирать архиепископа и епископов по-прежнему из природных болгар⁹⁸; а во всяком случае такая автокефальность болгарской архиепископии после покорения болгарского царства могла иметь некоторый смысл и находить себе некоторое оправдание в глазах греков только при этом последнем условии. Но вскоре после импер. Василия, если только еще не при нем самом, найдено было неудобным оставлять болгар при их собственных пастырях, и к ним начали быть назначаемы в архиепископы и епископы не болгары, а греки, так что архиепископия ахридская в непродолжительном времени после 1019 г. по составу начальствующих лиц перестала иметь что-нибудь болгарское и

совершенно превратилась в греческую. Это превращение архиепископии из болгарской в греческую, естественно, возбуждало вопрос: с какой же стати остается она в виде отдельного, независимого от патриарха константинопольского, диоцеза, когда по сущности своей она стала совершенно тем же, что подведомые сему последнему греческие, митрополии? Вопрос должен был задаваться со всей настоятельностью в особенности после того, как в 1185 году было восстановлено болгарское царство. Если до сего времени защитники самостоятельности архиепископии могли ссылаться еще на то, что, превратившись в греческую *de facto*, она продолжала сохранять значение особой архиепископии бывшего болгарского царства *de jure* то после восстановления этого царства и после учреждения в нем новой архиепископии (терновской) совершенно теряло свою силу и это призрачное основание. Каким же образом случилось, что архиепископия ахридская, почти тотчас же после перехода под власть греков утратившая в глазах сих последних всякия права на автокефальность или независимую самостоятельность, успела сохранить эту последнюю на такие долгие времена? Случилось это, по некоторым обстоятельствам, довольно просто, именно чрез измышление или подстановку новых мнимых прав для ее автономии. С пределами позднейшей архиепископии ахридской значительно совпадали пределы существовавшей в древнее время, основанной императором Юстинианом, знаменитой автокефальной архиепископии первой Юстинианы: защитники ахридской архиепископии, когда с постепенно выступавшею безрезонностью ее независимости начали угрожать ей опасности, пустили мысль, что ахридская архиепископия есть нечто иное как эта древняя архиепископия первой Юстинианы, и что таким образом, имев и утратив временное значение архиепископии болгарской, она должна навсегда оставаться потому, что навсегда учреждена одним из древних греческих императоров. Так как мысль эта имела полную кажущуюся вероятность (потому что пределы архиепископия древней первой Юстинианы, как мы сказали, действительно довольно много совпадали с пределами архиепископии ахридской), то

всеми принята была без всяких возражений; а таким образом архиепископия ахридская и осталась существовать на будущее время под именем и с правами архиепископии первой Юстинианы⁹⁹.

Архиепископия первой Юстинианы была учреждена импер. Юстинианом в 535 г. Желая прославить свою неизвестную родину – селение Таврезий (Ταυρήσιον, Tauresium), Юстиниан устроил на его месте большой город и, переименовав последний в свое имя (Justiniana prima, первая Юстиниана¹⁰⁰, – в отличие от других нескольких городов, названных им по своему имени), основал для него в отношении гражданском особую префектуру, а в отношении церковном особую автокефальную архиепископию. Что касается до этой последней, то архиепископ первой Юстинианы, сохраняя только некоторую тень зависимости от своего патриарха (папы римского, от которого тогда зависела местность новосозданной архиепископии), имел быть избираем и поставляем собором митрополитов своей диоцезии и пользоваться во внутреннем управлении епархиями своей архиепископии или своего округа совершенно полной самостоятельностью или властью совершенно равною с властью патриархов (см. новеллу XI и новеллы GXXXI главу 3-ю). Где находился существовавший весьма недолгое время город первая Юстиниана, остается до сих пор точно неизвестным. Утвержденное в позднейшие времена защитниками архиепископии ахридской мнение, что первая Юстиниана есть именно Ахрида, совершенно несправедливо; первая Юстиниана, как положительно известно из новелл самого ее основателя, находилась в средиземной Дакии (Dacia mediterranea)¹⁰¹, а Ахрида, по древнему Лихнид, совсем в другой и даже вовсе не соседней с нею провинции (по тогдашнему разделению в новом Епире, отделявшемся от Дакии средиземной Превалитанией и Дарданией, см. Συνέκδημον или Дорожник Гиерокла, ed. Bonn., p. 393 и исторические атласы). Из нескольких мнений относительно ближайшей местности первой Юстинианы наиболее вероятное есть то, что она находилась или около, или на самом месте нынешнего Кюстендила¹⁰². Провинции, имевшие входив в

церковном отношении в состав архиепископии первой Юстинианы, были следующие: 1) самая Дакия средиземная, в которой находилась Юстиниана (другие города из существующих в настоящее время в средиземной Дакии были: Сардика, ныне София, перед Юстинианой бывшая главным городом провинции, Ναῖσος – Ниш); 2) Дакия прибрежная (*Dacia ripensis*, – занимала южный берег Дуная, между впадающими в него Искером или Искарком и Тимоком); 3) первая или верхняя Мизия (находилась на южном Дунае между впадающими в него Тимоном и Савой; в новелле XI – *Mysia secunda* ошибочно); 4) Дардания (города в ней были Скопия или Скупы – нынешний Ускюб, Улпиана – находившаяся недалеко от нынешнего Кюстендила на границе с средиземной Дакией); 5) Превалитания (в новелле CXXXI Трибаллия, с городами Скодра – нынешний Скадар или Скутари в северо-западной Албании, на границе с Черногорией, Λίσσος – нынешний Алессιο или Леш, на нижнем соединенном Дрине, на юг от Скадара); 6) вторая Македония (с городами Стобы – не нынешний Истиб, как думают некоторые, а находившийся где-то недалеко от впадения р. Рила в Стримон: см. Гласника VII, 186 нач., Пелагония – нынешний Битоль); 7) часть второй Паннонии (прилежащий к нижней Саве и Дунаю юго-восточный угол австрийской Сербии). По нынешнему именованию и разделению земель, архиепископия первой Юстинианы обнимала юго-восточный угол австрийской Сербии, все княжество Сербское с Черногорией и старой Сербией, западную часть Болгарии (на восток по р. Искер или Искар), северную Албанию, северо-восточную Македонию на юго-западе по Битоль включительно и почти по Ахриду. Архиепископия первой Юстинианы существовала весьма недолгое время; с первых годов седьмого столетия о ней нет совершенно никаких упоминаний (последнее упоминание о ней в посланиях папы Григория I от 601 г.), и необходимо полагать, что город Юстиниана или в первой четверти, или не позднее первой половины этого столетия был разрушен аvaraми, которые производили тогда непрерывные и опустошительные набеги на империю.

Итак, тень этой-то, недолго существовавшей, архиепископии через пять веков после ее уничтожения и была вызвана защитниками архиепископии ахридской, чтобы спасти эту последнюю от угрожавшей опасности закрытия. Новое заявление относительно прав ахридской архиепископии, будто она есть не что иное как учрежденная импер. Юстинианом архиепископия первой Юстинианы, было провозглашено или в половине, или – что гораздо вероятнее – в конце двенадцатого века, и, как мы думаем, именно по тому честнейшему поводу, что, с восстановлением (в 1185 г.) болгарского царства и учреждением болгарской архиепископии в Тернове, архиепископия ахридская оказалась без всяких даже и видимых причин к своему дальнейшему существованию. Кто был первый, напавший на счастливую мысль присвоить архиепископии ахридской права Юстинианы первой или производить архиепископию ахридскую от импер. Юстиниана, остается пока точно неизвестным. Не имея пока оснований утверждать положительно, мы подозреваем, что этот первый был известный греческий писатель и законовед Димитрий Хоматен, бывший в последней четверти двенадцатого века хартофилаксом при ахридском архиепископе Иоанне Каматере, а в первой четверти тринадцатого века его преемником на архиепископской кафедре¹⁰³.

В каком виде была первоначально заявлена мысль – так ли, что архиепископия ахридская есть непрерывно со времен импер. Юстиниана существующая и только получившая впоследствии новое имя – архиепископия первой Юстинианы, или так, что архиепископия первой Юстинианы была после импер. Юстиниана уничтожена и потом снова восстановлена греческими императорами, остается неизвестным.

Утверждая, что архиепископия ахридская есть не что иное как архиепископия первой Юстинианы, первоначально, кажется, не утверждали относительно города Ахриды, что он есть одно и тоже с городом первой Юстинианой; но с четырнадцатого века, со времени известного Никифора Каллиста (см. его Церк. Ист. кн. XVI, гл. 37) и другого Никифора, по прозванию Грегораса (кн. 2, гл. 2), и это последнее мнение стало всеобщим мнением.

Архиепископы ахридские имели весьма значительные права, пока были и просто ахридскими архиепископами: не имея имени патриарха, во всем остальном они были почти совершенно равны действительным патриархам и пользовались во внутреннем управлении своею диоцезией такой же независимостью и такою же верховною властью, как и эти последние. Превратившись в архиепископов первой Юстинианы, архиепископы ахридские увлеклись до мечты о приобретении себе прав и о создании себе положения совершенно новых и совсем особого рода, примера каких никогда не бывало в церкви греческой. В издании церковных правил гг. Ралли и Потли (Σύνταγμα Κανόνων V, 219) напечатан любопытный памятник, свидетельствующий об этих мечтаниях позднейших ахридских архиепископов. Памятник представляет собой XI новеллу императора Юстиниана, говорящую об учреждении архиепископии первой Юстинианы, но не в подлинном ее виде, а с дополнениями и со вставками; на эти последние нельзя иначе смотреть, как на выраженные в форме действительного закона или осуществленного факта указанные мечты ахридских архиепископов, и их происхождение нельзя объяснять иначе, как желанием этих последних, с помощью фальсификации законодательного акта, перевести свои мечты в действительность. Кроме всего того, что усвояет архиепископам первой Юстинианы подлинная новелла императора Юстиниана, новелла интерполированная дает им еще следующее: «сверх же всего сего (сверх всех церковно-иерархических преимуществ, о которых говорится выше в подлинном тексте новеллы), держава царства моего дарует твоему блаженству (архиепископу Юстинианы, на имя которого писана императором новелла) превысочайшую честь и достоинство мирские, делаем и наименовываем тебя крантором и династом¹⁰⁴ (одним из самых высших сановников) обеих наших священных римских империй, комитом священной нашей палаты¹⁰⁵, – повелевая навсегда отправлять тебе с величайшею силою и крепостью всякую мирскую власть в вышереченном диоцезе, в городах и в областях (губерниях, Τόποις καὶ ἐπαρχίαις) производить в саны и в достоинства, делать

комитов, всадников, патрициев, благородных, законников, риторов, законосудей с ромфеями¹⁰⁶ суда, то есть с правом судить, пересужать и осуждать на жизнь и на смерть; кроме сего (даем тебе) законно принадлежащее (тебе) право чеканить золотую и серебряную монету, с приличным и соответственным изображением; кроме сего, как подобает крантору и да почтим тебя в величайшем архиерархическом достоинстве, определяем, устанавливаем и утверждаем, чтобы в посланиях, грамотах, указах и вуллах все будущие архиепископы нашего отечества Юстинианы были удостоиваемы всех почетных наименований (титулов), как кранторы нашей империи, и чтобы именовались яснейшими (γαληντάτοι вполне соответствующее латинскому *serenissimus*), никому не подлежащими и не подчиненными, как самовластные и самоправные владыки; кроме сего определяем и повелеваем, чтобы ты и будущие архиепископы нашего отечества первой Юстинианы были уравнены с подчиненными нашей империи королями (*sic, ῥήγεσι*) и кранторами; и к сему украшаем вас и даруем вам (кранторское одеяние, которое за сим подробно описывается, и далее), да имеете право во всех церковных и гражданских общественных собраниях пользоваться сими и всеми остальными преимуществами, отличиями и почестями, принадлежащими королям и кранторам» (у Ралли и Потли V, 221 sub fin. sqq). В этой вставке архиепископы ахридские мечтают ни более ни менее как о том, чтобы стать в своем диоцезе верховными правителями не только духовными, но и гражданскими, или теми архиепископами и вместе удельными князьями, которые под именем духовных князей были в позднейшей западной римской империи. Кому из архиепископов ахридских принадлежат такие не худые мечты, остается неизвестным; можно подозревать, что все тому же Димитрию Хоматену¹⁰⁷. Впрочем, мечты эти и остались не более как мечтами. Несколько счастливее были радители архиепископии ахридской с другой своей подделкой в новелле Юстиниана, именно с подделкой границ архиепископии первой Юстинианы. Кроме провинций, подчиняемых архиепископии подлинной новеллой, наша фальсифицированная новелла причисляет еще к

ней верхнюю Албанию, Фессалию, Ёпир, Ливадию и остров Еврип (см. у Ралли и Потли 220 нач.). Фессалии, Ливадии и Еврипа архиепископам ахридским никогда не удавалось подчинить своей власти; но находившаяся в Албании митрополия диррахийская (Диррахий нынешний Дураццо или Драч), в период первого царства и греческого ига быв подведома патриарху константинопольскому, в позднейшие неизвестные времена действительно перешла в архиепископию ахридскую.

Превратившись в архиепископию первой Юстинианы, архиепископия ахридская не оставалась под властью греков до самого падения их государства. В первой половине тринадцатого века она два раза переходила от греков к болгарам; в конце первой половины четырнадцатого века она досталась сербам, за которыми потом и состояла почти до самого порабощения турецкого. Но как болгарские, так и сербские государи, уважая права мнимой первой Юстинианы, не дерзали посягать на ее существование. Неизвестно положительным образом, в какие отношения поставляем был архиепископ ахридский, находясь под властью болгар, к патриарху терновскому, т. е. был, или не был подчиняем ему как один из его митрополитов: гораздо вероятнее второе, а не первое; но во всяком случае несомненно то, что не был кассируем или уничтожаем его архиепископский диоцез, т. е. что если и был он подчиняем патриарху как один из его митрополитов, то по-прежнему оставляемы были в его заведывании, как митрополита, все те епископии, которые находимы были под его властью в минуту перехода его кафедры под государственную власть Болгарии. Несомненно это потому, что будь диоцез болгарскими государями уничтожен, то он после них не был бы уже и восстановлен, и тем бы и кончилось его существование: от болгар архиепископия опять возвращалась к грекам, и патриархи константинопольские, терпев ее с величайшим неудовольствием как существующую, никогда не позволили бы восстанавливать ее, после того как она была бы уничтожена. Что касается до сербов, то относительно времени нахождения архиепископии под их государственной

властью положительно и достоверно известно как то, что не был уничтожаем ее диоцез, так и то, что архиепископ не был подчиняем патриарху пекскому как один из его митрополитов, а оставался столько же от него независимым, как и прежде от патриарха константинопольского (см. ниже).

Честнейшим образом история переходов с 1185 г. архиепископии ахридской в государственном отношении из одних рук в другие есть следующая. В 1185 г., при восстановлении болгарского царства, она осталась за греками, быв только весьма урезана болгарами в своих границах (о чем ниже). В 1204 г., вместе со всей остальной европейской частью византийской империи, она была завоевана крестоносцами, при чем в некоторых городах ее открыты были латинские епископские кафедры (упоминаются кафедры: касторийская, девольская и другие, см. собрание писем папы Иннокентия III у Миня в Патрол. т. 214 и след.). В 1206–7 г. она была отнята у латинян болгарским царем Иоанном Калияном. Вскоре после смерти Калияна (в 1207 г.), при его преемнике Борисе она была завоевана у болгар Феодором Комненом, деспотом епирским (в 1222 г. принявшим титул и венец императора греческого). С 1230 г. до смерти Иоанна Асеня II (в 1241 или 1245 г.) снова принадлежала болгарам (в 1230 г. Асень, разбив Феодора, взял его в плен со всеми его боярами и присоединил к своему государству все его владения). После Асеня в продолжении около столетия опять находилась под властью греков, а в половине четырнадцатого века, с целыми Албанией, Македонией и Фессалией, была завоевана сербским царем Стефаном Душаном (который 1335–1355). О позднейшем времени от распада сербского царства (вскоре после Душана) до окончательного завладения турками всем Балканским полуостровом известия темны и недостаточны; северо-восточная часть Македонии почти по самый город Ахриду принадлежала туркам уже около 1400 г. (Memor. rop. II, 885); остальная часть ахридской Македонии и Албания находились под властью разных мелких деспотов или удельных владетелей, оставшихся после бывшего сербского царства, при чем ближайшая с запада к городу Ахриде область с 1449 по

1466 год составляла удел знаменитого Георгия Бастриота или Скандербега (имевшего резиденцию в Крое, на северо-запад от Ахриды, недалеко от моря, см. о нем Гаммера *Histoire de l'Empire Ottoman*, traduit par Dochez, Paris, 1840, t. 1, p. 211, col. 2 sqq, 266, 284 col. 2 нач. sqq), а самый город Ахрида принадлежал туркам уже перед 1456 г. (см. ниже об архиепископе Дорофее). После смерти сейчас названного Скандербега окончательно подпала власти турок вся территория (обстоятельнее о времени после Душана см. ниже в истории Сербии).

Границы ахридской архиепископии, какие она имела до 1185 г., указаны нами выше. В настоящий второй период ее владения были на половину меньше, чем в предшествующий (собственно владения внутренние, потому что по временам были еще внешние). Мы говорили выше, что болгары и сербы, получая архиепископию в свою государственную власть, оставляли ей неприкосновенным ее диоцез. Это должно быть разумеемо не о тех случаях, когда они отнимали у греков только ту или другую часть территории, принадлежавшей в церковном отношении архиепископии, но о тех, когда доставалась в их руки самая архиепископия или самая Ахрида с ее архиепископской кафедрой; напротив, когда они отнимали у греков только некоторые епархии архиепископии без нее самой, то они не оставляли епископов этих епархий по-прежнему в заведывании архиепископа, который в таких случаях оставался для них иностранным и правил бы епархиями из чужого государства, а присоединяли их к своим собственным патриархиям¹⁰⁸ (получая в свою власть самую Ахриду с архиепископской кафедрой, государи болгарские и сербские оставляли архиепископу неприкосновенным его диоцез в том виде, в каком находили последний в минуту этого перехода под их власть его самого, но не возвращали ему того, что ими же было отнято у него прежде). Отложившись в 1185 г. от греков, болгары возвратили себе от них свои прежние владения по города Приштину и Скопию включительно; вместе с этим, так как все отнятое перешло в церковном отношении к патриарху (тогда еще собственно архиепископу) терновскому, зараз сократился на

целую свою половину и диоцез архиепископа ахридского. В продолжение следующего за сим столетия, границы архиепископии, то немного еще сокращаясь (последовавшей вскоре после сего утратой области Софийской), то немного снова расширяясь (возвращением греками при Борисе II северной Македонии), в главном оставались теми же самыми, какими стали при этом отпадении болгар. В конце тринадцатого и в начале четырнадцатого века, прежде чем не завладел самой архиепископией Душан, ее область значительно была урезана государями сербскими Милутином и Дфчанским. После Душана (который, присоединив к своим владениям самую архиепископию, оставил ей неприкосновенным ее диоцез в том виде, в каком нашел в минуту завоевания, но не возвратил ей того, что было отнято у нее его предшественниками) архиепископам удалось значительно исправить границы своих владений, вероятно во времена господства мелких сербских деспотов (наставшего вскоре после Душана). Относительно времен турецких, мы имеем точные сведения, какие границы имела архиепископия в минуту ее уничтожения (в 1767 г.). Сведения эти мы находим в султанских бератах, даваемых патриархам константинопольским после закрытия архиепископии ахридской и патриархии пекской, – в бератах этих города бывших архиепископии ахридской и патриархии пекской обыкновенно перечисляются отдельно от собственных городов константинопольского патриархата (списки боратов см. в Гласнике II, 227 и в Българских Книжицах 1858 г., № 8, стр. 137); так как турки во всяких церковных делах и порядках греков более наклонны были к поддержанию status quo, чем к каким-нибудь изменениям, то со всею вероятностью следует думать, что границы эти были те же самые и во все время существования при них архиепископии или с начала пятнадцатого века. Они суть следующие: на северо-западе, на берегу Адриатического моря, пограничный пункт был севернее Дураццо и Тиранны, приблизительно против Крои или Акгиссара; начиная отсюда, северная граница шла – сначала на северо-восток на нижний Черный Дрин, с Черного Дрина несколько на юго-восток на средний Вардар у города Велеса или Кюприли

(который был крайним северным пунктом владений архиепископии на сей реке)¹⁰⁹, с Вардара от Велеса – сначала несколько на юго-восток, оставляя влево город Истиб или Штип (который принадлежал патриархии пекской), потом за Истибом на северо-восток, вероятно, по р. Брегалнице до половины ее течения, идя с низовьев к верховьям (но во всяком случае, не поднимаясь к северу до городов Каратова, Егри-Паланка и Кюстендл, которые принадлежали патриархии пекской), а с средней Брегалницы на Стримон или у самого города Джумы, или несколько его ниже (в бератах упоминается в числе городов, принадлежавших в архиепископии ахридской, город Джума; но так как городов этого имени два, один настоящий, другой – находящийся в южной Македонии, на границе с Фессалией, недалеко на юго-запад от Веррии, и оба с одинаковою вероятностью могут быть причисляемы к владениям архиепископии, то и остается нам неизвестным, который именно должен быть разумеем)¹¹⁰; восточная граница, начиная от Джумы или немного ее ниже, шла вниз по левому берегу Стримона, оставляя влево Меленик или Мельник (который принадлежал к патриархату константинопольскому) и захватывая Демир-Гиссар, и кончалась немного южнее сего последнего и севернее Серреса (который к патриархату константиноп.); южная граница – сначала шла с Стримона на Вардар, немного севернее Дойрана (который к патриархату констант.), потом вниз Вардаром приблизительно до дороги из Бодены в Солунь (южнее Енидже), с Вардара на юго-запад в некотором отдалении от левого берега Быстрицы или Индже-Карасу, оставляя влево г. Веррию (который к патриархату констант.) и также оставляя или может быть захватывая г. Джуму, на сейчас названную Быстрину, ниже Гревено, и с нее на верховья Саламврии (древнего Пенен, находящийся на самых истоках Саламврии, город Malakassis, Малакаши, принадлежал архиепископии), с верховьев Саламврии на верховья Воюцы и по левому берегу сей последней до Тепелена или Тепеделена, захватывая как его, так и Премеди, и наконец от Тепелена по прямой линии к морю южнее Авлона и Банины; засадную границу составляло Адриатическое море.

Что касается до архиерейских кафедр ахридской архиепископии после 1185 года, то относительно древнейших времен известий нет. В половине семнадцатого века общее число их было семнадцать, причем по памятникам этого и предшествующего столетий прямо известны шестнадцать, именно – митрополии: 1) касторийская¹¹¹, 2) воденская, 3) корицкая или горицкая, 4) пелагонская или битольская, 5) струмицкая или тивериупольская, 6) гревенская, 7) белградская, 8) диррахийская или дурацкая, 9) авлонская; епископии: 1) молесхонская, 2) преспанская, 3) горомокрская, 4) спатинская, 5) дебрьская, 6) могленская, 7) сисанийская¹¹². В начале осмнадцатого века епархий было двенадцать, именно – митрополии: 1) касторийская, 2) битольская, 3) воденская, 4) корицкая или горицкая, 5) белградская, 6) струмицкая, 7) гревенская; епископии: 1) сисанийская, 2) могленская, 3) преспанская, 4) кичавская, 5) горомокрская (закрытые пять из названных выше были присоединены – диррахийская к ахридской, авлонская и спативская к белградской, иолесхоиская к могленской, дербьская к преспанской)¹¹³. В 1767 г., перед самым закрытием архиепископии, епархий было тринадцать, именно сейчас названные и потом – опять отделенная дебрьская и вновь открытая велесская¹¹⁴.

Географические сведения о большей части городов сих епархий сообщены нами выше. Город Водена по-греч. Βοδενὸν и Βοδηνὸν, в древнее время называвшийся Едессой (см. Тацеля De Thessalonica p. 308 прим.), знаменитый своим прекрасным местоположением, находится в 18 часах пути, следовательно верстах в 90, на северо-запад от Солуни, см. о нем Pouqueville'a Voyage III, 96, Гризебаха Reise durch Rumelien II, 82, Григоровича Путеш. 109, Гана Peise S. 124. Город Корица или Горица, также Горча (Κορυτζᾶ, Γορυτζᾶ, Γοριτζᾶ), находится на левом берегу верхнего Девола, не очень далеко на юго-юго-восток от Ахридского озера, см. Pouqueville'a ibid. III, 40 и Аравантиноса Χρονογραφίαν τῆς Ἡπείρου II, 41; полное титул митрополита корицкого ὁ Κορυτζᾶς καὶ Σελασφόρου (Хризанфа Синтагмат., у Цахариф в Beilage S. 20 и Сношений с Востоком ч. II, стр. 52), – Селасфор есть древнее название одного из двух

Деволов (см. у Ралли и Потли V, 495), о которых говорено было выше (и след. епархия корицкая была продолжением епархии девольской). Город Диррахий, в древнее время у греков Епидамп, в настоящее время Дураццо, Драч, находится в средней Албании, на берегу Адриатического моря, см. о нем *Albanesische Studien* Гана S. 74. Город Авлона находится в южной Албании, на берегу того же Адриатического моря, см. о нем *ibid.* S. 60. Город Моλεσχòς или Моλισχòς, как кажется в настоящее время не существующий, находился где-то между Прилепом, Могленой, Островом и Битолем и принадлежал в древнее время в гражданском отношении к одной области со вторым из сейчас названных городов, см. в *Fontes rerum Austriacarum*, издаваемых Тафелем, в т. XII – грамоту импер. константиноп. Алексея III, стр. 263 и 278, и акт о раздел Греческой Гимпфрии крестоносцами: стр. 486, также *Memor. por.* II, 639. Гóρα или Кóρα καὶ Μόκρα – те самые, о которых говорено было прежде. Епархия дебрьская по-гречески большею частью пишется во множественном τῶν Δεβρῶν или Δεурῶν; это потому, что область Дебрия, как мы говорили, подразделяется на две – на верхнюю и нижнюю; в некоторых позднейших надписаниях епархия эта-Δίβρας ἢ Δαρδανίας (см. у Цахарие в *Beitrag* S. 21), – последнее не совсем правильно по древней области Дардании. Область (но не город) Σπάθια в настоящее время принадлежит к епархии белградской (см. Ἱστορικὴν περιγραφὴν τῆς μητροπόλεως Βελεγράδων митр. Анфима, ἐν Κερκύρα, 1868, стр. 49) и след. лежит где-нибудь около города Белграда или Берата. Титул епископа сисанийского полнее ὁ Σισανίου (или Σισανίων) καὶ Σιατιστῆς (Хризанф *ibid.*, у Цахарие *ibid.* S. 20). Город Сисаний или Сисани, по одной из находящихся у нас карт, верстах в 20–25 на юго-восток от Бастории; город Сиатиста или Шатиста верстах в 40–50, в том же направлении, от той же Бастории (см. Rouqueville'я *Voyage* III, 78 sqq).

Кроме сейчас указанных нами владений, так сказать внутренних, архиепископы ахридские имели еще по временам владения внешние. В конце двенадцатого и в начале тринадцатого века, в правление сербских великих князей

Стефана Немани и его сына Стефана первовенчанного, прежде чем Св. Саввой не была учреждена в Сербии собственная архиепископия, как следует предполагать, находилось в зависимости от архиепископов ахридских уже и прежде бывавшее под их властью духовенство княжества сербского¹¹⁵. В конце четырнадцатого и в половине пятнадцатого века вместо патриарха константинопольского признавали власть архиепископа ахридского митрополии угро-влахийская и молдовлахийская (валашская и молдавская). В половине шестнадцатого века и ранее архиепископ ахридский заведовал православным духовенством греческим, находившимся в Италии для живших там греков (см. ниже).

Полный титул, который усвоили себе архиепископы ахридские в позднейшее время, был следующий: «Архиепископ Иустинианы первыя, Ахриды и всея Болгарии и Сербския земли и Арвании (Албании) и Волошския и Молдавския и иных» (см. Сношений России с Востоком ч. 1, стр. 168, брошюру *Bulgarie Chretienne*, Paris, 1861, p. 56 fin., Гласника VII, 178). Патриархи константинопольские в своих грамотах к ним употребляли приветствие: «Блаженнейший (в позднейшее время – и Богочтивейший, Θεοσεβέστατε) архиепископ первой Иустинианы Ахридския (Ἰουστιανῆς Ἀχρίδων) и всея Болгарии, во Св. Духе возлюбленный брат нашей мерности и сослужитель» (см. Ралли и Потли V, 198, Фабриция *Biblioth. Graec.*, ed. Hamburgi, 1724, t. XIII, p. 483).

Известный в настоящее время, не совсем полный, ряд архиепископов ахридских с 1183 по 1767 год есть следующий:

1) Иоанн Каматер, на котором остановились мы выше. В мире был одним из придворных *κανίκλειος* – собственно заведующий императорскою чернильницей с пурпуровыми чернилами (нечто вроде кабинетного императорского секретаря); поставлен в архиепископы после 1183 года, неизвестно – когда именно (см. выше). С его времени архиепископы ахридские начали слыть за архиепископов первой Юстинианы.

2) Димитрий Хоматен. Из хартофилаков ахридских при Иоанне Каматере; его преемник на архиепископской кафедре,

которую занимал в последних годах двенадцатого и в первой четверти тринадцатого века¹¹⁶. Принадлежит к числу известнейших церковных законоведов своего времени; в мюнхенской королевской библиотеке (см. у Гардта t. 1, № LXII) находится весьма важный рукописный сборник, большею частью не изданных, канонических его посланий и решений, из коих в некоторых есть данные, как следует предполагать по надписаниям статей и как прямо утверждают ученые, видевшие сборник (см. Zhishman'a Das Eherecht der orientalischen Kirche, Wien, 1864, S. 47 прим.), весьма важные для тогдашней церковной истории болгар и сербов. Пользуясь благоприятными для себя обстоятельствами, именно тем обстоятельством, что император и патриарх константинопольские находились тогда в отдаленной Никее, он стремился поставить власть архиепископа ахридского на возможно высокую степень независимости. В 1222 г. деспот или удельный владетель епирский, Феодор Комнен, решившись присвоить титул императорский, обратился с просьбою о возложении на него императорского венца к митрополиту солунскому; когда последний самым решительным образом отказал в незаконной просьбе, он обратился к архиепископу ахридскому; последний – Димитрий Хоматен – немедленно изъявил свою готовность, «потому что, пишет Георгий Акрополит (гл. 21, в Метог. рор. II, 723), архиепископ ахридский, как сам он утверждал, был совершенно независимый (αὐτονόμος) и не обязан был никому давать отчета в своих делах, почему и имел право кого бы, когда бы и где бы то ни было, помазывать на царство». О наших подозрениях относительно участия Хоматена в превращении архиепископии ахридской в архиепископию первой Юстинианы мы говорили выше.

3) Иоанникий,

4) Сергей –

Занимали один после другого архиепископскую кафедру в правление болгарского царя Иоанна Асеня II, к государству которого принадлежала вся территория архиепископии с 1230 г. (когда он победил и взял в плен Феодора епирского) по конец правления (по 1241 или 1245 год; записаны в болгарском

синодике). Что, получив в свою власть Ахриду, Асень не уничтожил диоцеза архиепископии, это, как мы говорили выше, само собою необходимо следует из того, что если бы диоцез был уничтожен, то после никем уже и не был бы восстановлен. Неизвестно, в какие отношения была поставлена архиепископия к патриархии терновской, т. е. была ли оставлена при своей прежней автокефалии, или подчинена патриархии, как одна из ее митрополий; гораздо вероятнее первое, чем последнее. В критику прав архиепископии на самостоятельное существование государь болгарский, разумеется, не вдавался, а смотрел только на то, что было прежде него. Но прежде него автокефалия архиепископии была признаваема и уважаема (хотя и не с особенным удовольствием) даже патриархами константинопольскими. А поэтому и предположить, чтобы он решился посягнуть на права, которые были считаемы законными самою церковью греческою и которые уже выдавали себя тогда, никем не будучи оспариваемы, за права, идущие из такой глубокой древности и от такого знаменитого царствователя (импер. Юстиниана), весьма трудно и невероятно.

5) Константин Кавасил. Вскоре после смерти Асеня, диоцез архиепископии ахридской в государственном отношении снова возвратился от болгар к грекам. Архиепископ Константин Кавасил, неизвестно посредственный или непосредственный преемник Сергия, был при императоре Феодоре Ласкарисе II (который 1255–1259) и в начале правления императора Михаила Палеолога (1260–1282), см. Георгия Акрополита гл. 80 (Цахарие, *Beitrag* S. 24 fin., считает Кавасила преемником Димитрия Хоматена несправедливо; весьма также сомнительно и то, чтобы он был один и тот же с Константином Кавасилом, митрополитом диррахийским).

6) Иаков Проархий. Был современником Никифора Влеммида, который посвятил ему одно из своих сочинений (см. Алляция *De perpetua consens. lib. II, cap. XIV, p. 716 sqq* и самое сочинение у Райнальда в *Annales Ecclesiastici* в приложении к 1-му или, общего с Баронием счета, 13-му тому), и немного старше константинопольского патриарха Иоанна Векка (который

1275–1282, у Алляция *ibid.* р. 715), следовательно, вообще был в шестидесятых годах тринадцатого столетия. Иоанн Векк в одном из своих слов дает знать, что он недолго был на кафедре, и удалился с нее для уединенных подвигов на Афон (у Алляция *ibid.* р. 715). Принадлежит к числу греческих писателей (писал церковные слова, у Алляция *ibid.* 715, Lequien'a II, 296 и Патрол. преосв. Филарета ч. 3, § 280, у). Близкие отношения его в Влеммиду, похвалы ему Венка (у Алляция *ibid.* р. 715) и то в частности обстоятельство, что посвященное ему Влеммидом сочинение есть трактат об исхождении Св. Духа от Отца чрез Сына, заставляют думать, что он принадлежал к числу сторонников унии с папой.

7) Адриан, неизвестно когда именно живший, но упоминаемый патр. иерусалимским Досифеем, в числе писавших против латинян, впереди следующего архиепископа – Геннадия (Истории иерусалим. патриархов кн. 8, гл. 10, § 2 нач., стр. 795 и 1143. Lequien, И, 294, считаем его за одно и то же лицо с Иоанном, в мире Адрианом, Комненым, но едва ли справедливо, – у Досифея было бы это замечено или он называл бы его Иоанном, а не Адрианом.

От 1272 г. сохранился до настоящего времени хризовул импер. Михаила Палеолога, данный неизвестному (не называемому в нем) по имени архиепископу ахридскому. Архиепископ, представив императору Михаилу три хризовула импер. Василия Болгаробойца, которые даны были сим последним болгарскому архиепископу Иоанну тотчас после завоевания болгарского царства и в которых не только подтверждалось архиепископу право на все епархии, состоявшие за ним в минуту завоевания, но и возвращалось право на все епархии, принадлежавшие к архиепископии в правление царя Петра и отошедшие от нее после сего до 1019 г., просил императора, чтобы приведены были в исполнение остававшиеся дотоле бездейственными хризовулы Василия относительно последних из названных епархий, т. е. чтобы епархии эти были все присоединены к его диоцезу. В своем хризовуле, данном вследствие сего архиепископу, император постановил, что архиепископ имеет право и может отыскивать в

свою власть те из этих епархий, которыми митрополиты, их присвоившие, владеют самовольно, но что он уже не может более изъяслять притязаний на те из них, которые утверждены были за митрополитами грамотами последующих после Василия государей. Для памяти император вписал в свой хризовул и все три хризовула сего последнего (хризовул сей, данный в августе месяце 1272 г., в отрывке напечатан у Ралли и Потли V, 266 sqq, а в полном виде читается в одной синайской рукописи, из которой списан преосвященным Порфирием Успенским, см. о нем выше).

8) Геннадий. Был недолго в начале правления импер. Андроника старшего (который 1288–1328, см. Пахимера в Андрон. старш. кв. II, гл. 18). Есть его сочинение об походе Св. Духа против латинян (см. Алляция *De perpetua consens. lib. II*, сар. XVIII, § 18, p. 871).

9) Макарий. Был при том же Андронике старшем. Упоминается под 1295 и 1299 годами (см. Григоровича Путеш. стр. 116 прим, и Пахимера в Андрон. старш. кн. IV, гл. 4, в *Memor. por. II*, 215 нач.).

10) Григорий. Был в двадцатых годах четырнадцатого века; похваляется как человек красноречивый, мудрый и образованный (у Кантакузена кн. 1, гл. 46); известны – его небольшое сочинение канонического содержания и несколько посланий (Lequien II, 297). По жалобе этого архиепископа Григория имя его неизвестного предшественника, дан был в 1312 году императором Андроником Палеологом указ, воспрещавший гражданским чиновникам, несправедливо присвоенное ими себе в ахридской архиепископии, вмешательство в дела церковные (именно – в случае смерти самого архиепископа или одного из подведомых ему епископов, чиновники гражданские присвоили себе право во время вдовства кафедры заведовать духовенством и доходами епархии, что и запрещается указом на будущее время. Указ напечатан в приложениях к *Historiae juris Graeco-romani delineatio* Цахарие, Heidelb., 1839, p. 134 и в *Jus Graeco-romanum* его же, Lipsiae, 1857, t. III, p. 633).

11) Анфим Метохита. Был в конце правления импер. Андроника III (который † 1341) и при импер. Иоанне Кантакузене (1341–1355); упоминается в числе присутствовавших на константинопольском соборе, низведшем патриарха Иоанна Калеку, который был в 1341 г. Похваляется как человек многоученный; писал против латинян об исхождении Св. Духа и в защиту Паланы, которого был горячим приверженцем, против Никифора Грегораса (Lequien II, 297).

12) Матфей. Сего Матфея ставит после Анфима Lequien, II, 298; во когда он действительно жил, неизвестно. Он известен только потому, что упоминается в числе писавших против латинян (см. Алляция *De perpetua consensione Eccles. lib. II, cap. XVIII, § 8 fin.*, p. 878).

18) Николай. Упоминается как бывший или при Стефане Душане в первую половину правления (1386–1346, до принятия Душаном царского титула), или незадолго перед ним (Гласи. XI, 136 fin.).

С половины четырнадцатого до половины пятнадцатого века, в продолжении целого столетия, ни в византийских, ни в славянских, известных в настоящее время, памятниках не встречается ни одного имели архиепископов ахридских. Известны только два-три упоминания о них безыменные. В сербских сказаниях о венчании короля Стефана Душана царским венцом в 1346 г. говорится, что Душан, не хотел получить на сие благословения от патриарха константинопольского, поискал его только от патриарха терновского и от архиепископа ахридского (см. Животи кральева и архиепископа, изданные Даничицем, Загребе, 1866, стр. 380). Посланием от июня месяца 1367 г. патриарх константинопольский Филофей приглашает, ее названного по имени, архиепископа ахридского прибыть с собором подведомых ему архиереев в Константинополь на предполагавшийся через два года после сего вселенский собор о соединении с папой (послание в *Acta Patriarchal. Constantinop.*, изданных Миклошичем, t. 1, p. 491, с русским переводом в приложении к Речи о Сербии Григоровича, Казань, 1859, стр. 80; в послании год прямо не означен, но оно помещено в Кодексе

патриаршем между актами 1367 г. и индикт его года, как прямо в нем сказано, был 5-й, а 5-й индикт именно был в 1367 г.; вместо ἑ ἰνδίκτιωνος Григорович читал ἐβδόμης ἰνδίκт., почему и относит послание к 1369 году). В послании от неизвестных последних годов четырнадцатого столетия патриарха константинопольского Антония IV (был с января 1389 по июль 1390 и во второй раз с августа 1391 г. по апрель 1397 г., см. *Acta Patriarchat. Constantinop. t. II*), к воеводе угро-влахийскому или валахскому Мирче I (был с 1383 по 1418 г., см. у Когальничана в *Histoire de la Valachie*, Berlin, 1837, p. 88 sqq и в книге Палаузова *Господарства Молдавия и Валахия*, Спб., 1889, стр. 24 fin. sqq) содержится свидетельство, что в то время церковь угровлахийская была подведома архиепископу ахридскому (послание в *Acta Patriarchat. Constantinopol. t. II*, p. 230, с русским переводом у Григоровича *ibid.* стр. 88; Григорович прямо относит его к 1394 г., вероятно, потому, что оно стоит в Кодексе между актами этого года).

С пятидесятих годов четырнадцатого столетия по неизвестные точным образом годы первой половины пятнадцатого столетия архиепископия ахридская в государственном отношении находилась под властью сербов. Как мы говорили выше, достоверным образом известно, что государи сербские не только не посягали на существование диоцеза архиепископии, но и не подчиняли архиепископа с сохраненным ему диоцезом своему патриарху пекскому, а по-прежнему оставили его совершенно независимым и самостоятельным, так что архиепископия во время их владения, по всей вероятности, вполне удержала и свой греческий характер (т. е. что архиепископ, избираемый собором епископов диоцезии, и эти последние, избираемые архиепископом без вмешательства государственной власти, по-прежнему были все или большею частью избираемы из греков). Относящиеся сюда свидетельства отчасти приведены вами сейчас выше. Мы сказали, что в 1367 г. патриарх константинопольский Филофей приглашал архиепископа ахридского с подчиненными ему архиереями¹¹⁷ прибыть в Константинополь на предполагавшийся вселенский собор о соединении церквей. Это

приглашение представляет собой положительное доказательство того, что архиепископ ахридский не был тогда зависим от патриарха пекского. Во-первых, если бы архиепископ ахридский был в то время подчиненным патриарху сербскому митрополитом, то патриарх константинопольский обращался бы к нему не непосредственно, а чрез посредство этого последнего, потому что, будучи подчиненным митрополитом, он бы не мог принять участия в предполагавшемся соборе без ведома и дозволения своего высшего главы, и след. если патриарх константинопольский обращается к нему с своим приглашением непосредственно, то необходимое отсюда заключение, что он оставался тогда столько же ни от кого независимым, сколько и прежде. Во-вторых, если бы архиепископ ахридский был в то время подчиненным патриарху сербскому митрополитом, то патриарх константинопольский вовсе не обращался бы к нему с своим приглашением ни посредственно, ни непосредственно, потому что сербская церковь находилась тогда в открытой вражде с патриархатом константинопольским и под формальным отлучением от этого последнего¹¹⁸. Следовательно, если патриарх константинопольский обращался к архиепископу ахридскому с своим приглашением, то ясно, что он не считал его членом сербской церкви, из чего необходимо заключать, что архиепископ и действительно не был подведом патриарху сербскому, а оставался по-прежнему представителем своей особой, греческой по составу начальствующих лиц, церковной округи¹¹⁹. В записи о событии, имевшем место ранее 1367 г., именно об упомянутом выше венчании царским венцом сербского короля Стефана Душана, сделанное самим этим последним, читаем, что он венчан «благословением (и) рукою преосвященного патриарха Иоанникия (сербского) и всеми архиереи собора сербского, такожде благословением и рукою преосвященного патриарха болгарского кир Симеона и всеми архиереи собора болгарского... паче же и от архиерея престола греческого и веско собора» (см. в Истории сербского языка, Майкова, Москва, 1857» стр. 839 fin.). Так как было бы совершенно непонятно, почему Душен, говоря о патриархе

константинопольском, стал бы называть его не прямо патриархом константинопольским, а архиереем престола греческого¹²⁰; так как во наиболее заслуживающим веры свидетельствам он не получал благословения от патриарха константинопольского ни прежде, ни после венчания на царство¹²¹; так как, наконец, другие сказатели, повествующие о венчании Душана царским венцом, прямо и ясно дают знать, что в приведенной записи его под архиереем престола греческого должен быть разумеem архиепископ ахридский¹²²: то по всему этому в ней необходимо разумеет под архиереем престола греческого действительно сего последнего. Но если Душан говорит об архиепископе ахридском отдельно от патриарха сербского и, говоря о нем, прибавляет даже «паче же», т. е. не только равняет его с патриархами сербским и болгарским, но даже ставит его как бы выше их, то ясно, что архиепископ ахридский не был при нем подчинен и подведом патриарху сербскому¹²³. Мы сказали выше, что в конце четырнадцатого столетия находилась в зависимости от архиепископа ахридского церковь угровлахийская или валашская. Об этом мы знаем из источника совершенно достоверного; но если это так, то из этого необходимо следует, что сам архиепископ вполне сохранял тогда свою автокефалию или независимость. Если бы архиепископ был тогда подведомым патриарху сербскому митрополитом, то угровлахийцы, отложившиеся по неизвестным причинам от патриарха константинопольского, под которым состояли прежде, и обратились бы непосредственно к власти самого патриарха сербского, а не стали бы подвергать себя непонятному унижению, подчиняя себя в свою очередь также подчиненному и навязывая себе две инстанции внешней власти (подчиняя своего митрополита, которого они тогда уже имели, также просто митрополиту). Об этой зависимости угровлахийской церкви в конце четырнадцатого века от архиепископа ахридского нам известно из послания константинопольского патриарха Антония к воеводе угровлахийскому Мирче (см. выше). Отвечая на спрос воеводы об одном весьма важном церковном деле, при котором

подвергались нарушению церковные законы, патриарх пишет, что если ко всем обстоятельствам, извиняющим в данном случае нарушение законов, присоединяется еще и то, что дело дозволено и благословлено их высшим церковным начальником – архиепископом ахридским, то он – патриарх ни подвергает его новому суждению, ни отменяет дозволения (ἡμεῖς ὅτε ἀνακρίνομεν, ὅτε καταλύομεν). Если патриарх константинопольский не находил законным и приличным посягать на автономию архиепископа ахридского, то ясно, что он не был подчиненным митрополитом патриарха сербского.

14) Никодим. Упоминается в одной надписи под 1452 г. (см. Григоровича Путеш. стр. 126 fin.).

15) Дорофей. Из грамоты к сему архиепископу воеводы молдавлахийского Стефана IV от 1456 г. и из ответной грамоты его к воеводе от того же года видно, что при нем зависели в это время от архиепископии ахридской митрополии молдавлахийская и угровлахийская (см. грамоты в Гласнике, кн. VII, стр. 177, в Българских Книжицах 1858 г. № 9, стр. 26 sqq и в статье Архиепископия первой Юстинианы, напеч. в Чтен. Общ. Ист. 1866 г., кн. 4, стр. 56). В грамоте архиепископа читается еще, может быть замечательное, но, к сожалению, темное известие, что незадолго пред тем произошел в его епархии раздор между духовенством (клиросом церковным) и между болярами или знатнейшими мирянами (по другому чтению вместо болярами – болгарами т. е. вообще мирянами, которые могли быть так названы в противоположность неболгарской национальности высшего духовенства архиепископии, состоявшего из греков), и что вследствие этого султан приказал ему с некоторыми из боляр (другое чтение – болгар)¹²⁴ из духовенства переселиться в Константинополь (под этим раздором едва ли не должно разуместь попытку болгар избавиться от духовенства греческого и приобрести свое собственное болгарское).

16) Марк Ксилокараб. Быв сначала патриархом константинопольским, занял кафедру ахридскую по низложению около 1470 г. с патриаршего престола; правил недолго (см. Turcograeciae p. 23 и 127, Philippi Cyprii Chronicon, ed. Hilarii, p.

839, Lequien'a I, 315, Захария Мафу в Христ. Чтен. 1862 г., ч. 1, стр. 617).

17) Николай и

18) Захария были один за другим или прежде Марка Ксилокараба, или после него; упоминаются в житии константинопольского патриарха Нифонта II (см. Афонский Патерик, Спб., 1860, ч. II, стр. 11 fin.).

19) Зосима. Упоминается в записи о построении одной церкви как бывший «при нечестивом чрно амуре солтань мехмете» (см. у Гана в *Reise von Belgrad nach Salonik*, 1-го изд. стр. 240 fin.). Так как султанов, носивших имя Магомета, было целых четыре, то время его жизни и остается точным образом неизвестным; но, как кажется, тут должен быть разумею Магомет II, правивший с 1431 по 1481 год (остальные султаны этого имени были: 1-й в 1403–1421, 3-й 1595–1603, 4-й 1647–1687 гг. В записи прибавляется, что «тогда, т. е. в год или около года построения церкви, и гирить взят бысть», т. е. турками; но что такое этот «гирить», по которому может быть можно было бы определить время, остается нам неизвестным).

20) Прохор. Был современником константинопольского патр. Иеремии I во второе патриаршество этого последнего (1523–1543). Добивался было от турецкого правительства возврата» себе, некогда принадлежавшую архиепископии ахридской, епархию веррийскую (*Turcograeciae* p. 163 fin., *Philippi Cyprii* p. 397, *Lequien* II, 298). В 1542 г. написана по его повелению одна славянская рукопись (см. Григоровича Путеш. стр. 185), из чего можно заключать, что был родом славянин, а не грек.

21) Паисий. В январе 1565 года присутствовал на бывшем в Константинополе соборе (для низложения патриарха Иоасафа¹²⁵ II, см. *Turcograeciae lib. II*, p. 172, *Philippi Cyprii Chronicon* p. 407). В июле 1566 г. возвел в сан митрополита Италии, Апулии, Амбракчио, Василикатов¹²⁶, Калаврии, Сицилии, Мальты, Далмации и всего запада, с правами екзарха всех этих стран, тамошнего греческого епископа Тимофея (см. о грамотах в Журн. Мин. Нар. Проев, ч. LV, стр. 180 и в Херсонских Епархиальных Ведомости», 1867 г. № 2, стр. 95, а

одну из них, вполне напечатанную в издававшемся в Москве болгарском сборнике «Братски труд», книга 3, 1860, стр. 22).

22) Софроний. Занял место Паисия или в том же 1566, или в следующем 1567 году, потому что в грамоте константинопольского патриарха Иоасафа II, писанной в неизвестном непродолжительном времени после его низложения с престола, которое последовало в январе 1565 г., архиепископом ахридским называется не Паисий, а уже он – Софроний (см. Turcograeciae Крузия р. 290). Есть послание его самого в «новому» константинопольскому патриарху, который не называется по имени, но под которым должен быть разумеem второй преемник Иоасафов Иеремия II-й, занявший кафедру в мае месяце 1572 г. В послании Софроний ищет защиты у патриарха против своего соперника, какого-то Григория Ματζούκι (Turcograeciae р. 339. Содержится в послании архиепископа и еще известие, которое может быть также относится к нам же. Прося патриарха подвергнуть Григория Ματζούκι с его сообщниками церковному запрещению, он пишет: «ἐξωστράκιον αὐτοῦς καὶ παίδευσον αὐτοῦς ὡς δεῖ: ὡς καθὼς τοὺτους εἶχαν ἐξωστρακισμένους εἰς τὸν καιρὸν τοῦ Νικανῶρος τεσσαράκοντα ἀρχιερεῖς, т. е. извергни их и накажи как надлежит, подобно тому как во времена господина Никанора извергли их сорок архиереев»: так как около того времени не было Никанора между патриархами константинопольскими, то может быть тут должен быть разумеem один из предшественников его самого (Софрония) на кафедре ахридской).

23) Гавриил. Упоминается под 1581 г., см. в Chronicon'e Philippi Cyprii, ed. Hilar., в непагинованном Appendix'e т. с, лист 8 обор. В 1586 г. был в России за милостыней (см. Сношения России с Востоком по делам церковным, Муравьева, Спб., 1858, ч. 1, стр. 167 sqq). На возвратном пути из России был у короля польского Стефана Батория и испросил у него грамоту¹²⁷ к папе Сиксту V о невозбранении приходить в Италию, для тамошних греков, православным греческим епископам. Если этот именно архиепископ должен быть разумеem в письме Герлахия от ноября 1575 г., приводимом у Крузия (Turcogr. р. 194, прим, х), то он был племянник тогдашнего великого визиря

(происходившего, как и большая часть тогдашних великих визирей из христианских ренегатов, боснийца Магоммеда Соколлы, о котором см. у Гаммера) и был поставлен в архиепископы в конце 1574 г. (Turcogr. p. 197, прим. λβ).

24) Феодул. Упоминается под 1588 г. (Сношений с Востоком ч. 1, стр. 185).

25) Иоаким. Был перед 1593 г. (Сношений с Востоком ч. 1, стр. 270 fin.).

26) Гавриил. Упоминается под 1593 г. (Сношений с Востоком ч. 1, стр. 270 fin.), может быть вторично тот же, который выше.

27) Нектарий. Упоминается перед 1604 г., в числе приезжавших в Россию за милостыней (ч. 1, стр. 324 fin.).

28) Порфирий. Был около этого времени, но неизвестно когда именно. Лев Алляций упоминает о нем как о первом из ахридских архиепископов семнадцатого века, принимавших унию с папой (см. *De perpetua consensione Eccles. lib. III, cap. XI, § VIII*, p. 1092).

29) Афанасий. В 1606 г. был в России за милостыней (Сношений с Востоком ч. 1, стр. 303); упоминается еще около 1614 г. (*ibid.* ч. 2, стр. 129). У Льва Алляция разумеется, вероятно, этот Афанасий в числе архиепископов ахридских, вступавших в унию с папой (*De perpetua consensione lib. III, cap. XI, § VII*, p. 1092).

30) Нектарий. Упоминается около 1616 г. (Сношений с Востоком ч. II, стр., 29); в 1622 г. приезжал в Москву за милостыней (*ibid.* ч. II, стр. 3). В *Illyricum Sacrum* (котораго мы не имеем под руками, но извлечения из котораго мы имеем в книжке *La Bulgaria chretienne*, Paris, 1861, – p. 56) t. VIII, p. 198, упоминается какой-то архиепископ ахридский Нектарий, бывший в 1632 г., неизвестно за чем, в бельгийском городе Антверпене. Вероятно, это есть сей же самый Нектарий, скитавшийся по Европе и может быть пробиравшийся снова в Россию после добровольного или невольного удаления с кафедры.

31) Митрофан. Упоминается под 1623 г.; быв в то время уже низложен с своей кафедры, жил и занимался интригами в

Константинополе (см. Захария Мафу в Христ. Чт. 1862 г., ч. 1, стр. 635).

32) Иоасаф. Упоминается под 1628 г. (Сношений с Востоком ч. 2, стр. 51 fin.).

33) Авраамий. Упоминается под 1629 г. (Сношений с Востоком ч. II, стр. 69); в 1634 г. был в Москве за милостыней (ibid. ч. II, стр. 158). У Льва Алляция под именем Авраамия Мезапсы, бывшего прежде митрополитом Новых Патр, вероятно, этот Авраамий разумеется в числе архиепископов ахридских, принимавших унию с папой (De perpetua consensione lib. III, cap. XI, § VII, p. 1092).

34) Харитон. Упоминается под или перед 1643 и под 1644–46 годами (Сношений с Востоком ч. II, стр. 838,851 нач. и 352 fin., ч. III, рук. ля. 523, 544 fin., 553 и 573 об., – в последний раз вместе с константинопольским патриархом Иоанникием II, который вступил на престол в 1648 г.).

35) Мелетий. Упоминается одновременно с Харитоном, быв или его предшественником и потом остававшись без места, или на время восхищавши у него архиепископскую кафедру; после смерти иерусалимского патриарха Феофана (в 1644 году) пытался было занять иерусалимский патриарший престол, но за интриги был казнен великим визирем (Сношений с Востоком ч. II, стр. 343). У Льва Алляция поставлен в числе архиепископов ахридских, вступавших в унию с папой (De perpetua consensione lib. III, cap. XI, § VII, p. 1892).

36) Даниил. Упоминается под 1650 г. в малом, так называемом раскольникчем, проскинитарии Арсения Суханова, – он встречен был последним в Торговище, в Валахии, где жил тогда, может быть уже будучи в отставке, у валашского митрополита (см. Записи о беседах 11 мая и 2 июня; в нашей нового письма рукописи он называется вместо архиепископа епископом и вместо ахридского архидонским).

37) Дионисий. Приезжал в Москву за милостыней в 1653 г. (Сношений с Востоком ч. 3, л. 711, и ч. 4, л. 1976, – недовольный полученной от царя дачей, подавал челобитную о прибавке, представляя, что он есть не простой епископ, а архиепископ, имеющий под собой 17 епископов; из записей не

видно, получил ли он прибавку, но всего ему дано было 60 рублей и кроме того жалованная грамота на приезды за милостыней через каждые четыре года). Умер в Валахии, где жил, вероятно в отставке, перед 1665 годом (*ibid.* ч. 3, л. 881 об.).

38) Афанасий. В сборнике *Illyricum Sacrum*, t. VIII, p. 201 (неизвестно нам опять по той же книжке *La Bulgarie chretienne*, – p. 57, и по книге Пихлепа *Geschichte d. kirchlich. Trenung zwischen dem Orient und Occident*, München, 1864, Bd. I, S. 540), приводится письмо архиепископа ахридского Афанасии к папе Александру VII (1655–1667), в котором архиепископ выражает усердное желание приступить к унии с римской церковью (с предшествующим сей Афанасий не должен быть смешиваем, потому что Лев Алляций, упоминающий о том, писал до 1648 г.). У Lequien'a, II, 300, под безыменным ахридским архиепископом, пришедшим при папе Александре VII в Рим и принявшим унию, разумеется, вероятно, этот именно Афанасий.

39) Феофан. Удалился с престола в 1665 или 1666 г. (Сношений России с Востоком ч. и, рук. л. 1076).

40) Мелетий. Поставлен в преемники Феофану из митрополитов софийских в 1666 г. Через год (в 1667 г.) оставил свой престол, и жил сначала в Молдавии, потом шесть лет в Малороссии; в 1687 г. из Малороссии приезжал в Москву за милостыней (Сношений с Востоком ч. 4, рукоп. л. 1075 об. У Lequien'a, II, 300, вероятно, разумеется сей же Мелетий).

41) Нектарий. Упоминается под 1673 годом (Сношений с Востоком ч. 8, рукоп. л. 986 об.)

42) Григорий. Был перед 1688 г. (см. *Σύντομον ἱστορικὴν περιγραφὴν τῆς ἱερᾶς μητροπόλεως Βελεγράδων*, митрополита белградского Анфима Алексуди, ἐν Κέρκυρα, 1868, стр. 121 прим., – полагаем, что автор заимствует свои сведения о сем и других перечисляемых им архиепископах из источников надежных, именно из современных, официальных записей).

43) Герман, преемник Григория с 1688 г. (у митроп. Анфима *ibid.*).

44) Григорий, особый от предшествующаго, бывший в 1691–92 г. (у митр. Анфима *ibid.*).

45) Игнатий, бывший в продолжение 1693–95 годов (у того же *ibid.*).

46) Зосима, бывший в 1696 г. (*ibid.*).

47) Рафаил, бывший в 1699 г. (*ibid.*).

48) Диоснисий, упоминаемый в 1706–7 г. (Сношений с Востоком ч. 5, рукоп. лл. 126 и 129, – называется тут сначала митрополитом болгарским, потом митрополитом сербским).

49) Зосима, во второй раз, бывший в 1708–9 г. (у митр. Анфима *ibid.*).

50) Дионисий, бывший перед 1714 г. (у митр. Анфима *ibid.*, cfr у Фабриция в *Bibliotheca Graeca*, ed. Hamburgi, 1726, t. XIII, p. 483).

51) Филофей, преемник Дионисия с 1714 г. (у митр. Анфима *ibid.*). За корыстолюбие быв согнан турецким правительством с престола, в конце 1721 г. приехал к нам в Россию; быв назначен св. Синодом на епархию смоленскую (в 1722 г.), и у нас скоро подверг себя нареканиям в том же корыстолюбии и в совершенном нерадении о своих архиерейских обязанностях (Сношений с Востоком ч. 5, л. 190 об. fin., в сочинении г. Чистовича «Феофан Прокопович и его время», Спб., 1868, стр. 98 прим. 2; у Lequien'a II, 300).

52) Иоасаф, упоминаемый под 1718–21 годами (у митр. Анфима *ibid.*, и Lequien'a II, 300).

53) Зосима, упоминаемый перед 1736 г. (см. *Neueste Beschreibung deren Griechischen Christen in der Turkey*, von Jakob Eisner, Berlin, 1737, S. 100).

54) Иоасаф, бывший в продолжение 1736–43 годов (у митр. Анфима *ibid.*).

55) Иосиф, бывший в продолжение 1746–51 годов (*ibid.*).

56) Дионисий, бывший в продолжение 1752–54 годов (*ibid.*).

57) Иосиф, бывший в 1755 г. (*ibid.*).

58) Дионисий, бывший в 1756 г. (*ibid.*).

59) Мефодий, бывший в продолжение 1757–59 годов (*ibid.*).

60) Кирилл, упоминаемый в декабре 1762 г. и согнанный с престола в непродолжительном после сего времени (см. Гласника VII, 172 и брошюру *Tà katà tàςἀρχιεπίσκοπας Αχρίδῶν καὶ Πεκί, ἐν Κωνσταντινῶπολι*, 1869, стр. 16 и 75).

61) Иеремия, преемник Кирилла, бывший недолго перед маем 1763 г. (см. сейчас названную греческую брошюру *ibid.*).

62) Анания, поставленный в архиепископы патриархом константинопольским в мае 1763 г. (*ibid.*).

63) Арсений, последний архиепископ. При нем 16 января 1767 г. была уничтожена автокефальная ахридская архиепископия и присоединена к патриархату константинопольскому¹²⁸.

Мысль об уничтожении ахридской архиепископии не была у константинопольских патриархов мыслью внезапно явившеюся в половине восемнадцатого века. На эту, странным образом изъятую из-под их власти, митрополию их патриаршего округа они смотрели с величайшим неудовольствием с давнего времени. Но пока существовала Византийская империя, ее охраняло от их притязаний то благоговение, которое питали императоры к памяти великого мнимого виновника ее автокефалии – импер. Юстиниана (а также, вероятно, не мало и то обстоятельство, что, усвоив себе самим право назначения архиепископов, и таким образом как бы сами став по отношению в ним их патриархами, императоры не могли иметь охоты расстаться с подобной, льстившей их самолюбию привилегией, *cfr* патр. иерусал. Досифея в Истории иерусалимских патриархов кн. II, гл. 3 нач., стр. 1163). После взятия Константинополя турками не могло более действовать обаяние имени импер. Юстиниана. Но, во-первых, турки слишком любили *status quo*, т. е. оставлять дела в том положении, в котором заставали; во-вторых, казне султана, которая получала с архиепископов ахридских подобную же подать, как и с патриархов константинопольских¹²⁹, конечно, приятнее было получать две подати, чем только одну, и наконец в-третьих – и главное, архиепископы нашли себе, не совсем ожидаемым образом, постоянных сильных оберегателей своей автономии между турецкими влиятельными чиновниками. Это именно были местные паши или гражданские правители в областях архиепископии; принимая решительное участие в избрании самого архиепископа и в замещении подведомых ему епископских кафедр, паши имели в этом постоянный источник

значительных доходов; а поэтому они и была самыми горячим защитниками перед Портой прав архиепископии¹³⁰. Патриархи константинопольские могла выиграть дело против сейчас названных своих противников, только когда уже сами приобрели себе сильных ходатаев перед высшим турецким правительством, что случилось не ранее как именно в восемнадцатом веке, когда составлявшие штат их патриарших бояр (светских чиновников) греки фанарские успели навсегда утвердить за собой весьма важную должность великого драгомана Порты и добыть в свои руки княжества – валашское и молдавское и вообще стать в правительстве людьми весьма влиятельными. При усердном содействии этих-то греков фанарских, несмотря на все противодействие пашей, и удалось наконец патриархам константинопольским, именно знаменитому своею ученостью, твердостью своего характера и своими административными и дипломатическими способностями Самуилу I, привести к концу давно желаемое и несколько раз прежде пытанное дело подчинения ахридской архиепископии (а несколько прежде сего, именно в 1766 г., достигнуть того же самого по отношению к сербской патриархии пекской)¹³¹.

Мы уже неоднократно говорили выше, что архиепископии ахридская почти с самого перехода своего под власть греков (при импер. Василии Булгаробойце в 1019 г.) до самого конца своего существования была вовсе не болгарскою, а совершенно греческою. Что касается до первых трех с половиною веков ее существования, или времени от падения первого болгарского царства до половины четырнадцатого столетия, то положительно и достоверно известно, что во все это время, за исключением 10 или 15 лет царствования болгарского Асеня II-го (1296–1240 или 1245), архиепископы постоянно были из греков, а не из болгар. Во все это время, за исключением указанного краткого промежутка, архиепископия находилась в государственном отношении под властью не болгар, а постоянно греков; а поэтому, решим превратить ее из болгарской в греческую почти тотчас же после завоевания болгарского царства, они постоянно оставляли ее таковою в во все дальнейшее время своего владения ее территорией. С

половины четырнадцатого до двадцатых годов пятнадцатого столетия областью архиепископии ахридской владели сербы, и об архиепископах ахридских за этот промежуток времени мы пока не имеем совершенно никаких сведений. Но что сербы, оставив неприкосновенными прежние права архиепископии (о чем выше), вовсе не думали посягать и на греческий характер состава ее правительственных лиц, это ясно видно из того, что престол ее назывался престолом греческим (см. выше после 13-го архиеп. Николая). Турки при своем завоевании нашли состав правительственных лиц архиепископии (разумею самого архиепископа и подчиненных ему митрополитов и епископов) чисто греческим, и не думая о каких-нибудь намеренных или не намеренных изменениях, оставили его таким, каким нашли; а поэтому до самого конца ее существования он и оставался тем же греческим. Очень может быть, что в этот последний период времени архиепископы и подведомые им митрополиты и епископы не буквально все до одного постоянно были греки, и что изредка как на первую, так и на последние кафедры восходили болгары (и также сербы). Но, во-первых, эти мелькавшие между десятками греков единицы болгар не могут быть принимаемы в счет, и изменять общего характера дел к лучшему сколько-нибудь прочным образом были не в состоянии; во-вторых, эти единицы болгар во всяком случае могла быть только из болгар еллинофилов, т. е. из болгар отрекшихся и отказавшихся от своей народности, потому что при постоянном решительном преобладании на кафедрах диоцеза архиепископии архиереев-греков могли добиваться от них избрания именно только такие болгары – еллиофилы¹³².

В период существования под властью турок архиепископия ахридская представляла из себя то же печальное и позорное зрелище непрерывного действия интриг и подкупов и непрестанной смены одних искателей престола другими, какое представляла и доселе отчасти представляет собою патриархия константинопольская¹³³. Если прибавим к этому, что из архиепископов например семнадцатого века целые пятеро известны как люди ходившие торговать своей верой к папе, то довершится непривлекательная картина.

В заключение скажем о самой Ахриде, этом мнимо-дорогом для болгар городе (болгары, как уже замечали мы прежде, произносят не Ахрида, а Охрида; но мы держимся греческого, а не болгарского произношения, потому что для русского органа речи легче первое, а не второе). Ахрида находится на северо-восточном берегу Ахридского озера. Расположенная на двух высоких прибрежных холмах и по скатам этих последних, она имеет чрезвычайно красивое и живописное местоположение; но внутренность ее несколько не соответствует ее внешности, – внутри она есть бедный и грязный, хотя и не весьма малолюдный, городишка. Население Ахриды в настоящее время состоит из болгар, валахов, турков и отчасти греков и албанцев; большинство составляют болгары, из которых довольно значительная часть, – около трети, – потурчившиеся магометане; всех жителей в сороковых годах нынешнего столетия было от 8 до 9 тысяч (см. Григоровича Путешествие, стр. 113 sqq, Миллера *Albanien, Bumelien und Österreich. – montenegr. Gränzen*, Prag., 1814, S. 86 sqq). Епископская и потом архиепископская кафедра в Ахриде была до одиннадцатого века при неизвестного имени церкви, построенной крестителем Болгарии великим князем Борисом (см. пространное греческое житие Климента, епископа белицкого, § XXIII); с половины одиннадцатого века при церкви св. Софии, построенной двумя первыми из греков архиепископами ахридскими Львом и Феодулом (см. выше) и возобновленной в начале четырнадцатого столетия неким Григорием¹³⁴ (Григорович *ibid.* стр. 118; существует и до настоящего времени, но подобно всем соборным христианским храмам превращена турками в мечеть); в половине шестнадцатого века при церкви Благовещения пресв. Богородицы (см. статью Архиепископия первой Юстинианы в Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1866 г. кн. 4, стр. 58); в тридцатых и в пятидесятых годах семнадцатого века при церкви Введения Богородицы (Сношений с Востоком ч. 2, стр. 158 и ч. 3, л. 523 об.). В настоящее время кафедра митрополичья находится при церкви Успения Богородице (и св. Климента славянского), построенной в Конце тринадцатого века (Григорович *ibid.* стр.

115). Всех церквей в Ахриде в настоящее время восемь: Остатков древностей в весьма мало, и между последними, как и естественно, вовсе нет славянских (Григоровича *ibid.* стр. 20).

Епархии бывших терновской патриархии и ахридской архиепископии после уничтожения той или другой до настоящего времени

При уничтожении терновской патриархии поступлено было так, что при самой кафедре бывшего патриарха был образован, чрез подчинение ей в виде епископий некоторых из бывших ее митрополий, небольшой митрополичий округ, в лице самого митрополита терновского, разумеется, подчиненный патриарху константинопольскому, а прочие находившиеся под ней кафедры, быв подчинены патриарху константинопольскому, были оставлены в прежнем их виде, именно в виде безъепископальных или не имеющих под собой епископских кафедр митрополий¹³⁵.

Округ митрополита терновского был образован из трех бывших митрополий патриархии терновской, именно из епархий: 1) ловечской (Λόφτζου), 2) преславской и 3) червенской (Τζερβένου) или руцукской¹³⁶. Из этих, трех, неизвестно когда после начала восемнадцатого века, епископия преславская была возведена в митрополии, а на ее место была открыта в митрополии терновской новая епископия – врацкая¹³⁷ (Βράτζας, см. Синтагматион Хризанфа, Цахарие Beiträge S. 34, Смита De Graecae Ecclesiae Statu hodierno p. 63, Fabricii Biblioth. graec., ed. Hamb., 1726, XIII, 492, Ралли и Потли V, 514). В недавнее время (после 1864 г., см. списки кафедр в Христ. Чтен. 1865 г. кв. 1 и 1868 г. кн. 1) возведена в митрополии епископия червенская или руцукская.

Из епархий бывшей терновской патриархии оставлены в прежнем виде без епископальных митрополий и продолжали существовать в последующее время епархия: 1) софийская¹³⁸, 2) дристрская или силистрийская, 3) виддинская¹³⁹. Кроме упомянутой выше епархии врацкой, вновь открыта была в 1761 г., быв отделена от митрополии Софийской, епархия (неизвестно прямо митрополия, или сначала епископия) нишавская. (см. выписку из бумаг константинопольского патриаршего архива в

брошюре Τὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπισκόπας Ἀχρίδων καὶ Πεκίου, стр. 26 прим. á).

В настоящее время в бывшей патриархии терновской находятся архиерейские кафедры:

а) в той ее части, которая постоянно оставалась под ведением терновского патриарха во все время существования патриархии и которая перешла под власть патриарха константинопольского непосредственно после завоевания болгарского царства турками, причем была уничтожена патриархия терновская:

- 1) митрополия терновская, имеющая под собой епископии:
 - 1) ловечскую (ловчанскую), 2) врацкую (врачанскую),
 - 2) митрополия виддинская,
 - 3) митрополия дристрская или силистрийская,
 - 4) митрополия софийская,
 - 5) митрополия преславская (кафедра в Шумле),
 - б) митрополия чфрвенская или рущукская,
 - 7) митрополия нишавская (кафедра в Ойроте или Шаркее на реке Нишаве вверх от г. Ниша);

8) в той части патриархии, которая отошла от болгар к сербам ранее падения болгарского царства и которая перешла под власть патриарха константинопольского в 1766 г., после уничтожения сербской патриархии:

- 1) митрополия нишская (Νύσσης),
- 2) митрополия скопийская или ускюбская,
- 3) митрополия кюстендильская и истибская (Κεστέντηλίου καὶ Στήπιων), открытая в позднейшие неизвестные времена (кафедра кажется не в первом, а во втором городе, cfr Григоровича Путеш. стр. 141).

4) митрополия самоковская, открытая в позднейшие неизвестные времена (город Самоков на верхнем Искере или Искаре на юг от Софии);

5) епархии приморских городов, находившихся в черте постоянных владений болгар, но не постоянно находившихся под их властью, а только по временам переходивших к ним от греков:

- 1) митрополия месемврийская,

- 2) митрополия анхиальская,
- 3) митрополия варнская.

(Сильбернагель в своем *Verfassung und gegenwärtiger Bestand sämtlicher Kirchen des Orients*, Landshut, 1866, S. 82, и Neher в своей *Kirchliche Geographic und Statistik*, Regensburg, 1866, II, 496, говорят о православной греческой архиепископии в Никополе дунайском. Но сколько известно, у болгар не бывало в Никополе кафедры архиерейской и в древнее время, и положительно известно, что ее нет в нем и в настоящее время, см. списки кафедр в первых частях Христ. Чт. за 1868, 1866, 1867, 1868, 1866 и 1868 годы и у Ралли и Потаи V, 613 sqq. Не предполагают ли они в Никополе православную кафедру потому, что в нем была, если только не ошибается Когальничане, *Histoire de la Valachie* t. 1, p. 456, кафедра латинская?)

Диоцез архиепископии ахридской перед ее уничтожением состоял из митрополий и из подведомых митрополиям епископий. При уничтожении архиепископии произведет была та перемена, что епископии не оставлены по-прежнему в заведывании митрополитов, а быв возведены или в митрополии или в архиепископии, также все подчинены были прямому и непосредственному ведению константинопольского патриарха. Что касается до самой епархии ахридской, то вероятно из опасения, чтобы ее митрополиты не стали делать попыток снова восстановить свой автокефальный диоцез, она была совсем закрыта и присоединена к митрополии преспанской.

В настоящее время в пределах бывшей архиепископии ахридской находятся следующие архиерейские кафедры (все до одной митрополии): 1) преспанская и лихридская (Πρεσπών καὶ Λιχρίδων; митрополит без титула экзарха, т. е. принадлежащий к низшему разряду митрополитов; кафедра в Архиде),

- 2) касторийская,
- 3) пелагонская или битольская,
- 4) сисанийская и сиатистская (кафедра во втором городе),
- 5) струмицкая и тивериупольская (надлежало бы струмицкая или тивериупольская, потому что Тивериуполь не

особый город, а древнее название Струмицы),

- 6) белградская или бератская,
- 7) горская (Γκόρας) и диррахийская (кафедра в Дураццо),
- 8) воденская,
- 9) корицкая или горицкая и селасфорская,
- 10) гревенская,
- 11) могленская (кафедра митрополита по Аравантиносу, Χρονολογία τῆς Ἡπείρου II, 110, в деревне Ἀμτορία),
- 12) дебрьская (кафедра в Кичеве, как сообщал нам А. Ф. Гильфердинг, сам бывший в сем городе),
- 13) велесская (Βελίσσου) или кюпрюльская.

Нынешние епархии константинопольского патриархата, как принадлежавшие, так и не принадлежавшие к бывшим патриархии терновской и архиепископии ахридской, но – болгарские по своему населению.

Славянские родственные между собой племена, составляющие в настоящее время один болгарский народ, как мы говорили выше (в государственной истории Болгарии), в продолжение V-VII столетий наполнили собой чуть не весь Балканский полуостров. Ими заняты были – вся нынешняя собственно так называемая Болгария, значительнейшая часть Фракии и почти вся Македония (принимая это последнее название в обширнейшем его смысле, т. е. разумея под Македонией всю местность на юг от Болгарии между Фракией и Албанией); потом они расселились в весьма большом числе по нынешним средней и южной Албании, по Фессалии, Ливадии и Морее. Немалая часть этих славян давно перестали быть славянами и, погречившись или превратившись в греков, могут быть теперь узнаваемы только по сохранившимся славянским названиям мест их поселений и по славянизмам и славянским словам в их греческом языке; именно – таковы суть все славяне морейские, ливадские и фессалийские и большинство славян южно-албанских. Но за сим сравнительно наибольшая половина всего числа этих славян, именно славяне трех первых названных выше областей – собственно так называемой Болгарии, Фракии и Македонии, хотя в текущий период турецкого рабства, по устроившимся несчастным для них

обстоятельствам, и сами готовы были отказаться от своей народности (см. ниже), остались и остаются совершенно чистыми славянами до настоящего времени.

Все эти сохранившиеся до настоящего времени славяне называют себя одним общим именем болгар и сознают себя одним и нераздельным болгарским народом. Но далеко не все они постоянно принадлежали своими территориями к составу болгарского государства во времена существования этого последнего. Постоянное болгарское государство составляла нынешняя собственно так называемая Болгария (лежащая между Дунаем и Балканами). Затем, что касается до Македонии, то она довольно долгое время принадлежала к болгарскому государству в первый период его существования (остававшись свободною от ига греческого в продолжение 50 лет более даже самой собственной Болгарии), и весьма недолгое время во второй; в забалканской Фракии совсем не утверждали своей постоянной власти государи первого царства, и только не очень значительной в ней северной полосой владели государи второго. Все болгары полуострова соединяемы были в одно болгарское государство весьма не на долгое время в правление Иоанна Асеня II.

Точное и подробное обозначение границ болгарских поселений на западе с албанцами и сербами, на востоке и юге с греками и теми же албанцами, пусть читатель смотрит на карте и в приложенном к ней объяснении. Здесь, не вдаваясь в подробности, мы просто перечислим существующие в настоящее время епархии константинопольского патриархата, которые по своему населению или вполне, или отчасти суть болгарские.

Перечисление начнем с запада от Сербии.

Епархия нишская – смешанная, сербо-болгарская.

Епархии – нишавская, виддинская, врацкая, ловецкая, терновская, рущукская, силистрийская и преславская (шуменская) – чисто-болгарские (за исключением того, что во врацкой, ловецкой и силистрийской есть некоторое количество православных влахов или румынов).

На берегу Черного моря епархии варнская и анхиальская – смешанные, болгаро-греческие (а находящаяся между ними епархия месемврийская, ограничивающаяся, вероятно, только береговой, населенной греками, полосой, есть чисто греческая; по крайней мере сами болгары не причисляют ее к своим епархиям, см. официальную записку болгарских депутатов, поданную правительству в 1866 г., в болгарск. газете Время 1866 г. № 37).

Епархия созопольско-агатопольская (приморских городов Созополя и Агатополя, которые по-турецки Сизебол и Ахтебол). Нам неизвестно пространство этой епархии: если она ограничивается только береговой полосой, то есть чисто греческая; если же значительно подается внутрь страны, то смешанная, греко-болгарская.

Епархия визийско-мидийская (городов Визы и Мидии, из которых второй на берегу Черного моря, а первый на запад от второго) – смешанная, болгаро-греческая.

Епархии адрианопольская, литицкая¹⁴⁰ и дидимотихская – смешанные, греко-болгарские, причем первая из них есть гораздо более болгарская, чем греческая.

Обширная епархия Филиппопольская – почти-что чисто болгарская; есть в ней небольшое число греков, но сравнительно с общим количеством населения совершенно незначительное.

Епархии драмская, серезская, кассандрийская (на полуострове Кассандре), кампанийская (епископия митрополии солунской, кафедра в Колакии на нижнем Вардаре), – смешанные, болгаро-греческие, и две первые из них, вероятно, более болгарские, чем греческие (может быть должна быть причислена к ним же от чисто греческих и епархия южной Фракии ксанфийская, которой кафедра в Енидже, за левым берегом нижнего Карасу).

Епархия касторийская – смешанная, болгаро-греческо-албанская.

Епархии горицкая и дебрьская – смешанные, болгаро-албанские (вторая если не исключительно, то преимущественно албанская. Незначительные болгарские поселения есть в

албанских епархиях белградской или бератской и диррахийской).

Епархия рамско-призренская (в северо-восточной Албании, кафедра в Призрене), если ее округ на юго-восток доходит до верхнего Вардара, есть также епархия не чисто сербская, а сербско-болгарская.

За сим, начиная на востоке от Фракии, епархии меленикская или Мельницкая¹⁴¹, струмицкая, полянинская или полянская¹⁴², воденская, могленская, битольская, преспанская и лихридская или ахридская, велесская, снопийская, кюстендилская, софийская и самоковская суть епархии чисто болгарские.

Ересь богомилов

Об ереси богомилов – первоисточники: Козьмы пресвитера болгарского «Слово на еретики препрание» (рукоп. М. Д. Акад. №№ 160 и 173, -часть, слова, содержащая учение богомилов, напечатана в Akriv'e Сакцинского, кн. IV, 1857 г.), Евфимия Зигабена Паноплии часть 2-я, титло XXIII, напеч. в Maxima Biblioth. Patrum t. XIX (отдельно титло XXIII напечатано Гизелером под заглавием: Euthimii Zigadeni narratio de Bogomilis sea Panopliae. tit. 23, Gottingae, 1842 г.), патр. терновского Евфимия житие Илариона меглинского (Волоколамск, рукоп. № 629), патр. константиноп. Каллиста житие Феодосия терновского (напеч. в Чтениях Общ. Ист. и Древн. 1860 г. кн. 1-я); исследования: Christoph. Wolfii Historia Bogomilorum, Vitembergae, 1712 г., Енгельгарда die Bogomilen, в Kirchengeschichtliche Abhandlungen, Erlangen, 1832, §. 151–250, Гильфердинга письма об истории сербов и болгар, выпуск 1-й, стр. 171 sqq, в Полном Собрании сочинений т. 1-й, стр. 226; Петрановича «Богомили, церква босаньска и кръстьяни» у Задру, 1857 г., Франца Рачкого Bogomili и Patareni в загребском Rad'e кн. VI и следующие. К первоисточникам о богомилах прибавь: Анны Камненой Alexias libb. XIV и XV, ed. Paris. pp. 450 – 454, 486 – 495, Никиты Хониата в Thesaurus orthodoxae fidei (остающийся в рукописях) tomus 19 (cfr Фабриция Biblioth. Graec. ed. Hamburg. VI, 427), Константина Арменопула De haeresibus n. 19, в Патрол. Миня t. 150, p. 28, Матфея Властаря Синтагмы гл. 2, у Ралли и Потли VI, 66 (одно и то же с Арменопулом). Указание других греческих источников см. у Мелетия Афинского в Церковной Истории ч. 2, стр. 418, а указание некоторых латинских важных источников в Загребском Rad'e кн. I, стр. 241 sqq. К новым исследованиям прибавь статью свящ. В. Левицкого: «Богомильство, болгарская ересь X-XIV века», напечатанную в 1 части Христ. Чтен. за 1870 г.

В болгарской церкви, почти с самого ее начала и до позднейших недавних времен, постоянно существовала одна еретическая секта, именно – секта богомилов или бабунов.

Ересь богомилов была продолжением и видоизменением ереси армянских павликиан¹⁴³. Императоры византийские, желая обезопасить северную границу своего государства от вторжений варваров, неоднократно переселяли из Армении во Фракию (под Филиппопол) отличавшихся особою воинственностью павликиан, чтобы образовать из них пограничную охранную линию (первое известное переселение было при импер. Константине Копрониме, 741–775, см. Амартола по взд. Муралья стр. 648; второе при Иоанне Цимисхии в 970 г., см. Анны Комненой *Alexiad.lib. XIV*, ed. Venet. p. 356, Зонары *lib. XVII*, ed. Venet. II, 164, Глнки VI, ed. Bonn. p. 623). От этих-то, поселенных в непосредственном соседстве, еретиков болгары и заразились их лжеучением. Когда ересь начала распространяться именно между болгарами, остается неизвестным. Пресвитер болгарский Козьма (конца десятого века) в своем Слове на богомилов говорит, что «первие нача учити ереси в земле болгарстей» поп Богомил, живший «в лета православного царя Петра» но едва ли она не успела проникнуть в Болгарию еще гораздо ранее. Георгий Амартол в своей Хронографии говорит о павликианах своего времени (первой половины девятого века), что они считали в своем исповедании шесть частных или поместных церквей, именно – τὴν Μακεδόνιαν, ἣτις ἐστὶν Κάσρων κολωνίας, Кибоссу и пр. по изд. Муралья стр. 607). Κάσρων κολωνίας есть одно и то же с Колонией или Старией, находящейся на юго-запад от Кастории, в верховьях р. Дешницы (см. выше в епархии касторийской, cfr Pouqueville *Voyage de la Grèce t. 1*, p. 243), а местность этого города с древнего времени была чисто болгарскою. Равным образом и экзарх болгарский Иоанн, живший при царе Симеоне, уже говорит о пошибеных и скверных манихеях в болгарской земле (см. в четвертом слове его Шестоднева, Горского и Невоструева *Описания синодд. рукоп. №54*, л. 110; II 1, 9). Впрочем, как бы то ни было; во всяком, случае, согласно с свидетельством пресвитера Козьмы, сейчас помянутого попа Богомила должно считать если не первым вводителем, то решительным распространителем ереси между болгарами. От него ересь получила и свое название (а

не от Бог и милуй, как объясняют греческие писатели и как за ними принимают все западные исследователи). Некоторые сказание называют помощником Богомила попа Иеремию, (см, напр. у Горского и Невоструева в Описании синода. рукоп. №322, л. 266, II, 3, 641); но как кажется, вероятнее думать, что Иеремия и Богомил есть одно и то же лицо, т. е. что в скрещении имя ересиархи, было Иеремия, а славянское Богомил¹⁴⁴. Исторические сведения о ноне Богомиле ограничиваются тем, что он жил в правление царя Петра (Козьма пресвит.) и что он был священником «в навек на Верзиулове колу» (другие списки «на Верзилове колу», см. Калайдовича в Иоанне экзархе стр. 210, у Горского и Невемструева Описания № 391, л. 333 об., III, 1, стр. 339, – в других списках это говорится о ноне Иеремии, см. Летописи занятий Археогр. Коммиссии, выпуск 1-й, стр. 38). Еретики назывались еще бабу ванн по горному хребту и по р. Бабунам; из которых первый тянется в направлении от севера к югу, на восток от городов Прилепа и Бистоля, а вторая, выходя из сейчас названного хребта, течет в направлении на северо-восток и впадает справа в Вардар немного ниже Велеса или Кюприли (см. вторую карту при 2-м изд. *Reise von Belgrad nach Salonik* Гана и в тексте S. 172 sqq, также Григоровича Путеш. по Турции стр. 139 fin.), и где вероятно был один из главных центров или притонов секты. В письменных памятниках греческих и славянских еретики называются также манихеями, мессалиянами, евхитами, армянами и павликианами (у Горского и Невоструева в Описании № 155, л. 287 об., II, 2, 280). Некоторые писатели называют их еще фундаитами или фундагиагитами (φουνδαῖται, φουνδαγιάγῑται), что производят от средневекового греческого φοῦνδα – мешок, так как богомилы скитались с мешками, собирая милостыню (у Вольфа *Hist. Bogomil*, p. 6 sqq).

Учение богомилов, которое по существующим источникам не может быть изложено с надлежащей полнотой и обстоятельностью¹⁴⁵, было дуалистическое.

1) Они признавали верховного Бога доброго, Который, по их учению, сотворил невидимый, духовный мир, и отпадшего

демона злого, который сотворил видимый, вещественный мир.

2) О падшем демоне они учили, что он есть сын Бога и назывался Сатанаилом, что он есть старший Сына-Слова и превосходнейший Его как первородный; что он был управителем дома и занимал второе место после Отца, быв одет в тем же самым одеянием, но что, глупо возгордившись своим достоинством, помыслил об отпадении и, улучив некоторый случай, соблазнил служебные власти сбросить с себя ярмо служения и восстать против Отца, за что последним низвергнут был с неба (Зигаб. §VI).

3) Низверженный с неба Сатанаил, поскольку не мог поселиться на водах, так как земля была невидима и неустроена, а между тем сохранял еще божественный вид и власть творить, решился сотворить для обитания себе землю. Сотворив землю и всю видимую природу (как рассказывается о том в книге Бытия), он сотворил тело человека; но поскольку не мог вдохнуть душу живу, то послал послов к доброму Отцу просить, чтобы Тот послал дух Свой, и обещал, что Они будут владеть человеком сообща и что из его племени будут пополнены сидалища низверженных ангелов (Зигаб. § VI).

4) Скоро раскаявшись в своем обещании, Сатанаил исполнился зависти к человеку и начал творить ему ковы. Он обманул Моисея и, взошед на гору Синай, дал ему закон, чрез который погубил бесчисленные тысячи людей (Зигаб. §§ VII и X). Таким образом, богомилы учили, что Ветхий Завет от лукавого. То же самое они учили о книгах моисеевых и пророческих и вообще о всех книгах ветхого завета, и принимали только Евангелие и Апостол. (Так, по Козьме пресвитеру и по патр. Евфимию; напротив по Зигабену, §§. 1 и XI, богомилы признавали некоторые книги и ветхозаветные, именно Псалтырь и пророков, так что всего принимали семь книг: 1) Псалтырь, 2) пророков, 3–6 четыре Евангелия, 7) Апостол с Апокалипсисом, при чем ссылались на слова Писания: Премудрость созда себе дом и утверди столпов семь. Может быть это есть разногласие частных богомильских толков, которых по свидетельству Козьмы пресвитера было чрезвычайно много.)

5) Прельщая простых людей, будто веруют в Отца, Сына и Св. Духа, богомилы на самом деле усвоили все эти имена одному Отцу (Зигаб. § II), а о Сыне и Св. Духе учили, что Они, получив бытие от Отца через пять тысяч пятьсот лет от сотворения мира, когда Бог решился искупить человека, по совершении искупления снова разрешились в Отца, Который таким образом снова стал в одном лице (Зигаб. § III).

6) Об искуплении богомилы учили: будучи угнетаемы жестоким господством демонов, люди страшно погибали, так что оставались в части Отца и восходили в чин ангелов весьма немногие, именно из всех ветхозаветных людей только те, которые записаны в родословиях Иисуса Христа у евангелистов Матвея и Луки. Но наконец Отец некогда приметил, что Его проводят и коварно обманывают, что между тем как Он дал лучшую часть человека, Он лишается большей части людей. Посему сжалившись о душе, которую вдунул, Он отрыгнул из сердца Своего, в пять тысяч пятисотом году, Слово, Которое есть Михаил архангел, ибо сказано: наречется велика совета Ангел, и Которое называется Иисусом, поскольку врачует всякую болезнь и всякую язву, и Христом, поскольку помазано было плотью. Слово сошло с небес и воплотилось не действительною плотию, а только привидением, вошед чрез правое ухо Девы и вышед тем же путем; устроив из Своей жизни призрачное зрелище, Оно обмануло Сатанаила, связало его толстою и тяжелою цепью, заключило в тартаре и отняв от его имени ил оставило ему только сатана. Исполнивши Свое служение, Слово возвратилось к Отцу и снова разрешилось во чреве Его, в котором было заключено прежде (Зигаб. § VIII).

7) О крестных страданиях Христовых богомилы учили, что Он распят был не по Своей воле и не за спасение человеческое, но по нужде (Козьма пресвит.); что демоны измыслили крест, чтобы погубить Его (Зигаб. § XV). Посему они называли крест враждой Богу и говорили: «аще кто убьет царева сына древом, может ли то древо любо быти царю, такоже и крест Богу (см. рукоп. Троицкой лавры № 205, л. 427 об., Кормчая гл. 90). На этом основании они не только не почитали изображений креста, но и ругались над ними (и

посекали кресты, поставленные на возвышениях, где прежде стояли кумиры, Козьма пресвит. Как примирять этот пункт с предыдущим, не совсем ясно).

8) О новозаветной христианской церкви богомилы учили то же самое, что и о ветхозаветной, т. е. что она не от Христа, а от диавола. Поэтому они отвергали церковь со всем ее учением, со всеми ее таинствами, обрядами и учреждениями (о таинствах они говорили, что в них не благодать Св. Духа, а сила диавола; за иконопочитание они называли православных идолопоклонниками; о мощах святых они говорили, что при них сидят демоны и что эти-то демоны и творят при них кажущиеся чудеса). Считая истинно христианским одно собственное общество, они одним самим себя и называли «Христианами» а православных они называли «ромеями», книжниками и Фарисеями и пр. (Амартол по изд. Муралья стр. 608 нач., патр. Фотий de Manichaeis у Вольфа Hist. Bogomil, p. 8, Зигабен).

9) Богомилы не признавали воскресения тел, и говорили о своих последователях, что они изменяются как бы во сне и без всякого труда скидают это грязное одеяние плоти, и надевают бессмертную и божественную одежду Христову, а тело, которое сняли, разрешается в пепел и прах, и никогда более не восстанет (Зигаб. § XXII).

10) Как мы сказали выше, они признавали только книги новозаветные – четыре Евангелия и Апостол. При этом они толковали Св. Писание по-своему, аллегорически, приспособляя толкования к своему учению и к истории своей секты (образцы толкований у Зигабена § XXVIII sqq).

Так как богомилы весьма не жаловали людей образованных и не принимали их в свое общество (Зигаб. § XLVIII); так как Св. Писание, как мы сейчас сказали, они толковали аллегорически, по своему произволу; так как наконец, по свидетельству пресвитера Козьмы, между последователями секты была необыкновенная страсти к учительству, так что чуть не каждый желал быть учителем; и измышлять что-нибудь новое: то по всему этому заслуживает полной веры свидетельство писателей древних, что учение их было исполнено множества самых нелепых сказок и бредней.

Что касается до собственной церкви богомилов и их богослужения, то они не имели особых мест для общественного богослужения или храмов. Они говорили, что Вышний живет не в рукотворенных храмах, но небо Его жилище (Зигаб. § XVIII), и называя храмами распутия (Козьма пресвит.), совершали молитву каждый у себя дома¹⁴⁶. Называя литургию все общественное богослужение христиан многоглаголанием, они принимали одну молитву «Отче наш» и совершали свои моления – одни по четырежды днем и четырежды ночью (Козьма пресвит.), иные по семи раз днем и до пяти раз ночью, иные по десяти раз – по пятнадцати (Зигаб. § XIX), а также наконец непрестанно томились в молитвах (Козьма пресвитер и патр. Евфимий. Первый не совсем понятным образом, противореча себе, сначала говорит, что они принимали одну молитву «Отче наш», а потом – что «молитвы их прелести тысящи суть». Что кроме «Отче наш» богомилы имели и другие, многие или немногие, молитвы, это дает знать и Зигабен, когда говорит, что при перекрещивании православных, переходивших в их секту, были петы непотребные молитвы, § XVI). Относительно крещения частные общины или толки не сходились между собой, – одни крестили детей и перекрещивали соvrащавшихся в секту (Амартол по изд. Муральта стр. 610, 14, Зигаб. § XVI); другие более строгие не допускали никакого подобного обряда (Косьма прес., Лаврск. Троицк. Кормчая № 205, л. 367). Не соблюдая и не признавал христианских праздников (Козьма пресввт.), они соблюдали христианские посты, именно они постились в понедельник, среду и пятницу (Зигаб. § XXV). Иерархическое устройство у богомилов состояло в том, что каждая частная община или церковь имела своего учителя, который имел под собой двенадцать учеников, именовавшихся апостолами (Анны Комненой Alexiad. lib. XV, ed. Venet., t. XV, p. 884 и 887, Acta Patriarchal Constantinop. Миклошича). Впрочем, богомилы всех вообще последователей своей секты называли священниками и диаконами (парт. Каллист), и сами себя исповедали и решили не только мужчины, до и женщины (Козьма пресв.).

Нравственное учение богомилов было сурово-аскетического характера.

1) Так как по их мнению не только весь этот видимый мир, но и самое тело человека от диавола, то они ушли бежать из мира (Козьма пресвит.) и наставляли земную задачу человека в том, чтобы побеждать плоть духом посредством подвигов самоумерщвления и самоотрицания; вообще они предписывали своим последователям христианские добродетели не только в том их объеме, который обязателен для каждого христианина, но и в том, который в церкви только добровольно принимают на себя монахи. Так как богомилы учили безженству и все вообще обыкновенно носили монашеское платье (Анны Комненой *Alexiad. lib. XV, ed. Venet., p. 384, Зигаб. § XLIII*, и по-монашески воздерживались от мяса и вина, Козьма пресвит.), то секта их может быть представляема как монашеский христианский орден, с нехристианским догматическим учением¹⁴⁷.

2) Заповедуя своим последователям все вообще христианские добродетели (Зигаб. § XXVI), богомилы учили особенно нестяжательности и произвольной нищете. Ссылаясь на слова Писания: «не делайте брашно гниущее, но пребывающее в живот вечный» и «не пейте, что ясте или что пиете» и пр., они заповедывали не заботиться о завтрашнем дне, и сами по большей части брали на себя подвиг нищеты, питаясь тем, что ходили из дома в дом и собирали милостыню (при чем нередко были и злоупотребления, именно – что многие, под видом нищеты ничего не делая, упивались и объедались на чужой счет, патр. Каллист, Козьма пресвит., Зигаб. § XXXV и XLIII).

3) Признавая учреждение брака делом диавола, богомилы заповедовали и содержали безбрачие и питали величайшее отвращение к детям, хотя бы происшедшим и от законных супружеств (Козьма пресвит., а некоторые доводили учение о безбрачии до того, что заповедовали обрезать тайные уды, патр. Каллист, Лавр. Кормчая № 205, л. 397).

Секта богомилов была не только противощерковная, но и противогосударственная. Вероятно, считая учреждение существующих человеческих обществ делом того же диавола,

они, по свидетельству пресвитера Козьмы, учили своих последователей «не повиноваться властям своим, хулили богатых, царей ненавидели, ругались старейшинам, укоряли боляры, мерзки Богу творили работающих царю и всякому рабу не велели работать господину своему».

Как значительно распространена была в Болгарии ересь богомилов, положительных известий об этом мы не имеем; как кажется, следует думать, что ее последователи были не так многочисленны, как это обыкновенно представляют. Во-первых, ересь была характера строго-аскетического, а к строгому аскетизму (и монашескому безбрачию) наклонны не многие; во-вторых, так как еретики проводили жизнь безбрачную, то их общество пополнялось не путем естественного зарождения, а только путем совращения извне.

Как ересь слишком противоцерковная и даже противогосударственная, богомильство постоянно подлежало строгому государственному запрещению и преследованию (об этом говорит уже Козьма пресв.). Кроме того против еретиков по временам предпринимались были исключительные церковные и государственные меры, именно – собираемы были церковные соборы и поднимались были нарочитые розыскания и казни¹⁴⁸. Но так как у еретиков возведено было в догмат самое строгое притворство и заперательство, то все меры не в состоянии были совершенным образом подавить ереси, и она продолжала существовать, как мы сказали, до позднейших недавних времен, именно до половины прошедшего столетия, после чего еретики обращены были отчасти в православие, а главным образом в католичество (см. ниже).

О первых учителях богомильских есть известия, что они предавали свое учение письмени; в одном сказании о книгах истинных и ложных говорится: «творци быша еретическим книгам в болгарьской земли поп еремеи да поп богумил» (Горск. и Невостр. Описания № 322, л. 260 об., II, 3, 641). Но сохранились ли какие-нибудь сочинения богомилов до настоящего времени, решить этот вопрос весьма не легко, потому что между известными в настоящее время апокрифическими сочинениями, не имея прямых указаний,

очень трудно отличить бредни богомилов от бредней самих православных.

Монах иерусалимский Афанасий в своем «написании о древе разумном добру и злу» к какому-то Панкови, пишет этому последнему: «а иже то почел еси слово еремея прозвитера еже о древе честнем и о извещении святыя троица, то басни лживыя чел еси» (рукоп. Троиц, лавры № 214, л. 384, в Памятниках Кушелева-Безбородко III, 84, cfr у Калайдовича в Иоанне экзархе статью о книгах истинных и ложных, стр. 210). Может быть это есть известное слово о древе крестном, в котором говорится, что Христос распят на древе, изросшем из главы Адамовой (напечатано в Памятниках отреченной русской литературы Тихонравова, т. I, стр. 305 sqq, efr ibid. стр. 17 и в Памятниках старинной русской литературы гр. Кушелева-Безбородко, выпуск 3, стр. 7 sqq).

Так как богомилы отличались особенною ненавистью к браку и к женщинам, то с некоторою вероятностью можно приписывать им если не все, то некоторые из слов о злых женах.

Так как богомилы восставали против винопития, то с вероятностью можно усвоить им сказание о происхождении винокурения от беса (напечатано в Памятниках Кушелева-Безбородко, вып. 1, стр. 137), а также сказание будто древо познания добра и зла было виноградное дерево и будто Адам и Ева упились соком его (рукоп. Троицкой лавры № 214, л. 381 обор., у Кулешова-Безбородко III, 84).

Из апокрифических сказаний, напечатанных в Памятниках Тихонравова и Кушелева-Безбородко, с вероятностью можно усвоить богомилам¹⁴⁹: 1) «слово святых апостол Петра и Андрея, Матфея и Руфа и Александра» о проповеди названных апостолов у человекоядцев, потому что в нем говорится о разлучении мужей от жен и о ненависти к женскому полу (в основе своей слово, вероятно, греческое, но или переделано, или интерполировано богомолами, у Тихонравова, вып. 2, см. стр. 8 и 9); 2) «слово о Иисусе Христе Господе нашем» или «о прении Господни со диаволом» в пустыне, потому что в нем подозрительно говорится об измышлении демонами креста

Спасителю (сfr выше в догматич. учении § 6, у Тихонравова II, 282, у Кушелева-Безбородко II, 86).

Известная притча «ют болгарских книг» о человеке, хотевшем убежать от старости и смерти (Горек, и Невостр. Описания № 230, л. 52, II, 3, 58), с некоторою вероятностью, также может быть считаема богомильскою.

Павликиане, продолжателями которых были богомилы, кроме известных 14-ти посланий ап. Павла, имели у себя еще какое-то послание его к лаодикийцам (см. Herzog'a Real-Encyklopedie für Theologie под словом: Paulicianer, t. XI, S. 229 нач.). Не принимали ли этого послания и богомилы, и не есть ли оно то таинственное Лаодикийское послание, которое переведено на славянский язык дьяком Федором Курицыным (М. Д. Акая. № 103, л. 109) и которое напечатано Востоковым в Описании Румянцевского Музеума (таблицы к стр. 5)?

Древняя болгарская письменность

После крещения народа необходимо было озаботиться об его просвещении, т. е. о переводе с греческого языка на славянский христианских вероучительных и просто учительных книг.

Что было сделано в этом отношении при самом крестителе болгар – Борисе, остается неизвестным. Но со второго его сына и преемника Симеона самым усердным образом приступлено было к выполнению сейчас помянутой задачи.

По свидетельству одного, почти непосредственного современника, Симеон был воспитан при византийском дворе и получил отличное, по тогдашнему времени, греческое образование¹⁵⁰. Судя по тому, что в переводах, совершенных по его поручению, проглядывает не случайность преднамеренные система и выбор, можно думать, что, не ограничиваясь простыми переводами книг, он думал ввести в Болгарии настоящее греческое образование, и таким образом, если бы после его смерти не настали для Болгарии несчастные времена, то ей может быть действительно суждено было бы стать преемницей и продолжательницей византийского образования, чего, как известно, не случилось ни с одной из славянских православных земель. Бак бы ни было, Симеон, во-первых, сам, несмотря на свои непрестанные войны с греками, находил время, чтобы трудиться над переводом с греческого, во-вторых – он собрал вокруг себя кружок способных и просвещенных людей и поручал каждому из них те или другие работы, так что, по свидетельству одного из них, исполнил книгами своя полаты (Калайд. Иоанн экзарх стр. 102, предисл. к Святославу Изборнику).

Бак труд самого Симеона – известен «Златоструй»¹⁵¹ или перевод 135 избранных слов Иоанна Златоустого (в Императорской Публичной библиотеке есть пергаменный список Златоструя двенадцатого в., Палаузова Век болгарского царя Симеона стр. 84, прим. 77, в библиотеке М. Д. Академии есть пергаменный список Златоструя, писанный в Киево-печерской

лавре в 6982 году; что слов 135, а не 136, см. Палаузова *ibid*, примеч. 77).

Другие деятели после самого Симеона известны:

1) Константин, сначала пресвитер, потом епископ неизвестной кафедры в Болгарии, ученик первоучителя Мефодия, и след. пришедший в Болгарию из Моравии. В 894 г., по убеждению етерых верных человек, он составил поучения на все воскресные дни года (числом 51), выбрав их главным образом из Иоанна Златоустого, а отчасти из Кирилла Александрийского и Исидора Пелусиота, приделав к большей части из них свои краткие вступления и заключения (и одно поучение, 12-е, на текст из Луки XVII, 12, о десяти прокаженных, сполна, составив сам, Горского и Невоструева Описания № 163, 11, 2, 109 sqq). Перед 907 г. или в этом году, по поручению князя Симеона, он перевел четыре слова Афанасия Александрийского против ариан (*ibid*. № 111, II, 2, 32 sqq).¹⁵²

2) Иоанн, пресвитер и экзарх болгарский¹⁵³, знаменитый своею жизнью и деятельностью, так что на них указывали как на пример подражания для пастырей писатели последующих поколений (Козьма, пресвит, болгарок.) Ему принадлежат: 1) Шестоднев или шесть слов о творении мира, которые он составил для князя Симеона отчасти сам, отчасти на основании Василия Великого и Севериана Гевальского (Горского и Невоструева Описания № 54, II, 1, стр. 1; составил в то время, когда Симеон был не князем, а уже царем, см. конец 6-го слова, рукоп. id. л. 250 sqq, Калайдовича Иоанн экзарх болгарский, Москва, 1824); 2) перевод избранных глав (48-ми из 160) из книги «о правой вере» или из догматического богословия Иоанна Дамаскина, который он совершил по настояниям черноризца Дукса (у Калайд. Иоан, экз. стр. 129, Горского и Невоструева *ibid*. №155, II, 1, 288). 3) Иоанн экзарх принадлежит к числу церковных проповедников; в настоящее время известны его четыре церковные слова (на Преображение, Волокол. рукоп. № 432, л. 94, на Вознесение, *ibid*. № 431, л. 276, на Благовещение Иоакима и Анны, *ibid*. № 432, л. 161, о погребаящихся в церквах, в Макарьевской Минее под 16 января, -первое слово напечатано в Чтец. Общ. Ист. и Древн.

1848 г., № 7, второе у Калайд. в Иоан. экз. стр. 174. В рукописях приписывается еще Иоанну экзарху перевод Грамматики и Диалектики Иоанна Дамаскина, но по исследованию гг. Горского и Невоструева, ни тот, ни другой не могут быть ему усвояемы, а Грамматика должна быть считаемая не принадлежащею и Иоанну Дамаскину, *ibid.* стр. 311 sqq).

3) Черноризец Тудор или Феодор Доксов, который в 907 г. переписал Константинов перевод слов Афанасия александрийского (Горского и Невостр. Описания № 111, II, 2, 32 fin.), по всей вероятности, есть одно и то же лицо с нашим черноризцем Дуксом. Предположение, будто под этим Дуксом или Доксовым скрывается сам Борис-Михаил, нам представляется не имеющим никакого основания (о р. Тыче, на устьи которой писал Тудор Доксов, см. у Палаузова в книге Век болгарского царя Симеона, стр. 110, прим. 122).

4) Григорий, «пресвитер, мних всех церковник болгарских церквей»¹⁵⁴, переведший по приказанию князя Симеона Хронограф Иоанна Малалы в греческом подлиннике, обнимающий время от сотворения мира до импер. Юстиниана и дополненный в переводе: 1) Палеей или историей ветхого завета, 2) Александрией или баснословным сказанием об Александре македонском (см. о нем кн. Оболенского или В. У идольского предисловие к летописцу Переяславля суздальского во Временнике Общ. Ист. и Древн., кв. IX, стр. VIII sqq, Калайд. Иоан, экзарх стр. 15).

5) Черноризец Храбр, живший в то время, когда еще живы были некоторые люди, лично знавшие первоучителей Константина и Мефодия, и след. в последних годах девятого или в начале десятого века, и написавший: 1) сказание о славянских «письменех», в котором сообщает, кто и для кого изобрел славянскую азбуку и совершил перевод, и в котором защищает этот последний от нареканий недоброжелателей, нет сомнения – греков; 2) некоторые другие сочинения, которые пока остаются неизвестными (предполагаем другие сочинения на том основании, что Храбр говорит: «суть же и ины ответы, яже *инде* речем», у Калайд. Критический разбор сказания о письменех И. И. Срезневского в Журн. Мин. Нар. Просв. 1848 г.,

№ 7, см. также Калайдовича в Иоанне экзархе 189 стр., у Бодянского О времени происхождения славянских племен стр. 51 и примеч.).

6) Козьма, пресвитер болгарский, живший одновременно с мнихом Храбром (после царя Петра, но до разрушения болгарского царства греками в 1019 г. и когда еще живы были многие звавшие Иоанна экзарха) и написавший «Слово на еретики препрение», в котором излагает и обличает лжеучение богомилов (рукоп. М. Д. Академия № № 160 и 173, Arkiv'a Сакцинского кн. IV, Горского и Невоструева Описания № 188, II, 2, 512).

7) Климент, епископ словенский или, по надписанию его пространного греческого жития, белицкий (но не велицкий), неизвестно бывший епископом в Болгарии или в какой-нибудь из областей империи греческой, заселенной славянами, обыкновенно считаемый учеником Константина и Мефодия, но едва ли таковым бывший, хотя вероятно и живший около времен Симеона. Если верить пространному греческому житию, то Климент писал: 1) похвальные слова на все праздники в году; 2) жития многих пророков и апостолов; 3) жития и подвиги мучеников (по изд. Менщикова и Шевырева §22). Климент известен как церковный проповедник, именно от него сохранилось 12-ть церковных поучений на разные случаи (см. письмо Ундольского к Бодянскому в Чт. Общ. Ист. и Древн. 1848 г., №7 и Палау зова Век болгарского царя Симеона стр. 80).

По приказанию князя Симеона переведен был неизвестным лицом знаменитый Изборник Святославов, сохранившийся в рукописи 1073 года и содержащий «сбор от многих отец вкратце сложен, на память и на готов ответ», содержащий многочисленные выписки из творений святых отцов и представляющий как бы справочную энциклопедическую книгу не только по богословию, но и по всем отраслям тогдашнего знания (Горского и Невоструева Описания № 161, II, 2, 365, Шевырева Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, Москва, 1850, ч. 2, стр. 30 sqq).

После Симеона, несмотря на постигшие Болгарию несчастные времена, дело перевода учительных книг

совершаемо было с таким же усердием, как и при нем, хотя имена дальнейших тружеников и остаются неизвестными. В продолжение десятого-двенадцатого столетий (когда на помощь болгарам явились сербы) в Болгарии неизвестными в настоящее время лицами переведены были творения отцов и вообще учительные книги: 1) огласительные поучения Кирилла иерусалимского (у Горского и Невоструева № 114, Описания Румянц. Муз. Востокова стр. 244, Григоровича Статьи, касающиеся древнего славянского языка, Казань, 1852 г. стр. 77); 2) некоторые из слов Григория Богослова (есть список одиннадцатого в., содержащий 13 поучений Григория Богослова, см. Ученых Записок 2 Отд. Акад. Наук кн. 2, выпуск 2, 1856, стр. 75 и у Горек, и Невостр. № 117); 3) слова Ефрема Сирина¹⁵⁵ (их любил читать Авраамий смоленский, см. житие в Правосл. Собеседнике 1858 г., сентябрь, стр. 142 и в Истории русской церкви Макария, III, 182 и прим. 273); 4) Беседы Иоанна Златоустаго к антиохийскому народу (андриатис, у Горск. и Невостр. № 125) и другие 19-ть слов в Codex'e Suprasliensis, ed. Miklosich.; 5) поучения Феодора Студита (Макария История русской церкви 11, 83 и 166); 6) пандекты или поучительные слова (числом 130) инока Антиоха (у Горского и Невоструева № 153); 7) Лествица Иоанна Лествичника (ibid. № 141, Востокова Румянц. Муз. стр. 253); 8) толкование на Псалтырь, приписываемое в славянских рукописях Афанасию александрийскому (у Горек, и Невостр. № 64, Восток. Румянц. Муз. стр. 469); 9) толкование на Псалтырь Феодорита кирского (Григоровича Статьи, касающиеся и пр. стр. 75 и Востокова стр. 469); 10) сводное толкование на 16 пророков неизвестного, списанное в 1047 г. попом Упирем Лихим (у Горек, и Невостр. № 78 sqq); 11) толкование неизвестного на послания апостола Павла (у Горек, и Невоструева № 95); 12) толкование на Апокалипсис Андрея кесарийского (у Горск. и Невостр. № 105); 13) пролог¹⁵⁶ или краткие жития святых (Макария Истории русской церкви III, 176, Ипатьевской Летоп. стр. 223); 14) неизвестно многие или не многие жития и мучения святых пространные (см. Несторово житие Бориса и Глеба, изданное по Сильвестровскому списку Срезневским, Спб., 1860 г., col. 7, cfr

Григоровича Статьи, касающиеся и пр. стр. 73 и Ипатьевской Летоп. стр. 223, а в Codex'e Suprasliensis содержатся жития святых за целый месяц март); 15) Палея или священная история ветхого завета (см. предисловие к Переяславск. летописцу во Временнике Общ. Ист. и Древн. кн. 9, стр. IX и Сухомлинова о Летописи стр. 54); 16) Хронограф Георгия Амартола (Сухомлинова *ibid.* стр. 86 и Чтений Общ. Ист. и Древн. № 4, смесь, стр. 73. Есть сборник, написанный для кн. Святослава. в 1076 г., но что в нем содержится, пока подробно никем не описано, см. Кеппена Список Русских Памятников стр. 29 и Макария Истории русской церкви II, 168. Некоторые считают древним перевод Слова о последних временах Мефодия Патарского (напеч. у Тихонр. в Памятниках II, 213) на том основании, что им пользовался наш древний летописец (Макар, *ibid.* II, 169); но кем и когда внесена выписка из Мефодия в Летопись (Полн. Собр. 1, 107), это еще составляет вопрос. Некоторые относят к девятому веку перевод Бесед на Евангелия Григория Двоеслова (Макар, *ibid.* II, 167, но сличи у Горского и Невоструева № 119).

О древней болгарской письменности сравнивай: И. И. Срезневского Древние памятники письма и языка юго-западных славян, Спб., 1865, его же Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы, Спб., 1866, его же и других статьи в Извест. Акад. Наук т. I, стр. 82 sqq и т. X, стр. 2 sqq, Григоровича Статьи, касающиеся древняго славянского языка, Казань, 1852, Шафарика Разцвет славянской письменности в Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1868 г., кн. 7, Филарета Обзор русской духовной литературы ч. 1-я, Палаузова Век болгарского царя Симеона, Спб., 1852, Макария Истории русской церкви II, 166 fin. sqq.

Из средневековых болгарских писателей нам известны пока только весьма немногие, именно:

1) Монах и пресвитер Дионисий, ученик Феодосия терновского, жившего в половине четырнадцатого века. О нем говорится в житии Феодосия, что он многи книги преложи с греческого языка на славянский (в Чтен. Общ. Ист. и Древн.

1860 г., кн. I, л. 5). Какие это именно книги, пока остается неизвестным.

2) Иоасаф, митрополит виддинский или бдинский, поставленный в 1392 г. (см. *Acta Patriarchat. Constantinop.* Миклошича t. II, р. 161). Он написал похвальное слово Филофее терновской, мощи которой на другой год по взятии турками Тернова перенесены были из Тернова в Виддин (новый список слова с одной рук. Рыльского монастыря у А. Ф. Гильфердинга).

3) Евфимий, последний патриарх болгарский. Он принадлежит к числу наиболее плодовитых болгарских писателей и вместе с тем к числу наиболее замечательных болгарских пастырей. В настоящее время известны его сочинения: а) церковные слова: 1) похвальное царям Константину и Елене (рукоп. Троицкой лавры № 199, л. 310 об., №№ 712, л. 415 в № 734, л. 174), 2) на Введение во храм Пресв. Богородицы (*ibid.* № 669, л. 304 и № 670, д. 523), 3) три похвальные слова Св. неделе (Григоровича Путеш. стр. 188 нач.); б) жития в повести: 1) житие Параскевы терновской (*ibid.* № 630, л. 366), 2) житие Филофее терновской (*ibid.* № 754, л. 291 об. и . № 676, л. 745), 3) житие Иоанна рыльского (попечатано в Гласнике кв. XXII), 4) житие Феодосия терновского (Известий Акад. Наук VII, 155, Григоровича Путеш. стр. 188), 5) повесть об обновлении храма Воскресения (иерусалимск., Троицкой лавры № 664, л. 201 и № 665); в) послания: 1) к Киприану монаху, жившему в св. горе Афонской (*ibid.* № 748, л. 445 и № 762, л. 207 об.),

2) к Никодиму священноиноку, иже в Тисмене (в Валахии, новый список послания с одной рукоп. Рыльского монастыря у А. Ф. Гильфердинга), 3) к митрополиту угровлахийскому Анфиму (*ibid.*), 4) в трех рукописях Венской Императорской библиотеки есть Ἐπιστολὴ Εὐθυμίου μοναχοῦ τῆς Περιβλέπτου μονῆς σταλεῖσα ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως καὶ τῆς εἰρημένης μονῆς πρὸς τὴν αὐτοῦ πατρίδα, ζηλιτεύουσα τὰς αἱρέσεις τῶν ἀθεωτάτων καὶ ἀσεβῶν πλανώντων τε φουνδαγιαγυτῶν ἥτοι Βογομίλων καὶ Μασσαλιανῶν и пр. (Ламбеция lib. V, cod. CCXIII, CCXLVII в CCXLVIII, р. 85 и 284). Ламбеций и Фабриций (*Biblioth. Graec.*, ed. Harles, VIII, 341 нач.) считают это послание принадлежащим

Евфимию Зигабену; но едва ли не вероятнее, что оно принадлежит именно нашему Евфимию и было послано им из Константинополя (о чем см. выше) в Болгарию по тому поводу, что не задолго перед его отбытием из Болгарии в Грецию, по инициативе его учителя Феодосия, царем Иоанном-Александром предпринято было истребление в Болгарии богомильской ереси (см. выше и житие Феодосия терновского в Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1869 г., кн. 1, л. 8). Патр. Евфимий в некотором смысле может быть назван болгарским патриархом Никоном, потому что он сделал в Болгарии то, что в России было сделано Никоном, именно – предпринял и совершил исправление оказавшихся к его времени неисправными церковно-богослужебных книг.

Григорий Цамблак, выражаясь не совсем вразумительно и не совсем обстоятельно, говорит: «заеже книгам болгарским многими леты старейшим и от самых начал крещения языка оного сухих (sic), но и великого в святых сего святых учивша книги и даже до дний наших достигшаго (sic), вем и сие аз и несть инако, но первый преводителей ли заеже ельиньского языка же и учения не в конец видети (ведети) или своего языка дебелости служити, яже (sic) издаша книги несложны в речех явишася и разумений греческих писаний несогласны, доблестном (дебельством) же связаны и негладки к течению глагольному, и от еже именоватися благочестивых книги верное имеху, мног же вред в них крыешеся, истинным догматом спротивление, тем же и многи ереси от сих произыдоша, яже вся древня втории съи законодавец (т. е. Евфимий) упразднив, якоже некия бо писанныя скрижали с высоты умныя гории сшед и рукама нося, имиже и трудися церкви предаст скровище воистину небесное, вся нова, вся честна, евангелию согласна, непоколебима в крепости догматом, яко жива вода благочестивым душам, яко нож еретическим языком, яко огонь, тех лицем и вопияше с Павлом: древняя мимоидоша, и се быша вся нова, коликим похвалям се достойно, рци ми» и пр. (Похвальное слово Евфимию, Толстовск. рукоп. отд. II, № 205, л. 266.

В одной сербской Триоди, написанной в 1374 г., говорится, что она, заключая в себе «все на редоу, и съ тииикомъ и съ охтахомъ», списана с «извода нового воугарскаго языка» (Ученые Записки II Отд. Акад. Наук кн. II, вып. 2, стр. 102), при чем под изводом новым, по всей вероятности, разумеется именно извод Евфимиев.

Константин костенчский (родом не серб, а болгарин из округа терновского) говорит в своей «книге о правопису», что «в терновских странах письменна погибла было, но царь и патриарх (именно – Евфимий), просветише», называет Евфимия «великим художником словенских писмен», утверждает, что он составил какое-то «утверждение писмен», и сообщает о себе, что свою науку о правописании заимствовал от некоего Андроника, который был учеником Евфимия, см. Загребский сборник *Starine*, кн. 1-я, – выписки из книги, которой мы еще пока не имеем» под руками, сообщены нам г. Дриновым, сгг «слова вькратце избранна от книги Константина Философа костенчского» у Григоровича в Статьях, касающихся древнего славянского языка, где он говорит о терновских добрых изводах славянских книг, стр. 37 и 38. Из трудов Евфимия, относящихся к богослужебным книгам, известен наконец перевод с греческого языка на славянский литургии ап. Иакова (рукоп. Моск. Дух. Ак. № 168). Иеромонах и проигумен хилendarский Паисий, составивший около половины прошедшего столетия историю болгарского народа, не знаем – справедливо ли, утверждает, что он между прочим пользовался каким-то летописцем терновским и какими-то историческими сочинениями патр. Евфимия (история в рукописи, в частных руках, – она та самая, о которой извещал г. Гидьфердинг, *Голоса* 1869 г. № 69). Служебник «кир Евфимия патр. терновского» напечатан в Гласнике кн. XXV, стр. 289 sqq. В одном списке статьи о книгах истинных и ложных неизвестный составитель статьи говорит: «ни мирских составленных псалмов глаголати в церкви, ни *не исправленных* книг чести: но токмо *исправленыя* Ветхого Завета и Нового Завета» у Калайд. в Иоан. экз. стр. 208. Говорит это не Евфимий ли, исправивший Ветхий и Новый Завет?)

4) Владислав, по прозванию грамматик, что значит книжный образованный человек, бывший сначала дьяком, а потом монахом монастыря Богородицы в подкрылии Черных гор в пределе жеглиновецком, живший во второй половине пятнадцатого века (Григоровича Путеш. стр. 188). Он приписал к житию Иоанна рыльского, составленному патр. Евфимием, «слово о обновлении монастыря Рыльского и како паки принесен бысть (Св. Иоанн) из Тернова в тот же монастырь» (напечатано в Гласнике кн. XXII).

5) Монах Феодосий. Он написал житие болгарского Святого Петра коришского (новый список взятый из одной рукописи Рыльского монастыря у А. Ф. Гильфердинга).

6) В библиотеке Ундольского, № 231, л. 236 есть житие Антония Великого, написанное Афанасием александрийским, на конце которого (л. 309 об.) не назвавший себя по имени переводчик говорит, что житие это, а также житие Петрова ученика Панкратия, переведены на славянский язык по поручению «строителя церковного Иоанна, господина архиепископа болгарския земля, яко несущим преложенным ни коли же пред нами». Под архиепископом Иоанном, вероятно, должен быть разумеem Иоанн, поставленный, в 1019 г. (о котором выше стр. 40).

7) Афанасий, монах иерусалимский, неизвестно когда живший. Он написал: 1) слово о древе разумнем добру и злу, которое адресовано к какому-то Панкови и в котором доказывается, что древо познания добра и зла не было виноградное дерево, как учил Панка, и опровергаются другие заблуждения этого последнего (напечатано А. Л-м в № 3-м Московских Епархиальных Ведомостей за 1871 г.); 2) слово о наузех и о стрелце громней (Царск. № 213, л. 164 и № 214, гл. 95). 3) Вероятно, ему же принадлежат небольшие статьи: а) о кресте, иже на земли и на леду пишут, б) о кресте Христове (о подножии Христове, иже на кресте), потому что в рукописях они, обыкновенно, помещаются между двумя названными выше сочинениями Афанасия (Царск. № 214, л. 610, Лаврск. Троицк. Кормч. № 205, л. 434 об.). Что Афанасий был не грек, а болгарин, это ясно из того, что он знал и читал сочинения

еретика попа Богомила, которые, конечно, не были переведены на греческий язык.

8) Григорий, епископ Пелагонии (Битоля) и Прилепа Григорович в Очерке путешествия по Европейской Турции, стр. 188, не совсем обстоятельно сообщает, что в монастыре Трескавце, близь Прилепа, он между прочим нашел «Григория, епископа Пелагонии и Прилепа, перевод из Метафраста».

9) Паисий, иеромонах хилендарский, половины XVIII века. Он написал историю болгарского государства, которая по списку Румянцевского Музея, № 1022, принадлежавшему прежде Ю. Венелину и списанному для последнего А. Априловым в 1836 году, надписывается: «История славено-болгарская о народах и царях и святых болгарских и о всех деяния и бытия Болгарского народа. Собрано и нарежденно Пайсием некоторым иеромонахом хилендарском, еще же и от других повествователны достоверных на ползу роду Болгарскому¹⁵⁷, в лето 1762-е». В вариантах из других списков, которые сделаны Априловым и приложены к нашему списку, говорится о Паисии, что он был родом из епархии самоковской и был младший брат тогдашнего игумена хилендарского Лаврентия. В послесловии писца история называется Царственником. Произведение Паисия содержится на 52 листах нового письма, и будучи замечательно как первый известный опыт в своем роде, почти не имеет никакого значения научного, потому что страдает совершенным отсутствием критики и наполнено баснословием. Люди, имевшие возможность сличать несколько списков истории, уверяли нас, что списки, вследствие позднейших поправок, значительно между собою расходятся.

Так называемый болгарский церковный вопрос и вообще духовное возрождение болгарского народа

Мы говорили выше, что при покорении болгарского царства турками грекам удалось уничтожить независимый болгарский (терновский) патриархат и подчинить болгар бывшего царства непосредственной власти константинопольского патриарха.

Эта утрата своего собственного отдельного патриарха была величайшим несчастьем для болгарского народа. Чтобы какой бы то ни было народ не рассыпался в простое случайное

собрание людей, говорящих одним языком; чтобы он признавал себя единым и живым целым или вообще народом – для этого необходимо, чтобы он имел для себя один общий центр, к которому бы притягивался и вокруг которого бы объединял себя, чтобы он имел одно общее знамя, под которым бы мог признавать себя единым народом.

Утратив царство, но не утратив патриаршества, болгары признавали бы и сохраняли бы себя единым народом под своим общенародным верховным пастырем; утратив вместе с царством и патриаршество, они остались без всякого связующего и объединяющего центра. Таким образом, с этой совершенной потерей средоточных пунктов и внешних символов единства, должно было исчезнуть их внутреннее сознание, и болгары не только в чужом, но и в своем собственном представлении весьма на долгие времена перестали существовать как целый и единый народ, и превратились в ничем не связанных между собой просто жителей известных турецких провинций и известных греческих епархий, в разрозненные толпы и единицы, сознающие свою принадлежность только к известным селам и городам, ноне имеющих сознания ни о каком высшем и сколько-нибудь внутреннем единстве... Несравненно счастливее болгар были их участники по бедствиям рабства – их братья сербы. С потерей царства, сербам удалось сохранить свое патриаршество, в собранные вокруг этого, оставшегося им народного представителя, они ни на минуту не теряли, как то случилось с болгарами, живого сознания своей народности, и чтобы стряхнуть чужеземное иго, им не нужно было наперед еще трудиться над воссозданием из самих себя имевшего бороться с игом цельного народа.

Человек, утративший сознание своей собственной народности или переставший признавать себя живою частью своего собственного исчезнувшего целого, неизбежно стремится пристать к какому-нибудь другому народу, потому что он не может оставаться межеумком или ни тем ни сем, и необходимо должен иметь это целое, которого бы он мог признавать себя частью. Так это и было с несчастными болгарами. Перестав

существовать как народ болгарский, они волей-неволей должны были устремиться к действительному слитию с тем или другим народом, к которому были внешним образом приписаны, т.е. с этими успевшими получить их в полную добычу себе греками. И вот история болгарского народа со времени падения болгарского царства и болгарского патриархата, или вообще со времени ига турецкого, представляет собой не что иное как грустную историю ревностных усилий так называемой передовой или высшей части этого народа (той части, что в более просвещенных странах называются интеллигенциальной) стрясти с себя ставшую пустым словом национальность болгарскую и приобрести реальную национальность греческую, или иначе, переродить себя из болгар в греков (само собою разумеется, что при этих своих стараниях о духовном самоубийстве болгары заслуживают не обвинений и укоризн, а глубочайшего сожаления, так как это отступничество от своей народности было единственным и необходимым для них исходом).

Мы не можем сказать – быстро или медленно шло это несчастное перерождение, но к началу реакции или к тридцатым годам настоящего столетия оно было совершенно полное. К этому времени в той части болгарского народа, для которой существует вопрос о национальности, именно – в части его городской, на всем протяжении Балканского полуострова не оставалось буквально ни одного болгарина, который бы хотел сознавать и признавать себя за болгарина, а не за еллина, и который бы хотел говорить (и молиться) своим родным языком, а не греческим. Как всегда бывает с несчастными отступниками от своей народности, эти мнимые и самозванные еллины хотели относиться ко всему болгарскому и славянскому даже гораздо с большими ненавистью и презрением, чем относятся к нему настоящие еллины или греки.

Таким образом к тридцатым годам настоящего столетия народность болгарская как бы совсем погибла в болгарском народе; она оставалась целой и неотрицаемой единственно в том сельском или деревенском его населении, для которого вовсе не существует вопроса о национальности, а только

вопрос о насущном хлебе (и которому у всех народов суждено быть бессознательным, но тем не менее самым надежным и верным хранителем своей национальности). Каким образом случилось пробуждение болгар от их глубочайшего национального усыпления? Первые попытки напомнить им об их народности и их родном языке начинаются с первых годов настоящего столетия; они идут от некоторых отдельных лиц между самими болгарами, живших вне своего отечества, в которых мысль о своей народности, нет сомнения, была пробуждаема зрелищем чужих, исполненных жизни или начинавших воскресать к ней, народностей. Эти попытки, идя оттуда же, несколько усиливаются в двадцатых годах. Но все они были слишком незначительны и оставались совершенно бесплодными и бессильными. Действительным и почти внезапным пробуждением своим болгары обязаны призывному голосу пророка, посланного к ним со стороны, это именно голосу долженствующего быть вечно незабвенным для них Юрия Венелина.

Болгары не хотели быть болгарами и всеми силами стремились переродиться в греков потому, что считали безвозвратно погибшею свою народность и что таким образом хотели избавиться от жалкой роли существовать в виде обломков целого, которое давно навсегда исчезло. Чтобы снова возвратить их к самим себе и пробудить в них желание остаться болгарами, нужно было вызвать в их памяти их славное прошедшее, и на основании этого прошедшего создать им веру в свое будущее, т. е. веру, что они, жалкие *membra disjuncta* не существующего целого в своем настоящем, имеют в своем будущем – возродиться в тот цельный и не совсем ничтожный народ, которым они были при своих царях Симеоне и Асене. Это и сделал Юрий Венелин в своем исследовании «Древние и нынешние болгаре» (напечатанном в 1829 г.) и в других своих сочинениях, посвященных болгарскому народу. Исполненный страстного одушевления, его призывной голос наконец действительно имел силу пробудить несчастных, погибавших для самих себя, людей. Раздавшись столько же неожиданно, как оглушающий удар грома при ясном и безоблачном небе,

сначала он произвел между болгарами одно величайшее смущение и недоумение: «какие тут Болгария и болгары, когда ничего этого нет, – пусть не смеются над нашим легковерием, рассказывая нам небылицы, и оставят нас несчастных, «безродных сиротин» в покое», – таковы были первые мысли болгар. Но тем сильнее был порыв начавшегося вслед за сим национального движения. Раздались первые отдельные голоса: не хотим быть греками, хотим быть болгарами, – и на их зов быстро вставали целые толпы. Немедленно приступлено было к открытию народных болгарских училищ, т. е. училищ, в которых бы дети болгарские учились не греческой грамоте, как это было прежде, а своей болгарской, и в которых бы все остальное после грамоты также преподавалось не на греческом, а на том же болгарском языке; и таким образом с этими училищами положено было действительное основание возрождению болгарского народа и болгарской народности (первым местом, в котором открыто было народное училище и которое поэтому имеет полное право на имя колыбели болгарского возрождения, было большое, в роде вашего Иванова, село Габрово, находящееся в 40 верстах на юго-запад от Тернова, на той же реке Янтре, на которой сей последний; училище открыто в нем 2 января 1835 года).

В настоящее время возрождение болгарского народа подвинулось так далеко, что уже должно быть считаемо не подлежащим более никакому сомнению относительно своего будущего. Но с другой стороны, дело о нем вовсе еще и не в таком положении, чтобы могло быть считаемо совершенно оконченным: ряды грекоманов между болгарами и до сих пор еще остаются очень густыми, и защитникам народности, нет сомнения, еще долго придется вести с ними свою страстную и ожесточенную борьбу (если только не положит конца этой борьбе в пользу народолюбцев освобождение болгар от ига турецкого, а с ним и от ига греческого). Не все должным образом ценят и понимают великую услугу, оказанную болгарам Венелиным. Так как его исследования по болгарской истории оказываются с научной стороны во многих отношениях весьма слабыми и неудовлетворительными, то находят, что

благоговение болгар к его памяти, доходящее до обожания, – слишком преувеличенное и детское, основанное более на их невежестве, чем на чем-нибудь другом. Но это вовсе не так. Совершенно справедливо, что в научном отношении исследования Венелина исполнены весьма больших недостатков и в настоящее время почти совсем устарели, но заслуга его главным образом не в том, что он создал болгарскую историю (хотя впрочем и здесь всегда будут служить исходной точкой труды его же, а не кого-нибудь другого), а в том, что он воссоздал или воскресил самый болгарский народ, что он был виновником возрождения совсем было погибавшей болгарской национальности. Эта услуга, нет сомнения, есть величайшая услуга, какая только может быть оказана народу; а поэтому он по всей справедливости заслуживает и того глубочайшего благоговения, с каким чтут его имя болгары; и последние были бы неблагодарный и недостойный народ, если бы помнили о нем менее, чем сколько помнят на самом деле.

Болгарский церковный вопрос, к которому мы теперь обращаемся, представляет собой нечто иное как одно из частнейших практических проявлений общего национального движения болгар, и необходимым образом должен был возникнуть немедленно вслед затем, как началось это последнее. Со времен падения болгарского царства народ болгарский совершенно лишился своего собственного высшего духовенства: подобно архиепископии ахридской, архиерейские кафедры которой давно находились в полном обладании греков (и которая при уничтожении в 1767 г. изменилась только во внешней форме своего существования, но не во внутреннем национальном характере), безусловной собственностью тех же греков стали и все епархии уничтоженного патриархата терновского, перешедшие во власть патриарха константинопольского¹⁵⁸. Архиереи-греки, как само собою понятно, старались не о том, чтобы поддерживать между болгарами их национальность болгарскую, а о том, чтобы как можно более содействовать их еллизации; вследствие этого они заботились не о сохранении у болгар их родного богослужения славянского, а о возможно большем

распространении у них богослужения греческого. Оставив на произвол судьбы счастливый на сей раз деревенский люд, они сосредоточили свое внимание на городах, и – не знаем, скоро или не скоро шло дело, но в конце концов успели достигнуть того, что во всех болгарских городах может быть не оставалось и одной церкви, в которой богослужение совершалось бы на родном славянском языке¹⁵⁹. Таким образом архиереи-греки (или грекоманы) на всех болгарских кафедрах и исключительно греческое богослужение во всех болгарских городах – вот что представляла страна перед началом национального движения. Пока болгары находились в своем плачевном усыплении, такое положение дела несколько не могло тяготить их и представляться им неестественным; отчаявшись в своем будущем, они и сами изо всех сил стремились превратиться из болгар в греков, а таким образом греческое духовенство и греческое богослужение не только не были противны, а напротив вполне соответствовали их собственным желаниям и стремлениям. Но смысл вещей мгновенно изменился в их глазах, когда они очнулись и снова захотели быть болгарами. Иметь богослужение на своем собственном, а не на чужом языке, есть одна из самых главных и самых существенных потребностей каждого, желающего оставаться или стать самим собой, народа; иметь высшее руководящее духовенство свое собственное, родное, а не пришлое и чужое, есть одно из самих необходимых условий к пробуждению и утверждению в народе духа его собственной народности. По всему этому болгары, воскресив в себе желание снова стать болгарами, естественно должны были тотчас же вслед затем прийти к желанию избавиться от духовенства греческого и получить, свое болгарское. А таким образом, когда формально было заявлено болгарами это последнее желание и когда патриархат константинопольский оказался совершенно не расположенным удовлетворять его, и возник болгарский церковный вопрос или спор между болгарами и патриархатом константинопольским о болгарском высшем духовенстве.

Этот вопрос или спор, конца которого едва ли скоро дожидаться болгарам, приобрел печальную знаменитость по тому

чувству и по тем действиям беспощадного озлобления, с которыми ведется дело стороной неправой, т. е. греками. На церковную власть над болгарами греки не имеют ни малейшего права (это совершенно несомненно, что бы ни утверждали как сами греки, так и наши русские их защитники); но вопрос о том, удержат ее или не удержат, имеет для них величайшую важность, почти-что равняется вопросу: быть или не быть. Во-первых, тут замешаны высшие интересы национально-политические. Как болгары, так и греки в настоящее время имеют уже твердую веру, что игу турецкому скоро или не скоро, но необходимо должен настать конец. Но образовать новую империю греческую из одного населения чисто греческого, не включив в нее более или менее значительной части болгар, значило бы образовать государство далеко не такое, о каком хотят мечтать греческие патриоты. Поэтому и весьма важно для греков сохранить над болгарами свою власть церковную, чтобы таким образом сохранить себе возможность в последствии наложить на них свою власть государственную. Во-вторых, с вопросом связаны не слишком высокие, но едва ли еще не более дорогие для слабого людского рода, интересы денежные. Утратить церковную власть над болгарами, это значит – для патриарха константинопольского потерять более чем половину своих доходов, – для всех вообще греков – потерять более чем половину доходных церковных мест патриархии. Так по обоим этим причинам, греки (и консервативные и либеральные) и встретили желание и домогательства болгар иметь свое болгарское духовенство, равно как и все их национальное движение, с величайшей и крайне ожесточенной враждой. Сама патриархия константинопольская ведет себя еще с некоторым внешним приличием, не проповедуя открыто крестового похода против этих жалких, имевших дерзость возмутиться, *склявов*. Но архиереи греческие, сидящие на болгарских епархиях, с своими приспешниками, не стесняясь изливают на словах и на деле свои воспламененные еллинские сердца: не только провозглашается, что желание совершать богослужение на славянском языке есть богохульная ересь (*sic*), не только проклиняется этот славянский язык и буквально топчутся

ногами славянские богослужебные книги, но даже, если верить болгарам, с возмутительным вандализмом истребляются памятники древней болгарской письменности. Что касается до прямых мер к подавлению национального движения болгар и к устранению их церковных требований, то тут и низшими и высшими властями пускается в ход весь запас знаменитой греческой ловкости и не менее знаменитой греческой, и особенно греческо-фанариотской, нравственной бесцеремонности; именно, главнейшие между этими мерами суть – всевозможным образом ссорить и мутить болгар между собою, всевозможным образом клеветать на них перед турецким правительством, прямо обвинять и преследовать главнейших двигателей народного дела, и т. д.

Что касается до самой истории вопроса, то она так длинна и до такой крайней степени скучна, что мы не решаемся передавать ее во всех ее подробностях большинству наших читателей (немногие желающие пусть смотрят посвященное этим частным подробностям примечание 99-е).

Мысль о своем собственном, народном духовенстве, как мы говорили, явилась у болгар немедленно вслед затем, как произошла так называемая реакция, т. е. пробудилось между ними национальное движение. Но не вдруг могли они заявить эту мысль, в виде положительных просьб, пред высшим турецким правительством. Различая своих христианских подданных не по их народностям, а только по их исповеданиям, правительство турецкое с самого времени завоевания смотрело на болгар не как на отдельный народ, а только как на часть тех райев (христиан), которые имеют своим церковным главой патриарха константинопольского, – и всякая попытка болгар совсем или до некоторой степени освободиться от власти этого последнего была бы встречена им (правительством) враждебно, как проявление духа непокорности и мятежа. На помощь болгарам подоспел гатти-гумайюн 1856 года, этот знаменитый акт подневольного турецкого прогрессизма, который приводил в такой восторг и который таким жалким образом заставил разочароваться в своих надеждах всех сангвинических доброжелателей «больного человека»¹⁶⁰. Правда, гатти-гумайюн

также ничего не говорит о народностях, а только о вероисповеданиях, но требования болгар вытекали из него как бы сами собою: он обещает реформы и улучшения в церковном быте христианских подданных империи, но церковный быт болгар мог быть улучшен именно только заменой у них духовенства греческого духовенством их собственным – болгарским.

Гатти-гумайюн обещает, что все подати и оброки, которые архиереи собирают с своих епархий, будут заменены для них на будущее время определенным жалованьем. С этого началось дело. Давно выводимые из терпения поборами своих архиереев-греков, болгары (в конце 1856 г.) потребовали, чтоб было приведено в исполнение обещание султанской грамоты. Когда патриархия решила отказать им в этом, они прямо объявили (в следующем 1857 г.), что не хотят более оставаться в порабощении у греков, что или пусть дано будет им свое особое церковное управление с отдельной болгарской патриархией, или при единстве по-прежнему сей последней пусть будут назначены на их болгарские епархии архиереи из природных болгар, а в заведывании общих дел церкви будет предоставлено им право совершенного равенства с греками, – и таким образом и явился этот, так долго тянувшийся и едва ли еще скоро дождущийся своего конца, болгарский церковный вопрос. После несколько-кратных, смотря по обстоятельствам, колебаний относительно объема требований, болгары окончательно формулировали их в 1861 году (в так называемых восьми точках, т. е. пунктах). С тех пор до последнего времени они требовали от патриархии: 1) чтобы болгарским епархиям предоставлено было право самим избрать кандидатов в свои архиереи, т. е. иначе – чтобы им предоставлено было право иметь архиереев из природных болгар; 2) чтобы в избрании патриарха, общей главы обоих народов, им – болгарам предоставлено было право участия наравне с греками; 3) чтобы члены синода, состоящего при патриархе и заведующего общими делами церкви, состояли на половину из архиереев греческих и на половину из болгарских; 4) чтобы болгарские архиереи, будущие члены синода, составляли из

себя с таким же числом болгар – мирян (шести и шести) болгарский народный совет, который бы ведал все дела болгарского народа, не касающиеся религии, при чем духовный и светский председатели совета, имеющие входить от его лица в сношения с турецким правительством, не могли бы быть сменяемы патриархом; 5) чтобы архиереям было назначено жалование.

Заявленные в первый раз правительству в 1857 г. требования болгар, по приказанию этого последнего, сначала были обсуждаемы в так называемом национальном совете греческой нации (комиссии из представителей от народа), который вследствие обещаний гатти-гумайюна, по приказанию того же правительства, составлен был в 1858 г. при патриархии для устройства и улучшения дел церковных. Когда совет самым решительным образом отказался признать какие-нибудь притязания болгар, учреждена была (в 1862 г.) специально для исследования и решения этого спора особая так называемая смешанная комиссия, состоявшая из представителей обеих сторон. Но занятия и сей последней, продолжавшиеся около полугода и ознаменованные самыми горячими и бурными прениями между сторонами, вследствие непреклонной неуступчивости греков, должны были окончиться ничем. После этого, по приказанию правительства, учреждаемо было еще несколько комиссий и неоднократно обсуждаем был вопрос в патриаршем синоде или в нарочитых соборах архиереев. Но конец всей сказки, до последнего времени, был тот, что греки безусловно отвергали все искания болгар, и только нынешний константинопольский патриарх Григорий изъявил готовность (в прошлом 1867 г.) сделать некоторые уступки.

Напряженные и признающие себя справедливыми ожидания, быв обмануты, обыкновенно вызывают бурю раздражения. Так это было и в настоящей тяжбе болгар с греками. Когда национальный греческий совет презрительно отверг требования болгар, как ни на чем будто бы не основанные, раздражение против греков не знало пределов, и наконец разрешилось печальным взрывом: немногим, оставшимся на их стороне, архиереям они запретили поминать

на богослужении имя патриарха и Формальным образом объявили разорванным свой с ним церковный союз (это было в апреле 1860 г.). Не знаем, доходило ли после этого до тех взаимных проклятий, о которых говорят некоторые болгарские известия (см. дня 1864 г. № 22, стр. 19, col. 2), но во всяком случае после этого было и есть до настоящего времени то, что во многих болгарских епархиях архиереи были прогнаны с своих кафедр, что во многих других епархиях архиереи остающиеся должны собирать свои подати с не признающих их паств при помощи турецкой полиции, что архиереи вновь назначаемые должны занимать кафедры, так сказать, с бою при содействии той же полиции... Зрелище вообще до последней степени непривлекательное и грустное.

Борьба, идя перед правительством, в то же время самым деятельным образом ведется в журналистике обеих стороу, и так как правительство или не находит рассчетливым сдерживать языки враждующих, или может быть, к своей на сей раз чести, просто не доросло еще до европейской благодетельной цензуры, ведется с тою бесцеремонностью, к которой способны люди, дошедшие до последней степени взаимного озлобления. Если болгарам приходится выслушивать весьма нелестные уверения относительно своей народности и своего умственно-нравственного состояния, т. е. уверения, что они мерзкие варвары, склявы – рабы, что они стадо жалких и скотоподобных невежд, и проч. и проч., то и они не остаются в долгу относительно лиц своих противников и честят архиереев фанариотов совершенно в полную волю.

Упорно стоя за свою власть над болгарами собственно потому, что, во-первых, желают сохранить их для своей будущей византийской империи, – что, во-вторых, в настоящем желают получать с них свои доходы, греки, как само собою разумеется, хотят защищать и доказывать свое право. Резоны, которыми они хотят сделать это, своей смелостью и своей бесцеремонной нахальностью напоминают аргументацию наших поляков, доказывающих свои права на юго-западную Русь. Одни из греческих защитников своей гегемонии стоят на том, что вовсе нет этого болгарского народа, от имени которого

заявляются притязания. В первое время, как только болгары предъявили свои требования и когда они действовали еще не слишком общенародно, названные господа утверждали, что болгарский народ действительно существовал когда-то прежде, но что потом он исчез, и теперь уцелели только ничтожные его остатки, которые не могут быть принимаемы в расчет и не имеют права заявлять себя в качестве отдельного народа. После того как болгары поднялись поголовно и когда, сделавшаяся таким образом возможною, так сказать, открытая проверка их числа ясно показала, что это не ничтожные остатки народа, а действительный целый народ, у находчивых людей явились новые речи, замечательные впрочем в этот второй раз не столько своей ложью, сколько своей курьезностью, именно – они говорят, что большинство этих бунтовщиков, называющих себя болгарами, вовсе не болгары, а те же еллины, только усвоившие варварский язык от поселившихся между ними в старые времена варваров, и следовательно волей-неволей должны быть возвращены к своей первоначальной народности. Хороша теория – неволей возвращать людей к народности, которой они не хотят признавать, во еще неожиданнее почесть, которую оказывают греки болгарам, объявляя их за еллинов. Дело в том, что городское население болгар, кроме своего болгарского языка, все знает еще и язык греческий, что в недавнее время оно не только знало греческий язык, но и желало быть считаемо за еллинское, а не за болгарское, и что еще в настоящее время в каждом городе остается то или другое число болгар, которые предпочитают слыть за еллинов: указывая на этих последних болгар еллиноманов, греки и утверждают, что большинство болгар – бежавшие из-под своего настоящего знамени еллины. Другие не так решительны, чтобы совсем отвергать существование болгарского народа, но они полагают, что имеют достаточно оснований для своей власти над ним в праве историческом; именно – они утверждают, будто болгары всегда находились под властью патриарха константинопольского и будто заслуги греков по отношению к ним так велики, что они купили себе ими право на свое господство (что касается до *всегда*, то во-первых, см. у нас

выше в истории болгарской церкви, во-вторых, если бы и действительно *всегда*, то было бы слишком оригинально, чтобы неискание своих прав предками обязывало к тому же и потомков; что касается до заслуг греков перед болгарами, то единственные действительные заслуги их состоят в том, что во времена до-турецкие они развращали своим примером их политические нравы и тем содействовали расслаблению и падению их государства, что во времена турецкие они четыре столетия эксплуатируют болгарский народ и стремятся в. подавлению его народности). Третьи хотят решать дело с точки зрения христианства. По апостолу, говорят они, несть (в христианстве) *иудей, ни еллин,...* *все бо едино о Христе Иисусе* (Галат. 3, 28), следовательно, нет народностей, и следовательно болгары не должны предъявлять своих прав в качестве особого народа. Истинный смысл слов апостола тот, что в христианстве нет народностей высших и низших, что все народности равны, из чего истинное заключение то, что греки не имеют никаких преимуществ перед болгарами, что права их совершенно одинаковы; по новым греческим богословам, нет в христианстве места различению народностей, и следовательно одна народность должна находиться в порабощении у другой, болгары в порабощении у греков (не подумает читатель, что это в шутку; напротив, это совершенно серьезно, и это есть один из аргументов, считаемых наиболее сильными). Четвертые, имея в виду действовать собственно на турецкое правительство, переносят вопрос с точки зрения религиозной на точку зрения политическую. Действительно есть, говорят они, народности греческая и болгарская, но как народности порабощенные они не имеют права предъявлять себя в качестве особых народностей, и допустить это со стороны правительства значило бы допустить образование государств в государстве; в глазах правительства оба народа должны быть только христианской общиной, и следовательно, подразумевается затем, – в этой общине, к которой не должно быть даваемо места притязаниям народностей, все должно оставаться по-прежнему, т. е. греки по-прежнему должны господствовать над болгарами. Наконец, пятые, не отрицая ни существования

болгарского народа, ни его прав, хотят в частности подрывать собственно этот так называемый церковный вопрос; именно – они утверждают, что все эти требования своего духовенства вовсе не требования целого болгарского народа, который нисколько не думает возмущаться против благодетельной власти греков, а только весьма небольшой в нем партии, которая руководится и возбуждается извне, при чем самих болгар (а также и нас – русских) хотели бы убедить, что это есть дело латинской пропаганды, а правительству турецкому внушают, что это есть махинации русской дипломатии (см. Богобоева Question bulgare в Union chretienne 1865–66 г. № 8, стр. 59 sqq. Из подлинных греческих источников мы имели под руками брошюры: τὸ Στρατηγεῖον ἢ ὁ θρίαμβος τοῦ αἰῶνος и 'Η φωνὴ τῆς ἀδελθείας ὑπὸ χριστιανοῦ ὀρθοδόξου).

Несомненно, что греки не имеют на болгар ни малейшего права, ни естественного, ни исторического, ни канонического; но в то же время, к сожалению, весьма сомнительно, чтобы последние скоро успели добиться сколько-нибудь полного удовлетворения своих совершенно законных требований. Сами собой греки никогда не согласятся сделать достаточно значительной уступки, ужасами какой бы огромной унии вы их ни стращали¹⁶¹; а турецкое правительство никогда не согласится принудить их к этому силой. Во-первых, пока греки находятся в ссоре с болгарами, они составляют для турок по отношению к последним даровую и в то же время отличную тайную полицию. Во-вторых, для турок всего желательнее, чтобы вопрос оставался никогда не решенным – за тем, чтобы над греками постоянно держать его в виде угрозы, что вот-де отнимем у вас болгар, перед этими последними постоянно держать его в виде приманки, что вот-де решим в вашу пользу. При этом наконец и латинская пропаганда, которая может рассчитывать на успех только при продолжении вражды болгар против греков, имея к своим услугам посольства Французское и австрийское, конечно, никогда не преминет действовать на советников султана через эти последние сообразно своим видам. Влияние России, хотя бы правительство наше было и совершенно на стороне болгар, к несчастью, ничего не может тут сделать, потому что всякие

сколько-нибудь решительные настояния с нашей стороны только бы усилили подозрение турок и противодействие западных держав.

Мы сказали выше, что нынешний константинопольский патриарх Григорий VI изъявлял готовность сделать болгарам некоторые уступки. В проекте соглашения, поданном турецкому правительству в 1867 г., он предложил, чтобы из общего числа подведомых патриархии 28-ми болгарских (с сербскими) епархий были отделены 13-ть (между которыми собственно болгарских 9-ть), чтобы в епархии эти назначаемы были архиереи из болгар и чтобы они образовали в патриархии свой особый (впрочем все-таки весьма строго подчиненный ей) болгарский экзархат (подробно см. в примеч. 98-м). Когда получено было в России известие об этих уступках, а вместе, и о том, что болгарские народные представители отвергли их, газеты наши, вслед за некоторыми из самих болгарских публицистов, поспешили осудить представителей за их неразумное упрямство. Мы готовы были бы присоединить свой голос к ним же, но по некотором размышлении находим, что это будет пожалуй поспешно. Согласиться на уступки, предлагаемые патриархом, хотя они и не очень велики и хотя даются им с величайшими предосторожностями, было бы для болгар в интересе их народного дела чрезвычайно важно, и собственно для этого последнего они могли бы удовольствоваться и ими, потому что тут сила не в том, чтобы получить архиереев непременно на все болгарские епархии, а в том, чтобы получить хотя некоторое их число, только достаточно прочно объединенное в одном общем представителе, и таким образом в этой сплоченной корпорации своих 'архиереев приобрести достаточное и надежное руководство для народа в его национальном развитии. Но как быть с личными интересами епархии? В продолжении десяти лет все болгарские епархии борются с греками за то, чтобы иметь своих болгарских архиереев, – и вдруг представители народные согласятся на то, чтобы имели их только некоторые: чем же виноваты остальные? Если бы можно было убедить остальные епархии, что их самопожертвование

необходимо для народного дела, что они жертвуют собой только на время..., но всякий поймет как неудобноисполнимо это на практике.

Дальнейшую историю вопроса до настоящего времени см. в примечании¹⁶².

Уния болгар с папою по случаю ссоры с греками

Эта знаменитая уния, наделавшая в свое время столько шума и возбудившая такие великие надежды в католическом мире, а также немало напугавшая и мир православный, в действительности, к величайшему счастью болгар, оказалась делом более смешным и жалким, чем серьезным и опасным. Сообщим ее историю.

Латинская пропаганда, с давних пор работающая в пределах Турецкой империи, стала обращать свое особенное внимание на болгар с сороковых годов настоящего столетия, или с тех пор как болгары впервые начали заявлять себя особым народом. Известный болгарский патриот иеромонах Неофит Бозливи (или Бозвели), своими стараниями пробудить народный болгарский дух и в особенности своею проповедью к болгарам, что нисколько не грех и не противно уставам церкви вместо греческого духовенства желать им своего собственного болгарского, возбудил против себя ненависть константинопольского патриаршего правительства (см. в парижском православном журнале *Union chretienne* 1865 года, № 2, статью Богобоева *Question bulgare*, p. 14, col. 1 fin). Когда в 1843 г. он вытребован был в Константинополь на суд, латинские агенты употребили все усилия, чтобы привлечь его на свою сторону, рассчитывая, конечно, совратить вслед за ним, так как он пользовался величайшим уважением своего народа, то или другое число и из этого последнего. Но первые попытки их были неудачны; Неофит не только остался совершенно глух к их внушениям, но когда патриарх послал его в ссылку на Афон, писал отсюда своим соотечественникам послания, настоятельно убеждая их беречься угрожающих им козней. Нисколько не обескураженные первым неуспехом, католические деятели решились правильным образом организовать свою пропаганду между болгарами, и с этою целью учредили в Константинополе особую миссионерскую станцию (дело поручено монахам конгрегации лазаристов, и члены преимущественно выбираются из поляков, так как им по единоплеменности не трудно

выучиваться болгарскому языку; резиденция миссии в монастыре Св. Бенедикта, находящемся в одной из зазаливных частей Константинополя, называемой Галата; начальник станции со времени ее основания и до настоящего времени некто Боре, человек весьма ловкий и между прочим отлично знающий болгарский язык; см. о нем. Union chretienne 1866 г. № 24, стр. 188 fin. В одном из предместий Константинополя, называемом Бебек и находящемся на север от города вверх по проливу, миссионеры имеют свою коллегия, в которой обучается до двух сот человек мальчиков и девочек (см. Дня 1863 г. № 7, стр. 19). В 1867 г. болгары неожиданным образом заявкам веред турецким правительством требование, чтобы им дано было свое собственное болгарское духовенство, и папские работники, по-видимому, дождались своего времени. Прежде всего они поспешили основать особую газету (она называлась «Болгария», издавалась на французском языке, во для болгар переводилась на болгарский язык одним продажным их соотечественником, известным поборником унии, Драганом Цанговым, иначе Димитрием Тиковым или Кирияковым, см. Union chretieone 1865 г. № 24, стр. 190 и статью Раковского «Неколко речи о Асеню първому великому царю българскому» стр. 80 sqq), в которой с одной стороны выступили самыми горячими защитниками требований болгар и самыми усердными благоприятелями их народности, а с другой стороны старались убедить их, что напрасны все их просьбы в патриарху, что греки никогда ничего им не уступят, что единственное для них спасение в признании власти св. отца, что в этом последнем случае они приобретут величайшее расположение западных католических держав, и пр. и пр., – вообще сулили золотые горы. От письма почтенные отцы скоро имели возможность перейти к самому делу. Болгары епархии полянинской или Полянкой (г. Полянина или Поляна, по-турецки называемая Доираном, по-гречески Πολυανή, находится верстах в 60 на север от Солуни; епархия Полянская есть епископия подведомая митрополиту солунскому; по другому своему городу Букушу или Кълкъчу, на иностранных нартах Kilkitsch и Kelkitsch, находящемся на полдороге между Солунью и

Доираном, она называется также кукушкой), быв весьма недовольны своим архиереем-греком (Мелетием, см. о нем дня 1862 г. № 21, стр. 14, col. 8 и № 46, стр. 17, col. 2), требовали, чтобы он был сменен и чтобы им дан был архиерей из природных болгар; когда им было в этом отказано, они заволновались. В константинопольском монастыре Св. Бенедикта это тотчас же было узнано; немедленно оказался на месте действия сам настоятель миссии ловкий Боре, и по некотором времени смущенные болгары узнали, что в полянинской епархии многие из их соотечественников подписали акт унии с папой. Но этот второй опыт пропаганды между болгарами, слишком было успешный при своем начале, оказался столько же безуспешным по своему концу. Из Константинополя, вследствие стараний болгарских патриотов, прислан был в Полянину для успокоения здешних взволнованных умов, в качестве экзарха патриаршего, болгарин родом и известный болгарский патриот, епископ Иларион (тот самый Иларион, который потом стал во главе разорвавших союз с патриархией константинопольской); при содействии другого болгарского патриота, Д. Миладивова, он успел образумить неразумных унионистов, успел также согласно их желанию выхлопотать им у патриархии архиерея из природных болгар (Парфения, который поставлен в октябре 1859 г. и о котором см. в приме·). 98-м), и пропагандисты с разорванным актом унии и ни с чем должны были возвратиться в Константинополь (для всего сказанного см. статью Богобоева *Question bulgare* в *Union chretienne* 1866 г. № № 24 и 27, стр. 187 sqq и 212 sqq).

Сейчас рассказанное нами об епархии полянинской происходило в 1859 году. В следующем 1860 году в Константинополе и Риме торжествовали и знаменитую так называемую общеболгарскую унию. К сожалению, мы не знаем всех мелких подробностей дела; но вообще краткая сущность его состоит в том, что в 1860 г. вражда болгар к грекам достигла самой крайней степени (в апреле месяце этого года последовал тот печальный взрыв, о котором упоминали мы выше, т. е. формальное отторжение болгар от власти патриарха

константинопольского), и что Боре с братиею, не думая зевать при таком страшном возбуждении умов и самым усердным образом содействовав ему с своей стороны (сfr Правосл. Обзор. 1863 г., т. 10, Заметок стр. 81 fin., Христ. Чт. 1861 г., кн. 2, стр. 357), успели посредством всевозможных убеждений и обольщений наwerben между болгарами до двухсот с небольшим человек¹⁶³, из которых одни в слепом неразумии думали действовать в интересах своего народа, а другие с ясным разумением под личиной патриотизма рассчитывали устроить дела свои собственные, и которые все решились подписать унию с папой. Эти болгары, давшие увлечь себя папским вербовщикам, были: архимандриты Макарий и Иосиф Сокольский, священники Федор и Дмитрий Габриль или Гавриил (последний унией спасал себя от патриаршей тюрьмы, в которую был несправедливо посажен и из которой бежал к лазаристам), диакон архим. Иосифа Виссарион (Рафаил), банкир из города Ески-Загры Маноли, известные болгарские западники или Франкофилы Стояв Джейков и Николай Сапонов и около двух сот человек константинопольских торговцев из корпорации или цеха абаджиев¹⁶⁴. 18 декабря 1860 г. упомянутые лица подали константинопольскому апостолическому или папскому викарию монсиньеру Брунони просьбу на имя папы, в которой пишут, что «они, нижеподписавшиеся клирики и миряне болгарской нации, объявляют от имени своих собратьев, что признают его святейшество главой всей католической церкви, как преемника св. Петра и наместника Иисуса Христа, и объявляют, что исповедуют все истины, которым учит св. римская церковь, согласно с актом исповедания веры, которой они (болгары) представили их эминенциям – викарию апостолическому монсиньеру Брунони и армянскому константинопольскому примасу монсиньеру Гассуни»¹⁶⁵ и проч. Для нового стада немедленно была устроена временная церковь и истребовано ему у турецкого правительства призвание как особого «миллета» или особой неподведомой патриарху константинопольскому церковно-политической общины (Annuaire des deux moodes 1861 г., стр. 544), а 8 апреля 1861 г.

архимандрит Иосиф Сокольский, самим Боре доставленный из Константинополя в Рим (в сопровождении одного диакона и двух представителей от мирян), был торжественно посвящен папою в архиепископы болгарской униатской церкви (*Annuaire des deux mondes* 1861 г., стр. 544, *Kirchliche Chronik Matthes'a* 1861 г., S. 159, Христ. Чт. 1861 г., кн. 2, стр. 358), при чем папа данной того же числа (в. ст. 21 апр.) на имя монсиньера Брунони грамотой заявляет свою необыкновенную радость по поводу столь вожделенного события, как воссоединение болгар, моля Бога о довершения начатого дела (грамота напечатана в той же брошюре *Bulgarie chretienne* p. 85).

По возвращении нового архиепископа в Константинополь, было приступлено к хлопотам испросить ему у турецкого правительства титул болгарского патриарха (*Annuaire des deux mondes* 1861 г., стр. 544, *Правосл. Обзор.* 1863 г., т. 10, Заметок стр. 82), я за сим латинская пропаганда, конечно, мечтала, что столь дорогое для болгар и составляющее для них предмет таких пламенных желаний титул быстро соберет вокруг него весь болгарский народ..., по случилось другое. «Когда в 1860 г. я пришел в Константинополь, – пишет сам Иосиф в одном своем послании к болгарам, – я увидел себя окруженным людьми, которых считал сочувствующими нашему народу; они говорили мне, что, приняв унию, мы освободимся от епископов греческих и что мы вступим в сношения с цивилизованным миром запада и в особенности с Францией; по своей простоте и неопытности я дал увлечь себя, и тотчас же я был увезен в Рим и представлен главе римского католичества Пию IX; папа был по отношению во мне весьма предупредителен: он похвалил перед мной болгарский народ, как народ добрый, умный и трудолюбивый, – с великим почтением он называл болгарских святых и в особенности Кирилла и Мефодия, – он уверял меня, что православие будет оставлено неприкосновенным, что наши обряды, наши обычаи церковные не будут ни переменены, ни изменены; после этих уверений, вышедших из уст Пия IX, я возвращался в Константинополь с убеждением, что я служил моему отечеству; но – какой обман! – не прошло и двух недель, как мои иллюзии исчезли и я был разочарован: я едва

возвратился в Константинополь, как иезуиты обратились с своими нападениями на православную церковь и начали требовать от меня принятия в символе *Filioque*...; поведение иезуитов открыло мне глаза, я осознал опасность, я увидел бездну, в которую стремился, желая увлечь с собой также и других; я почувствовал жестокие угрызения совести и страшно мучился; я искал какого-нибудь выхода из этого горестного положения»¹⁶⁶, – и через три недели по возвращении в Константинополь, 18 июня того же 1861 года¹⁶⁷, только что признанный турецким правительством патриарх внезапно скрылся от своих благодетелей (укрывшись сначала в патриархии константинопольской, он затем удалился в Россию, где жил сперва в Одессе, а потом переселен в Киев, в котором, проживая в Печерском монастыре, остается и до настоящего времени). Вскоре после Иосифа возвратились к православию и все священники, которые вместе с ним и потом вслед за ним приняли было унию¹⁶⁸, и таков был печальный, хотя, к сожалению, и не совершенный, конец возбуждившего было необузданные ликования между католиками начала.

После бегства Иосифа и возвращения священников, между самими болгарскими-униатами не оставалось никого, кого бы поставить в настоятели их общины, так что константинопольская пропаганда принуждена была обратиться к своим католикам. В таковые настоятели или администраторы поставлен был получивший образование в Риме филиппопольский болгарин (из болгар-католиков, прежде бывших богомилов или павликиан) священник Петр Арабаджеский или Арабаджийский (он признан был Портой в качестве администратора болгар-униатов в феврале 1862 г.); но так как он не хотел отказываться от католичества и служить для униатов по православному обряду, то в помощники ему, для совершения служб, давал был другой, неизвестный нам по имени поляк, очень хорошо знающий церковно-славянский язык и отлично умеющий совершать службу по православному (см. *Annuaire ties deux mondes* 1861 г. стр. 345, 1862–63 г. стр. 638 и 1864–65 г. стр. 604 fin., дня 1863 г. № 15, стр. 21 и № 7, стр. 20, Правосл. Обозр. 1863 г., т. X, Заметок стр. 83). С своей стороны сама болгары-униаты делали

было попытку привлечь на свою сторону одного на болгарских православных архиереев; именно – они посылали депутацию (в которой участвовала главные поборники унии Цанков и Джейков) в Исмид к находившемуся там в заточении митрополиту Авксентию, от которого, несмотря на все обещания, получали решительный отказ (Дня 1862 г. № 45, стр. 17).

После понесенного сильного афронта, пропаганда с своими жалкими униатами некоторое было время держала себя довольно смирно, но потом, скоро оправившись, снова принялась за свои прежние, хотя пока, к счастью, по-прежнему бесплодные хлопоты. На место газеты – Болгария, которая скоро потеряла всех своих подписчиков и поэтому должна была прекратить свое существование с 1864 года, с той же целью я в том же духе предпринято было издание новой газеты (под названием *Turquie*, т. е. Турция, на французском языке, см. Богобоева в *Union chretienne* 1865 г. № 25, стр. 197; она издаётся и до настоящего времени). Не довольствуясь администратором священником, решили дать униатам в администраторы снова архиерея, хотя на этот раз уже и не патриарха, а просто епископа. Этот новый администратор есть болгарин Рафаил Попов (или Поп-Рафаил, как иначе называют его болгары), человек еще весьма молодой, бывший православный диакон, принявший унию одновременно и ездивший в Рим вместе с архимандритом Иосифом, а после того заведывавший адрианопольской униатской общиной (см. дня 1863 г. № 15, стр. 21, *Union chretienne* 1865 г. № 50, стр. 400); по отзывам православных болгар, не знаем – насколько справедливым, Рафаил есть человек крайне посредственный и просто жалкий, так что они издеваются над тем обстоятельством, что этот «бедный диакон» Рафаил вдруг стал монсиньер Рафаил, см. в *Union chretienne* 1865–66 г. № 7, стр. 53, № 19 стр. 148 и № 30 стр. 240, Время года 1-го № 44, л. 2). Посвященный в епископы в ноябре 1865 года¹⁶⁹, он имеет свою резиденцию в Адрианополе¹⁷⁰, и по газетным известиям передпрошлого года, разъезжает по болгарским деревням, предлагая неведущим крестьянам, хотя впрочем и безуспешно,

подписывать листы, содержащие просьбу к нему – епископу Рафаилу о принятия в союз с истинною матерью всех церквей – св. церковью римской (см. Union chretienne 1865–66 г. № 7, стр. 53, № 19 стр. 150, № 25 стр. 198, № 27 стр. 215, болгарскую газету Время 1866 г. № 46, л. 2, col. 3 и № 50, л. 1 об., col. 4, cfr ibid. № 36 л. 1 об. нач., список просьбы, развозимой Рафаилом, напечатан в Union chretienne 1866 г. № 19, стр. 150 и в болгарском Времени 1866 г. № 26, л. f об.). Вместе с этим я несколько раньше этого пропаганда позаботилась увеличить число и усилить средства деятельности (посредством размещения по стране) трудящихся над тем же делом унии и своих агентов прямо католических или своих миссионеров, – о них мы скажем сейчас ниже.

Точных статистических данных о болгарском униатстве мы не имеем ни за настоящее, ни за прошедшее время. Из городов Турецкой империи, по уверению болгарских газет, униатские общины находятся только в Константинополе и Адрианополе (см. Время года 1-го, 1866 до августа, № 26 нач.), из коих первая состоит человек из десяти-пятнадцати (Union chretienne 1866 г. № 19, стр. 150, прим. 2; община имеет, как мы замечали выше, свою особую церковь), а вторая человек из десяти, и образовалась не из местных жителей, а из разного пришлого сброда, желавшего приютиться от тех или других невзгод под кровом здешних латинских миссионеров (болгарск. Время года 2-го, 1866-го с половины августа, № и, л. 2 об. нач.; в Адрианополе также была у униатов своя церковь еще до посвящения Рафаила, Дня 1862 г. № 17, стр. 14 fin.). Что касается до сел я деревень болгарских, то есть некоторое, кажется – довольно значительное, число униатов в епархии адрианопольской, именно в большом селе Тернове (находящемся верстах во 100 на северо-восток от Адрианополя) и в малых селах соседних (в Тернове в 1866 г. было 96 униатских домов, и Рафаил устроил для них свою церковь; другое село – Мегалово, неизвестно как большое, было все почти униатское; в остальных селах было униатов по несколько отдельных домов); причиной здешней унии, ведущей начало от 1861 года, были поборы, притеснения, нерадение и

эллинская мания адрианопольского митрополита, фанариота Кирилла (одно село, названное выше, Мегалово, отпало в унию, потому что митрополит, несмотря на все мольбы жителей, не хотел просить у правительства позволения построить церковь; другое село – потому, что митрополит слишком дорого просил за поставление священника болгарина, а униаты посвятили его в Константинополе даром, см. болгарские газеты: Съветник 1864 г., № 37, л. 2, Время 1-го года, 1866 по август, № 60, л. 1 об., col. 4). Потом есть несколько униатов (или по крайней мере было в 1862 году) в Деревнях епархии димотикской, в округе города Узюн-Кёпри (недалеко на юго-восток от Димотики, смот. Дня 1862 г. № 17, стр. 14 fin.), и также, если верить некоторым показаниям, филиппопольской (Барт в своем *Reise durch das Innere der europäischen Türkei*, S. 54, если только не ошибается, говорит, что в большом селе Солапица – Solapitsa, находящемся на полдороге из Филиппополя в Татар-Базарджик, половина жителей униаты, имеющие свою особую церковь). Наконец, пытались латинские миссионеры (в конце 1865 и начале 1866 года), но, как кажется, безуспешно, произвести соращения в епархиях варнской и месемврийской (см. болгар. Время 1-го, 1866 г. по август, № 26, л. 1. Здесь между прочим рассказывается следующее: латинский миссионер, объезжая деревни варнской епархии, расспрашивал поселян, не имеют ли они нужды в болгарских священниках, когда обрадованные поселяне спрашивали, где тот благодетельный архиерей, от которого можно получить их, он отвечал, что этот архиерей есть болгаро-униатский епископ Рафаил; на новый вопрос: что такое униатский, он отвечал, что совершенно православный, и отличающийся от других православных только тем, что вместо патриарха константинопольского признает папу римского; вследствие этого, не ведущие жители некоторых сел действительно решились было искать себе даровых болгарских священников у совершенно православного епископа, но потом, наведши справки у людей более знающих, они узнали, что это за православный епископ. – О действиях православного месемврийского митрополита, выбивавшего с болгар подати при помощи турецкой полиции, см. Дня 1864 г. № 1, стр. 20).

Римское католичество и католическая пропаганда в Болгарии

Между православным населением Болгарии не было уклонений в католичество ни в старое, ни в новейшее время¹⁷¹. Во есть небольшая частичка болгарского народа, которая перешла в католичество не из православия. Это именно прежние болгарские еретики богомилы или павликиане, имеющие свои поселения в двух пунктах страны, – во-первых, в уезде никопольском (на Дунае), близ пригорода Свиштова, и во-вторых – в уезде Филиппопольском и самом городе Филиппополе. Относительно их обращения в католичество наши сведения недостаточны. Что касается до богомилов никопольских, то первые начатки его между ними, вероятно, относятся к 1866 г., когда король венгерский Людовик, захватив область виддинскую, силою перекрещивал здешнее православное население и когда, по словам действовавших тогда здесь миссионеров, богомилы (называемые у сих последних патаренами и манихеями) изъявляли добровольную готовность внимать их проповеди (см. у Райнальда ап. 1866, п. 11); а потом оно, вероятно, распространялось между ними постепенно и незаметно¹⁷². Богомилы Филиппопольские обращены в католичество¹⁷³ только уже в позднейшие, не очень давние времена; граф де-Марсильи, сам лично посещавший их в конце семнадцатого века, видел их еще еретиками (см. его книгу «Военное состояние Оттоманской Империи», русск. перев., Спб., 17В7, части 1-й стр. 18), и следоват. их обращение должно быть относимо к неизвестным годам прошедшего столетия¹⁷⁴. Обыкновенно называемые у своих латинян павликианами (пауланами), а у болгар шопами, эти болгары-католики, как мы сказали, живут в уезде никопольском, где им принадлежат четыре села (см. Григоровича Путешествие по Европейской Турции, стр. 177), в уезде Филиппопольском, где им принадлежит шесть сел (Григор. *ibid.* 166), и в самом городе Филиппополе. Общее число их, по более достоверным

показаниям, от семи до десяти тысяч (см. Neher'a Kirchliche Geographic II, 494 и 495)¹⁷⁵.

Церковными делами Филиппопольских павликиан или болгар-католиков до последнего времени заведывали простые священники, присылавшиеся из Италии (Григоровича Путеш. стр. 166); но недавно открыто в Филиппополе особое апостолическое викариатство. Нынешний викарий епископ Андрей Канова; епархия его разделяется на пять приходов, в которых от пяти до восьми тысяч душ (Neher'a Kirchliche Geographic II, 494). В 1863 г. Канова открыл при своей кафедре училище для детей всех вероисповеданий) см. болгарск. Съветник 1868 г., № 31, л. 1 об.). Павликиане никопольские также имеют своего особого епископа, который называется никопольским, но который, поскольку есть в то же «рема апостолический викарий и для Валахии, живет не в Никополе, а в Букаресте¹⁷⁶; болгарская часть его епархии разделяется тоже на пять приходов, в которых около двух тысяч душ (Neher ibid. 495).

(Католические епархии – антиварская, скутарская или скадарская, заппская, дурацкая и презрендская или ускюбская, о которых см. Миллера Albanien, Ruuielien und die Österreichisch-montenegriscie Gränze, Prag., 1844, S. 38 fin. sqq, и Neher'a Kirchliche Geographic II, 506 sqq и 500, – существуют для католиков-албанцев.)

Мы говорили выше, что с целью пропаганды между болгарами в пятидесятых годах учреждена была в Константинополе особая миссионерская станция. Позднее с тою же целью учреждены еще две станции в самой стране, именно в городах Адрианополе и Битоле. Адрианопольская станция со времени основания своего, в 1862 или в 63 году, предназначена служить центром униатской пропаганды в Болгарии и в настоящее время руководит деятельностью имеющего здесь пребывание болгаро-униатского епископа. В 1865 году она состояла из шести монахов конгрегации лазаристов, которые все до одного были поляки, присланные из Рима и перед отправлением на деятельность принявшие унию за тем, чтобы иметь возможность служить по униатскому обряду и удобнее

совращать простодушный народ (*Union chretienne* 1885 г. № 22, стр. 174 fin.), а в 1868 г. она состояла из четырнадцати монахов, – Французов, поляков и итальянцев (*ibid.* 1868 г. № 4, стр. 148 fin.); при миссии находится школа, в которой в 1866 году обучалось более 60 мальчиков (*ibid.* 1865 г. № 22, стр. 174). В Битоле, где станция учреждена в 1855 г., трудятся над делом Совращения болгар два лазариста, в школе которых в 1862 г. было до 80 мальчиков (*Neher'a Kirchliche Geographie* ИВ 467 fin.), а в 1868 г., если верить показанию русского путешественника, 50 мальчиков и 87 девочек (*Дня* 1863 г. № 7, стр. 19)¹⁷⁷. Обе станции так же, как и станция константинопольская, подведомы в административном отношен» константинопольскому апостолическому викарию, архиепископу Брунони (*Neher ibid.*)¹⁷⁸. К этим деятелям пропаганды *ex professo* должны быть еще причислены состоящие при находящихся по разным городам Турецкой империи Французских, австрийских и итальянских консульствах католические священники. Некоторые из этих последних занимаются делом пропаганды не менее усердно, чем первые (см. напр. о священнике австрийского консульства в Бургасе, в *Дне* 1863 г. № 7, стр. 18 sqq).

Протестантская пропаганда в Болгарии

Протестантские, преимущественно американские, методистские миссионеры, желающие, как говорят они, не навязать болгарам ига какого-нибудь нового духовного властительства, а дать лучшее и совершеннейшее христианство, впервые явились в Болгарии в 1856 или 1857 году (см. Прав. Обзор. 1863 г., т. 16, Заметок стр. 83 fin., в Дне 1863 года № 10, стр. 8, – в этом последнем подробно). Получая средства от миссионерского комитета американских методистов и состоя в заведывании константинопольской американской миссии (Христ. Чт. 1861 г. кн. 2, стр. 359, Дня 1863 г. № 10, стр. 10, col. 1), они ведут свою проповедь весьма во многих пунктах страны,* именно их станции находятся – в Тульче, Тернове, Шумле (Дня 1863 г. № 10, стр. 10), в Филмопополе, Адрианополе (см. Барта Reise S. 44 sqq), в Софии (болгарск. Время 1866 г., № 37, л. 2) и других городах.

Способы их пропаганды, немало рассчитывающей на ту же вражду болгар с греками, состоят в проповеди после богослужения, которую стекаются слушать любопытные болгары, в раздаче написанных на народном болгарском языке трактатов и книжек, в частной беседе с жителями, в обращении с которыми они преимущественно входят посредством своих услуг в качестве врачей, и наконец, подобно католикам, в заведении при станциях своих училищ¹⁷⁹. Еще в 1863 г. у них был готов для болгар, переведенный на болгарский язык, протестантский катехизис (День *ibid.*). Взрослых между болгарами они привлекают к себе своей безукоризненной нравственной жизнью и своей готовностью оказать всякую помощь (*ibid.*), а молодежь болгарская прельщается тем вольномыслием, которому дается место их проповедью, – и хотя они не считают своих прозелитов тысячами, но некоторое распространение их нравственного влияния несомненно и единицы обращенных они уже имеют (протестантские идеи проникают даже в среду духовенства болгарского и монахов, см. в Дне 1863 г. № 10, стр. 11, написанное в протестантском

духе заявление пяти терновских священников о желаемых ими преобразованиях в церкви, – вероятно, впрочем, тут не столько сознательное вольномыслие, сколько неведущее, что говорит и творит неразумие, – и в болгарском Времени года 2-го, № 4, л. 2 об., рассказ о монахе Рыльского монастыря, который, побывав у константинопольских миссионеров, сбросил рясу с клобуком и женился).

II. Краткий очерк истории Румынской или Молдо-Валашской православной церкви

Государственная история воеводств угровла- хийского и молдовлахийского

Угровлахией или Унгровлахией, т. е. угорской или венгерской Валахией, греки называли нынешнюю собственно так называемую Валахию (у самих туземцев она называется цара Мунтеняска, что значит горная страна, от мунти – горы; у нас называли ее – по ополяченному произношению туземного имени Мултянской землей и Мултянами, а по обрушонному – Мутьянской землей и Мутьянами). Молдовлахией (Валахией реки Молдавы), также Мавровлахией, т. е. черной Валахией, и Росовлахией, т. е. русской Валахией, греки называли нынешнюю Молдавию¹⁸⁰ (у туземцев она называется цара Молдовея, т. е. земля молдавская, – реки Молдавы; у нас называли её – иногда этим собственным ее именем, т. е. Молдавской землей, но преимущественно – Волошской землей и Волохами).

Валахи и молдаваны представляют собой две весьма близкие между собой ветви одного и того же племени, которое называется общим родовым именем румынов, а также и валахов или влахов, при чем первое из названий есть измененная форма слова римлянин (*romanus* – румын), а второе есть слово, употреблявшееся в древнее время у славян и у немцев к обозначению народов галльского или кельтского племени вообще, и тех же римлян или итальянцев в частности (см. в нашей древней летописи в Собр. Летоп. 1, 2; у немцев до сих пор есть слово *Wälsch*, древн. *Walch*, *Waloh*, служащее к обозначению итальянца, cfr Шафар. Древн. I, 1, 390 sqq). Национальность румынов или валахомолдаван не принадлежит к числу первобытных и коренных; она возникла во II-III веке по Р. Х. из смешения древних жителей страны – даков с поселенными в ней ее завоевателем импер. Траяном римскими колонистами (по сим последним и имя румынов или валахов). Вместе с национальностью и язык румынов представляет собой конгломерат языков названных двух народов, который потом образовывался грамматически под влиянием нашего языка славянского и который также обогащен и многими словами,

взятыми из сего последнего. Кроме княжеств Валахии и Молдавии румыны населяют нашу русскую Бессарабию, австрийские провинции-Буковину, Трансильванию, Банат и восточную Венгрию, и также северо-восточный угол княжества Сербии (составляющие особую ветвь племени, так называемые куцовлахи или цинцары, числом до трехсот-пятисот тысяч, живут сплошными массами и разбросанно в Македонии, Фессалии и Албании). Общее число их (за исключением куцовлахов) восходит до семи миллионов; в самых княжествах – в Валахии около двух с половиной, в Молдавии около полутора миллионов.

На свет истории, в качестве особого народа, румыны выступили весьма поздно, не ранее половины XIII столетия. В продолжение первых четырех веков существования их новой национальности, т. е. с III столетия по VII, происходило так называемое великое переселение народов; так как их страна по своему положению неизбежно была местом первой стоянки для каждого полчища завоевателей, подступавших к империи и желавших переправиться через Дунай в Мизию и Фракию или проникнуть вверх по его течению далее на запад: то они – коренные жители, не имея возможности сплотиться во что-нибудь прочное, или переходили из-под одного ига под другое, или укрывались от меча пришельцев в своих горах. Вероятно, в конце VII, а во всяком случае не позднее, начала IX столетия румыны подпали власти мизийских болгар, т. е. тех болгар, которые, покорив в 678–80 г. обитавших в Мизии славян, основали в ней свое, болгарское по имени и славянское по народности, государство. Это обстоятельство было весьма важным и до некоторой степени решительным событием в истории румынского племени, – приняв христианскую веру через посредство болгар, румыны приняли ее не с запада, а с востока, и таким образом навсегда примкнули к семье христианских народов православных. Что касается до самой истории зависимости румынов от болгар, то наши сведения в этом отношении отрывочны и не вполне удовлетворительны. Мы сказали, что болгары подчинили своей власти румынов если не в конце VII, то не позднее начала IX столетия: о страшном

громителе империи, болгарском государе начала IX века Круме, византийские летописцы сообщают, что, захватывая толпы греческих плененных, он переселял их в свои задунайские владения, т. е. в нынешние Валахию и Трансильванию (см. *Memor. pop.* II, 553, 558, cfr. *ibid.* 542, 556); из слов византийцев следует также заключать, что на эту часть своих владений болгары смотрели в то время не как на случайную и придаточную, а как на действительную и настоящую составную (инкорпорированную) часть своего государства (летописцы прямо называют ее Βουλγαρία ἑχέσθην τοῦ Ἰστροῦ ποταμοῦ, т. е. Болгария, прилежащая к Дунаю с той его стороны, *ibid.*). В конце IX столетия значительная часть румынского народа навсегда перешла из-под власти болгар под власть угров или венгров; эти последние, явившись около 885 г. на нижнем Дунае, вскоре затем перешли далее на запад, в нынешнюю свою территорию, и при завладении славянской Панионией подчинили своей власти и соседнюю с нею часть румынской Дакии, именно так называемые в настоящее время области – Трансильванию и Банат (см. Фесслера *Geschichte von Ungarn*, изд. 2, Лейпциг, 1867 г., ч. 1, стр. 59, 110, 113 и 460). Одновременно с этим болгары понесли значительный ущерб и в оставшейся части своих задунайских владений или нынешней Валахии: во удалении венгров, левым берегом нижнего Дуная приблизительно по нынешний Бухарест овладели Печенеги, которые и оставались тут во все время дальнейшего самостоятельного существования их орды, именно – пережив первое болгарское царство, до половины или до конца XII века (см. Константина Порфир. *De administr. imperio*. ed. Bonn., p. 164 sqq, 173, 177, у Стриттерав *Memor. pop.* III, 777 sqq). Неизвестно, в каком положении находившись в период греческого господства над Болгарией (1019–1185), румыны валашские снова подчинены были болгарам своей власти после восстановления болгарского царства. Об этом прямо не говорят греческие летописцы; но об этом необходимо заключать, во-первых, из того, что самих болгар первых времен второго царства некоторые из современных византийских летописцев называют влахами или валахами, а западные народы прямо

принимали за сих последних (влахами почти постоянно называет их Никита Хониат, см. Метог. рор. II, 672 sqq; что западные народы принимали болгар за валахов, см. выше переписку папы Иннокентия III с болгарским царем Калияном), – во-вторых, из того, что влахи представляются участниками болгар в войнах с греками (см. Метог. рор. II, 675 нижний текст, 674), и наконец, в-третьих, из того, что первые болгарские государи второго царства называют себя в официальных актах царями болгаров и влахов (см. переписку Калияна с папой Иннокентием III). Как долго находились румыны под властью болгар на этот второй раз, положительного ничего неизвестно. По всей вероятности, зависимость начала ослабевать тотчас же после смерти Асеня II, при маломощных его преемниках, и совсем прекратилась вскоре после сего, когда основанное в это время на севере Валахии собственное румынское государство начало приобретать некоторую силу и вместе с сим обнаруживать по отношению к валахам способность притяжения¹⁸¹.

Первое собственно румынское государство, нынешнее княжество Валахия, как мы сейчас сказали, было основано в половине XIII века. Оно не возникло из удельной или вассальной власти в Валахии болгар, а образовалось совершенно помимо ее, быв обязано своим началом румынским выходцам из венгерской Трансильвании; именно – его основателем был румынский владетель одной небольшой области в южной Трансильвании (Фогары или Фогараша) по имени Раду Негровод или Раду Черный, бежавший за Карпаты в северную Валахию от нашествия на Венгрию хана монгольского Батыя. Утвердившись с своими спутниками сначала в городе Кампылунго (что значит долгое поле или долгополье – *Camprus longus*, под Карпатами, на притоке верхнего Арджиса), а потом перенесши столицу несколько на юг в город Арджис или Ардгиш (на верхнем Арджисе, называемый также Куртэ-д-Ардгиш, что значит княжеский дом, дворец ардгишский), собрал около себя значительную часть румынов Валахии, чем и положил начало румынскому государству, которое обнимало в последствии всю нынешнюю Валахию, и которое, нося титул воеводства

(вероятно потому, что самая Трансильвания, из которой вышел Раду, управлялась у венгров чиновниками, которые назывались по-славянски воеводами или по омадьяренному произношению вайдами), называлось у греков, у славян и у самих румынов (в славян. актах) Угровлахией или Унгровлахией. Раду и его преемники не признавали над собою власти государей болгарских; не совсем известны их отношения к королям венгерским, из владений которых они были выходцами, но власть и этих последних они признавали, вероятно, весьма недолго, и более номинально, чем на самом деле (сfr Фесслера *Geschichte von Ungarn*, изд. 2-го т. I, стр. 465 fin.). В конце XIV столетия, при воеводе Мирче I, Угровлахия достигла значительной степени силы и процветания; в состав государства кроме всей нынешней Валахии входила часть Трансильвании (запланированные страны, а также более или менее широкая полоса по правому берегу Дуная в северной Болгарии со включением города Дристры или Силистрии, почему и государь угровлахийский, в сознании своей силы, принял титул «господина самодержавного» (см, хризовулы Мирче во Влахо-болгарских грамотах, собранных Ю. Венелиным, Спб., 1840 г., стр. 18 sqq). Но при том же Мирче, или при одном из его ближайших преемников, румыны угровлахийские должны были признать над собой верховную власть турок, под которой постоянно потом и находились во все последующее время и от которой, не освободились вполне еще и теперь. Первоначально зависимость была весьма слабою и незначительною, – платя известную, очень небольшую дань султанам, воеводы угровлахийские оставались затем государями совершенно самостоятельными, даже с правом отдельных войны и мира; но с течением времени она все более и более увеличивалась, и наконец по некоторым обстоятельствам стала едва ли даже не более тяжкою, чем прямое подданство других христианских провинций империи. Власть воевод с первых времен существования государства была в Угровлахии не наследственной, а пожизненно избирательной; при поступлении страны под верховную власть Турции было постановлено, что воеводы имеют быть избираемы высшим духовенством

(митрополитом с епископами) и боярами, без всякого участия и вмешательства со стороны турецкого правительства, – и султаны некоторое время точно соблюдали это условие. Но с первых годов XVI столетия, не думая хранить более своего обязательства, они начали присвоить себе право назначения воевод; хотя сначала они по-прежнему назначали их не из своих собственных константинопольских христианских чиновников, а из природных или по крайней мере натурализованных румынов, но открывшаяся теперь возможность покупки сана (у великого визира с влиятельными при нем и при самом султани лицами) вызвала между угро-влахийским боярством целые толпы соискателей, которые старались перекупать друг у друга место, когда оно оказывалось праздным, и которые постоянно добивались купить его под живым воеводой; вследствие этого, с одной стороны, конкуренция претендентов быстро увеличивала размеры годовой подати, которая была платима страной турецкому правительству, – с другой стороны, ненадежность положения воевод заставляла их быть как можно более торопливыми в собирании ботагатств: но все это ложилось тяжким и постоянно возрастающим бременем на доставлявшую подать и служившую предметом эксплуатации народную массу. Наконец с первых годов XVIII столетия настали для валашских (равно как и для молдавских) румынов истинно бедственные и несчастные времена. Турецкое правительство, желая пресечь начавшиеся тогда попытки восстаний (по поводу войны с турками нашего государя Петра Великого) и поддаваясь внушениям константинопольских греков – знаменитых фанариотов, решило назначать воевод из своих собственных христианских чиновников, именно из этих сейчас названных фанариотов. Так как воеводы-фанариоты смотрели на свою должность исключительно как на средство к обогащению; так как они были назначаемы не пожизненно, а только на три года, и следовательно должны были стараться и ухитряться обогащать себя в такое непродолжительное время; так как, не быв связаны с своими подданными никаким чувством общей национальности, они питали до отношению к ним только

чувство известного греческого презрения ко всему негреческому и следовательно не могли знать никакой меры в своих стремлениях к обогащению: то период их правления был периодом истинного и буквального грабительства, и воеводы или господари, за весьма немногими изъятиями, были не чем иным как истинными и действительными разорителями вверявшегося им несчастного народа. Господство князей-фанариотов продолжалось целое столетие, до 1821 г.; вспыхнувшее в сем последнем году восстание так называемой греческой етерии (приведшее к образованию нынешнего греческого королевства) возбудило в турецком правительстве недоверие к своим греческим чиновникам, и оно снова стало назначать в воеводы княжеств природных румынов, каковые и были до 1856 г.

Воеводство молдовлахийское, нынешнее княжество Молдавия, к которому принадлежали также наша русская Бессарабия и австрийская Буковина¹⁸², основано позднее предшествующего слишком на целое столетие. Страна, находившаяся перед тем во власти половцев или куманов, не имела собственных румынских владетелей, и румынское государство в ней было заложено, так же как и в Угровлахии, выходцами трансильванскими; это было около 1860 г.¹⁸³. Основавшись в близком соседстве с Польшей (первоначальной столицей был город Сучава или Сочава в нынешней Буковине), воеводы молдовлахийские с самого же первого времени должны были признать себя вассалами или данниками этой последней, каковыми почти постоянно и оставались в продолжение полуторых столетий. В первых годах XVI века, угрожаемая турками Молдовлахия, отложившись от Польши, поспешила добровольным признанием верховной власти султана предупредить опасность быть насильно завоеванной и обращенной в настоящую турецкую провинцию, после чего во все последующее время ее судьба была почти одна и та же с судьбой Угровлахии. После непрестанно сменявшихся воевод из собственных румынских бояр и из разных пришельцев и искателей приключений, с первых годов XVIII века и в ней, так же как в Угровлахии (и несколько раньше этой последней),

началось ужасное господство воевод-фавариотов. Избавившись от них одновременно, обе стороны одновременно начали возрождаться и к лучшему народному существованию.

Со времени императрицы Екатерины Великой наше русское правительство принимало живое участие в судьбах обоих княжеств и оказывало им свое самое усердное покровительство. При заключении Кучук-кайнарджийского мира 1774 г. истребовано от Порты обязательство охранять в княжествах совершенную неприкосновенность свободы веры и прав духовенства, – обещание «наблюдать всякое человеколюбие и великодушие в наложении на них (народонаселения княжеств) подати», и между прочим постановлено, что правительство Блистательной Порты «соглашается, чтобы по обстоятельствам обоих сих княжеств министры российского императорского двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать оные с сходственным к дружеским и почтительным державам уважением» (первого Собрания Законов т. XIX, № 14, 164, артикул 16-й). Аккерманскою конвенцией 1826 г., в видах более действительного охранения интересов княжеств, Россия оговорила себе право формального вмешательства в их дела (при смещении воевод, для предотвращения злоупотреблений со стороны Порты, второго Собрания Законов т. I, № 620), а занимавший вскоре после этого русскими войсками княжество (в продолжение 1828–1834 г.) генерал Киселев, удовлетворяя признанной этою конвенцией безотложной нужде исправить расстроенные многие части их управления, составил для них так-называемый органический статут, т. е. свод законов, которым заслужил глубокую благодарность их населений (об управлении Киселева княжествами см. статью в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. XXXI, VI, 228. Благомыслящие румыны вспоминают об его заслугах для их страны: «Киселев, имя которого румыны обязаны произносить не иначе как с благодарностию и любовью, воскресил наше отечество законами, которые должны сделать из нас народ». См. в книжке Раша Die Völker der Unteren Donau, Breslau, 1867, S. 183). При

подписании адрианопольского мирного трактата 1829 г., после самого заботливого ограждения всех прав и выгод обоих княжеств, было настояно с нашей стороны на новой важной мере, клонившейся к утверждению их благосостояния, именно – чтобы на будущее время воеводы были избираемы не на семилетний срок, как было перед тем, а пожизненно (второго Собрания Законов т. IV, № 3128. – На венских конференциях 1855 г., после несчастной для нас, крымской войны, русский протекторат над княжествами, с 1848 г. ставший было еще более сильным, но, как кажется, за это последнее время, справедливо или несправедливо, не заслуживший особенной благодарности румынов, был совершенно отстранен).

Не бесполезный на случай справок, хотя и до пошлой бесконечности длинный, ряд воевод угровлахийских есть следующий¹⁸⁴.

1. Раду (Радул, т. е. Рудольф) Негру или Раду Черный – 1241–65.

2. Михаил Бассараба, брат Раду Черного – 1265–1284.

3. Дан (Денис) I, сын Раду Черного – 1265–1284

4. Стефан I Майлату – 1298–1324.

5. Иоанн I Бассараба – 1324–1340

6. Влад (Владислав) I, брат предшественного – 1340–1342.

7. Александр I, брат предшественного – 1342–1352.

8. Николай, сын предшественного – 1352–1366¹⁸⁵.

9. Раду II, брат Иоанна I и двух за ним следующих..... 1366–1376¹⁸⁶.

10. Дан II, сын предшественного – 1376–1382.

11. Мирча I, сын Раду II, – 1383–1418.

12. Мирча II, сын предшественного – 1418–1419. (И соперник его Михаил упомин – 1418.)

13. Влад II, брат предшественного – 1419–1422.

14. Влад III Дракул, сын Мирчи I – 1422–1446 (и его соперники: Дан III, сын Влада II, 1423–1437, Влад 1432, Александр 1435, Раду 1444 и 1446).

15. Дан IV, сын Дана III – 1446–1448.

16. Влад IV, племянник Мирчи I. – 1448–1455.

17. Раду III, сын Влада III – 1455–1456.

18. Влад V Дракул (тот самый, о котором известная повесть), брат предшественника, сын того же Влада III, – 1456–62.
19. Раду III во второй раз – 1462–1473.
20. Влад VI, по прозвищу Монах, недолго в конце 1473 – в начале 1474.
21. Раду III в третий раз – 1474–1476.
22. Влад V во второй раз – 1477–1479.
23. Влад VII, сын Раду III – 1479–1493.
24. Раду IV, великий, сын Влада – по одним V по другим VI – 1493–1568.
25. Михна (Михаил) I, по прозвищу Злой – 1508–1510.
26. Раду V Владуца – 1510–1513.
27. Негу I Бассараба – 1513–1518.
28. Раду VI,
29. Раду VII,
30. Влад VIII сменяли друг друга в продолж. – 1519–24.)¹⁸⁷
31. Раду VII во второй раз – 1524–1529.
32. Моисей, сын Влада VII – 1529–1530.
33. Влад IX – 1530–1533.
34. Винтила – 1533–1534.
35. Раду VIII (Петр Паисий) – 1534–1541.
36. Раду IX, сын Раду VII – 1541–1545.
37. Мирча III, сын Михны I, – 1545–1554.
38. Петрашко (Петр) I, сын Раду VIII – 1554–1557.
39. Мирча III во второй раз – 1558–1563.
40. Петр II Хромой, сын Мирчи III – 1563–1567.
41. Александр II, другой сын Мирчи III – 1568–1577.
42. Михна II, сын предыдущего – 1578–1583.
43. Петр Черчел III, сын Петра I (Петрашки) – 1583–1585.
44. Михна II во второй раз – 1585–1591.
45. Стефан II Сурдул (глухой) – 1591–1592.
46. Александр III – 1592.
47. Михаил II Храбрый, сын Петра I (Петрушки) – 1592–1600.
48. Симеон Могила с конца 1600 по конец – 1601.
49. Раду Щербан I Бассараба – 1601–1611.
50. Раду X, сын Михны II – 1611–1616.

51. Александр IV – 1616–1617.
52. Гавриил Могила, сын Симена Могилы – 1617–1619.
53. Раду X во второй раз – 1619–1623.
54. Александр V, сын Раду X – 1623–1628.
55. Александр IV во второй раз – 1628–1630.
56. Лев (Леон), сын Стефана Томзы, воеводы молдавского – 1630–1633.
57. Раду XI, сын Александра IV – 1633.
58. Матфей Бассараба – 1633–54.
59. Константин Бассараба, сын Щербана I – 1654–1658.
60. Михна III – 1658–1659.
61. Георг Гика – 1659–1660.
62. Григорий Гика, сын предыдущего – 1660–1664.
63. Раду XII, сын Льва Томны – 1665–1669.
64. Антоний – 1669–1672.
65. Григорий Гика во второй раз – 1672–1673.
66. Дука – 1673–1678.
67. Щербан II Кантакузин – 1679–1688.
68. Константин Бранковано – 1688–1714.
69. Стефан III Кантакузин – 1714–1716.
70. Николай Маврокордато, начинающий собою ряд воевод фанариотов – 1716.
71. Иоанн Маврокордато – 1717–1718.
72. Николай Маврокордато во второй раз – 1719–1730.
73. Константин Маврокордато – 1730.
74. Михаил Раковица – 1730–31.
75. Константин Маврокордато во второй раз – 1731–1732.
76. Григорий Гика – 1733–1735.
77. Константин Маврокордато в третий раз – 1735–1741.
78. Михаил Раковица во второй раз – 1741–1744.
79. Константин Маврокордато в четвертый раз – 1744–1748.
80. Григорий Гика во второй раз – 1748–1752.
81. Матфей Гика – 1752–1753.
82. Константин Раковица – 1753–1755.
83. Константин Маврокордато в пятый раз – 1756–1758.
84. Скарлато Гика – 1758–1761.
85. Константин Маврокордато в шестой раз – 1761–1763.

- 86.** Константин Раковица во второй раз – 1763–1764.
 - 87.** Стефан Раковица – 1764–1765.
 - 88.** Скарлато Гика во второй раз – 1765–1766.
 - 89.** Александр Гика – 1766–1768.
 - 90.** Григорий Гика – 1768–1769.
 - 91.** Манолаки Роветти – 1770.
(В 1771–1774 гг. княжества были заняты русскими войсками.)
 - 92.** Александр Ипсиланти – 1774–1782.
 - 93.** Николай Караджа – 1782–1783.
 - 94.** Михаил Суцо – 1783–1786.
 - 95.** Николай Маврогеша – 1786–1790.
 - 96.** Александр Маврокордато бывший воеводой только по имени (по причине войны с Россией, которою заняты были княжества).
 - 97.** Михаил Суцо во второй раз в – 1791
(Здесь у Палаузова недостает одного воеводы.)
 - 98.** Константин Ипсиланти – 1802–1805.
 - 99.** Александр Суцо
 - 100.** Иоанн Караджа – 1812–1818.
 - 101.** Александр Суцо в третий раз – 1818–1820.
 - 102.** Скарлато Каллимахи – 1821–22,
последний фанариот, числившийся воеводой только номинально, но по случаю восстания, поднятого в Валахии греческими етеристами, не ездивший обирать самую страну.
 - 103.** Григорий Гика – 1822–1828.
 - 104.** Александр Гика – 1834–1842.
 - 105.** Григорий Бибеско – 1843–1848.
 - 106.** Барбо Стирбей – 1849–1853
и – 1854–1856.
- Не менее длинный ряд воевод молдавлахийских есть следующий ¹⁸⁸ :*
- 1.** Драгош, основатель государства около 1359.
 - 2.** Богдан I Саксонский, сын предшественника, до 1365.
 - 3.** Лачко (Laczko), сын предшественника, до 1373.
 - 4.** Богдан II до 1379.
 - 5.** Петр I до 1389.

6. Бальча или Бальша упоминается в 1391¹⁸⁹.
7. Стефан I в 1392.
8. Роман I до 1395.
9. Стефан I во второй раз – 1395–1399¹⁹⁰.
10. Юг I до 1401.
11. Роман I – 1401.
12. Александр Добрый, брат предшественника – 1402–1432.
13. Ильяшко и Стечко (Илия и Стефан), сыновья предшественника, одновременно – 1432–1437.
14. Роман II, сын Ильяшки – 1437–1447.
15. Петр I – 1447–1448.
16. Стефан III,
17. Чубер I – 1449.
18. Александр II – 1451¹⁹¹.
19. Богдан III после – 1451.
20. Петр (Аарон) III до – 1458.
21. Стефан (Богдан) IV, Великий, сын Богдана III – 1458–1504.
22. Богдан IV, сын предшественника – 1504–1517.
23. Стефан V, сын предшественника – 1517–1526.
24. Стефан VI – 1527.
25. Петр Рареш – 1527–1538.
26. Стефан VII Лепует, брат предыдущего – 1540.
27. Александр Корния – 1540.
28. Петр Рареш во второй раз – 1540–1546.¹⁹²
29. Илья II и Стефан VIII, сыновья предшественника – 1546–1552.
30. Александр (Петр) IV, Лепушано – 1552–1561.
31. Василий (Василаки, самозванец) – 1561–1563.
32. Стефан IX Томза – 1563–64.
33. Александр IV во второй раз – 1564–1566.
34. Богдан VI (V?) – 1566–1572.
35. Ивония – 1572–1574.
36. Иван Подковар (саксонец) – 1574.
37. Петр V – 1583–1586.
38. Петр VI Хромой – 1586–1591¹⁹³.

39. Аарон – 1591–1595.
40. Стефан Резван – 1595.
41. Иеремия Могила – 1595–1606¹⁹⁴.
42. Симеон Могила, брат предшественника – 1607.
43. Константин Могила – 1607–1609¹⁹⁵.
44. Стефан XI Томза – 1610.
45. Богдан VII – 1610–1615.
46. Каспар Грациани (итальянец) – 1615–1618.
47. Александр V – 1618–1621.¹⁹⁶
48. Степан XI Томза во второй раз – 1621–1623.
49. Раду I Долгий (бывший прежде воеводой угровлахийским под именем Раду X) – 1623–1626¹⁹⁷.
50. Мирон Бернавский (поляк) – 1626–1630.
51. Моисей Могила – 1630.
52. Александр (сын Ильи) – 1631–1633.¹⁹⁸
53. Александр (сын Раду I) – 1634.
54. Моисей Могила во второй раз – 1634.
55. Василий Лупул (родом албанец) – 1634–1654.
56. Стефан Георгица – 1654–58.
57. Георг Гика (родом албанец) – 1658–1660.
58. Стефан XII, сын Лупула – 1660–1662.
59. Евстратий Дабиша – 1662–1666.
60. Илья, сын Александра Ильича – 1667.
61. Александр Дука – 1667.
62. Илья во второй раз – 1667–1669.
63. Александр Дука во второй раз – 1669–1672.
64. Стефан Петричеу – 1673.
65. Димитрий Кантакувин – 1673–1676.
66. Антоний Розетти – 1676–1679.
67. Александр Дука I в третий раз – 1679–1684.
68. Димитрий Кантакузин во второй раз – 1684.
69. Константин Кантемир – 1685.
70. Константин Дука, сын Александра Дуки – 1685–1693.
71. Антион Кантемир – 1693–1696.
72. Константин Дука во второй раз – 1696–1701.
73. Михаил Раковица – 1701–1704.
74. Антиох Кантемир во второй раз – 1705.

- 75.** Михаил Раковица во второй раз – 1705–1708.
- 76.** Николай Маврокордато – 1708–1710.
- 77.** Димитрий Кантемир – 1711.
- 78.** Михаил Раковица – 1716–27.
- 79.** Григорий Гика- 1727–1733.
- 80.** Константин Маврокордато – 1733–1735.
- 81.** Григорий Гика – 1735–1741.
- 82.** Константин Маврокордато – 1741–1743.
- 83.** Иоанн Маврокордато – 1743–1747.
- 84.** Константин Маврокордато – 1748.
- 85.** Константин Раковица I – 1749–1753.
- 86.** Матфей Гика – 1753–1756.
- 87.** Константин Раковица – 1756.
- 88.** Скарлато Гика – 1757.
- 89.** Иоанн Каллимахи – 1758–61.
- 90.** Григорий Каллимахи – 1761–64.
- 91.** Григорий Гика – 1764–1766.
- 92.** Григорий Каллимахи – 1766–69.
- 93.** Константин Маврокордато – 1769–1774.
- 94.** Григорий Гика – 1774–1777.
- 95.** Константин Мурузи – 1777–82.
- 96.** Александр Маврокордато – 1782–1785.
- 97.** Александр Маврокордато II – 1785–1787.
- 98.** Александр Ипсиланти – 1787–1792.
- 99.** Александр Мурузи – 1792.
(У Палаузова пропущен один воевода.)
- 100.** Александр Мурузи – 1802–1805.
- 101.** Скарлато Каллимахи. Он же во второй раз – 1812–1819.
- 102.** Михаил Суцо – 1819–1821.
- 103.** Иван Стурдза – 1822–1828.
- 104.** Михаил Стурдза – 1834–1848.
- 105.** Григорий Гика – 1849–1853.
и – 1854–1856.

Большая часть воевод обоих княжеств – люди совершенно ничем неизвестные, а на немалую половину и просто ничтожные. Лучшие воеводы валашские суть: Мирча I, Михаил

Храбрый, Матфей Бассараба и Щербан II Кантакузин; лучшие воеводы молдавские: Александр Добрый, Стефан Великий (сват нашего вел. кн. Ивана Васильевича III) и Василий Лупул.

Столицей Угровлахии или Валахии в продолжение первых полуторых веков существования государства, как мы сказали выше, был сначала город Кампылунго, а потом Ардкис или Ардгиш. С XV до половины XVII столетия у валахов были две столицы – Торговище и Бухарест, из которых главною была первая (см. Влахоболгарские грамоты, собранные Ю. Венелиным). С половины XVII столетия по настоящее время столица в Бухаресте¹⁹⁹. Столица Молдовлахии и Молдавии до половины XVII века была в Сучаве, находящейся в нынешней австрийской Буковине; с первых годов второй половины XVI века до настоящего времени она в городе Яссах.

Начало христианства у румынов

О принятии румынским народом христианской веры нет никаких, ни нарочных, ни случайных, известий и записей, так что касательно подробностей их обращения совершенно ничего не может быть сказано. Нигде нет прямых указаний и относительно времени их крещения; но это последнее с достоверностью может быть определено посредством заключений от имеющихся у нас некоторых положительных данных. Мы говорили выше, что часть румынской территории, известная под именем Трансильвании, перешла из-под власти болгар под власть мадьяр при самом занятии сими последними нынешней Венгрии. Христианская вера румынов Трансильвании, которую они приняли при своем первом обращении, была та же самая, которую большинство их содержит и в настоящее время, т. е. восточно-православная; но так как невозможно допустить, чтобы народ господствующий позволил народу подвластному принять не одну и ту же с собой христианскую веру, то из этого необходимо предполагать, что православные румыны Трансильвании обратились в христианство раньше своих господ католических – мадьяров. Что это было действительно так, на это есть и прямые свидетельства: трансильванские летописи повествуют, что в конце X века мадьярский удельный владетель Трансильвании язычник Пула воздвиг гонения на христианских румынов своей области и что они были христианами восточного исповедания (см. Фесслера *Geschichte von Ungarn*, изд. 2, 1867, т. 1, стр. 110 fin.). Таким образом вообще должно быть принимаемо за положительное и несомненное, что румыны Трансильвании приняли христианство прежде, чем сделались христианами их покорители мадьяры (которые крестились в последних годах X столетия). Но если это так, то с уверенностью может быть сказано и когда именно раньше. Когда, приняв католичество, мадьяры не могли дозволить подвластным румынам принять после себя православие, так точно, оставаясь язычниками, они не могли дозволить им принять прежде себя христианство²⁰⁰; следовательно, если

румыны Трансильвании приняли греческое православие раньше принятия мадьярами латинского католичества, то необходимо за сим думать, что они приняли его и раньше подпадения под власть сих последних. Прежде мадьяров румыны Трансильвании находились под властью болгар, и таким образом единственное, что после сказанного остается принимать относительно их обращения в христианство, это-что они крещены были болгарскими государями или одновременно с самим болгарским народом, или вскоре после него, вообще между семидесятыми годами IX столетия, когда водворено было христианство в Болгарии, и между первыми годами X столетия, когда из-под власти болгар они (румыны Трансильвании) перешли под власть мадьяр. Сказанное о румынах Трансильвании столько же относится и к румынам Валахии, потому что и эти находились также под властью болгар, и одни не могла быть крещены без других. О румынах Молдавии неизвестно точным образом, простиралась или не простиралась на них власть болгар; если нет, то очень может быть, что они приняли христианство несколько позднее двоих первых и не по чьему-нибудь внешнему принуждению, а сами собой, увлекаемые примером своих крещенных родичей, при чем и новая вера могла водвориться у них не вдруг, а постепенно²⁰¹. Каким образом было устроено болгарскими церковное управление в румынско-задунайской части их владений, остается совершенно неизвестным. По всей вероятности не было учреждено для румынов отдельных епископских кафедр, а были они подчинены ведению пограничных епископов самой Болгарии (виддинскому, дристрскому, браничевскому), которые надзирали над духовенством их страны посредством своих протопопов или экзархов. Что касается в отдельности до Молдовлахии или Молдавии, то века с XI, после того как приняли христианскую веру наши предки, вероятно, она получала себе духовенство не из Болгарии, а из более близкой к ней волынско-галицкой Руси²⁰².

После покорения предбалканской части Болгарии Иоанном Цимисхием, Валахия осталась за болгарями. Поэтому и в

церковном отношении она, конечно, продолжала зависеть от архиепископа болгарского, перенесшего свой престол в Македонию, а не перешла под власть митрополита доростольского, назначенного Цимисхием для предбалканской Болгарии. Окончательно покорив в 1019 г. всю Болгарию, император Василий Булгаробоец подтвердил архиепископу болгарскому неприкосновенность всех тех его церковных владений, которые он имел в минуту завоевания, а следов. нужно думать, что попрежнему была оставлена за ним и румынская Валахия, ставшая теперь в политическом отношении, как кажется, ни от кого независимой. После восстановления болгарами своего царства в 1185 г., их прежняя архиепископия, находившаяся в Ахриде, осталась за греками, и они открыли новую архиепископию в Тернове; тотчас же после восстановления царства, снова подчинив своей власти румынов Валахии, нет сомнения, они не оставили их в заведывании архиепископа ахридского, который был теперь архиепископом уже не болгарским, а греческим, но передали их своему собственному архиепископу, т. е. этому терновскому.

Митрополия угровлахийская

Собственное румынское государство было основано в нынешней Валахии, как мы говорили выше, в половине XIII столетия. Но скоро ли начало это государство иметь своих собственных епископов, остается неизвестным. Г. Палаузов, изъясняясь не совсем вразумительно и, по дурной привычке многих русских ученых, не указывая источника, говорит, что верхняя или северная Валахия издавна имела своего епископа, которого кафедра находилась в Арджисе (Господарства Валахия и Молдавия, стр. 30). Если под *издавна* разуметь у него времена, предшествующие основанию Раду Черным особого государства, то его показание будет более чем сомнительным, потому что на существование в Валахии своих собственных епископий в указанные времена совершенно нигде нет никаких намеков. Если понимать его слова так, что в Арджисе, столице основанного Раду Черным государства, была учреждена своя епископская кафедра вскоре после основания самого государства, то они будут представляться весьма вероятными, потому что государям отдельного государства совершенно естественно было тотчас же озаботиться получением, если не своего особого церковного управления (митрополичьего), то по крайней мере одного на все государство своего собственного епископа. Достоверная история угровлахийской иерархии начинается не ранее как с половины XIV столетия, именно с 1359 г., когда воевода угровлахийский Александр испросил себе архиерея от константинопольского патриарха и подчинил свою церковь верховной власти сего последнего. Официальная запись об этом сохранилась в протоколах константинопольского патриаршего синода, напечатанных Миклошичем под именем *Acta Patriarchatus Constantinopolitani (Vindobonae, 1860, t. 1, p. 383 sqq)*. Имев или не имев прежде своего епископа, чего, к сожалению, из записи не видно, воевода просил себе архиерея от патриарха константинопольского потому, что желал находиться с своим народом не под чьей-либо другой, а именно под его высшей церковной властью. Под чьей высшей

церковной властью находился он прежде и почему желал перейти под власть патриарха константинопольского, в записи также не говорится; но необходимо предполагать, что прежде Угровлахия зависела от патриарха терновского и что воевода находил эту зависимость неудобною для себя вследствие государственных столкновений, которые страна его неизбежно должна была иметь с непосредственно соседней Болгарией. Призвав к себе для заведывания церковными делами подведомого патриарху константинопольскому митрополита витзинского²⁰³ Иоакимфа Критопула, воевода настоятельно просил патриарха (Каллиста I), чтобы этот Иоакимф был признан митрополитом всея Угровлахии, при чем давал клятвенное обещание всегдашнего неизменного подчинения угровлахийской церкви патриаршему престолу на будущее время и обязательство принимать митрополитов не иначе как избранных и посвященных именно от него же - патриарха. Последний исполнил просьбу воеводы (потребовав, чтобы он укрепил свое обещание письменным актом), и таким образом с 1359 года начинается в Угровлахии ряд архиереев с именем митрополита. Спустя одиннадцать лет, в 1370 г. в Угровлахии была открыта другая архиерейская кафедра и также с титулом митрополии. Названный выше митрополит Иоакимф, по причине глубокой старости, затрудняясь в исполнении своих обязанностей и, вероятно, желая заблаговременно передать свой престол своему брату, священнику и дикеофилаксу Даниилу Критопулу, с согласия воеводы и вместе с сим последним просил патриарха (Филофея), чтобы Даниил был поставлен в митрополиты всея Угровлахии. Исполняя просьбу о возведении Даниила в митрополиты, патриарх поставил его, – перед посвящением он был пострижен в монахи и переименован Анфимом, – не на всю Угровлахию, а на ее половину, с тем, чтобы и на будущее время были в Угровлахии два митрополита (см. *Acta Patriarchat. Constantinop.* 1, 532 sqq). Второй митрополит не имел зависеть от первого, а оба они, каждый сам по себе, должны были состоять в зависимости от патриарха. Для чего введено патриархом такое странное церковноправительственное устройство, ясно не видно; но

вероятно для того, чтобы надежнее удержать Угровлахию в подчинении своему престолу: один митрополит, имевший подчиненных себе епископов, беря пример с патриарха терновского и архиепископа ахридского, скоро мог бы провозгласить себя митрополитом автокефальным, т. е. отложиться от власти патриарха и присвоить себе самостоятельность; но при нескольких равных митрополитах, из коих каждый зависел непосредственно от патриарха, это было невозможно (см. впрочем еще ниже, в митрополии трансильванской). Первому или старшему из двух митрополитов присвоено было наименование митрополита πάσης Οὐγγρίας καὶ Πλαγηνῶν, т. е. всея Угрии и сопредельных областей (см. Кодина у Ралли и Потли V, 501 fin., Acta Patriarchat. I, 494), и с титулами ἑξαρχος καὶ ὑπέρτιμος он имел занимать место после митрополита никомидийского (Кодин *ibid.*, -которое в росписи сего последнего есть седьмое в ряду митрополичьих, *ibid.* 499); второй назывался митрополитом τοῦ μέρους Οὐγγροβλαχίας τῆς κατὰ τὸν Σεβερῖνον (Acta Patriarchat. II, 519, 312), и с титулом ὑπέρτιμος (*ibid.* I, 535) сначала занимал место после митрополита мелитенского (*ibid.* I, 536), а потом амасийского (Кодин у Ралли и Потли V, 502 нач., – из коих первое в каталоге Кодина есть 13-е в общем ряду, а второе – 12, *ibid.* стр. 499). Кафедра первого митрополита, вероятно, была в одном городе с столицей государства, т. е. сначала в Арджисе, а потом, по перенесении, столицы в конце XIV или в начале XV столетия из Арджиса в Торговище, в сем последнем; его епархию, как следует заключать от указаний относительно епархии второго митрополита, составляла восточная часть Валахии, начиная на западе от реки Алуты (Олту), или так называемая нынешняя большая Валахия. Епархию второго митрополита, судя по тому, что он называется митрополитом τοῦ μέρους Οὐγγροβλαχίας τῆς κατὰ τὸν Σεβερῖνον, составляла западная часть Валахии, начиная на востоке от той же реки Алуты, или нынешняя так называемая малая Валахия, потому что Северином, северинским краем, называлась именно эта сейчас указанная область; кафедра его, вероятно, находилась в том городе, по

имени которого называлась область и епархия, т. е. Северине (быв основан римлянами, как думают, назван был по имени импер. Александра Севера; существуя до настоящего времени в виде небольшого местечка и называясь в настоящее время Zöreny – Чёрени, см. Бюшинга *Erdbeschreibung*, ч. 1-й т. 2-й, стр. 1625 (в Гофмановом *Lexicon Universalè Severinum – vulgo Sverin*), находится на Дунае между западной границей Валахии и городом Чернецом, ближе к сему последнему, насупротив развалин бывшего Траянова моста чрез Дунай; на имеющихся у нас картах – на одном он называется Turnul, на других Severiner Thurn и Turnu Severin)²⁰⁴.

Долго ли существовало это двоеглавие, остается неизвестным. Будучи нужным для патриарха, оно никак не могло быть находимо удобным самими угровлахами, и поэтому весьма вероятно, что не долго. В последствии времени в Угровлахии была одна митрополия с подчиненными ей епископиями, которых до недавнего времени или по крайней мере до восьмидесятых годов прошедшего столетия было две, именно: 1) рымникская (город Рымник на северной Алуте²⁰⁵ и 2) бузейская или бузеовская (город Бузео на реке Бузео, впадающей в Серет, в восточной Валахии, по греч. Ποζαίον). Время открытия епископий остается точно неизвестным: житие константинопольского патриарха Нифонта, находившегося некоторое время в Валахии в последних годах XV или в первых годах XVI столетия, усвояет их открытие именно сему патриарху (см. житие в Афонском Патерике, Спб., 1860, ч. 2, стр. 22 fin., cfr Когальничана *Histoire de la Valachie* p. 106, -по житию, Нифонт открыл две новые епархии, но так как после и всего было две, то старых не могло быть ни одной); но если не отвергать достоверности некоторых официальных документов, то они существовали еще в половине XV столетия (разумею договор султана Магомета II с воеводой угровлахийским Владом V Дракулом, заключенный в 1460 г., который см. у Палаузова в *Господарствах* стр. 28, § IV, cfr Когальничана *Histoire de la Valachie* p. 90²⁰⁶). В настоящее время епископских кафедр три: две названные выше и третья – арджисская (Арджис по греч. Ἀρτζέσιος), учрежденная неизвестно нам когда после 1773 года

(что до 1773 г. епископий в Валахии было две, см. Когальничана *ibid.* р. 147, – что они были именно две названные выше, см. у него же *ibid.* р. 147, предисловие к Псалтыри, напечатанной в Валахии в 1037 г., в Реестре старопечатных книг Ширяева № 74, Влахоболгарские грамоты Венелина стр. 312 нач., Синтагматийон Хризанфа).

Известный в настоящее время не полный ряд митрополитов угровлахийских есть следующий.

Митрополиты всея Угровлахии

1. Иоакимф Критопул. Носив прежде сан митрополита витзинского, был призван в Угровлахию для заведывания ее церковными делами перед 1359 г.; утвержден был патриархом константинопольским в звании митрополита угровлахийского в сем последнем году; упоминается под 1370 г. и умер не позднее 1380 г. (см. Acta Patriarchat. Constantinop., изданные Миклошичем, t. I, p. 383 sqq, 532 sqq).

2. Харитон. Упоминается как митрополит всея Угровлахии под 1380 г. (Acta Patriarchatus Constantinopolitani II, 19).

Митрополиты северинские

1. Анфим, в мире Даниил, Критопул, брат Иоакинфа. Поставлен в митрополиты северинские в 1370 г. (Acta P. C. t. I, p. 532 sqq). В 1381 г. перешел на старшую кафедру всея Угровлахии.

2. Афанасий. Упоминается в актах как второй по степени, т. е. северинский, угровлахийский митрополит под 1389 и 1396 годами (Acta P. C. t. II, p. 135 и 291, cfr 289, где он прямо называется Σεβερinoῦ).

Под 1400 и 1401 годами безыменно упоминается митрополит τοῦ μέρου Οὐγροβλαχίας τῆς κατὰ τοῦ Σεβερῖνον (Acta P. C. t. II, p. 312 и 519).

3. Анфим Критопул, брат Иоакинфа, который был сначала митрополитом северинским и о котором выше. Перешел на кафедру митрополита всея Угровлахии, вероятно после смерти Харитона, в 1381 г. (см. Acta P. C. t. II, p. 27, где в мае 1381 г. он подписался ниже места, присвоенного митрополиту всея Угровлахии, и p. 39, где в ноябре того же 1381 г. подписался на месте сего последнего). Упоминается в качестве митрополита всея Угровлахии до 1389 г. (ibid. t. II, p. 48, 129). К сему Анфиму есть послание патриарха терновского Евфимия (см. Григоровича Путешествие по Турции стр. 188 и у нас выше).

От 1401 года есть послание патриарха константинопольского Матфея I к митрополиту всея Угровлахии, касающееся церковных дел Молдовлахии, но митрополит не называется в нем по имени (Acta P. C. t. II, p. 494).

4. Макарий. Упоминается под 1456 г. в послании архиепископа ахридского Дорофея к воеводе молдовлахийскому Стежану IV (см. Гласника VII, 179 нач.). Как кажется, при нем уже не было митрополии северинской и он был действительным митрополитом всея Угровлахии²⁰⁷.

5. Нифонт, бывший патриарх константинопольский. После вторичного низложения с патриаршего престола (что было в 1495 или 1496 г.)²⁰⁸ он пребывал несколько времени в Угровлахии и исправлял в ней обязанности местного

митрополита (что не имел только высшего надзора, руководя деятельностью бывшего тогда угровлахийского митрополита, а именно принял на себя обязанности митрополита, это прямо и ясно говорится в житии). Он приглашен был в Угровлахию воеводою сей последней Радулом IV, который проездом в Константинополь имел случай увидеть и узнать его в Адрианополе, где он находился в ссылке. По словам жития, Нифонт прилагал усердные заботы к устройству церковных дел Валахии и к улучшению христианских нравов ее жителей. После немногих лет, проведенных в Валахии, он принужден был удалиться из нее (наАфон) вследствие вражды с воеводой (тем же Радулом IV) из-за одного нарушителя брачных церковных правил (см. житие в Афонском Патерике ч. 2, стр. 7 также в Turco-graecia Крузия р. 144 fin.). Временем его пребывания в Валахии должны быть принимаемы последние годы XV или первые годы XVI столетия. (Он находился в Валахии во время избрания на константиноп. кафедру патр. Пахомия, Turcogr. ibid., но точных числовых данных как об этом, так и о других тогдашних константинопольских патриархах, пока не имеется.) Валашская церковь вместе с Афонской горой чтит Нифонта как святого, и в Арджисе находится часть его мощей.

6. Максим. В мире назывался Георгием; был внук предпоследнего сербского деспота или государя Юрия Бранковича, сын его сына, скитавшегося вне отечества, деспота Стефана. Постригся в монашество в молодых годах, находясь в австрийском Сирмии или Среме, где основалась на жительство его мать с остальным семейством. Пришед в Угровлахию при воеводе Радуле IV (по Шафарику, вероятно, повторяющему Энгеля, которого, к сожалению, мы не имеем в руках, в 1503 г.), приглашен был от него занять престол митрополиций, что, вероятно, было или непосредственно, или вскоре после удаления из страны патр. Нифонта; при преемнике Радула Михне I (1508–1510) удалился в Срем, в основанный им здесь монастырь Крушедольский; при втором преемнике сего последнего Негу Бассарабе (1513–1518) снова был призван в Угровлахию, но пробыв в ней не долго и поставив в митрополиты другого, – к сожалению, в известиях не

называемого по имени, – опять удалился в Крушедол, где и скончался, если не ошибаются в показаниях наши источники, в 1516 г. (сведения берем у Шафарика в *Geschichte d. Südslawisch. Literatur*, Prag, 1865, III, 122; краткое житие Максима в Гласн. XI, 125, краткие известия в сербской, так называемой Трношской, летописи Гласн. V, III; о годе смерти см. сербскую летопись в Гласн. XI, 155 и *Monumenta Serbica* Миклошича р. 549 fin; см. также Раича *Истории славенских народов* кн. X, главы VI и VII, и Мартынова *Annus Eccles.* под 18 января). Максим почитается сербскою церковью как один из ее святых (у преосв. Филарета в «Святых южных славянах» он пропущен).

7. Макарий. По известиям, находящимся у Когальничана (*Histoire de la Valachie* р. 118), поставлен в митрополиты угровлахийские после смерти Максима, по просьбе воеводы Негу Бассарабы, патриархом константинопольским Пахомием²⁰⁹, перед 1518 г. Примирая эти известия с сказаниями о Максиме, может быть дело должно понимать так, что сей Макарий был тот неизвестный, которого Максим, удаляясь из Валахии, назначил в свои преемники.

8. Варлаам. Упоминается под 1538 г. (см. Влахоболгарские грамоты, собранные Ю. Венелиным, Спб., 1840, стр. 163).

9. Янакий (Иоанникий?). Упоминается под 1556 г. (*ibid.* стр. 169).

10. Ефрем. Упоминается как бывший перед 1560 г. или в самом этом году (*ibid.* стр. 176).

11. Даниил. Упоминается под 1566 годом (*ibid.* стр. 178 fin.).

112. Евфимий. Упоминается под 1571 и 1575 гг. (*ibid.* стр. 214 и в *Росписи славянских книг* Каратаева № 68, стр. 13).

13. Серафим. Преемник Евфимия (У Венел. *ibid.* 228) упоминается под 1585 г. (*ibid.* 219). Со времени сего Серафима, митрополиты угровлахийские стали называться архимитрополитами (см. *ibid.* 219 и указания о следующих митрополитах, и *cfr* 214). Что это значит, прямых объяснений не имеем; вероятно, подведомые митрополиту епископы получили тогда имена митрополитов, и для него самого изобретено имя архимитрополита, чтобы отличить его от сих последних.

14. Евфимий. О митрополите (архиепископе) Евфимии, под которым неизвестно должно ли разуть II, или в другой раз предшествующего, говорится под 1595 г. в известиях, приводимых Когальничаном (*Histoire de la Valachie* p. 147, у Палаузова стр. 38 fin.).

15. Лука. Упоминается под 1610 и под 1624 годами (Влахоболгарские грамоты Венелина стр. 257 и Сношения России с Востоком Муравьева ч. 2, стр. 30 нач.).

16. Григорий. Упоминается под 1629 и 1634 годами (у Венелина *ibid.* стр. 294 и 311, Сношения с Востоком ч. 2, стр. 83 fin. и Когальничана *Histoire de la Valachie* p. 271).

17. Феофил. Упоминается под 1637–1647 годами (см. Венелина *ibid.* 302, Каратаева Роспись славянских книг №№ № 403, 492, 540, и послесловие к славянско-валашскому переводу Фомы Кемпийского, напечатанному в 1647 г. в Дельском монастыре, – в Описании старопеч. книг Толстова № 107, стр. 289. В Сношениях России с Востоком, ч. 2, стр. 348, около 1640 г. митрополит угровлахийский называется Феофаном вместо Феофила, вероятно, по ошибке или опечатке).

18. Стефан. Упоминается под 1650 г. (см. Баратаева Роспись славянских книг № 596, стр. 81 и малый так называемый раскольничий Проскинитарий Арсения Суханова, – запись о беседе 11 мая 1650 г.). Его стараниями была переведена с греческого на румынский язык и в 1652 г. на его иждивение была напечатана в Торговище Кормчая книга (эта румынская Кормчая книга, называемая по-румынски Ендрептаре леджий, что есть перевод греческого слова номоканон и значит правило законов, законоправильник, но известная преимущественно под славянским именем «Правила», до настоящего времени находится в официальном церковном употреблении в обоих княжествах. По составу своему она отлична от нашей русско-славянской Кормчей, напечатанной при патр. Иосифе и Никоне. Она состоит из двух частей: в первой части содержится разделенная на 417 глав одна из позднейших редакций номоканона Мануила Малакса²¹⁰; во второй части – сокращенные правила соборов и отцов, на которые писал свои толкования Аристин, вместе с самыми

толкованиями сего последнего (т. е. это почти то же, что первая половина нашей русской Кормчей), и потом вопросы-ответы Св. Анастасия Синаита (так по одним; по другим вообще выписки из отцов). Перевод с греческого на румынский был совершен под руководством между прочим после жившего у нас в России известного Паисия Лигарида. Есть латинский перевод этой Кормчей, сделанный в 1722 г. См. статью Копитара в *Wiener Jahrbücher d. Literatur* Bd. XXV, S. 158 sqq, Бинера *De collectionibus canonum Ecclesiae graecae*, Berolini, 1827, p. 45, Цахарие *Delineatio* p. 99, у Zhishman'a в *Eherecht d. oriental. Kirche*, Wien, 1864, S.77 fin., в Обозрении Кормчей Розенкампа изд. 1, стр. 71 и прим. 66, (несогласное с другими) и в статье: Несколько сведений о Паисии Лигариде, напеч. в журнале Прибавления к Твор. Св. отцов, т. XXI, стр. 136).

19. Игнатий. Упоминается под 1654 г. (Влахоболг. грамоты, стр. 329).

20. Стефан. Упоминается под 1656 годом; другой или во второй раз-предшествующий, нам неизвестно (Раич в своей Истории славенских народов, кн. XI, гл. VI, §10 fin., говорит, что в сентябре 1656 г. митрополитом валашским Стефаном был ставлен митрополит трансильванский т ак как он говорит тут со слов современника (Бранковича), то мы полагаем, что он не ошибается).

21. Феодосий. В 1688 г. воевода угровлахийский Щербан Кантакузин, находившийся тогда в Угровлахии бывший патриарх константинопольский Дионисий, патриарх сербский Арсений Черноевич и сей митрополит угровлахийский Феодосий писали в Москву грамоты о поднятии оружия против турок и об освобождении от их тяжкого ига христиан восточных (см. подробнее о сих весьма интересных грамотах, привезенных архимандритом Афонского Павлова монастыря Исаией, в Сношениях России с Востоком г. Муравьева ч. 4, рукоп. Моск. Дух. Акад. л. 1099 об. fin. sqq и в Сборнике грамот времени патриархов Иоакима и Адриана, так называемой Иконе дел патриарших, – по списку Ундольского, находящемся в Румянц. Музеуме, л. 251 об. sqq, ответ патриарха Иоакима митрополиту Феодосию в Иконе, по списку Ундольского л. 256). Упоминается

под 1697, 1699 и 1701 годами (см. библиографическую роспись греческих печатных книг Νεοελληνικὴ Φιλολογία, Андрея Пападопула Врето, Афины, 1854, I, №№ 126, 131 и 134).

22. Анфим. Был родом из Иверии или Грузии. Пришед в Валахию перед 1692 г. (Νεοελλην. Φιλολογία I, № 120), сначала жил иеромонахом в одном из букарестских монастырей (ἐν μονῇ τῶν εἰσοδείων τοῦ Συναγόβου, *ibid.* I, № 127), в 1705 г. поставлен был в епископы рымникские, в 1706 г. в митрополиты угровлахийские (Νεοελλην. Φιλολογία I, σελ. 177 и Lequien'a I, 1248). Был человек по тогдашнему весьма ученый, имел свою типографию, в которой постоянно, в бытность как иеромонахом, так и епископом и митрополитом, усердно занимался печатанием греческих книг (см. *ibid*; известна и одна славянская, напечатанная им, книга, см. Роспись славянских книг Каратаева № 1208, стр. 155). Возбудив против себя гнев известного своей ужасной жестокостью воеводы Николая Маврокордато, в конце 1716 г. был с позором низведен им с престола и осужден на заточение, а потом во время пути к сему последнему, вероятно, по его же приказанию, был умерщвлен сопровождавшей турецкой стражей (см. Когальничана Histoire de la Valachie p. 377 sqq, у Палаузова стр. 138).

23. Даниил. Вероятно, непосредственный преемник Анфима; упоминается в 1719–21 годах (Lequien'a I, 1249).

24 Георгий. Был перед 1736 г. (см. Ельснера Neueste Beschreibung derer Griechen Türckey, Berlin, 1737 г., который писал свою книгу в 1736 г. со слов греческого архимандрита Афанасия Доростама).

25. Стефан. Упоминается под 1736 г. Νεοελληνικὴ Φιλολογία Врето I, № 184).

26. Григорий. В 1770 г. приезжал в Петербург в числе депутатов, отправленных от сословий обоих княжеств благодарить Екатерину II за покровительство, оказанное им со стороны России (Палаузова Государства стр. 146).

27. Филарет. Упоминается перед 1795 г. (Νεοελλην. Φιλολογία Врето I, № 343).

28. Досифей. Упоминается под 1800 г. (см. ново-греческую Кормчую, так-называемый Πηδαλίον, приготовленный к печати в

1703 г. и напечатанный в Лейпциге в 1800 г, стр. 554, в списке подписчиков).

29. Дионисий Волк. Был в тридцатых годах настоящего столетия, в правление первого после фанариотов природного румынского господаря Валахии Григория Гики (который 1822–1828 г.); по прекращении в обоих княжествах вместе с светскими фанариотами власти и духовных фанариотов, подобно князю, возобновил собою ряд митрополитов валашских из природных румынов (известия об этом Дионисии случайно встречены нами в статье одной румынской газеты, перепечатанной в константинопольской болгарской газете Светник, 1864 г. № 35).

30. Григорий. Знаем о нем потому, что упоминается напечатанный им в 1827 г. румынский перевод некоторых слов Иоанна Златоустого (см. *Beschreibung der Moldau und Walachei* Нейгебаура S. 328).

31. Неофит. Был поставлен в 1840 г. (у Нейгебаура *ibid.* S. 329, Палаузова Господарства, 242 и 248).

32. Григорий. Упоминается под 1847 г. (см. Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского, Москва, 1847 г., стр. 2).

33. Нифонт. Упоминается в 1852–1867 годах (см. списки кафедр в Христ. Чт. 1853, I, 358, 1856 I, 119, 1858 I, 152, 1868 I, 711, Ралли и Потли V, 521 и Палаузова Господарства 267).

Кафедра митрополии угровлахийской первоначально, вероятно, находилась вместе с столицей государства в городе Арджисе. После Арджиса, быв перенесена или вместе с столицей государства, или во всяком случае не позднее начала XVI в. (см. Влахоболгар. грамоты Винелина стр. 144 и *cfr.* 163) она находилась в Торговище, в котором оставалась до двадцатых или до тридцатых годов XVIII столетия (в 1715 г. она была еще в Торговище, см. *Νεοελλην. Φιλολογία*н Врето I, № 159, но в 1736 г. уже в Букаресте, *ibid.* I, № 184; в Торговище она была при монастыре Вознесения, см. Влахоболг. грамоты Вепелина стр. 144 и 330). С двадцатых или тридцатых годов XVIII столетия по настоящее время она находится в Букаресте.

О церковной зависимости Угровлахии до 1359 г. или до учреждения в ней своей особой митрополии мы говорили выше.

В 1359 г., получив от патриарха константинопольского особого митрополита, воевода Александр торжественно и клятвенно обещался за себя и за своих преемников, что на будущее время Угровлахия всегда будет признавать власть его – патриарха константинопольского; но это обещание было держано весьма недолго, и между 1389–1394 годами мы находим митрополию угровлахийскую под властью архиепископа ахридского (см. грамоту патриарха Константин. Антония к воеводе Мирче в Acta Patriarchat. Constantinop. Миклошича, II, 230). Отлагавшись в этот раз от патриарха не более как года на три, на четыре, и как можно предполагать – по требованию турок, угровлахи опять возвратились к нему (послание патр. Антония, о котором выше, вероятно относится к 1393–94 году, но ранее сего в 1389 г. и позднее сего в 1396 митрополия угровлахийская была в зависимости от патриарха константинопольского, см. Acta Patriarchat. Constantinop. II, 135 fin., 291)²¹¹; но под 1456 г. снова находим свидетельство, что митрополит угровлахийский был тогда подведом архиепископу ахридскому (см. послание архиепископа ахридского Дорофея к молдовлахийскому воеводе Стефану в Гласнике VII, 179). Относительно последующего времени мы не имеем прямых указаний до половины XVII века. На основании некоторых указаний, не совсем определенных, как кажется, должно думать, что в продолжение XVI и первой половины XVII столетия митрополиты угровлахийские не были подведомы ни патриарху константинопольскому, ни архиепископу ахридскому, а были автокефальными подобно второму из сих последних. В грамотах первой половины XVI в. митрополиты угровлахийские называются «митрополитами-архиепископами» или просто архиепископами (см. Влахоболгар. грамоты Венелина стр. 168, 169, «отцу нашему митрополиту архиепископу Варлааму», «отцу нашему архиепископу квр Янакию»). Имя архиепископа, как говорили мы выше, употреблялось не в одном и том же смысле в западной и в восточной церкви: в западной церкви оно было не более как простым синонимом имени митрополита, употребляясь преимущественно перед сим вторым; в восточной церкви оно имело свое отдельное значение, именно здесь

назывались архиепископами, во-первых, епископы, не подчиненные своим местным митрополитам, а подведомые непосредственно окружному патриарху, – во-вторых, митрополиты, не подчиненные своим окружным патриархам, а за исключением имени и степени патриархов пользовавшиеся в управлении своими диоцедами правами такой же независимости и самостоятельности, как и сии последние. Так как православная Угровлахия была в непосредственном соседстве и находилась в постоянных близких сношениях с католической Венгрией то, конечно, не невозможно предполагать, что имя архиепископа, не означая ничего особенного, начало быть употребляемо угровлахиами в приложении к своим митрополитам просто по подражанию своим католическим соседям (у венгров, как и вообще в западной церкви, из двух однозначущих имен употребительнейшим было имя архиепископа). Но гораздо вероятнейшим и основательнейшим представляется думать, что имя архиепископа было употребляемо ими в смысле не чужой, а своей собственной греческой церкви; а если это последнее, то имя архиепископа, усвоившееся митрополитам угровлахийским, будет представлять с собой доказательство, что митрополиты пользовались правами автокефалии и не признавали себя зависимыми ни от патриарха константинопольского, ни от архиепископа ахридского. Очень может быть, митрополиты присвоили себе право автокефалии сами собой, единственно по согласию с своими государями и без всякой действительной уступки им этих прав со стороны их прежних высших начальников; но дело не в том, какие притязания изъясляли на них другие, а в том, как хотели они иметь себя сами. С восьмидесятых годов XVI века митрополиты угровлахийские вместо митрополитов и архиепископов стали называться архимитрополитами (см. выше). Как говорили мы выше, это по всей вероятности должно быть понимаемо так, что тогда даны были имена митрополитов подчиненным митрополиту епископам и что для него самого изобретено новое имя, чтобы отличить его от последних. Но если это объяснение дела справедливо, то внешний блеск, который придаваем был

этим переименованием подведомых епископов в митрополиты иерархическому положению митрополита угровлахийского, приличествовал единственно только положению митрополита-архиепископа автокефального, и необходимо ведет к тому заключению, что во второй половине XVI века митрополит угровлахийский не находился, или по крайней мере не хотел находиться в зависимости ни от патриарха константинопольского, ни от архиепископа ахридского, и если не был от других признаваем (сfr *Turcograeciae* Крузия p. 197, прим. λβ'), то по крайней мере сам хотел признавать себя автокефальным или совершенно самостоятельным²¹². С половины XVII века, вероятно, быв подчинен одновременно с митрополитом молдовлахийским (см. ниже), митрополит угровлахийский номинально или действительно начал признавать своим высшим начальником патриарха константинопольского, каковым и признает его до настоящего времени (по валашской Кормчей, напечатанной в 1652 г., митрополит угровлахийский есть экзарх патриарха константинопольского, см. *Geschichte der griechisch-orientalischen Kirche in Oestreich*, епископа трансильванского А. Шаруны, *Hermanstadt*, 1862, S. 48, § 26; свидетельство о том же конца XVII в. *ibid.* S. 80, § 16. Зависимость митрополита угровлахийского от патриарха во всяком случае не могла быть большею, чем митрополита молдовлахийского, о котором см. ниже). В настоящее время зависимость митрополита валашского от патриарха состоит в том, что он вообще признает его своею высшею инстанцией на случай дел, превышающих его собственную власть, и что потом в частности, если только не ошибаются наши источники, не иначе как с его утверждения поставляет епископов своей митрополии (см. *Сильбернагля Verfassung und gegenwärtiger Bestand et caet.* S. 139). Что касается до избрания митрополита, то в настоящее время, подобно как и прежде (по крайней мере прежде до начала XVIII в., сfr ниже о Молдавии), оно не принадлежит патриарху. Быв прежде назначаем, вероятно, так же как и в Молдавии, воеводой, в настоящее время он избирается комиссией членов народного представительного собрания (нарочно на сей

случай составляемой) с участием первого класса бояр, и затем, по утверждении князем, от патриарха только признается (Сильбернагль, *ibid.* S. 139).

Что касается до политических прав митрополита и епископов, то все они *eo ipso* суть члены народного представительного собрания, а первый вместе с тем, также *eo ipso*, есть и его председатель (см. Парижской дипломатической конвенции 1858 г. § 18; Сильбернагля *ibid.* S. 139).

Органы епархиального управления в каждой епархии суть:

1) находящаяся при архиерее духовная консистория, 2) окружные протопопы, заведующие белым приходским духовенством епархии (и соответствующие более нашим уездным духовным правлениям, чем благочинным), и 3) окружные архимандриты или игумены, заведующие монастырями (Сильбернагль *ibid.* S. 141 и Нейгебаура *Beschreibung der Moldau und Walachei* S. 204).

Для приготовления к церковным степеням при каждом архиерее находится духовная семинария, с казенным во всех четырех вместе содержанием на 110 человек²¹³ (*ibid.* S. 141).

Подобно всем другим православным странам, не были оставлены заботливостию пап и Валахия с Молдавией. Об их попытках распространить свою власть на первую из сих двух последних нам известно следующее. В 1370 г. папа Урбан V писал послание к воеводе валашскому Ладиславу (Latitzlao)²¹⁴, в котором убеждал его, оставив схизму и все заблуждения, вступить в ограду святой римской церкви; наставников истинной веры папа указывал князю в латинских проповедниках, которых, как говорит папа, находилось тогда в Валахии, в особенности вследствие стараний мачихи Ладислава, вдовы воеводы Александра, Клары, достаточное число (см. послание папы у Райнальда в *Annall. Eccles. an. 1370*, п. 6. О вдове Александра, Кларе, вероятно, католичке по рождению и ревностной католичке по чувствам *ibid. an. 1370*, п. 5). В 1374 г. папа Григорий XI, желая крепче утвердить в вере не задолго перед тем обращенных румынов (вероятно, деятельностию сейчас названных проповедников) и более прочным образом устроить дальнейшую пропаганду, помышлял основать в Валахии особое

католическое епископство; с этою целию он обращался за советом к венгерским архиепископам гранскому (стригониенскому) и колочскому, в каком бы городе назначить кафедру, какие дать епархии границы, какому бы подчинить ее митрополиту и пр. (у Райнальда *ibid.* ап. 1374, п. 9). Но это намерение папы, по всей вероятности, не было приведено в исполнение; по крайней мере о какой-нибудь католической епархии валашской, основанной вскоре после 1374 г., в позднейших известиях нигде нет никаких упоминаний²¹⁵. После Григория XI мы не имеем сведений за целые два столетия, именно до папы Григория XIII в конце XVI века. Знаменитый папский делец иезуит Антоний Поссевино, в 1583 г. быв посылан сим папою в Трансильванию для устроения тамошних церковных дел (для возвращения в недра католичества отпадших от него в протестантство и реформатство тамошних мадьяров и саксов), оттуда ходил, также по поручению папы, и в соседние Валахию и Молдавию (Тейнера *Annales Ecclesiastici* t. III, p. 453). Кроме своей главной заботы (той же самой, что и в Трансильвании, именно – возвращения в католичество отпадших в протестантство молдавских мадьяров и саксов), как необходимо думать, он не преминул сделать, хотя и оказавшихся в первой из двух стран совершенно напрасными, попыток также и относительно унии. Непосредственно вслед за сим обстоятельства повернулись было так, что в Риме, вероятно, поздравляли себя с полным успехом. Поссевино был в Валахии при воеводе Михне II (*ibid.*); сменивший Михну в том же 1583 году, воевода Петр III Черчел сам был усердным поборником того дела, которое безуспешно было пытану иезуитом, т. е. этой унии с папой. Еще в 1579 году, хлопотавши в Париже добыть себе воеводство с помощью французского короля, т. е. чрез посредство его посла в Константинополе, Черчел обращался к папе Григорию с просьбой употребить за него пред королем свои ходатайства, при чем обещал в случае получения престола употребить ревностные старания о введении в своей стране католичества (у Тейнера *ibid.* t. III, p. 85 и 669 fin.). Получив в 1583 году престол на самом деле при содействии короля и папы (Тейнера *Monumenta Poloniae et*

Lithuaniae t. III, p. 93), он не изменил своему слову, что ясно свидетельствуется тем, что от преемника Григориева Сикста V он похваляется как *vir catholicus cumque sancta sede coniunctissimus* (Тейнера *ibid.* t III, p. 2). Но как ни усердны могли быть старания этого Петра в пользу папы, во всяком случае он ничего не мог сделать, потому что его правление продолжалось и всего не более двух лет²¹⁶.

В настоящее время католиков в Валахии до 9 тысяч с половиной (в начале настоящего столетия их было не более тысячи, в 1830 г. 6 тысяч; от чего происходит это увеличение, от прибытия в Валахию западных поселенцев или от успеха католической пропаганды между самими румынами, сказать не можем). Церковными делами их заведует епископ никопольский, которому кроме Валахии подчинена значительная часть северной Болгарии и который имеет пребывание в Бухаресте (см. Neher'a *Kirchliche Geographie und Statistik*, Regensburg, 1805, B. 2, S. 493 и 495).

Митрополия молдовлахийская

Первой открытой в Молдовлахии архиерейской кафедрой была не своя православная, а чужая – римско-католическая. Этим странным началом она одолжена заботам действовавших в Польше монахов францисканских или, как еще они называют себя, миноритов.

После язычников Ливонии и Литвы добравшись до православных состоявшей под Польшей нашей галицкой Руси, миссионеры францисканские не преминули затем распространить свою деятельность и на соседнюю с последней, и также вассальную первой, Молдовлахию²¹⁷. Неизвестно, какой успех (всего вероятнее, весьма слабый или совсем никакого) имели сии в самом молдовлахийском народе, но им удалось склонить к принятию католичества молдавского князя или воеводу Лачко (Laczko)²¹⁸. Чтобы поставить за сим свое дело в стране на возможно твердую ногу, они поспешили испросить у папы дозволение основать в Молдовлахии особую епископию, которая в 1371 г. и была открыта в городе Серете (oppidum Czerethense, Cerethense, см. Тейнера Monumenta Poloniae et Lithuaniae t. I, p. 664 и 660 fin., его же Monumenta Hungariae t. II, p. 99, Райнальда Annales Eccles. an. 1370, n. 7 sqq).

Православные архиерейские кафедры впервые учреждены были в Молдовлахии в 1393–94 г. После неладного начала, ей как будто суждено было и продолжать неладно, и это первое учреждение своих собственных православных кафедр сопровождалось печальными случайностями и довольно продолжительными важными замешательствами. Обо всем деле мы имеем современные официальные записи, но, к сожалению, оно не может быть представлено по сим последним во всей своей полноте и ясности. Оставаясь целой страной совсем без епископов и принужденные довольствоваться только священниками, которых получали из Галиции, румыны молдовлахийские, по всей вероятности, не были довольны подобным униженным положением своим в отношении

церковном. По-видимому, сама судьба хотела придти к ним на помощь: в 1387–88 г. прибыл в соседнюю с ними Венгрию или, может быть, даже и к ним самим (что остается неизвестным) патриарх константинопольский, и по их просьбе или, может быть, даже по собственному вызову (что остается также неизвестным) поставил им своего отдельного епископа. Таким образом Молдовлахия получила было своего собственного епископа; но оказалось, что этот, посвятивший для нее епископа, патриарх константинопольский был самозванец, – он был греческий авантюрист, по имени Павел Тагара (Ταγάρης), и, как следует заключать из того, что в обман его дались не только румыны, но даже французы, – искатель приключений весьма не рядовой (см. о нем в Acta P. C. II, 224, – его собственный рассказ;

у Пихлера в Geschichte d. kirchlich. Trennung zwischen dem Orient und Occident I, 381, – известия, взятые у французского летописца. В Венгрии Тагара был прежде путешественник в Рим, см. Acta P. C. II, 228, а в сей последний он прибыл незадолго до смерти папы Урбана VI, см. у Пихлера *ibid.*, который умер в октябре 1389 г.). Когда обман открылся, патриарх константинопольский Антоний решил, что Молдовлахией имеет заведовать, в качестве экзарха или наместника митрополита галицкого (каковым был с 1371 г. Антоний, см. Acta P. C. I, 578), поставленный было Тагарой в епископы, но потом сложивший с себя епископский сан и произнесший отлучение на своего посвятившего, иеромонах Симеон (что в качестве наместника митрополита галицкого, этого прямо не сказано, но это необходимо подразумевать по связи мыслей, и *cfr* Acta P. C. II, 529), – что в случае, если митрополит умрет прежде его, он имеет наследовать после него кафедру митрополичью (подразумевается: соединяя под собой Галицию и Молдовлахию), а в случае, если наоборот, воеводе молдовлахийскому предоставляется избрать на его место другого управителя дел церковных (Acta P. C. II, 157 fin. sqq, подразумевается: имеющего по-прежнему оставаться наместником митрополита галицкого). Но, не довольствуясь этим решением патриарха, в котором только обещалась под известным условием галицко-молдовлахийская митрополичья

кафедра румынскому кандидату, но не давалось и не обещалось стране особых епископов, молдовлахи обратились к своему, т. е. этому галицко-молдовлахийскому митрополиту, который и дал им двух епископов (Иосифа и Мелетия, *ibid.* II, 241 sqq, 529 sqq). Так как они не искали себе особого митрополита, а желали только подведомых митрополиту галицкому епископов, то сим бы, по-видимому, дело и кончалось. Но когда поставлены были названные епископы, патриарх константинопольский возымел намерение возвести Молдовлахию в особые митрополии. Что заставляло патриарха хотеть, чтобы молдовлахи получили больше, нежели чего сами искали, нигде в актах прямо не сказано, но по всей вероятности побуждением было то желание, чтобы иметь страну в своем непосредственном заведовании: оставаясь только с епископами, Молдовлахия продолжала бы зависеть от митрополита галицкого, а получив своего митрополита, она поступала бы, в качестве митрополии, в непосредственную зависимость от самого патриаршего престола. Не совсем ясным и понятным для нас образом, это желание патриарха навязать молдовлахам то, чего они, по-видимому, сами должны были искать и просить, сделалось причиной довольно продолжительной и серьезной церковной смуты. Когда прибыл к ним поставленный для них патриархом митрополит, они оказывались при своем собственном митрополите с двумя подчиненными ему епископами, т. е. при своем собственном, отдельном от Галиции, церковном управлении; но был ли им лично не по нраву назначенный для них митрополит (грек, по имени Иеремия) или почему-нибудь они вообще не хотели тогда находиться в прямой зависимости от патриарха, только первый по прибытии в страну немедленно был из нее с бесчестьем прогнан, чем и началась помянутая смута. Непринятый митрополит предал молдовлахийских епископов и всю страну церковному отлучению, которое потом подтверждено было и самим патриархом. Вскоре после удаления митрополита, воевода молдовлахийский (Стефан) прислал было в Константинополь своих послов с ходатайством о признании епископов и о снятии отлучения (митрополит прогнан перед

августом 1394 г., Acta P. C. II, 223; посольство молдовлахийское было в Константинополе в мае 1395 г.); но патриарх не внял ни той, ни другой просьбе, и отправив к молдовлахам требование, чтобы были удалены будто бы незаконные епископы, поручил заведование страной, до окончательного решения дела, одному из молдовлахийских протопопов (Acta P. C. II, 241 sqq). Вслед за этим (в сентябре того же 1395 г.), патриарх отправил одного из своих митрополитов для расследования и устроения дела на месте (ibid. II, 256), но и это, как видно из последующего, также ни к чему не привело. Через полтора года, в продолжение которых молдовлахи, вероятно, держались во враждебном отчуждении от не хотевшего уступить им патриарха, к ним прислан был (в январе 1397 г.) для новых попыток к соглашению и для временного заведования их церковью, в качестве патриаршего экзарха, другой греческий митрополит (ibid. II, 278). Но дело тянулось, и страна состояла под отлучением (ibid. II, 494) и еще в продолжение целых пяти лет. Наконец, в 1401 г. воевода Александр, вероятно, вскоре после вступления на престол, отправил в Константинополь к тогдашнему патриарху Матфею I новое посольство хлопотать о достижении мира. Нет записей, чем кончились на этот раз старания, но судя по записи о том, в зависимость от каких условий поставляемо было патриархом удовлетворение обращенных к нему просьб, следует думать, что из двух, поставленных митрополитом галицким Антонием, епископов, остававшийся тогда в живых или, по крайней мере, на кафедре, уже один – Иосиф был признан истинным и законным епископом и был возведен в сан митрополита молдовлахийского (ibid. II, 528 sqq, 532)²¹⁹, и что таким образом в 1401 или 1402 г. была учреждена в Молдовлахии своя особая митрополия²²⁰.

1) Иосиф. Разумею сейчас названного Иосифа, который поставлен был в епископы митрополитом галицким Антонием; как сказали мы, неизвестно положительно, но вероятно, что в 1401–1402 г. он признан был от патриарха законным епископом и вместе молдовлахийским митрополитом. Его кафедра была в городе, который по-гречески назывался Ἀσπρόκαστρον (Acta P. C.

II, 529), что значит белый город, и под которым, может быть, должно разуть нынешние бессарабские Бельцы.

В 1416 г. (в год смерти константинопольского патриарха Евфимия II, который скончался в марте сего года, см. у Дюканжа в *Glossarium'e Graecitatis* под словом ποιεῖν) и неизвестно, сколь продолжительное время после сего, митрополитом молдовлахийским был неизвестный кто-то, которого патриарх константинопольский Евфимий почему-то не хотел признавать законным митрополитом (сколько можно догадываться, потому, что он поставлен был без согласия патриарха, единственно по воле императора), но который был признан таковым от преемника Евфимиева, патр. Иосифа (известия находятся у Сиропула в *Истории Флорентийского собора*, но в том списке сей последней, с которого сделано Крейгтоном печатное издание, они в неполном и поврежденном виде, см. sect. 2, с. 2 sqq и с. 4 fin., – в последнем месте под τὸνεῖρημένον μητροπολίτην Lequien, в *Oriens I*, 1146, понимает митрополита мидийского, о котором немного выше, а не самого молдовлахийского, – неправильно).

2) Анфим. О сем Анфиме, неизвестно когда именно бывшем после Иосифа, упоминает в одном из своих сочинений иеромонах Григорий Мамма, в последствии (с 1446 г.) патриарх константинопольский; именно – он говорит, что этот Анфим принял было монашеское пострижение, но, быв умолен собором, снова возвратился к исполнению архиерейских обязанностей, несмотря на правило церковное, которым это запрещается (см. Lequien'a *Oriens I*, 1252. Не он ли разумеется у Сиропула, и не потому ли Евфимий не хотел признавать его митрополитом, что правило церковное было нарушено по воле императора и против воли патриарха?).

3) Григорий. Быв поставлен в митрополиты молдовлахийские неизвестно когда перед 1435 годом, в сем последнем году находился во Флоренции у папы Евгения, и здесь, приняв католичество (а не приступив только к унии), получил от папы полномочия идти проповедовать его между православным населением королевства венгерского в соседних с сим последним Валахии, Болгарии и Молдавии (см. две

грамоты, данные ему папой Евгением во Флоренции в марте 1435 г., – одну, которой он уполномочивается идти с проповедью в названные страны, у Райнальда ап. 1436, п. 27, – другую, охранную дорожную – *salvusconductus*, у Тейнера в изд. *Monumenta Slavorum Meridionalium* t. I, p. 374). По каким побуждениям и при каких обстоятельствах принял он католичество, остается нам пока неизвестным (мнимый Григорий Цамвлак молдавского летописца Мирона Костина, нет сомнения, есть именно этот, пока таинственный, Григорий, см. статью покойного Н. И. Надеждина в Записках Одесского Общества Ист. и Древн. т. I, стр. 296 fin. sqq).

4) Дамиан. Вместе с послом воеводы молдовлахийского (по имени ὁ Νεάγωυς и с своим протопопом Константином) присутствовал на соборе Флорентийском и был в числе подписавшихся под актом соединения церквей (см. *Sgyropuli Hist. Concil. Florent.*, ed. Breyght, sect. III, с. 2, p. 45 и подписи под деяниями собора Флорентийского). Если действительно не вымышленны деяния константинопольского собора 1450–51 г., то на сем последнем соборе, продолжая оставаться митрополитом молдовлахийским, торжественно отрекся, вместе с другими, от унии флорентийской (см. у Алляция *De perpetua consensione* p. 1387 fin.; сомнения относительно подлинности соборных деяний у Алляция *ibid.* p. 1389, о защите их подлинности в «Истории Флорентийского собора», Москва, 1847, стр. 198 прим. ф²²¹).

5) Виссарион. Умер в 1456 г. (см. грамоту воеводы молдовлах. Стефана к архиепископу ахридскому Дорофею в Гласнике VII, 177 fin.).

6) Феоктист. Упоминается под 1463–1470 годами (в двух грамотах воеводы Стефана IV, из коих одна напечатана в Летописи занятий Археогр. Комиссии, кн. 4, Спб., 1868, отд. II, стр. 4, а другая находится в Собрании молдавских грамот Лукашевича, поступивших в Московск. Румянцевский Музеум, № 10, и в записи на одной писанной в Молдавии богослужебной книге, см. библиотеки бывшей Ундольского № 78, листа последнего об., – январск. служебн. Минея).

7) Феофан. Упоминается под 1568 г. (Сношения России с Востоком по делам церковным, Муравьева, ч. 2, стр. 25).

8) Георгий Могила, родной дядя киевского митрополита Петра Могилы. Упоминается под 1588 г. как незадолго перед тем поставленный в митрополиты (Тейнера Monumenta Poloniae et Lithuaniae t. III, p. 46); был до следующего 1589 года. Вместе с тогдашним молдавским воеводой Петром Хромым изъявлял готовность приступить к унии с папой и, как кажется, был усердным ее сторонником (ibid. p. 46, 49, 50. Молдавский митрополит Георгий, подписавшийся под грамотой константинопольского собора 1590 г., подтверждавшей новоучрежденное русское патриаршество, по всей вероятности, есть этот Георгий Могила, после добровольного или невольного отказа от престола живший в Константинополе, см. предисловие Никоновск. Кормчей л. 24 об.).

9) Анастасий Кримка или Кримкович. В июне 1589 г. писал грамоту к папе Сиксту V, прося у него ходатайства перед польским королем за Стефана, сына воеводы Александра, который (Стефан) искал престола под тогдашним воеводой, названным выше Петром (Тейнера Monumenta Poloniae et Lithuaniae t. III, p. 104 и 165. В грамоте папа между прочим приветствуется: aequali apostolis et cum angelis colloquendi et secundum Deum legem danti ac primum verbum ponenti, canones constituenti juxta rectam viam Dei...magno et illmo papae et caet.). В 1602 г., при воеводе Стефане Томзе, основав им, до настоящего времени существующий, в Буковине монастырь Драгомирна (см. Archiv für Kathol. Kirchenrecht, издаваемый бароном von Moy de Sons и Vering'ом, 1865, 4 Heft, S. 159 прим., где известие заимствовано из Schematismus'a буковинской епархии на 1863 г.). Последнее известное нам упоминание о нем под 1625 г. (см. Строева Описание рукописей Царского № 328, стр. 324).

10) Афанасий. Упоминается под 1630 г. (Сношений с Востоком ч. 2, стр. 107).

11) Варлаам. Упоминается под 1635–1652 годами (см. грамоты воеводы Василия Лупула 1635 и 1651 годов, – первую

в Записках Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. 3, стр. 262, вторую в Херсонск. Епарх. Ведом. 1867 г. № 2, стр. 86, Сношений с Востоком ч. 2, стр. 200, 349 и 356 и ч. 3, рукоп. л. 573, 663 об. и 672 sqq; подписи под соборным деянием 1642 г. против кальвинских глав, усвоившихся Кириллу Лукарису, у Алляция в *De perpetua consensione Eccles. lib. III, cap. XI, § V, p. 1085* и в *Chronicon'e Philippi Cyprii, ed. Hilarii, p. 478*; посвящение дельского издания 1647 г. славянского перевода Фомы Кемписа в Описании старопеч. книг Толстова № 107, стр. 239).

12) Гедеон. В 1655 г. находился у нас в Москве, и здесь вместе с патриархами антиохийским Макарием и сербским Гавриилом давал патр. Никону ответ на его письменный спрос о сложении перстов для крестного знамения (см. в Никоновск. Скрижали «Слово отвещателно к читателем»).

13) Досифей. Упоминается под 1679–1690 годами (см. Икону дел патриарших, по списку Ундольского в Румянц. Музеуме лл. 3 об. sqq, 30 об., 658, Сношения России с Востоком ч. 4, рукоп. лл. 1121, 1127 об., 1202, Полное Собрание Законов № 1324, Карамзина Истории, по изд. Эйнерл. к т. 1 прим. 529); несколько раз обращался в Москву за милостыней (*ibid.*); между прочим, просил и получил от патриарха Иоакима типографские принадлежности для печатания сделанных им с греческого и славянского переводов на волошский язык²²² (в Иконе л. 3 об. sqq и 30 об.; присылал в Москву некоторые из своих переводов с греческого на славянский и других книжных трудов, именно перевод 12-ти посланий Игнатия Богоносца и свои выписки о пресуществлении тела Христова в таинстве евхаристии, и просил из Москвы некоторых, не находившихся в Молдавии, славянских книг, в Сношениях с Восток. л. 1121 об. fin.).

14) Савва. Вероятно, преемник Досифея; упоминается под 1696–1699 годами (Сношений с Востоком ч. 4, л. 1198, *Νεοελλην. Φιλολογία* Врето I, № 130, хризовул воеводы Антиоха Константина 1699 г. в Херсонск. Епарх. Ведом. 1867 г. № 2, стр. 88).

15) Мисаил. Упоминается перед 1716 г. (см. выписку из Синтагматона патр. иерусал. Хризанфа, в *Biblioth. Graec.*

Фабриция t. XIII, ed. Hamburgi, 1727, p. 487, cfr. Νεοελλην. Φιλολογ. Врето 1, № 159).

16) Гедеон. Упоминается под 1721–1736 г. (Lequien'a, I, 1254, Ельснера *Neueste Beschreibung derer Griechisch. Christen in der Türckey*, S. 100).

17) Иаков. Упоминается под 1794 и 1800 годами (см. Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского, Москва, 1847 г., стр. 96 и Новогреческую Кормчую – Πηδαλίον, первое 1800 г. издание, стр. 853, в списке подписчиков).

18) Вениамин. Был в первой четверти настоящего столетия; похваляется как ревностный пастырь и усердный патриот (Палаузова Господарства стр. 153 и 176).

19) Гавриил. Был в неизвестные нам годы между предшествующим и следующим (упоминание о нем в Записках Одесского Общества Ист. и Древн. т. I, стр. 289 прим.).

20) Софроний. Был в 1852 г. (см. Список кафедр в Христ. Чт. 1853 г. кн. I, стр. 359).

21) Вениамин. Был в 1855–1857 г. (см. списки кафедр в Христ. Чт. 1856 г. кн. I, стр. 120, 1858 г. кн. I, стр. 152), и вероятно он же упоминается под 1847 г. (см. Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского стр. 2 и 96),

22) Софроний. Упоминается в конце 1857 г. (Палаузова Господарства стр. 265 fin.).

23) Каллиник. Упоминается в 1867 г. и, вероятно, состоит до настоящего времени (см. список кафедр за 1867 г. в Христ. Чт. 1868 г. ч. I).

Кафедра епископа Иосифа, который в 1401–1402 г. первый возведен был в митрополиты молдовлахийские, как мы сказали выше, находилась в городе, который по-гречески называется Ἀσπρόκαστρον, но под которым неизвестно какой именно должно разуметь из городов Молдавии²²³. В последующее время, вероятно, начиная с ближайших преемников Иосифа, кафедра митрополичья находилась в городе Сучаве или Сочаве, который до половины XVI в. был вместе и столицей государства. Когда именно митрополиты молдовлахийские переселились из Сучавы в новую столицу государства – город Яссы, остается нам неизвестным, но во

всяком случае не ранее XVIII века, потому что о митр. Досифее положительно известно под 1679–1690 годами, что он жил еще в Сучаве (см. Сношений с Востоком ч. 4, л. 1121 и 1127 об.), а о митрополите Мисаиле под 1715 г., что он еще продолжал называться сочавским (Fabricii Biblioth. Graec. XIII, 487. После перенесения столицы государства из Сучавы в Яссы, митрополиты молдовлахийские, оставаясь жить в первой, для торжественных служений в большие праздники приезжали в последние, см. Иерусалимское хождение русского путешественника сороковых годов XVII в., во Временнике Общ. Ист. и Древн. кн. 10, Смесь, стр. 22, cfr. Сношений с Востоком Муравьева ч. 3, рукоп. л. 672).

Титул митрополита молдавского в XVII в. был ὁ Σοτζάβας καὶ πάσης Μολδοβλαχίας καὶ ἑξάρχος Πλαγινῶν (с м. Алляция De perpetua consensione Eccles. p. 1085 fin., и у Карамзина в Истории, но изд. Эйнерл., к т. 1 прим. 529; о XVIII в. у Фабриция в Biblioth. Graec. t. XIII, ed. Hamb., 1726, 487); в настоящее время есть: ὁ Μολδάβιας, ὑπέρτιμος καὶ ἑξάρχος Πλαγινῶν (у Ралли и Потли V, 521).

Епископские кафедры в молдовлахийской митрополии были открываемы постепенно. Из двух грамот воеводы Стефана IV от 1463 и 1470 годов (указанных выше в известиях о митр. Феоктисте) видно, что тогда была только одна кафедра – романская (город Роман или Романи-Вайвар на реке Серете, немного выше впадения в нее р. Молдавы).²²⁴

Когда именно была открыта эта первая кафедра – остается неизвестным, но во всяком случае раньше 1456 г. (см. официалн. документ от сего года в Гласнике VII, 178 fin., где об архиереях молдовлахийских во множественном числе). В грамоте воеводы Стефана V от 1519 г. говорится о второй епископской кафедре – радовской или радауцкой (город Радов или Радауц или Радовец на верхней Молдаве. Грамота в Летописи занятий Археогр. Комиссии кн. 4, стр. 12; укрепляя за епископией одно недвижимое имение, воевода говорит, что имение это есть «даяние предков дедов» его: но так как имение могло быть дано монастырю, в котором находилась епископская

кафедра, и прежде чем была открыта в нем эта последняя, то из помянутых слов и нельзя выводить никаких заключений о давности ее открытия). Не позднее как с сороковых годов XVII в. и во все последующее время епископских кафедр в молдовлахийской митрополии было три: сейчас названные романская²²⁵ и радовская и третья – хушская или гушская (город Хуш или Гуш, Husch, Χουσίον, на юго-восток от Ясс, недалеко от Прута), см. грамоту воеводы Василия Лупула от 1635 г. в Записках Одесского Общества Ист. и Древн. т. 3, стр. 269, подписи под деяниями яесского собора 1642 г. у Алляция в Deperpetua consensione p. 1085 и в Chronicon'e Philippi Cyprii, ed. Hilar. p. 478, молдавские грамоты 1651 и 1699 г. в Херсонск. Епарх. Ведом. 1867 г. № 2, стр. 86 и 88, Сношений с Востоком ч. 3, л. 672, Синтагматийон Хризанфа. – В настоящее время в молдавской митрополии епископских кафедр также три: 1) романская или романивайварская, 2) хушская и 3) нижнедунайская или тульчинская, открытая после 1864 г. (см. списки кафедр в Христ. Чт. 1865 и 1868 г. Радауцкая в австрийской Буковине, см. ниже).

Первое время своего существования митрополия молдовлахийская находилась в зависимости от патриарха константинопольского, именно – положительно известно, что она состояла под его властью по конец собора Флорентийского (который был в 1438–39 г., и присутствовавший на котором митрополит Дамиан, как положительно известно, был поставлен патриархом константинопольским, см. Sgyropuli Hist. Concil. Florent., ed. Creyght., sect. IX, с. 8, р. 260), а если достоверны известия о константинопольском соборе 1450–51 г., – по сей последний год включительно (по известиям, на этом соборе митрополит молдовлахийский, названный выше Дамиан, подал свой голос против Флорентийской унии через митрополита никоидийского, у Алляпия De perpetua consensione p. 1387 fin.). Вскоре после сего, неизвестно когда именно перед 1456 г., она перешла из-под власти патриарха константинопольского под власть архиепископа ахридского (см. послание воеводы молдовлахийского Стефана к архиепископу ахридскому

Дорофею от апреля 1456 г. и ответ последнего первому в Гласнике VII. 177 fin. sqq). Что было причиной перехода, остается неизвестным. Кантемир, неизвестно на чем основываясь, утверждает, что уния Флорентийская, именно – по его словам, когда митрополит молдавский, бывший на соборе Флорентийском, приняв унию с папой, не осмелился возвратиться назад, то Марк Эфесский поставил в митрополиты молдавские своего архидиакона, и так как патриарх константинопольский был тогда униат, приказал ему (новопоставленному митрополиту) за подтверждением на свой сан обратиться к архиепископу ахридскому (который, – как, вероятно, подразумевается у Кантемира, – не принимал участия в соборе Флорентийском, см. Описание Молдавии стр. 363); но эти показания его вообще весьма сомнительны. Соседняя и родственная с Молдавией Валахия на время отлагалась от власти патриарха константинопольского еще прежде собора Флорентийского: очень может быть, что и на этот раз причиной отпадения для обеих стран были обстоятельства вовсе не церковные, а, как прежде для последней, неизвестные нам гражданские или государственные. Что касается до последующего времени, то, по словам того же Кантемира (ibid., стр. 364), до сороковых годов XVII века, до правления воеводы Василия Лупулы (1634–1664) и константинопольского патриарха Парфения I (1639–1644), митрополия молдовлахийская постоянно продолжала оставаться под властью архиепископа ахридского, а при Василии Лупуле, вследствие представлений ему от патриарха, возвращена была под власть сего последнего. Если на самом деле справедливо, что постоянно продолжала оставаться под властью архиепископа ахридского²²⁶, то следует думать, что зависимость была весьма слабой и более номинальной, чем действительной, т. е. что архиепископ не принимал никакого участия в избрании и поставлении митрополитов и нисколько не вмешивался в дела их внутреннего управления, и что все дело ограничивалось простым отвлеченным признанием его со стороны митрополитов как своего высшего начальника. Относительно зависимости митрополита молдовлахийского от патриарха

константинопольского после возвращения молдавской церкви под власть сего последнего положительно известно, что она была такой, какой мы предполагаем зависимость от архиепископа ахридского, т. е. более номинальной, чем действительной. Кантемир о своем времени, конце XVII и начале XVIII века, говорит следующее: «Митрополит молдавский в восточной церкви имеет особливую пред всеми другими честь. Он хотя не носит имени патриарха, но и ни одному из оных не подчинен; ибо хотя благословение на митрополитство приемлет от константинопольского, но не может оным ни избран быть, ни свержен, и не обязан так, как другие митрополиты, ожидать псифона (утверждения в своем сане) от великой константинопольской церкви. Когда он от князя получит себе подтверждение, то три епископа молдавские совершают рукоположение, и уведомляют патриарха письменно, что имярек смиренный, богобоязливый и ученый муж в призвании на помощь Святаго Духа, но не иным каковым от человеческой воли зависящим образом избран. То же делает и князь в особливом к патриарху письме, чего патриарх никаким видом отвергнуть не может, и должен во всем следовать княжеской воле. Впрочем, совсем свободен он и от дани, платящейся патриарху под греческим именем койнотинос кай воифиас (т. е. κοινότηνός καὶ βοήθειας – общения и помощи); не обязан же он никаким законом спрашиваться с патриархом о вещах, предпринятых или предпринимемых молдавскою церковию, но имеет таковую же великую власть в своей митрополии, как охридский патриарх в своей»²²⁷ (ibid., стр. 367). С сороковых годов XVII столетия митрополит молдавский находится под властью патриарха константинопольского по настоящее время; зависимость от патриарха в настоящее время почти так же незначительна, как была и прежде, именно она совершенно такая же, как митрополита валашского (см. выше; политические права митрополита молдавского те же самые, что сего последнего; устройство епархиального управления в молдавских епархиях – то же).

Для приготовления к церковным степеням существует при митрополии молдавской, в монастыре Сокале, одна на все

княжество, духовная семинария с казенным содержанием на 80 человек (см. Сильбернагля *Verfassung und gegenwärtiger Bestand sämtlicher Kirchen des Orients*, S. 142).

Приходское духовенство обоих княжеств до настоящего времени не освобождено от податей своим епископам. В конце XVII и в начале XVIII века ежегодная дань молдавского священника своему епископу состояла из 200 аспр деньгами (около русского рубля) и лисьего или куньего меха (Кантемир *ibid.*, стр. 370 *fin.*)²²⁸; в настоящее время как в Молдавии, так и в Валахии ежегодно взимается с каждого священника в пользу епископа по австрийскому полдукату или около полутора рублей серебром (Сильбернагля *ibid.* S. 144, § 54).

В обоих княжествах 128 мужских и женских монастырей (72 в Валахии и 56 в Молдавии). Из них только 45 собственные румынские, а остальные 83 с своими имениями и доходами принадлежат различным святым местам востока, преимущественно Гробу Господню, т. е. патриарху иерусалимскому, и монастырям афонским (патриарху иерусалимскому принадлежат 9 монастырей в Валахии и 13 монастырей в Молдавии,²²⁹ см. Сильбернагля *ibid.* S. 145 *sqq.*).

Усилия католической пропаганды в Молдавии между собственным румынским населением этой страны были так же безуспешны, как и в Валахии. Мы говорили выше, что была открыта католическая епископия в городе Серете еще в 1371 году.²³⁰ Но при ее учреждении имелась в виду или паства только еще будущая, которую епископы должны были создать себе своей проповедью, или если уже налицо состоявшая, то не из самих румынов, а из мадьяров и саксов, поселения которых находились в Молдавии; по крайней мере, относительно последующего времени (конца XVI в.) положительно известно, что все румыны молдавские принадлежали к греческой церкви, а католиками были только сейчас названные, обитавшие в стране, мадьяры и саксы (см. Тейнера *Monumenta Poloniae et Lithuaniae* t. III, p. 43 *fin.* и 91). Существовав довольно долго, но без всякого вреда для православия румынов, епископия серетская, вероятно, по бедности мадьярско-сакской ее паствы,

не имевшей возможности содержать особого епископа, была закрыта в начале XVII столетия (см. Neher'a Kirchliche Geographie und Statistik II, 153 прим. 1, Lequien'a Oriens III, 1120 fin.). После 1371 г. другая попытка привлечь молдавских румынов под верховную власть папы, и именно посредством унии флорентийской, была сделана в конце XVI века. Мы говорили выше, что иезуит Антоний Поссевин в 1583 г. вместе с Трансильванией и Валахией был послан и в Молдавию (Тейнера Annales Eccles. t. III, p. 454); собственным поручением его было хлопотать о возвращении в католичество отпавших от него в протестантство молдавских мадьяров и саксов; но, по всей вероятности, стараясь достигнуть большего, нежели сколько было поручено, он не преминул обратиться с предложениями унии и к самим православным румынам. Как бы то ни было, только отправленный из Польши в Молдавию через пять лет после него (в конце 1588 г.) иезуит Станислав Варшевицкий, совершенно успев при содействии гражданского правительства Молдавии в первом, с быстрым и решительным успехом вел дело и о втором; тогдашний воевода молдавский Петр IV и тогдашний митрополит сочавский Георгий Могила, по неизвестным нам причинам и побуждениям, изъявили усердную готовность признать, на условиях унии, верховную власть св. седалища (см. Тейнера Monumenta Poloniae et Lithuaniae t. III, p. 43–51, 91 sqq). Таким образом, изменой православию Молдавии предстояло упредить несколько нашу западную Русь; иезуиты помышляли уже о заведении в ней своей семинарии (ibid. p. 45 нач.), а архиепископ львовский Димитрий Соликовский, которому она была поручена папой в высшее заведывание, давал обещание не щадить своих усилий (ibid. p. 92). Но дело, неожиданно быстро доведенное почти до самого конца, столько же быстро разрешилось в совершенное ничто; неизвестно положительно, что было причиной этого последнего, но после 1588 г. нет более о молдавской унии совершенно никаких упоминаний (один из главных двигателей дела, митроп. Георгий Могила умер или оставил кафедру в следующем 1589; что касается до воеводы Петра, то, вероятно, он был охлажден в своем усердии к папе тем, что последний, зовя его под кров

своей власти, в то же время изъявил готовность содействовать в искании под ним престола его сопернику, у Тейнера *ibid.* p. 104 и 165 sqq, – этим двум обстоятельствам, вероятно, и обязаны румыны молдавские благодарностью, что спаслись от унии²³¹. Преемник Георгия Могилы митроп. Анастасий настоятельно приглашаем был папой к признанию римской церкви, *ibid.* p. 165, но, как следует заключать по отсутствию дальнейших известий, совершенно безуспешно). Для возвращенных из протестантства в католичество молдавских саксов и мадьяров в конце XVI или в начале XVII века было открыто епископство в городе Бачове или Бакау (на р. Быстрице, недалеко от ее впадения в Серет, см. Neher'a Kirchliche Geographie II, 239 и 492, Lequien III, 1117 и 1120 fin.); но существовав до половины прошедшего столетия (когда перенесено было в Трансильванию), оно не вело пропаганды или, по крайней мере, не имело в ней успеха. В настоящее время католиков в Молдавии (состоящих из помянутых выше, в настоящее время уже овалашившихся, мадьяр и саксов) считают от 40 до 60 тысяч; ими заведует (с 1838 г.) особый епископ, который имеет пребывание в Яссах (см. Neher'a *ibid.* 492).

Приняв христианскую веру через посредство болгар и находившись довольно долгое время в зависимости от них, румыны валашские и молдавские в продолжение весьма многих столетий имели своим богослужебным и своим письменным языком наш язык церковно-славянский. Первоначально это случилось, нет сомнения, от того, что славянский язык был языком господствующего народа, что греческие богослужебные книги, существовав в славянском переводе, не были переведены на язык румынский, и что, тогда как первый посредством этого перевода сделан был языком письменным, последний оставался еще не приложенным к письменности²³². В последующие времена, без всякой особенной нужды и с величайшим для себя неудобством, румыны продолжали употреблять иностранный славянский язык, конечно, просто по отсутствию энергии на нововведение и вследствие так установившегося обычая. В публичной письменности собственный румынский язык начал быть употребляем

совместно с славянским с половины XVII столетия, со времени воевод – молдавского Василя Лупула и валашского Матфея Бассарабы. Лупул завел типографию для печатания книг на румынском языке в столице своей Яссах, а Бассараба таковую же в Торговище, и в первой в 1646 г. напечатано было на румынском языке, составленное по приказанию того же Лупула, Уложение или книга гражданских законов для молдавского княжества, а во второй в 1632 г. переведенная с греческого на румынский язык книга законов церковных или так называемая Кормчая²³³. Что касается до богослужения, то мы имеем свидетельства, что славянский язык продолжал употребляться в нем до начала XVIII столетия; а затем когда он был заменен румынским, остается нам пока неизвестным²³⁴. Мы не имеем под руками образцов славянского языка богослужебных книг, употреблявшихся в Молдавии и Валахии²³⁵. Но что касается до языка государственных актов, то он не один и тот же в актах первой и второй страны. Румыны Валахии, заимствовав славянский язык от болгар, и в последующее время находились в ближайшем общении с ними же; вследствие этого язык валашских грамот есть испорченный болгарский. Румыны Молдавии, первоначально заимствовав славянский язык от тех же болгар, в последующее время находились в ближайшем общении не с ними, а с нашими червоно- и малоруссами; вследствие этого и язык молдавских грамот не болгарский, а южно-русский (см. Влахоболгарские грамоты, собранные Ю. Венелиным, и в частности речь об этом самого Венелина, стр. 319).

Православная румынская церковь в австрийских – Трансильвании, Банате, восточной Венгрии и Буковине

Трансильвания с Банатом, как мы говорили выше, была отнята у болгар венграми при самом занятии сими последними их нынешней территории, в конце IX столетия. С тех пор, став мадьярской по своему высшему сословию или дворянству и оставаясь преимущественно румынской по своему сельскому населению²³⁶, она находилась под властью Венгрии, сначала недолго в качестве особого вассального княжения, а потом как простое воеводство самого венгерского королевства, до 1538 г. Когда в этом году Венгрия окончательно досталась в руки Австрии, воевода трансильванский Иоанн Заполия, напрасно пытавшийся перед тем овладеть венгерской короной, провозгласил свою область отдельным княжеством, каковым она и оставалась до 1688 г., почти постоянно находившись в это время в вассальной зависимости от Турции, с помощью которой старалась защищаться от притязаний немецких императоров²³⁷. В 1688 г. Трансильвания покорена была австрийцами, после чего в 1713 г., когда умер последний, бывший пред завоеванием ее князь, она восприсоединена была к Венгрии, а в 1765 г. сделана особым, зависимым от последней, герцогством.

Банатом или полнее и точнее Банатом Темешварским называется область, находящаяся между Дунаем, Тиссой, Марошем и границами Трансильвании и Валахии, с главным городом Темешваром. До 1538 г. Банат принадлежал к Венгрии, составляя в ней особое воеводство. В сем последнем году он отделился от нее вместе с Трансильванией; но в 1552 г. он был завоеван турками, под властью которых (быв управляем особыми темешварскими пашами) и находился в продолжение 164 лет. В 1716 г. он был завоеван у турок австрийцами, у которых с 1779 г., подобно Трансильвании, воссоединен с землями той же венгерской короны.

Румыны трансильвано-банатские и венгерские приняли христианскую веру греческого восточного исповедания чрез

посредство болгар одновременно с румынами валашскими. С тех пор они все оставались чисто православными до конца XVII столетия; начиная с конца этого столетия, довольно значительная часть их привлечена к унии, и в настоящее время из 2,250,000 румынского населения указанных земель около двух третей православные и около одной трети униаты²³⁸.

Люд маловедомый, румыны эти представляют собой весьма замечательный пример непоколебимой привязанности к вере своих отцов, несмотря на всю тягость условий, при которых они должны были ее исповедовать. Их православная греческая вера в продолжение целых восьми веков, именно до конца прошедшего столетия (до 1791 г.), не была в указанных землях религией законно признанной и свободной (*recepta*), а только терпимой (*tolerata*)²³⁹, и терпимой не более как настолько, насколько это могло быть угодно правительству в каждое данное время²⁴⁰. Как людей, содержащих веру бесправную, их заставляли и принуждали платить десятину в пользу господствующего сначала католического, а потом кальвинского духовенства²⁴¹; как представители веры бесправной, их священники, быв лишены преимуществ своего церковного сана, обязаны были платить всякие государственные подати, а если служили в приходах, находившихся на землях помещиков, то, кроме того, и всякие оброки сим последним²⁴². Не отличалось особенной терпимостью католическое правительство венгерских королей; но уже с совершенной нетерпимостью действовало потом кальвино-протестантское правительство трансильванских князей (принявших кальвинизм вместе с большинством мадяров Трансильвании в половине XVI в.), которые дошли до того, что подчинили православного митрополита своему кальвинскому суперинтенденту и которые сочиняли и навязывали православным своего рода особенное, близкое к кальвинизму, православие (см. ниже), и при которых можно было выпросить дозволение построить или перестроить церковь только под условием, чтобы православная община обязалась не только платить десятину кальвинскому пастору, что она делала и без того, но также участвовать в содержании кальвинского

школьного учителя и в поддержании кальвинских – пасторского дома, церкви и школы²⁴³. Вообще румыны трансильвано-банатские и венгерские в продолжение целых восьми веков должны были исповедовать православную веру при условиях едва ли даже не более тяжких, чем при каких содержали и содержат ее греки и славяне турецкие. Но несмотря на это, за исключением аристократии или дворянства, которое вело себя совершенно так, как наше дворянство юго-западной Руси под владением Польши, т. е. спешило переходить на сторону народности и веры народа господствующего²⁴⁴ (мадьяров), они постоянно оставались крепко преданными этой непризнанной и унижаемой отцовской вере.

Румыны трансильванские не имели своего собственного высшего духовенства весьма долгое время. Положительно известно, что они не имели своих епископов до конца XIII века (см. Фесслера *Geschichte von Ungarn*, изд. 2, т. I, стр. 488 fin. sqq.); затем, когда именно они получили их, остается пока неизвестным, а первое встречаемое в актах упоминание о них относится к 1479 г. Пока не было своих епископов в соседней и одноплеменной Валахии, румыны трансильванские, как следует думать, получали себе духовенство из одной и той же с последней Болгарии, а также, вероятно, и из соседней на севере нашей Малой Руси, причем недостаток приходских священников, как это бывало при подобных обстоятельствах в других странах и в ней самой в позднейшее время, мог восполняться деятельностью монахов (т. е. иеромонахов), которые, путешествуя по стране, исправляли необходимые церковные требы. После того, как явились свои отдельные епископы в Валахии, священники в Трансильванию, нет сомнения, были поставляемы теми последними, и весьма вероятно, что она была поручена им от патриарха константинопольского в церковное заведование даже формальным образом, именно – что она была причислена к епархии ближайшего к ней митрополита северинского.

Первое известное в настоящее время упоминание об епископах трансильванских, как мы сказали, относится к 1479 г.; именно, в одной королевской грамоте от этого года упоминается

митрополит трансильванский Иоанникий (Iovanichik, у Шагуны S. 23, у Гинтца S. 63). Мы говорили выше, что в Валахии странным образом учреждены были две независимые одна от другой митрополичьи кафедры. С вероятностью можно предполагать, во-первых, что вторая из двух кафедр – северинская сделана была не просто зависимой от первой епископией, а самостоятельной митрополией, потому, что кроме части собственной Валахии ей подчинена была независимая от последней в государственном отношении Трансильвания, – во-вторых, что митрополия трансильванская была продолжением митрополии валашко-северинской, т. е., что кафедра митрополичья перемещена была из Валахии в Трансильванию, а в первой на ее место сделана простая епископия. Ряд митрополитов трансильванских после перенесения в страну или после учреждения в ней митрополичьей кафедры, сколько он известен в настоящее время, есть следующий: 1. Иоанникий, о котором говорили мы выше, упоминаемый под 1479 г. 2. Варлаам, упоминаемый под 1537 г. (у Гинтца S. 15. Под 1494 г. упоминается митрополит не названный по имени, *ibid.* S. 68, у Шагуны S. 30). 3. Стефан 1-й, упоминаемый под 1557 г. (у Шагуны S. 34 нач.). 4. Геннадий, упомин. под 1560 (у Шагуны S. 47 и 149 fin.), и, вероятно, он же под 1577–80 гг. (у Гинтца S. 19, Шафарика *Geschichte d. Südslawisch. Literatur.*, III, 128, № 47 и 280, № 250, и Каратаева *Хронологич. роспись славянских книг*, Спб., 1861, стр. 14, № 76). 5. Орест (Jorest), упоминаемый под 1581 г. (у Гинтца S. 19). 6. Иоанн Прислоп, упомин. под 1595 г. (*ibid.*). 7. Досифей, упомин. под 1597 г. (*ibid.* S. 20). 8. Иоанн, упомин. под 1599 (*ibid.*). 9. Феоктист, упоминаемый под 1609 г. (*ibid.*). 10. Савва, по некоторым – бывший около 1620 г. (*ibid.*) 11. Геннадий (Georgius Bradi), упоминаемый под 1628–41 гг. и называемый архимитрополитом (*ibid.* SS. 20 и 70 и у Шагуны S. 47). 12. Илия Орест (Helias Jorest), преемник Геннадия, после недолгого правления низложенный с престола, по уверению официального акта – за свои преступления, а по другим свидетельствам – за свою твердость в противодействии кальвинской пропаганде (у Гинтца SS. 21 и 70 sqq). В 1645 г. этот Орест приезжал за милостыней в Москву к царю Алексею

Михайловичу и привез удостоверительную о себе грамоту от митрополита и епископов молдавских, которые писали в грамоте следующее: «Свидетельствуем пречестному и светлому зраку царского твоего величества сего архиерея именем Ореста от страны земли угорской, который с детства своего в нашей земле (в Молдавии) в монастыре Путном был воспитан и в степень священства возведен. Когда приключилась смерть архиепископу ардонскому в угорской земле²⁴⁵ и остались волохи без пастыря, просили они себе у короля Ракоцы Георгия²⁴⁶, чтобы дал им себе по воле поставить пастыря, и они избрали себе сего Ореста, которого рукоположил Феофан (ошибка вместо Феофил) митрополит угровлахийский. Через три лета воздвиг ненавидящий добра диавол великого попа королевского (кальвинского суперинтендента) Чулая Георгия²⁴⁷, сущего в ереси лютеранской, как сам король и все угры, и оклеветал сего Ореста перед королем, возведя на него великую неправду; все что у него было отобрали и самого заключили в темницу, где просидел девять месяцев со многими иереями и христианами, не за какую-либо вину, но за веру христианскую, за то, что не хотел совратиться к лютеранству. Видя его твердую веру, дал ему сам король, за двадцать четыре поруки, тысячу талеров, чтобы те деньги вскоре отдать казне королевской и его отпустили собирать деньги для сей уплаты. Пришел он в свой монастырь Путный, где поминаются великие князья московские; там не мог собрать довольно денег, чтобы заплатить долг сей, и посему мы, видевши его бедность и утеснение, сжалились над ним, послали к вашему царскому величеству просить помощи у подножия твоего престола» (Сношений с Востоком Муравьева ч. 2, стр. 347). 13. Стефан Симонович (Stephanus Simonius), вероятно, родом серб, преемник Ореста, правивший с 1643 по 1651 г.²⁴⁸ Из диплома, который дан был этому митрополиту при его поставлении князем Георгием Ракоци, открывается то бедственное и крайне униженное положение, в котором находилась тогда православная церковь в Трансильвании. В дипломе этом между прочим пишется: 1) митрополит обязан принять катехизис, который ему дан (неизвестно какой, вероятно близкий к

кальвинскому), и стараться, чтобы он был принят и другими, и по нему производить обучение детей; 2) совершать крещение, по заповеди Господа нашего Иисуса Христа, простой водой во имя Отца и Сына и Св. Духа, (т. е., вероятно, подразумевается, без миропомазания); 3) Святое причастие преподавать только взрослым, которые обладают совершенным разумом и ведут неукоризненную жизнь; 4) распятию и иконам в церкви не воздавать поклонения, но смотреть на них как на украшение и на напоминание страстей Господних, и учить сему и других; 5) погребения совершать по обычаю кальвинской церкви; 6) никакому священнику или мирянину, который бы захотел перейти к реформатской церкви, не препятствовать в его намерении; 7) митрополит ежегодно имеет держать с священникам собор, но при этом обязан спрашивать совета у реформатского епископа (т. е. суперинтендента) и ему повиноваться; 8) протопопов выбирать с одобрения консистории (православной или кальвинской, не видно) и реформатского епископа, и без согласия сего последнего не отставлять их от должности; 9) при объезде епархии разбирать могущие случиться жалобы вместе с священниками и потом представлять их реформатскому епископу на окончательное решение (у Гинтца S. 72 sqq, у Шагуны S. 38sqq). – Митрополит Стефан перевел на румынский язык Новый Завет, который в 1648 г. напечатан был в столице митрополичьей Карлсбурге²⁴⁹. 14. Даниил, преемник Стефана: в 1655 г. удалился в Валахию (у Гинтца S. 23, у Шагуны S. 40 fin.). 15. Савва Бранкович, из фамилии сербо-венгерских Бранковичей, управлявший в продолжение 26 лет с 1654 по 1680 г. (у Шагуны S. 41, у Гинтца S. 26 и Раича кн. XI, гл. VI, §§ 10 fin. и 20 fin.). Похваляется как один из самых лучших и ревностнейших трансильванских митрополитов; успел выпросить у правительства свободу православному духовенству от податей (впрочем, только на время); не только дозволял, но и поощрял замену в богослужении славянского языка румынским; для приобретения средств к восстановлению монастырей и церквей, разрушенных турками (которые воевали тогда с трансильванским князем), ездил за сбором милостыни в

Россию; под конец правления, вследствие клевет неустанно строившего против него козни трансильванского кальвинского суперинтендента Туффея, был на некоторое время заключен в темницу (у Гинтца S. 26, у Шагуны S. 41 нач. sqq и у Раича кн. XI, гл. VI, § 5 sqq). 16. Иосиф, преемник Саввы, поставленный в 1680 г. (у Гинтца S. 27). 17. Иоасаф, преемник Иосифа, родом грек, поставленный в 1682 г. (у Гинтца S. 27, у Шагуны S. 48). 18. Савва, поставленный в 1684 г. (у Шагуны *ibid.*). 19. Варлаам, правивший с 1687 по 1693 г. (у Гинтца S. 29, у Шагуны SS. 46, 48, 61 sqq, 150). 20. Феофил, поставленный в 1693 г. (у Шагуны S. 48; по Гинтцу – Варлаам до 1690 г., а Феофил с 1692 г., но у Шагуны, кажется, правильнее). Незадолго перед тем (в 1688 г.) Трансильвания покорена была австрийцами, и духовенство католическое, ставшее теперь в ней господствующим вместо реформатского, тотчас же решило приступить к делу о привлечении румынов к унии с папой²⁵⁰; к сожалению, высший пастырь трансильванской церкви не оказался достаточно твердым и неподкупным, – соблазненный обещанием, что в случае принятия унии православный клир совершенно будет уравнен в правах с латинским, митр. Феофил на соборе 1697 г. признал главенство папы и римские догматы²⁵¹. 21. Афанасий, посвященный в 1698 г.²⁵². Почти тотчас же после посвящения вступил в сношения с латинянами об окончании дела об унии, не довершенного за смертью его предшественником, и после непродолжительных колебаний в 1700 г. действительно окончательным образом с частью духовенства и народа принял эту последнюю²⁵³. Переходом в унию митрополита Афанасия, который был в то время вместе и единственным трансильванским епископом, прерывается ряд трансильванских митрополитов, и большинство оставшихся верными православию румынов страны оставались после этого без своих собственных епископов до 1783 г.

Относительно административной зависимости митрополитов трансильванских положительные сведения имеются только начиная с половины XVII века; именно – с этого времени они находились в зависимости и получали посвящение от митрополитов угровлахийских (у Шагуны S. 48 *fin.*; патр.

Хризанф в своем Синтагматоне: «οὗτος – митрополит трансильванский –

ἔχει ἀναφωρὰν πρὸς τὸν μητροπολίτην Οὐγγροβλαχίας λόγῳ πατρὶ ἀρχικῶ καὶ ἐξ ἀρχικῶ δικάιῳ»). За сим, что касается до времен предшествующих, то, по известиям не совершенно положительным, их подчинение митрополитам угровлахийским имело место в 1595 г. (по соглашению князя трансильванского Сигизмунда Батория с воеводой валашским Михаилом Храбрым, у Гинтца S. 19 fin.); а прежде сего, как при отсутствии всяких известий остается предполагать, по всей вероятности они находились в непосредственном ведении самих патриархов константинопольских.

Кафедральным местом митрополитов трансильванских с древнего и до позднейшего времени был город Карлсбург, который прежде назывался по-латыни Alba Julia (в мадьярской латыни Nandor Albensis), по-немецки Weissenburg, по-славянски Белградом, и который в настоящее время у мадьяр называется Karoly-Fejervar (на р. Мароше, см. у Шагуны SS. 23, 32, 41, 47 и другие, у Гинтца SS. 19 fin., 63, 70, 78 и другие).

Что касается до епископских кафедр, которые митрополиты трансильванские имели под собой в самой Трансильвании (за исключением восточной Венгрии, о которой ниже), то известия о них начинаются с половины XVI века. Под 1557 г. упоминается епископия монастыря Fel-Diod (у Гинтца S. 15, у Шагуны S. 34), который принадлежал к округе города Silvas (у Шагуны S. 50, cfr Гинтца *ibid.*, в настоящее время, как кажется, несуществующего или, по крайней мере, неизвестного нам по своему местоположению). Около того же времени упоминается *episcopatus Wladensis* (*sic*, у Гинтца S. 15), под которым, по всей вероятности, должна быть разумеема епископия уничтоженного монастыря Vadu, находившегося близ города Dees (на соединенном Шамоше, немного ниже слияния большого и малого Шамошей) и действительно заставляющего некоторыми памятниками своей древности предполагать существование в нем епископской кафедры (у Шагуны S. 55 fin. sqq). Под 1651 г. упоминается епископ *Bisztranensis* (у Гинтца S. 78), кафедра которого, по

всей вероятности, должна быть полагаема в городе Bistritz, находящемся в северной части Трансильвании (cfr. у Гинтца SS. 71 и 79). Основываясь на титуле митрополитов трансильванских, которые во второй половине XVII в. называли себя митрополитами святой митрополии карлсбургской, (городов или мест) Vadu или Vad, Silvas(Szisvas и Silvasch) и Fogarasch²⁵⁴, Шагуна полагает, что в Трансильвании были три епископии, именно эти Vadu-Fogarasch (S. 49, cfr. ibid. SS. 47 и 150). По Синтагматону Хризанфа, митрополит трансильванский имел под собой в самой Трансильвании двух епископов: τὸν Σιλβὰς, т. е. сильвашского, καὶ τὸν Βανт (sic), что есть, должно быть, одно и то же с Vadu или Vad Шагуны (в последнее время существования митрополии, эти епископские кафедры ее, как кажется, оставались праздными, см. у Шагуны SS. 40 нач., 42, 43, 64, 65, 75, 89, 96, где везде говорится вместе с митрополитом только о протопопах и священниках, и вовсе не упоминается об епископах. Об епархиях куманских, будто бы зависевших от митрополита трансильванского, Шагуна говорит (S. 32, 49, cfr. 21) просто по недоразумению: православных епархий куманских не бывало, а была куманская епархия латинская, которой собственное название есть мильковская и о которой см. выше).

После принятия митрополитом Афанасием в 1700 г. унии с папой, православные румыны Трансильвании оставались без своих собственных епископов, быв формальным образом лишены права иметь их (у Шагуны S. 110), как мы говорили выше, до 1783 г. За получением священников они обращались частью к митрополитам и епископам валашским и молдавским, частью к сербско-австрийскому митрополиту Карловицкому с его епископами²⁵⁵; недостаток священников восполнялся деятельностью объезжавших страну монахов (ibid. 112). В 1761 г., вследствие многократных просьб от румынского православного духовенства и народа Трансильвании к правительству, они поручены были сим последним во временное заведование сербскому будимскому или офенскому (что в Венгрии) епископу Дионисию Новаковичу, а после его смерти (в 1767 г.) его преемнику на будимской кафедре (с 1770

г.) Софронию Кириловичу (см. Шагуны S. 117 и каталог сербских архиерейских кафедр Мушицкого в Гласнике VI, 65 sqq; по Мушицкому, Трансильвания (Ердель) поручена Дионисию Новаковичу не в 1761, а в 1749 г.). В 1783 г., вследствие тех же просьб от румынов к правительству и вследствие представлений Карловицкого митрополита, им наконец дан был свой собственный епископ, которому назначено иметь пребывание в Германштадте (главном городе Трансильвании, который по западно-славянски Сибин, по-мадьярски Nagy-Szeben); при этом определено, что он будет зависеть от карловицкого митрополита и состоящего при нем собора, принимая в последнем участие наравне с другими епископами, но что политические права и преимущества, которыми пользуется сербский народ в Австрии, на него (с его паствой) не распространяются (у Шагуны S. 118 и прим., у Мушицк. *ibid.* стр. 52). Первым епископом был серб Гедеон Никитич, управлявший с 1783 по 1788 г. (*ibid.* S. 118 sqq). Вторым епископом был также серб Герасим Новакович, правивший с 1789 по 1796 г. При нем и вследствие его стараний в 1791 г. православная церковь румынов Трансильвании из терпимой, каковой она была доселе, объявлена признанной или государственно полноправной (*ibid.* S. 120 fin. sqq, впрочем *cfr.* *ibid.* S. 131). По смерти Герасима Новаковича кафедра германштадтская оставалась не замещенной в продолжение 14 лет. В этот промежуток времени румыны трансильванские, желая иметь на будущее время своими епископами не сербов, а природных румынов²⁵⁶, усиленно добивались от австрийского правительства, чтобы епископы не были назначаемы Карловицким митрополитом, а были избираемы самим трансильванским духовенством и из его собственной среды. Старания румынов увенчались успехом, и в 1810 г. трансильванскому духовенству даровано право самому избирать своего епископа, но с тем подтверждением, что этот епископ природный румын по-прежнему будет находиться в зависимости от сербского Карловицкого митрополита (*ibid.* S. 122 sqq, 130). Первым епископом германштадтским из природных румынов был Василий Мога, правивший в продолжение 34 лет, с 1811 по 1845 г. (*ibid.* S. 128sqg). Вторым

епископом германштадтским из природных румынов был поставлен в 1848 г. Андрей (барон) Шагуна (ibid. S. 134 fin. sqq), автор названной выше книжки, по которой мы сообщали сведения о трансильванской православной церкви; оставаясь на своей кафедре до настоящего времени, с конца 1864 года, когда румыны в церковном отношении отделены были австрийским правительством от сербов, он есть румыно-австрийский митрополит (см. ниже).

Для униатов трансильванских после принятия унии митр. Афанасием оставлена была существовать прежняя православная митрополичья кафедра, причем митрополит, переименованный в епископы, подчинен был католическому архиепископу гранскому (у Шагуны S. 105, у Гинтца 103 нач.). В последствии, неизвестно нам – когда именно, кафедра перенесена была из Карлсбурга в Фогараш, и епископы стали называться фогарашскими или фогарскими.

Румынское население восточной части Венгрии с древнего и до позднейшего времени постоянно находилось под церковной юрисдикцией митрополитов трансильванских (см. у Гинтца SS. 63, 68 нач., 71 sub fin., 77, 79, также Синтагматон патр. Хризанфа). В этой части митрополии также были свои епископские кафедры. Первой, и довольно долгое время, как кажется, единственной, кафедрой была здесь кафедра мункачская, основанная не позднее половины XV века. Кафедра эта собственно была не румынской, а русской, – она собственно была открыта и существовала для соседнего с румынским малорусского населения северовосточной части Венгрии; но епископ мункачский в административном отношении был подчинен митрополиту трансильванскому, и как принадлежащий к одной и той же митрополии, он заведовал не только русским населением Венгрии, но и всем или по крайней мере ближайшим к кафедре населением румынским этой последней²⁵⁷. Во второй половине XVII века митрополиты трансильванские именуют себя в своем титуле между прочим архиепископами-митрополитами «Мармароша и епископов Венгрии» (у Шагуны SS. 47, 62 и 150). Так как область Мармарош, находящаяся в той же Венгрии (в углу между

Галицией, Буковиной и Трансильванией, с главным городом Nagy-Szigeth), также имела в то время своего особого епископа (о нем говорит писавший вскоре после сего патр. Хризанф), то епископ мармарошский и еще во множественном епископы Венгрии – это будет не менее, по крайней мере, трех епископских кафедр. В числе сих кафедр не должна быть полагаема мункачская, потому что к тому времени, о котором говорим, ее уже не существовало, – она перестала существовать с 1652 г., а свидетельства об епископах Венгрии относятся к 1689 г. Где искать этих остальных, кроме мармарошской, существовавших в Венгрии во второй половине XVII в. епископских кафедр, остается точным образом неизвестным; Шагуна, во-первых, положительно утверждает, что существовало епископство в г. Гросс-Вардейне или Великом Вараде (по-вейтерски Nagy-Varad), а во-вторых – предполагает, что могло существовать таковое же в г. Бигаре (находящемся в развалинах недалеко на север от Гросс-Вардейна, SS. 49, 150 и 158 прим.). В последнее время существования трансильванской митрополии в венгерской части ее диоцеза была одна епископия, именно – мармарошская²⁵⁸.

Последовал ли епископ мармарошский своему митрополиту, когда митрополит в 1700 г. принял унию с папой, остается неизвестным²⁵⁹; но, во всяком случае, кафедра его была при этом закрыта, и таким образом православные румыны венгерские, подобно румынам трансильванским, остались совсем без своих собственных епископов. После сего, так же как и румыны трансильванские, они обратились к одному из епископов сербских, именно – ближайшему к ним епископу арадскому, к епархии которого были потом причислены и официальным образом со стороны австрийского правительства (у Шагуны S. 152 sqq, список епископов арадских в Гласн. VI, 54 sqq; сербская кафедра гроссвардейнская, о которой упомянули мы выше в примечании, существовала весьма недолго). В первой четверти настоящего столетия, после того как румынам трансильванским удалось исхлопотать от правительства, чтобы на открытую для них кафедру германштадтскую назначаемы были епископы не из сербского, а

из их собственного природно румынского духовенства, с подобной же просьбой обратились к правительству и эти румыны венгерские; именно – так как огромное большинство населения арадской епархии состоит не из сербов, а из румын, то они требовали, чтобы не из первых, а из последних были поставляемы и епископы. Этого они и успели достигнуть в 1829 г. (у Шатуны S. 159).

Совращение венгерских румынов в унию, начатое в 1700 г., когда принял ее митрополит Афанасий, продолжалось после того неослабно, и для униатов, кроме уже существовавшего прежде епископства мункачского, вскоре открыто было (в правление импер. Карла VI, который 1711–1740) другое – гроссвардейнское (у Шагуны S. 151 sqq. Некоторое, вероятно – весьма недолгое, время в начале XVIII в. был особый униатский епископ в комитате мармарошском, у Шагуны S. 111; после комитат этот присоединен был к епархии мункачской. В настоящее время, относительно распределения по местности, румыны северо-восточной части Венгрии на юге по реку Berettyo, текущую недалеко на север от Гросс-Вардейна, все сплошь суть униаты, а румыны восточной Венгрии на юг от названной реки наполовину униаты и наполовину православные, см. Фиккера *Bevölkerung der Oesterreichischen Monarchie*, Gotha, 1860).

История церковного управления у румын банатских весьма краткая. До прибытия в их область сербских переселенцев и до открытия сими последними своих епархий, что было в конце XV – начале XVI века, они, по всей вероятности, не имели у себя собственных епископов. От кого зависели они до этого времени официальным образом, остается неизвестным; но священников они могли поставлять себе в продолжение XIV-XV столетий в соседней и родственной Валахии, а прежде сего также в бывшей им прежде сего соседней Болгарии. После того, как бежавшие от турок сербские переселенцы заняли юго-западную часть Баната и после того, как они открыли у себя епископские кафедры, румыны здешние получили себе епископов в лице этих епископов сербских, в заведовании которых вместе с самими сербами и находились потом во все последующее

время. Епископских кафедр в Банате сербами первоначально открыто было и потом в последующее время постоянно продолжало у них существовать две, именно – вершецкая и темешварская, – о них скажем ниже в истории сербской церкви.

О начале латинской унии между банатскими румынами мы не имеем положительных сведений. Но нет сомнения, что австрийское правительство и латинское духовенство приступили к своим хлопотам об этом, подобно тому как было в Трансильвании и восточной Венгрии, немедленно вслед за тем, как область была завоевана у турок, что было в 1716 г. Униаты здешние до последнего недавнего времени не имели своего особого епископа и находились в заведовании отчасти венгерского епископа гроссвардейнского, отчасти трансильванского Фогарашского (Neher'a Kirchliche Geographie II, 245).

Буковина присоединена к Австрии от Молдавии в 1774 г. Для церковного заведования здешним православным населением (которого общее число триста пятьдесят тысяч с лишком и в котором собственно румынов – до двухсот тысяч) австрийским правительством сохранена была находившаяся в этой части Молдавии епископия радауцкая; только вместо митрополита молдавского подчинена была митрополиту Карловицкому, а в 1786 г. по политическим соображениям перенесена была из Радауца в Черновицы (причем, впрочем, епископ по-прежнему продолжает именоваться радауцким). В этом последнем городе, до 1865 г. продолжав состоять под властью митрополита Карловицкого²⁶⁰, а с 1865 г. состоя под властью митрополита германштадтского, она остается и до настоящего времени (у Шагуны S. 173 sqq).

Трансильванские, венгерские и банатские румыны-униаты до 1850 года были заведываемы двумя униатскими епископами – фогарашским в Трансильвании и гроссвардейским в Венгрии (которые оба зависели от венгерского католического архиепископа гранского). В 1850–53 г. папа открыл для них еще две кафедры, именно – шамош-уйварскую в Трансильвании (г. Шамош-Уйвар на р. Шамоше, на северо-восток от Клаузенбурга или Колочвара) и лугошскую в Банате (г. Лугош на р. Темеш, на

восток от Темешвара), и, возведши епископию фогарашскую в митрополии (в 1854 г.), образовал из нее с тремя названными епископиями особый митрополичий округ (Neher'a Kirchliche Geographiell, 244 sqq). К этим четырем епархиям должна быть еще отчасти причисляема русско-униатская епархия мункачская или унгарская, так как население принадлежащего к ней комитата мармарошского на 20 процентов состоит из румынов. Митрополит фогарашский имеет пребывание не в Фогараше, а в находящемся не очень далеко на северо-восток от Карлсбурга, на р. Küküllö, городке Balasfalva или Blasendorf, куда кафедра довольно давно была перенесена его предшественниками (у Neher'a ibid.).

Мы говорили выше, что православные румыны трансильванские в конце прошедшего столетия начали добиваться у австрийского правительства, чтобы к ним назначаемы были на архиерейские кафедры не сербы, как это было прежде, а природные румыны, и что им удалось достигнуть своего желания в 1810 г. В недавнее время они обратились к правительству с новой просьбой, именно – чтобы оно совсем отделило их от сербской митрополии карловицкой и образовало для них свою особую митрополию румынскую. Не знаем, было ли это желанием всего или большей части румынского трансильванского народа, или только домогательством некоторых отдельных лиц в видах своего собственного честолюбия (в чем обвиняют некоторые бывшего епископа гфрманштадтского, в настоящее время митрополита румынского, барона Андрея Шагуну); как бы ни было, только в 1884 г. австрийское правительство, имевшее тогда нужду расположить в свою пользу румынов (см. *Annuaire des deux Mondes*, XIII, 1864–1865, 540), благосклонно приняло их просьбу и действительно открыло требуемую митрополию. В митрополиты возведен был, с титулом митрополита всего обретающегося в австрийских державах румынского народа и архиепископа германштадтского, помянутый выше Андрей Шагуна. Митрополичий округ его был образован из четырех епархий – трех существовавших прежде: арадской и великоварадинской, буковинской и далматинской, и

четвертой вновь открытой – каран-себешской²⁶¹, которая отделена была от епархий темешварской и вершецкой (см. списки кафедр в Христ. Чтен. 1868, май, стр. 724, cfr. таковые же списки за 1864 г. *ibid.* 1865, февраль, стр. 162; епархия далматинская есть не румынская, а сербская, – почему она отнята у сербского митрополита Карловицкого, вероятное объяснение см. ниже в истории сербской церкви. Несмотря на все наши поиски, мы не могли ни у кого в Москве найти статьи или книжки, в которой бы обстоятельно излагалась история этого отделения румын от сербов, и наши сведения о нем пока весьма поверхностные. Кроме указанной выше книжки *Annuaire*, см. еще в Современной Летописи Московских Ведомостей 1865 г. № 12, стр. 11, col. 3).

Краткий очерк истории Сербской Православной Церкви

Государственная история Сербии

В общем делении славянских народов на две большие группы или половины сербы принадлежат к одной и той же с нами группе так называемой юговосточной. В самой этой группе ближайшие родичи их суть хорваты и словенцы, с которыми они то же, что мы – великоруссы с белоруссами и малоруссами, т. е. представляют собой частнейшие подотделения взятого как целое одного из больших племен, из которых образуется группа.

Первоначальным местом жительства сербов, по свидетельству Константина Порфирогенита, была страна, называвшаяся у них Боики (Boiki) и находившаяся на севере от Венгрии, в соседстве с владениями франков и с великой или белой Хорватией, из которой вышли на свое настоящее место жительства хорваты (De administer. Imper. С. 32 в Memor. Pop. II, 151 sqq), что, по весьма вероятному мнению Шафарика, есть нынешняя Галиция, в восточной части которой по течению Днестра и до сих пор живет малорусское племя называемое Бойки (Древн. II, I, 401 sqq. По Бандке, эту белую Хорватию в IX в. составляли малая или краковская Польша и большая часть Силезии и верхней Венгрии, см. Истории государства польского, в русск. перев., Спб., 1830, т. 1, стр. 68 и 69. О народе хорватах, живших где-то в соседстве с Россией и ори Олеге бывших в зависимости от нее, см. нашу древнюю Летопись в Полн. Собр. Летоп. т. 1, стр. 5 fin., 12 под 6415 г. и 52 под 6500 г.). В первой половине VII столетия часть сербов под предводительством одного из двух бывших у них князей братьев оставили эту свою первородину и, прибегнув с просьбой о новом поселении к греческому императору Ираклию (610–641), получили от сего последнего местность в южной Македонии, в округе города Солуни, там, где находится названный по их имени город Сербия (лежащий верстах в 25 на юг от Веррии, на притоке впадающей в Солунский залив р. Индже-Карасу и Быстрицы). Прожив здесь весьма недолго, они решились было возвратиться назад, но, дошедши до Дуная, снова передумали, и вследствие новой просьбы поселены были тем же императором Ираклием в

незадолго пред тем опустошенных аварами областях Иллирика, рядом с немного раньше их пришедшими их единоплеменниками хорватами (Constant. Porphyrog. De administr. Imper. с. 32, в memor. Por. II 151 sqq; cfr Шафарика Древн. II, I, 392 sqq). На этом втором месте поселения, которым обнимается часть нынешнего княжества Сербии, нынешние Черногория и Герцеговина и большая часть нынешней Боснии, они и остаются до настоящего времени (так как южная приморская полоса местности, занятой сербами, по частнейшему разделению Иллирика принадлежала к Далмации, то у византийских писателей они иногда называются далматами; по древнейшим жителям северо-восточной части их местности Трибаллам, они весьма часто называются у тех же писателей трибаллами; взятое все вместе племя сербско-хорватское, поскольку населяет большую часть древнего Иллирика, называется у исследователей племенем иллирским).

Эти поселившиеся в Византийской империи сербы, как целый народ, распадались на несколько отдельных мелких племен, которых Константин Порфирогенит (959 г.), не противореча позднейшим свидетельствам и самых сербских памятников, поименовывает пять: 1) племя собственно так называемых сербов, к которому кроме населения самой Сербии принадлежали также и жители Боснии (De administr. Imper. cap. 31 и 32 fin., в Memor. por. II 151 sqq; 426), и первоначальными границами области которого были: на западе – р. Вербас от истоков до впадения в Саву (а далее была Хорватия); на севере – р. Сава приблизительно до двух третей своего течения в нынешней Сербии или до впадения в нее Колубары, и потом черта, проведенная с Савы на соединенную Мораву параллельно Дунаю, неизвестно в каком расстоянии от сего последнего (а Белград с его округом и все побережье Дуная, принадлежав попеременно грекам, болгарам и венграм, достались сербам только уже в XIV веке); на востоке – соединенная и потом болгарская Морава приблизительно до нынешней границы княжества сербского (а нынешняя восточная половина этого княжества между Моравой и Дунаем попеременно принадлежала тем же и досталась сербам не

ранее как тогда же), а затем нынешние восточные границы княжества сербского и Боснии; на юге – южная граница Боснии от Албании, северная граница Черногории и потом южная граница Боснии от Герцеговины до тех пунктов на р. Наретве или Наренте, которые против верховьев Вербаса; 2) племя захлумцев или захоумцев (и область Захлумия или Захумия), занимавших всю восточную половину нынешней Герцеговины, начиная от реки Наретвы или Наренты, за исключением того небольшого угла на юго-востоке, который находится между Черногорией, австрийской Далмацией и городом Требинье, а также и прилегающую к этой части Герцеговины полосу сейчас названной австрийской Далмации, начиная с юго-востока от Рагузы (но не с ней самой, так как она никогда не принадлежала к сербским владениям) и по город Стагно или Стон включительно (ibid. сарр. 30 и 33, в Memor. Рор. II, 405, Шафар. Ibid. II, I, 434); 3) крошечное племя травунян и конавлян (τερβουνιατῶν καὶ καναλιτῶν, и область Травуния и Конавле Τερβουνία καὶ Καναλή), граничивших с захоумцами с юго-востока и занимавших область, находившуюся между городом Требинье (со включением его самого), границей Черногории (с присоединением может быть некоторой полосы и от нее самой) и между городами Каттаро (κάστρον τῶν Δεκατέρων) и Рагузой (ibid. сарр. 30 и 34 в Memor. рор. II, 408, Шафар. II, I, 444); 4) племя поганов или неречан (Ἀρεντανῶν, и область Погания или Неретва – Ἀρέντα), занимавших, во-первых, на юг от захоумцев не широкую полосу адриатического побережья от Стагно или Стона по городок Макарску включительно и немного не доходя до городка Имоски или Имосхи (древнего Имота, на северо-запад от Макарска на границе с Герцеговиной, который принадлежал хорватам), потом на север отсюда и на запад от захоумцев по ту сторону р. Неретвы – всю или большую часть нынешней западной (занеретвской) Герцеговины и наконец владевших четырьмя прилежащими к берегу островами, именно – Курчолой (по итальянски Curzola), Млитом (Mileda), Брачем (Brazzo) и Гваром (Lezina, ibid. сарр. 30 и 36, в Memor. рор. II, 411, Шафар. ibid. II, I, 438); 5) племя диоклейцев или дуклян (и область Диоклея

или Дукля, называвшаяся у сербов также Зентой иди Зетой), занимавших нынешнюю Черногорию и прилежащую к сей последней с востока неширокую полосу турецкой Албании, на море не включительно по города Антивар, Дульчинье и Алессио (слав. Бар, Ольгун и Леш, *ibid.* сарр. 30 и 36, в *Memor. pop.* II, 416, Шафар. *ibid.* II, I, 448).

После того как жизнь племенная перешла в жизнь государственную, среди этих пяти племен образовались три особые государственные владения – два в племени собственно так называемом сербском и одно из племени захолмского, именно: 1) великое княжество (по-сербски великое жупанство) и потом королевство и царство собственно так называемое сербское, восстановленным продолжением которого служит нынешнее княжество того же имени, 2) великое княжество (по-сербски великое банство) и потом королевство боснийское, 3) великое княжество (и просто княжество, так и по-сербски) захолмское или холмское, получившее в позднейшие времена (в половине XV века) с присоединенными к нему Паганией и Травунией название Герцеговины. Что касается до остальных трех племенных областей, то Пагания или Неретва отчасти была завоевана венецианцами (приморская береговая полоса), отчасти (вся остальная) присоединена была к Боснии, от которой незадолго до турецкого порабощения отошла к Захолмии; Травуния, до времен государственных постоянно зависевшая от Сербии (*Constant. Porphyrog.*), в эти последние времена постоянно принадлежала к той же Сербии (см. *Monumenta Serbica* Миклошича р. 117) и от нее перешла к Захолмии около одного времени с Латанией; Диоклея или Дукля постоянно была областью сербской почти до самого падения сербского государства (а после сего образовала из себя нынешнее независимое княжество черногорское, о котором ниже будет сказано особо).

История Сербии – так мы будем постоянно называть государство в теснейшем смысле сербское – остается крайне плохо известною за целые пять первых веков, до самого, так называемого собирателя сербской земли, Стефана Немана включительно. Оставляя в стороне весьма ненадежные

повествования хорватских и совершенно баснословные хитросплетения позднейших сербских летописцев (древних нет), мы передадим представляющиеся наиболее достоверными, хотя и не в желаемой степени полные, известия летописцев византийских. О первых сербских великих князьях, называвшихся у них великими жупанами, начиная неизвестно которым преемником того князя, который пришел с народом в империю (начиная μετὰ χρόνου τινός после него), сообщает импер. Константин Порфирогенит. Эти князья суть:

- 1) Вышеслав.
- 2) Родослав, сын Вышеслава.
- 3) Просигой (Προσίγιος), сын Родослава.
- 4) Властимир (Владимир), сын Просигоя. С ним неудачно воевал Пресиан, князь болгарский. Все четверо признавали себя данниками греческих императоров.
- 5) Три сына Властимировы: Мунтимир, Строимир и Гоиник (Γοίνικος). С ними неудачно воевал сын Пресиамов Борис, князь болгарский. Скоро открылось между братьями междоусобие, и изгнав двоих, остался один
- 6) Мунтимир.
- 7) Первослав (Πριβεσθλάβος), старший сын Мунтимира, занявший престол после смерти отца и правивший один год.
- 8) Петр, сын Гоиника, управлявший в продолжение 23 лет, бывший современником и признававший себя данником греческого императора Льва Мудрого, в 917 г. посредством коварства захваченный враждовавшими на него болгарами и умерший у сих последних в темнице.
- 9) Павел, сын Брана, второго сына Мунтимирова, посаженный болгарами, правивший в продолжении 6-ти лет и низверженный теми же болгарами.
- 10) Захария, сын Первослава, посаженный болгарами, но своею привязанностью в грекам навлекший на себя гнев болгарского царя Симеона и бежавший от его войск к хорватам.
- 11) Чеслав, сын Клонимира, сына Строимирова, занявший престол спустя семь лет после бегства Захарии, вероятно, вскоре после смерти Симеона (927), который, прогнав Захарию, держал страну в своей власти; признавал себя данником

греческого императора и искал его покровительства и приязни (De Administr. Imper. с. 32, в Memor. por. II, 153 sqq); судя по тому, что Константин Порфирогенит на нем кончает, следует думать, что он еще был жив в то время, как последний писал свое сочинение «Об управлении государством», в котором сообщаются известия о сербах, а сочинение это написано не ранее 945 года (см. у Круга в Chronologie der Bizantier S. 265 прим.).

Относительно второй половины X столетия у византийских летописцев нет совершенно никаких упоминаний. Из того обстоятельства, что в правление болгарских царей Петра и Самуила (или может быть только одного Самуила) Сербия находилась под церковною властью архиепископа болгарского (см. выше в истории болгарской церкви), следует заключать, что она состояла тогда в вассальной зависимости от Болгарии и в отношении государственном.

С первой половины XI столетия у византийских летописцев читаются известия – сначала у позднейшего Кедрина, а потом у современных – Скилицы, Анны Комненой, Киннама и Никиты Хониата. По ним –

12) Владимир. Под 1015 г. Кедрин сообщает, что этот Владимир, зять болгарского царя Самуила, владевший Трибаллией (т. е. Собственно так называемой Сербией) и соседними частями Сербии, был человек миролюбивый и добродетельный, и что он был коварно умерщвлен болгарским царем Иоанном Владиславом (Memor. por. II, 161 и 638. Этот Владимир признается в числе святых; по другим известиям, он был удельным владетелем Диоклеи и Травунии, см. в Annus. Eccles. Мартынова под 22 мая, позднейшую легенду см. в Albanesische Studien Гана S. 82 fin.).

Между 1015 и 1034 годами, неизвестно когда именно, но вероятно одновременно с болгарскими в 1019 г., сербы покорены были греками и страна их была вверена управлению греческого императорского наместника. В 1034 г., после смерти импер. Романа Аргиропула, они свергли было иго, но в 1036 г. были снова ненадолго покорены (Кедрин, в Memor. por. II, 161, § 20 sqq; под τὰ ἐν Σερβίῳι φρούρια у Кедрина, в Memor. por. II,

161 и 646, по всей вероятности, разумеются крепости не страны Сербии, а южно-македонской области того же имени).

13) Стефан Боислав. В 1038 или 1039 году свергнув иго греков, в продолжение следующих трех лет с успехом отражал их нападения (Кедрин, в Мемор. рор. II, 162 sqq), а после этого, вероятно, был оставлен ими в покое.

14) Михаил, сын и преемник Воислава. Вступил на престол в 1050 г.; в начале правления хранил мир с греками (не признавая себя их данником), но в 1071–73 г. помогал болгарам в их неудавшейся попытке свергнуть греческое иго (Кедрин и Скилица, в Мемор. рор. II, 165sqq, 661 fin. sqq), после чего сам император искал привлечь его к дружбе посредством грамот и даров (Анна Комнена, в Мемор. рор. II, 166 fin., – Михаил называется после Бодина, которому он был отец, конечно, по ошибке). Неизвестно с какого времени своего правления был в сношениях и церковном союзе с папою, от которого получил королевский титул (см. послание к нему папы Григория VII от января 1078 г. в Патрол. Миня т. 148, стр. 498, у Барония под помянутым годом, в Kalendaria Ассемани V, 20; из послания, в котором не дается ему королевский титул, а уже называется он королем – гех, видно, что он получил его прежде 1078 г.; что касается до его церковных отношений к папе, то последний называет его – Carissimus B. Petri filius).

15) Константин Бодин²⁶², сын и преемник Михаила (Скилица, в Мемор. рор. 665, § 199). В 1071–73 г., быв выпрошен у отца возмущившимися против греков болгарами, неудачно добивался болгарского престола (ibid. 661 fin. sqq); вступил на свой сербский престол после смерти отца в 1084 г. и, сидев на нем в продолжение 26 лет (до 1100 г.), вел частые, хотя и не всегда удачные, войны с греками.

Одновременно с Бодином, центр владений которого составляла Диоклея, под 1084–1105 годами у византийских летописцев упоминается Волкан, правивший в восточной части Сербии (Анна Комнена, в Мемор. рор. II, 168 нач. sqq). Его отношения к Бодину у летописцев совсем не определяются, но, как кажется, быв по имени удельным князем, в действительности он был совершенно самостоятельным (cfr ibid.

170, § 33 и 173 fin.). Оу также вел с империей частые, и также не всегда счастливые войны (ibid.).

После Бодина и Волкана в продолжении 50 лет у византийцев нет обстоятельных упоминаний о сербских владетелях. Промежуток этот восполняет жизнеописатель Стефана Немани его сын Стефан Первовенчанный, из показаний которого открывается, что вслед за Бодином и Волканом сербской землей владели отец и братья отца или дядья Стефана Немани. Об отношениях этих последних к двум первым (Бодину и Волкану) положительного ничего неизвестно, но, как необходимо думать, они были сыновьями и преемниками второго (Волкана) и усвоили верховную власть своему дому тем, что одолели преемников первого. Вероятно, быв старшим между братьями, великим князем был отец Немани; в начале правления (пред 1113 г.) он сгоняем был с престола восставшими против него братьями, но скоро опять успел на него возвратиться²⁶³. До какого именно года он правил (может быть и еще быв сгоняем братьями с престола), остается неизвестным; за ним следуют его сыновья:

16) Вакхин или Бакхин (Βακχίνος), иначе Примислав, (т. е. вероятно Первослав, –Πρίμοσθλάβος в нынешнем тексте вместо Приεσθλάβος). Неизвестно когда вступив на престол, в 1158 г. воевал с греками, но потерпел совершенное Поражение, и с величавшими унижениями испросив у императора мир, признал себя его данником (Киннам и Никита Хониат, в Метог. рор. II, 175 sqq); вскоре после этого пытался было отложиться от власти греков, но неуспешно (ibid. II, 783 sub fin.), и в 1156 г. за свою постоянную неверность лишен был императором великокняжеского достоинства (ibid. II)²⁶⁴.

17) Белуш, называемый еще Урошем, и следовательно иначе Бела-Урош, брат Примислава. Быв поставлен императором на место сего последнего, был согнан с престола народом, который передал власть младшему брату Деже. Быв восстановлен императором, правил весьма недолго и, добровольно отказавшись от престола, удалился в Венгрию (в 1159 г.), в которой и оставался до конца своей жизни²⁶⁵.

18) Дежа (Δέσς), по другому и обыкновенному имени Стефан Неманя, младший брат Примислава и Белуша, собиратель сербской земли и родоначальник фамилии, правившей после него в продолжение двух столетий²⁶⁶. Как сейчас упоминали мы выше, быв поставлен народом на место Белуша, принужден был возвратить ему власть по приговору императора; после удаления Белуша в Венгрию, снова успел занять престол под условием неизменной покорности императору (Киннам, в Метог. рор. II, 185). Главной задачей государственной деятельности Немани в его долголетнее правление было – свергнуть иго греческое и водворить в раздробленной на уделы стране единодержавие; не вдруг он успел в том и другом. Свое стремление отложиться от власти греков он заявил тотчас же как во второй раз занял престол после Белуша; но не будучи сначала достаточно сильным, чтобы отражать их притязания посредством оружия, или терпев в попытках к этому неудачи, он побывал и в заключении в Константинополе (Киннам, в Метог. рор. II, 185 sqq) и бывал в необходимости для усмирения гнева императора «растягиваться перед ним во всю длину своего огромного роста» (Хониат, *ibid.* II, 191, ed. Paris. p. 104, – μέγας μεγалоῖ τεταμένος). В последние годы правления он не только был совершенно независим от греков, но даже и несколько расширил на их счет свое государство. Что касается до единодержавия, то Стефан достиг его тем, что после более или менее продолжительной борьбы (подробности которой известны весьма недостаточно) он прогнал с уделов и из страны всех своих братьев (см. его жития, написанные – Стефаном Первовенчанным в Памятниках древней письменности южных славян Шафарика стр. 4 sqq, и иеромонахом Дометианом в изд. Даничича, Белград, 1865, стр. 6 sqq, 13 fin. sqq, sfr Хониата в Метог. рор. II, 191; впрочем, прогнав братьев, он дал после уделы сыновьям, и собственно единодержавие начинается уже несколько после него). Правив весьма долгое время (считая, по всей вероятности, от вторичного восшествия на престол после Белуша, 37 лет, см. его житие, написанное Св. Саввой, в Памятниках Шафарика стрр. 2, 3 и 14) и достигнув весьма

глубокой старости, в 1195 г. он передал престол старшему сыну, после чего постригся в монахи (с именем Симеона) и удалился на Афон к младшему сыну, где в построенном ими обоими Хилендарском монастыре, будучи 87-ми лет, и скончался в 1200 году (житие, написанное Саввой, *ibid.* стр. 14).

Будучи первым единовластным государем сербским, Стефан Неманя первый же положил начало и расширению границ сербского государства. До него границы эти были следующие: на западе – западная граница нынешней Черногории со включением округа требиньского (так как Диоклея с Травунией и прежде принадлежали к Сербии) и потом восточная граница Боснии (р. Дрина отделяла Сербию от Боснии и в древнее время, *Метог. рор.* II, 177); на севере черта, проведенная с нижней Савы параллельно Дунаю до соединенной Моравы, неизвестно на каком расстоянии к югу от второго (потому что город Белград с его округом принадлежал грекам, *ibid.* III, 648 нижний текст *sqq.*, 655 нижний текст, 672 нижний текст, и другие); на северо-востоке – соединенная и болгарская Моравы до впадения в последнюю Нвшавы, и потом левый берег Нишавы, неизвестно как далеко вверх выше Ниша (город Браничев с своим округом, находившийся за правым берегом соединенной Моравы, и город Ниш, находящийся на правом берегу Нишавы, принадлежали грекам, а часть области нишавской, по левому берегу нижней Нишавы, Принадлежала сербам, *ibid.* и II, 176, 185); на востоке – черта, проведенная с Нишавы на болгарскую Мораву или к месту самого впадения, или немного выше впадения в последнюю Топлицы, и потом продолженная по более или менее прямому направлению на северозападный угол Косова поля на городок Митровицу (река Топлица с своею областью принадлежала сербам, см. в житиях Стефана о построенных им на сей реке монастырях; бывший недалеко на запад от Митровицы сербский город Звечан лежал на самой границе между Сербией и Грецией, *Метог. рор.* II, 170 *fin.*); на юго-востоке – река Ибар вверх от Митровицы до своих истоков, потом черта, проведенная отсюда на верховья Лима (текущего в Боснию и впадающего в Дрину), и наконец прямая черта, проведенная с верховьев Лима на нижний

соединенный Дрин; на юге – черта, проведенная с нижнего соединенного Дрина на юго-восточный угол нынешней Черногории, и потом южная граница сей последней (а приморские города на юге от Черногория принадлежали грекам). Приобретения, сделанные Стефаном Неманей, состояли в следующем: во-первых, он возвратил от греков Диоклею или Дуклю, иначе Зету, которая, быв исконною частью сербских владений, перед ним и в начале его правления, как свидетельствуют его жизнеописатели (Стефан Первовенч. в Памятниках § VII и Дометиан в изд. Даничича стр. 23, *cir* Memor. ror. II, 188 и 190 *fin.*), «была насиллована от рода греческого»; во-вторых, в собственном смысле или впервые он приобрел – будем перечислять начиная с юга – приморскую полосу, лежащую на юг от нынешней Черногории со всеми находившимися здесь городами по город Котор или Каттаро на западе включительно; на северо-востоке и на востоке от воссоединенной Диоклея или Дукли – албанскую область, называвшуюся в древнее время Пилотом, а в настоящее время называемую Пулати и лежащую по правому берегу соединенного Дрина; на северо-восток отсюда – область Хвостно, находившуюся на реке Быстрице, впадающей в верхний Белый Дрин, где город Ипек или Печь и монастырь Дечанский (см. Речник Даничича), и область Подримье, лежащую между левым берегом Белого Дрина и Косовым полем (см. Записки Географич. Общества кн. XIII, стрр. 216 и 221), не доходя в сей последней на юго-востоке до города Призрена, который оставался за греками (*Monumenta Serbica* p. 6 *нач.*); на северо-востоке отсюда несколько жуп или волостей, обнимавших большую часть местности Косова поля, но не захватывавших посередине его к северо-востоку города Приштины, который принадлежал болгарам; на востоке отсюда область Поморавье, прилегавшую к левому берегу верхней болгарской Моравы; наконец, в северо-восточном углу государства – юго-западный небольшой угол области браничевской между соединенной Моравой и верхней Млавой и ту часть области нишавской, которая находилась за правым берегом р. Нишавы, за исключением однакож самого города

Ниша, который несомненно принадлежал болгарам²⁶⁷ (после Немани при Стефане первовенчанном сербы владели в Браничеве жупой или волостью Хвостно, которая на верхней Млаве, Monumenta Serbica p. 12 нач., cfr Родослов стр. 117, а в северо-восточном углу области нишавской границу Сербии от Болгарии составлял городок Равный, находящийся на Тимоке, верстах в 70 на северо-восток от Ниша и верстах в 10–15 на север от Княжевца, см. написанное Стефаном первовенч. житие Немани в Памятн. Шафар. стр. 29).

19) Стефан Первовенчанний, старший сын Стефана Немани. Был посажен отцом на свое место в 1195 г. (см. житие Немани, написанное Саввой, в Памятн. Шафар. стр. 4sq); спустя семь лет в 1202 г. был согнан с престола младшим братом Волканом, получившим помощь от короля венгерского (см. ниже в разделе о сношениях сербских государей с папами), но потом в 1206 или 1207 г. снова возвратил его (из письма Стефана к Савве, в котором он просит сего последнего принести с Афона в Сербию мощи отца, следует заключать, что он возвратил престол незадолго перед тем, но письмо писано в 1207 г., потому что мощи принесены Саввой через восемь лет после смерти Немани 19 Февраля 1208 г., см. житие Немани, написанное Саввой, в Памяти. Шафар. стр. 13); в 1220 г. был коронован от Св. Саввы принесенным из Рима королевским венцом (о сем ниже), почему как первый сербский король и назван первовенчанным. Когда умер, неизвестно точным образом; принимают, что в 1227 или 1228 г., а во всяком случае не ранее года 1224 или 1223 г.

20) Стефан Родослав²⁶⁸, старший сын Стефана Первовенчанного. Наследовав отцу, правил неизвестное, или довольно, или даже очень непродолжительное время; в 1230 или 1231 г. был согнан с престола своим братом Владиславом²⁶⁹.

21) Стефан Владислав, второй сын Стефана Первовенчанного. Отняв престол у старшего брата в 1240 – 42 году, был согнан с него младшим братом Стефаном Урошем; неизвестно когда после 1243 г. снова заняв его, в 1252 г. во

второй раз и окончательно должен был уступить его тому же Урошу²⁷⁰.

22) Стефан Урош 1-й (Стефан Храпавый, Драгослав), младший сын Стефана Первовенчанного. Заняв престол под братом сначала в 1240–42, потом окончательно в 1252 г., правил до 1272 г., после чего согнан был с престола своим сыном (см. жития королей и архиепископов сербских, составленные архиепископом Даниилом, или так-называемый сербский Родословник, в издании Даничича под названием «Животи кралева и архиепископа српских», Загреб, 1866, стр. 7 sqq; что согнан был именно в 1272 г., см. Фесслера *Geschichte von Ungarn*, изд. 2-го ч. 1, стр. 421). У сербских панигиристов называется «великим королем» (Родосл. *ibid.* стр. 7), но не видно за что именно; о деятельности его, так же как и троих предшествующих, кроме нескольких бесплодных войн с греками, ничего неизвестно.

23) Стефан Драгутин, Сремский, старший сын Стефана Уроша 1-го. В 1272 г. согнал с престола своего отца при помощи своего тестя, венгерского короля Стефана V (Родосл. у Фесслера *ibid.*); мучимый совестью, что поднял руку на отца, правив весьма недолго (неизвестно сколько именно, Родосл. стр. 23 fin.; по общепринятому мнению до 1275 г.), передал власть младшему брату. После отказа от престола он оставался жив в продолжении еще слишком 30 лет, именно до 1316 г. (*Monumenta Serbica* Миклошича р. 71 нач.); во все это время он княжил в полученных от тестя областях Среме и Мачве (последняя была между нижним правым берегом Савы и Дунаем и обнимала шабацкое и белградское окружия нынешнего княжества сербского, Родосл. стр. 28, 43, 44, 97). Его отношения как владельца этих областей к венграм весьма неясны; но, как кажется, дело было так, что сначала он правил в качестве их вассала, а потом, пользуясь случившимися у них замешательствами, после смерти в 1301 г., не оставившего наследников, короля Андрея III, объявил себя независимым²⁷¹. Удел, полученный от венгерского короля, он увеличил, неизвестно – насколько много, приобретениями от соседней Боснии (Родосл. стр. 41). Раскаиваясь в уступке престола брату,

он сделал было потом попытку возвратить его для своего сына, но безуспешно (ibid. стр. 357).

24) Стефан Милутин Урош 2-й, младший сын Уроша 1-го. Получив престол от брата в 1274 или 1275 г., правил по конец 1320 г. (потому что преемник его – с начала 1321 г.). Со времени Милутина возобновилось и быстро пошло вперед начатое было Стефаном Неманей, но потом надолго остановившееся, расширение границ сербского государства со стороны Византийской империи и Болгарии. Нашед при своем вступлении на престол границу Сербии от империи на том самом месте, где оставил ее Стефан (Родосл. стр. 107, граница греческая доходила до Липляна, о котором см. выше), он постепенно завоевал у греков область Полог с ее городами (находящуюся на верхнем Вардаре и называемую иначе Тетовым, см. Записок Географическ. Общества кн. XIII, стр. 204, – под городами, вероятно, должен быть разумеem и Призрен, который прежде принадлежал грекам, а со времени Милутина является за сербами, Родосл. стр. 3 и Monumenta Serbica p. 60), город Скопю (нынешний Ускюб), область Овче Поле (находящуюся на юго-востоке от Скопии, за впадающей в Вардар Пшиной, и на северо-востоке от Велеса или Кюпрюли, см. карту, приложенную ко 2-му изданию книги Гана *Reise von Belgrad nach Salonik*), города Злетову и Пиянец (на востоке от области овче-польской, о них было выше в истории болгарской церкви), область дебрьскую со всеми ее городами (лежащую по правому берегу вытекающей из Ахридского озера реки Черный Дрин), область кичавскую со всеми ее городами (соседнюю с дебрьской, находящуюся на востоке от нее, с городом Кичево), область поречскую со всеми ее городами (остающуюся неизвестной в настоящее время, но, вероятно, лежавшую на востоке от кичавской, Родосл. стр. 108 fin. и 114).

Вообще границы Сербии со стороны греческой империи были расширены Милутином – на востоке по нынешний город Кратов и реку Брегалницу, на юге почти до городов Истиба, Велеса или Кюпрюли, Прилепа и Ахриды. Что касается до болгар, то Милутин на северо-востоке завоевал у них область

браничевскую с городом Браничевым, а на юго-востоке отодвинул границу с верховьям Моравы, где она была при Стефане Немане, на верховья Стримона²⁷². Милутин пытался было также расширить свои владения и на счет венгров, именно после смерти Драгутина он присоединил было к своему государству шедший от них удел сего последнего; но в то время венгры уже успели привести в порядок свои домашние дела, и разбитый ими в 319 году он принужден был возвратить им все захваченное, если верить показаниям противной стороны, даже с некоторыми приплатами (см. Фесслера *Geschichte von Ungarn*, 2-го изд. т. 2, стр. 37, cfr у Райвальда в *Annales Eccles. An.* 1320, п. 1).

25) Стефан Урош 3-й, Дечанский (названный так потому, что построил известный Дечанский монастырь), сын Милутина. Пытавшись отнять престол у отца, был ослеплен им (впрочем не совсем, так что после несколько видел) и отослан в заключение (в Константинополь к императору Андронику, который был тестем Милутина и отцом мачихи Стефановой); быв прощен потом отцом, вступил после его смерти на престол в начале 1321 года (венчан на королевство 6 января 6829 года 5-го индикта, см. его собственную грамоту, сохранившуюся в автографе, в *Monumenta Serbica* Миклошича р. 90); в конце 1336 г. был лишен престола возмущившимся сыном и – по приказанию, неизвестно, его ли собственному, или руководивших им бояр – был удушен (год 1336 не есть точно известный, а только, на основании некоторых летописей, всеми принимаемый; о месяце см. *Monumenta Serbica* р. 115, – что во всяком случае не ранее конца 1334 года, это видно из сохранившейся в автографе собственной его грамоты, по которой в мае сего года он был жив, и на престоле, *ibid.* р. 107. Об удушении см. житие Стефана Дечанского, написанное Григорием Цамвлаком, в рукописях и печатное в *Arkiv'e zaPovjestnicu Jugoslavensku* Сакцинского кн. IV и в *Гласнике* кн. XI; византийский летописец Никифор Грегорас склонен более обвинять бояр, чем самого сына, *Memor. por.* 234 fin.). Продолжая завоевания Милутина, Дечанский отнял у греков города – Велес или Кюпрюли, Просек (находившийся на

Вардаре ниже Велеса), Штиб или Иштиб, Чрешьче (по другому чтению Четче), Добрунь (неизвестные в настоящее время, но, вероятно, находившиеся на юге от названных по Вардару) и другие, прямо в известиях не называемые (Родосл. стр. 197). У болгар, по всей вероятности, им же, а не его преемником, были завоеваны на востоке города: Дубница, Самоков и Ихтиман, на северо-востоке город Ниш (что сербы владели всеми этими городами в позднейшее время существования их государства, видно из того, что после покорения Балканского полуострова турками города эти принадлежали к сербской патриархии; мы усвоаем их завоевание Дочанскому, а не Душану потому, что о войнах с болгарами последнего ничего неизвестно, а первый одержал 1330 г. самую решительную победу над болгарским царем Михаилом, Родосл. стр. 178 sqq, Memor. pop. II, 233, и невероятно, чтобы он не захотел сделать после победы никаких приобретений).

26) Стефан Душан, Сильный, сын Стефана Дечанского. Сидев на престоле, отнятом у отца, в продолжение 20 лет (умер в декабре 1355 года, см. Monumenta Serbica Миклошича p. 155, у Майкова в Истории сербского языка стр. 241fin. и сербскую летопись в Памятниках Шафарика стр. 54), Душан возвел свое государство на высокую степень славы и блеска, но сам же поставил его и на дорогу к его последующему чрезвычайно быстрому разрушению. Возобновив после отца войны с греками немедленно по вступлении на престол, он завоевал у них в продолжение десяти лет своего правления весь Эпир, или всю нынешнюю Албанию, почти всю Македонию, по города Серез или Сер, Зихну, Драму и Кавалу, включительно и, за изъятием к западу от них только одной Фессалоники, всю Фессалию, и наконец, к югу от сей последней и от Эпира, всю небольшую Акарнанию (которая есть северо-западный угол нынешнего греческого королевства между Адриатическим морем и рекой Аспро-Потамос, Родосл. стр. 226, Memor. pop. II, 293, 299 fin., 323, – заключенный на излагаемых тут условиях мир не был приведен в исполнение, как видно из дальнейшего, – 334 fin. sqq, 340 sqq, 343 fin., 346, Гаммера Histoire de l'Empire Ottoman, в переводе Dochez'a, t. 1,

р. 80, col. 1). В упоении своих побед и обширных завоеваний он принял в 1346 г. титул императора греческого, сербского, болгарского и албанского (венчался императорским венцом в день Пасхи 16 апреля сего года)²⁷³ и помышлял было о покорении самого Константинополя (см. в Гласнике, XI, 446 fin.sqq, выписки из дипломатических бумаг Венецианского архива), но, не успев и не будучи в состоянии успеть в этом последнем (см. *ibid*), своим нелепым тщеславием как императора совершенно испортил все то добро, которое принес своими военными счастливыми трудами. Не довольствуясь тем, что заимствовал у греков, измышленный их досужим воображением, пышный штат их придворных чинов (севастократов, кесарей и пр.), он разделил свое государство без всякой нужды, а единственно ради тщеславия и по позднему образцу тех же греков, на так называемые деспотии или полномочные и наследственные наместничества, чем сам по доброй воле восстановил в новом и худшем виде систему уделов и приготовил то распадение государства, которое началось при первом же его преемнике. Под самый конец своего правления Душан сделал было значительные приобретения еще со стороны Венгрии, именно-завоевал Мачву, Срем и большую часть Боснии; но все это опять возвратилось назад почти тотчас же после его смерти (Фесслера *Geschichte von Ungarn*, изд. 2-го т. 2, стр. 134 и 142). В области государственного законодательства Душан известен своим Законником, т. е. кратким письменным изложением законов сербской земли, на подобие наших – Ярославовой Правды и Судебников Ивана Васильевича III и Ивана Васильевича IV (Законник напечатан у Раича в приложениях к Истории славянских народов и у Шафарика в Памятниках).

27) Стефан Урош, сын Душана. Порядки, созданные Душаном, требовали преемников постоянно столько же из ряду вон сильных, как он сам. Но так как оказался человеком обыкновенной нравственной силы этот же первый его преемник то, вследствие сего, немедленно после его смерти государство распалось на столько же маленьких государств, сколько учредил он наместничеств или деспотий, – оставляя Урошу

одно имя царя, наместники вовсе не думали признавать его власти. После двенадцатилетнего жалкого существования с пустым титулом и в качестве простого зрителя взаимных крамол своих деспотов (см. краткое, но достаточно ясное их изображение у Кантакузена в Мемор. рор. II, 340, fin.), он лишен был в 1367 г. престола и жизни старейшим из сих последних, носившим при нем, подобно как он при отце, титул короля, по имени Вукашином или Волкашином. Так как с ним пресекался дом Стефана Немани, то на престол вступил этот его убийца.

28) Вукашин или Волкашин. Правив весьма недолго (с именем только короля, но не царя) и имев власть над удельными правителями не более своего предшественника, он был позорным образом убит в 1371 г., после проигранной битвы с турками, одним из своих служителей (битва была на р. Марице 26 сентября указанного года, см. сербскую летопись в Памятниках Шафар. стр. 72. Сыновья Вукашина, и в числе их совершенно незаслуженно воспеваемый в народных песнях Марко королевич, прежде всех других больших сербских бояр передались туркам и потом постоянно сражались в их полках против своих соотечественников и вообще против христиан).

29) Лазарь, другой из числа деспотов Душановых, бывший при нем правителем области, составляющей юговосточную часть нынешнего княжества сербского (с резиденцией в городе Крушевце, см. в Arkiv'e za Povjestnicu Jugoslavensku Сакцинского кн. IV, стр. 328). Заняв после Вукашина остававшийся без прямых наследников престол по праву сильнейшего, он владел государством (хотя и приняв царский венец, но и после сего постоянно именовавшись только князем) уже весьма сократившимся в своих размерах, именно – на юго-западе без Зеты или Черногории, на юге не далее как по реку соединенный Дрин и города Призрен и Скопью, на востоке в так называемой Старой Сербии (в местности, которая на юг от юго-восточной границы нынешнего княжества сербского) не далее как по р. болгарскую Мораву; а что касается до всего остального, то иное было завоевано турками, иное перешло в руки хотя христианских, но не сербских владетелей, иное хотя еще оставалось за сербскими деспотами, но уже совсем отпало от

общего государственного средоточия²⁷⁴. В 1375 г. Лазарь был вынужден просить мира у султана турецкого Мурада, по которому признал себя его данником (1375-й год по Гаммеру – , Histoire da l'Empire Ottoman в переводе Dochez'a, t.1, p. 80,col. 1 fin.; по Раичу, Шафарiku и большей части других в 1386 г.). В 1389 г. он решился сделать попытку свергнуть иго турок и остановить их завоевания, но в битве на Косовом поле (15 июня сего года), как полагают, вследствие измены одного из своих вождей, своего зятя Вука Бранковича, страшно поражен был ими, и попавши в плен лишен был жизни.

30) Стефан, старший сын Лазаря, после смерти отца получивший престол из рук победителей с новыми обязательствами данничества и правивший с именем деспота с 1389 по 1427 год. В продолжении первых 14-ти лет своего правления, как верный подручник турок, постоянно принимал участие в военных походах султана Баязида; в 1403 г. отложился было от турок к венграм и в союзе с ними последними нанес им поражение, но потом снова возвратился к ним и принимал деятельное участие в междоусобиях между тремя сыновьями Баязида, помогая то одному, то другому из соперников. В 1408 г. он принужден был не на долгое время поделиться властью с своим младшим братом (Вуком или Волком). Как кажется, справедливо укоряется историками, что предпочитал остаться покорным рабом турок, а не воспользоваться благоприятными обстоятельствами (междоусобиями сыновей Баязида), чтобы свергнуть их иго и сокрушить их силу.

31) Юрий Бранкович, сын того Вука Бранковича. который изменил Лазарю на Косовом, получивший престол по завещанию от Стефана, умершего бездетным, и правивший с 1427 до 1457 г. (по сербск. летописям, в Памятниках Шафар. стр. 73 и 79, он умер 24 декабря 1456 г., а по Раичу, кн. IX, гл. VII, § 11, 24 декабря 1457 г.). В первые десять лет его правления Сербия неоднократно была опустошаема турками; в 1437 г. бежав от них последних, скитался некоторое время вне отечества; в 1444 г. снова занял престол при помощи венгров, после чего оставил их последних и до конца своей жизни хотел

держаться против них стороны султана (неблагоприятные отзывы Раича о вероломном характере Бранковича см. кн. IX, гл. VII, §§ 10 и 13).

32) Лазарь, младший сын Юрия, последний действительный деспот. Добыл престол посредством изгнания двух старших братьев и отравления матери; правив менее двух месяцев, умер в начале 1458 г. (20 января, Памятн. Шафар. стр. 79, Раича кн. IX, гл. VIII,-§ .6). После его смерти вдова его, дочь морейского деспота Фомы и сестра второй жены нашего Ивана Васильевича III, Елена сначала приняла в соправители воеводу Михаила Абоговича и второго из сыновей Юрия, своего деверя, Стефана, а потом выдав дочь за князя Стефана, сына и наследника боснийского короля Томаша, поручила власть сему последнему (Шафар. *ibid.* стр. 79 *аqq* и Раича кн. IX, гл. IX, § 1). Но дни сербского государства были уже сочтены. Лазарь, думая обеспечить стране покровительство и помощь папы и западных государей, завещал ее на смертном одре в ленный дар римскому престолу; но когда посол папы, призванный Еленою, явился, провозгласить верховную власть сего последнего, то бояре и народ, желая нести лучше иго турецкое, чем католическое, сами призвали турок, которые в конце 1459 г. окончательно и завладели Сербией как своей провинцией (отплатив за добровольную покорность ужаснейшим опустошением страны; 1 см. Райнальда *Annales Eccles. An.* 1458, nn. 18 и 19, Гаммера *Histoire de l'Empire Ottoman*, в переводе Dochez'a Patis, 1840, livre XIII, t. 1, p. 259, col. 1).

Бежавшие от турок в Венгрию (преимущественно в Срем и Банат), многочисленные толпы сербского народа продолжали и после этого некоторое время, с дозволения венгерских королей, провозглашать у себя деспотов (они были: 1) Стефан, второй сын Юрия Бранковича; 2) Вук Змай или Волк Змей, внук сего последнего, сын его первого сына Григория; 3) Иоанн, младший сын Стефана). Но все мечты этих деспотов возвратиться в свое отечество для действительного им владения были совершенно напрасны.

Стольным городом сербских великих князей или великих жупанов в древнейшее время, по свидетельству Константина Порфирогенита, был город Δεσνίков (в другом месте Δοσνίκα, De administer. Imper. Cap. 32, ed. Bonn. Pp. 156 нач. и 159 fin.), подлинное славянское название которого, по мнению Шафарика, должно быть Десница (Древн. II, 1, 429) я который, по его же мнению (ibid.), нужно полагать в северо-западной Сербии, где-нибудь в окрестностях нижней Дрины²⁷⁵. В продолжение второй половины XI века короли Михаил и Константин Бодин имели свою столицу или в городе Скадаре (Скутари), или вообще где-нибудь в области диоклейской. С первых годов XII до конца XIII или до начала XIV века, со времени отца и дядей Стефана Немани до половины правления его внука Милутина, столица сербского государства была в городе Расе, который находился близ нынешнего Нового Пазара²⁷⁶. Во вторую половину правления Милутина и в правление Дечанского и Душана были две столицы, именно – в завоеванных у греков городах Призрене и Скопии, из коих при Милутине и Дечанском главною была, кажется, первая, а при Душане наоборот вторая. Урош, сын Душана, оставался после отца в Скопии. Лазарь по летописям и по Раичу (кв. VIII, гл. III, § 5) имел пребывание в Призрене, а по народным преданиям – в том же Крушевце, в котором жил, будучи областным правителем или деспотом при Душане. Стефан, сын Лазаря, учредил новую столицу в приобретенном от венгров Белграде. Юрий Бранкович, после возвращения Белграда венграм, также новую в построенном им самим Смедереве (или Семендрии, на Дунае). Кроме указанных столиц в собственном смысле, у позднейших сербских государей, начиная с Милутина, настроены были «царские дворы», т. е. дворцы или замки во многих других городах и местах государства.

I. Христианство в Сербии от первого крещения народа до учреждения особой сербской архиепископии. 640–1219

Относительно всего этого, почти шестисотлетнего периода содержащиеся в памятниках известия еще до последней степени скудны и отрывочны.

Христианство введено было у сербов не за один раз. Впервые они крещены были тем самым императором Ираклием, в правление которого пришли на свое теперешнее место жительства. Но при этом первом крещении обратилась только еще часть народа, и притом далеко не совсем твердым образом. Во второй раз крестил сербов и положил начало совершенному водворению, у них христианства, спустя два столетия после сего, импер. Василий Македонянин.

Служащий единственным источником сведений Константин Порфирогенит говорит о первом крещении сербов весьма кратко. Сказав об их поселении импер. Ираклием на их нынешней территории, он продолжает: «и находились (сербы) в подчинении у императора греческого; приведши из Рима священников, император (Ираклий) крестил их и научил делам благочестия» (De administ. Imper. с. 32, ed. Bonn. р. 153, в Мемог. рор. II, 153). В этом состоит весь читаемый у Порфирогенита рассказ.

Для крещения сербов Ираклий призвал священников из Рима, а не послал из Константинополя, потому что область ими занятая в то время принадлежала к церковному диоцезу не патриарха константинопольского, а папы римского (до времени импер. Льва Исавра, который был в 717–741 гг., к диоцезу папы принадлежала не только нынешняя Сербия, но и целая западная половина Балканского полуострова, по города Сардику или Софию, Филиппы и Солунь включительно на востоке и по древнюю классическую Грецию или нынешнее королевство греческое, с присоединением острова Брита, включительно на юге). Год события остается точно неизвестным; но так как и самый приход сербов в империю

имел место в конце правления импер. Ираклия, то Шафарик предположительно относит его (крещение) к предпоследнему году сего государя, именно 640-му (Древн. I, II, 399 нач.).

Более чем вероятно, что на этот первый раз сербам не дано было папой ни одного особого или своего епископа, а что они были поручены ведению ближайших епископов не сербских. Что касается до сих последних, то перед временем импер. Ираклия существовали архиерейские кафедры на самой территории, занятой при нем сербами, именно в конце VI века упоминаются – митрополия скадарская или скадрская и подведомая сей последней епископия диоклейская: но, как кажется, обе эти кафедры перестали существовать еще прежде крещения сербов, во время тех страшных опустошений, произведенных аварами, которые непосредственно предшествовали их поселению²⁷⁷. Епархии, находившиеся не на самой территории сербской, а только соседние, были с запада – от Италии, и с востока и юго-востока – от Греции. На западе сумежно прилежала к поселениям сербов далматинская митрополия салонская, в которой самыми ближайшими к сербам епархиями были – епархия самого митрополита и потом епископов рагузского (или иначе, по древнему названию, епидаврского) и которского или каттарского; на востоке и юго-востоке от Греции соседними были уцелевшие от нашествий варварских епархии провинции дарданской (нынешней так-называемой Старой Сербии)²⁷⁸ и митрополия диррахийская или дурацкая. К которой или к которым именно из всех этих епархий сербы причислены были папой после своего крещения, остается неизвестным. В первой половине VIII столетия император Лев Исавр отнял у папы и передал патриарху константинопольскому всю ту часть его диоцеза, которая была по сю сторону Сербии на Балканском полуострове. Так как вместе с этим ни сам Лев, ни его преемники не могли оставаться равнодушными и к церковному обладанию Сербией, и так как в его и ближайших его преемников время великие князья сербские, по свидетельству Константина Порфирогенита, еще продолжали признавать себя данниками императоров и следоват. последние имели возможность по своему усмотрению

распоряжаться их церковной судьбой: то необходимо думать, что со времени Льва сербы находились из соседних епископов в заведывании не западных, которые остались за папой, а восточных, которые перешли к патриарху константинопольскому.

Во второй раз, и окончательно, сербы крестились, как мы сказали, при импер. Василии. В этот второй раз инициатива принадлежала не императору, а им самим. При ближайших слабых предшественниках Василия они было свергли государственную зависимость от греков, но по его вступлении на престол они снова нашли за лучшее для себя возвратиться под власть и покровительство империи, а поэтому для более тесного воссоединения государственного решились окончательным и совершенным образом водворить у себя и христианскую веру. Отправив к императору посольство с изъявлением своего первого желания, они вместе с тем просили, чтобы присланы были в их страну священники, которые бы крестили у них всех – как остававшихся в язычестве с самого начала, так и отпадших к нему от христианства во времена самовластия, – что и было императором немедленно исполнено. Впрочем и теперь все-таки не все крестились тотчас же. Юго-западные арентаны или наречане, вероятно, не принимавшие участия в общей просьбе, не пустили крестителей в свои горы и, получив за это от своих прозвание логанов, решились последовать общему примеру только уже спустя некоторое время, хотя и при том же императоре²⁷⁹. Год этого второго крещения остается так же неизвестным, как и первого; но из слов Константина Порфирогенита нужно заключить, что оно было в самом начале правления импер. Василия, следоват. году в 868–870.

Говоря о крещении, мы разумели все вообще сербские племена. За сим мы будем говорить о государстве в собственном или теснейшем смысле сербском, а об остальных двух государствах – княжестве захоломском или холмском и банстве боснийском, о каждом скажем особо.

Окончательное принятие сербским народом христианства совпадает с началом разделения церквей. Все сербы

государства в собственном или теснейшем смысле сербского имели остаться на стороне церкви греческой или православной; однакож в настоящий первый период если не все они, то по крайней мере некоторая часть их, и если не на очень продолжительное, то по крайней мере на некоторое время еще отпадали от греков к папе или от православия в латинство. Известная совершенно положительным образом только за последнюю треть настоящего периода история их отношений к православию и к латинству следующая.

В самом непродолжительном времени после окончательного крещения священниками православными, в 878–74 г. папа Иоанн VIII пытался перезвать к себе от греков сербского великого князя Мунтимира: чем кончилась попытка, остается неизвестным; но по отсутствию указаний на какие-нибудь дальнейшие сношения следует полагать, что она не имела успеха²⁸⁰. После Мунтимира до начала XI столетия нет никаких прямых известий относительно того, к, которой церковной стороне принадлежали сербы; но так как во все это время великие князья сербские находились в вассальной зависимости или от императоров греческих, или от столько же православных государей болгарских, то необходимо думать, что во все это время они постоянно держались православия, потому что желание отложиться к латинству было бы однозначуще с желанием избавиться от государственной подчиненности сейчас помянутым православным соседям. Около 1019 года на некоторое время греки не только подчинили себе сербов, но и совсем превратили их страну в свою провинцию: из этого само собою следует, что сербы были тогда за патриархом константинопольским, а не за папою римским. О первом свергшем греческое иго, великом князе Боиславе совершенно ничего неизвестно, а затем с его сына и преемника Михаила начинаются известия положительные и достоверные. Начало этих положительных известий состоит в том, что сейчас названный Михаил и следовавший за ним на престоле его сын Константин Бодин в продолжение 60 или 50 лет были членами и преданными сынами римско-католической церкви. Если Михаил сам первый отложился от православия к папе, а не сделал

этого еще его отец (который мог решиться на это по своей вражде к грекам), то следует думать, что побуждением для него к его поступку было желание приобрести от папы тот королевский сан, который последним действительно был ему дарован. Об его преданности римской церкви следует заключать из того, что папа называл его в своем послании – *carissimus B. Petri Filius* (см. выше). В продолжение 26-летнего правления его сына в той сербской области, которая составляла собственный удел великого князя (или короля), именно в Диоклее латинство водворено было повидимому окончательным образом, потому что даже спустя некоторое время после Бодина в области этой совсем не было православных священников²⁸¹. Но с концом правления сего последнего навсегда кончилось и непродолжительное господство римско-католической церкви в сербском государстве. Или тотчас, или в самом непродолжительном времени после его смерти верховное господство над страной перешло из его совратившегося в инославие дома в православный дом удельного князя восточной Сербии Волкана, потомки которого (ряд их начинается неизвестными по именам отцом и дядьями Стефана Немани) уже и не обнаруживали более в религиозном отношении никакого колебания.

Во время своего церковного владения Сербией папа не учреждал в ней особых латинских епископских кафедр, а поручал ее в заведывание одному из соседних латинских архиереев, именно архиепископу или митрополиту антиварскому²⁸².

Что касается высшей иерархии православной, то до учреждения Св. Саввой особой архиепископии с несколькими епископиями в Сербии был на всю страну один православный епископ, который имел пребывание в столице фамилии Волкановой – городе Расе. Когда был получен сербами этот единственный епископ²⁸³, прямых указаний мы пока не имеем: с одной стороны есть некоторые основания предполагать, что не ранее второй половины X, а с другой стороны положительным образом известно, что не позднее начала XI века. Относительно иерархической зависимости этого епископа наши сведения

также не вполне достаточны. В правление болгарского царя Самуила (1014 г.), нет сомнения, по причине тогдашней государственной зависимости Сербии от Болгарии, он состоял под властью архиепископа болгарского. После покорения Сербии греками, которое случилось несколько ранее после покорения ими Болгарии, епископ перешел из-под власти архиепископа болгарского под власть патриарха константинопольского (быв подчинен сим последним митрополиту диррахийскому). После завоевания в 1019 г. Болгарии, импер. Василий Болгаробоец предоставил было архиепископу болгарскому право отыскивать в свое владение, вместе с другими отошедшими от него в продолжение войны епархиями, и епархию расскую, но удалось ли это архиепископу, остается неизвестным, — в конце настоящего периода, в правление Стефана Немани и Стефана Первовенчанного, действительно как будто он, а не патриарх константинопольский, был признаваем сербами за своего высшего церковного начальника.

II. Сербская архиепископия. 1219–1845

1. Ряд архиепископов

1) Савва 1-й. Основателем сербской архиепископии и первым сербским архиепископом был младший сын Стефана Немани Св. Савва²⁸⁴. В мире он назывался Растькой (что есть, вероятно, сокращенное из Ростислава). Достигнув возраста юношеского, он получил было от отца, подобно братьям, удельное княжение, но пробыв на нем весьма недолго, на 18 году возраста решился отказаться от мира. Между приходившими в Сербию за милостыней святогорскими монахами нашед себе проводника на Афон (по второму житию монах этот был русин, т. е. русский), он тайным образом бежал с ним в русский Пантелеймонов монастырь, в котором, несмотря на все старания отца возвратить его домой, принял монашеское пострижение (малого образа). Подвизавшись сначала (очень недолго) в русском монастыре, а потом в монастыре Валопадском (в котором был пострижен вторично, т. е. в великий образ и наречен Саввой²⁸⁵, он выстроил наконец, после того как прибыл к нему (в конце 1197 г.) решившийся отказаться от мира престарелый отец, свой сербский монастырь – Хилендарский, в котором и проводил все прочее время своего пребывания на Афоне (удалявшись только из него повременам для уединенных подвигов в построенный им в Карее маленький монастырек, так-называемый Пирг или Сихастарий). Через восемь лет по смерти отца (1200) принеся на родину, по просьбе брата (Стефана Первовенч.), отцовские мощи, он оставался на некоторое время в Сербии, при чем игуменил в построенном Неманей монастыре Студеницком и заложил вместе с братом тот монастырь Жичю, в котором потом была поставлена архиепископская кафедра. После вторичного удаления на Афон и после неизвестно сколь продолжительного нового там пребывания, он отправился в тогдашнюю резиденцию греческого правительства Nikeю, где и успел испросить у императора и патриарха, чтобы учреждена была в Сербии своя особая архиепископия.

По авторам житий, которые против своего намерения хотят умалять заслугу Св. Саввы, мысль об архиепископии пришла ему на ум случайным образом, в то время как он был уже в Никее, куда будто бы собственно отправился для исправления дел монастырских. Но нет сомнения, что это было вовсе не так. Все дальнейшее поведение Св. Саввы ясно показывает, что мысль как о церковном, так и о государственном возвышении своего отечества была у него не какою-нибудь случайною, а одною из самых крепких и заветных его мыслей; по всей вероятности, он также имел об этом предсмертный наказ и от своего отца, который, как следует думать, уже и сам мечтал и помышлял о том, что удалось исполнить после него сыну. Не легкого труда стоило Савве получить от императора и патриарха согласие на свои действительно, как находили греки, весьма немаловажные искания. Император и патриарх соглашались, чтобы в Сербии, которая дотоле во всем целом своем составляла одну только епископию, была открыта особая митрополия с тем или другим числом епископий. Но когда он просил, чтобы эта митрополия была не просто подведомою патриарху константинопольскому митрополией, а совершенно независимою от него архиепископией, просьба была услышана с величайшим неблаговолением: «царь сия слышав, – говорит автор второго жития, – премени лице свое высокого ради прошения, ниже бо патриарху отнюдь и всем благородным угодно помыслился, хотяху бо священством и властью церковною покоривы себе сих (т. е. сербов), послушливы же и даровосивы имети». Однакож так или иначе, но Савве удалось наконец добиться, чтобы Сербии дан был не просто митрополит, а именно независимый или автокефальный архиепископ. Когда за сим из числа своих спутников он представил императору предполагаемых им кандидатов в архиепископы, последний непременно хотел, чтобы поставлен был он сам, на что после некоторого колебания он и согласился. Посвятив Савву в архиепископы, патриарх константинопольский, которым был тогда Герман 2-й, дал ему, по словам жнзнеописателей, свою утвержденную грамоту на архиепископию, в которой предоставлял следующим по нем сербским архиепископам быть

избираемым и поставляемым от собора своих епископов, и в которой, даруя им права совершенной самостоятельности управления, требовал только, чтобы они «вопервых» возносили имя вселенского патриарха при богослужении. Не сообщаемый жизнеописателями год поставления Саввы в архиепископы остается точным образом неизвестным; по соображениям, он должен быть 1219-й²⁸⁶.

Возвратный путь с поставления Савва держал через тот же Афон и через Солунь. В этом последнем городе он имел довольно продолжительную остановку за тем, чтобы здесь списать для себя различные «книги законные, которых требовала его соборная церковь»²⁸⁷. Прибыв в Сербию, он утвердил свое пребывание в монастыре Жиче, который до сих пор оставался недостроенным и который теперь он с поспешностью достроил. Первым делом его по вступлении в управление было – разделить страну на епархии и поставить епископов, которых преимущественно избрал из своих учеников (об епархиях скажем ниже). Поставив епископов, он торжественно «обновил» в своей земле христианскую православную веру: собран был в архиепископию великий собор из всего духовенства страны, совершено было нарочитое служение, и на сем последнем первопоставленный архиепископ всенародно произнес православное исповедание веры и проклял ереси с крепким поучением к своей пастве о хранении православия. Последнее действие – проклятие ересей имело в Сербии смысл не простой только так сказать формальности, знаменовавшей начало нового периода церковной жизни. При мало заботившихся о делах веры предшественниках Стефана Немани в ней утвердилась было, подобно тому как в Боснии, ересь патаренов; Немана принял против еретиков самые решительные меры и постарался очистить от них страну (смотри, у Стефана Первовенч. в Памяти. Шафар. § VI); но, вероятно, некоторые остатки привязанности к их учению еще сохранялись в среде народа, а таким образом и нужно было произнести это окончательное на них осуждение. После обновления веры, избрав из своих учеников достаточное число лиц и постановив избранных в протопопы, Савва послал их по стране исправлять

недостатки нравов и христианской жизни. Как дается знать у жизнеописателей, до того времени в Сербии были заключаемы браки, если не большею частию, то еще весьма часто, без церковного венчания, – и посланные Саввой протопопы должны были все такие несвященные браки освятить посредством христианского таинства (при венчании этих браков повелено было, чтобы дети, если они были, стояли вместе с родителями).

Заботясь об устройении своей церкви, Савва одновременно с этим позаботился о возвышении своего отечества как государства; но при этом он допустил такой поступок, который пожалуй может быть извиняем как нужда политическая, но который несколько не может быть оправдан с точки зрения просто нравственной. Соседние государи были венчаные или цари, или короли, а государь сербский оставался еще не имевшим никакого венца, просто великим жупаном. Таким образом для уравнивания его с соседями нужно было возложить на него один из этих венцов. Для венца царского (или что то же – императорского) государь сербский тогда еще был слишком мал, и Савва короновал своего брата венцом королевским. Но он не удовольствовался только тем, что сам венчал брата этим венцом, и за сим-то и начинается та часть дела, по которой оно превращается в неизвиняемый нравственный поступок. По всей вероятности, Савва, желал, чтобы, признали сербского государя в его новом сане короли венгерские, которые изъявляли притязания на Сербию как на вассальную себе землю. Но короли венгерские могли быть принуждены согласиться на такое признание только в том случае, если бы сербский государь был утвержден в королевском достоинстве со стороны папы; а поэтому Савва вместе с своим братом и отправил посольство в тогдашнему папе Гонорию III, прося у него королевского венца. До нас дошла только грамота, посланная к папе с отправленным за королевским венцом одним из сербских епископов, от лица брата Саввина короля Стефана; в этой грамоте делаются «святейшему» папе такие уверения: «как все христиане любят и чтут вас и считают отцом и господином, так и мы желаем именоваться верным сыном святой римской церкви и вашим» (см. у Райнальда ап. 1220, п. 37). Что касается до

самого Саввы, то, действуя с величайшею осторожностью и заботясь не скомпрометировать своего сана как православного архиепископа, он, по всей вероятности, не писал от своего лица никакой грамоты, а поручал посланному епископу передать свои речи устно.

Но так как решительно и безусловно невозможно предполагать, чтобы папа согласился исполнить просьбу, не получив наперед от просителей ясных и положительных уверений в том, что они хотят приступить к союзу с римскою церковью и признавать ее власть, то необходимо думать, что эти устные речи Саввы, которые имел передать папе посланный епископ, именно и содержали такие уверения. Таким образом нравственная сторона дела состоит в том, что для получения от папы королевского венца давали ему притворные уверения в готовности перейти на его сторону от православия. Исторический конец дела, был тот, что папа прислал королевский венец с своим легатом и что Стефан был коронован им вторично (Райнальда *ibid.* В *Kalendaria* Ассемани V, 38 sqq и в Дометиановом житии Саввы²⁸⁸. О первом венчании прежде посольства к папе говорится у неизвестного жизнеописателя, но нет ничего у Дометиана; что оно действительно имело место, видно из того, что Стефан, посылая за венцом в папе, называет себя в послании *rex coronatus*.

Св. Савва не оставался на архиепископской кафедре до самой своей смерти, а после 14-летнего на ней пребывания передал ее другому еще при своей жизни. Вероятно, увидев, что во всем благоустроенная им церковь не нуждается более в его особых попечениях, а в делах государственных, вероятно, быв огорчаем плохим взаимным миром своих племянников, он постановил преемника себе на архиепископии, а сам отправился в продолжительное путешествие к святым местам, из которого и не возвратился уже в отечество живым (это было уже не первым его путешествием, и склонность к странствованию сколько благочестивая, столько же, как кажется, и любознательная была у него необыкновенная). Совершив свой первый переезд Средиземным морем, с старого

града или Ragusa Vecchia (Родосл. 251) на Акру, и утвердив свое главное пребывание в Иерусалиме, он предпринимал из сего последнего несколько частных путешествий, в которые обозрел все палестинские и египетские святыя места, со всеми их примечательностями и со всеми монастырями и скитами тамошних подвижников; на возвратном пути чрез Малую Азию на Константинополь, не поворачивая домой, он проехал к свату своему, тестю занимавшего тогда престол второго его племянника Владислава, болгарскому царю Иоанну Асеню, и у этого последнего в его столице Тернове вместе с странствованием окончил и жизнь 12 января 1235 или 1236 года²⁸⁹. Мощи его, спустя некоторое время, перенесены были Владиславом из Болгарии в Сербию и положены в построенном им (Владисл.) Милешеве монастыре (который находился в нынешней восточной Боснии, что между Сербией и Черногорией, недалеко от городка Преполье; в настоящее время в развалинах). В конце XVI века они сожжены были турками (Гласи. XXII, 231 нач., cfr ibid. XX, 9).

2) Арсений. Пострижении к и ученик Св. Саввы, проходивший при нем должность еkkлeсиарха и наместника в Жичском монастыре. Был поставлен Св. Саввой в свои преемники в 1233 г. и, сидев на престоле в продолжение 30 лет, скончался 28 октября 1262 года или 1263 г. (сведения об этом архиепископе Арсении и об его преемниках содержатся преимущественно в так-называемом сербском – Родослове, в котором вместе с сказаниями о королях читаются нарочитые сказания о всех архиепископах и трех первых патриархах. К сожалению, сказания, будучи необыкновенно богаты риторикой, до последней степени скудны фактический и известиями и совсем не указывают годов воставления и смерти архиепископов, а только неизвестно *по* когда и с когда продолжавшееся число лет их правления. Родослов издан в 1866 г. сербским ученым Даничицем под названием: «Животи кральева и архиепископа српских». Там, где мы приводим сведения без всяких указаний, должно быть подразумеваемо, что мы берем их именно из него. Что Арсений сидел на кафедре в продолжении 30-ти лет, это в Родосл. стр. 272, месяц и число

смерти – в сербских святцах; что год смерти 1262 или 1268, см. записи в синодалън. ркп. Шестодневе, у Калайд. в Ио. экзархе стр. 164, по которой в 6771 г. архиепископом он – Арсений, и в Дометиановом житии Стефана Немани по изд. Данич. стр. 116, по которой в 6772 г. его преемник Савва 2-й; так как в записях при годах нет месяцев, то и нельзя определить года смерти точным образом).

3) Савва 2-й, в мире называвшийся Предиславом (сербск. летопп. в Гласн. I, 165 и V, 41), племянник Св. Саввы, сын Стефана Первовенчанного. Приняв монашество, долго подвизался в Иерусалиме, на Афоне и наконец в Сербии. Поставленный в преемники Арсению, правил в продолжение семи лет (умер 8 февраля неизвестного года; если был поставлен в конце 1262 – начале 1263 г., то, считая полные семь лет, это будет 1270 г., а не полные – 1269; если был поставлен в конце 1263 – начале 1264 г., то в первом случае будет 1271, а во втором 1270 г.).

4) Иоанникий 1-й, ученик предшественника, подвизавшийся с ним и после него в Иерусалиме и на Афоне, бывший игуменом монастырей – афонского Хилендарского и потом сербского Студеницкого. На кафедре архиепископской сидел недолго, потому что когда в 1272 г. Стефан Урош I был согнан с престола своим сыном, то, не желая разлучаться с ним, удалился вместе с ним в Захолмию (по Родослову он был архиепископом 4 года; если был поставлен в 1269 г., то четыре года набираются; если же был поставлен позднее, то, вероятно, включается Родословом в эти четыре года и время после удаления с престола до последовавшей вскоре затем смерти, которая 27 апреля неизвестного года).

5) Даниил 1-й. По Родослову, он был не преемником, а предшественником Иоанникия; но так как в этом случае совсем не оставалось бы времени для его правления, то мы предпочитаем следовать одной позднейшей сербской летописи, которая переставляет этих архиепископов одного на место другого (летописи так называемой Троношской, Гласн. V, 51fin.). Неизвестно сколько времени правив, Даниил низведен был с архиепископского престола. О причине низведения Родослов

говорит глухо: «некоторые ради вины приключившиеся ему»; по сейчас помянутой позднейшей летописи, дело состояло в том, что когда Даниил, поставленный Драгутиным в архиепископы, венчал его королевским венцом, то согнанный с престола отец Драгутина с архиепископом Иоанникием написали на них отлучение и горькую клятву, и что ради этой клятвы Даниил и принужден был оставить духовную власть при сменившем Драгутина Милутине (ibid).

6) Евстафий 1-й. Был игуменом афонского Хилендарского монастыря (упоминается под 1268 и 1264 годами, см. Калайд. Ио. экзарха стр. 164 и Дометиана приписку к житию Стефана Немани, изд. Даниич. стр. 116), потом епископом зетским. На архиепископской кафедре сидел в продолжение семи лет, не позднее 1279–1285 годов (потому что преемник его был поставлен в 1286 г.; умер 4 января неизвестного точным образом года).

7) Иаков. Быв поставлен в 1286 г. (см. Monumenta Serbica Миклошича р. 561), управлял в продолжение шести лет, следоват. до 1291–92 г. (3 февраля по всей вероятности 1292 г.).

8) Евстафий 2-й. Сидел на архиепископской кафедре в продолжение 18 лет, именно, как следует думать, с 1292 по 1309 г. (16 августа. Годы правления этого и следующих четырех архиепископов находим посредством вычисления, о котором см. ниже).

9) Савва 3-й. Был игуменом хилендарским (или только духовником братии в сем монастыре, – что из описательной речи Родослова ие ясно), потом епископом призренским. На архиепископской кафедре находился в продолжение восьми лет, с 1309 по 1316 г. (16 или 26 июля).

10) Никодим. Поставлен в архиепископы из игуменов Хилендарского монастыря (в Родосл. по изд. Даниич. стр. 152 fin. и Гласн. XI, 191), сидел на кафедре в продолжение восьми лет, с 1316 по 1323 г. (12 мая). В начале своего правления посылал в Константинополь за Типиком Саввы иерусалимского, которого дотоле в Сербии не было, и в 1319 году перевел его на

славянский язык и ввел в употребление в своем кафедральном монастыре (см. его запись к переводу в Гласн. XI, 189 sqq).

11) Даниил 2-й. Происходил из знатной боярской фамилии; бежав в весьма юных годах в монастырь, был потом игуменом хилендарским, епископом баньским и холмским; архиепископскую кафедру занимал в продолжение 14 лет и 3 месяцев, с 14 сентября 1323 по 9 декабря 1337 г. Радея о славе своего отечества, он написал «Жития и повести деяний» сербских кралей и архиепископов (те самые, которые с дополнениями продолжателей составляют так-называемый Родослов и которые будучи почти совсем голой панегиристической или хвалебной риторикой, в историческом отношении имеют ценность единственно за отсутствием источников лучших), и вообще, как говорит жизнеописатель, «книги многочисленные составлял и изобретал, прежде не бывшие николиже». Будучи отличным строителем и хозяином (о чем прямо замечается у жизнеописат.), он наилучшим во всех отношениях образом устроил и украсил свой архиепископский монастырь Печский.

12) Иоанникий 2-й. Этим Иоанникием, которого Стефан Душан поставил из своих логофетов или в самом конце 1337, или в начале 1338 г., оканчивается ряд архиепископов и начинается ряд патриархов²⁹⁰.

2. Архиерейские кафедры

Мы говорили выше, что разделением страны на епархии и поставлением епископов Св. Савва начал свою архиепископскую деятельность. Всех епархий было учреждено им восемь, именно: а) в собственной Сербии с приобретениями Стефана Немани – 1) рашская или расская (существовавшая прежде), 2) хвостенская, иначе студеницкая, 3) топлицкая, 4) моравская или моравицкая, 5) дебрьская; б) в Зете или Диоклее – 1) зетская, 2) будимльская; в) в Захолмии или Холмии – одна на всю область холмская или захолмская (по степеням своего достоинства, епархии эти перечисляются в таком порядке: зетская, рашская, хвостенская, холмская, топлицкая, будимльская, дебрьская, моравицкая)²⁹¹.

Это число восьми епархий, как кажется, оставалось неизменным до Стефана Милутина Уроша II. В правление сего последнего, во-первых, открыты были новые епархии в местностях, которые прежде принадлежали сербам, таковы – липлянская или грачаницкая, звечанская или баньская и кончульская; во-вторых, явились новые епархии вследствие расширения границ государства, именно – призренская, скопийская, браннчевская и мачевская. Старший брат Милутина Драгутин, как мы говорили выше, отказавшись от королевского престола, владел после того на правах венгерского вассала областью белградской, – при нем также была здесь своя особая епархия. Таким образом, в правление Милутина число всех епархий сербской архиепископии доходило до 16-ти. После Милутина при Стефане Дечанском прибавилась завоеванная у болгар новая епархия вишская, но перестали существовать две или вероятнее три из епархий прежде бывших, именно – звечанская, мачевская и – как нужно предполагать – белградская.

Под, архиепископом, равно как и под патриархом, могли быть не только простые епископы, но и митрополиты (и в самой утвержденной грамоте Св. Савве на архиепископию, данной патр. Германом, сказано: «да имать (новопоставлеиный архиепископ) область над всеми грады же и землями, над митрополиты же и епископы», (у Дометиана но изд. Данич. стр. 220). Но за исключением, недолго в позднейшее время бывшего и находившегося в особом положении, епископа белградского, это последнее титуло не было носимо ни одним из сербских епископов, по крайней мере до первой половины правления Милутинова включительно (см. Monumenta Serbica Миклошича р. 60).

1) Архиепископская кафедра. Архиепископы сербские имели свою кафедру не в одном месте с столицей государства, как это обыкновенно, а отдельно от сей последней. Мы уже говорили выше, что у них были два кафедральные монастыря – Жичский и Печский. Монастырь Жичский или Жича (Житьча, Жидьча), существующий до настоящего времени, находится в нынешнем княжестве сербском, на правом берегу р. Ибар, недалеко от ее

впадения в сербскую Мораву, верстах в пяти на юг от городка Карановца. Св. Савва заложил его вместе с братом Стефаном Первовенчанным, когда был еще афонским монахом, а окончательно достроил после поставления в архиепископы (Дометиан по изд. Данич. стр. 204 и 228). Главный храм его был во имя Спасителя (в честь праздника Вознесения), почему и называется он в памятниках «домом Спасовым» (ibid. 204, 260, 281, Родосл. 229, 314, 371, р. Monumenta Serbica 11, Гласн. XXIV, 265 fin.). По завещанию его основателей, в нем имели короноваться все будущие сербские государи (Monumenta Serbica р. 13). Не в очень продолжительном времени после Св. Саввы он был опустошен и сожжен «нашествием безбожного языка куманского», т. е. вероятно половцев, которые и сами делали набеги на Сербию и быликупаемы венграми и болгарами, после чего был совершенно возобновлен только архиепископом Даниилом 2-м (Родосл. 371fin. sqq). Во времена господства турецкого он также подвергался неоднократным опустошениям, и наконец после разных превратностей начинает постепенно возобновляться с недавнего времени (о нынешнем состоянии монастыря в Гласн. XXI, 78 и у Каница в Serbien S. 165; о вотчинах, которые ему даны были Стефаном Первовенч., Monum. Serb. р. 11). Монастырь Печский, также существующий до настоящего времени, находится в Турецкой империи, в северной Албании, или так называемой Старой Сербии, в городе Печь или Ипек, который лежит на речке Быстрине, впадающей в верхний Белый Дрин. Древних прямых известий о построении монастыря нет; по свидетельству одной позднейшей сербской летописи, он построен самим Св. Саввою, который нашел нужным иметь другой кафедральный монастырь, по причине опасной близости Жичи к мадьярской границе (Жича действительно не далеко находилась от границы принадлежавшей тогда венграм Мачвы) и потому что провидел духом многим ратным временам быти (относительно опасности ратных времен для Жичи cfr Родосл. стр. 318); строителем монастыря, по поручению Саввы, был тогдашний его наместник в Жичском монастыре, а после его преемник на архиепископской кафедре, св. Арсений (Гласн. V,

41; если не при Савве, то во всяком случае верно и положительно известно, что монастырь построен был не позднее Арсения, который уже в нем был похоронен, Родосл. стр. 262). Главный храм монастыря был посвящен имени верховных апостолов Петра и Павла (Родосл. стр. 262, 264, 265, 318). Преемники Св. Саввы, начиная с Арсения, вследствие ли указанного опасного положения Жичи близ границ государства, или по другим причинам, предпочитали Печь сей последней и преимущественно в ней имели свое пребывание, а равным образом почти все в ней же и были похоронены (см. Родослов). Один из последних сербских архиепископов, именно Даниил 2-й обстроил и украсил монастырь наивеликолепнейшим для тогдашнего времени образом (Родосл. стр. 268 sqq); о нынешнем положении монастыря см. у Гильфердинга в Поездке по Герцоговине, Боснии и Старой Сербии стр. 171 sqq).

2) Епархия рашская или расская. Город Раса или употребительнее и правильнее Рась, с начала XII до конца XIII века бывший столицею сербских государей, находился близь нынешнего города Нового Пазара (не в дальнем расстоянии от него на юг, где ныне развалины древней крепости, называемые Пазарищем или Старым Пазаром) ва р. Рашке, которая, начинаясь не очень далеко на юг от Навара, течет в направлении на север и впадает в р. Ибар. Епископия рашская существовала еще до Св. Саввы, быв учреждена не позднее начала XI века. Кафедра епископа рашского как прежде, так и после Св. Саввы находилась при церкви апостолов Петра и Павла (Стефаново и Саввино жития Немани в Памяти. Шафар. стр. 2 и 14; сербские летописи – в Памятниках Шафарика стр. 59 и 69, в Гласн: I, 164, V, 37, XI, 146, – в первой и в последней вместо в Расе ошибочно в Ресаве, – в Arkiv'e Сакцинского III, 10, у Григоровича в сочин. «О Сербии в ее отношениях к соседним державам». Казань, 1859, прибавл. стр. 48, прим, в «Дечанских Споменицах» архим. Ристича, Белград, 1864, стр. 3), которая по позднейшим сербским легендам построена крестителем Сербии апостолом Титом (у Ристича в Дечанск. Спомен. стр. 3 и 34). Церковь эта в своем древнем виде уцелела до настоящего времени и, будучи до сих пор известна в народе под именем

«митрополии свято-рашской», находится в одной версте от г. Нового Пазара (см. Гильфердинга «Поездку по Герцоговине, Боснии и Старой Сербии» в XIII т. Записок Географич. Общ. стр. 132 sqq). Из епископов рашских после Св. Сассы по памятникам известны: Филипп, бывший при Милутине, в правление архиепископа Евстафия 2-го и при жизни матери Милутиновой кралицы Елены (MonumentaSerbica Миклошича р. 60), Павел, бывший при том же Милутине и упоминаемый под четвертым годом после смерти сейчас помянутой кралицы Елены (Родослов по изданию Даничича стр. 99), Григорий 2-й, бывший при том же Милутине и упоминаемый под 1305 г. (см. послесловие сербской Кормчей, напечатан, в статье А. Павлова «Первоначальный славяно-русский Номоканон», Казань, 1869, стр. 89, также Monum. Serb. р. 83).

3) Епархия хвостенская, иначе студеницкая, носила первое имя по своей области, а второе по монастырю, в котором была кафедра епископа. Область Хвостно, о которой мы говорили уже прежде, находилась в местности г. Печи или Ипека. Монастырь Малая Студеница с храмом Успения Богородицы, называвшийся так в отличие от Большой Студеницы, построенной Стефаном Неманей, по всей вероятности, находился в том селе Студенице, которое существует до настоящего времени и которое недалеко на восток или северо-восток от г. Ипека (см. Речник Даничича под словами Хвостно и Студеница, сербския летописи *ibid.*, о селе Студенице у Гильфердинга *ibid.* стр. 169). Из епископов хвостенских известен Иоанн, бывший при Милутине, в правление архиепископа Евстафия 2-го (MonumentaSerbica Миклошича р. 60).

4) Епархия топлицкая. Находилась в области того же имени, лежащей по р. Топлице, впадающей слева в болгарскую Мораву; кафедра епископа была в монастыре Св. Николая перенесения в Бар град, который построен был Стефаном Неманей и который находился на самой реке Топлице, при впадении в нее речки Баньской, в нынешнем городке или местечке Куршумле (сербские летописи *ibid.*; о построении Неманей монастыря у Стефана Первовенч. в Памяти. Шафар.

стр. 3 и у Дометиана по изд. Даничича стр. 7; о городке Куршумле с остающейся в нем древней церковью и речке Баньской у Гана в *Reise von Belgrad nach Salonik*, изд. 1-го стр. 20 и 135, изд. 2-го стр. 47). Из епископов топлицких известен Герасим, бывший при Милутине, в правление архиепископа Евстэфия 2-го (*Monumenta Serbica* Миклошича р. 60).

5) Епархия моравская или моравицкая. И моравской и моравицкой называлась по одной и той же реке – сербской Мораве, потому что река эта вниз от того пункта, где находилась кафедра епископа (нынешнего села Ариле), называется Моравой, а вверх к истокам – еще уменьшительно Моравицей (см. Речник географийско-статистичный Гавриловича, Белград, 1846, под словом Морава, и Гласн. XI, 278; область, лежащая по берегам верхней Моравы, носила тоже имя Моравицы, у Даничича в Речнике под словом Моравице). Кафедра епископа находилась в монастыре Св. Ахиллия или, по сербскому произношению, Архиллия (сербские летописи *ibid.*), в нынешнем селе Ариле, которое недалеко на восток от г. Ужицы, при впадении в Мораву реки Рзава (см. Гласн. X, 332 sqq и прилежную к книге карту ужицкого окружия, – автор помещенного здесь Описания ужицкого окружия утверждает, что церковь Св. Ахиллия была построена не ранее как Стефаном Дечанским; если он говорит правду, то прежде сего где была кафедра епископа – остается нам неизвестным; *cfr* однакож летопись в Памятниках Шафар. стр. 52 и у Каница в *Serbien* S. 142 нач.). Из епископов моравских известен Кирилл, бывший при Милутине, в правление архиепископа Евстафия 2-го (*Monumenta Serbica* р. 60).

6) Епархия дебрьская (по древнеслав. дьбрьская, по новосербски дабарская). В древнейших известиях относительно местности дебрьской епископии сообщается только то, что она была в самой Сербии (а не в Захолмии или Диоклее, – «срьбскаго дьбра» см. у Григоровича в Путеш. стр. 21) и на границе с Боснией (потому что кафедральный епископский монастырь подвергался нападениям боснийских еретиков, у Григор. *ibid.*). Позднейшая летопись, точнее определяя местность, говорит, что епископия была в Дабрех в пределе

вышеградском (Гласн. V, 37), т. е. города Вышеграда, который в настоящее время находится в Боснии, на границе с княжеством сербским, при впадении в Дрину реки Рзавы. Кафедральный епископский монастырь был в честь Св. Николая (сербские летописи *ibid*, у Григор. *ibid.*, Monumenta Serbica Миклошича р. 564). В последствии епископ дербьский стал вместе епископом и соседней Боснии и переместился в сию последнюю (см. ниже). Из епископов дербьских известны: Иоанн, бывший при Милутине, в правление архиепископа Евстафия 2-го (Monumenta Serbica р. 60), и Николай, упоминаемый под 1329 г. (у Григоровича *ibid.*).

7) Епархия зетская. Название епархии от области древней – Зеты или Диоклеи, нынешней Черногории. Кафедра епископа была в монастыре Св. Михаила (у Григоровича в Путеш. стр. 183, Родосл. стр. 29В нач. и 304 нач. и сербские летописи *ibid.*), который находился на восточном берегу Каттарского залива, в нынешней австрийской области Бокко-ди-Каттаро, недалеко на юг от города Каттаро или Котора (см. в Гласн. ХШ, 268 sub fin., – выписки из бумаг Венецианского архива). Владыка черногорский Василий Петрович в своей Истории о Черной горы (*sic*), в чтениях Общ. Ист. и Древн., 1860 г. кн. 2, стр. 2 нач., говорит, что монастырь этот, построенный Стефаном Первовенчанным, находился на Солиеком поле к востоку от уездов или волостей «Лущица, Кертале и Лешевичи; Милутинович в своей Истории Церне-Горе, Белград, 1835, стр. 12, говорит, что он находился «на дно Солиецкого или Гербальского поля» и что до настоящего времени видны его развалины; наконец, некто Ковчежич в своей книжке «За историю језик и обичаје Србасва три закона», Вена, 1849, стр. 34, говорит, что монастырь находился «на Превлаке, на дно Гербальского поля, на малом острове, который отделяется от твердой земли весьма узким проливом; в древней записи, у Григоровича *ibid.*, говорится о монастыре, что он находился «на месте глаголом Иловице». Из епископов зетских известны: Иларион, первый поставленный Св. Саввою (Monumenta Serbica Миклошича р. 17, *cfr* помянутую выше Историю о Черной горы влад. Василия стр. 3), Неофит, упоминаемый под 1262 г. (у Григоровича *ibid.* стр. 183) и

занявший кафедру весьма задолго пред тем или может быть имевший предшественника одного с собой имени (Родосл. 295 нач.; упоминаемый под 1269 г. епископ области Св. Михаила Теофит, по всей вероятности, есть сей же Неофит, Arkiv Савцинского IV, 343, Monum. Serb. p. 50), Евстафий, бывший епископом после 1264 г. и потом под именем Евстафия 1-го всесербским архиепископом (Родосл. стр. 303 fin. sqq, cfr запись в Дометиановом житии Немани, изд. Данич. стр. 116, по которой в 1264 г. он уже хилендарский игумен), Иоанн, бывший при Милутине, в правление архиепископа Евстафия 2-го (Monumenta Serbica p. 60).

8) Епархия будимльская. Будимль, по которому называлась епархия, в древнее время город, в настоящее время село с развалинами крепости, находится в области полусвободного сербского племени Васоевичей, в санджаке скодрском или Скадарском, близь северовосточной границы Черногории, севернее городка Гусинье (см. в Гласнике кн. XXII, стрр. 69 и 70, в статье Миличевича о племени Васоевичей). Кафедра епископа была в монастыре Св. Георгия, построенном старшим братом Стефана Немани Первославом (сербския летописи *ibid.* и у Миличевича в Гласн. *ibid.*), который в полуразвалинах существует и до настоящего времени и который находится к северу от того же городка Гусинье в селе Беране (см. у Миличевича *ibid.* и на карте, приложенной к «Четырем месяцам в Черногории» Е. Ковалевского, Спб. 1841, – «Жюржевы ступы», т. е. Юрьевы столпы, Георгиева двустолпная церковь). Из епископов будимльских известны: Феофил, упоминаемый под 1252 г. (см. запись на сербской Кормчей, напеч. в Сербско-далматинском Магазине 1866 г. кн. XXV, стр. 186, – в записи есть и о кафедре, которая по ней именно при церкви великомуч. Георгия), Герман, бывший при Милутине, в правление архиепископа Евстафия 2-го (Monumenta Serbica p. 60).

9) Епархия холмская или захоумская. Обнимала все княжество холмское или нынешнюю Герцеговину; о ней скажем особо, когда будем говорить вообще о христианстве в сем последнем княжестве.

10) Епархия липлянская, иначе грачаницкая (или градецкая). Липлян, в древнее время город, в настоящее время большое село, находится на Косовом поле, на правом берегу реки Ситницы (см. Гана *Reise von Belgrad nach Salonik*, 1-го изд. § 161 и первую приложенную к книге карту и Гильфердинга в Записках Географич. Общ. кн. XIII, стр. 234). Монастырь Грачаница или Грачаницкий (также Градецкий, cfr Даничица Речник под словами: Градьць и Градьцьскый) в честь Благовещения Пресв. Богородицы, в котором была кафедра епископа липлянского (*Monumenta Serbica* Миклошича р. 562 и сербские летописи *ibid.*), существующий до настоящего времени, находится на реке Грачанице, впадающей справа в Ситницу, верстах в 10 на северо-запад от Липляна и верстах во столько же на юго-восток от города Приштины (см. Гана *Reise*, 1-го изд. § 71, 2-го изд. § 121 и карты при обоих изданиях, Гильфердинга *ibid.* стр. 234 fin. sqq). Епархия липлянская или грачаницкая открыта после Св. Саввы, потому что в заслуживающих веры известиях и называется в числе епископий, учрежденных сим последним (см. в Памятн. Шафар., стр. 54, хризовул самого Св. Саввы и брата его первовенчанного краля Стефана); но когда именно – при Милутине ли, при котором впервые упоминается, или несколько ранее, остается неизвестным. Из епископов липлянских или грачаницких известны: Антоний, бывший при Милутине, в правление архиеп. Евстафия 2-го (*Monumenta Serbica* Миклошича р. 60), Игнатий, упоминаемый под или перед 1322 г. (*ibid.* р. 563).

11) Епархия кончульская. О времени открытия сей епархии должно быть сказано то же самое, что предшествующей, т. е. что она открыта после Св. Саввы, но ори Милутине или ранее – неизвестно (единственное известное упоминание о ней, относящееся к последним годам правления Милутина, см. в Памяти. Шафар. стр. 54). Местность епархии и местопребывание епископа точно также пока остаются достоверным образом неизвестными. Даничич, не знаем – говоря правду ли, утверждает, что существовал монастырь Кончул, который находился на верхней болгарской Мораве

выше городка Врани, и что будто в сем именно монастыре и была кафедра епископа кончульского (в Речнике под словом Кончульским; у Гана в 1-м издании Reise на первой карте поставлена на левом берегу Моравы выше Врани, близ местечка Трновац, албанская деревня Кондюл: но так как он совсем не упоминает о ней в тексте сочинения, то нужно полагать, что в ней нет никаких остатков и памятников христианской древности). В житии архиепископа Даниила 2-го упоминается другой монастырь Кончул во имя Николая Чудотворца, находившийся где-то на р. Ибре (Родосл. стр. 335). Если и действительно существовал первый монастырь, то, как кажется, вероятнее, что кафедра епископа находилась во втором.

12) Епархия звечанская, иначе баньская. Город Звечан, в настоящее время в развалинах, находился недалеко на запад от городка Митровицы, который в северо-западном углу Косова поля, при впадении Ситницы в Ибар (см. Гильфердинга *ibid.* стр. 295 sqq). Монастырь Баньска во имя первомученика Стефана, созданный Милутином (у Шафар. в Памяти, стр. 53 и 60 и Родосл. стр. 149 fin.), находился верстах в 15 на запад от того же городка Митровицы, на реке Баньска, впадающей в Ибар (Гильферд. *ibid.* 300 sqq). Что епархии звечанская и баньская были не две особые епархии, как думают некоторые, а одна и та же, называвшаяся по главному городу области звечанской, а по кафедральному монастырю баньской, видно из того, что архиепископ Даниил 2-й, до поставления в архиепископы бывший епископом в монастыре Баньска (Родосл. стр. 357 sqq), называется в актах звечанским (*Monumenta Serbica* Миклошича р. 60). Быв открыта Милутином, епархия звечанская или баньская им же была и закрыта (Родосл. стр. 360). Из немногих епископов звечанских или баньских известен сейчас помянутый Даниил (*ibid.*).

13 и 14) Епархии призренская и скопийская. Города Призрен и Скопия (Ускюб) были завоеваны Милутином у греков в первые годы правления. В Скопии кафедра епископская существовала уже прежде (при болгарях и греках); когда открыта была Милутином кафедра в Призрене — неизвестно, но при

архиепископе Евстафии 2-м она уже упоминается (см. у Григоровича в Пушеш. стрр. 41 и 46 и Monumenta Serbica Миклошича р. 60). Кафедральной церковью епископии призренской, по одним известиям, была созданная Милутином церковь Успения Богородицы (Родосл. стр. 138), по другим известиям – созданная им же церковь Св. Стефана (см. у Даничица в Речнике под словом Призрен).

Из епископов призренских известны: Дамиан, бывший при Милутине, в правление архиепископа Евстафия 2-го (Monumenta Serbica Миклошича р. 60), Савва, вероятно преемник Дамиана, бывший потом под именем Саввы 3-го всесербским архиепископом (Родосл. стр. 325), Арсений, упоминаемый под 1333 г. (Monum. Serb. р. 104 fin.).

Из епископов скопийских известен Николай, бывший при Милутине, в правление архиеп. Евстафия 2-го (Monumenta Serbica р. 60).

15) Епархия браничевская. Область браничевская обнимала северо-восточную часть нынешнего княжества сербского между правым берегом соединенной Моравы и Дунаем; небольшой юго-западный угол ее, вероятно, был приобретен еще Стефаном Неманей, а окончательно вся она была завоевана у болгар Милутином. Сербская епархия браничевская не была вновь открытою епархией, а только продолжением уже прежде существовавшей здесь епархии болгарской (упоминается в хризовуле Милутина, писанном при архиеп. Никодиме, у Григоровича в Путеш. стр. 48 нач.). Кафедра епископа браничевского находилась при церкви Св. Николая (сербские летописи *ibid.*); но в каком месте искать этой церкви, остается неизвестным (города Браничева, в котором бы всего естественнее предполагать кафедру, в то время, по всей вероятности, уже не существовало; сербские исследователи предполагают, что она находилась или в нынешнем селе Каона, которое на левом берегу впадающей в Дунай ниже Млавы небольшой реки Пек, или в селе Ждрело, которое на юг от Каоны, на правом берегу Млавы, см. Гласн. IV, 191 sqq и приложенную карту: относительно Каоны мы ничего не можем сказать; но что касается до Ждрела, то при Милутине оно

составляло вотчину архиепископского Жичского монастыря, Родосл. стр. 117, и монастырь впервые построен в нем князем Лазарем, притом не Св. Николая, а Богородицы. Monumenta Serbica pp. 194 и 212fin.).

16) Епархия мачевская. Мачвой называлась область, лежащая по правому берегу нижней Савы, начиная от впадения в нее Дрины, и по тому же берегу Дуная вниз до Моравы. Мачва или область мачевская в древнейшее время никогда не принадлежала сербам, а переходила из одних рук в другие между греками, болгарами и венграми. В начале второй половины XIII века она принадлежала венграм, и сими последними была отдана в вассальное владение старшему брату Милутина Драгутину, когда он отказался в пользу брата от своего королевского престола. После смерти Драгутина она на некоторое весьма недолгое время совсем была завоевана у венгров Милутином, и в это-то только время могла быть открыта в ней епархия одного и того же с нею имени (епархия упоминается в хризовулах Милутина, писанных при архиеп. Никодиме, т. е. именно в последние годы правления после смерти Драгутина, см. у Григоровича в Путеш. стр. 48 и в Памятн. Шафар. стр. 54). Где была поставлена кафедра епископа, остается неизвестным, но нет сомнения, что под нею не должна быть разумеема кафедра белградская, потому что иначе и называлась бы белградскою. Вместе с обратным переходом Мачвы прекратилось кратковременное существование и новоучрежденной епархии.

17) Епархия белградская. Старший брат Милутина Драгутин, как мы сейчас сказали, после отказа от своего сербского престола владел на правах венгерского вассала принадлежавшею венграм областью мачевской. Во время его владения в главном городе области Белграде была своя православная кафедра. Вероятно, по причине особого положения здешнего епископа, кафедра именовалась не просто епископией, а митрополией (Родосл. стр. 97; как кажется, митрополит даже и не был подведом архиепископу сербскому: по крайней мере ни в одном из известных в настоящее время хризовулов имени Милутина не упоминается на ряду с прочими

епископами, см. у Григоровича в Путеш. стрр. 41, 46 и 48, в Памяти. Шафар. стр. 54 и в Monumenta Serbica p. 60; позволяли ли венгры быть в Белграде православному епископу во время своего непосредственного владения областью, остается неизвестным).

18) Епархия нишская. Область нишская (или по реке – нишавская) в значительнейшей части своей принадлежала сербам еще со времени Стефана Немани, но самый город Ниш был завоеван ими у болгар только в позднейшее время, не ранее правления Стефана Дечанского. Вместе с этим завоеванием и постоянно существовавшая здесь у болгар епископская кафедра перешла из-под ведения патриарха болгарского в ведение архиепископа сербского (что город Ниш был завоеван сербами у болгар не ранее Стефана Дечанского, это видно из того, что в хризовулах Милутина даже и относящихся к последним годам правления еще не упоминается епархии нишской).

III. Сербский патриархат. 1346–1766

История учреждения сербского патриархата весьма коротка и проста. Стефан Душан, задумав принять титул царя или императора, решил вместе с тем переименовать в патриархи и своего архиепископа. Это он и сделал единственно своей собственной властью, не только не предпринимав по сему поводу каких-нибудь сношений с патриархами греческими, но и не побоявшись привлечь на себя, из-за некоторых привходящих обстоятельств, церковное отлучение патриарха константинопольского. Точной хронологической даты события в сербских известиях, по обычаю, нет; но так как оно вообще имело место непосредственно пред принятием царского венца самим королем, то должно быть относимо или к концу 1345 или к началу 1346 г. (потому что Душан короновался царским венцом 16 апреля 1346 г., Родосл., запись в Истории сербского языка Майкова стр. 239 fin.).

1. Ряд патриархов

1) Иоанникий, на котором остановились мы выше в перечислении архиепископов. Был возведен в патриархи на 9-м году своего правления; всего сидел на престоле 16 лет 8 месяцев и умер 3 сентября 1364 года

2) Савва 4-й. Был поставлен на место Иоанникия в ноябре – декабре того же 1364 года; правил 20 лет и 6 месяцев и умер 29 апреля 1376 года (год смерти этого патриарха, как мы говорили выше, после приблизительных расчислений от начала правления архиепископа Иакова точным образом определяется при помощи того указания, что он умер 29 апреля в антипасху или Фомино воскресенье, – Фомино воскресенье 29 и Пасха 22 апреля были именно в сем 1375 году).

Мы упомянули выше о церковном отлучении, которое привлек на себя Душан от патриарха константинопольского. Сопровождавший это отлучение неприязненный раскол двух церквей, продолжавшись довольно долгое время, окончился в последние годы правления сего второго сербского патриарха, и

мы скажем о нем здесь. Душан вознамерился принять царский титул и переименовать своего архиепископа в патриархи после того как сделал весьма большие завоевания в Византийской империи. Часть завоеванных областей принадлежала в церковном отношении архиепископу ахридскому, который теперь и сам стал подданным сербского государя, а другая часть, именно восточная Македония по ту сторону Вардара и Фессалия с горным Эпиром и Аккарнией по ту сторону Быстрицы и Воюцы – патриарху константинопольскому. Оставив неприкосновенным самовластие архиепископа ахридского как своего, Душан не хотел, чтобы попрежнему оставались в заведывании чужого, в смысле государственном, патриарха константинопольского архиерейские кафедры тех завоеванных областей, которые прежде принадлежали к диоцезу сего последнего, и заместив их вместо греков сербами, присоединил их к своему патриархату пекскому²⁹². Это и было причиной отлучения и вражды. Патриарх константинопольский не совсем справедливым, хотя и весьма понятным, образом нашел, что сербы учинили несправедливое церковное хищение и потребовал, чтобы, несмотря на государственную власть, все принадлежавшее прежде ему попрежнему было оставлено за ним; когда Душан отказал ему в этом, он и произнес свое отлучение на него, и на его патриарха, и на все его духовенство и вообще на всю церковь сербскую. Еще сам Душан, вероятно, беспокоимый смущением своих подданных находиться под клятвою вселенского патриарха, пытался было устроить примирение; но так как он все-таки не хотел уступить относительно епархий, то не уступил с своей стороны и патриарх. В двенадцатилетнее правление сына Душанова Уроша, по тем или другим причинам, сербы вовсе не заботились о лежавшем на них отлучении, и дело опять было возобновлено только после того как в 1367 г. место Уроша занял Волкашин. Брат сего последнего Иоанн Углеш, бывший деспотом или удельным владетелем тех именно областей, из-за которых были спор и вражда, или в конце того же 1367, или в начале следующего 1368 г. отправил в Константинополь к патриарху Филофею посольство, с которым изъявлял свою готовность

уступить его требованиям и просил его прислать в Сербию свое посольство, которое бы сняло его клятву с отлученных. Патриарх тотчас же послал в Сербию это свое посольство, и затем, после довольно продолжительных, неизвестно от чего происшедших, замедлений, в начале 1371 г. мир было объявлен совершенно восстановленным. Однако на этот раз он не был еще окончательным. В том же 1371 г. Углеш вместе с Вукашиным погибли в войне с турками, и – как следует думать – патриарх сербский, пользуясь наставшим государственным безначалием, отказался подчиниться условиям состоявшегося помимо его воли соглашения, т. е. уступить патриарху константинопольскому эти спорные епархии. Окончательным восстановителем мира был некто старец Исаия (по всей вероятности тот самый, который известен переводом творений Дионисия Ареопагита, см. Румянц. Муз. Востокова № 93, стр. 161 sqq); явившись к преемнику Вукашинову Лазарю и возбудив его благочестивую ревность, он успел по поручению князя убедить к уступчивости и патриарха (т. е. своего сербского, – «едва умоли» его), а потом с полномочием князя и собора всей земли отправился в Константинополь, где от помянутого выше патриарха Филофея и принят был с прежнею готовностью и получил все, чего искал (и даже, если верить сербским сказаниям, более того, – по сим последним, он будто бы успел достигнуть, что патриарх сербский был призван при сем в Константинополе за действительного патриарха). Это было в начале 1375 года (Исаия возвратился из Константинополя в Сербию с посланниками патриарха Филофея незадолго до смерти своего патриарха Саввы. Сведения об этих вражде и примирении сербов с греками содержатся – за время до смерти Углеша в греческих официальных актах, которые см. в Acta Patriarchat. Constantinop. Миклошича t. 1, № № 300, 301, 303, 306, – за время после Углеша при Лазаре в сербском Родослове и из сего последнего в некоторых сказаниях новейших, см. напр. Гласн. XI, 161 sqq и XXI, 247 и 253 fin. sqq).

3) Ефрем 2-й. После смерти Саввы кафедра патриаршая стала предметом спора между целой толпой честолюбивых и корыстолюбивых соискателей (вероятно, каждый удельный

владелец или деспот поддерживал своего кандидата); по устранении этих соискателей, Ефрем был избран 3 октября 1376 года (Родосл.). Правив очень недолго, неизвестно – сколько именно, но не далее 1382 года (в сем году его преемник), удалился с престола (что удалился, а не умер, см. в Monum. Serb. p. 212 и у Григоровича в Путеш. стр. 24, где в 1387 г. он – бывший патриарх), по словам одной позднейшей летописи, вследствие того, что «был великий раздор в архиереях, всякий под своим князем был особо и не было истинного повиновения своему архиепископу» (Гласн. V, 80. – Записью о поставлении патр. Ефрема кончается сербский Родослов. Нарочитых сказаний о последующих патриархах нет; имена их известны из каталогов, которых мы имели три: 1) напечатанный из рукописи XVII в. в Гласнике кн. XI, стр. 160 sqq; 2) напечатанный в «Дечанских Спомениках» архим. Рпстича стр. 81 sqq, и взятый из какой-то старой латинской книги, вероятно, из Historia Serviae Пеяцевича, которой, к сожалению, у нас нет; 3) принадлежащий сербо-австрийскому писателю настоящего столетия епископу Лукиану Мушицкому и напечатанный в Гласнике кн. VI, стр. 25 sqq).

4) Спиридон. Упоминается под 1382–1387 годами (см. Гласи. XXIV, 265, у Григоровича в Путеш. стр. 24 и 83 и у Майкова в Истории сербского языка стр. 4, cfr летопись в Гласи. V, 80).

5) Даниил 3-й. Упоминается в правление деспота Стефана Лазаревича до 1406 г. (Monumenta Serbica p. 568, – при жизни матери Стефановой Милицы, которая умерла в сем 1406 г.; см. также у Григоровича О Сербии прибавл. стрр. 62 и 70, Дечанских Споменяков стр. 42 fin. и Гласн. XXIV, 276).

6) Савва 5-й. Известно одно только имя (в каталогах). По одной из позднейших летописей после Саввы опять был на патриаршестве Ефрем (Гласн. V, 80).

7) Кирилл 1-й. Упоминается при деспоте Стефане Лазаревиче после 1407 года (в житии сего деспота, Волокол. ркп. № 655, л. 177, § 52, – в день Пятидесятницы неуказанного года освящал церковь в монастыре Ресавском, который начат был строением в 1407 году).

8) Никон. Упоминается под 1420 – 1427 годами (Гласн. XXIII, 242 и житие Стефана деспота § 90, – Константин Костенчский писал житие по поручению сего патриарха, данному тотчас же после смерти Стефана, а сей последний умер 19 июня 1427 года).

9) Феофан. На соборе, бывшем в Боснии в 1446 г., присутствовал Theophanes Diocleaeseu Pechinae patriarcha regni Rasciae graecanici ritus, т.-е. Феофан греческого обряда сербский патриарх Диоклеи или Печи (см. деяния собора в издании Фарлати *Illyricum Sacrum* t. 4, p. 68 и в издании Баттиана *Leges ecclesiasticae regni Hungariae* t. III, p. 452 нач.). Но остается пока за достоверное неизвестным – был ли это действительно печский и действительно православный сербский патриарх, или только так названный получившими тогда совершенное господство в Боснии латинянами один из поставленных ими епископов униатских (см. ниже в истории боснийской церкви). В известных в настоящее время каталогах патриархов с именем Феофана ни в котором нет ни одного; в найденном и напечатанном г. Гильфердингом помяннике Сопочанского монастыря есть патр. Феофан (см. Записок Географич. Общ. т. XIII, стр. 152), но показания сего последнего не совсем надежны (как кажется, в записях его патриархи перемешаны с митрополитами и епископами).

10) Никодим. Упоминается под 1446–1451 годами (см. Дечански Споменици Ристича стр. 44 fin., Описание Хиленд. лавры в Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1867 г. кн. 4, стр. 136 и Шафарика *Geschichte d. Südslaw. Literat.* III, 212, № 135. По приводимой Ристичем записи, Никодим упоминается в 1446 г. под 14 января, а боснийский собор, на котором присутствовал Феофан, был в том же году позднее – в праздник Иоанна Крестителя; таким образом, если предполагать, что Феофан был действительный печский патриарх, то нужно будет признать неправильным или год собора у его издателей, или год записи у Ристича).

11) Арсений 2-й. По Мушицкому и по некоторым записям (Гласн. XXIII, 243), при этом патриархе окончательно покорена была турками Сербия (что было в 1459 году).

В каталоге, напечатанном у Ристича, пропущены патриархи Никон и Никодим, и вместо них между Кириллом и Арсением Домин и Данило 4-й.

12) Макарий 1-й. Упоминается под 1557 – 1574 годами (см. Заметки поклонника Св. Горы, Киев, 1864, стр. 125, Записок Географич. Общества кн. XIII, стр. 173, Григоровича Путеш. стр. 189 fin., Turcograeciae Крузия lib. IV, p. 290 и Гласн. XXIII, 244 sqq). Одна из позднейших сербских летописей говорит, что он был брат тогдашнего великого визиря (вероятно, боснийского потурченца, знаменитого Магоммеда Соколлы или Соколовича, который из вторых визирей возведен был в великие визири в 1565 г.) и что с дозволением, выпрошенным у правительства через сего последнего, он поновил все сербские монастыри и церкви (Гласн. V, 75; патриарший Печский монастырь действительно был им поновлен, см. Запис. Географ. Общ. ibid.).

В сопочанском помяннике между Никодимом и сим Макарием нет Арсения и поставлены новые трое: Павел, Феодосий и Феофан (Записок Географич. Общ. XIII, 152). Так как между Арсением и Макарием целый столетний промежуток, то нет сомнения, что в каталогах тут пропуск.

13) Павел. Известно одно только имя (в каталогах).

14) Антоний. По одной из сербских летописей умер в 1574 г. (см. у Майкова в Истории сербского языка стр. 52 прим. sub. fin.); следовательно, если справедливо показание летописи, как он, так и предшественник его правили не более как по несколько месяцев (вероятно, он есть тот Антоний, который в 1570 г. был митрополитом герцеговинским и который был племянник патриарху Макарию, Гласн. XXIII, 245).

15) Герасим. Упоминается под 1579–80 годами (см. Гласн. XXIII, 246 fin. и Загребск.Rad I. 177).

16) Савватий.

17) Никанор.

Известны одни имена (в каталогах).

18) Иерофей. В каталогах этот патриарх пропущен, но об его существовании свидетельствуют современные записи.

Упоминается под 1589 г. и умер, по некоторым показаниям, 17 Февраля 1591 г. (Гласн. XXIII, 247).

19) Иоанн. В первый раз упоминается под 1592 г. (Гласн. XXIII, 247). В 1606 г. сноился с австрийским правительством о свержении турецкого ига (см. *Slawische Bibliothek* Миклошича и Фидлера т. 2, стр. 288 sqq); умер 14 октября 1614 г. (Arkiv Сакцинского III, 29fin.; еще упоминания о нем у Чапловича в *Slavonien und zum Theil Croatien*, Pesch, 1819, ч. 2, стр. 217, Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1867 г. кн. 4, III, 125, в Сербском журнале Даница кн. 1862 г. стр. 6 и 31, в Србско-далматинском Магазине 1843 г. стр. 105 fin. Sqq, у Иоакима Вуича в Путешествии по Сербии, у Будиму, 1828, стр. 168. У Григоровича в Путеш., стр. 35 fin., Иосиф вместо Иоанн ошибочно).

В сопочанском помяннике между Макарием и сим Иоанном нет Павла – Никанора каталогов, и вместо них свои двое: Савватий и Филипп (ibid).

20) Паисий. Поставлен на место Иоанна из митрополитов новобрдовских или в том же 1614, или в следующем 1615 г. (Arkiv Сакцинск. III, 30 нач., Дечански Споменици Ристича стр. 19 и Monumenta Serbica p. 558). В 1641 г., по ходатайству одного приехавшего на жительство в Россию сербского митрополита, царь Михаил Федорович дал сему патриарху в его Печский монастырь жалованную грамоту на проезд в Москву за милостыней через каждые семь или восемь лет (Сношений России с Востоком Муравьева ч. 2, стр. 219 и 236 sqq). Последнее известное упоминание о нем под 1646 г. (Записок Географич. Общ. XIII, 168 прям.) в конце которого (2 ноября), как свидетельствуют некоторые, он и скончался (Гласн. XX, 210 fin.), достигнув весьма глубокой, более чем столетней, старости (Сношен, с Восток. ч. 2, стр. 237; еще упоминания о нем в Записках Географ. Общ. XIII, 311 и 312, Гласн. VIII, 150, XI, 173 и XXII, 211 прим, и 232 fin., Дечанских Спомениках стр. 40 и 43, Сношениях с Восток. ч. 2, стр. 4 и ч. 3-, рукоп. л. 563 об., Србско-далматинск. Магазине 1866 г. кн. XXV, стр. 187, Данице 1826 г. стр. 25 и Путешествии по Сербии Вуича, у Будиму, 1828, стр. 340). Патриарх сей принадлежит к числу сербских писателей, именно – он написал житие царя Стефана

Душана и сына его Уроша (напеч. в Гласи. XII, 213 sqq; некоторые усвоят ему еще житие Св. Стефана Штиляновича или Шилиновича, но едва ли справедливо, cfr Шафарика Geschichte d. Südslaw. Literatur III, 129. 198 нач. и 246. В Гласнике, кн. I, стр. 159, напечатана грамота патриарха Максима от 1623 г.; но более чем вероятно, что дело должно понимать не так, что неким Максимом была на время восхищаема у Паисия кафедра патриаршая, а так – что ошибка в годе грамоты и что она принадлежит патр. Максиму, бывшему вторым преемником Паисия).

В сопочанском помяннике между Иоанном и сим Паисием двое новые: Герасим и Симеон (ibid.).

21) Гавриил Раич. Поставлен неизвестно когда раньше второй половины 1650 г. (есть его грамота от ноября сего года, напеч. в Србско-далматинском Магазине 1863 г. стр. 164). В 1654 г. (в мае) приехал было в Россию на вечное житие, но в 1656 г. (в марте) после двухгодичного пребывания в Москве снова отпросился на родину (Сношений с Востоком ч. 3, л. 738 об., 743 об. и Дополнений к 3-му тому Дворцовых разрядов, Спб., 1854, стр. 28; в поклон царю и патриарху Никону Паисий привез с собой некоторые книги, именно – «письменные книги Типик и Сборник патриарха цареградского Михаила Кавасилы на латинскую ересь и Житие и повести сербских царей и патриархов (все эти книги он предлагал Никону напечатать), да еще три книги: Свиток жития всех святых сербских, откуда изыдет царствие и патриаршество, тетради Кирилла Философа и учителя славянского и книгу Василия Великого с тремя напечатанными литургиями», Сношений с Восток, ч. 3, л. 740 fin., во время морового поветрия 1654 г., когда Никон по приказанию царя отправился оберегать удалившееся из столицы его семейство, Паисий исправлял за него обязанности епархиального архиерея, именно – посвящал ставленников, ibid. л. 741 sqq; в 1655 г. вместе с находившимся тогда в Москве антиохийским патриархом Макарием он присутствовал на соборе по делу исправления богослужебных книг, предисл. к Служебнику 1655 г., и потом с тем же патр. Макарием давал ответ на письменный запрос Никона о сложении перстов для

крестного знамения, в Никоновск. Скрижали в слове отвещат. к читателем). О случившемся с Паисием после его возвращения домой Мелетий афинский в своей Церковной истории пишет: «когда архиепископ сербский отправился в Московию, некто Максим восхитил его архиепископский престол; когда же архиепископ, – он назывался Гавриилом, – возвратился и усиливался снова получить престол, Максим оклеветал его пред государем (султаном) как зложетателя царской власти, почему он (Гавриил) и повешен был в Пруссе» 'Εκκλησιαστικὴ Ἱστορία т. 3, Вена, 1784, стр. 466). Согласно с Мелетием пишет, передавая дело с несколько большими подробностями, и составитель книги: «Христианские мученики на Востоке, пострадавшие со времени взятия Константинополя Турками» (русск. перев. свящ. Соловьева, Спб., 1862, 100). Но едва ли у обоих писателей Гавриил сербский не смешивается с современным ему Гавриилом греческим, который, быв недолгое время патриархом константинопольским и потом быв смещен в митрополиты брусские, действительно был повешен турками в сем последнем городе (см. Захария Мафу в Христ. Чтен. 1862 г. кн. 1, стр. 775). В наших русских известиях от половины 1657 г., принесенных из Константинополя одним сербским митрополитом, читается о Гаврииле сербском следующее: «будучи в Цареграде, видел он (митрополит, принесший вести) сербского митрополита и сербов, которых расспрашивал о их патриархе Гаврииле; они сказали, что над ним никакого лиха от турок не было, и он в сербской земле здравствует; на патриаршеский же престол избран новый патриарх Максим из митрополитов для того, что когда Гавриил был в Москве, то писал от себя в сербскую землю ко властям, что остался в Москве на имя царского величества и чтобы они избрали себе нового патриарха, кого хотят, и по такому его письму, они избрали себе нового патриарха, а ныне Гавриил хочет попрежнему быть на патриаршеском престоле, но власти того не хотят» (Сношений с Востоком ч. 3, л. 804 об. Наши русские известия, как мы сказали, от половины 1657 г., а в книге «Христианские мученики» упоминание патр. Паисия относится к несколько более позднему времени, – именно к 1659 г.; но этот

1659 г. подозрительным образом совпадает с выставленным у Мафы годом удавления греческого ех-патриарха Паисия, и мы думаем, что составитель или переводчик книги просто взяли его у сего последнего, перенеся с одного Гавриила на другого. Из приведенных слов сербского митрополита следует заключать, что носились слухи о насильственной смерти патр. Гавриила: эти слухи и могли подать повод смешать его с Гавриилом греческим).

22) Максим. Преемник Гавриила. В 1664–65 г., по случаю устроенного тогда австрийским правительством восстания христианских народов Турецкой империи, тайным образом провозгласил на будущее сербское деспотство потомка последних сербских деспотов Юрия Бранковича (у Раича кн. XI, гл. VII, § 7 sqq). Умер 30 октября 1681 г. (каталоги в Дечанск. Спомен. и у Мушицкого, и Гласн. XXIII, 249. В 1664 г. царь Алексей Михайлович, желавший оставить на житье у себя в Москве одного сербского митрополита, имел нужду писать об этом к его патриарху. Когда спросили митрополита, как писать титул патриарха, он отвечал: «Максим Божиею милостию архиепископ пекский и патриарх всем сербам и болгарам, западного поморья и всем северным странам». Но грек Паисий митрополит газский представлял, что настоятели ахридский и пекский не патриархи, и именуют себя патриархами самовольно, и что нужно написать: «Максину Божиею милостию архиепископу пекскому и сербскому». Чтобы решить недоумение, сделали справку, как титулован был приезжавший в Москву предшественник Максима Гавриил, и когда оказалось, что постоянно патриархом, написали титул, как сказал сербский митрополит, Сношений с Востоком ч. 3, л. 859 sqq).

23) Арсений 3-й Черноевич. По не совсем надежной надписи на одной книге, был патриархом уже в 1676 г. (в Дечанских Спомениках стр. 45), и следовательно поставлен еще при жизни Максима. В 1688 г., вместе с воеводой валашским Щербаном Кантакузеном и с находившимся тогда в Валахии низложенным константинопольским патриархом Дионисием, писал в Москву, убеждая наше правительство поднять оружие против турок (Сношений с Востоком ч. 4, л. 1099 об. fin. sqq). В

1691 г., во время войны австрийцев с турками, соблазненный обещаниями австрийского правительства, бежал в Австрию, выведши с собой до 37 тысяч сербских семейств (Гласн. XX, 8, у Раича кн. XI, гл. IX, § 4). В 1696 г. присылал в Россию за милостыней, прося возобновить жалованную грамоту, данную при Алексее Михайловиче патр. Гавриилу (Сношений с Востоком ч. 4, л. 1025 sqq. Еще см. о нем ниже в истории сербской церкви в Австрийской империи).

24) Каллиник 1-й. По одной, как кажется, современной записи, он был родом грек, присланный в 1696 г. из Константинополя с двумя греческими архиереями, которые и поставили его в патриархи (Гласн. XXIII, 250 fin.). Если показание записи справедливо, то дело нужно понимать так, что бегство Арсения сделало подозрительными для турецкого правительства природных сербов. По каталогу Мушицкого – он серб, из знатной фамилии Монастерлиев (о которой см. у Раича). В каталоге Дечанских Спомеников о нем замечено: «в то время была война с немцами, и патриарх сей был на этой войне первым». Умер 16 августа 1710 года. (Гласн. XXIII, 251).

25) Афанасий 1-й, родом, как кажется, серб. Поставлен был в патриархи из митрополитов скопийских 6 января 1711 года (Гласн. XXIII, 251).

28) Моисей, родом серб. Поставлен был в патриархи из митрополитов расских 6-го октября 1712 года (Гласн. XXIII, 251).

27) Арсений 4-й Иоаннович, родом серб. Поставлен в патриархи из митрополитов расских в конце 1724 или начале 1725 г., еще при жизни Моисея, впрочем правильно, а не хищением (т. е. вероятно Моисей отказался от престола, Гласн. IX, 247, XXIII, 251). В 1738 г., подобно Арсению Черноевичу, бежал в Австрию, при чем большая часть последовавших за ним сербов или погибла от меча турок, или ворочены были сими последними назад и подверглись всем ужасам отмищения (у Раича кн. XI, гл. XIV, § 1 sqq, Гласн. XX, 12).

28) Иоанникий 3-й, константинопольский грек. Прислан был турецким правительством на кафедру патриаршую, вероятно, вскоре после бегства Арсениева. После 1744 года переведен был на митрополию халкидонскую; с 1760 г. в продолжение

четырёх лет был патриархом константинопольским (см. Захария Мафу в Христ. Чтен. 1862 г. кн. I, стр. 794 и 798). Владыка черногорский Василий Петрович в своей «Истории о Черной горы», писанной в 1654 г., сообщает об этом Иоанникии следующие известия: «(архиереи сербские) бедне живут в подданстве турецком, а больше озлобляеми от греков, якоже случилось в прошедшей брани, в лето 1737 году, Караж Иоанникий²⁹³ грек в Константинополе султану представивши челобитную, что Сербли с своим природным патриархом и архиереи всегда изменницы Турской империи, овогда к России, овогда Цесарю, иногда Венецианом²⁹⁴; на кое прошение султан нынешний, Махомет, позволил Караж Иоаникиа быти патриархом сербским, которы (который) премного озлобил народ сербский, ходя с указом султанским по сербской земли и поставляя греки архиереи, муча народ и деньги насилу (насильственно) взимав. Он щастлив, что далече уступи от Черние Горы (т. е. он счастлив, что по дальности не мог попасться в руки черногорцам); обаче насилу в конец убежа от народа сербскаго в Константинополь с великим богатством, попленив святыя церкви и народ сербский, а особливо сербскую патриархию Пекскую одрав до самых стен, и ничтоже в ней изоставив, кроме святых мощей, которие тамо почиваютъ» (Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1860 г. кн. 2. стр. 14).

29) Афанасий 2-й Гаврилович, родом серб Поставлен неизвестно когда прежде 1749 г. (см. его грамоту от 1 Февраля сего года в Србско-далматинском Магазине 1861 г., стр. 242); в начале 1752 г. находился в Черногории, вероятно, бежав с своей кафедры, и отсюда писал к нашей императрице Елизавете Петровне, предстательствуя за черногорцев (Чтений Общ. Ист. и Древн. 1868 г. кн. 1, Смеси стр. 236; еще упоминания о нем: А. Попова Путешествие в Черногорию, Спб., 1847, стр. 90, Записок Географич. Общ. XIII, 664, Србско-далмат. Магаз. 1862 г. стр. 140 и 152).

30) Гавриил 2-й, родом серб.

31) Гавриил 3-й, родом грек.

Который-то из этих двоих после низложения с архиепископии был митрополитом нишским (упоминается на сей

последней кафедре под 1766 г., см. в брошюре Τὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς Ἀχρίδων καὶ Πεκίω, ἐν Κονστα ντινούπολι, 1860, стр. 63).

32) Викентий, родом серб. Так в каталоге Мушицкого; в каталоге Дечанских Спомеников на месте сего Викентия – Авксентий. Как видно из указания места рождения, в обоих разумеется одно и то же лицо; в котором правильнее, остается неизвестным.

33) Паисий 2-й, по Мушицкому серб, по Дечанским Споменикам грек (в сих последних, стр. 38, есть запись о патр. Паисие под 23 августа 1743 г., но в годе, нет сомнения, ошибка.

34) Кирилл, родом грек. Каталог Дечанских Спомеников, вероятно, смешивая этого Кирилла с следующим, пропущенным в нем Гавриилом Хромым, говорит о нем: «сей Кирилл потурчился и населил турками (город) Печь».

35) Гавриил 4-й Хромый. В каталоге Мушицкого о нем читается: «грек, иже потурчился 1762 г. и наречен бысть Мехмед Ефенди».

36) Василий Бркич или Беркич, родом серб. Быв поставлен до августа 1763 г. (у Раича IV, 389 fin.) и правив недолго, был оклеветан перед турецким правительством, как изменник и австрийский шпион, искавшим престола под ним, следующим за ним греком Каллинином. Заключенный турками на остров Кипр (до апреля 1765 г.), бежал отсюда (в конце 1766 г.) в Черногорию, в которой и жил до 1769 г. (каталог Мушицкого, Загребский Rad I, 177, Путешествие в Черногорию А. Попова стр. 94 и в статье Макушева: «Самозванец Степан Малый», напечатанной в № № 7–9 Русского Вестника 1869 г.). Так как владыка черногорский Савва Петрович весьма неблагосклонно смотрел на его пребывание в своих владениях и так как не очень благочестивые и совестливые тогда черногорцы искушались выдать его оцененную голову туркам, то в конце 1769 г. он решился бежать в Россию, с приезжавшим тогда в Черногорию русским правительственным агентом кн. Долгоруковым (см. журнальную записку о поездке Долгорукова в Черногорию в Русском Вестнике 1841 г кн. 7, стр. 39 sqq; в

России он умер неизвестно нам когда до 1776 г., Гласн. XXII, 359).

37) Каллиник 2-й, родом грек (Загребский Rad I, 177), последний сербский патриарх. Получив кафедру указанным выше способом, наслаждался плодами своих усилий весьма недолго: в 1766 г., стараниями константинопольского патриарха Самуила 1-го, пекский патриархат был уничтожен и присоединен к патриархату константинопольскому, причем он сам – Каллиник, хотя и был грек, не был с переименованием в митрополиты оставлен на кафедре, а должен был уступить свое место другому (акт об избрании преемника ему на кафедре пекской, низведенной из архиепископии в митрополию и переведенной из Печи в Призрен, от 11 сентября 1766 г., см. в помянутой выше брошюре Τὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς стр. 62 sqq).

Что побуждало греков добиваться уничтожения сербского патриархата, мы уже говорили выше (в архиепископии ахридской): патриархи константинопольские не признавали законности его существования и уничтожили бы его давно, если бы имели к тому возможность, а греческие искатели архиерейских кафедр уже давно зарились на сербские епархии и желали получить их в свои руки²⁹⁵. Особенными побуждениями именно данного времени были – вопервых, со стороны греческих национально-политических интересов, поднятая тогда мысль о деятельной еллизации славян Балканского полуострова, – вовторых, со стороны интересов константинопольской патриаршей кафедры, желание облегчить, чрез умножение числа плательщиков (каковы все подведомые архиереи), бремя лежавших на ней долгов.

Относительно частных обстоятельств самой истории уничтожения патриархата в одной из записей константинопольского патриаршего Синода сообщается следующее: «В 1766 г. осужден был турецким правительством на казнь спатарь Георгаки, сын лекаря Ставраки²⁹⁶, и все имущество его движимое и недвижимое, заключавшееся в вещах и долговых бумагах, было объявлено конфискованным. Правительство старательно добивалось привести в точную

известность всю наличность имущества и получить себе все что значилось находящимся в долгах, – и вот по прошествии немного менее года после смерти Георгаки объявились долговые обязательства певской архиепископии, что будто бы она должна была ему известные суммы денег» (признает ли запись эти долговые обязательства подлинными или после подделанными – не видно). Патриарх Самуил (сам ли вызвавшись или быв заставлен правительством, что по записи не ясно) внес в казну султана этот долг, которого совершенно не в состоянии были уплатить епископы пекской патриархии, и в вознаграждение за это-то и была последняя присоединена к патриархату константинопольскому (см. запись в брошюре Τὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς стр. 57 fin. sqq и в сербском сокращенном переводе в Гласн. VII, 178; позднейший рассказ о том же Мушицкого в Гласн. VI, 46).

За патриархию пекскую, так же как о за архиепископию ахридскую, патриарх константинопольский обязался вносить в казну султана особую плату (см. султанские бераты патриархам константинопольским, напр. напечатанный в Гласнике IX, 227 sqq).

После уничтожения сербской патриархии, все бывшие на подведомых ей кафедрах архиереи из природных сербов были удалены и вместо них везде поставлены были греки²⁹⁷. Лишенные престолов, архиереи в 1776 г. искали было помощи против насилий константинопольского патриарха у нашего правительства, изъявляя при этом свою готовность на то, чтобы архиепископ сербский (sic, т. е. архиереи соглашались довольствоваться вместо патриарха по старому архиепископом) находился в зависимости от русского Синода и даже в случае нужды избираем был из природных русских (в 1776 г. архиереи эти в числе девяти, именно: самоковский, истибский, скопийский, новопазарский, нишский, ужичский, белградский, боснийский и герцоговинский обращались с сейчас указанной своей просьбой, чрез посредство черногорского владыки Саввы Петровича, к московскому митрополиту Платону, см. письмо владыки – в подлиннике в библиотеке Вифанской Духовной Семинарии, а напечатанным в Гласнике кн. XXII, стр. 357sqq;

дано ли было митрополитом Платоном какое-нибудь движение просьбе, остается нам неизвестным).

2. Архиерейские кафедры

Церковная область сербского патриаршего престола в большую часть времени его существования разделялась на две особые половины – на половину внутреннюю и на половину внешнюю. Спустя сто лет после учреждения патриархата, когда сербское государство и вообще все сербские земли покорены были турками, сербы начали огромными толпами переселяться в соседнее королевство венгерское. Пользуясь дозволением венгерских королей, интересы которых требовали поощрять переселения, и которые поэтому даровали переселяющимся некоторую свободу веры и в частности право иметь свое собственное высшее духовенство, эти сербско-венгерские колонисты скоро начали открывать у себя свои особые архиерейские кафедры, и с течением времени; по мере своего умножения вследствие постоянно продолжавшихся новых переселений, и открывали их довольно значительное количество. Таким образом церковную область или диоцез сербского патриархата составляли – во-первых, епархии, находившиеся в собственных или коренных сербских землях, – во-вторых, епархии, находившиеся у сербско-венгерских, или вообще у сербско-задунайских колонистов. Мы будем говорить здесь только о первых, а о вторых скажем особо, в отделе: православная сербская церковь в нынешней Австрийской империи.

Письменных памятников, в которых перечислялись бы все сербские епархии, существовавшие в те или другие данные времена, мы не имеем от этого периода почти до самого его конца, именно до начала XVIII века. В разбросанных по разным местам и относящихся к разным временам частных записях упоминаются как существовавшие прежде начала XVIII века следующие епархии собственных или коренных сербских земель: 1) скопийская, 2) призренская, 3) рашская или новопазарская, 4) новобрдовская (бывшая липлянская или грачаницкая), 5) хвостенская, 6) баньская, 7) ужицкая (бывшая

моравская или моравицкая), 8) браничевская, 9) нишская, 10) белградская, 11) смедеревская, 12) прокупская и моравская (вероятно, бывшая топлицкая), 13) колосийская (коласийская) и кратовская, 14) вучитрнская, 15) белоцерковская, 16) венчацкая и рудничская или просто рудничская, 17) петрушская, 18) ровинская, 19) герцеговинская или захолмская, 20) петровская и полугерцеговинская, 21) милешевская, 22) дебребоснийская (бывшая просто дебрьская), 23) зворничская, 24) зетская или черногорская. От XVIII века мы имеем два каталога архиерейских кафедр сербского патриархата: а) принадлежащий патриарху иерусалимскому Хризанфу 1713 г.; б) принадлежащий владыке черногорскому Василию Петровичу 1734 г. У патр. Хризанфа перечисляются следующие епархии коренных сербских земель:

1) скопийская, 2) призренская, 3) герцеговинская (Ἰερσκιού), 4) старовлашская или расская, 5) босносараевская (боснийская), 6) белградская, 7) валиевская (или валевская), 8) самоковская, 9) кюстендильская, 10) нишская, 11) шабацкая (Σερπτεσίου), 12) цетинская или черногорская (см. его Синтагматийон, по венецианскому изд. 1778 г. стр. 93). У владыки Василия перечисляются епархии тех же земель: 1) боснийская, 2) герцеговинская, 3) рашская и новопазарская, 4) ужицкая, 5) белградская, 6) нишевская, 7) косовская, 8) истибская (ищипская), 9) кюстендильская (костандинская) 10) скопийская, 11) призренская, 12) черногорская (не названная в каталоге, во подразумеваемая; см. прибавление к его Истории о Черной горы в Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1860 г. кн. 2, стр. 14): так как епархия ужицкая одна и та же с валевской, то недостает из Хризанфовых самоковской и шабацкой, и лишняя против него косовская и истибская. Сколько именно было кафедр при самом уничтожении патриархата, остается неизвестным; но во всяком случае упоминаются как существовавшие в то время: 1) скопийская, 2) рашская или новопазарская, 3) белградская, 4) нишская, 5) ужицкая, 6) самоковская, 7) кюстендильская, 8) истибская, 9) боснийская, 10) герцеговинская, 11) черногорская (см. брошюру Τὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς стр. 58 fin. и 63, и Гласн. VII, 174 и 357; об епархии призренской cfr ниже).

(Приезжавший в Россию в 1654 г., сербский патриарх Гавриил Раич показывал в Посольском Приказе, что под областью его состоит 40 епархий, 8 митрополий и 32 епископии, см. Сношений с Востоком Муравьева ч. 3, л. 740. Отделив приблизительно до 10 епархий для сербско-венгерских поселений, будем иметь для коренных сербских земель 30 епархий: число это может представляться слишком великим и возбуждать подозрение в неверности показателя или ошибке записчиков; но очень может быть, что в половине XVII века оно и на самом деле было таково. Присланный в Москву в 1698 г. патриархом сербским Арсением Черновичем один его митрополит показывал в том же Посольском Приказе, что патриарху пекскому положено иметь под своею властью 12 митрополитов и несколько епископов, *ibid.* ч. 4, л. 1025 об.; из слов митрополита ясным образом не видно, разумеет ли это число обо всем диоцезе патриархата, или только о турецкой его части, но как кажется – последнее; а если это так, то число митрополий совпадает с действительно известным нам числом сих последних в XVIII в.).

При возведении архиепископа в патриархи Душан переименовал в митрополиты и некоторых из подведомых ему епископов. Какие и сколько именно епископы первоначально переименованы были в митрополиты, остается неизвестным. В позднейшие времена были или по крайней мере именовали себя и были именуемы от других митрополитами большая часть сербских епископов²⁹⁸.

1) Епархия скопийская. При возведении архиепископии в патриархии кафедра скопийская, как кафедра главной тогдашней столицы государства, была наименована первопрестольной митрополией патриархии (см. житие Душана, написанное патр. Паисием, в Гласн. XXII, 219).

2) Епархия призренская. Была переименована в митрополию, вероятно, при самом учреждении патриархии. Незадолго до уничтожения этой последней была-было закрыта и присоединена к собственной епархии патриарха, но после уничтожения в том же 1766 году была вновь открыта, и к ней наоборот присоединена была закрытая при сем собственная

епархия патриарха (см. Официальную запись о восстановлении призренской митрополии, от 11 сентября 1766 года, в брошюре Τὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς стр. 62, cfr каталог владыки Василия).

3) Епархия рашская. Возведена была в митрополии, вероятно, одновременно с двумя предыдущими. В позднейших известиях обыкновенно называется новопазарскою, по вновь явившемуся на месте или близ места древней Расы г. Новому Пазару (погречески с турецкаго Γενὶ Παζάριον), и иногда по позднешему названию всей местности – старовлашскою. Между 1786 и 1802 годами, – неизвестно нам когда именно, – была закрыта и присоединена к епархии призренской (см. Србско-далматинск. Магазина кн. 21, стр. 166 и Загребский Rad I, 180).

4) Епархия новобрдовская или косовская. Новобрдо (новое бердо – новая гора), при последних сербских государях значительный город (см. житие Стефана деспота § 46), в настоящее время небольшой городок, находится с северо-восточного боку Косова поля, недалеко на восток от Приштины. Епархия новобрдовская, не позднее как с первой половины XV века носившая титул митрополии, была переименованным продолжением существовавшей прежде епархии липлянской или грачаницкой. Кафедра митрополита попрежнему оставалась в монастыре Грачанице, а вместо липлянской епархия получила новое имя новобрдовской, конечно, потому, что главным городом области вместо Липляна стал этот город Новобрдо (см. Arkiv Сакцинского III, 21 и 32, Гласн. XXII, 229, Григоровича Путеш. стр. 32 fin., Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1867 г. ки. 4, 111, 126 fin). Епархия косовская называется в каталоге владыки Василия; что она есть одна и та же с епархией новобрдовской, см. Гласу. XXV, 45 нач.; последним именем епархия называлась потому, что г. Новобрдо, как мы сказали, находится на Косовом поле, известном страшным побоищем между сербами и турками в 1389 г. Епархия не упоминается у патр. Хризанфа, без сомнения, потому, что тогда она была на время закрыта; в минуту уничтожения патриархата она также уже не

существовала и город Новобрдо принадлежал к собственной епархии патриарха (см. в брошюре Тà катà тàs àрхїєпископàs стр. 64).

5) Епархия хвостенская. Принадлежа к числу епархий, учрежденных Св. Саввой, после времен Душана она существовала по крайней мере до времен князя Лазаря, в правление которого упоминается (с титулом митрополии) под 1381 г. (Гласн. XXIV, 257). Долго ли существовала после сего, остается нам неизвестным; но вероятно, не более века XV-XI.

6) Епархия баньская. Быв в первый раз открыта и закрыта при Милутине, потом снова была открыта при Дечанском или при Душане, и упоминается в правление последнего (с титулом епископии) после 1346 г. (Гласи. XXIV, 239). По всей вероятности и во второй раз существовала также недолго; но когда именно была закрыта, остается неизвестным (знаменитая, построенная Милутином и бывшая кафедральною епископиею, баньская церковь первомуч. Стефана, см. Родосл. стр. 149 fin. sqq и летопись в Памятн. Шафар. стр. 61, вероятно, обращена была турками в мечеть, каковою она есть в настоящее время, см. Записок Географич. Общ. XШ, 301sub fin., при самом завоевании сербского государства: а этим определяется крайний возможный предел существования и баньской епископии).

7) Епархия вучитрнская. Городок Вучитрн (волчий терн) находится на Косовом поле, к северо-западу от Приштины, на р. Ситнице (см. о нем в Записках Географич. Общ. XIII, 287). Когда была открыта и когда была закрыта епархия вучитрнская, остается неизвестным; единственное известное упоминание о ней читается в сопочанском помяннике, записи которого относятся к пространству XV – XVII столетий (ibid. стр. 152). Вероятно, она была продолжением епископии баньской и, вероятно, существовала также очень недолго. В 1766 г., в минуту уничтожения патриархата, г. Вучитрн принадлежал к собственной епархии патриарха (в брошюре Тà катà тàs àрхїєпископàs стр. 64, а прежде к епархии новобрдовской, Гласн. XXV, 45).

8) Епархия ужицкая. Город Ужица находится в нынешнем княжестве сербском, в югозападной его части, на р. Детине, впадающей слева в верхнюю сербскую Мораву. Позднейшая епархия ужицкая, с титулом митрополии, была продолжением древней епархии моравской или моравицкой, т. е. или была перенесена кафедра епископа из монастыря Св. Ахиллия в город Ужицу, или может быть и не была переносима, а только епархия стала называться по имени этого главного места области (что епархия ужицкая была продолжением моравской, видно из того, что и в позднейшее время митрополит ужицкий назывался ужицким и ахилльским, см. у Раича кн. XI, гл. XIV, § 15, у Шафарика Древн. II, I, 257 прим.). Перестала существовать как особая епархия или в конце XVII или в начале XVIII в. (см. следующую).

9) Епархия валевская. Город Валево или Валиево, один из лучших городов княжества сербского, находится на север от Ужицы, на верхней Колубаре. Епархия валевская, как следует думать, была открыта или незадолго до падения, или уже после падения сербского царства. В конце XVII или в начале XVIII в. к этой епархии присоединена была соседняя с юга епархия ужицкая, после чего архиереи валевские именовались то валевскими и ужицкими, то наоборот (что епархия ужицкая присоединена была в конце XVII или начале XVIII в., а не позднее, заключаем из того, что ее нет как особой епархии в каталоге патр. Хризанфа; что присоединена была она именно к валевской, а не наоборот, полагаем на том основании, что сами архиереи соединенной епархии называют себя валевскими и ужицкими, Гласн. II, 205; что касается до титула архиереев валевских и потом валевско-ужицких, то сами себя они называют митрополитами, а от других называются то митрополитами, то епископами, Гласн. II, 205, VI, 85, Rad I, 183 и 184, Раича кн. XI, гл. XIV, § 15. Вздорная запись, будто митрополит валевский Феофан жил в половине XI века при импер. Константине Мономахе и при сербском короле Михаиле Добросавлевиче, см. Гласн. II, 206fin., и XXV, 66, хотя и принимается иными сербскими исследователями за серьезное историческое свидетельство, Гласн. X, 204, не заслуживает

опровержения). Под Константином Мономахом, вероятно, должно разуместь последнего византийского императора Константина Драгоша, а под Михаилом Добросавлевицем сербского воеводу Михаила Абоговича (о котором выше), и таким образом относить время жизни Феофана к половине XV века.

10) Епархия шабацкая. Город Шабац, построенный турками в 1470 г. и называвшийся сначала Заслоном (Заслон град, у Раича X, II, 4, летопись в Памятн. Шафар. стр. 81), находится в нынешнем княжестве сербском на р. Саве. Когда была открыта епархия шабацкая, остается нам неизвестным. После патр. Хризанфа, который ставит ее в числе архиепископий сербского государства, о ней не упоминает владыка черногорский Василий, вероятно, потому, что при сем последнем она соединена была (как это видим после, см. наор. Вуича Путешествие по Сербии стр. 322) с епархией валевской.

11) Епархия браничевская. Не позднее как со времен князя Лазаря она имела титул митрополии (Monumenta Serbica Миклошича р. 214 нач., Гласн. VIII, 148 fin., Шафарика Geschichte d. Südslaw. Literat. III, 209, № 123). В половине XVII в. находим ее присоединенною к епархии смедеревской (о которой сейчас ниже, Гласн. I, 173). Была ли она потом снова отделяема, и если была отделяема, то когда окончательно закрыта, остается неизвестным (в Дечанск. Спомениках Ристича, стр. 39, есть, как кажется, довольно позднее упоминание о митрополите браничевском, но к сожалению без указания года).

12) Епархия смедеревская. Город Смедерево (Семендрия), лежащий на Дунае, был построен предпоследним сербским деспотом Юрием Бранковичем; имев в нем свою столицу, Бранкович учредил в нем и особую архиерейскую кафедру с титулом митрополии (митрополит смедеревский упоминается под 1451 г., см. писанную в сем году договорную грамоту Юрия Бранковича с Иоанном Гуниадам у Баттиана в Leges ecclesiasticae regni Hungariet. 3, р. 498). Кафедра была потом закрыта, как кажется, не позднее конца XVII в. (она

упоминается под 1667 г., Гласн. 1, 173, но у патр. Хризанфа ее уже нет).

13) Епархия нишская или нишавская. По всей вероятности, постоянно существовала в продолжение всего настоящего периода. Относительно древнего времени титул кафедры неизвестен; в начале XVIII в. у патр. Хризанфа – она – архиепископия, в сороковых годах XVIII в. – митрополия (Гласн. IX, 256, XI, 187, XX, 13 и 15, Раича XI, XIV, 15).

14) Епархия белоцерковская (бельцерквенская). Находилась рядом с епархией нишской, потому что была присоединяема к сей последней и потому что к ней принадлежал город Крушевац (находящийся в нынешнем княжестве сербском на запад-северо-запад от Ниша (под 1737 г. митрополит нишский называется нишским и белоцерквенским, Раича кн. XI, глав. XIV, § 15; что Крушевац принадлежал к епархии, см. Гласн. XXV, 45). Впервые упоминается в записях XV – XVI в. (в сопочанском помяннике, – Записок Географич. Общ. XIII, 152); не упоминаемая у патр. Хризанфа и владыки Василия и под 1737 г. значащаяся присоединенною к епархии нишской, она потом опять упоминается как особая епархия, с титулом митрополии, в записях второй половины XVIII в. (см. в Дечанских Спомениках Ристича стр. 39).

15) Епархия белградская. В истории переходов Белграда из одних рук в другие выше мы остановились на том, что в правление Милутина он принадлежал венграм и был отдан ими последними во временное вассальное владение старшему брату Милутина Драгутину. После смерти Драгутина (в 1316 г.) Милутин успел было совсем присоединить его к своему государству, но в самом непродолжительном времени (в 1319 г.) снова принужден был возвратить его венграм. В конце правления Душанова он опять был завоеван сербами, но вскоре после смерти Душана снова возвратился к своим прежним владетелям. Если верить некоторым свидетельствам, князь Лазарь успел отнять его у венгров после 1382 г. (Гласн. XXI, 253); но если это и правда, то во всяком случае весьма ненадолго. Преемник Лазарев Стефан деспот выпросил его себе у венгров, вероятно, посредством какой-нибудь с ними

политической сделки (см. житие Стефана § 48). Еще раз возвращенный венграм преемником Стефана Юрием Бранковичем, он завоеван был у сих последних в 1521 г. турками, под властью которых, за исключением небольшого промежутка, 1717–1739 годов, когда был под австрийцами, и находился со всей остальной Сербией до начала настоящего столетия. Что касается до церковной истории Белграда, то за промежуток времени между Драгутиным и деспотом Стефаном она остается неизвестной. Стефан, избрав Белград в свои столицы, сделал продолжавшую существовать после Драгутина или – вероятнее – восстановленную им самим здешнюю митрополию главной митрополией патриархата, с титулом экзархии всех сербских земель (жития § 51). После Стефана митрополия осталась существовать навсегда, не быв закрываема и во время господства венгров (Сношений с Востоком ч. 1, стр. 14 fin.).

16) Епархия венчацкая и рудничская или просто рудничская. Два архиерея рудничских записаны в сопочанском помяннике XV-XVII вв. (Записок Географич. Общ. XIII, 152 и 153); митрополия венчацкая и рудничская упоминается под 1632 – 35 годами (см. Даницу 1826 г. стр. 25 и Путешествие по Сербии Вуича стр. 340). Село Рудник, бывшее в старое время городом, находится в нынешнем княжестве сербском, недалеко на север от г. Милановца, на речке Деспотовице, впадающей слева в сербскую Мораву (см. о нем у Каница в «Serbien» S. 60). Что касается до Венчаца или Венчца, то на северо-запад от Рудника есть гора Венчац (см. карту, приложенную к сейчас названному сочинению Каница), при подошве которой есть развалины города, называвшегося по местному преданию одним и тем же с горою именем (см. Даницу 1826 г. стр. 25). Когда была закрыта епархия венчацко-рудничская, остается неизвестным (город Рудник разрушен был турками, во время войны с австрийцами, в 1737 г., Каниц *ibid.*).

17) Епархия петрушская. Неизвестно когда быв открыта и закрыта, упоминается в записях XV-XVII вв. (в сопочанском синодике Записок Географ. Общ. XIII, 153). Где именно искать ее, остается также неизвестным. В настоящее время есть

небольшое село Петруша, находящееся в княжестве сербском, в окружии или уезде княжевацком (бывшем гергусовацком), на восток от г. Княжевца (бывшего Гергусовца, почти у самой болгарской границы, см. Гласн. XIX, 326 fin. и приложенную к книге карту окружия); но в селе этом нет никаких остатков древности, которые бы заставляли предполагать существование в нем архиерейской кааедры (ibid. стр. 339 sqq. В летописях сербских под 1413 г. упоминается город Петрусь, находившийся где-то недалеко от городов нынешнего княжества сербского Крушевца и Сталаца или Стольца (Сталац при слиянии Морав сербской и болгарской, Крушевац недалеко на юг от него на р. Расине, в Панятн. Шафар. стр. 75).

18) Епархия колоссийская и кратовская. Епархия колоссийская (или колоссейская, также коласинская) и кратовская, с титулом митрополии, упоминается под 1587 и под 1653 г. в наших русских записях о приездах в Россию турецких христиан за милостыней (см. Сношений с Востоком ч. 1, стр. 182 и ч. 3, лл. 670 и 835). Город, в котором находилась или по которому именовалась кафедра митрополита, называется Колоссом, Колоссийским городом и Коласией (ibid. и Гласн. V, 82).²⁹⁹ Какой именно из городов, находившихся и находящихся недалеко от Кратова, разуместь под этим именем, точным образом неизвестно, но по всей вероятности – существующий до настоящего времени Кюстендил: сербская летопись дает знать, что город Колосс или Коласия находился между Кратовым и Дубницей (Гласи. ibid.), но тут находится именно Кюстендил; показания, записанные в наших русских известиях, дают знать, что городом этим перед турками владел воевода Константин (Сношен, с Вост. I, 182), но воевода Константин Драгаш, сын Жарка Воихны, одного из удельных деспотов Душановых (Memor. por. II, 335, 354), владел именно Кюнстендилом (Гаммера Histore de l'Empire Ottoman, в переводе Dochez'a, Paris, 1840, t.1, p. 79, col. 1 fin.sqq), и сей последний город, как надлежит думать, получил свое нынешнее название именно по его имени³⁰⁰. Если справедливо это предположение о тождестве Колосса или Коласии с Кюстендилом, то со всею вероятностью следует предполагать,

что кафедра колоссийская или кюстендильская была учреждена сейчас названным удельным владельцем города Константином, в последней четверти XIV столетия.

19) Епархия кюстендильская. Не будучи вполне уверены в тождестве Кюстендила с Колоссом или Коласией, ставим эту епархию отдельно. О предполагаемом вероятном времени ее открытия мы уже сказали выше. Что касается до ее титула, то в каталоге патр. Хризанфа она – архиепископия.

20) Епархия истибская (ищипская, штипская)³⁰¹. Город Истиб или Штиб находится на юго-восток от Скопии, на нижней Брегалнице. Когда открыта епархия, остается неизвестным. Если каталог патр. Хризанфа считать совершенно полным, то уже после начала XVIII в., потому что в этом каталоге ее еще нет.

21) Епархия самоковская. Город Самоков или Самоково на восток от Кюстендила, по ту сторону монастыря Рыльского, на верховьях р. Искера или Искара, на которой ниже его – известный большой город София. Когда открыта епархия, также остается неизвестным. Первое известное упоминание – в каталоге патр. Хризанфа (с титулом архиепископии).

22) Епархия тетовская. Тетовым или Хтетовым, во-первых, называется край верхнего Вардара, прилежащий к городу Калканделену (см. Гризебаха *Reise durch Rumelien und nach Brussa II*, 243, у Гана во 2-м изд. *Reise* карту и Записок Географ. Общ. XIII, 204 sqq) , – во-вторых, если верить некоторым свидетельствам, иначе называется самый город Калканделен (см. 2-й лист Этнографической карты славянских народностей, изданной неизвестным в Спб. в 1867 г., cfr однакож у Гризебаха II, 242 прим.). Епархия тетовская, неизвестно когда открытая и неизвестно когда закрытая, упоминается, с титулом епископии, в половине XVII века (Дечански Споменици Ристича стр. 39 нач.).

23) Епископия ровинская, сомнительная. В сохранившейся до настоящего времени древней церкви, бывшей кафедральной епископов моравских или моравицких и находящейся недалеко от города Ужицы в селе Ариле, между настенными изображениями сербских святых есть изображение Св.

Меркурия епископа равильского (Гласн. X, 333). Относительно существования города или села Равиля в бывших владениях сербского царства мы нигде не нашли никаких указаний; но есть село Ровине, находящееся в одной местности с бывшей епархией моравско-ужицкой, именно на юго-восток от города Ужицы и села Ариле, между левым берегом верхней сербской Моравы и правым берегом впадающей в нее речки Межуречье (см. карту ужицкого окружия, приложенную к X кн. Гласника, и Географийско-статистичный Речник Србие Гавриловича). Если в подписи под изображением святого нет ошибки относительно его сана, то мы полагаем, что этот Меркурий был епископом именно ровинским и что епархия ровинская, неизвестно когда открытая и неизвестно долго ли существовавшая, была епископией моравско-ужицкой митрополии.

24) Епархия прокупская и моравская. Между настенными изображениями сейчас помянутой древней церкви села Ариле есть еще изображение Св. Евстафия, архиепископа прокупского и моравского (ibid). Город Прокуп или Прокопле (у местных албанцев и у турок Уркуп) находится на левом берегу р. Теплицы, впадающей слева в болгарскую Мораву, не очень далеко на юго-запад от г. Ниша (см. о нем в Reise Гана, – 1-го изд. стр. 17, 2-го стр. 42). В период архиепископии в этой местности существовала основанная Св. Саввой епархия топлицкая, с кафедрой епископа в нынешнем городке Куршумле, находящемся на той же р. Топлице на юго-запад от Прокопле: весьма вероятно, что епархия прокупская и моравская была не новою и особою, открытою в период патриаршества, епархией, а только переименованным продолжением этой уже прежде существовавшей епархии топлицкой.

25–31) Епархии герцеговинская, петровская и полгерцеговинская, милешевская, дебребоснийская, зворничская и зетская или черногорская (цетинская). – О первых трех скажем, когда будем говорить о Захолмии или Герцеговине, – о четвертой и пятой, когда будем говорить о Боснии, – о последней – когда о Черногории.

(В записях второй половины XVIII в. упоминается митрополия дубницкая, т. е. города Дубницы, который не очень далеко на восток от Кюстендила, Дечански Споменици Ристича стр. 39; но неизвестно, была ли она открыта прежде, или уже после уничтожения патриархата.)

В той части коренных сербских земель бывшего пекского патриархата, которая остается по исключении Боснии с Герцеговиной, Черногории и нынешнего княжества сербского (о которых о всех будем говорить особо), в настоящее время существуют следующие епархии, все до одной имеющие титул митрополий:

1) Призренская. К этой епархии после уничтожения патриархата, как мы говорили выше, были присоединены сначала собственная область бывшего патриарха или епархия пекская, потом митрополия рашская или новопазарская. Митрополит, имея пребывание в Призрене, называется рашским и призренским (и скендерийским, т. е. скутарийским или скадарским).

2) Скопийская.

3) Кюстендильская. К этой епархии после уничтожения патриархата присоединена была епархия истибская, и митрополит называется кюстендильским и истибским.

4) Самоковская.

5) Нишская.

Что касается до национальности православного населения всех этих епархий, то собственно сербских между ними только одна – призренская; из остальных четырех – епархия нишская смешанная – сербо-болгарская, и притом гораздо более болгарская, чем сербская, а епархии самоковская, кюстендильская и скопийская совершенно и чисто болгарские.

Древняя сербская письменность

Если не самая эта письменность, то по крайней мере наши сведения о ней начинаются не ранее как со времени Св. Саввы, или с конца XII – начала XIII столетия. Сведения пока еще так отрывочны и недостаточны, что вовсе не может быть речи о какой-нибудь общей характеристике письменности, об изображении ее постепенного движения и пр., а может быть только представлен голый библиографический перечень писателей и переводчиков, с обозначением их сочинений и переводов.

Известный в настоящее время, пока не очень длинный ряд писателей и переводчиков есть следующий:

1) Св. Савва, первый архиепископ сербский. Он написал краткое житие своего отца Стефана Немани (напечатано Шафариком в издании *Pomätky drevního písemnictví Jihoslovánuv, vPraze, 1851*). Когда мощи Стефана Немани вскоре после смерти прославились нетлением и чудотворениями и он был причислен к лику святых, то по благословению хилendarских монахов он написал «каноны ему и стихеры и чудотворения его» (Дометианово житие Симеона, но изд. Даничича стр. 89). После поставления в архиепископы, как мы говорили выше, Савва озаботился приобрести от греков «книги многи законныя о исправлении вере, ихже требоваше соборная ему церкви» (Домет.), между которыми прямо известна Кормчая книга, переведенная с греческого языка на сербский или им самим, или по его поручению. Наконец, он составил и оставил уставы иноческого жития для трех монастырей – для Студеницкого, в котором он некоторое время был игуменом, и для основанных им самим – Хилendarского и маленького монастыря или скита Карейского или так-называемой Типикарницы (иначе Сихастария, Пирга и монастыря «у Ораховицы или Ораховицкого». Устав Студеницкого монастыря остается в рукописях, см. Шафарика *Serbische Lesekörner, Pesth, S. 119* и особенно его же *Geschichte der Südslawischen Literatur III, 203, n.*

108. Устав Хилендарского монастыря напечатан – по древнему списку в Гласнике XXIV, 171, по новому списку *ibid.* XX, 159; о первом списке между монахами хилендарскими, у которых он находится, сохраняется предание, что он писан рукою одного из учеников Саввы; но предание весьма сомнительно, *cfr* надписание главы 42-й, хотя письмо и несомненно древнее. Устав Типикарницы остается в рукописях; в самой Типикарнице есть список, писанный будто бы собственною рукою Саввы, см. Григоровича Путешествие по Турции стр. 28 нач. и Шафарика *ibid.* III, 202).

2) Стефан Первовенчанный, первый король сербский. Подобно Савве, он также написал краткое житие своего отца (напечатано в тех же Памятниках Шафарика).

3) Дометиан, ученик Св. Саввы и его спутник в благочестивых странствованиях к палестинским святым местам, иеромонах хилендарский, духовник хилендарской братии и настоятель Карейского скита или Типикарницы Св. Саввы. Он написал: 1) в 1242 г. житие Св. Саввы, 2) в 1264 г. житие Стефана Немани. Оба жития, весьма не свободные от упрека в многоглаголании, напечатаны г. Даничицем под заглавием: «Живот Светога Симеуна и Светога Саве написао Доментијан, у Биограду, 1865» (биографические сведения о Дометиане см. в послесловиях к обоим житиям; в послесловиях Феодора Грамматика к написанному им по поручению Дометиана в 1263 г. Шестодневу, у Калайдовича в Ю. Экзарх стр. 164 и в примеч. к следующему монаху Феодору).

4) Феодор, монах хилендарский, по прозванию Грамматик, «спаный», т. е. *σπανός* – евнух. В Карейской Типикарнице Св. Саввы г. Григорович нашел житие Св. Саввы, которое «сказано преподобным Дометианом иноком и пресвитером монастыря Хилендарского, списано Феодором мнихом» (Путеш. по Турции стр. 29 нач.). Это, по всей вероятности, есть то житие Саввы, которое, будучи известно по нашим русским рукописям, издано г. Даничицем в Белграде в 1860 г., и которое, начинаясь: «Разума зане нищетою одержим и убогаго (дома) ума моего ничесоже имы» (Волокол. рkp. № 620 л. 1), несправедливо усваивается в наших и сербских рукописях также самому

Дометиану³⁰² (о Феодоре Грамматике см. еще помянутые выше послесловия к Шестодневу).

5) Никодим, архиепископ сербский (1316 – 1323). Он перевел с греческого и ввел в Сербии в употребление Типик Св. Саввы иерусалимского. В предисловии к переводу (известному по ркп. 1319 г.) Никодим пишет: «егда возведен быхъ на сии святыи великий престол Святаго Саввы архиепископии сербской, послах в царский град в монастырь святого предтечи и крестителя Иоанна, и принесен ми бысть си типик иерусалимский, и преложих и в наш язык от письмен греческаго языка» (Гласи. XI, 191).

6) Даниил 2-й, архиепископ сербский (1323 – 1337). Он написал жития королей и архиепископов сербских, которые вместе с дополнениями неизвестных продолжателей составляют так-называемый сербский Цароставник или Родослов и которые напечатаны г. Даничицем под заглавием: «Животи кралева и архиепископа српских написао архиепископ Данило и други», у Загребу, 1866³⁰³. Мы уже говорили выше, что книга весьма скудна историческими положительными известиями и что она имеет цену только за отсутствием других памятников лучших, но она весьма замечательна в другом отношении. Если бы справедливо было по одной книге заключать о характере целого народа, то это заключение было бы в высшей степени невыгодное для сербов. Такой ужасной риторики, или даже и более чем риторики, и такой, не знающей совершенно никакой меры хвалебной лести и лжи, мы уверены, не найдешь даже ни у кого из византийцев, как известно, великих мастеров этого дела. Древние сербские государи никак не могут быть похвалены за свои нравы, – почти ни один из них не умирал на престоле, а был сгоняем следующим, не однажды было, что даже сын поднимал руку на отца; и однакож по изображению Даниила все они оказываются такими прекрасными людьми, что не знаяши дела придешь в умиление и с недоумением подумаешь, откуда это такой рай на земле. Наша Степенная книга, как известно, тоже не свободна от упрека в риторике и панигиризме, но до сербского Родослова ей еще чрезвычайно далеко (в Родослове описаны жития 4

королей: 1) Уроша Великого или 1-го, 2) Стефана сремского или Драгутина, 3) Уроша 2-го или Милутина, 4) Уроша 3-го или Стефана Дечанского, – одного царя – Стефана Душана и одной кралицы – Елены жены Уроша 1-го; жития архиепископов: 1) Арсения, 2) Саввы 2-го, 3) Иоанникия, 4) Евстафия 1-го, 5) Иакова, 6) Евстафия 2-го, 7) Саввы 3-го, 8) Никодима, 9) Даниила 2-го, и патриархов: Иоанникия и Саввы). По свидетельству Родослова, изд. Данич. стр. 367, архиепископ Даниил «книги многочисленные составлял и изобретал, прежде небывшие николиже», но других книг его, кроме самого Родослова, пока неизвестно.

7) Монах Исаия, вероятно, один и тот же с старцем Исаиею, о котором говорено было нами выше и который устроил примирение патриарха константинопольского с Сербией. В 1371 г., по прошению и по найму митрополита серского или серезского Феодосия, он перевел творения Дионисия Ареопагита с толкованиями Св. Максима (см. у Востокова в Описании Румянц. Музеума № XCIII, стр. 161). Перед 1871 г. он переводил еще какие-то другие книги, в настоящее время остающиеся неизвестными (*ibid.* стр. 162, col. 1 fin. В 1349 г. Стефан Душан поручил дело восстановления афонского Пантелеймонова монастыря, тогда всеконечно от Руси оставленного, может быть нашему же монаху Исаие, см. его хризовул в Гласнике XXIV, 234.).

8) Григорий, монах хилендарский, живший в правление деспота Стефана. В 1408 г., получив от игумена своего монастыря для списывания славянский перевод Летописи Иоанна Зонары, которую он называет «Паралипоменом Зонариным», сделал сокращение этой хроники (которое по рукописи Волок, монастыря, ныне находящейся в библиотеке Моск. Дух. Акад., Волокол. рукоп. № 655, л. 1–122, напечатано в Чтениях Общества Ист. и Древн, 1847 г. № 1, отд. II нач.; год написания рукописи 6916, г. Бодянский по странному недосмотру превращает в 6716. См. А. Попова Обзор хронографов русской редакции, выпуск 2, Москва, 1869, стр. 8, *cfr* Григоровича Путеш. стр. 35 fin).

9) Григорий Цамблак или Цамвлак (но не Самвлак и не Семивлах), митрополит киевский, писатель русский и вместе болгарский и сербский³⁰⁴. Для сербов, у которых он был игуменом в Дечанском монастыре (иначе обители Пантократоровой, cfr Monumenta Serbica Миклошича р. 567), он написал: 1) Житие Стефана Дечанского (напечатано в Arkiv'e Сакцинского IV, 1–29 и в Гласнике XI, 43–94); 2) Известие о перенесении мощей Параскевы Терновской из Болгарии в Сербию, приписанное к Житию Параскевы патр. терновского Евфимия (Волокол. рукой. № 629, Троицкой лавры №№ 630, 755 и 805). В одной рукописи Белградской народной библиотеки есть житие преподобного Ромила пустынножителя, «списано Григорием, учеником его, отшельником и доброписцем, в подкрылии святыя горы Афона, в месте нарицаемом мелана» (Гласн. IX, 252). Г. Янко Шафарик, неизвестно на чем основываясь, считает этого Григория за Григория Цамблака (Гласн. XI, 37).

10) Шафарик в своей *Geschichte der Südslaw. Literatur.*, III, 121, п. 11, говорит о каком-то Епактите Антоне Рафаиле, который был около 1420 г. и написал плохое похвальное слово князю Лазарю, но, вероятно, он был родом не серб, а хорват.

11) Венедикт, иеромонах афонский. В 1426 г. он перевел с греческого языка на сербский беседы Иоанна Златоустого на книгу Бытия (Шафар. *Geschichte der Südslaw. Literat.*, III, 219, п. 134).

12) Стефан деспот, сын деспота Лазаря, или Стефан Высокий (1389 – 1427). По свидетельству сербских памятников, он «многа писания преведе от гръчскихъ писаний паче иньхъ прежде бывших того» (у Шафар. в Памяти., *Okàzky obs. Písemn.* стр. 62). Небольшое риторическое упражнение Стефана, составляющее краегранесие или акrostих на слова: «слово любве», написанное к сладчайшему и любезнейшему и многосугубо вожденному имярек, и десять невразумительных строк, носящих пышное заглавие: «мудрость и пророчиствие» Св. СтвФана Лазаровича напечатаны в Гласнике XI, 166. В «Словесах вкратце избранных от книги Константина философа костенчского» говорится о добрых изводах книг ресавских

(Григоровича Статьи, касающиеся древнего славянского языка, Казань, 1852, стр. 38, п. 5). Из этого следует заключать, что в построенном Стефаном монастыре Ресавском (о чем Жития § 52) собраны были книжные монахи, которым поручено исправление текста или вообще существовавших тогда у сербов четиных книг, или по крайней мере книг богослужебных (ср. стр. 47, п. 41).

13) Константин, Философ костенчский, родом не серб, а болгарин, из округа терновского, ученик в славянском языкознании какого-то Андроника, который был учеником патриарха терновского Евфимия. Пришел из Болгарии в Сербию при помянутом выше деспоте Стефане. По желанию этого деспота он написал книгу о славянском «правопису», сокращение которой представляют собой «Словеса вкратце избранна от книги Константина, философа костенчскаго, учителя сербскаго», напечатанные г. Григоровичем в названных сейчас выше Статьях, касающихся и пр. (см. Загребский сборник *Starine* кн. 1). Через три года после смерти деспота Стефана, по поручению патриарха сербского Никона и полатных начальник или бояр, Константин написал весьма пространное его житие, «не яко житие единого, как говорит он сам, – но яко летописец (всех событий правления Стефана) с прочими словесы» (Волокол. рукоп. № 655, л. 219 об.; в сейчас названном Волокол. сп., л. 220 нач., в первом стихе краегранесия прямо говорится, что автор жития Костандинь, ср. сербские летописи у Шафар. *Geschichte der Südslaw. Literat.* III, 244, п. 201).

14) Черноризец Аникита Лев, по прозванию Филолог, живший в первой половине XVI века (годы старости его приходились на первые годы правления русского вел. кн. Иоанна Васильевича IV). Известная в настоящее время литературная деятельность его принадлежит России. Он написал: 1) неизвестно кем быв прошен и находившись в Сербии или временно пребывав в России, одно или два похвальные слова кн. Михаилу Черниговскому; 2) два похвальные слова Зосиме и Савватию соловецким. Неизвестно, были ли русские старого времени слишком высокого мнения о

риторической необузданноглаголивости старых сербских писателей вообще, или в частности в России известен был своим ораторским талантом сам Филолог, только два последние слова он написал по заказу одного соловецкого монаха, который для этой цели послан был в Сербию (см. статью «Сведения о Филологе черноризце, проповеднике XVI века», в 18-й части Прибавлений к изданию «Творения Святых Отцев»).

15) Патриарх Паисий (1614–1646). Он написал «Житие и жизнь царя Стефана (Душана) и сына его Уроша младого царя» (напеч. в Гласнике XXII, 213). Одна запись усвояет ему еще «Повесть вкратце» о Св. Стефане Щиляновиче (Гласн. *ibid.* стр. 232 прим.).

16) Георгий Грамматик, живший неизвестно когда. Он написал житие Драгутина, начин. «По еже добре убо и богоугодно житие препровившему (Гласн. XI, 39).

17) Гавриил, прот Афонской горы, живший также неизвестно когда. Он перевел с греческого языка на славянский уставную статью о службе над умершими в неделю Пасхи (Описания синод, рукоп. Горского и Невостр. III, 1, № 404, л. 385 об., стр. 408).

18) Андрей Змаевич, католический антиварский архиепископ второй половины XVII века. По словам Шафарика, он написал церковную летопись (*Annales Ecclesiastici*) от сотворения мира до своего времени, которая на латинском и на долматинско-сербском языке сохраняется в библиотеке пропаганды в Риме (*Geschichte der Südslaw. Literat.* III, 234, п. 186; биографические сведения о Змаевиче *ibid.* II, 35).

19) Самуил Бакачич, монах афонский. В 1688 г. он перевел сочинение Критского (половины XVII в.) о чудесах Богородицы, и вероятно он же перевел сочинение того же Агапия «Грешных спасение» (Ἀμαρτωλῶν σωτηρία, Шафар. *Geschichte der Südslaw. Literat.* III, 211 fin. sqq).

20) Георгий или Юрий Бранкович, сын Иоанна Бранковича и младший брат трансильванского митрополита Саввы Бранковича (о котором выше стр. 403), действительный или мнимый потомок предпоследнего сербского деспота Юрия Бранковича. Родился в Трансильвании около 1645 г., куда

родители его бежали от турок из Венгрии. В половине XVII века австрийское правительство чрез своих резидентов в Константинополе хлопотало поднять против султана всех его христианских подданных, и в поспешных мечтах о будущем освобождении Сербии Георгий Бранкович тайно помазан был на сербское деспотство сербским патриархом Максимом; в 1668 г. вместе с братом своим Саввою был у нас в Москве и, по его собственным словам, сподобился, будто бы немалых почестей; в 1688 г., когда в войнах австрийцев с турками счастье решительно поворотило на сторону первых, правительство австрийское, привлекая к себе сербов надеждою освобождения, возвело Бранковича в звание графа Римской империи; в поход против турок 1669 г. Бранкович явился было с собравшимися к нему сербами в австрийскую армию, но австрийское правительство, вероятно уже не видевшее нужды слишком ухаживать за сербами, решилось отделаться от неудобного для него деспота, и под какими то предлогами он взят был в заключение, в котором, несмотря на все просьбы и старания сербов, и оставался целые 22 года; умер в Егре, в Богемии, 19 сентября 1711 г. (см. Раича кн. IV, гл. VII, § 1 sqq и ШаФарика (Geschichte der Südslaw. Literat. III, 129, n. 57). Находясь в заключении, он написал Историю сербского народа, которая доселе остается не напечатанною и автограф которой (один том из 1750 листов в 4^о) хранится в карловицкой митрополии (Шафар. *ibid.* S. 246, n. 204).

21) Феодосий, хилендарский монах. В 1757 г., по поручению архиепископа Карловицкого Павла Ненадовича, он написал жизнь Св. Саввы, и неизвестно когда – молебные каноны Симеону и Савве (Шафар. *Geschichte der Südslaw. Literat.* III, 198, 233 и 307).

22) Иоанн Раич. Родился в сремском Карловце от бедных родителей в 1726 г.; изучал *Grammaticalia* в Коморне у иезуитов (1744–48), *Humaniora* и философию в Oederburg'e, в тамошнем евангелическом лицее (1749–52), наконец богословию в нашем Киеве в академии. После трехлетнего пребывания в Киеве, посетил Москву, в которой пробыл целый год. Возвратившись после этого на родину и встретив весьма холодный прием своей

учености, он в неудовольствии на невежественных соотечественников снова отправился в Россию. Находясь вторично в Киеве, он предпринял намерение написать историю своего народа, почему для изучения источников решился отправиться на Афон в Хилендарский монастырь (1758), где однакож безграмотными и подозрительными монахами не был допущен к совершенно свободному пользованию библиотекой. Возвратившись с Афона в Карловец, в продолжение 1759– 1761 гг. проходил должность учителя в своем отечественном городе, которую потом принужден был оставить с неудовольствием; 1762 г. провел в частной жизни, без занятия – «оболщен и празден»; в 1763 г. сделан был епископом Моисеем Путником – учителем клириков в Новом Саде, но и от этой обязанности скоро отказался и проводил время в частной жизни до 1772 г. В этом последнем году постригся в монахи и, возведенный скоро затем в достоинство архимандрита монастыря Ковыльского, оставался в сем последнем звании, несмотря на многократные предложения сана архиерейского, до самой своей смерти, которая последовала 11 декабря 1801 г. Будучи писателем в высшей степени трудолюбивым и плодовитым, хотя и не особенно ученым и глубоким, между многими другими сочинениями он написал «Историю разных славенских народов, найпаче болгар, хорватов и сербов», в 4 частях, которая в первый раз была напечатана в Виенне в 1794–95 годах, а во второй раз в Будиме в 1823 г. (в 1795 г. печатание Истории Раича было предпринято в Санкт-Петербурге, но после выхода 1-го тома продолжение дальнейших томов было запрещено. См. Шафарика 6е- Geschichte der Südslaw.Literat. III, 304, n. 80 и 419, n. 650; краткая автобиография Раича напечатана в Гласнике I,170fin.).

(«Летовник, собранный из разных летописцев иноком Георгием при царе Лазаре», о котором говорят гг. Пыпин и Спасович в своем Обзоре истории славянских литератур, стр. 103, есть странное недоразумение. Г. Григорович, у которого заимствовано известие (Путеш. стр. 23) нисколько не темно говорит не о сербском, а об известном греческом писателе

Георгии Амартоле, а при князе Лазаре только был написан один список славянского перевода летописи Георгия.)

Из более или менее значительных греческих сочинений известны в древнем сербском переводе, пока неизвестных в настоящее время переводчиков, следующие: 1) Хронограф Георгия Амартола в двух различных переводах; одного перевода известны списки – в Московской синодальной библиотеке 1386 г. (№ 148), в афонском монастыре Павловом 1387 г. (Григоровича Путеш. стр. 23); о другом переводе см. Шафарика *Geschichte der Südslaw. Literat.* III, 235, п. 189³⁰⁵. 2) Летопись Иоанна Зонары, в переводе 1344 г. (Шафарика *ibid.* III, 235, п. 190 и А. Попова Обзор хронографов русской редакции, выпуск 2, стр. 8). 3) Евфимия Зигабена Всеоружство богословия (Δογματικὴ πανοπλία), известное в рукоп. 1568 г. (у Шафарика *ibid.* III, 208, п. 121, Григоровича Путеш. стр. 32, п. 14). 4) Никона Черногорца Тактиком», переведенный не позднее XIV в. (Шафар. *ibid.* III, 211, п. 129). 5) Матфея Властаря Солунского Правильник (Σύνταγμα), написанный в 1335 г. и известный в переводе по рукописям того же XIV века (Шафар. *ibid.* III, 216, п. 150 sqq). 6) Слова Григория Богослова, известные в рукописи XV века (Шафар. *ibid.* III, 214, п. 144). 7) Слова Иоанна Златоустого постнические, переведенные на Афоне в 1451 г. (Шафар. *ibid.* III, 212, п. 135). 8) «Книга Св. Иоанна Дамаскина философская о осми частях слова» или Грамматика, и его же «Главы философские» или Диалектика. Основываясь на надписаниях в списках, до последнего времени оба сочинения усвоили Иоанну Дамаскину, а перевод обоих (основываясь на тех же надписаниях) – Иоанну экзарху болгарскому. Но, по мнению гг. Горского и Невоструева, первое сочинение должно быть считаемо не принадлежащим Иоанну Дамаскину; а что касается до перевода, то он должен быть признаваем значительно позднейшим века экзархова, и не болгарским, а сербским (Описания рукоп. Синод. библиот. II, 2, № 156, стр. 311 sqq. Переводчик этих сочинений не есть ли Константин философ костенчский?).

Жития сербских святых см. в книгах – покойного преосвящ. Филарета черниговского «Святые южных славян» и г.

Мартынова – *Annus Ecclesiasticus Graeco-Slavicus*. Собрание служб сербским святым с синаксарями находится в так-называемом «Сербляке», который в первый раз напечатан был в 1721 г. в Рымнике, в Валахии, во второй раз будто бы в Москве в 1765 г. (предисл. к 3 изд.) и в третий раз, дополненный синаксарями большей части святых и некоторыми службами, в Белграде, в 1861 г. (cfr Шафар. *Geschichte der Südslaw. Literat.* III, 197, n. 96).

Сербы имеют свои летописи; но, к сожалению, летописи эти, сколько известно в настоящее время, все происхождения весьма позднего, относительно древнейшего времени наполнены баснословием, а относительно позднейших времен весьма кратки и до такой степени небрежны в хронологических показаниях (которые одни и имели бы в них значение), что совершенно ни в одном случае невозможно на них одних полагаться. Некоторые летописи напечатаны в Памятниках письменности южных славян Шафарика, в Гласнике I, 163, V, 17, XI, 144, в Arkiv'e Сакцинского III, 5, у Григоровича в Речи о Сербии, Казань, 1859, стр. 47, cfr Шафарика *Geschichte der Südslaw. Literat.* III, 197, 202 нач., 215, 218, 237 и особенно 245.

Собрания официальных сербских актов – хризовулы и грамоты королей и царей, архиепископов и патриархов и пр. см. в изданиях: «Павла Карано-Твртковича Србскии Споменицы или стары ризовуле, дипломе, новеле и пр., издани на свет иждивением господина Ефрема Обреновича, у Београду, 1840, cfr Новаковича Сербскую библиографию № 1124, Фр. Миклошича *Monumenta Serbica spectantia historiam, Serbiae, Bosnae, et Ragusii, Viennae*, 1858, Медо Пуича Споменици Србски од 1395 до 1423, у Београду, – том 1-й 1858, том 2-й 1862 г. См. также В. Григоровича Очерк путешествия по Европейской Турции, Казань, 1848, Дм. Аврамовича Описание древностей српски у Светой Гори, у Београду, 1847, архим. Порфирия Успенского Указатель актов, хранящихся в обителях св. горы Афонской, в Журн. Мин. Нар. Просв, ч. LV, или в *Slavische Bibliothek* т. I, Миклошича, статью

Миллера Verzeichniss der inden Athosklöstern Aufbewahrten Urkunden.

О сербской литературе сравнивай Шафарика Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten 2 изд., Prag, 1869, его же Geschichte der Südslawischen Literatur III, Prag 1865, его же Serbische Lesekörner, Pesth 1833, Talvj Handbuch einer Geschichte der Slawischen Sprachen und Literatur, Leipzig, 1852, Пыпина и Спасовича Обзор истории славянских литератур, Спб., 1865, Майкова Историю сербского языка по памятникам, писанным Кириллицею, Москва, 1857, Григоровича Краткое обозрение славянских литератур в ученых Записках Казанского Университета, 1841 г. кн. 1-я, его же Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах – в тех же Записках 1842 года, кн. 3 и 4.

О сношениях сербских государей с папами после Стефана Немани

История отношений преемников Стефана Немани к папам не совсем выгодным образом рекомендует их нравственные правила. В настоящей или действительной измене православию из-за расчетов своекорыстия может быть обвиняем между ними только один, и притом вторгшийся в их ряд незаконным и насильственным образом; но за сим довольно немалое сравнительно число остальных подлежат другому важному обвинению, именно – обвинению в том, что в своих разных политических обстоятельствах и нуждах не находили предосудительным обращаться, как к одному из средств выручать себя, к притворной готовности признать власть римской церкви. Впрочем, имея в виду несколько не более похвальное в этом отношении поведение многих из императоров византийских, не должно быть чрезмерно строгими и к королям сербским.

Первые сношения с Римом, и притом те именно, которые, не быв просто дипломатическим притворством, сопровождались настоящей или действительной изменой православию, начались еще при жизни самого Стефана Немани, когда он по удалении с великокняжеского престола подвизался на Леоне. Виновником

дела был младший сын Немани Волкак, правивший в качестве удельного князя юго-западной областью Сербии Диоклеи или Дуклеи³⁰⁶. Неизвестно положительным образом, чего именно рассчитывал достигнуть Волкан чрез отступление от православия к латинству, но по всей вероятности того, чего успел потом достигнуть на самом деле, именно приобрести расположение венгерского короля и получить от него помощь для отнятия великокняжеского престола у старшего брата. Как бы то ни было, в 1198 г. он отправил в папе Иннокентию III посольство, с которым писал, что «после Бога всего более любит и чтит свою мать римскую церковь», и чрез которое настоятельнейшим образом просил папу прислать к нему своих легатов³⁰⁷. Так как для папы ничего не могло быть приятнее обращенной к нему просьбы, то он немедленно (в самом начале следующего 1199 года) послал к Волкану своих легатов (капеллана Иоанна Casamaris и иподиакона Симона), которые окончательно и приняли его в подчинение римской церкви (и которые должны были обращаться не только к нему, но и к его старшему брату – великому жупану)³⁰⁸. Вынужденный поведением Волкана, решился было идти по его следам и великий жупан всей Сербии, старший сын Немани, Стефан. Желая обезопасить себя на великокняжеском престоле, он также обратился к папе с изъявлением своей покорности, взамен чего просил себе у него королевского венца³⁰⁹. Папа, как следует думать, не бывший посвященным в замыслы Волкана, предположил было удовлетворить и сей второй просьбе³¹⁰; но оказалось, что дело Стефана было уже проиграно. Волкан отчасти, вероятно, своим расположением к католичеству, а главным образом обещанием данничества³¹¹ уже успел приобрести на свою сторону венгерского короля (Емериха): этот последний отклонил папу от его намерения послать Стефану королевский венец, а потом явился к его сопернику с вспомогательным войском, и в 1202 г.³¹² согнал его с великокняжеского престола. Достигнув осуществления своих замыслов, Волкан ни в чем не изменил своему покровителю, и ставшая вассальною от Венгрии Сербия тотчас же подчинена была, как страна католическая, римскому седалищу. Не

принимавший участия в незаконном перевороте, но нет сомнения оказавшийся весьма довольный им по его последствиям для своей власти, папа Иннокентий III немедленно поручил одному из архиепископов венгерских (колочскому) отправиться в новоприобретенную для католичества страну, чтобы принять клятвы верности от ее жителей и разрешить их от уз подчинения патриарху константинопольскому³¹³.

Неизвестно, оставался ли Волкан верен католичеству в дальнейшее время своего сидения на великокняжеском престоле, но во всяком случае власть паны кончилась с концом его (Волканова) правления, что было в 1206 или 1207 году, когда он снова должен был уступить место старшему брату Стефану. Это был единственный случай действительного отступления сербов от православия после Стефана Немани. Далее следуют случаи дипломатических притворств или изъятий сербскими государями только мнимой готовности приступить к союзу с римской церковью.

В первый раз к такому притворству было прибегнуто в непродолжительном времени после сейчас изложенного, именно – во второе правление Стефана, когда он вместе с братом своим архиепископом Саввой посылал в Рим за королевским венцом. Об этом уже говорено нами выше.

О сношениях с папами при троих первых преемниках Стефана Первовенчанного ничего неизвестно, и опять они возобновились с правления Милутина или Стефана Уроша 2-го. На этот раз начал их сам папа (Николай IV). В 1288 г. он послал к Милутину двух своих легатов (Францисканских монахов Марина и Киприана) с увещательной грамотой, в которой настоятельно убеждал короля присоединиться к святой римской церкви, вне которой, по его словам, нет спасения (у Райнальда в *Annal. Eccles. ap.* 1288, n. 29, у Ассемани в *Kalendaria V*, 45). Мать Милутинова, вдова Уроша 1-го, кралица Елена, происходив из какой-то западной земли, была ревностной католичкой³¹⁴, а поэтому папа писал с своими легатами и к ней, возлагая на нее обязанность употребить все старания к обращению на путь истины своих сыновей, т. е.

Милутина и Драгутина (у Райн. *ibid.* п. 31, у Ассем. *ibid.*). Но так как король сербский пока не имел никакой нужды в покровительстве папы и так как, к счастью, на него не имели и в сем отношении никакого влияния убеждения матери, то грамота папы осталась без всякого действия и была оставлена без всякого ответа.

В 1220 г. обращался к папе (тому же Николаю IV) с изъявлением своей притворной покорности старший брат Милутина Драгутин, который, вероятно, находился тогда во вражде с первым (сfr Родосл. стр. 357) и рассчитывал при содействии папы получить против него помощь от венгерского короля. Чтобы сильнее убедить папу в мнимой искренности своего решения присоединиться к римской церкви, он представлял латинским миссионерам дело обращения в христианство патаренов покоренной им части Боснии. Папа тотчас послал было просителю свою грамоту, которою торжественно объявлял, что берет его с его народом под особое покровительство св. седалища. Но или Драгутин увидел, что кроме этих пустых слов, ему более ничего не получить, или успел помириться с братом, – и дело было им брошено после получения этой милостивой для него грамоты (у Райнальда ап. 1291, п. 41 sqq, у Ассемани V, 46).

В 1303 г. было новое обращение от папы (Венедикта XI) к самому Милутину. Имея будто бы верные известия, что а король принял благое намерение возвратиться на путь спасения, т.-е присоединиться к римской церкви, папа убеждает его чрез посланную к нему грамоту не медлить исполнением намерения и обещается встретить его как сына превозлюбленного (у Райнальда ап. 1303, п. 59). Так как никакого подобного намерения у Милутина вовсе не было, то и послание папы было оставлено без всякого ответа.

В непродолжительном времени после этого, в 1306 или 1307 г., Милутин сам увидел нужным, по примеру деда и брата, разыграть комедию мнимой готовности приступить к союзу с римской церковью. В 1306 г. папа Климент V устроил на западе союз и решился снарядить экспедицию для вторичного завоевания у греков их империи. Надеясь на осуществление

предприятия и желая быть участником в разделе будущей добычи, Милутин поспешил приступить к этому союзу в качестве участвующего члена, а вместе с тем, вероятно, для лучшей рекомендации себя в глазах своих католических союзников и их главы папы, нашел нужным на время притворным образом признать и церковную власть этого последнего. Он отправил к папе с своими неожиданными предложениями торжественное посольство; чрезвычайно обрадованный, папа немедленно снарядил свое торжественное посольство в Сербию для принятия клятв верности короля и народа. Непохвальная комедия, вероятно, была бы доведена до самого конца, т. е. Милутин действительно притворным образом присоединился бы на некоторое время к латинской церкви. Но, к счастью, в то время как папские легаты прибыли в Сербию, устроенный папою завоевательный союз успел расстроиться; не имея более нужды в своем притворстве, Милутин сказал легатам, что будто не может исполнить своего намерения, боясь матери (т. е. католички Елены) и брата, и отпустил их ни с чем (у Райнальда ап. 1308, п. 26 у Ассемани V, 49 sqq). Под конец правления Милутинова папа имел возможность отмстить ему за это его, если так можно выразиться, насмешенье. В 1316 – 17 г. замыслили против Милутина восстание его католические подданные северной Албании, и папа (Иоанн XII) употребил все свои убеждения, чтобы заставить их привести в исполнение намерение, а потом, когда в 1319 году открылась несчастная для Милутина война с венграми, папа старался устроить против него настоящий крестовый поход из всех западных народов (см. у Райнальда ап. 1318, п. 35 и ап. 1320, nn. 1 – 3, у Ассемани V, 51 fin. sqq. Папа называет Милутина в своих грамотах: *rex perfidus, schismaticus et religionis christianae totaliter inimicus*; Ассемани, *ibid.* p. 53, говорит, что побежденный королем венгерским Милутин принужден был вместе с верховною государственною властью сего последнего признать и церковную власть папы; но в известиях об этом вовсе ничего нет).

После Милутина прибегали к средству того же притворства перед папой два непосредственные его преемника – Стефан Дечанский и Стефан Душан.

Стефан Дечанский в начале своего правления должен был бороться с двумя соперниками – младшим братом своим (от другой матери) Константином и с двоюродным братом, сыном Драгутина, Владиславом. Нуждаясь против них во внешней помощи, он искал вступить в брак с дочерью одного итальянского владетеля (тарентского князя Филиппа); он давно был женат и имел детей, но, вероятно, он предполагал развестись с женой (что у сербских, и болгарских государей было нередко); так как отец невесты, по внушениям и требованиям папы (того же Иоанна XII), изъявлял свое согласие не иначе как под условием, если государь сербский присоединится к римской церкви, то последний и не затруднился тотчас же изъявить на это свое притворное согласие и потребовать присыла к себе папских легатов. Дело кончилось на приготовлениях в дорогу сих последних, потому что пока они собирались, Дечанский уже успел счастливо отделаться от своих соперников (у Райнальда an. 1323, n. 14 sqq, у Ассемани V, 53 fin. sqq; Райнальд смешивает Дечанского или Уроша 3-го с Милутином или Урошем 2-м).

Стефан Душан в продолжение своего правления два раза прибегал к способу выпутываться из затруднений посредством обмана папы, – в первый раз в 1347, во второй раз в 1354 году; в оба раза по поводу войн с одними и теми же венграми. Перед 1347 г., пользуясь бывшей тогда у венгров войной с венецианцами, Душан успел захватить некоторую часть их владений, но затем на него напал страх не устоять в предстоявшей войне при защите сделанных завоеваний; в 1354 году, пользуясь подобными же затруднениями венгров, он успел сделать от них новые (на сей раз весьма значительные) приобретения, а затем на него опять напал тот же страх подвергнуться жестокой расплате. Чтобы склонить папу стать своим защитником и оборонителем против венгров, Душан и обращался к нему в оба раза (в первый раз к Клименту VI, – во второй – к Иннокентию VI) с изъяснениями своей притворной

готовности признать его церковную власть. В оба раза дело прекращалось в самом начале, потому что в оба раза Душана без папы выручали благоприятные обстоятельства (у Райнальда ап. 1347, п. 30 и ап. 1354, п. 26 sqq, у Ассеманн V, 57sqq, см. также Фесслера *Geschichte von Ungarn*, изд. 2-го т. 2, стр. 133 sqq). Подобно как при Милутине, папа старался отмстить за эти обманы тем, что когда после смерти Душана (в 1356 г.) венгры начали войну против сербов, он объявил ее настоящим крестовым походом (у Райнальда ап. 1356, п. 24 sqq, у Ассемани V, 59, Фесслер *ibid.* т. 2, стр. 142. – Известное на сербско-славянском языке, как кажется, не подлинное послание папы Иннокентия к Душану см. в Гласнике VIII, 147).

После Душана нет известий о сношениях сербов с папами в продолжение всего последнего столетия существования сербского государства.

Приготовляясь в ферраро-флорентийскому собору (бывшему в 1438 – 39 г.), греки приглашали было принять участие в нем вместе с другими православными народами и сербов. Но тогдашний деспот сербский (Юрий Бранкович), несмотря на все убеждения приходившего к нему с приглашением императорского посла, не только не захотел послать своих уполномоченных, но даже и ответной грамоты императору (см. *Hist. Consil. Florent.* Сиропула, sect. III, cap. 2, ed. Roberti Creyghton, 1660, p. 45).

Последний сербский деспот, младший сын сейчас названного Юрия, Лазарь, предпочитая для своего государства католичество игу турецкому, завещал было его перед своею смертью, не только в церковное, но, так как умирал без наследников, даже и в государственное ленное владение. Однако папе не посчастливилось в Сербии и на этот последний раз. Когда легат его явился в страну для провозглашения в ней, при содействии вдовы Лазаревой Елены, власти св. седалища, то бояре и народ, предпочитая вопреки князю лучше игу турецкое, чем католичество, поспешили сами призвать к себе турок, чем тотчас же и положен был конец всяким папским мечтаниям (у Райнальда ап. 1458, nn. 18 и 19,

Гаммера Histoire de l'Empire Ottoman, В
переводе Dochez'a, ed. Paris, 1840, livre XIII, t. 1, p. 259, col. 1).

О римско-католической церкви в пределах бывшего сербского государства

Римскими католиками во владениях сербов были – во-первых, потомки древних романо-итальянских поселенцев их адриатического побережья и принадлежавших им островов, и во-вторых – покоренная ими северная половина племени албанцев или шкипетаров.

Для весьма незначительного сравнительно числа всех этих католиков, папами учреждено было, может быть в видах католической пропаганды и между самими православными сербами, весьма значительное число епархий. Именно – этих последних в конце XII века было не менее десяти, а в конце XIII века не менее пятнадцати. В выше-административном отношении их разделение было таково: 1) епархии западной части побережья, соседнего с Рагузой, и островов были подведомы архиепископу или митрополиту рагузскому; 2) епархии остального побережья и внутренней Албании, за исключением города Диррахия с его округом, составляли из себя архиепископский или митрополичий диоцез антиварский; 3) город Диррахий или Дураццо с своим округом представлял собой особую, в большую часть времени существования – безепископальную, архиепископию или митрополию диррахийскую.

I. Епархии, зависевшие от архиепископа рагузского были: 1) стагненская или стонская, 2) курцольская или корчульская, 3) травунская или требиньская и 4) зависевшая до начала XIV столетия, а потом переселенная в архиепископию антиварскую, – каттарская или которская.

Городок Стагно или Стон вместе с полуостровом Сабинчелло (послав. Рать или Рьтъ, Пелешец и Крькр, по итальянск. еще Ponto или Punto), на котором он находится, принадлежал сербам (именно к княжеству захоломскому) с древнего времени. В первой половине XIV столетия сербские государи отдали его с его полуостровом во владение, за известную ежегодную плату, рагужанам

(см. Monumenta Serbica Миклошича pp. 104, 106, 108, 147, 150, 163 и другие). Об открытии епархии стагненской или стонской (по лат. Stagnensis) не позднее начала X века мы говорили выше (в прим. 19-м). С тех пор она постоянно продолжала существовать во все время существования сербского государства, хотя по временам и оставалась очень долго не замещенною (см. Тейнера Monumenta Slavorum Meridionalium t. 1, p. 110. – В начале или перед началом XVI века, она, неизвестно на долгое ли время, соединена была с епархией курцольской, у Тейнера *ibid.* p. 552. Об ее закрытии в начале настоящего столетия см. у Never'a в Kirchliche Geographie und Statistik II, 214).

Остров Курцола или Корчула, лежащий рядом с полуостровом Сабииончелло, также с древнего времени принадлежал сербам и также в позднейшее время был продан ими рагужанам (о времени продажи известия разногласят, по одним – в половине XIV, по другим в начале XV столетия, см. Майкова Историю сербского языка стр. 64 и Макушева Исследования о памятниках и бытописателях Дубровника в Записках Акад. Наук т. XI, кн. 11, стр. 4). Когда была открыта епархия курцольская (по лат. Curzolensis и Corzorensis), остается нам неизвестным; первое известное нам упоминание о ней относится к 1325 г. (у Тейнера *ibid.* стр. 161). Закрыта в 1828 г. (у Never'a *ibid.* II, 213 fin.).

Епархия травунская или требиньская (по лат. Tribuniensis) обнимала собой католическое население сербской области Травунии или по-нынешнему Требинье. Нет сомнения, кафедра епископа находилась не в самом городе Требинье и вообще не внутри области, а где-нибудь на морском побережье, потому что внутри области не было католических жителей романо-итальянского происхождения. Частью морского требиньского побережья владели, приобретши покупкою от сербов, те же рагужане (см. Monumenta Serbica Миклошпча p. 188 и у Даничића в Речнике под словами Конавли и Драчевица), и вероятно, что и епископ имел пребывание где-нибудь именно в этом их участке. Когда была открыта епархия травунская, остается неизвестным; но, как видно из одного акта от 1284 г.,

не позднее половины XIII века (у Тейнера *ibid.* p. 100). Когда закрыта, остается также неизвестным; но во всяком случае не ранее 1445 г., под которым упоминается еще как существующая (у Тейнера *ibid.* p. 388 нач.).

Город Каттаро или Котор был завоеван сербами у греков еще в правление Стефана Немани (см. житие Немани, написанное Стефаном Первовенч. в Памятниках Шафарика § VII fin., стр. 8) и с тех пор постоянно принадлежал им, впрочем не как город, вполне включенный в состав государства, а как община или республика, находившаяся в вассальной от них зависимости (см. *Monumenta Serbica* Миклошича p. 149 fin. sqq и в журнале Загребской Академии *Rad* кн. 1, стр. 129, 130, 142 и 146; о католичестве его жителей см. Гласн. XII, 160 и у Тейнера *ibid.* p. 259). Епархия каттарская или которская (лат. *Catharensis*, *Catarensis*), по некоторым известиям существовавшая еще во второй половине VIII, а во всяком случае открытая не позднее начала IX века (о чем см. выше в примм. 16 и 19), вероятно, была и перечислена из митрополии салонской в митрополию рагузскую тотчас после открытия сей последней (о чем также выше). Под митрополией рагузской она оставалась, как мы сказали выше, до начала XIV века, а потом переведена была в митрополию автиварскую (у Тейнера *ibid.* pp. 135 fin., 162, 166, № CCXVIII fin., 171, 190, № CCL fin. и другие). В половине XIV столетия епископ каттарский, кроме города Каттаро с прилежащей к нему областью, заведывал еще не имевшими своих епископов – во-первых, в самой Сербии католиками города Призрена и его округи, – во-вторых, во владениях венгерских католиками принадлежавших тогда венгерцам областей северной Сербии мачевской и белградской (в этих двух областях католиками были, нет сомнения, венгерские чиновники и поселенцы), и в-третьих, в Герцеговине и Боснии – католиками городов *de Chelmia* (находившегося недалеко на юг от нынешнего Мостара), *de Save*, *de Lipinch* (остающихся неизвестными) и некоторых других в северо-восточном углу второй из областей (см. у Тейнера *ibid.* p. 216, № № 281 и 282). Что касается до пространства собственной епархии каттарской, то в той же

половине XIV столетия на запад по адриатическому побережью она простиралась по старую Рагузу (*Ragusa Vecchia*) или Цавтат включительно, а на восток приблизительно по нынешнюю границу австрийской Далмации от турецкой Албании (Тейн. *ibid.* p. 215). Епископия каттарская существует до настоящего времени.

К архиепископии рагузской также принадлежал сербский остров Мелида или Меледа (по древнесербск. Млеть), часть жителей которого также были романо-итальянского происхождения (и который, начиная неизвестно с какого времени, в половине XIV века, также находился в некотором пользовании рагужан, см. в Arkiv'e Сакцинского кн. IV, стр. 326. *Monumenta Serbica* Миклошича pp. 10 и 158, *Monumenta Slavorum Meridion.* Тейнера t. I, p. 283). В заведывании какого именно епископа он находился, остается неизвестным.

(Под 1352 г. упоминается епископия *Resinensis*, которая, как кажется, находилась в митрополии рагузской, и кафедра которой, вероятно, была в нынешнем городке *Risano*, лежащем на северном берегу Каттарского залива, у Тейнера *ibid.* p. 227. Под 1445 г. упоминаются как принадлежавшие митрополии рагузской епископии – *Rossonensis*, *Rossensis* и *Bacensis* (у Тейн. *ibid.* p. 388 нач.), из коих первая, вероятно, одно и то же с *Resinensis*, вторая, вероятно, находилась в нынешнем *Porto Rose*, лежащем на юго-восточном берегу Каттарского залива, а о третьей не можем сделать никаких предположений. Неизвестно, когда перед 1445 г. открыта была особая епархия в городе Будве, которая потом и существовала до конца прошедшего или до начала настоящего столетия, у Тейн. *ibid.* p. 388 нач. и *Neher'a Kirchliche Geographie* II, 214).

Отдавая рагужанам во владение свои земли, сербские государи, обыкновенно, выговаривали у них обязательство сохранять неприкосновенную свободу вероисповедания отходивших в них с землями православных жителей или природных сербов (*Monumenta Serbica* Миклошича p. 108 fin.). Но рагужане, нарушая обязательство, обыкновенно употребляли все усилия совратить православных в свое католичество (см. у Макушева в Исследованиях о памятниках и бытописателях

Дубровника, в Записках Акад. Н. т. XV, кн. II, стр. 6). В настоящее время в бывших владениях рагужан, купленных ими у сербов, т. е. на полосе твердой земли, прилегающей с обеих сторон к городу Рагузе, на полуострове Сабиончелло и на островах Корчуле и Меледе отношение жителей сербского к жителям романо-итальянского происхождения как 80 к 20 или даже 90 к 10, а отношение православных к католикам, напротив, не более как 1 к 99 (см. у Фиккера в *Bevölkerung d. Oestereich. Monarchie*, Gotha, 1860, карты 5, 6 и 8, – на карте 10 неправильно).

II. Митрополия антиварская обнимала адриатическое побережье и всю северную половину внутренней Албании от границы с нынешней австрийской Далмацией до реки Schkumbi (Skumi) или Uskomobin (вытекающей из гор на западной стороне Ахридского озера и впадающей в Адриатическое море ниже города Кавайи), за исключением на этом пространстве с начала XIII века только города Диррахия или Дураццо с его округой. Епархии митрополии антиварской существовали – отчасти также для романо-итальянских поселенцев, которые занимали тогда приморскую полосу юго-западной части Албании³¹⁵, а главным образом для албанцев или шкипетаров, которые населяли и населяют внутреннее пространство области. История обращения в католичество, отчасти может быть из язычества, а главным образом, как кажется, из православия, северной половины албанцев известна не совсем достаточным образом. В начале второй половины XI века, вскоре после учреждения кафедры антиварской, некоторая часть их, именно та или другая часть племени, населяющего на правом берегу соединенного Дрина область Пулати или Полати, были уже католиками (см. послание папы Александра II к архиепископу антиварскому от 1062 г. у Миня в Патрол. t. 146, p. 1326, у Барония в *Annales an.* 1062, n. 113, у Ассемани в *Kalendaria* IV, 374, у Lequens'a в *Oriens* II, 277). В конце XII века было то или другое количество обращенных в католичество на всем пространстве северной половины Албании, потому что в то время уже на всем этом пространстве были католические

епископские кафедры (о сем сказано будет сейчас ниже). За сим дальнейшая проповедь посредством миссионеров из ордена доминиканского особенно усиленным и особенно успешным образом ведена была при папах Иннокентии IV (1243 – 1254), Александре IV (1254 – 1261) и Венедикте XI (1303–1304, см. у Райнальда ап. 1250, п. 44 и ап. 1303, п. 58, у Тейнфра в Monumenta Slavorum Meridionalium t. I, pp. 78 и 120), и дело пропаганды на указанном выше пространстве Албании завершено было, как кажется, к началу XIV (сfr у Райнальда ап. 1318, п. 35), а во всяком случае не позднее первой половины XV столетия³¹⁶.

История открытия епископских кафедр антиварской митрополии известна также не совсем удовлетворительным образом. В 1067 г. митрополия была еще совсем безепископальною (см. послание папы Александра II к архиепископу антиварскому у Миня t. 146, р. 1323, – подчиняемые в нем ведению архиепископа антиварского церкви суть не особые епископии, как неправильно принимают исследователи, а только особые церковные округа или протопресвитератства одной и той же епископии), а в 1199 г. под ней было уже семь епископий (см. деяния антиварского собора, бывшего в сем 1199 г., у Тейнера в Monumenta Slavorum Meridionalium t. I, р. 8, у Миня в Патрол. t. 214, р. 729, у Ассемани в Kalendaria V, 33; так как ниже нам постоянно придется ссылаться на деяния этого собора, то мы будем делать ссылку под сокращенно условным СА).

Неизвестно когда до 1199 г. открытые и с сего последнего года существовавшие епископские кафедры или епархии антиварской митрополии были:

1) Арбанская или албанская (в СА. у Тейн. и Миня – Arbanensis, у Ассем. неправильно Arbensis, в позднейших актах у Тейн. в Monumenta Slav. Arbanensis, Albanensis и ошибочно Abbanensis. Город Арбан или Албан, также Елбан (по греч. Ἀρβάνων, Ἀλβάνων, Ἐλβάνων) находился недалеко от Диррахия или Дураццо, между сим последним и Ахридой, (см. Георгия Акрополита в Memor. pop. II, 722 и 725, Монаха Ефремия, ed. Bonn, р. 366, акт о разделе Византийской империи

крестоносцами в *Fontes rerum Ausriacarum*, издаваемых Тафелем, t. XII, p. 472), и как предполагают некоторые (Гана *Albanesische S.* 81), по всей вероятности, есть один и тот же с нынешним Елбассаном, лежащим на юго-запад от Ахриды на р. Schkumbi (о нем у Гана *ibid. S.* 79 sqq). Под деяниями собора 1199 г. подписался не епископ, а архипресвитер арбанский; но что тогда уже существовала епархия арбанская и что архипресвитер только или по неприбытию на собор, или по небытности тогда на кафедре епископа и вообще как представляющий или заменяющий собой сего последнего, видно из того, что он подписался впереди всех епископов (дальнейшее первое упоминание об епископии арбанской под 1209 г. – у Тейн. *ibid. p.* 45; под 1488 упоминаются в епархии арбанской regio Aradune, и в сей последней *maritimum oppidum Churrilli*, у Тейн. *ibid. p.* 524; под 1457 г. – монастырь *beatae Mariae de Trefandena*, *ibid. p.* 425 sub fin.).

2) Скутарская или скодрская (в СА. у всех *Scuarinensis*, в позднейших актах *Scutarensis, Scodrensis*). Город Скутари или Скодр (Скадар) известен.

3) Палатская или пулатская (в СА. и в позднейших актах *Polatinensis*). Епархия эта называлась и называется не по городу, а по области Полати или Пулати, лежащей по правому берегу соединенного Дрина.

4) Дривастская (в СА. *Aruastinensis*, в позднейших актах *Drivastensis*). Городок Дривасто или Дривост находится недалеко на северо-восток от Скутари или Скодра.

5) Свачская (в СА. *Soacinensis*, в позднейших актах *Soacinensis* и *Suacinensis*). Город Свач, завоеванный Стефаном Неманей у греков (Житие Немани, написанное Стефаном Первовенч., в Памятниках Шафарика стр. 8), находился на юг от Скутари недалеко от города Дульчинье, где и в настоящее время есть место *Sfatscha* (см. в Речнике Даничица под словом Свач).

6) Дульчинская (в СА. и в позднейших актах *Dulcinensis*). Город Дульчинье, по древнесербски Ульцин и Льцинъ, по новосербски Ульчин и Ольчун, находится на берегу

Адриатического моря, на юго-восток от Антивара и на юго-запад от Скутари.

7) Сарданская или сардская (в СА. у Тейн. *Sarcanensis*, у Миня и Ассем. *Sareanensis*, в позднейших актах у Тейн. *ibid.* *Sardanensis* и *Sardensis*). В числе городов, завоеванных Стефаном Неманей у греков на адриатическом побережья, западнее реки Дрина, упоминается город «Сарьдоникии» (Сардоуикий? Житие Немани, написанное Стефаном Гервовенч., в Памяти. Шафар. стр. 8): епископскую кафедру этого, в настоящее время не существующего города, нет сомнения, и должно разуметь под кафедрой сарданской или сардской.

Все эти семь епархий после 1199 г. продолжали существовать во все время существования сербского государства (см. у Тейнера в *Monumenta Slavorum* t. I, p. 388 и *polIndex*'у о каждой отдельно).

В последующее время открываемы были новые епархии, именно –

8) Савская, города Савы (*Sava*), который находился где-то в северной части северной Албании, на смежи албанских поселений с сербскими; была открыта в 1291 г. стараниями вдовы Уроша 1-го и матери Милутина кралицы Елены (у Райнальда ап. 1291, п. 42, у Ассемани в *Kalendaria* V, 46, у Тейнера в *Monumenta* p. 111), и существовала, как кажется, недолго, потому что после нигде не упоминается.

9) *Balazensis*, открытая неизвестно когда именно, но довольно задолго до 1350 г. (у Тейнера *ibid.* p. 226 fin.), находилась в неизвестном нам городе или месте, но где-то по соседству с епархией дривастской (*ibid.* p. 236 fin.).

10) *Acritarensis*, находившаяся неизвестно нам где и упоминаемая под 1445 годом (у Тейнера *ibid.* p. 388 нач.).

11) Алессиенская или лешская (*Alexiensis*, *Lexiensis*, *Lixiensis*, *Lessiensis*, *Lessensis*), находившаяся и доселе находящаяся в городе Алессии или Леше, который на соединенном Дрине недалеко от его впадения в Адриатическое море; открыта неизвестно когда до 1371 года (у Тейнера *ibid.* p. 273).

12) *Zapatensis* (в настоящее время *Sapensis*, *Sappensis*, *Cappensis*), называвшаяся и называемая неизвестно нам по какому месту³¹⁷; открыта когда-то прежде 1457 г. (у Тейнера *ibid.* p. 424) и находится за левым берегом нижнего соединенного Дрина в так-называемом Задримьи.

III. Кафедра диррахийская или дурацкая, с титулом архиепископии или митрополии, учреждена была после завоевания Византийской империи крестоносцами (в 1204 г.), когда город Диррахий или Дураццо (по слав. Драч) достался венецианцам (у Тейнера *ibid.* p. 45, учреждена прежде 1209 г.). После первой половины XIII века нет упоминаний о ней до второй половины XIV века (у Тейнера *ibid.* p. 340 *fin.*, под 1388 г.); но вероятно, она не была закрываема, а продолжала существовать и в этот промежуток времени. Со второй половины XIV века она существует до настоящего времени (под 1526 годом упоминаются подведомые митрополии диррахийской епископии *Stephanensis et Cognoniensis*, у Тейнера *ibid.* p. 590 *fin.*, но когда они были открыты и закрыты и где именно находились, пока сказать ничего не можем).

В позднейшее время недолго существовала архиепископия или митрополия кройская (*Croiensis* и *Craiensis*), т. е. города Крои, который на северо-восток от Дураццо. По некоторым, она открыта была в 1366 г. (Neher в *Kirchliche Geographie* II, 514), но вероятнее, что в половине XV века, когда Крою имел своей столицей знаменитый албанский князь Георгий Скандербег; вероятно, что она и существовала только в продолжение правления сего последнего (1442–1466; упоминается под 1457 г. у Тейнера *ibid.* p. 424 и 425).

В настоящее время католики той части Турецкой империи, которая принадлежала к прежнему сербскому государству, находятся в заведывании семи архиереев, именно: 1 архиепископа антиварского, 2–5 епископов скутарского, лешского (города Алессии), заппского и пулатского, 6 и 7 архиепископов дурацкого и призренского или скопийского.

Епископ заппский (один и тот же с прежним *Zapatensis*) имеет пребывание в деревне *Nersahat*, находящейся за левым

берегом нижнего соединенного Дрина (см. книжку Миллера *Albanien, Rumilien und die Oesterreichisch-montenegrische Gränze*, Prag, 1844, S. 39 и 59 fin. и приложенную к книжке карту).

Епископ пулатский имеет пребывание в селе Givagni или Dschuani, т. е. Св. Иоанна (Neher'a в *Kirchliche Geographie II*, 508 и Гана *Albanesische Studien S 8*. 37 нач.), которого на бывших у нас картах мы не нашли.

Архиепископ дураццкий имеет пребывание не в городе Дураццо, а в селе Курбино, находящемся на р. Вардасе на северо-восток от Крои (см. Гана *Albanesische Studien S.19* и приложенную к книге карту; о монастыре *S. Venerae de Curbino* упоминается в половине XV в., у Тейнера в *Monum. p. 425 sub fin.*).

Епископ лешский также, кажется, живет не в городе Алессии, а в монастыре *CaroRedoni*, находящемся на выдающемся в море мысу между Алессии и Дураццо (Миллера *Albanien et caet. S. 39*).

Епархия призренская или скопийская старше по второму из своих двух названий (Neher'a в *Kirchliche Geographie II*, 500, Гана *Albanesische Studien S.19*). В городе Скопии, бывшем со времени Милутина столицей сербского государства, не было и не могло быть католиков, но, по неизвестным и не совсем понятным причинам и побуждениям, около половины XIV века папами сделан был титулярный епископ его имени³¹⁸. Этот титулярный епископ скопийский и превращен был в последствии, неизвестно когда именно, в действительные епископы призренские для тамошних католиков албанцев, при чем удержал на последующее время и свое первое название. Когда он возведен был из епископов в митрополиты, остается также неизвестным (cfr Lequien'a *Oriens III*, 1138). Не имея никакого отношения к городу Скопии, в котором только православные и магометане (Гана *Reise von Belgrad nach Salonik*, 1-го изд. S. 64), он имеет пребывание в городе Призрене (нынешнее его титло между прочим *archiepiscopus Justinianopolitensis*, см. Миллера *Albanien et caet. S. 39*; нынешняя католическая

церковь в Призрене S. Mariae, по всей вероятности, есть та же, о которой упоминается в половине XIV века, см. Миллера Albanien S. 83, Тейнера Monumenta Slav. p. 215).

Епископы скутарский, лешский, запский и пулатский в настоящее время не подчинены, как прежде, архиепископу антиварскому, а также как и он сам непосредственно зависят от римской Congregatio de propaganda (Гана Albanes. Studien S. 19).

Перед 1854 годом во всех семи епархиях было 103 прихода и около 96 тысяч душ, именно – в епархии антиварской 6 приходов и около 3 тысяч душ, в епархии скутарской 26 приходов и около 28 тысяч душ, в епархии лешской 24 прихода и около 19 тысяч душ, в епархии запской 25 приходов и около 16 тысяч душ, в епархии пулатской 8 приходов и около 10 тысяч душ, в епархии призренской 6 приходов и около 10 тысяч душ, в епархии дурацкой 8 приходов и около 10 тысяч душ (Гана Albanes. Studien S. 19). В период сербского царства католиками были одни только албанцы, во в последствии было совращено и в настоящее время есть в указанном общем числе 96-ти тысяч некоторое небольшое количество и из самих сербов (в епархиях антиварской и призренской, Ган *ibid.*; впрочем единичные совращения были уже и при сербских государях, *cfr.* Законник Душана *ibid*).

2. Босния и Захолмия или Герцеговина

Босния

Не быв никогда государством самостоятельным, Босния постоянно находилась в зависимости от соседних более сильных государств. До второй половины X или до первой половины XI века она составляла удельную область Сербии; после того некоторое время она принадлежала к Хорватии; с конца XI или сначала XII века до самого порабощения турецкого она была вассальным владением королевства венгерского³¹⁹.

Ряд правителей боснийских, сперва называвшихся банами, а потом принявших титул королей, начиная с половины XII века, ранее которой нет сколько-нибудь надежных известий, есть следующий:

1) Славогост. Известна его грамота, которая должна быть относима к 1152–1155 году (см. Arkiv'a Сакцинского кн. 4, стр. 326).

2) Борич (по лат. Borich , Тейнера Monumenta Slav. Merid. I, 297, по греч. Βορίτζις, Memor. pop. II, 427). Упоминается под 1156 г. (Memor. pop. ibid., cfr Arkiv Сакцинского IV, 326; и вероятно он же под 1163 г., см. Баттиана Leges ecclesiasticae regni Hungariae II, 254, col. 2).

3) Кулин. В известных в настоящее время достоверных актах упоминается с 1189 по 1204 г. (см. Monumenta Serbica Миклошича р. 1 fin. и у нас ниже о действиях при нем папы Иннокентия III против ереси патаренской).

4) Стефан, может быть сын Кулина (который у последнего был, см. послание венгерского короля к папе Иннокентию III, от 1203 г., в Патрол. Миня т. 215, стр. 240, у Тейнера Monumenta Slav. Merid. I, 22). Упоминается в одном послании папы Григория IX от 1236 г. как непосредственный или посредственный предшественник следующего далее Нинослава (Тейнера Monumenta Hungarica, 147).

5) Матфей Нинослав. Вступил на престол до 1232 г. (Тейнера Monum. Hung. I, 169); в последний раз упоминается под 1249 г. (Monumenta Serbica Миклошича р. 32, – здесь

Стефан написано по подчищенному вместо Нинослав, потому что печать Нинослава, cfr. Тейнера *ibid.* 205 sqq).

6) Стефан Котроман, из венгерских немецкого происхождения бояр; был поставлен венгерским королем Белой IV на место низведенного им Нинослава (см. у Фесслера в *Geschichte von Ungarn*, изд. 2 ч. 1, стр. 391, году которого однако ж неладно; что действительно был из Венцев, cfr. у Тейнера в *Monum. Slav. Merid.* I, 135, грамоту папы Иоанна XXII, по которой сын его в близком родстве с одним немецким домом).

7) Павел Шубин, из венгерских славянского происхождения, бояр; правил с 1283 по 1312 год, быв в то же время и баном хорватским (см. у Юкича в его книжке *Zemljopis i Povjestnica Bosne* стр. 99; о годе смерти у Фесслера *ibid.* ч. 2, стр. 31); в актах Венецианского архива под 1311 г. он называется *banus Croatorum et dominus Bosne* (Гласн. XI, 329).

8) Младен, сын предшествовавшего. Сначала правил с отцом вместе и назывался при нем *secundus banus*; заступив его место, правил до 1322 г., в котором был сменен венгерским королем Карлом I (см. у Юкича *ibid.* и у Фесслера *ibid.* стр. 31 и 39. Гласн. XI, 332 и 329 fin.).

9) Стефан Котроманич, внук названного выше Стефана Котромана. Поставленный на место Младена в 1322 г., правил 30 слишком лет и умер 1353 (у Фесслера *ibid.* ч. 2, стр. 39, 102, 142; о годе смерти, который у Фесслера неладно, см. хорватские летописи в *Arkiv'a Сакцинского* кн. 4, стрр. 33 и 38 и у Миклошича в *Monumenta Serbica* p. 176, – показание о годе вступления на престол его преемника). (Юкич *ibid.* стр. 100 вместо одного этого Стефана принимает двух – Стефана Лили и Стефана Стичица.)

10) Стефан Твартко, племянник предшествовавшего, сын его брата Владислава (*Monum. Serb.* Миклошича pp. 176 и 210 нач.). Наследовав дяде, правил с 1354 (*ibid.* p. 176) по 1391 г.; между 1375 и 1378 годами принял титул короля (*ibid.* p. 184 и 187 и Мавро Орбини или Мавро Урбин в русск. перевод, стр. 276), который продолжали после него носить и все его преемники.

Присоединил к своим владениям от Сербии, распавшейся после смерти Стефана Душана на мелкие уделы, нынешний пашалык новопазарский (лежащий между нынешним княжеством сербским с севера и Черногорией с Албанией с юга, см. Мавро Орбини стр. 277). После 1382 г., пользуясь слабостью тогдашнего венгерского правительства, отложился было от вассального подчинения Венгрии и завоевал у нее значительную часть Далмации (см. Фесслера *Geschichte von Ungarn* 2-го изд. т. 2, стрр. 230, 235, 248, 255); но то и другое было ненадолго.

11) Стефан Дабиша, родной брат предшествовавшего; правил с 1391 по 1396 г. (Гласн. XII, 72 fin., Arkiv Сакцинского кн. 4, стрр. 33 и 38, у Райнальда в *Annai. Eccles. an.* 1369, n. 12, -послание папы Урбана V, *Monum. Serb.* p. 222 нач. и Мавро Орбини стр. 279). В 1393 г. принужден был возвратить Венгрии завоевания Стефана Твартки и снова подчинить свою страну ее верховной власти (у Фесслера *ibid.* т. 2, стр. 239).

12) Елена, жена Дабиши; правила по смерти мужа в 1397 г. (*Monum. Serb.* p. 229 fin.).

13) Стефан Остоя, другой родной брат Стефана Твартки (*Monum. Serb.* pp. 231 fin. и 236, также Arkiv Сакцинского II, 38 и Гласн. XIV, 94, где сын Твартки двоюродный брат его сыну); вступил на престол в 1397 и согнан с него в 1404 г. (Arkiv Сакцинского кн. 4, стрр. 33 и 38, Глася. XII, 73 нач.).

14) Стефан Твартко Тварткович, незаконный сын Стефана Твартки; занял престол в 1404 г. и был согнан с него в 1405 или в начале 1406 года (Гласн. XII, 73, Arkiv Сакцинск. кн. 2, стр. 20, *Monum. Serb.* p. 253, Мавро Орбини стр. 279).

15) Стефан Остоя во второй раз, с 1406 по 1418 г. (см. грамоту его, писанную после возвращения на престол, от 15 мая 1406 г., в издании Баттиана *Leges ecclesiasticae regni Hungariae* t. III, p. 387 и *Monum. Serb.* p. 282).

16) Стефан Остоич, сын предыдущего, правивший в продолжение 1419 и 1420 годов (*Monum. Serb.* pp. 282 и 294).

17) Стефан Твартко Тварткович во второй раз, с 1421 по 1433 г. (*Monum. Serb.* p. 316, Arkiv Санцинск. IV, 33 и 38).

18) Твартко, неизвестно как называвшийся по христианскому имени, поставленный в 1433 и убитый в 1434 г. (см. хорватские летописи, если только они не ошибаются, в Arkiv'e Сакцинского IV, 33 и 38, cfr ibid. II, 25).

19) Стефан Твартко Тварткович в третий раз, вероятно с 1434 г. по 1443 г. (Monum. Serb. p. 426, Гласн. XIV, 86). В 1439 году должен был признать себя данником султана турецкого (Memor. por. II, 428 нач.).

20) Стефан Томаш Остоич, побочный сын Стефана Остои (Тейнера Monum. Slav. Merid. I, 388), правил с 1444 по 1461 г. (Гласн. XIV, pp. 86 и 192).

21) Стефан Стефан (sic, Mon. Serb. p. 485 fin. sqq) Томашевич, сын предыдущего, последний боснийский король, с 1461 по 1463 год.

В 1463 году прекратилось существование боснийского королевства. В этом году оно все покорено было турками (Memor. por. II, 429 sqq, Гласн. XVIII, 145, Гаммера Histoire del'Empire Ottoman, в переводе Dochez'a, t. 1, p. 277, col. 1 sqq); непосредственно затем довольно значительная часть его была-было отнята у турок венграми, но 1527 – 28 г. оно снова все было завоевано первыми (у Гаммера ibid. pp. 279 и 491, col. 2), за которыми и остается до настоящего времени.

Стольных мест или резиденций у боснийских банов-королей за раз было несколько; именно таковыми служили:

1) г. Бобовец, находящийся верстах в 25–30 на северо-запад от Сараева или Босны-Сарая (Monum. Serbica pp. 185 и 450, Arkiv'e Сакцинского II, 38, – в настоящее время не город, а маленькая деревенька с развалинами «града» или крепости, см. у Юкича стр. 34); 2) г. Сутиска, находящийся верстах в 5 на запад от Бобовца, на речке, Терстивнице, впадающей с правой стороны в Босну (Monum. Serb. pp. 225, 230, 237, 250, 426, Arkiv'e Сакцинского II, 36, у Юкича ibid.); 3) г. Высокий или Высоко, находящийся при впадении речки Лепеницы в верхнюю Босну, на юг от Сутиски и на северо-запад от Сараева (Monum. Serb. 273, 294, 305, 317, у Юкича ibid., в Записках Географич. Общ. XIII, 358 sqq); 4) г. Крушево, находящийся на

юг от Высокого, и на запад от Сараева (Monum. Serb. p. 427, у Юкича стр. 36, в Записках Географич. Общ. XIII, 358 sqq); 5) г. Яйце, находящийся на верхнем Вербасе, на северо-запад от Травника (Memor. por. II, 427, Monum. Serb. 486, 489, 490; у Юкича стр. 23). Главная резиденции были первая и преимущественно вторая; последняя – в Яйце была недолго в позднейшее время.

При совершенной единоплеменности своего населения, Босния с древних времен была страной печального разнообразия. Как в настоящее время один и тот же сербский народ ее разделяется между тремя верами – православием, католичеством и магометанством, так и до порабощения турецкого он делился между тем же числом вер – православием, католичеством и ересью патаренской.

Такое странное положение дел было следствием особенных политических обстоятельств страны. Приняв окончательным образом христианскую веру вместе со всеми другими сербами от греческого православного духовенства (в половине IX в. при императ. Василии Макед.), босняки все стали христианами православного восточного исповедания. Если бы в отношении государственном они остались под властью Сербии или, отложившись от нее, успели образовать владение самостоятельное, то православная вера навсегда и осталась бы у них единственной христианскою верою. Но не случилось ни того ни другого; из-под власти православных сербов Босния перешла под власть католических – сначала хорватов, потом венгров. В след за переходом страны под государственное католическое верховенство, само собою разумеется, и папы объявили ее за свою церковную собственность, и как в таковой – в ней тот час же имела быть начата латинская пропаганда. Действуя со своей обычной энергией и пользуясь при своей деятельности не только полной свободой, но и всевозможной внешней поддержкой и влиянием всего авторитета высшей государственной власти, латинские миссионеры не были в своих усилиях без успешны; а таким образом в Боснии вместе с национальной православной верой явилась другая – насильственно навязанная католическая. За

сим в конце XII в. сюда проникла ересь патаренская. В других славянских странах, находившихся в иных обстоятельствах, ересь эта или скоро после своего появления была совершенным образом подавлена (как в Сербии), или если оставалась на долгие времена существовать (как в Болгарии), то существовала не иначе как именно в виде тайной секты, лишенной всяких государственных прав существования и строго преследуемой в своей пропаганде. Напротив в Боснии, после первых быстрых успехов, она навсегда (до порабощения турецкого) стала верой совершенно столько же открытой и столько же государственно полноправной, как и остальные две веры, и заняла в ней положение на ряду со существовавшими в ней двумя церквами как третья особая, как бы подобная сим последним, церковь. Эта необычайная особенность в судьбе ереси была следствием тех же особенных обстоятельств Боснии. Православная часть населения страны была бы в состоянии и имела бы силу подавить ересь и низвести ее к положению тайной секты, но она не могла против нее действовать, потому что господствующая католическая церковь считала это своим собственным правом; сама эта церковь весьма настойчиво желала подавления секты, но ее желания должны были оставаться простыми желаниями, потому что католическая часть населения не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы вступать с еретиками в борьбу.

На 850,000 всего нынешнего населения Боснии (без Герцоговины и пашалыка новопазарского) православных в ней считают до 390,000, затем до 325,000 магометан и до 135,000 католиков (см. Тёммеля Beschreibung des Vilajet Bosnien, Wien, 1867, S. 76 и Рошкевича Studie über Bosnien und die Herzegovina, Leipzig, 1868, S. 77 sqq). Предполагая, что нынешние магометане наполовину из бывших патаренов и по одной четверти из православных и из католиков, и потом отняв от католиков к православным по крайней мере до 35,000, которые должны быть считаемы не как явившиеся путем естественного народождения, а как соращенные усилиями позднейшей весьма недавнего времени пропаганды, мы найдем, что в настоящее

время, если бы все оставалось по-старому, православных было бы на 850.000 общего количества до 500,000 слишком, или иначе – что перед порабощением турецким они превосходили своим числом католиков и патаренов вместе взятых почти в полтора раза. Так как католичество и патаренство усиливались в стране постепенно, то само собою разумеется, что чем далее назад от указанного предела времени, тем все более и более должна быть увеличиваема в пользу православия эта пропорция.

Постоянно оставаясь верою решительного большинства населения страны, православие, начиная со второй половины X или с XI века перестало быть в Боснии верою государственно господствующею, потому что с переходом ее из-под власти православных сербов под власть католических – сначала хорватов, потом венгров, таковою стала в ней вера сейчас помянутых ее верховных владетелей, т. е. католичество. Впрочем, будучи ненавистно папам немного менее патаренства, оно никогда не подвергалось и открытым гонениям, – не подвергалось по той причине, что православные составляли преобладающую физическую силу и что в этом случае ни один из банов и королей боснийских не захотел бы, рискуя своим престолом, быть исполнителем папских предписаний.

Что касается до веры самих банов и королей, то большая часть их были патаренами, меньшая – католиками, и как кажется ни одного между ними не было православного. Считается православным первым королем Стефан Твартко на том основании, что он венчался королевским венцом в православном Милешевом монастыре от православного сербского митрополита. Но ввиду имеющегося положительного свидетельства, что он был патарен (см. послание папы Урбана V к венгерскому королю от 1369 г. в Annall. Eccless. Райнальда ап. 1369, п. 12), как кажется, гораздо основательнее смотреть на этот частный случай его обращения к содействию церкви православной просто как на меру политическую: принимая королевский венец, он хотел заставить своих подданных смотреть на него как на тот самый венец, который был носим королями сербскими, и на себя самого как на восстановителя и

продолжателя ряда этих последних (Monumenta Serbica Миклошича р. 187), а поэтому и необходимо было для него короноваться рукою православного архиерея (в последствии захолмский герцог Стефан Косача по подобным же побуждениям называл себя герцогом Св. Саввы и хранителем гроба Св. Саввы, хотя несомненно был патареном).

Православные боснийские сербы весьма долгое время, не менее как до второй половины XIV столетия, не имели ни одного собственного епископа. Для получения священников они обращались до времени Св. Саввы, когда и в самой Сербии на всю страну был один епископ (рашский), нет сомнения, к этому единственному епископу, а после Св. Саввы, которым учреждена была в Сербии архиепископия со многими епископиями, к архиереям этой последней, ближайшим к ним по местности, каковыми были дебрьский и моравицкий. Когда именно босняки впервые получили своих собственных епископов, остается точным образом неизвестным. Под 1466 годом упоминается митрополит милешевский (в духовн. завещании Стефана Косачи, см. Сербски Споменици кн. Медо Пуцича, Белград, 1862, ч. 2, стр. 128 и 134), т. е. имевший кафедру в Милешевом монастыре, округа которого³²⁰ незадолго перед тем присоединена была от Боснии к Герцоговине, а со времени короля Стефана Твартки принадлежала к первой, быв присоединена от Сербии. Сейчас мы сказали, что этот Стефан Твартко, несмотря на то, что должен быть считаем патареном, но соображениям политическим венчался королевским венцом от руки православного архиерея: по тем же соображениям он мог желать учреждения в своей области и особой православной кафедры; а поэтому с большею вероятностью открытие кафедры милешевской должно быть усвояемо ему и след. быть относимо ко второй половине XIV столетия (Мавро Орбини, неизвестно на чем основываясь, прямо говорит, что православный архиерей, венчавший Твартку королевским венцом в Милешевом монастыре, был митрополит именно этого самого монастыря, в русск. перев. стр. 277). В неопределенных записях одного сербского помянника, обнимающих продолжение времени конца XV – начала XVII столетий, упоминаются

епископы зворничские, т. е. города Зворника, который находится на границе Боснии с Сербией, на левом берегу реки Дрины (см. Записок Географич. Общ. XIII, 152). Кафедра зворничская могла быть открыта тем же королем Стефаном Тварткой, но как кажется вероятнее, что на самом деле была открыта позднее, уже в период турецкого господства; существовав неизвестно долгое или недолгое время, в XVII веке она снова была закрыта (в каталоге патр. Хризанфа ее нет). Может быть со времени того же Стефана Твартки, а во всяком случае не позднее как со второй половины XVI века православные босняки приобрели себе постоянного архиерея в лице митрополита вообще так называемого боснийского, или по главному городу области, служащему для него местопребыванием – сарайского, босно-сараевского (что не позднее второй половины XVI века, видно из того, что водной записи упоминается под 1614 годом митрополит босаньский или боснийский Феодор, Гласн. XXIII, 248 нач., а в другой записи вместе с сим Феодором упоминается еще бывший прежде него митрополит Петроний, Записок Географ. Общ. XIII, 152). Кафедра митрополита боснийского была перемещенною кафедрой сербского митрополита дебьрского, что видно из того, что во многих прежних записях она называется дебребоснийской (см. документальные записи в Записках Географич. Общ. XIII, 664, в Сербо-далматинском Магазине 1861 г. стр. 220 и 1863 г. стр. 167). Если кафедра была перемещена из Сербии в Боснию еще до завоевания турецкого, то находилась ли она первоначально в том же городе Сараеве, который стал называться Сараевым и сделался главным городом области именно со времени сего завоевания, или где-нибудь в другом месте, остается нам неизвестным (историю города Сараева или Босны-Сарая, который до турок назывался Верхбосной, см. у Рошкевича *Studie über Bosnien und die Herzegovina*, S. 1868, S. 175 sqq, cfr *Monumenta Slav. Merid.* Тейнера I, 298 и у Юкича стр. 31). Митрополиты боснийские вместе со всеми митрополитами и епископами собственной Сербии до 1766 г. были подведомы сербскому патриарху пекскому (см. каталоги архиерейских престолов патр. иерусал. Хризанфа и владыки черногорского

Василия), а после того вместе со всеми выше помянутыми перешли в патриархат константинопольский (под 1747 г. митрополит боснийский Гавриил называет себя не только митрополитом, но и архиепископом, и не только боснийским, во и травунским или требиньским, см. Сербско-далматинский Магазин 1863 г. стр. 167: как кажется, это нужно понимать так, что он действительно был митрополит с особыми преимуществами и что от него находился в некоторой зависимости имевший пребывание в Требпнье митрополит герцоговинский; когда тот же Гавриил, несмотря на свою зависимость от патриарха ипекского, называет себя под 1751 г. экзархом святейшего вселенского трона цареградского, Сербско-далматинск. Магазин 1861 г. стр. 167, cfr Записок Географич. Общ. XIII, 664, то это последнее остается нам непонятным).

История постепенного водворения в Боснии католичества остается нам неизвестною. Во всяком случае не может подлежать сомнению, что миссионеры латинские явились в страну в самом непродолжительном времени после того как из-под власти православной Сербии она перешла под власть католической Хорватии, т. е. во второй половине X или в XI веке. Не позднее как в конце XII в. в Боснии уже была учреждена особая латинская епископская кафедра. Перед завоеванием турецким или в половине XV века, по указанным нами выше приблизительным заключениям от настоящего времени, к католичеству принадлежало около $\frac{1}{5}$ всего населения. Что касается до банов и королей боснийских, то католиками между ними должны быть считаемы: с некоторою вероятностью – Стефан Дабиша, с полной вероятностью – Павел Шубич, несомненным образом – два последние короля Стефан Томаши Стефан Томашевич³²¹. Основанная не позднее конца XII века, епископия боснийская постоянно продолжала существовать, постоянно оставаясь одною на всю страну, и во все последующее время до завоевания турецкого³²². В административном отношении епископы боснийские находились в зависимости сначала неподолгу от архиепископов спалаттского и рагузского, а с половины XIII века от венгерского

архиепископа колочского³²³. Кафедра епископов находилась в городе, который в одних известиях называется Burdo, что есть по всей вероятности Брдо, Бердо-гора, а в других известиях civitas Bosnensis, т. е. город Босна, и который лежал на реке верхней Босне; по местным преданиям, это есть нынешняя деревушка Блажуй, находящаяся при самых истоках реки Босны, верстах в 12 на запад от Сараева, на полдороге между ним и Крешовом³²⁴. После окончательного завоевания Боснии турками в 1527–28 г. епископы боснийские бежали в венгерскую Славонию, в нынешний город Дьяковар, который принадлежал им с половины XIII века как имение их кафедры (Тейнера Monumenta Slav. Merid. I, 297, и в котором образована была для них маленькая епархия, называвшаяся Bosnensis seu Diacovariensis, а после соединения в 1773 г. с епархией сирмийской или сремской называемая Bosnensis seu Diacovariensis et Syrmiensis), и боснийские католики оставались без собственных епископов до позднейшего недавнего времени.

Еретики патарены, представлявшие собой отрасль болгарской секты богомилов, впервые явились в Боснии, быв выгнаны из архиепископии спалаттской, в последней четверти XII века, вправление бана Кулина. Неизвестно, по соображениям политическим или без всяких соображений, но одним из первых адептов ереси был сам бан Кулин³²⁵, который своим примером немедленно увлек за собой огромное, простиравшееся более чем до десяти тысяч, число своих подданных³²⁶. Этой внезапностью распространения ереси при особенных вероисповедных обстоятельствах страны навсегда решена была ее дальнейшая счастливая судьба всей последней. Если бы государственно господствующим исповеданием Боснии было исповедание большинства ее жителей – православие, тогда ересь, несмотря на свой неожиданный первый успех, могла бы быть подавлена; но перед малочисленным господствующим католичеством она зараз стала силой, для которой не страшна была борьба. Папа Иннокентий III, быв извещен (в 1199 г.) о случившемся, потребовал от верховного владетеля страны венгерского короля

энергических государственных мер против еретиков; король действительно поспешил обратиться к таким мерам: но следствием было только то, что соvrащенные изъявили притворное раскаяние, а затем тотчас же опять возвратились к ереси⁷. Патаренство могло быть подавлено не временными внешними экзекуциями, против которых у еретиков было верное средство – помянутое притворное раскаяние, а только постоянными и неослабными усилиями самой внутренней власти страны. Но этого-то последнего и не могло в Боснии быть. Силою внешней власти быв сделано господствующим в стране, католичество при малочисленности своих последователей как вещественным образом было слабо для того, чтобы представители внутренней власти могли в его пользу поднять борьбу с ересью, так и нравственным образом было слабо для того, чтобы постоянно удерживать этих последних на своей стороне; а таким образом было то, что одни из представителей внутренней власти, или собственных боснийских банов и королей, хотя оставались на стороне католичества, не находили возможным вступать в борьбу с ересью; а другие не только не находили возможным, но и не могли иметь желания, потому что вместо католичества сами стояли на стороне патаренства. К числу этих последних между боснийскими банами и королями, кроме вводител^я ереси Кулина, принадлежали – Матфей Нинослав, Младен Шубин, Степан Котроманич, Стефан Твартко, Стефан Остоя и Стефан Твартко Тварткович³²⁷.

Имеv в Боснии самый решительный успех при первом же своем появлении, ересь патаренская оставалась потом прочным образом существовать в ней до самого завоевания турецкого. За исключением тех отдельных случаев или кратких промежутков времени, когда являлась внешняя гроза со стороны возбуждаемых папами королей венгерских и от которой патарены обыкновенно отделялись притворным обращением к католичеству, ересь пользовалась в стране совершенной свободой, а в правление банов и королей, принадлежавших к ней самой, вероятно, даже более чем свободой – фактическим господством. Как быстро возрастало число последователей

ереси после Кулина и как велика была их цифра в разные времена, прямых и точных известий относительно этого не имеем; но все, сохранившиеся от XIII-XV столетий, общие свидетельства единогласно утверждают, что еретиков было огромное множество³²⁸ так что с полной вероятностью надлежит предполагать, что число их было если не больше, то никак не меньше числа католиков; с самого начала и по самый конец в рядах последователей ереси постоянно находилась наибольшая часть боснийского высшего сословия или боярства³²⁹. Существовая открыто и совершенно свободно, сектантское общество патаренов³³⁰ представляло из себя подле православной и католической церкви как бы третью особую и подобную им церковь; притязая быть по преимуществу собственной или национальной церковью страны, оно именovalo себя «церковью боснийскою» (црква босавска³³¹; а все вообще еретики с первого прибытия в страну и до позднейшего времени называли себя «христианами», крстьянинь)³³². Церковную администрацию секты составляли – один настоятель, называвшийся господином епископом и господином дедом, и двенадцать его помощников или подручников, называвшиеся стройниками (у филиппопольских богомилов в XI в. апостолами)³³³. Мы сказали, что патарены существовали в Боснии до завоевания страны турками. После завоевания они исчезли совершенно, так что в настоящее время не остается в ней ни малейшего их следа. Нет прямых письменных свидетельств, но необходимо предполагать, что все они приняли магометанство и что большинство нынешних босняков магометан (и в особенности та часть их, которая представляет собой класс землевладельцев или дворян) суть именно потомки исчезнувших еретиков³³⁴.

Захолмия или Герцоговина

Захлумия или Захолмия, после времен Константина Порфирогенита называвшаяся у славян преимущественно Холмской землей, а с половины XV века получившая свое нынешнее название Герцеговины, составляла особое холмское княжество, которое однако ж, подобно Боснии, никогда не имело

полной самостоятельности и также постоянно находилось в вассальной зависимости от тех или других из своих соседей.

Государственная история холмского княжества пока известна только отрывочным и несвязным образом.

Константин Порфирогенит дает знать, что сначала поселения сербов на их настоящем месте жительства и до его собственного времени Захлумией постоянно владели члены одного и того же княжеского дома (*De administer. imperio* с. 33 fin. в *Memor. por.* II, 406). Первый князь из этого дома, о котором он упоминает, есть современный ему Михаил Вышевич, правивший около 915 – 945 годов (*ibid.* с. 32 и 33, в *Memor. por. ibid.*, cfr Шафар. Древн. I, II, 422, – когда было писано Константином сочинений, он еще был жив). Из того обстоятельства, что князь этот имел греческие титулы проконсула (ἀνθύπατος) и патриция (*ibid.*), нужно заключать, что он по крайней мере на время признавал власть императора византийского; но с другой стороны известно о некоторых его действиях (о них ниже), на основании которых следует думать, что он так же был подручником и короля хорватского; таким образом вообще следует полагать, что он колебался между верховной властью того и другого. По всей вероятности, в этом же колебании между императорами византийскими и королями хорватскими находились и большая часть его предшественников и следовавшие за ним до конца XI века его преемники. Относительно последних нет никаких известий в продолжение целого столетия; затем упоминаются – около 1044 г. великий жупан Хранко (*Hranko*), под 1151 г. великий жупан Деша (*Arkiv Сакцинского* кн. 4, стр. 326 и кн. 2, стр. 4, – может быть один и тот же с Дежей – Степаном Неманей, т. е. может быть сей последний временно владел Захолмией, быв прогнан братьями из своего восточно-сербского удела, cfr Стефана Первовенч. в Памятниках Шафар. стр. 4 и Дометиана, по изд. Даничича. стр. 10). Около 1153–1155 г. Холмскую милю подчиним своей власти, неизвестно – надолго ли, баны боснийские (см. в *Arkiv'e Сакцинского*, кн. 4, стр. 836, о грамотах банов Славогоста и Борица, в которых подтверждается право владения на земли, принадлежавшие к Захолмии, cfr у Юкича

в *Zemljopis' i i Povjestn. Bosne* стр. 88). С неизвестного времени раньше 1180 года и по неизвестное время между 1190 и 1199 годами князем захолмским был Мирослав, который был подручником сербского великого жупана Стефана Немани (но который считается братом сего последнего без всякого действительного основания³³⁵), см. послание к нему папы Александра III от 1181 г. в *Monumenta Slavorum Meridionalium* Тейнера t. I, p. 1, и послание о нем того же папы и оттого же года к венгерскому королю в *Патрологии Миня* t. 200, p. 1312, – архиепископ сплетский Райнер, о котором в них речь, умер в 1180 г., *Kalendaria Ассемани* I, 313, *Monumenta Serbica* Миклошича pp. 1 и 2; что Мирослав был князем именно холмским и что он умер прежде 1199 г., см. послание сына Неманина Волкана к папе Иннокентию III от сего 1199 г. в *Kalendaria*, Ассемани V, 39 и у Тейнера в *Monumenta Slav. Merid.* I, 6). В 1197 г. овладел Холмской землей брат венгерского короля Емериха Андрей (Фесслера *Geschichte von Ungarn*, 2 изд. ч. 1, стр. 293), который под 1198–1200 годами и называется воеводой холмским (*Архив Сакциииского* кн. 3, стр. 5). Неизвестно, долго ли после этого область находилась в зависимости от венгров, но под конец правления Стефана Первовенчанного (когда он был не жупаном, а уже королем), в правление Радослава и в начале правления Владислава она снова принадлежала сербам (*Monumenta Serbica* pp. 8 fin. и 19 fin., и если верить титулам, то еще pp. 11 и 25). Под 1234–1249 годами упоминается великий князь холмский Андрей, как кажется, бывший правителем довольно сильным и вероятно находившийся в зависимости от сербов только номинальной (*ibid.* pp. 24 и 34, *Архив* кн. 2, стр. 8 sqq). Под 1254 годом упоминается сын сего Андрея жупан Радослав, не только не признававший власти сербов, но и находившийся во вражде с ними и называвший себя «верным клетвеником краля угорского» (*Monumenta Serbica* pp. 42 и 44). После этого нет сколько-нибудь надежных сведений о Холмской земле опять в продолжение почти целого столетия. Наиболее вероятное есть то, что в продолжение всего этого времени она находилась, если не постоянно, то большею частию в

зависимости от сербов (см. MonumentaSerbica pp. 55 и 71, – Стефан Милутин говорит о землях – в первом случае по всей вероятности находившихся, а во втором случае несомненно находившихся в области холмской). Перед 1333 годом, с которого начинаются достоверные известия, Захолмия принадлежала сербам (Monumenta Serbica p. 103 fin.), а в этом последнем году она навсегда отнята была у них боснийским баном Стефаном Котроманичем (ibid. 105 fin.; из этого времени известен по имени захлумский бан Десан, упоминаемый под 1345 г., см. Макушева Исследования о памятниках и бытописателях Дубровника стр. 190). После 1353 г. венгерский король Людовик, женатый на дочери умершего всем году Стефана Котроманича (Фесслера Geschichte von Ungarn, изд. 2-го ч. 2, стр. 131), взял ее у преемника сего последнего Стефана Твартки и отдал как наследство отца своей жене (см. у Фесслера ibid. ч. 2, стр. 230, ArkivСакцинского кв. 2, стр. 12 и 35); но в 1383 г., после смерти Людовика, Твартко снова возвратил ее под свою власть (у Фесслера ibid.). Он отдал ее в удельное владение, с именем воеводства, дому боснийских бояр по фамилии Храничей, под которым она и находилась до самого завоевания турками. Первый воевода был Влатко Хранич. Второй – Сандак Хранич, сын Влатки, умерший в 1433 или 1434 году (Monumenta Serbica pp. 372 и 379 fin.). Третий – Стефан Косача или Козарич, племянник Сандака, сын его брата Вукца, правивший с 1434 или 1435 по 1466 год (ibid. pp. 492 и 495 fin.). Отложившись от короля боснийского и увеличив на его счет свои владения – на западе древней Паганией или нынешней западной частью Герцоговины по ту сторону р. Неретвы (с городами Дувно, Рама и Любушка), на востоке нынешним пашалыком новопазарским или той полосой земли, которая между Сербией и Черногорией по Новому Пазару включительно, а также по всей вероятности впервые присоединив от Сербии к Захолмии и являющуюся в его время за сею последней маленькую Травунию (нынешний округ требиньский), Стефан отдался в ленную зависимость немецкому королю Фридриху III, от которого получил титул герцога (в 1448 или 1449 г., см. у Райнальда, ан. 1449, п. 9,

грамоту папы от февраля 1448 г., в которой он называется еще не *dux*, а *comes*, и в *Monumenta Serbica* Миклошича, р. 441, грамоту его самого от июля 1450 г., в которой уже называет себя герцогом, cfr Гласи. XIV, 144 sqq, 155, 158 sqq), почему и его владения, называвшиеся при нем турокземлей Герцоговой (*Monumenta Serbica* 474 sqq), получили потом название Герцоговины (Стефан писался в грамотах «херцегъ одъ светога Саве» или «херцегъ светога Саве», см. *Monumenta Serb.*, – от Св. Саввы или Св. Саввы потому, что в его области находились останки первого сербского архиепископа Св. Саввы, погребенного в Милешеве монастыре; также он называл себя «хранителем гроба Св. Саввы»). В 1463 г., когда турки завоевали Боснию, Стефан успел спасти себя от их оружия тем, что заблаговременно признал себя их данником (cfr в *Monumenta Serbica* Миклошича pp. 474 и 475). Ему наследовали два его старшие сына Владислав и Влатко, которые поделили между собой владения. При этих последних в 1483 г. недолго существовавшее герцогство окончательно покорено было турками и обращено в турецкую провинцию (Дюканжа *Familiae Byzantinae*, ed. Paris., р. 430, Юкича *Zemljopis i Poviestnica Bosne* стр. 60 sqqТёммеля *Beschreibung des Vilajet Bosnien*, Wien, 1867, S. 38 sqq).

Захолмия или Герцоговина, подобно Боснии, была и остается страной того же самого троеверия, что эта последняя. Собственной верой захоумцев, также как и босняков, было православие (принятое ими одновременно со всеми прочими сербами); но так как в отношении государственном они переходили из рук в руки между соседями православными и католическими, то вместе с православием явилось у них католичество. Соседство с Боснией, превратившееся с первой половины XIV столетия в прямую зависимость от нее, доставило им патаренство.

История постепенного убавления в стране первоначально единственного в ней православия остается неизвестной. В настоящее время на 200 слишком тысяч душ всего количества населения области (без пашалыка новопазарского)

православных считается до 100 тысяч душ или немного менее половины (см. у Тёммеля стр. 77 и в Записках Географич. Общ. XIII, 678). Так как число патаренов, за потомков которых должно быть принимаемо большинство нынешних магометан, за раз сильно увеличилось перед самым завоеванием турецким вследствие того, что сюда бежали подвергшиеся гонению патарены боснийские; так как число католиков весьма значительно увеличено на счет православных усилиями позднейшей, настоящего столетия, пропаганды, то с вероятностью можно предполагать, что в последнее время перед завоеванием турецким, до сейчас помянутого наплыва патаренов боснийских, православные составляли около двух третей всего населения.

До времени Св. Саввы православные захоумцы, подобно православным боснякам, не имели ни одного собственного епископа, и конечно обращались в своих церковных нуждах к тому же самому, единственному на всех сербов, епископу рашскому, к которому и эти последние. При Св. Савве Захумия принадлежала в государственном отношении к Сербии; вследствие этого, учреждая в своей новооткрытой архиепископии епископские кафедры, он позаботился и об ней, именно – в ней учреждена была одна на всю область епископская кафедра, которая названа была по имени области захумскою (хумскою). В каком именно месте области находилась эта кафедра, оставшаяся после Св. Саввы существовать на все последующее время, точным образом остается неизвестным. Основываясь на двух сербских летописях, из которых в одной говорится, что епископ захумский поставлен был «у Столе в храме Пресв. Богородицы», а в другой «у Столе в храме Пресв. Богородицы» (у Шафар. В Памятн. стр. 59 и 69), и считая правильным второе, а не первое чтение, г. Даничич (в Речнике под словом Стол) полагает, что кафедра находилась в городе Столе или Стагно, который в нынешней южной австрийской Далмации, на перешейке, соединяющем полуостров Сабинчелло с твердой землей. Но так как город Стол по своему местоположению был на самой окраине Захумии и как бы вне ее; так как его и

ближайшей его округи население было тогда не сербское, а латино-романское, и в нем давно пребывал католический епископ: то мнение это нам не представляется вероятным, и мы думаем, что или ошибка в летописях, или что под Стоном (Стольном) должен быть разумеem в них другой город, особый от предыдущего и находившийся где-нибудь внутри страны. Митрополит захолмский (герцоговинский) Нектарий, приезжавший в Россию в 1702 г, утверждал в своих показаниях о себе, данных нашему правительству, что его кафедра, бывшая тогда в Требиньском монастыре Успения Богородицы, находилась в этом монастыре уже 600 лет (см. Сношений с Востоком г. Муравьева ч. V, рук. л. 47), т. е. иначе – что она находилась в нем с самого открытия епархии. Но и это последнее свидетельство не может быть принято как справедливое: если бы кафедра с самого начала находилась в Требиньском монастыре, то она и называлась бы травунской, а не захолмскою, так как Травуния до своего слияния с Захолмией в XIV в. постоянно отделялась и отличалась как особая область. Может быть правду говорит один из позднейших сербских летописцев, который утверждает, что кафедра епископа захолмского была поставлена Св. Саввой «во храме Св. Богородицы подгорою зовомою Залом в невесинском кадилоку» (уезде, Гласн. V, 37, cfr другого летописца в Дечанских Спомениках архим. Ристича стр. 3), и у которого читается внушающее доверие к его словам прибавление: «еже и ныне зрится». Город Невесинь или Невесинье, в уезде которого по словам летописца было место пребывания епископа, верстах в 30 на юго-восток от Мостара; гора Залом (Заломско брдо) на юго-восток от Невесиня (см. Гласн. XX, 303 и карты Боснии с Герцоговиной, приложенные к XXII кн. Гласника и к книге Рошкевича Studienüber Bosnien und die Herzegovina). Из своего первоначального, достоверным образом неизвестного, места кафедра перенесена была, как кажется, в конце XVI века в помянутый выше Требиньский монастырь Успения Богородицы, который носил собственное название Твардош и который находился верстах в 10 к западу от города Требинье (в 1596 г. епископ герцоговинский Виссарион и в 1602 г. митрополит

герцоговинский Силиверст жили уже в требиньском монастыре, см. в Slawische Bibliothek Миклошича и Фидлера II, 292 fin. и в Сербско-далматинск. Магазине 1839 г. стр. 134; в каталоге требивьских митрополитов, составленном в самом Требиньском монастыре, первым поставлен Виссарион, см. Записки Географич. Общ. XIII, 662: можно думать, что этот Виссарион есть один и тот же с Виссарионом 1596 года и что именно им и принесена была сюда кафедра; о самом монастыре, который в настоящее время в развалинах, см. *ibid.* стр. 657 sqq).³³⁶ Из монастыря Твардош кафедра перенесена была в нынешнее свое место – главный город Герцоговины Мостар между 1751 и 1763 годами (*ibid.* стр. 664 после переименования Захолмии в Герцоговину митрополиты захолмские стали называться захолмскими и герцоговинскими, – по сербски херцеговачки, и просто герцоговинскими).

Кроме этой, собственно так называемой захолмской или герцоговинской кафедры, которая после своего открытия осталась существовать навсегда, в Захолмия или Герцоговине бывали кафедры временные, существовавшие недолго. Именно как таковые известны: 1) милешевская, 2) петровская и полугерцоговинская. О кафедре милешевской, т. е. Милешева монастыря, мы уже говорили выше. Неизвестно когда она была открыта – в то ли время, как югозападный угол Сербии, в котором находился монастырь, был присоединен королем Стефаном Тварткой от Сербии к Боснии, принадлежалк сей последней, или когда уже он перешел от Боснии к Герцоговине, что было при Стефане Косаче; но как бы то ни было, кафедра существовала в правление этого Стефана Косачи, – в памятниках упоминается (под 1466 г.) бывший при нем милешевский митрополит Давид (см. Сербски споменици Пуцича, Белград, 1862, кв. 2, стр. 128 и 134, – у Миклошича в *Monum. Serb.* p. 497 он же). Когда была кафедра закрыта, остается также неизвестным, но во всяком случае ранее второй половины XVI в. (см. Сношений России с Востоком Муравьева ч. 1, стр. 16, где под 1586 г. в монастыре не митрополит, а архимандрит). О кафедре петровской и полугерцоговинской, с титулом митрополии, упоминается в одной записи, относящейся

к 1622–23 г. (ко вторичному правлению султана Мустафы I, см. Записок Географич. Общ. XIII, 311 fin.). В каком именно месте находилась кафедра, остается совершенно неизвестным; так как из записи следует заключать, что митрополит петровский был местным архиереем для помянутого выше монастыря Милешева, то епархия обнимала восточную половину или часть Герцоговины. Когда перестала существовать кафедра, остается неизвестным; но так как ее нет в Каталоге патр. иерусал. Хризанфа, то вообще была закрыта до начала XVIII века (в упомянутой записи 1622 – 23 г. представляется местным архиереем монастыря Милешева петровский митрополит Логгин; но в записи 1639 г., *ibid.* стр. 312 fin., представляется таковым же просто герцоговинский митрополит Логгин: можно думать, что в обоих случаях разумеется одно и то же лицо, и что, после перехода этого Логгина с первой кафедры на вторую, первая присоединена была ко второй).

Мы говорили и видели выше, что в государственном отношении Захолмия переходила из одних рук в другие между православными и католическими соседями. В те промежутки времени, когда она находилась под властью последних (хорватов, венгров непосредственно и венгров через посредство Боснии), в ней и должна была действовать латинская пропаганда, потому что с государственным католическим господством открывалась свобода в стране и католическому исповеданию. В первый раз латинские проповедники имели возможность проникнуть в Захолмию в весьма непродолжительном времени после того, как здешние сербы (вместе со всеми прочими сербами) окончательным образом утверждены были в христианстве по греческому православному обряду. Существуют документы, из которых следует, что правивший в первой половине X века (около 915–945 гг.) захолмский князь Михаил не только признавал себя подручником католического хорватского короля, но и сам лично был членом римской церкви (в 925 г. был в Сиалатто церковный собор, на котором вместе с королем хорватским присутствовал и великий князь захолмский; после собора папа адресовал свое послание не только к первому, но вместе и ко второму, – деяние

соборное и послание папы см. у Баттиана *Leges ecclesiasticae regni Hungariae* I, 329 sqq); а из этого само собою следует, что при нем открыт был в страну совершенно полный доступ и названным проповедникам. Дальнейшая история распространения католичества в Захолмии в своих подробностях остается совершенно неизвестной. В настоящее время в общем количестве всего населения области католики составляют немного, менее чем четвертую часть, а перед завоеванием турецким, вероятно, они составляли часть шестую или седьмую. Никогда не имев до позднейшего недавнего времени своего отдельного епископа, они находились в церковном заведывании – сначала епископа стагненского или стонского, о котором говорено было нами выше и кафедра которого собственно существовала для романо-итальянского населения захолмского морского побережья, а с сороковых годов XIV столетия, когда Захолмия присоединена была к Боснии, а город Стагно или Стон с своей округой был продан рагужанам (*Monumenta Serbica* Миклошича р. 103 fin. sqq, по всей вероятности епископа боснийского³³⁷.

Патарены успели проникнуть в Захолмию из соседней Боснии весьма в непродолжительном времени после того, как утвердились в этой последней; именно – по известиям они уже были в ней (Захолмии) перед 1235 годом (Тейнера *Monumenta Hungarica* I, 163). С первой четверти XIV столетия, когда Захолмия стала удельным владением Боснии, для еретиков открылась в первой стране такая же полная свобода проповеди, как и во второй. За сим, с последней четверти того же столетия, во время правления воевод из дома Храничей, ересь не только пользовалась совершенной свободой, но и сделалась господствующей верой страны, потому что второй и третий воеводы из этого дома, т. е. Сандал Хранич и Стефан Косача, были ревностными патаренами³³⁸. После завоевания Захолмии или Герцоговины турками, все здешние патарены, подобно боснийским, приняли магометанство, так что и здесь, подобно как там, в настоящее время нет ни малейшего их остатка.

3. Черногория, австрийские сербы и нынешнее княжество сербское

Черногория

История Черногории, начиная с половины XIV столетия и по конец XVII, в напечатанных доселе книжках о ней (Милутиновича, владыки Петра, Милаковича, Е. Ковалевского, А. Попова, Вилькинсона, Андрича) излагается не столько на основании каких-нибудь исторических документов, сколько на основании устных, сложившихся у черногорцев преданий. Но эти последние, как оказывается, довольно значительно несогласны с действительностью. Настоящие или достоверные исторические известия о Черногории доставляют бумаги Архива бывшей венецианской республики, извлечения из которых, касающиеся южных славян, сделаны сербским ученым Янком Шафариком и напечатаны в белградском Гласнике, в книжках XI-XV, и отчасти нашим русским ученым г. Макушевым (в статье Самозванец Степан Малый, напечатанной в июльской книжке Русского Вестника 1869 г., стр. 33 sqq). На основании сих последних (и частию Дневника венецианца XVI в. Марина Санудо, извлечения из которого в Arkiv'e Сакцинского кн. V sqq) и составлена нами наша краткая история Черногории государственная.

Нынешнее княжество черногорское составляет часть области прежнего сербского государства, которая называлась Диоклеей или Зетой и которая кроме самого княжества обнимала прилежащую к сему последнему с юго-востока и приблизительно равную с ним по длине и ширине часть северной Албании и также морское побережье от устья Дрина до Каттаро или Котора. Название Черногория или Черногорье (Montenegro, Мауроβοунион, Карадаг), восходящее началом ко второй половине XV века, заимствовано от одной из гор княжества, именно той, на которой находится его столица городок Цетинье и которая называется (или по крайней мере называлась в прежнее время) Черной горой.

История нынешней Черногории, как особой земли или земельки, начинается со второй половины XIV столетия. Когда созданное Стефаном Душаном обширное, но слишком

эфемерное царство распалось после смерти своего основателя на несколько отдельных владений или государств, то образовала из себя такое отдельное владение между прочим и область Диоклея или Зета (называемая в актах этого времени исключительно вторым своим именем). В правление преемника Душанова Уроша и вероятно еще при нем самом Зетой управляло боярское семейство по фамилии Бальшичи; эти-то Бальшичи, которых с 1362 г. называются три брата Срацимир, Георгий или Юрий и Бальша, не позднее как с 1367 г. и отложились от власти государя всей Сербии, чтобы объявить себя независимыми владетелями. Сначала правил (с титулом жупана) старший брат Срацимир; после его смерти (вероятно, в 1369 г.) второй брат – Георгий или Юрий (принявший титул господина – dominus), а после смерти сего последнего (между 1375 и 1379 гг.) младший – Бальша. Преемником Бальши с 1385 г. был сын старшего брата Георгий или Юрий, которому наследовал в 1403 или 1404 г. его собственный сын Бальша младший; первый из сих двоих, опасаясь необходимости уступить восточную подгорную часть своих владений туркам, поспешил в 1396 г. продать ее венецианцам, а второй после продолжительных, сначала несчастных, а потом счастливых, войн с венецианцами успел отнять у них все проданное им, за исключением города Скутари.

После смерти Бальши, который умер в 1421 г., не оставив наследников (и едва ли не быв отравлен агентами венецианцев, которые объявили цену за его голову), сначала всю Зету захватили венецианцы, а потом (в 1423 г.) половина ее отнята была у венецианцев сербским деспотом Стефаном, после которого, во время беганий от турок его преемника Юрия Бранковича, одна часть им завоеванного снова возвращена была венецианцами, а другая была захвачена холмским воеводой Стефаном Косачей. Дальнейшим после сего было, во-первых, то, что вся нижняя или подгорная Зета и все зетские города (Будва, Антивар, Дульчинье, Скутари и Дриваст) остались за венецианцами; от которых потом постепенно перешли к туркам, – во-вторых, то, что в верхней Зете или нынешней Черногории возникло под именем воеводства новое

особое владение, восстановленным продолжением которого служит нынешнее княжество чер- ногорское.

Основателем нового особого владения был Стефан Черноевич, иначе Стефаница, происходивший из фамилии Юрашичей, которая при Бальшичах была первой по значению и силе между боярскими или удельно-владельческими фамилиями Зеты. Пользуясь войной, происходившей между Стефаном Косачей и венецианцами, и пристав ко вторым как к стороне сильнейшей, Черноевич был признан венецианцами в присвоенном им достоинстве воеводы и принят в вассальные слуги республики. Первоначально воеводско-владельческая область его, так как вся нижняя Зета принадлежала венецианцам, а большая часть верхней была в руках Косачи, была совершенно ничтожная, — она находилась где-то в нынешней северной Черногории; но в 1455 г., или силой отняв или иным каким образом получив от Косачи его завоевания, он уже владел значительною частью верхней Зеты. Признав себя в 1455 г. вторично данником венецианцев, Стефаница или Стефан Черноевич умер около 1460 года. Преемником его был сын его Иван Черноевич. Заняв место отца, Иван отложился от венецианцев, чтобы увеличить на их счет свои владения, и успел приобрести от них или всю, или значительную часть нынешней южной Черногории и часть западного морского побережья. В 1473 году он принужден был спасаться от турок бегством в Италию; в 1480 г. или 1481 г. снова возвратившись в свои владения, в 1485 г. он построил в Цетиньи, нынешней столице княжества, монастырь с храмом Лореттской Божией Матери, в который перенес кафедру митрополита зетского из ее прежнего подгорного монастыря Св. Михаила. Преемником Ивана Черноевича, умершего в 1490 г., был сын его Юрий, который в начале правления до 1494 г. принужден был, подобно отцу, укрываться от турок в Италии и который между 1495–99 годами сгоняем был с владения своим младшим братом Стефаном. На сем Юрии прерывается ряд черногорских воевод, и после его смерти, последовавшей в 1514 году, маленькое государство присоединено было к Турции, став частью

пашалыка Скадарского или скутарского (сfr Макушева *ibid.* стр. 38).

В подданстве Турции Черногория находилась с начала XVI и по конец XVII века, или в течение двух без небольшого столетий. Зависимость, как нужно предполагать, не была совершенно настоящею, а походила на ту полунезависимость, в которой находятся в настоящее время албанцы некоторых горных местностей, которые когда хотят платят, а когда не хотят отказываются платить дань султану и которые не допускают турецкого правительства до вмешательства в свое внутреннее управление. В конце XVII века черногорцы решились снова возвратить себе полную свободу, чего одной части их и удалось достигнуть под предводительством, избранного в 1696 или 1697 г. во владыки или митрополиты и вместе в народные вожди и правители, Даниила Петровича Негоша или Негуша (уроженца села Негушей, находящегося недалеко на запад от Цетинья) и после поголовного истребления в своей среде всех так-называемых потурченцов или принявших магометанскую веру (посредством резни, подобной варфоломеевской ночи или сицилийской вечерне).

Ставшая при владыке Данииле свободною часть Черногории состояла из нынешних нахий или волостей-катунской, речевой и лешанской. Преемниками владыки Даниила, правившего до 1735 г. († 11 января сего года), были следующие, подобно ему совмещавшие в себе власть духовную и государственную, владыки или митрополиты:

2) Савва Петрович, племянник Даниила, правивший с 1735 по 1782 г. († в феврале). В 1750 г. был поставлен в митрополиты и принят Саввою в помощники по управлению троюродный брат его Василий Петрович Пламенац, который умер у нас в Петербурге в 1766 г. В том же 1766 г. явился в Черногории известный самозванец-Степан Малый, который выдавал себя за русского императора Петра III и который, жив в Черногории до 1774 г., почти совсем отнял государственную власть у слабого характером Саввы.

3) Петр Петрович 1-й, святой, правивший с 1732 по 1830 г. († 18 октября). В его правление между 1792–1796 годами

присоединились к Черногории нынешние нахии сей последней – черническая, белопавличская, пиперская и морачская.

4) Петр Петрович 2-й, правивший с 1330 по 1331 г. († 19 октября), последний митрополит, совмещавший в своем лице власть духовную с государственною. При нем в 1331 г. присоединилась к Черногории нахия Кучи.

В преемники Петру Петровичу избран был племянник его Даниил Петрович. Не желая идти в монахи, он успел получить от народного веча согласие, чтобы на будущее время власть Государственная отделена была от власти церковной, и под именем Даниила 1-го провозглашен был наследственным князем Черногории. Он правил с 1331 по 1360 г. (30 июля сего года он был убит в Каттаро одним черногорцем). Так как он не оставил после себя наследников, то в преемники ему, согласно его воле, избран был племянник его, сын его брата Мирки Петровича, Николай, который и правит до настоящего времени.

Область Диоклея или Зета, часть которой составляет нынешняя Черногория, как уже было говорено нами выше, имела своего особого епископа со времени основателя сербской архиепископии Св. Саввы или с начала XIII века. После переименования Душаном архиепископии в патриархии, епархия зетская вместе с некоторыми другими епархиями получила титул митрополии. Кафедра епископов-митрополитов зетских до 1483 г. была в монастыре Св. Михаила, который находился в западной приморской части области, недалеко от города Каттаро, а в 1483 г. перенесена была Иваном Черноевичем в монастырь Лореттской Божией Матери, построенный им в Цетиньи.

Ряд епископов-митрополитов зетских, начиная с XIV столетия, на котором остановились мы выше (в кафедрах сербской архиепископии), остается пока совершенно неизвестным до второй половины XV столетия. В 1485 г. митрополитом зетским был Виссарион (*Monumenta Serbica* Миклошича р. 533; в записях на разных книгах под 1493–1512 годами митрополитом зетским называется Вавила (см. *Andric'a Geshichte des Fürstenthums Montenegro*, Wien, 1853, S. 18), который, по всей вероятности, был непосредственным

преемником Виссариона (и есть тот самый, который в 1485 г. был при сем последнем епископом, *Monum. Serb.* Микл. *ibid.*). После Вавилы до Даниила Петровича Негуша у составителей напечатанных историй Черногории приводится довольно длинный и выдаваемый ими за непрерывный ряд черногорских владык; но как относительно числа, так и порядка этих последних составители не совсем между собою согласны³³⁹. В записях на книгах и в разных грамотах упоминаются: 1) Макарий Коренич под 1550–68 годами (у Андрича *ibid.* S. 19), 2) Пахомий владыка под 1569 г., 3) Вениамин под 1582 г. (Србско-далмат. Магаз. 1854 г. стр. 40), 4) Рувим под 1608 – 9 годами (Загребский *Rad I*, 1781, 5) Руфим под 1631 г., 6) Мардарий под 1680 г., 7) Руфим Болевич под 1675 г., 8) Виссарион под 1689 г. (Србско-далмат. Магаз. 1854 г.), 9) Савва, родом от села Отинич, под 1696 г. (Загребск. *Rad I*, 179).

В 1485 г. митрополит Виссарион имел ири себе подведомого ему епископа Вавилу, *Monumenta Serbica* Миклошича р. 533; под 1551 г. упоминается, как кажется, таковой же, подведомый митрополиту зетскому, епископ Ромил (Србско-далмат. Магаз. 1854 г. стр. 33). Где имели эти епископы пребывание, остается нам неизвестным; может быть в том монастыре Св. Николая вранинского на острове Скадарского озера, в котором некоторые неправильно полагают кафедру самого митрополита до ее перенесения в Цетинье.

Неизвестно, когда в XVI в. архиереи черногорские низведены были из митрополитов снова в епископы и назывались этим последним именем до владыки Саввы Петровича или по крайней мере до Даниила Петровича (Виссарион, бывший в конце XV – начале XVI в. называется митрополитом, см. напр. послесловие к Следованной Псалтири, напечатанной в Детињи в 1494 г. – в Толстовских старопеч. книгах № 4, а Рувим под 1608 и 1609 годами называется епископом, см. Загребский *Rad I*, 178; патриарх иерусал. Хризанф, писавший свой каталог архиерейских престолов в первых годах XVIII в., называет архиереев черногорских епископами, *cfr* в *Rad'e I*, 179, запись Саввы Отинича; в ставильной грамоте владыке Даниилу Петровичу патр. Арсения

Черноевича говорится неопределенно, что он поставлен «в боголюбственном степени архиерейском», и как кажется – должно разуместь епископство, см. грамоту у Мулотиновича стр. 31). Вместо зетских архиереи стали называться черногорскими в том же XVI в. (помянутый выше Виссарион называется зетским, см. *ibid.*, а помянутый выше Рувим называется черногорским и приморским, *ibid.*).

Мы говорили выше, что, начиная с Даниила Петровича Негуша и до Петра Петровича 2-го включительно, владыки черногорские были не только духовными пастырями, но вместе и мирскими правителями и вождями своего маленького народа, или одновременно его архиереями и князьями. По причине этого исключительного положения своего они должны были и вести себя особенным, необычным для православных архиереев образом. Они не только должны были ведать все гражданское управление своей земельки, но и превращаясь из архиереев в воинов, лично предводительствовать народом в его почти непрерывных войнах с турками (владыки обыкновенно и одевались в мирское одеяние, а монашеские рясу и клобук употребляли только выходя в церковь; изображение владыки Петра Петровича 2-го в его мирском одеянии см. в книге Линдау *Dalmatien und Montenegro, nach Wilkinson, Leipzig, 1849*).

Австрийские сербы

Большинство сербов, населяющих Австрийскую империю, суть бежавшие от турок переселенцы из бывшего царства сербского и из Боснии с Герцоговиной. Сербы царства сербского, начав свою эмиграцию за Саву и Дунай в соседние области бывшего венгерского королевства вскоре после косовского погрома 1389 г., непрерывно продолжали ее потом в течение всего XV и первой половины XVI столетий. Со второй половины XVI столетия они принуждены были остановиться, потому что и те области венгерского королевства, в которые они бежали от турок, подобно их отечеству, были завоеваны теми же последними. Но в конце XVII века, когда Венгрия отнята была у турок австрийцами и когда таким образом снова

открылась возможность к бегству, патр. Арсений Черноевич зараз вывел с собой огромную колонию эмигрантов. Переселения босняков и герцоговинцев в пределы того же бывшего венгерского королевства и в далматинские владения бывшей венецианской республики относятся главным образом к продолжению XVI столетия, а отчасти также к концу XVII³⁴⁰. Области, в которые выселялись и в которых до настоящего времени остаются сербы бывшего царства сербского, суть Темешварский банат (западная половина), собственная Венгрия (преимущественно юговосточный угол ее, между Дунаем и Тейсою, составляющий так-называемую Бачку), Срем или Сирмий и Славония. Области, в которых селились и до сих пор живут переселенцы из Боснии с Герцеговиной, суть Кроация с Истрией, западная Далмация и отчасти Славония. Из 1.500.000 всего нынешнего сербского населения Австрийской империи к потомкам тех и других переселенцев, вместе взятых, принадлежат до 1.250.000. Остальные 250.000 представляют собой жители юговосточного далматинского побережья и прилежащих к сему последнему островов. На своей территории, которая есть собственная сербская территория, они суть коренные обитатели.

История сербской православной церкви в нынешней Австрийской империи разделяется на два периода: первый – от начала переселений до патр. Арсения Черноевича; второй – от прибытия сего патриарха в Австрию до настоящего времени.

Не тотчас после падения государства сербо-венгерские переселенцы могли отказаться от надежды – изгнав поработителей, снова возвратиться в отечество. Но когда надежда эта все более и более стала исчезать, они должны были позаботиться, чтобы прочным образом устроить себя на новом месте жительства. Вместе со всем другим приступлено было к устройству и дел церковных. Хотя венгерские короли, несмотря на свое желание перезвать к себе как можно более сербских колонистов, как кажется, не изъявляли готовности быть слишком щедрыми на привилегии относительно свободы и прав их православного исповедания³⁴¹: однако дело не доходило и до того, чтобы в видах насильственного

привлечения их к католицизму совсем лишить их права иметь у себя своих собственных православных епископов (как это было с теми же сербами в далматинских владениях республики венецианской). Поэтому устройство дел церковных состояло в том, что сербо-венгерские переселенцы, начиная с конца XV века, приступили к постепенному учреждению у себя своих собственных сербо-венгерских епископских кафедр³⁴².

Первою по времени учреждения кафедрой была кафедра сремская, которая назначена была по отношению к прочим, имевшим быть открытыми после нее, кафедрам составлять их митрополию. Что касается до этих прочих, постепенно вслед за первую открывавшихся, кафедр, то, к сожалению, ни за какое время настоящего периода мы не имеем полного их каталога, и узнаём о существовании тех или других между ними только из отдельных о каждой и разновременных свидетельств и указаний. По таковым свидетельствам и указаниям известны, как существовавшие в те или другие времена настоящего периода, следующие епископские кафедры: 1) будимская или офенская (вероятная), 2) шегединско-бачская, 3) вараждинская или хорватская, 4) иеновско-темешварская, 5) арадская, 6) пожегская, 7) вершецкая, 8) хоповская³⁴³.

Сколько именно было кафедр перед приходом в Австрию патр. Арсения Черноевича, остается нам неизвестным. В грамоте сему патриарху импер. Леопольда 1-го от 1695 г. поименованы кафедры, имеющие существовать на будущее время. Если предположить, как это весьма вероятно, что все эти кафедры существовали уже прежде прибытия патриарха, то они называются в грамоте следующие: 1) темешварская и иенопольская, 2) карлштадтская и зринопольская, 3) шегединская, 4) будимская и стольно-белградская, 5) могачская и сигетская, 6) вершецкая и 7) великоварадская и егарская (см. грамоту у Чапловича в сочинении *Slavonien und zum Theil Croatien* B. 2, Pesth, 1819, S. 37).

В какие отношения была поставлена митрополия сремская при ее учреждении к патриарху пекскому, остается неизвестным. Если она была объявлена независимой от патриарха архиепископией – митрополией, что есть вероятнейшее, то ей

пришлось пользоваться своей независимостью весьма недолгое время. С 1521 по 1567 г. турки завоевали, за исключением Кроации, где были колонии и где после были открыты епископии боснийских переселенцев, все те местности венгерского королевства, в которых были колонии и епископии переселенцев из собственного царства сербского. С этим подпадением под власть турецкого правительства переселенцы и в церковном отношении должны были возвратиться под власть пекского патриарха.

1) Епархия сремская. Епархия эта носила свое название не от города, а от области Срем или Сирмий, которая занимает угол, образуемый впадением Савы в Дунай, между левым берегом первой и правым берегом второго. Кафедра ее учреждена была внуком предпоследнего сербского деспота Юрия Бранковича (сыном его сына Стефана) и братом тогдашнего деспота или народного вождя сербо-венгерских переселенцев Иоанна, митрополитом угровлахийским Максимом (см. в Monumenta Serbica Миклошича р. 541, о митр. Максиме выше – в истории угровлахийской церкви). Год учреждения кафедры точным образом неизвестен; но так как она учреждена была после пострижения Максима в монашество (см. у Раича по 2-му изд. стр. 335 и сербскую летопись в Arkiv'e Сакцинского III, 23), но при жизни деспота Иоанна (Monum. Serb. ibid.), и так как Максим пострижен в монахи не ранее конца 1495 г. (у Раича III, 333 и Monum. Serb. р. 539, cfr Сербский Летопись 1853 г. II, 172), а Иоанн, если не ошибаются сербские летописи (у Раича III, 332 и 336, и в Arkiv'e Сакцинск. III, 25), умер в конце 1502 г., то ее открытие должно быть относимо к промежутку 1496–1502 годов. Как мы сказали выше, кафедра была самою первую по времени из всех сербо-венгерских кафедр (см. у Раича III, 335 и в Arkiv'e III, 23) и была предназначена ее основателем служить митрополией или прочих, имевших после нее открываться, сербо-венгерских епархий (Monum. Serb. ibid.). Пребывание митрополиту было определено в монастыре Крушедол (ibid.), который был построен тем же митрополитом Максимом и который находится верстах к 10-ти на юг от нынешней резиденция сербо-австрийских митрополитов-городка

Карловца (о монастыре см. у Чапловича в Slavonien II, 184). В грамоте импер. Леопольда патр. Арсению Черноевичу от 1695 г. епархия сремская не упоминается в числе существующих, – когда она была закрыта, остается нам неизвестным; так как в 1686–95 г. епископ темешварско-иеновский был архимандритом монастыря Крушедол (см. у Чапловича *ibid.* II, 37 и ниже в епархии иеновской), то необходимо думать, что в последнее время перед Арсением Черноевичем епархия находилась в заведывании этого епископа темешварско-иеновского. Из митрополитов сремских известен нам по имени только один – Иоаким, упоминаемый в сопочанском синодике и живший неизвестно в каких годах XVI в. (Записок Географич. Общ. XIII, 152). В 1667 г. приезжал в Москву за милостыней, называемый в одном месте епископом, в другом митрополитом, Иоаким сербо-славонский (Муравьева Сношений с Востоком ч. 3, лл. 886 и 902); но так как сербо-славонским мог называться как митрополит сремский, к епархии которого принадлежала некоторая часть Славонии, так и епископ (или митрополит) пожегский, епархия которого обнимала большую часть той же области, то и неизвестно – который из двух должен быть разумеem.

2) Будимская, в грамоте импер. Леопольда – будимская и стольно-белградская. Будим есть сербское название венгерского города Офена. Стольный Белград, – по-немецки Штульвейссенбург, по-венгерски Szekes-Fejervar находится на юго-запад от Офена. В записи на одном рукописном сербском Евангелии упоминается под 1552 г. митрополит будимский Матфей (см. в Србско-далматинск. Магазине кн. XXIV 1865 г., стр. 175). Хотя и Будимль собственной Сербии (о котором см. выше) иногда называется в памятниках также Будимом (сfr Речник Даничича под словом Боудимля); но, как кажется, гораздо вероятнее разумеать в помянутой записи митрополита именно венгерско-будимского, а вместе с тем и открытие епархии будимской или овенской относить к первой половине XVI века.

3) Шегединско-бачская. Город Шегедин (Szegedin) находится в Венгрии, при впадении Мароша в Тейсу; Бачкой

называется область Венгрии, лежащая на юг от Шегедина, между Тейсой и Дунаем. Первое известное нам упоминание об епархии (митрополии) шегединско-бачской, неизвестно когда открытой, относится к 1579 г. (см. Шафарика *Geschichte der Südslawischen Literatur* B. 3, Prag, 1865, S. 219, № 154).

4) Вараждинская или хорватская. Епархия эта находилась в северной Кроации, обнимая православное население комитатов вараждивского и крейцкого или крижского, и называлась вараждинскою по городу Вараждину, а хорватскою по области Хорватии или Кроации. Она называлась еще марчскою по монастырю Марче, в котором была кафедра епископов и который находится недалеко от г. Крейца или Крижа. Начало существования этой епархии относится ко второй половине XVI в. и положено было тем, что пришедшие в северную Кроацию боснийские православные переселенцы привели с собой своего епископа (см. у Чапловича в *Slavonien* II, 18 sqq, Мушицкого каталог в Гласн. VI, 82, Чёрнига *Ethnographie der Oesterreichischen Monarchie* II, 169, -Мушицкий относит прибытие епископа к 1573 г., Чаплович к 1576–78 г., Чёрниг к 1600; полагаем, что вернее у Чапловича). Со второй половины XVI в. епархия существовала непрерывно в продолжение всего настоящего периода. Ряд епископов ее был: 1) Гавриил, первый епископ, приведенный переселенцами, 2) Симеон Вретанский или Вретания³⁴⁴), 3) Максим Моисило, 4) Макарий, 5) Гавриил Мышленович, 6) Савва Станисавлевич, 7) Гавриил Миякич, 8) Павел Зорич (у Чапловича *ibid.*). Епархия не была закрытою и во время переселения в Австрию патр. Арсения Черноевича; она не упоминается в грамот импер. Леопольда от 1695 г., нет сомнения, потому, что тогдашний ее епископ, последний из названных выше Павел Зорич, принял унию с латинскою церковию (у Чаплов. *ibid.* II, 21, у Мушицк. *ibid.* 83), и что правительство надеялось превратить ее из православной в униатскую.

5) Иеновско-или-иенопольско-темешварская. Городок Иенова или Енова, называемый также Иенополем или Енополем, по-венгерски *Boros-Jenő*, находится в юго-восточной Венгрии, не очень далеко на юго-восток от г. *Gyula* и на северо-

восток от г. Арада, на р. Fejër-Körös; он основан был сербскими переселенцами в XV в. (см. Чёрнига *Ethnographie der Oesterreichischen Monarchie* B. 2, S. 153 fin. и Гласника XXI, 270 fin.). Под Темешваром разумеется известный главный город Темешварского баната. Епархия иеновско-темешварская, с кафедрой в первом из двух городов, по словам сербского историка XVII в. Юрия Бранковича, была открыта во второй половине XVI в. сыном тогдашнего воеводы темешварской половины сербских переселенцев Авраама Бранковича Моисеем, в монашестве Матфеем, Бранковичем, который и был первым ее епископом (у Раича IV, 67). При втором епископе, которым был сын сейчас названного Моисея – Матфея Соломон, в монашестве Савва, по словам того же сербского историка, епископия иеновская была-было провозглашена самостоятельной архиепископией-митрополией, но существовала весьма недолго и первый же преемник Саввы Лазарь, в монашестве Логгин, Бранкович принужден был бежать от турок в Трансильванию (*ibid.* 67 sqq), после чего кафедра стала опять простой епископией, – подразумевается, подведомой патриарху пекскому (городок Иенова был общественным и административным центром сербских колонистов северного баната и восточной Венгрии, см Раича Ш, 270, 274, 320, а поэтому и могли они провозгласить епископа иеновского архиепископом-митрополитом; но повествование Бранковича представляется нам непонятно несообразным, и вероятно и на самом деле неправильно, со стороны хронологической: на основании его слов, принятие Саввою титула и достоинства архиепископа-митрополита должно быть относимо к последним годам XVI в., у Раича IV, 70 и выше; но турки, при которых он не мог принять этого титула, завоевали городок Иенову еще в 1567 г.). Из епископов-архиепископов иеновско-темешварских, кроме упомянутых троих, известны – Никанор и Иосиф, записанные в сопочанском синодике (Записок Геогр. Общ; XШ, 153), Иоанн, приезжавший в 1686 г. в Москву за милостыней (Муравьева Сношений с Востоком ч. 4, л. 1099, – он называется в записи епископом Благовещенского монастыря, что при реке Папороте, Иоанном Яновским: Яновский значит

иеновский или иенопольский, т. е. епископ городка Иеновы, а под Благовещенским монастырем разумеется монастырь Крушедольский, cfr ibid. ч. 2, стр. 233, в котором епископ жил, нет сомнения, потому, что при нем, так же как и при его преемнике, епархии сремская и иеновская составляли одну епархию), Исаия Дьякович, бывший последним перед Арсением Черноевичем и первым при нем епископом (у Раича IV, 372 и у Чапловича в Slavonien II, 37. – Остается не совсем понятным для нас, что по городку Ионове, по-латыни Jеnopolіe, не только у сербов назывался Темешварский банат Иоаннопольской или Янопольской державой, у Раича III, 274, 320, IV, 56, 62, Гласн. XXI, 270 fin., но называется Иенополией-Jеnopolіa и в Официальных актах австрийского правительства, см. напр. у Раича IV, 372, 373 и у Чапловича в Slavonien II, 30; вероятно, это по отношению к сербам северной части баната и восточной Венгрии, для которых, как мы сказали, городок Иенова был общественным и административным центром).

6) Арадская. Город Арад находится в юго-восточной Венгрии, на правом берегу р. Марош, отделяющей собственную Венгрию от Темешварского баната. Епархия арадская была открыта одновременно с епархией иеновско-темешварской и тем же самым Моисеем-Матфеем Бранковичем, которым и эта последняя (у Раича IV, 69). Неизвестно после сколь продолжительного существования, епархия арадская присоединена была к епархии иеновско-темешварской (Исаия Дьякович, бывший в конце XVII в. епископом иеновско-темешварским, был в то же время и епископом арадским, см. Мушнцкого в Гласн. VI, 54 fin. и 73).

7) Пожегская. Город Пожега (Pozega, Poszega) находится в Славонии, на речке Орляве, впадающей в Саву. Епархия пожегская открыта была неизвестно когда прежде 1594 г., потому что в сем году она упоминается как существующая (см. у Чапловича в Slavonien II, 152 и 207 fin., –7102 г. от сотв. м. есть не 1524-й, как ошибкой выставлено у Чапловича и как ошибка эта повторена в Arkiv'e Сакцинского II, 425 и у других, а 1594 г. от Р. Х.). Существовав не менее как до 1650 г., во второй половине XVII в., неизвестно в каком году именно, она была

закрита (в дипломе импер. Леопольда I натр. Арсению Черноевичу от 1695 г. ее нет в числе существовавших тогда епархий, у Чапловича *ibid.* II, 37; была закрыта, вероятно, стараниями тех самых францисканцев, которые в настоящее время занимают бывший кафедральный монастырь православных епископов, *ibid.* II, 152). В документах одного православного монастыря, принадлежавшего к епархии пожегской (Ораховицы), упоминаются пожегские епископы-митрополиты: Василий под 1594 г., Иосиф под 1634 г., другой Василий под 1650 г. (у Чапловича *ibid.* II, 152 и 207); в сопочанском синодике записан неизвестно когда бывший епископ Симеон (Записок Географ. Общ. XIII, 153). Об Иоакиме сербо-славонском, который был в Москве в 1667 г. и под которым неизвестно – должен ли быть разумеem митрополит сремский или пожегский, мы говорили выше.

8) Вершецкая. Город Вершец, по сербскому произношению Вершац (на немецких картах Werschitz и Versecs), находится в Темешварском банате, верстах в 60–70 на юг от города Темешвара. Когда открыта была эта епархия, пока остается нам неизвестным. Леонгард Бём в своей *Geschichte des Temeser Banats* (В. I, Leipzig, 1861, S. 414) утверждает, что в Вершце была православная архиерейская кафедра уже в конце XV века; но так как и самая кафедра сремская, первая из всех по времени открытия, была учреждена не ранее как только в самых последних годах XV века, то словам его нельзя придавать особенной веры. Из епископов вёршецких тот же Бём называет Парфения, будто бы бывшего в конце XV века, и Спиридона, бывшего в первой половине XVII в. (едва ли впрочем не разумея Спиридона Штибицу, бывшего в конце XVII в., *ibid.*); в сопочанском синодике упоминается бывший около конца XVI или начала XVII в. епископ Симеон (Записок Геогр. Общ. XIII, 153); в 1622 г. приезжал в Россию епископ Антоний (Муравьева Сношений с Востоком ч. 2, стр. 4), в 1663 г. митрополит Феодосий (оставленный в Москве, *ibid.* ч. 3, лл. 854 и 859).

9) Хоповская. Монастырь Хопово или Опово (Hopovo), по которому называлась епархия и в котором имели пребывание

епископы, находится в Среме, не очень далеко на юго-запад от Карловца, и принадлежит к числу монастырей так-называемой Фрушской горы (см. о нем у Чапловича в *Sla-vonien II*, 195). Когда открыта была епархия хоповская, остается нам неизвестным. В 1641 г. приезжал в Москву за милостыней митрополит (sic) Хопова Никольского монастыря Неофит (Муравьева Сношений с Востоком ч. 2, стр. 218); в 1648 г. приезжал в Москву за тем же епископ того же монастыря Михаил (ibid. ч. л. 565 об. и 567 об.). Так как с 1654 г. приезжали не епископы, а уже архимандриты (ibid. ч. 3, л. 739 об. и 885), то сим определяется время, когда епархия была закрыта.

10) Карлштадтская (карловецкая) и зринопольская. Город Карлштадт, по-сербски Карловец (в отличие от сремского верхний Карловец), находится в Кроации, на юго-запад от Аграма или Загреба. Зринополь, Зринополье или Зринь есть местечко, находящееся на левом берегу р. Унны, отделяющей Кроацию от Боснии, недалеко вниз от г. Костайницы. Православное население епархии карлштадтской по своему происхождению есть одно и то же с населением бывшей епархии вараждинской или хорватской, т. е. состоит из тех же самых, что и в этой последней, боснийских переселенцев (см. у Чапловича в *Slovenien II*, 18 sqq и у Чёрнига в *Etnographie II*, 169), и первоначально, нет сомнения, находилось в церковном заведывании епископов вараждинских. Когда епархия карлштадтская отделена была от епархии вараждинской, остается нам неизвестным.

11) Могачская и сигетская. Городок Могач (Mohacs), по-сербски Муач, известный поражением венгерцев от турок в 1526 г. и турок от австрийцев в 1686 г., находится близь правого берега Дуная в нижней Венгрии; Сигет (Ssi-geth, Szigeth, Szigethvar), -на запад от Могача на речке Almas'е. Время открытия епархии пока остается нам неизвестным.

12) Великоварадская и егарская. Город Великий Варад, по-немецки Gross Wardein, по-венгерски Nagy Varad, находится в восточной Венгрии на р. Schnelle Körös. Город Егар или Егер иначе Ерлау-верстах в 250 на северо-запад от Великого Варада.

Когда открыта епархия великоварадская, пока остается нам неизвестным.

(Патриарх иерусалимский Хризанф в своем Συταυράτιον, который писан после карловицкого мира 1699 г., о чем прямо сказано в сочинении, и до 1715 г., когда оно напечатано, помещает следующий список сербо-австрийских архиерейских кафедр: 1) митрополия Μπουντουμίου, т. е. Будима или Офена, 2) митрополия Καρλοβίτζας καὶ Στρεμίου; т. е. Карловца и Срема, 3) архиепископия Μπάτζινας, т. е. Бачки, 4) епископия Ἐνόβου καὶ Ἰονοπόλεως, т. е. Еновы и (нужно – или) Иенополя, 5) епископия Γυιούλης καὶ Λιπόβου, т. е. Гиулы и Липова, 6) епископия Ποζιέγας, т. е. Пожеги (по венецианскому 1778 г. изданию стр. 95). Так как список этот относительно начала XVIII века несомненно неправилен, то нужно предполагать, что сведения Хризанфа от заднего числа, т. е. относятся не к началу XVIII, а к тому или другому времени XVII века. В этом последнем случае к епархиям выше нами указанным прибавляется, еще одна – гиульская и липовская. Город Пула в юго-восточной Венгрии, верстах в 50-ти на север от Арада; город Липова-Lipra в Темешварском банате, на юго-восток от того же Арада, на левом берегу реки Мароша. Называя епархию сремскую карловицкою и сремскою, Хризанф дает знать, что в то время, к которому относятся его сведения, кафедра митрополитов сремских была в городке Карловце, т. е. том самом Карловце, который после стал резиденцией сербо-австрийских архиепископов).

Патриарх Арсений Черноевич бежал из Турции в Австрию с 10 тысячами сербского народа в 1690 г., после того как в продолжение предшествующих восьми лет (начиная с 1683 г.) австрийцы отняли у турок всю находившуюся дотоле в их руках Венгрию и всю Славонию с Сремом ³. Так как на этот раз эмиграция имела место вследствие возбуждений и зазывов самого австрийского правительства, то переселенцам наперед обещана была совершенная неприкосновенность свободы их вероисповедания и прав их церкви, которая и была подтверждена им от импер. Леопольда I по их прибытии на место и которая потом многократно была подтверждаема в

последующие царствования (дипломы или грамоты императорские, которыми обещается и подтверждается эта неприкосновенность, см. у Раича IV, 139 sqq и 563 и у Чапловича в Slavonien II, 28 sqq).

Пришедшая с патриархом часть сербов составили одно целое с прежними переселенцами, которые вместо венгерских теперь стали австрийскими³⁴⁵. Немедленно устроенное и с тех пор до настоящего времени остающееся одним и тем же, церковное управление их под австрийским домом состояло и состоит в том, что учреждена была самостоятельная, т. е. ни от какого патриарха независимая, сербоавстрийская митрополия-архиепископия, разделенная на известное число епископий или епархий.

Ряд сербо-австрийских архиепископов есть следующий³⁴⁶:

1) Арсений Черноевич, бывший пекский патриарх, тот самый, о котором говорили мы сейчас выше. Был признан в сане архиепископа тотчас по прибытии в Австрию в 1690 г. (при этом, как бывший патриарх, он и в грамотах австрийских императоров иногда титулуется не просто архиепископом, но архиепископом и патриархом, см. у Раича IV, 368 и 375, и у Чапловича в Slavonien II, 40 и 44, cfr у первого 372 и у последнего ibid. 30 и 35 sqq). Правил с 1690 по 1706 г. († 24, по Мушицк. 28 октября сего года). Со времени прибытия и до смерти имел резиденцию в местечке Сент-Андре, которое находится на Ду-нае недалеко вверх от Офена или Будима (о местечке Сент-Андре, поселение в котором колонии сербов относится к первым временам эмиграции последних, см. Србского Летописа 1854 г. кв. I, стр. 21; об Арсении Черноевиче см. еще статью Н. Попова: «Сербы в Австрии», напечатанную в майской книжке Русского Вестника 1865 г., стр. 273, и архим. Арсения статью: «Сербы и Волохи в австрийских землях», напечатанную в октябрьской книжке 1870 г. Журн. Мин. Нар. Просвещ., стр. 227. По словам первого, «при нем определены были пошлины, которые должен был получать патриарх с православного населения в Венгрии»).

2) Исаия Дьякович, бывший прежде епископом иенопольско-темешварским. Избран был так-называемым

народным конгрессом³⁴⁷, которым после него избирались и до настоящего времени избираются все его преемники, 24 мая 1707 г.; правив недолго, умер 21 июля 1708 г. Он перенес архиепископскую кафедру из местечка Сент-Андре в монастырь Крушедол.

3) Софроний Подгоричанин, бывший епископ пакрачский. Избран 27 мая 1710 г., умер 19 сентября (по Мушицк., и кажется вернее, 7 января) 1711 г.

4) Викентий Попович, бывший епископ будимский или офенский. Избран 6 мая 1713 г., умер 23 (у Мушицк. – по одним 24, по другим 9) октября 1725 г. В 1724 г. была перенесена архиепископская кафедра из монастыря Крушедол в отнятый австрийцами у турок в 1717 г. нынешний престольный город сербского княжества Белград (Раича IV, 196, в Arkiv'e Сакцинского IV, 185).

5) Моисей Петрович, бывший митрополит белградский. Избран 6 марта 1727 г., умер 27 июля 1730 г. В самом начале его правления в 1727 г. австрийское правительство, желая принудить православных сербских епископов принять унию с Римом, отняло у них право собирать десятину с своих пасомых и отдало эту последнюю, католическим и униатским епископам (архим. Арсений *ibid.* стрр. 239 и 230). Архиепископ этот известен тем, что положил основание школьному делу между австрийскими сербами, основав школу в Белграде, учитель для которой был вызван из Москвы (некий Максим Суворов). Священникам сербским, которые дотоле одевались как и все миряне, он предписал носить рясу и вообще назначил для них форму (у Н. Попова *ibid.* стр. 283)³⁴⁸.

6) Викентий Иоаннович, бывший епископ арадский. Избран 7 марта 1731 г., умер 6 июня 1737 г. В 1733 г. он устроил в Карловце сремском гимназию для образования сербского юношества, при чем некоторые из учителей были вызваны из нашего Киева (Эммануил Козачинский, сделанный префектом гимназии, магистр Иван Миницкий и другие), а также латинские школы в городах Карловце, Белграде, Осеке и Дале (у Чапловича *Slavonien* II, 232, у Н. Попова *ibid.* стр. 283, у архим. Арсения *ibid.* стр. 231).

7) Арсений Иоаннович Шакебент или Шакабент, бывший пекский патриарх, бежавший из Турции в Австрию в 1737 г. Согласно желанию народа, был назначен правительством в архиепископы, с удержанием лично титула патриарха, 1 октября 1741 г. (Раича IV, 212 fin. sqq); умер 7 февраля (у Мушицк. 6 января) 1748 г. На бывшем при сем архиепископе-патриархе в 1744 г. народном конгрессе были-было заявлены некоторые требования относительно благоустройства дел церковных (именно – чтобы учреждена была при архиепископе консистория, чтобы архиепископ ежегодно собирал собор епископов, чтобы определена штолярная норма или такса сборов духовенства); но сделанное о сем от конгресса представление правительству оставлено было без всякого ответа. В междуправление, предшествовавшее назначению этого архиепископа, кафедра архиепископская перенесена была из Белграда, который в 1739 г. снова отнят был у австрийцев турками, в городок Карловец, в котором с тех пор и остается до настоящего времени (Раича IV, 196, Arkiv'a Сакцинского V, 185). Состоя под влиянием людей невежественных и ненавистников просвещения, Арсений Иоаннович не только закрыл Карловицкую гимназию, основанную его предшественником, но и с русскими учителями, которых отпустил от себя, рассчитался только по требованию русского правительства (у Н. Попова *ibid.* стр. 284).

8) Исаия Антонович, бывший епископ арадский. Избран 27 августа 1748 г., умер 22 января 1749 г.

9) Павел Ненадович, бывший епископ карлштадтский. Избран 20 июля 1749 г., умер 15 августа 1768 г. Возобновил гимназию в Карловцах, заведенную Викентием Иоанновичем, и положил начало школьного фонда, которого к концу его правления скопилось до 30 слишком тысяч флоринов, впрочем имел совершенно своеобразный взгляд на духовное просвещение (когда известный историк Иоанн Раич, сделанный в 1761 г. префектом карловицкой гимназии, написал и представил ему пространный катихизис, то он сурово отвечал: «не требую твоего катихизма, доста (точно) е то, обучевай ты детцу тропарем и кондаком, – у том состоит вера и закон», у Н.

Попова *ibid.* стр. 987. Около 1740–50 гг. кроме школ, упомянутых выше, существовала еще духовная коллегия в Новом Саде, *ibid.* стр. 285).

10) Иоанн Георгиевич, бывший епископ вершецкий. Избран 27 августа 1769 г, умер 23 мая 1773 г. На народном конгрессе 1769 г., заседавшем слишком четыре месяца (с 22 апреля по конец августа), происходили продолжительные рассуждения о делах церковных, именно-о сокращении числа и назначении определенного штата священников, о понижении размеров и установлении нормы различного вида даней, платимых епископам священниками и мирянами, и также даней, платимых последними вторым, об ограничении некоторых прав архиепископа (права наследования после умерших епископов), об усилении контроля над административно-судебной деятельностью епископов и о некоторых других, более частных: На основании постановлений конгресса, правительством было составлен «Илирский (духовный) регламент» (*Constitutiones Nationis Illyricae*), которого обширная редакция, назначенная для епископов, была выдана 27 сентября 1770 г., а краткая, назначенная для народа, 10 июля 1771 г. Но так как регламент этот не удовлетворил ожиданиям и требованиям народа и был им опротестован, то и не был введен в действие. Иоанн Георгиевич есть то самое лицо, главным образом по настояниям которого была закрыта Карловицкая гимназия при Арсении Иоанновиче; что касается до его собственной деятельности против просвещения, то он закрыл латинские школы, раздробил и уничтожил школьный фонд; Раич отзываясь о нем: «о должностях архипастырских крайне не радяше, но точию чреву работаше тщательно; добра достопамятного церкви и обществу не сотвори, сия лишняя земли вага» (бремя, у Н. Попова *ibid.* стр. 291).

11) Викентий Иоаннович Видак, бывший епископ темешварский. Избран 5 июня 1774 г., умер 18 февраля 1780 г. В 1776 г., по приказанию правительства был созван собор епископов для рассуждений о монастырской дисциплине, о календаре и сокращении числа праздников, о системе клерикальных или духовных школ, а главным образом для

пересмотра регламента 1770 г. На основании совещаний соборных, правительством составлен был другой регламент, который был выдан 2 января 1777 г., но который, поскольку удовлетворял требованиям народным не более чем первый, также остался без действия³⁴⁹. Наконец, после конференций митрополита с правительственными чиновниками, был составлен и 16 июля 1779 г. выдав третий регламент, названный Деклараторией (*Rescriptum declaratorium*), который служит для сербоавстрийской православной церкви действующим законодательным кодексом до настоящего времени (первоначально изданная только на латинском и немецком языках, Декларатория напечатана в церковно-славянском переводе в 1-й книжке Србского (будимского) Летописа за 1856 г. и в сербском переводе в книжке Иована Георгиевича «Радньа благовештенског сабора у Сремским Карловцима 1861», в Новом Саде, 1862).

12) Моисей Путник, бывший епископ темешварский. Избран 10 июня 1780 г., умер 28 июня 1790 г. В 1783 г. испросил у правительства в свое высшее церковное заведывание православные епархии трансильванскую и буковинскую. В 1790 г. незадолго до смерти обращался к правительству с ходатайством о восстановлении нарушенных прав сербского народа в австрийско-венгерских владениях (у Н. Попова *ibid.* стр. 295, у архим. Арсения *ibid.* стр. 239).

13) Стефан Стратимирович, бывший епископ будимский или офенский. Избран 29 октября 1790 г., умер неизвестного нам месяца и числа 1837 года. Народным конгрессом 1790 г. (21 августа – 4 ноября), который был созван вследствие представлений предшествующего и имел свои заседания в междуправление до избрания настоящего архиепископа, подана была правительству, содержащая большое число пунктов, просительная записка относительно устройства дел и обеспечение прав народа политических и церковных (между прочим прошено было: 1, чтобы дозволено было завести в Карловце при архиепископии духовную семинарию на 120 богословов и низшие духовные школы при каждой архиерейской кафедре и чтобы содержать одну и другие на определенного

размера ежегодные взносы от епископов к от монастырей; 2, чтобы православные сербы избавлены были от платы десятины латинскому духовенству, к чему это последнее, несмотря на ясные и многократно подтвержденные привилегии, при помощи местных католической веры чиновников, постоянно их принуждало (сfr официальное свидетельство у Раича IV, 380 fin. sqq), и чтобы вообще прекращено было всякое вмешательство латинского духовенства в дела православной церкви; 3, чтобы православное приходское или низшее духовенство вполне уравнено было в правах гражданских с таковым же духовенством католическим). На значительную часть пунктов просьбы (и между прочим на все три сейчас указанные) последовали от правительства благоприятные решения; но по стараниям будто бы самого архиепископа Стратимировича (которому вместе с прочими архиереями и настоятелями монастырей была крайне неприятна возлагавшаяся на них обязанность содержать на свой счет семинарию и духовные школы), императорский рескрипт, содержащий эти решения, не был обнародован и остался лежать просто в архиве (обвиняет Стратимировича автор статьи «Народни конгреси», Летоп. 1862 г. I, 81, основываясь на свидетельстве одного современника, *ibid.* 1861 г. I, 146 sqq; то же и у Н. Попова *ibid.* стр. 312 fin. sqq). В 1794 г. сим архиепископом заведена была в Карловце клерикальная или духовная школа и вслед за тем и такие же школы в других епископальных городах, (в Вершце, Араде и Пакраче, у Чапловича в Slavonien II, 260 и у него же в *Gemälde von Ungarn* B. I, Pesth, 1829, S. 340 fin., у архим. Арсения *ibid.* Стр. 244).

14) Стефан Станкович, бывший епископ бачский. Избран 11 ноября 1837 г., умер 31 июля 1841 г. Народный конгресс 1837 г., после того как избрал архиепископа, просил было у правительства дозволения продолжать свои заседания, чтобы заняться делами общественно-церковными, именно обсуждением и проектированием различных предполагавшихся реформ в них и улучшений; но со стороны правительства в этой просьбе решительным образом было отказано.

15) Иосиф Раячич, бывший епископ вершецкий. Избран 11 сентября 1842 г., умер 1 декабря 1861 г. В 1848 г. вспыхнуло известное венгерское восстание, и сербы, питавшие к мадьярам ненависть за их всегдашние и особенно последнего перед тем времени политические угнетения, с воодушевлением поднялись против своих притеснителей и поспешно предложили свою помощь австрийскому правительству. Увидев время, когда при бессилии власти можно было делать все что хотели, они созвали в Карловцах, в мае 1848 г., народный конгресс, на котором, желая обособить себя от других народов империи, провозгласили, что «Сербы суть народ политически свободный и самостоятельно живущий под державой австрийских императоров, что провинции- Срем, Бачка, весь Банат и принадлежащая к ним Военная граница должны входить в состав особой правительственной территории, называемой Сербским Воеводством», и затем избрали воеводу (г. Шуиликаца) и провозгласили архиепископа Раячича патриархом. Правительство, имевшее величайшую нужду в сербах, поспешило утвердить эти самовольные решения; но конец этой, на посторонний взгляд несколько комической, истории был тот, что по миновании опасности правительство самым беззастенчивым образом их надуло, так что к 1860 г. не только не стало их Воеводины и они перестали быть политически самостоятельным народом, но и увидели себя попавшими из огня в полымя – из-под не очень опасного гнета Мадьяров в ловкие когти немцев (См. Духовный Вестник, издававшийся в Харькове, 1862 г. т. 3-й, стр. 282 sqq, Современн. Летописи Московск. Ведом., 1865 г. № 28, стр. 11 и Н. Попова Россию и Сербию ч. 2, гл. 2). «В первые годы своего архиепископства Иосиф Раячич исходатайствовал у императора дозволение людям западного исповедания переходить свободно, не лишаясь прав, в православие, а также завел фонд для вспомоществования вдовам и сиротам священников, ввел в карловачской гимназии еще два класса к прежним шести, завел в Карловице типографию и совершил много других дел на пользу церкви и народа сербского» (архим. Арсений *ibid.* стр. 248).

16) Самуил Маширевич. Не желая, чтобы преемник Иосифа носил титул патриарха и в то же время находясь в 1862 г. не в таком положении, чтобы раздражать сербов отказом, правительство извернулось тем, что на время назначило администратора патриархии, а в 1861 г., когда улучшило свои дела, приказало избрать митрополита, в каковые и выбран был Самуил Маширевич, управлявший кафедрой в продолжение 7 лет и умерший в прошлом 1870 году. После него до настоящего времени кафедра остается вакантною.

Сколько было епископских кафедр у венгерских или австрийских сербов перед прибытием в Австрию патр. Арсения Черноевича, как уже мы говорили выше, положительным образом остается неизвестным. Императорским указом от 1 марта 1695 г. было постановлено, что на будущее время диоцез сербо-австрийской православной архиепископии имеет состоять из следующих 7 епархий, не считая собственной епархии архиепископа: 1) иенопольско-(арадско)-темешварской, 2) карлштадтской и аринопольской, 3) будимской или офенской и стольно-белградской, 4) шегединско-бачской, 5) могачской и сигетской, 6) вершецкой и 7) великоварадской и егерской³⁵⁰.

Перемены относительно числа епархий, происходившие после 1695 г., были следующие: 1) вскоре после 1695 г. была вновь замещена остававшаяся в сем последнем году праздною и предполагавшаяся было правительством к упразднению епархия вараждинская или кроатская; 2) перед 1707 г. была закрыта епархия великоварадская и егарская, быв разделена между епархиями иенопольской и шегединской; 3) в 1708–10 г. была открыта епархия пакрачская, ставшая продолжением прежней епархии пожегской; 4) в 1713 г. была открыта епархия костайничская, быв отделена от епархии карлштадтской; 5) в 1722 г. епархия иенопольско-арадско-темешварская была разделена на две: арадско-иенопольскую и темешварскую; 6) после 1731 г. была закрыта епархия могачско-сигетская, быв присоединена к епархии будимской; 7) после 1749 г. была закрыта епархия вараждинская или кроатская; 8) в 1771 была закрыта епархия костайничская; 9) в 1783 г. подчинены были правительством ведению архиепископа сербского

трансильванская и буковинская епархии-германштадтская и радауцкая или черновицкая; 10) в 1815 г. с присоединением к Австрии далматинских владений бывшей республики венецианской поступила в ведение архиепископа епархия, далматинская.

С 1815 г. число епархий оставалось одним и тем же до 1864 г., и как видно из предыдущего, оно было следующее: 1) арадская, 2) темешварская, 3) карлштадтская, 4) будимская, 5) щегединская, 6) вершецкая, 7) пакрачская, 8) германштадтская, 9) буковинская и 10) далматинская.

Об епархиях арадской – вершецкой и германштадтской с буковинскою говорено было выше, и остается прибавить только, что резиденция будимского епископа не в г. Будиме или Офене, а в местечке Сент-Андре, а резиденция карлштадтского епископа не в г. Карлштадте, а в Плашках, бедной деревне, находящейся от Карлштадта в 7 часах.

По штату 1777 г. в существовавших тогда епархиях положено было протопопий:

1) в карловицкой шесть: 1) Карловец, 2) Земун, 3) Митровица, 4) Шид, 5) Вуковар, 6) Дааль;

2) в темешварской десять: 1) Темешвар, 2) Чаковар, 3) Шебель, 4) Кикинда, 5) Чанад, 6) Липпово, 7) Хасиаш, 8) Фашет, 9) Бечкерек, 10) Панчова;

3) в вершецкой шесть: 1) Вершец, 2) Уйпаланк, 3) Варадия, 4) Лугош, 5) Караншебеш, 6) Мехадиа;

4) в арадской четырнадцать: 1) Арад, 2) Вилагош, 3) Заран, 4) Бутчен, 5) Тотварадиа, 6) Борошенё, 7) Великий Варад, 8) Белленош, 9) Мезеад, 10) Пат-Мезеё, 11) Пештеш, 12) Беел, 13) Лунка, 14) Халмач;

5) в будимской две: 1) Будим, 2) Могач;

6) в бачской четыре: 1) Новый Сад, 2) Зомбор, 3) Сегедин, 4) Шабля;

7) в пакрачской девять: 1) Дарувар, 2) Пакрац, 3) Трещановси, 4) Брачевце, 5) Борово, 6) Градишка, 7) Северин, 8) Пааусинац, 9) Нарта;

8) в карлштадтской девять: 1) Лики, 2) Горбавия, 3) Кореница, 4) Валлич, 5) Плашки, 6) Пудацки, 7) Кирын, 8) Глипа,

9) Костайница (приложение к Регуламенту 1777 г. Б.; в самой большой епархии арадской 481 приход, в самой меньшей будимской 48 приходов, в остальных от двух сот до полусотни, *ibid.*).

По сведениям, сообщаемым г. Павловичем (Slavonien II, 71), которые относятся к 1811–1817 годам и новее которых мы не имеем, жителей и священников в епархиях было:

- карловицкой 148,945 ж., 202 свящ.
- темешварской 386,690 ж., 543 свящ.
- вершецкой 251,586 ж., 264 свящ.
- арадской 346,696 ж., 567 свящ.
- будимской 23,548 ж., 63 свящ.
- бачской 106,116 ж., 60 свящ.
- пакрачской 99,086, 100 свящ.
- карлштадтской 174,370 ж., 152 свящ.
- далматинской ок. 70,000 ж., 120 свящ.

Всего 1,607,037 жителей, 2081 священник³⁵¹.

Епархия далматинская. Епархия эта обнимает нынешнюю австрийскую так-называемую Далмацию, которая состоит из бывших далматинских владений республики венецианской и из бывшей республики рагузской или дубровничской, доставшихся Австрии в 1814 г. Территория провинции по своим старым славянским владетелям разделяется на две половины: западная половина, начиная от границы с нынешней Кроацией по городки Макарску и Имосхи (первый, который на Адриатич. море, не включительно, второй, – на границе с Герцоговиной, -включительно), была хорватская; восточная половина, начиная от сейчас названных городков по границу с Турцией (между Будвой и Антиваром), за исключением никогда не принадлежавшего славянам города Рагузы или Дубровника, была сербскою. Рагужане, маленькое государство которых составлял нынешний округ рагузский, отделяющийся с запада и с востока от остальной австрийской Далмации узкими полосами турецких владений, образовали свою область посредством постепенных покупок земли у сербских государей. Венецианцы, которым принадлежала вся остальная нынешняя Далмация, западную часть своих владений, от границы Кроации до округа

рагузского, приобрели посредством завоевания у бывших королей хорватских и потом у венгров (которым досталось королевство хорватское после своего падения в конце XI в. и в вассальной зависимости от которых с того же времени находилось королевство боснийское), вследствие продолжительных войн с последними, окончившихся торжеством над ними в первой половине XV в., а в части восточной, составляющей нынешний округ которский (каттарский) или так-называемую Боку которскую (Bosche di Cattaro), город Будву приобрели посредством завоевания у владетелей Зеты или Черногории в первой половине XV в., город Каттаро или Котор вследствие добровольного подчинения сего последнего их власти в 1420 г., города Ризано и Кастель-Ново посредством завоевания у турок – первого в 1649, второго в 1687 г. Что касается до православного населения нынешней Далмации, то, по племенному своему происхождению все будучи одним и тем же – сербским, по сравнительной давности своей оседлости оно разделяется на коренное и пришлое, – первое в той ее половине, которая представляет собой древне-сербскую территорию, второе на территории древне-хорватской; это последнее образовалось из боснийских и герцоговинских переселенцев, бежавших в венецианские владения от турок (переселенцы эти называются морлаками). История православного населения бывшей республики рагузской, не достигая до настоящего времени, состоит в том, что правительство республики самым настойчивым образом старалось об его окатоличении, и что если не ранее, то к половине XVIII в. оно совершенно все соvrащено было в латинство (см. свидетельство рагузского писателя Жан-Мари Маттеи, умершего в 1788 г., у г. Макушева в «Исследованиях об исторических памятниках и бытописателях Дубровника» стр. 6). Во владениях республики венецианской, в которых число православных было несравненно большее и территория которых была гораздо обширнейшая, поскольку не представлялось возможности, как это было в микроскопическом государстве рагузском, брать и силой приводить в католичество каждый индивидуум в отдельности, дело не доходило до

совершенного истребления православия; тем не менее судьба православных, постоянно подвергавшихся крайним утеснениям, была самая печальная. Государственные власти республики, как центральные – в метрополии, так и местные в самой провинции, руководясь видами политическими, именно – желанием привлекать в свои владения переселенцев, если не всегда, то по крайней мере иногда обнаруживали склонность предоставить православным некоторую свободу веры; но против всех в подобном смысле принимавшихся решений и против всякого в подобном деле поведения государственных властей обыкновенно самым упорным образом восставало католическое духовенство, которое с своей стороны постоянно употребляло все старания о насильственном привлечении православных к латинству. Несмотря на многократные и усиленные просьбы, далматинские православные сербы до самого конца существования республики не могли получить себе права открыть у себя свою собственную епископскую кафедру. В 1722 г. состоялся указ правительства дозволить им открытие просимой ими кафедры: но исполнению указа решительным образом воспротивились католические епископы, и он остался без действия; в 1736 г. опять состоялся такой же указ, но опять остался без действия по той же самой причине (см. Србско-далматинский Магазин, издаваемый в Заре, 1866 г. стр. 156 и 161, и 1867 г. стр. 142); дальнейшие неоднократные просьбы также не имели никаких последствий (ibid. 1866 г. стр. 161 и 1864 г. стр. 155). Быв лишены своего собственного епископа, православные далматинцы во второй половине XVI в. поручены были правительством в заведывание венецианского греческого епископа – так-называвшегося архиепископа филархельского, под власть которого и состояли потом до конца существования республики³⁵².

Вместе с этим епископом греческим, который вероятно более считался, чем был епископом по отношению к своей славянской пастве, далматинцы по временам имели у себя если не своих собственных, то по крайней мере своего собственного славянского племени епископов, именно босно-герцеговинских и сербских епископов, приходивших к ним из

Турции и остававшихся исправлять у них обязанности их высших пастырей иногда с ведома и разрешения, а иногда без ведома правительства. Из этих последних епископов известны: 1) Максим, бывший в начале второй половины XVII в. и пребывавший в Далмации с дозволения правительства, 2) Феодосий, бывший с 1686 не менее как по конец 1693 г.; 3) Василий, бывший одновременно с Феодосием и с дозволения правительства заведывавший православным населением округа книнского; 4) Исаия Лакетич, заступивший место предыдущего с 1695 г. (см. Србско-далмат. Магазин 1854–59 г. стр. 159 sqq); 5) Никодим Бусович, бывший к концу XVII и в начале XVIII в. не менее как до 1707 г. и имевший от тогдашнего филadelphийского или венецианского греческого архиепископа Мелетия Типалди звание его экзарха в Далмации (Србско-далмат. Магаз. *ibid.* и 1862 г. стр. 142, 1867 г. стр. 141, 1841 стр. 119); 6) Савватий, бывший митрополит герцоговинский, бежавший из Турции в венецианские владения с 700 семейств герцоговинцев по одним перед 1693, по другим, и вернее, – в 1695 г., получивший официальное признание от правительства республики в сане далматинского православного епископа (вероятно, из внимания к тому обстоятельству, что привел с собой сейчас указанное число переселенцев) и умерший в 1718 или – 19-м году (Србско-далмат. Магаз. 1866 г. стр. 160 и 1863 г. стр. 169, Записок Географич. Общ. XIII, 658); 7) Стефан Любibrатич, племянник предшественного, поставленный было в преемники ему в 1719 г., но по настояниям латинского духовенства прогнанный из владений республики в 1720 или 1721 году (Србско-далмат. Магаз. 1861 г. стр. 214, 1866 г. стр. 160 и 1867 г. стр. 141, *cfr* 1864 г. стр. 153); 8) Сима Концаревич, подобно Любibrатичу поставленный прямо для Далмации, без спроса венецианского правительства, в 1751 г. и прогнанный сим последним по настояниям того же латинского духовенства в 1753 или 54 году (*ibid.* 1861 стр. 219 sqq, 1862 г. стр. 152 и 1866 г. стр. 155). После сего до конца существования республики далматинцы более не имели у себя ни одного епископа, и состоя номинальным образом под властью архиепископов филadelphийских, на деле обращались с своими духовными нуждами к ближайшему к ним

по местности из епископов сербо-австрийских епископу карлштадтскому (ibid. 1863 г. стр. 139 и книжки «Переписка о унии далмат. еп. Венедикта Кралевица», А. Симича, у Београду, 1863, стр. 88). Мы сказали выше, что латинское духовенство республики употребляло все старания о насильственном привлечении православных далматинцев в католичество; средствами для него в этих его стараниях были – как можно большие притеснения православным в делах веры. Не позднее как с начала XVII в. латинские епископы, притязая видеть в православном духовенстве и во всем православном населении как бы людей вполне подлежащих их духовной юрисдикции, присвоили себе право: 1) испытывать новопоступающих православных священников в знании ими веры (*professio fidei*), при чем требовали, чтобы гражданские власти не прежде допускали священников к отправлению их обязанностей, как последние представят от них – латинских епископов дозвоительные на это грамоты (*litterae patentis*); 2) визитовать православное население, т. е. при объездах епархий вместе с церквями и приходами католическими осматривать и посещать церкви и приходы и православные; не позднее второй половины XVII в. епископы успели истребовать от правительства, чтобы эти их притязания были признаны и утверждены, как действительные права, со стороны власти государственной. Такое вмешательство латинского духовенства в дела православной церкви, крайне оскорбляя и раздражая православных, иногда вызывало с их стороны открытое сопротивление, но все случаи подобного сопротивления оканчивались тем, что непокорные при содействии гражданских властей были заковываемы в железа, сажаемы в темницы и подвергаемы всякого рода мучениям и истязаниям (см. Србско-далмат. Магаз. 1850 г. стр. 102, 1865 г. стр. 147 sqq, 1866 г. стр. 155 и в книжке *le Bret'a Acta Ecclesiae Graecae annorum 1762 et 63, Stutgardiae, 1764, p. 41 sqq*). Стеснение православным в построении церквей доходило до такой степени, что указами первой четверти XVIII в. им дозволялось строить их только в таком случае, когда изъявит на то свое согласие местный католический епископ и соседние католические жители (Србско-

далмат. Магаз. 1865 г. стр. 152), т. е. иначе, что у них совсем отнимаема была возможность строить новые церкви. Следствием всех этих мер латинского духовенства было то, что и должно было быть: так как мужество переносить унижения и страдания обыкновенно имеет только меньшинство, а не большинство людей, то большинство православных далматинцев волей-неволей постепенно присоединились к католицизму, а на стороне православия осталось именно только меньшинство их; в настоящее время из 400 слишком тысяч сербского населения Далмации православных тысяч до 80-ти³⁵³.

Православная епископская кафедра в Далмации была учреждена во время занятия области французами, в 1808–10 г. (декретом Наполеона от 19 сентября 1808 г. назначено было быть кафедре, а декретом его же от 26 марта 1810 г. назначен был первый епископ Венедикт Кралевиц, см. книгу «Житие, сиречь рождение, воспитание.... Герасима Зелича архимандрита... ним самым списано», в Будиме, 1823, стрр. 505 и 538, и Србско-Далмат. Магаз. 1863 стр. 140); пребывание епископу первоначально назначено было в г. Себенико или Шибенике, из которого потом в 1841 г. он переведен был в Зару или Задар. По Шематизму или церковному календарю далматинской епархии на 1862 год, в ней было – восемь протопопий, именно: 1) задарская или зарская, 2) скрадинская или скардонская, 3) шибеницкая или себеникская, 4) книнская, 5) имоская (к которой принадлежит Рагуза), 6) кастельновская, 7) которская или каттарская и 8) будвинская, 84,464 жителей и 110 приходов (см. книгу Макушева «Задунайские и адриатические славяне», Спб., 1867, стр. 219, прим.). Мы сказали выше, что, при открытии в 1864 г. особой митрополии румынской, епархия далматинская, несмотря на то, что она есть сербская, была причислена к этой последней. Правительство австрийское, угождая румынам, нет сомнения, отняло епархию у сербов потому, что по отношению к ней, так как она не есть епархия переселенцев, оно не связано перед сербами никакими обязательствами.

Епархия вараждинская или хорватская. В грамоте импер. Леопольда 1-го от 1695 г., которою определяется число епархий, имеющих на будущее время составлять диоцез архиепископии сербо-австрийской, епархия эта, как мы говорили выше, не упоминается потому, что тогдашний епископ ее принял унию и что правительство надеялось превратить ее из православной в униатскую. Спустя некоторое время (неизвестно нам, в каком году именно, но еще при жизни Арсения Черноевича), снова дан был епархии православный епископ (у Чапловича в Slavonien II, 22), и таким образом она была восстановлена. Этот второй период ее существования был весьма непродолжителен; правительство вместе с латинским духовенством, желая действовать между здешним православным населением в пользу унии, о которой оно уже очень давно здесь хлопотало, как можно беспрепятственнее, решило снова и окончательно закрыть православную кафедру; это решение свое оно и привело в исполнение в 1749 г. (у Мушицкого в Гласн. VI, 84, Србский Летопис 1861 г. II, 82). Православное население уничтоженной епархии предоставлено было в заведывание епископа костайничского (у Мушицк.).

Епархия пакрачская. Городок или местечко Пакрач находится в Славонии, на запад от города Пожеги. Епархия пакрачская, открытая в 1708 или 10-м году³⁵⁴, обнимает тот самый округ, который обнимала существовавшая в первый период епархия пожегская, и след. она есть не что иное как восстановленное продолжение этой последней.

Церковно-административное устройство у австрийских сербов есть следующее.

Первую и вместе чрезвычайную или временную инстанцию составляет национальный конгресс или народный собор. Он (и не иначе как он) избирает сербо-австрийского Карловицкого митрополита и рассуждает о других важнейших церковных и национальных сербских делах для представления о них правительству. Первый таковой собор был в 1707 г. для избрания, второго после Арсения Черноевича, митрополита; дальнейшие соборы были собираемы также большею частию по поводу избрания митрополитов, но были случаи, когда

правительство дозволяло устроить их и без этого, для обсуждения накопившихся важных дел. Число депутатов, имевших заседать на конгрессе, до 1768 г. было неопределенно; в этом последнем году было постановлено правительством, чтобы на будущее время было – по 25 депутатов от духовенства, по 25 от военного и по 25 от гражданского сословий. В правление импер. Леопольда II, когда увеличилось число сербского дворянства и собственников, прибавлены были еще 25 депутатов, и таким образом на темешварском конгрессе 1792 г. присутствовало 100 человек (Чаплович Slavonien II, 75 sqq); о дальнейшем времени известий не имеем. Конгресс созывается не иначе как с дозволения правительства и производит свои заседания в присутствии и под руководством его комиссара. Первые три конгресса были в монастыре Крушедоле, конгресс 1730 г. в Белграде, конгресс 1792 г. в Темешваре, остальные в резиденции митрополита – Карловцах (ibid. – Любопытно было бы знать относительно происхождения этого собора – принесен ли он сербами с родины, как уже там существовавший обычай (возникший во времена господства турецкого), или введен ими в самой Австрии; но, к сожалению, на этот вопрос в настоящее время мы ничего не можем отвечать).

Вторую после собора и обыкновенную первую инстанцию составляет сербо-австрийский карловицкий митрополит, который управляет своим диоцезом на правах ни от какого патриарха независимого или автокефального архиепископа.

При митрополите, образуя третью инстанцию, состоит Appellatorium, т. е. присутственное место, которое принимает и рассматривает жалобы на суд епархиальных архиереев и которое составляется из митрополита, как президента, двух ближайших архиереев, двух архимандритов, двух игуменов, двух протопопов, двух священников и нотариуса *cum voto decisivo*, т. е. с правом голоса. Так как к обязанности Апеллятория принадлежит не только решать апелляции, но еще поверять и представлять правительству счета монастырей, то для этой последней цели он непременно собирается по крайней мере однажды в год, хотя бы и не поступало никаких жалоб. Решения

Апелляториума не суть окончательные, и на них может быть еще апеллируемо к императорскому престолу (Чапл. *ibid.*).

Четвертую инстанцию составляют епархиальные архиереи, права и обязанности которых те же самые, что и у нас и во всей православной церкви.

Пятую инстанцию составляют состоящие при каждом архиерее диоцезальные Консистории, члены которых суть: епископ, как президент, два настоятеля монастырей, два протопопа, два священника, один нотариус, один фискал³⁵⁵ и один переводчик.

Наконец шестую инстанцию составляют протопресвитеры или протопопы, обязанности которых несколько обширнее, чем обязанности наших русских благочинных.

Не знаем, существовал ли у сербов издавна и принесен ими с родины, или уже возобновлен ими в самой Австрии, но только у них не позднее как с XVIII века соблюдается древний, весьма похвальный и полезный обычай православной церкви, чтобы епископы ежегодно собирались на собор к митрополиту для рассуждений о текущих делах и нуждах церкви. До 1760 г. соборы эти были собираемы без спроса у правительства и производили свои деяния без присутствия правительственного комиссара; но в сем последнем году правительство постановило, чтобы на будущее время они собирались не иначе как с дозволения его, а в 1768 г., чтобы на них непременно присутствовал правительственный комиссар. Не исключительно митрополиту, а именно этому собору епископов принадлежит и право избрания кандидатов на вакантные епископские кафедры (Чаплович *ibid.* II, 81 sqq).

Доходы сербо-австрийских епископов, протопопов и священников до Декларатории 1779 г., когда они водились, нет сомнения, древним обычным правом, принесенным с родины, были следующие:

а) Епископов: 1) дымница или известных размеров подать, которую платили епископам по домам или по дымам миряне их епархий и которая взималась епископами с самих мирян непосредственно (Регуламент 1777 г., § XXXIX, стр. 41 нач.); 2) сидоксия³⁵⁶ или ежегодная подать со священников,

взимавшаяся по расчету домов в приходе, а где было несколько священников – по расчету домов, пришедших на часть каждого священника (ibid. § XXII fin., стр. 25); 3) сиггелия или синделия (συγγέλιον), – «такса за декрет, имже священник в парохии водружается», т. е. плата заставленную священническую грамоту (ibid § XXII, п. 4, стр. 24); 4) плата за произведение в архимандриты, игумены и наместники или экзархи (ibid. п. 3); 5) плата за освящение церкви (ibid. п. 5, стр. 25); 6) плата за антиминс (ibid.); 7), милостыня, – подать неизвестно в чем состоявшая³⁵⁷ и как взимавшаяся (ibid. § XXXIX, стр. 41 нач.); 8) конак, – подать, как кажется, состоявшая в обязанности давать квартиру (и подводу) едущему архиерею или его чиновнику (ibid.); 9) натуральные подвозы и работы (ibid. § XXIII, стр. 25 fin.); 10) право наследования после священников, умирающих без наследников (кроме самих епископов платилась еще, неизвестно как большая, подать их наместникам или экзархам, ibid. § XXVII, стр. 27).

б) Доходы митрополита – те же, что и епископов, и кроме того: 1) определенные за посвящение епископов таксы (ibid. § IV, п. 5, стр. 8 fin.); 2) право наследования после епископов, умерших без наследников (ibid. § V, стр. 9).

с) Священников: 1) бирь или лукно – ежегодный определенный сбор с прихожан хлеба или в замен его денег; 2) плата за требы, между которыми называются: венчание браков, погребение, звон в честь покойника, чтение евангелистов и псалтири по мертвеце, парастас (παράστασις) или служба, соответствующая нашей панихиде, годичный помин покойников, сарандарь³⁵⁸ или сорокоуст, паруссия (παρουσία) или торжественные, в сослужении многих священников, молебны или панихида³⁵⁹, никольщина или свечар (домовый молебен с освящением воды и благословением колив и колача), благословение колив и колача в церкви, молебен Богородичен, молитва и благословение воды в доме, где родила жена, елеосвящение, освящение воды в доме в праздник Богоявления или каждую неделю (к Регуламенту 1777 г. приложения В и Г. и самого Регуламента стр. 44).

Доходы сербо-австрийских епископов, протопопов и священников со времени Декларатории 1779 г. суть следующие:

Доходы епископов: 1) конвенции – *conventia*. Эта подать в пользу епископов взимается непосредственно с мирян их епархий. Название свое она получила от того, что она установлена по добровольному соглашению между епископами и общинами (состоявшемуся в семидесятых годах прошлого века). Каждый дом платит этой подати сообразно с количеством земли, которым владеет, и во всяком случае *maximum* в Славонии и Кроации, к которым относятся показания Чапловича, не более 14 крейцеров ежегодно.

2) Сидоксии. Эту подать платят епископам священники, внося за каждый дом своего прихода один грош ежегодно.

3) Синделии. За синделию или ставленную грамоту священники Славонии и Кроации платят епископу, считая по 30 крейцеров за каждый дом прихода, в который назначаются, а во всяком случае так, чтобы сумма не превышала 50 флоринов.

4) За освящение церквей взимается в пользу епископов девять дукатов и за антиминсы – три дуката.

5) В случае смерти священника без наследников, епископ по закону наследует после него две трети его имущества (которые священник не в праве отказать никому и посредством духовного завещания).

Доходы митрополита суть те самые, что и епископов, и кроме того он получает: 1) доходы с недвижимых имуществ, которые имеет его кафедра; 2) 9000 гульденов от казны в вознаграждение за отнятую у него десятину; 3) 6000 флоринов оттуда же за недвижимые имущества, которые у него взяты; 4) известную плату с епископов за хиротонии или ставленные грамоты (от 100 до 200 дукатов, Чаплович *ibid.* II, 105 sqq).

Доходы протопопов: 1) они получают от каждого священника своих протопопий по 100 ок пшеницы или по два гульдена; 2) освобождаются от платы сидоксии епископам; 3) в своих приходах, если и много в них священников, получают более половины всех доходов; 4) с каждого венечного знамени взимают по 7 крейцеров (*ibid.* S. 105. До Регуламента 1777 г.

протопопы взимали еще плату за похоронную память, Регул, стр. 43 fin.).

Доходы приходского духовенства: 1) ежегодный определенный сбор с прихожан, который платится частью натурою, частью деньгами, и который называется «бирь» (размеры его, назначенные в 1779 г. и в разных местах различные, не указаны у Чапловича); 2) плата за требы; 3) некоторая свобода от поземельных государственных податей, – если при церкви есть земля, которою могли бы пользоваться священники, то она свободна от податей; если же при церкви нет земли, но священник имеет свою собственную землю в том же приходе, то свободна от податей эта последняя. Вообще, по свидетельству Чапловича, приходское духовенство сербо-австрийское весьма бедно (*ibid.* II, 103 sqq).

Известно, что у австрийских и у задунайских сербов равно как у болгар и у греков, древние различные обычаи православной церкви сохранились гораздо в более полном и неповрежденном виде, чем у нас в России. Но так как полной картины этих остатков старины в настоящее время мы представить не можем, то и отлагаем речь о них до другого времени.

Латинская уния между австрийскими сербами

Число униатов между австрийскими сербами сравнительно с общим их количеством не слишком значительно, именно на 1.500.000 этого последнего униатов не более тысяч 30-ти. Сплошной, довольно большой массой они находятся в северной Кроации, в бывшей православной епархии вараждинской, затем разбросанно или небольшими группами почти во всех населенных сербами местностях империи.

Первые попытки ввести унию в западной Кроации, между тамошними босно-герцоговинскими православными переселенцами, относятся к тридцатым – сороковым годам XVII века. Желая присоединить переселенцев к латинской церкви, но в то же время не находя удобным вводить у них и прямо

католичество, потому что при весьма крепкой привязанности к своей вере они отличались чрезвычайной воинственностью, которую раздражать было очень опасно (они были знаменитые ускоки), австрийское правительство и латинское духовенство решили начать у них с надувательской, по наружности почти ничего не изменяющей, унии, и с этою целию около 1629 г. к ним высланы были униатские миссионеры (во главе которых был западно-русский униат Мефодий Терлецкий, см. документ в Arkiv'e Сакцинского II, 127). Эти первые попытки, как необходимо заключать, имели успех самый ничтожный, или даже не имели и совсем никакого; но тем не менее правительство и латинское духовенство не оставляли своего намерения и снова возвратились к своим усилиям, спустя после сего лет сорок. Епископским саном удалось соблазнить одно из лиц хорватского православного духовенства, именно бывшего наместником при вараждинском епископе некоего Павла Зорича, который и поставлен был между 1678–1682 годами в униатские хорватские епископы с обязательством создать себе униатскую паству. Начало возобновленной деятельности также обещало латинянам мало успеха, потому что Зорич, явившись к народу, который оставляем был тогда без православного епископа, встречен был им с оружием в руках и принужден был спастись от него поспешным бегством. Но *improbis labor omnia vincit*, -после Зорича поставляемы были один за другим новые униатские епископы, и действуя в среде поднимавшего открытые бунты народа под охраною военной силы, эти последние успели-таки наконец положить некоторое начало унии (у Чапловича в Slavonien II, 21 sqq). Чтобы устранить главное препятствие дальнейшим успехам униатской пропаганды, правительство в 1749 г. закрыло православную вараждинскую кафедру, после чего дело унии и действительно пошло успешнее, так что к концу прошлого века совращенных было до 8¹/₂ тысяч человек (у Чапловича *ibid.* II, 4). Сколько униатов в северной Кroatии в настоящее время, точных цифр мы не имеем; но приблизительно их тысяч до 18-ти³⁶⁰. Униатские епископы хорватские, к епархии которых в настоящее время принадлежат также Славония с Сремом и Далмация, до

1777 г. имели пребывание в Свиднице; а с 1777 г. имеют в городе Крейце или Криже (об унии в Хорватии и Славонии см еще у Н. Попова *ibid.* стр. 266 и 275, и архим. Арсения *ibid.* стр. 213, 221 и 229).

Униатская пропаганда между сербами, населяющими южную Венгрию, Славонию с Сремом и Темешварский банат, начата была тотчас же, как эти области были завоеваны у турок (Темешварский банат, как уже мы говорили выше, был завоеван не одновременно с тремя первыми, а немного позднее). При переходе из Турции патр. Арсения Черноевича правительство обещало сербам совершенную неприкосновенность свободы их веры; но это не помешало ему не только дозволить, но и помогать латинскому духовенству, между которым в особенности отличались ровностию иезуиты, в его стараниях привлечь схизматиков к союзу с св. римским седалищем (см. жалобы на латинское духовенство и австрийское правительство и просьбы о заступничестве, с которыми в 1696 г. патр. Арсений Черноевич обращался к нашему русскому правительству, у Муравьева в Сношениях с Востоком ч. 4, л. 1205 sqq). Пропганда, быв ведена между сербами одновременно с тем, как ведена была между румынами, хотя не имела у них ничего похожего на тот огромный успех, которым сопровождалась между сими последними, однакож все-таки не осталась и совершенно бесплодною, – некоторое количество прозелитов, при употреблении всякаго рода способов, было набрано, и таким образом положено было начало, которое, как известно, составляет главное во всяком деле. О дальнейшей пропаганде мы не имеем положительных сведений; но несомненно, что она была ведена и что одну за другой, хотя и отдельными единицами, иезуитские мрежи постоянно вытаскивали новые жертвы. Нынешнее количество униатов между сербами южной Венгрии, Темешварского баната и Славонии с Сремом положительно точным образом нам неизвестно (потому что в статистических росписях сербы-униаты Темешварского баната, в котором сербские поселения перемешаны с румынскими, обыкновенно показываются в одной общей цифре с униатами из

румын); но приблизительно оно ограничивается тысячами 11–12-тью.

После присоединения в Австрии венецианской Далмации сделана была попытка ввести унию и в этой последней области. Первый далматинский православный епископ, Венедикт Кралевич, оказался человеком готовым содействовать желаниям правительства, и в 1819 г. приступлено было к осуществлению замысла посредством открытия в Себенико или Шибенике православной будто бы духовной семинарии с учителями-униатами (которые вызваны были из Галиции, см. Србско-далмат. Магазин 1863 г. стр. 142 и книжки «Переписка о унии далмат, еп. Венедикта Кралевича», у Београду, 1868 г., предисловие). Попытка с одной стороны кончилась тем, что произошел открытый народный бунт и что епископ принужден был спасать свою жизнь бегством (ibid), а с другой стороны тем, что в настоящее время между далматинскими сербами насчитывается до четырех сот человек униатов, т. е. что старания все-таки не окончились совершенно бесследным ничем.

Нынешнее княжество сербское

Третьей с небольшим части сербского народа, составляющей из себя нынешнее княжество сербское, удалось свергнуть иго турок и образовать свое особое, хотя еще и не вполне самостоятельное, государство в недавние времена настоящего XIX века.

Восстание, быв первоначально поднято не за свободу отечества, а за спасение угрожаемой жизни каждого, и направленное не против самого султана, а против непокорных и сему последнему янычар белградского пашалыка, началось в 1804 году, а превратилось в восстание чисто государственное против самого правительства и за освобождение в конце следующего 1805 года. Спасши себя от янычар мужеством отчаяния и ожесточения, сербы в продолжение трех первых лет борьбы и с самим правительством блистательно восторжествовали было над ним превосходством своего патриотического воодушевления; но потом они принуждены были уступить слишком огромному превосходству его

вещественных средств, и через десять лет от начала борьбы, в конце 1813 года, для них снова было совершенно погребено все что они успели приобрести. Вторичное восстание было поднято в 1815 году, и затем после новых успехов оружия фактически настала для них свобода внутреннего самоуправления под властью своего собственного князя в 1817 году, а окончательно они были признаны турецким правительством в таковом положении, по требованиям нашего русского правительства (которому они вообще обязаны глубочайшею благодарностью за все время борьбы и без которого них были бы совершенно напрасны всякие мечты о свободе) в 1830 году, после заключения адрианопольского мира.

Первым вождем народного восстания был Георгий Петрович Черный или по-турецки Кара-Георгий, выбранный в 1804 г. и бежавший в конце 1813 года, когда завоеванная им свобода оказалась было снова совершенно погребенною. Вторым вождем и вместе первым признанным от турецкого правительства князем был Милош Обренович, после вторичного завоевания свободы правивший в продолжение 24-х лет, и потом вследствие возбужденных деспотизмом и корыстолюбием всеобщих неудовольствий принужденный в 1839 г. бежать в Австрию. Дальнейшая за сим смена князей есть следующая: 3) Милан, старший сын Милоша, наследовавший отцу в предсмертной болезни весьма не на долгое время; 4) Михаил, второй сын Милоша, правивший в продолжение трех лет, 1840–1842, и принужденный подобно отцу, без всякой впрочем личной вины, а единственно вследствие интриг турецкого правительства и разных домашних партий, отказаться от престола; 5) Александр Кара-Георгиевич, сын Георгия Петровича Черного, правивший в продолжение 16-ти лет, с конца 1842 по конец 1858 года, и согнанный с престола за рабское угодничество перед Австриею и за раздачу важнейших должностей в кормление многочисленным родственникам своей жены; 6) Милош Обренович во второй раз, призванный в начале 1859 года снова занять престол в глубокой 80-летней старости и после недолгого правления, на свой прежний образец, умерший 14 сентября 1860 года; 7) Михаил, сын Милоша, также во второй

раз наследовавший отцу и после осмилетнего, оставившего добрую память правления погибший от руки политических заговорщиков 29 мая 1868 года; 8) Милан, двоюродный племянник Михаила (сын его двоюродного брата Милоша и внук его дяди по отце – Ефрема), избранный на место не имевшего детей последнего и остающийся до настоящего времени. (Государственную историю нынешнего княжества сербского см. в книгах: *Essai historique sur les revolutions et l'indépendance de la Serbie* Бартеlemi Сильвестра Куниберта, Leipzig, 1855, два тома, История Сербии по сербским источникам, сочинение Леопольда Ранке, перевод с немецкого Петра Бартенева. Москва, 1857, и Россия и Сербия, – Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год, Нила Попова, Москва, 1869.)

Перед восстанием 1804 г. в нынешнем княжестве сербском было две епархии – белградская и ужицкая; в 1836 г. открыто было еще две – шабацкая и тимочская. В 1839 г. была-было учреждена кафедра викарного епископа, имевшего состоять при митрополите белградском (*Ami Boné La Turquie d'Europe III*, 433), но потом она была снова закрыта.

В начале 1832 г. правительством сербским заключен был конкордат с константинопольским патриархом, в котором определено:

1) Отныне впредь как митрополит, так и епископы Сербии избираются князем и народом из сербского духовенства таким образом, что со стороны высокой церкви не может быть сделано никаких противных замечаний ни о способе избрания, ни о месторождении и лице избранного.

22) Архиепископ, избранный по общей воле и согласию сербского народа и духовенства, отныне навсегда будет именуем митрополитом целой Сербии, т. е. белградский архиепископ получает титул митрополита всея Сербии, и ему подчиняются все епископы той земли. При каждом новом избрании митрополита из среды сербского духовенства, князь и народ должны известить патриарха об учиненном избрании и лице избранного и представить его на утверждение; а патриарх, убедившись, что выбор сделан сходно с церковными

правилами, должен прислать без всякого отлагательства свое письменное соизволение, сопровождаемое его первосвященническим благословением, чтобы там на месте совершено было посвящение митрополита по церковному обряду.

3) Сербские епископы, избранные князем и митрополитом из сербского духовенства, посвящаются там же без предварительного патриаршего соизволения, но единственно властью и полномочием их митрополита, как тамошнего законного первосвященника; но патриарху присылается сообщение о том, и он в своем ответе дает свое согласие и благословение.

44) При всяком новом избрании митрополита патриарху постоянно посылается «в виде подарка» 300 австрийских дукатов, а при посвящении сербских епископов великая церковь не может искать ничего ни под каким предлогом; но вышеупомянутая сумма в 300 дукатов не входит в состав того годового взноса, который сербский народ представляет в кассу великой церкви, т. е. 3000 грошей за архиепископа и 3000 грошей за епископа ужицкого, но остается сама по себе и вносится только в случае нового избрания митрополита; а когда и другие округа, принадлежащие к Сербии, будут соединены с ней, тогда сия ежегодная плата будет определена окончательно³⁶¹.

5) Кроме взноса определенной ежегодной суммы в кассу великой церкви и кроме 300 дукатов при избрании митрополита, как архиепископ, так и все сербское духовенство свободны от всяких искательств и требований великой церкви, не имея, кроме вышеупомянутых, никаких других обязательств ни относительно патриарха, ни относительно великой церкви: как патриарх и великая церковь, так и самый митрополит белградский не могут требовать доли наследства из имений умерших архиереев, а патриарх не берет ничего за отпущение грехов, даже в том случае, когда таковые, оставшиеся после митрополита и епископов, имущества будут назначены на богоугодные и государственные дела.

6) Ни митрополит, ни епископы сербские не имеют права делать долга ни на счет сербского народа, ни на счет великой церкви.

7) Митрополит не может быть, без законной воли константинопольского патриарха и соизволения сербского князя удален из своей епархии, а сербские епископы без согласия митрополита и князя.

88) Наконец, во время богослужения митрополит Сербии поминает константинопольского патриарха, а митрополита все сербские епископы (Нила Попова Россия и Сербия I, 275).

В настоящее время архиереев в княжестве сербском четверо: 1) белградский, который есть вместе митрополит всей Сербии и имеет пребывание в Белграде, 2) ужицкий, который прежде имел пребывание в г. Чачаке или Чачке, а ныне имеет в г. Карановце, 3) шабацкий, имеющий пребывание в г. Шабаце или Шабце и 4) тимочский, прежде имевший кафедру в г. Зайчаре, а в настоящее время имеющий в Неготине.

Устройство церковной администрации в княжестве сербском взято с образца австрийских сербов. Церковную законодательную власть представляет собой архиерейский собор, который, под председательством митрополита, составляется из всех епархиальных архиереев и который, собираясь однажды в году (в сентябре месяце), по сербскому Уставу духовных консисторий, «есть высшая церковная власть, чрез которую производится управление церквами и духовенством по правилам православной веры и издаются потребные для того распоряжения, правила и узаконения» (§ 75). За сим митрополит и епархиальные епископы и при них – 1) для частного наблюдения над духовенством епархий в каждой из них то или другое количество протопресвитеров или протопопов и наместников, заведующих малыми округами, протопопиями и наместничествами, на которые разделяется каждая епархия; 2) для общего управления епархиями при каждом епископе епархиальная консистория, состоящая из председателя (из протоиереев), двух действительных и двух почетных членов (между которыми монахов может быть не более одного); 3) для апелляции на решения консисторий при

митрополите сербском Апелляториум, который состоит из председателя (одного из епископов, выбранного на год архиерейским собором), четырех действительных и трех почетных членов, и который собирается однажды в году (в мае или сентябре месяце. Сербский Устав духовных консисторий 1862 г., под заглавием: «Церковное судоустройство и судопроизводство в Сербии», в русском переводе напечатан в Чтениях при Московском Обществе любителей духовного просвещения, кн. 10, 1870 г.). По Речнику географийско-статистическому Србие Иована Гавриловича, изданному в Белграде в 1846 году, в Сербии на 849.286 душ населения было-церквей 298, монастырей 38, приходов 651, (т. е. 353 прихода, не имеющих церквей), мирских священников 652, монахов 123 (менее, чем по четыре человека на монастырь, – сербы, подобно всем южным славянам, весьма не склонны к монашеству). В Сербии нет замкнутого духовного сословия, и во священники может идти всякий желающий и достойный. Для приготовления в церковные степени в Белграде есть духовная семинария, с четырехгодичным курсом, основанная в 1836 г., в которую поступают по окончании курса в гимназии (Гласника XXIV, 83, Дентона *Serbien und die Serben*, в немецкой обработке Кёллина, Berlin, 1865, S.98).

До освобождения в Сербии, как и до настоящего времени в Турецкой империи, архиереи не получали от правительства жалованья, а сами непосредственно собирали с населения епархий известных названий оброки. Гражданское правительство сербское, желая положить предел произволу архиереев в назначении размера этих оброков, еще в 1816 г. назначило им определенную таксу³⁶², а в 1823 г. и совсем уничтожило главнейшие из них³⁶³, назначив архиереям жалование от казны. В настоящее время митрополит получает 2000 австрийских дукатов, а епископы по 1000 (Дентон *ibid* S. 97).

При начале восстания митрополитом белградским был грек Леонтий, по словам Ранке, столько же ненавистный сербам, как и туркам (в переводе Бартенева стр. 95 и 147).

Под 1817 годом упоминается, не знаем посредственный или непосредственный преемник Леонтия, грек Агафангел (ibid. стр. 243).

В 1831 г. поставлен был в митрополиты архимандрит монастыря Вратевшницы мелетий Павлович, первый из природных сербов. Ему наследовали:

Петр Иоаннович, поставленный 6 декабря 1833 г. и принужденный удалиться в Австрию после падения Александра Кара-Георгиевича в конце 1858 года.

Михаил, избранный на место Петра и занимающий престол до настоящего времени.

Дополнения и поправки

Сохранившиеся или открытые до настоящего времени болгарские официальные акты

Болгарских официальных актов, под которыми мы разумеем собственно хризовулы и грамоты царей, уцелело до настоящего времени или по крайней мере открыто по настоящее время так мало, что все они могут быть поименованы наперечет.

Хризовулы и грамоты, напечатанные сполна, суть следующие:

1. Иоанна Асеня 2-го грамота, данная рагузским купцам, без года, в Monumenta Serbica Мяклошича р. 2 и в Памятниках письменности южных славян Шафарика стр. 2 (Миклошич и Шафарик несправедливо усвоят ее Асеню 1-му).

2. Михаила Асеня договорная грамота с рагужанами против сербского короля Стефана Уроша, 1253 г. 15 июня, у Миклошича *ibid.* р. 35 и у Шафарика в Памятниках стр. 16.

3. Константина Асеня (Тиха или Теха) хризовул церкви великомуч. Георгия на Вирпине препо Скопии, без году, в Памятниках письменности южных славян Шафарика стр. 23, извлечение у Григоровича в Путеш. стр. 38.

4. Иоанна Шишмана хризовул рыльскому монастырю, 1379 г., в Гласнике VII, 184.

Известные только по указаниям:

11. Иоанна Калимана (или Калияна) Асеня хризовул афонскому Зографскому монастырю, 1192 г., у Миллера в *Verzeichniss der in den Athosklöstern aufbewahrten Urkunden*, напечатанном в I т. *Slawische Bibliothek* Миклошича; по всей вероятности, поддельный, см. Григоровича Путеш; стр. 71.

2. Иоанна Александра хризовул Зографскому монастырю, 1342 г., у Миллера *ibid.*, – у Григоровича Путеш. стр. 71 *fin.* разумеется, вероятно, он же.

3. Его же хризовул монастырю Св. Николая в месте нарицаемом Орехов (на Афоне, близ Протата), 1347 г. 1 декабря, у Миллера *ibid.*, у Григоровича Путеш. стр. 39.

4. Его же хризовул Рыльскому монастырю, неизвестного года, Григоровича Путеш. стрр. 150 и 155 *fin.*

5. Иоанна Шишмана хризовул о селе Витошь, подаренном церкви Богородицы Витошской, без году (Григор. Путеш. Стр. 73).

Г. Григорович во время своего путешествия по Афону не имел возможности видеть Протатского архива (Путеш. стр. 30 нач.), но патриарх терновский Евфимий в житии Параскевы терновской, сказав о многочисленности при Иоанне Асене 2-м епархий болгарского патриархата, отсылает читателя к славным его хризовулам, которые находятся «в славней лавре святыя горы протате» (Волокол. ркп. № 629, л. 162 об.).

(Один болгарин говорил нам, что один или два какие-то хризовулы напечатаны в болгарском журнале «Български книжици»; но в настоящее время мы имеем под руками только не многие книжки этого журнала, в которых нет никаких хризовулов.)

Список болгарских святых

Список болгарских святых с краткими известиями об их жизни составлен иеромонахом хилендарским Паисием, о котором см. ниже в дополнении к стр. 175, и помещен им на конце его «Истории славеноболгарской». Тот же список, без известий о жизни святых, повторен в книжке «Дарственник или история болгарская», напечатанной у Будиму, в 1844 т., стр. 79³⁶⁴. Так как Паисий перечисляет не только тех святых, которые действительно признаются болгарами, но и тех, которых он сам по чему-нибудь нашел нужным внести в список, то мы и не можем сказать, которым святым действительно празднуется болгарскою церковью и которых причисляет к лику святых только сам автор. Святых, пропущенных у Паисия или живших уже после него, заимствуем из книг: преосвященного Филарета: «Святые южных славян», г. Мартынова *Annis Ecclesiasticus Graeco-Slavicus*, из «Афонского Патерика» и из некоторых других источников, которые указываем. Дни празднования святым, которые у Паисия не означены, и годы их смерти выставляем по тем же книгам (при чем за годы древних святых вовсе не ручаемся). Для удобства при справках обозначаем в скобах, какие святые есть в помянутых выше книгах пресвящ. Филарета и г. Мартынова.

1) «Первый святой, краль (sic) Тривелия, нареченный Феоктист монах». Об этом, как мы думаем, мифологическом святом Паисий пишет: «Был в лето 703-е мало по шестом соборе вселенском, приял святое крещение, и крестился в то его царство весь народ болгарский; то первое крещение болгарское было при том святом крале Тривелии; он по малом времени, имея ревность и усердие к Христу Богу, оставил королевство и мирскую славу, соградил себе монастырь великий близь Охрида и в том монастыре приял монашеский чин и пребывал жестоким житием и скончал свято и богоугодно свой живот и преставился Богу в том монастыре» (не смешивает ли Паисий князя Тривелию или Тербела с кн. Телериком, который бежал в Константинополь и там был крещен?).

2) «Царь терновский блаженный и достопамятный Михаил или Иоанн», т. е. креститель Болгарии Борис-Михаил. Паисий между прочим пишет: «от него ся повлекло племя и род царей болгарских до Шишмана Иоанна последнего; вси ся на то его имя и титло подписывали, кои были от его племени, перво писал свое имя, какое ему было, потом Иоанн, *то есть* Иоаннович». Ни жития, ни службы нам неизвестно. Память 2 мая (в день кончины 907 г.; Филар., Март.).

3) Давид царь, старший брат царя Самуила. Паисий сообщает, что, волею передав правление брату, он принял монашеский образ и что мощи его нетленные из Бодены перенесены в Охрид. О настенном изображении царя Давида в церкви Рыльского монастыря см. у Григоровича в Путеш. стр. 151.

4) Царь Иоанн-Владимир, сын Аарона и племянник Самуила. По Паисию, который, очевидно, понимает тут Иоанна-Владислава и смешивает сего последнего с не совсем достоверным сербским святым Иоанном-Владимиром (см. в сербских святах), мощи его нетленно почивают в Елбасане.

5) Иоанн патриарх терновский, сомнительный, будто бы бывший при царе Асене старом или 1-м и венчавший его на царство (может быть весьма недолго правивший в начале правления Асеня 1-го, предшественник Василия 1-го).

6) Феофилакт, толкователь евангельский, известный архиепископ охридский конца XI-начала XII века, родом не болгарин, а грек, о котором выше стр. 42. Паисий вносит его в число болгарских святых, считая его за болгарина и утверждая, будто он «многи книги перевел на болгарский язык».

7) Евфимий, последний патриарх терновский (как об этом, так и о предшествующем у Паисия совершенное баснословие).

8) Иоаким 8-й, патриарх терновский, убитый царем Святославом, о котором выше стр. 83. Об этом Иоакиме и трех предшествующих патриархах Паисий говорит, ссылаясь на какую-то Кормчую, на 5-й лист.

9) Климент архиепископ охридский, т. е. известный Климент белицкий, † 916 г.

10) Наум (в Царств, охридский).

11) Еразм (sic, cfr Григоровича Путеш. стр. 120), т. е. Горазд (в Царств, охридский).

12) Ангелария или Ангеларий (в Царств, учитель охридский).

13) Савва (в Царств, епископ охридский).

Ученики Константина и Мефодия или, считая с самими первоучителями, так называемые седмичисленники. Мощи Климента находятся в Ахриде, в церкви его имени (Григоровича Путеш. стр. 115 fin.). Гроб Наума – в монастыре его имени, находящемся на юговосточном берегу Ахридского озера (ibid. стр. 127). Мощи Горазда и Ангелария в Белграде албанском или Берате, в тамошней кафедральной митрополичьей церкви (см. Περιγραφή τῆς ἱερᾶς μητροπόλεως Βελεγράδων, митр. Анфима, ἐν Κερκύρα, 1868, σελ. 112, – а монастырь Горазда близь Берата, который стоит на карте, приложенной к Путешествию Григоровича, в действительности не существует). О мощах Саввы нам ничего неизвестно. Память всех седмичисленников 27 июля, отдельно Климента 25 ноября, Наума 20 июня (Филар., Март.).

14) Николай, архиепископ охридский, будто бы, как пишется в житии его (ныне неизвестном), ставивший в епископы Илариона меглинского.

15) Иларион, епископ меглинский. Родом, по всей вероятности, не болгарин, как думают некоторые, а константинопольский грек (знатного происхождения). Если достоверны наши сведения, поставлен был в епископы меглинские около в 1134 (см. выше стр. 44) архиепископом ахридским Евстафием (в Евфим. житии), и умер после 30-летнего пребывания на кафедре в 1164 г. (выше ibid.). Во время своего продолжительного управления меглинской кафедрой усердно и, по словам жизнеописателя, успешно боролся с находившимися в его епархии еретиками манихеями или богомилами и с армянами³⁶⁵, так что наконец успел обратить к церкви большую часть тех и других. Патриарх Евфимий в житии Илариона прибавляет, что «ересь арменская толико (тогда) возмогла бе, яко и кир Мануилу царю греческому в мале не отпасти благочестивыя наша веры, аще не блаженным

Иларионом укреплен бысть догматскими словесы». Мощи Илариона перенесены были из Меглина или Моглены в Тернов (и положены здесь в монастыре 40 мучеников) царем Иоанном Калияном. Память 21 октября. Житие Илариона меглинского, написанное Евфимием патриархом терновским, в Волокол. ркп. № № 654 и 655, в Троицк. Лавск. ркп. № 686 (Филар., Март.).

16) Никодим мироточец, неизвестно когда подвизавшийся в странах охридских (по Царств, прилепских); мощи его после перенесены были в Белгра арнаутский, или албанский, где, по Паисию, и до ныне пребывают нетленны. О настенном его изображении в церкви Рыльского монастыря у Григоровича Путеш. стр. 151 (преосвящ. Филарет под 11 июля считает нашего Никодима за одного и того же с Никодимом албанским, пострадавшим от турок в 1742 г., как кажется, неправильно).

17) Иоанн рыльский, суровый пустынножитель, знаменитый святой болгарской церкви и патрон болгарского народа³⁶⁶, подвизавшийся в правление царя Петра. Он был рождением из села Скрино, в пределах средечских или софийских; после смерти родителей он постригся в монахи и поступил в монастырь, но недолго побыв в монастыре, ушел из него, чтобы подвизаться пустынным житием. Сначала (немалое время) он подвизался на одной горе, потом 12 лет в одной темной зело и мрачной пещере, затем в дупле одного дуба и наконец семь лет слишком на одном недоступном каменном утесе, при подошве которого основал существующий до настоящего времени Рыльский монастырь. Скончался, как принимают, в 946 г. слишком 70 лет от роду. Мощи его, когда «времени немалу прешедшу» после смерти обретены были нетленными, перенесены были в город Средец или Софию. Отсюда, во время одной войны, они похищены были венграми и положены в городе «Остриагомь», но в 1187 г. снова возвращены были на свое прежнее место. Царь Иоанн Асень 2-й (с патриархом Василием 1-м) в 1195 г. перенес их в Тернов, где они положены были «в славнем граде Трапезици»³⁶⁷, в построенной в честь святого церкви, а в 1469 г. монахами Рыльского монастыря снова перенесены были в Рыльский монастырь, в котором

остаются и до настоящего времени. (О Рыльском монастыре, находящемся в расложском округе, – на северо-запад от Раслога и на юго-восток от Дубницы, на реке Рило, впадающей с левой стороны в Струму или Карасу, см. у Григоровича в Путеш. стр. 148; о постнице или ските Иоанна рыльского, где он подвизался, *ibid.* стр. 156 нач.) Житие Иоанна рыльского, написанное патриархом терновским Евфимием и дополненное Владиславом грамматиком, напечатано в Гласнике XXII, 265; другое житие, написанное неизвестным и как кажется не болгаринном, а константинопольским греком, в правление греческого импер. Мануила, в Волокол. рkp. № 591. 128 (Надписание: «Житие и жизнь иже в святых отца нашего Иоанна пустынножителя рыльского, иже в трапезици лежащего и по вся дни великия свторяя чудеса». Нач. «Священное начати поведание желание убо понуждает мя»; об авторе см. лл. 129, 130 об. fin.. 138 sqq); краткое (проложное) житие Иоанна рыльского напечатано в Известиях Акад. Наук т. VIII, стр. 150. Память 18 августа и 19 октября (Филар., Март.).

18) Прохор пшинский.

19) Гавриил лесновский.

20) Иоаким сарандапорский или осоговский. По житию Иоакима сарандапорского, написанному неизвестным и напечатанному в статье В. Ламанского «О некоторых рукописях в Белграде, Загребе и Вене», приложенной к VI книжке Записок Акад. Наук, стр. 123, 1864 г., и в Гласнике XXII, 242; «четверица» святых – Иоанн рыльский, Прохор пшинский, Гавриил лесновский и сей Иоаким сарандапорский были современники и соревнители в подвигах пустынного жития. Прохор подвизался в пустынях вранянских на реке Пшине, которая ниже Спокии впадает с левой стороны в Вардар (см. в *Reise von Belgrad nach Salonik* Гана 1-ю карту, приложенную к 1-му изданию, -в епархии скопской, прибавляет Паисий); Гавриил – в Лесновской горе, которая недалеко от Кратова, в области овчепольской, в хоре злетовской (см. Даничица Речник под словом Лесьново, Гласн. ХШ, 296 и у Ламанского *ibid.* стр. 19, – в епархии истибской или щибской, по Паисию); Иоаким – в стране овчепольской, в месте называемом Сарандапорь, в подкрылии горы Осоговские, в

потоке называемом Бабин дол, при реке Скупице. Память Гавриила и Прохора 15 января, Иоакима 16 августа (Филар.) Весьма краткое житие Гавриила лесновского, сообщающее, что мощи его после перенесены были в град Тернов и положены «в трапезици у святых апостол», у Ламанского *ibid.* стр: 120.

21) Иоанникий девический. Святый не болгарский, а сербский (см. ниже); по словам Паисия, подвизался в горе Девиче, на пределе Сербии и Болгарии, в епархии грачаницкой, на Белом поле, и мощи его, источая миро, находятся в монастыре Девиченском.

22) Феодосий терновский, подвизавшийся в первой половине XIV века. Родом был из окрестностей Бдина или Виддина; приняв пострижение монашеское в бдинском монастыре Арчар, отсюда переселился в Тернов, в монастырь так-называемый Святая гора (о котором Гласн. IX, 253), а из сего последнего в Червены или Рушук, в неизвестный по имени монастырь; из Червен отошел в гору Сливенскую, в монастырь Епикернев, а отсюда перешел в Параорский монастырь³⁶⁸ к Св. Григорию Синанту (житие которого см. в Афонском Патерике ч. I, стр. 348). После смерти Григория снова возвратился в Сливенскую гору, откуда отправился на Афон, а потом в Солунь и в Месембрию, в скит Антония Нового. Побывав затем в Константинополе и опять в Сливне, отошел в гору Емонскую, лежащую близ Месембрии. Принужденный удалиться отсюда по причине разбойников, поселился с дозволения царя Иоанна-Александра в месте называемом Килфарево, где и основал свой собственный монастырь. По прошествии немалого времени, когда турки пленили всю Македонию и «ниже тамо тех оставляли безмолвствовати», Феодосий принужден был переселиться, по указанию царя Иоанна-Александра, в одну зело твердую и неприступную пещеру, отстоящую от Тернова на 20 поприщ. После трех лет, проведенных здесь, пожелал видеться с своим другом и соучеником у Григория Синаита, тогдашним константинопольским патриархом Каллистом; почему отправился в Константинополь, и здесь, поселенный Каллистом в построенном им монастыре Св. Маманта, «время немало пребыв», и преставился около 1360 г. Феодосий

принимал весьма живое участие в делах болгарской церкви, обуревавшейся тогда различными ересями. Житие его, написанное сейчас помянутым патр. Каллистом и весьма интересное подробностями об еретиках, напечатано в славянском переводе в Чтениях Общ. Ист. и Древн., 1860 г. кн. I, отд. III. День преставления 27 ноября (у преосв. Филарета под 17 февраля, у Мартынова под 28 января).

23) Марк, митрополит преславский. По словам Паисия, согласным с свидетельством патр. Евфимия (житие Параскевы терновской, Волокол. рукоп. № 629, л. 163 об. нач.), он перенес мощи Св. Параскевы от Епиват в Тернов, след. был при царе Иоанне Асене 2-м.

24) Косьма зографский, монах афонского Зографского монастыря; подвизался близь этого монастыря в одной пещере (Паисий ссылается на неизвестное его житие). См. Афонский Патерик, ч. I, стр. 258 (по сему последнему, Косьма † 22 сентября 1323 г.).

25) Симон терновский.

26) Симон петровский (по Царств. -каменский). Подвизался на Афоне в одной малой каменной пещере (от чего и прозвание); построил будто бы, при пособии венгерского короля; у которого исцелял дочь, афонский монастырь Симо-Петру. По Афонскому Патерику (ч. I, стр. 248), † 1257 г. Память 28 декабря.

27) Филофей скитский. Подвизался неизвестно когда на Афоне и построил будто бы афонский монастырь Филофей или Филофеевский; скончался в неизвестном году в Адрианополе, где брат его Дионисий был митрополитом (по Барскому Путеш., изд. 5-го стр. 578, жил до 1492 г.).

28) Пимин зографский. Был родом из софийской епархии; сначала подвизался на Афоне, а потом отошел в сейчас названную епархию, и так как был искусством живописец, а турецкое правительство позволяло тогда обновлять церкви, то возобновил в помянутой епархии многие церкви и монастыри. Преставился в 1610 году.

29) Михаил Воин. Паисий сообщает: «Святой Михаил Воин, от села Потука (в другом списке Потака, в Царств. Потока), был

в сливенской епископии, родом болгарин, но греком воевал и имел великий чин воинский, и был храбр во бранех и Святым житием, молитвою и мечем убил змия страшного, и царь Иоанн от Потука в Тернов в церковь 40 мучеников принес мощи его». По древнему болгарскому синаксарю (напечатанному в Известиях Акад. Наук VIII, 153), он жил при князе Борисе-Михаиле, крестителе Болгарии; служа грекам он участвовал в походе против агарян, который, по соображениям преосвященного Филарета, не знаем насколько основательным (под 22 ноября), есть тот самый, о котором говорится в известиях о нашествии руссов (Аскольда и Дира) на Константинополь. Мощи перенесены были из Потука в Тернов при царе Калоианне и патриархе Василии 1-м. Память 22 ноября (Март.).

30) Димитрий басарабовский или новый. Был состоянием мирянин, занятием пастух. Подвизался пустынным житием и скончался в 1685 году. Мощи его из пустыни перенесены были в село Басарабово, близ Свищова, в епархии терновской, от чего и получил прозвание басарабовского.

31) Мученики зографские, числом 25, избитые от латинян, т. е. от так-называемых кателянов или каталанов, толпы испанских авантюристов, которые в 1302 г. наняты были греческим импер. Андроником 2-м против турок, но которые потом обратились против самих нанимателей и шайки которых разбойничали на Афоне и осаждали тамошние монастыри, добираясь до их богатств, в 1308–1310 г. (см. Энциклопедии Эрша и Грубера, первой секции т. 85, стр. 379 sqq, Шафарика *Geschichte der Südslawisch. Literatur* III, 116 sqq и в сербском Родослове, в житии архиеп. Даниила 2-го, по изд. Даничича стр. 344 sqq).

32) Мученики софийские: Георгий, Николай и Ферапонт, посеченные турками в правление султана Селима; мощи в Софии. Мучение первого, написанное не назвавшим себя по имени духовным отцом его, напечатано в Гласнике XXI, 131; по этому мучению, Георгий был родом из Кратова, пострадал в Софии от турок 18-ти-летним юношей в третье лето султана Селима, в 7 тысяч и 23 лето или в 1515 году; служба ему там же

стр. 104. Память 11 Февраля и 28 мая (Филар., Март, и Пролог. В собраниях рукописей Ундольского, № 563, л. 640 и Царского № 411, л. 211, есть мучение сего Георгия, написанное в 1539 г., по приказанию архиепископа новгородского (после митрополита московского) Макария, монахом и пресвитером новгородского архиерейского дома Илиею, со слов двух приходивших в Новгород афонских зографских монахов, у Ундольского лл. 641 об и 654 об.).

33) Ангел, битольский мученик, от села Флорина, пострадавший от турок в 1750 г. Страдание его, по словам Паисия, описал по-гречески тогдашний владыка битольский.

34) Манассий (Царств. мученик) габровский. На сем святом, не сообщая о нем никаких биографических сведений, оканчивает свой список Паисий.

35) Васса мученица, девица от страны солунския.

36) Игнатий тулевский.

37) Евфимий сербский. Эти трое святых, пропущенные у Паисия по известным нам спискам, стоят, без всяких биографических сведений, в списке Царственника.

38) Боян князь. Имя этого святого, под которым разумеется Енработа или Боин архиеп. Феофилакта, дядя Бориса-Михаила (выше стр. 6 и 21), записано в святцах мосхопольского издания служб болгарским святым (у Мартынова под 28 ноября, у преосвящ. Филарета под 28 марта).

39) Царь Петр, сын Симеона и внук Бориса-Михаила³⁶⁹. Станным образом он пропущен у Паисия, и в Царственнике. На листке месяцеслова, находящемся у Григоровича под неизвестным месяцем и числом (вместе с Ипполитом, папою римским, Св. Савлиром и Святым муч. Феофилом) записано: «в той же день память преподобного отца нашего Петра царе болгарского» (см. книжку Григоровича: Статьи, касающиеся древнего славянского языка, Казань, 1852, стр. 92). Равным образом имя его читается в болгарском синаксаре 1330 г. (под 30 января: Св. мученика Ипполита папы римского «и Петра царе Българьска», см. статью В. Ламанского «О некоторых славянских рукописях» и пр., стр. 120. То же в Румянцевском южно-славянском Прологе XIV в., у Восток. № 319, стр. 449, гл.

30). Фабриций в своей *Bibliotheca Graeca*, по изданию Гарлеса VII, 598, основываясь на Монфоконовой *Bibliotheca Bibliothecarum MSS. I*, 505, сообщает странное известие, будто в одном Медиоланском амброзианском кодексе есть сочинение Феофилакта, архиепископа болгарского. «*Dialogus de rebus naturalibus ad Petrum Bulgariae regem, item vita ejusdem*».

40) Николай Воин. Память его под 24 октября в одной харатейной болгарской Минее (Прологе). По краткому житию, помещенному в той же Минее (и напечатанному в Известиях Акад. Наук VIII, 154), он подвизался при греческом императоре Никифоре, под которым, вероятно, разумеется Никифор Фока.

41) Лука, племянник Иоанна рыльского, сын его брата, тайно ушедший к нему из дома и подвизавшийся вместе с ним в пустыне (Евфимиево житие Иоанна рыльского, Гласн. XXII, 269 sqq. О постнице или ските Св. Луки, находящемся близ Рыльского монастыря, у Григоровича в Путешествии стр. 156).

42) Параскева терновская, Параскевия, Петка или Пятница, Неделя. Родом из Епиват, в южной Фракии, на берегу Средиземного моря; подвизалась подвигами девства и сурового пустынного жития в конце X или в начале XI века³⁷⁰. Мощи Параскевы перенес из Епиват в Тернов Иоанн Асень 2-й, купив их у латинян, которые владели тогда Константинополем и его окрестностями. После взятия Тернова турками, они перенесены были из него сначала не надолго в Виддин, а потом женой сербского князя Лазаря в сербскую землю. Житие Параскевы терновской, написанное по просьбе царя патриархом терновским Евфимием и дополненное (известием о перенесении мощей в Сербию) Григорием Цамблаком, напечатано в Гласнике VIII, 131, в рукописях Волокол. библиот. № 629, л. 154, Троицк. Лаврск. №№ 630, 755 и 805).

43) Филофея терновская, родом из города Моливота в Памфилии, в Малой Азии; подвизалась подвигом целомудрия и пустынного жития в неизвестное время. Мощи Филофеи принесены были в Тернов и положены в церкви Богородицы, нарицаемой «темнишьская», царем Иоанном Калийном. О перенесении мощей из Тернова в Виддин см. выше прим. 19. Житие Филофеи, написанное патр, терновским Евфимием, в

Лаврск. Троицк, рукоп. № 676, л. 745 об., № 754, л. 291 об. и № 745. О похвальном слове Иоасафа виддинского выше там же.

44) Филофея ардгшская в Валахии, родом из Тернова, пострадавшая будто бы от своего отца в 1060 г. (не совсем достоверная, у Мартынова под 7 декабря).

45) Петр меглинский. О церкви в честь его упоминает Григорович в Путеш. стр. 176 нач.

46) Петр корицкий или чернорецкий. Подвизался в пустыне близь Призрена в правление сербского царя Степана Душана. Житие его, написанное монахом Феодосием, находится в одной рукописи Рыльского монастыря, а новый список, снятый с этой рукописи, у А. Ф. Гильфердинга (у преосвящ. Филарета под 5 июня, у Мартынова под 25 ноября).

47) Ромил пустынножитель, родом из Бдина или Виддина, по отце грек; по матери болгарин, подвизавшийся в половине XIV века. Приняв пострижение монашеское в терновском монастыре, так называемом Святая гора, перешел отсюда в Параорский монастырь к Григорию Синаиту; затем подвизался – в месте, нарицаемом Мокры, отстоящем на день от Тернова, опять в Параорском монастыре, монастыре Мелана, находящемся в подкрылии Св. горы, в городе Авлоне (после 1371 г.), и скончался в Сербии в монастыре Раваница (извлечение из жития его, написанного учеником его Григорием, в Гласнике IX, 253; у Мартынова под 11 января, у преосвящ. Филарета в указателе под 24 ноября).

Новые мученики, пострадавшие от турок:

48) Дамаскин, из селения Габрово в терновской епархии, пострадавший в 1771 г. (в Афонском Патерике, ч. 2, стр. 193, под 16 января; у преосвящ. Филарета и у Мартынова под тем же числом).

49) Иоанн, пострадавший в 1784 (в Афонском Патерике, ч. 2, стр. 215, под 5 марта; у пресвящ. Филарета под 4 марта, у Мартынова под 5 марта).

50) Игнатий, из селения Эски-Загра в епархии терновской, пострадавший от турок в 1814 г. (в Афонском Патерике, ч. 2, стр. 306, память 20 октября и 1 мая; у преосвящ. Филарета под 8 октября).

51) Онуфрий, из помянутого выше селения Габрово, пострадавший в 1818 г. (в Афонском Патерике, ч. 2, стр. 335, под 4 января, у преосвящ. Филарета под тем же числом).

52) Злата, из селения Златив в меглинской епархии; вероятно, болгарыня, как показывает самое имя; пострадала в 1795 г. (у преосвящ. Филарета под 18 октября).

(В святцах Мстиславова Евангелия конца XI-начала XII века под 8 января записана «память святого Григория епископа Мисии» (Извест. Акад. Наук IX, 122), неизвестно когда жившего, но вероятнее, что еще во времена доболгарские. Архиепископ Феофилакт в Тивериупольских мучениках (§ 37) причисляет к болгарским святым Германа кованицкого, который был родом из малой Азии, пришел в Европу и Подвизался в построенном им монастыре Козиницком близ Амфиполя, в югозападной Фракии, в правление болгарского вел. князя Бориса-Михаила. Житие у Болландистов, 3 том, месяца мая, р. 161 и appendix; помнится, есть на русском языке Описание Козиницкого монастыря.)

Список сербских святых

КНЯЗЬЯ:

1) Иоанн-Владимир, князь. По синаксарю Сербляка, он был владетель Зеты, сын Петрислава, внук Хвалимира. Быв взят в плен болгарским царем Самуилом, он женился на дочери его Косаре; в 1015 г. он был вероломно убит племянником Самуила Владиславом. Память 22 мая (в Сербляке служба и синаксарь; Филар., Март, и у нас выше).

2) Стефан Неманя, в монашестве Симеон. Древние жития: 1) Стефана Первовенчанного, 2) Св. Саввы, оба напечатаны в Памятниках Шафарика; 3) Дометианово, напечатано г. Даничицем; похвала общая с Св. Саввой в Волокол. рукоп. № 620 после жития Саввы, и у Ундольского № 231, л. 187. Память 13 февр. (в Сербляке служба и синаксарь; Филар. Март.).

3) Стефан Первовенчаный, в монашестве Симон. Древнего жития неизвестно; память 24 сентября (в Сербляке служба, акафист и синаксарь; Филар., Март.).

4) Стефан Милутин, Урош 2-й. Память 30 октября (в Сербляке служба и синаксарь; Филар., Март.).

5) Стефан Дечанский, Урош 3-й. Житие, написанное Григорием Цамблаком, напечатано в Arkiv'e Сакцинского кн. 4 и в Гласнике кн. XI. Память 11 ноября (в Сербляке служба, акафист и синаксарь; Филар., Март.).

6) Урош младый царь, сын Стефана Душана. Житие, написанное патр. Паисием, напечатано в Гласнике кн. XXII. Память 2 декабря (в Сербляке служба и синаксарь; Филар., Март.).

7) Лазарь деспот. Краткая повесть о нем неизвестного в Гласнике XXI, 158. Память 15 июня (в Сербляке служба и синаксарь; Филар., Март.).

8) Стефан новый или высокий, сын деспота Лазаря. Житие, написанное Константином костенчским, в рукописях. Память 9 октября (в Сербляке служба и синаксарь; Филар., Март., – у первого под 19 июля

9) Иоанн деспот, сын деспота Стефана, сына Юрия Бранковича. Память 10 декабря (в Сербляке служба и синаксарь; Филар., Март., cfr Сношения с Востоком Муравьева I, 18 и 19).

10) Ангелина деспотица, жена деспота Стефана, сына Юрия Бранковича, и мать предшествовавшего Иоанна. Память 30 июля (в Сербляке служба и синаксарь; Филар., Март., – у первого под 10 декабря).

Архиепископы и патриархи:

1) Савва первый архиепископ. Жития – 1) написанное Дометианом. 2) написанное неизвестным, по всей вероятности учеником Дометиана Феодором, напечатаны г. Даничицем. Память 14 января (в Сербляке служба и синаксарь; Филар., Март.).

2) Арсений архиепископ. Память 28 октября (в Сербляке служба и синаксарь; Филар., Март.).

3) Савва 2-й архиепископ. Память 8 февраля (в Сербляке служба без синаксаря; Филар., Март.).

4) Евстафий архиепископ. Память 4 января (в Сербляке служба без синаксаря; Филар., Март.).

5) Никодим архиепископ. Память 11 мая (в Сербляке служба без синаксаря; Филар.).

6) Даниил 2-й архиепископ. Память 20 декабря (в Сербляке служба без синаксаря; Филар.).

7) Иоанникий патриарх. Память 3 сентября (в Сербляке служба без синаксаря; Филар.).

8) Ефрем патриарх. Память 16 июня (в Сербляке служба и синаксарь; Филар., Март.).

Остальные:

1) Иоанникий девический, девицкий или чернорецкий. По синаксарю Сербляка, происходил из нынешней австрийской Далмации, подвизался подвигом пустынного жития в правление Юрия Бранковича. При пособии сейчас названного деспота построил монастырь Девический или девицкий на реке Ибаре или Ибре. Память 2 декабря (в Сербляке служба и синаксарь; у преосвящ. Филар. под 26 апреля, у Мартынова под 4 ноября).

2) Стефан Щилянович. По синаксарю Сербляка, служил в воинском сане сначала деспоту сербскому незадолго до падения сербского царства, потом королю угорскому. «Присно подвизался во благих, яже суть; милостыня, чистота, молитва, вера православная и любовь нелицемерная к ближним». Повесть вкратце о нем написана патр. Паисием (Гласника XXII, 232 прим., о пространном житии см. у Шафарика в *Geschichte d. Südslaw. Literat.* III, 198 нач. По словам патр. Паисия, Стефан призван был в Венгрию из своей родины Захолмии женой деспота сербо-венгерских переселенцев Иоанна Бранковича-Еленой, которая после смерти мужа, не имея потомков мужского пола, передала ему, как родственнику княжеского дома, деспотское достоинство. Умер он, по свидетельству того же Паисия, 4 октября 1508 г., см. у Чапловича в *Slavonien und zum Theil Croatien*, Pesth, 1819, ч. II, S. 182. Cfr однако Сношения России с Востоком по делам церковным Муравьева ч. I, стр. 14 sqq, где в 1509 г., и кажется и ранее, деспотом не

Стефан, а Иваниска латинской веры). Память 4 октября (в Сербляке служба и синаксарь; Филар., Март.).

3) Максим, митрополит угровлахийский, родом серб, сын деспота Стефана, внук Юрия Бранковича. Краткое житие его в Гласнике XI, 123. Память 18 января (в Сербляке служба и синаксарь; Март, и выше у нас в истории угровлах. церкви).

4) Василий острожский. По синаксарю Сербляка, уроженец герцоговинский, постриженник требиньский, митрополит захолмский и скендерийский, подвизавшийся неизвестно когда, почивающий в Остроге, в Черной горе. Память 29 апреля (в Сербляке служба и синаксарь; по Мартынову, под 22 декабря, он был после патриархом пекским и занимал кафедру будто бы в первой половине XVII века; Филар.).

Службы поименованным двадцати двум святым помещены в Сербляке, изданном третьим изданием в Белграде, в 1861 г., благословением и тщанием митрополита всея Сербии Михаила; из этого мы заключаем, что всем этим святым празднуется сербскою церковью. В предисловии к Сербляку издатель говорит: «надлежало бы вам в сем издании вместить еще молебные правила и сих святых угодников Божиих: (23) святого Григория сербского архиепископа, иже бе от корене Неманичей, егоже мощи быша в монастыре Куманице на реце Лиме³⁷¹: (24) святого и преподобного Стефана, егоже мощи почивают в Пипере и (25) святого новоявленного Петра Черные горы митрополита: обаче ничтоже от них ныне обрести возмогахом».

Ко всем этим святым преосвящ. Филарет присоединяет еще:

26) Патриарха Макария 1-го, жившего в половине XVI века (под 30 августа, II, 77).

27) Патриарха Гавриила Раича, жившего в половине XVII в. (под тем же числом, II, 79).

28) Григория, монаха афонского, неизвестно когда подвизавшегося и построившего монастырь Григориат (под 7 декабря, cfr Барского, изд. 5 стр. 148).

Болгарские церковные соборы

Внутренней истории болгарской церкви, по причине почти совершенного отсутствия источников, мы было совсем не хотели касаться. Но теперь, по некоторым соображениям, решаемся записать по крайней мере то немногое, что знаем.

Церковных соборов, бывших в Болгарии, нам известно в настоящее время три – один, бывший при царе Борисе 3-м или Борице, и два при Иоанне-Александре.

Собор, бывший при Борисе, имел место в 1210 г. и созван был против богомилов. В так-называемом синодике Бориса (напечатанном г. Палаузовым в 21 кн. Временника Общ. Ист. и Древн. стр. 7) записано о нем следующее:.... (запись без начала) «душевным желанием разжегся (царь Борис) посла собрати их (богомилов) по всей области своей, якоже некие плевелы в снопы, и повеле снитися собору. Сшедшимся же убо архиереем всем, священником же и иноком и всем боляром и множеству многу прочего народа, яко убо сих всех сшедшихся уведо царь, абие с светлою багрянницею изшед, седе в иже тогда единой от великих церквей, и собору сюду и сюду предсесящу повеле привести нечестия сеятели, и не абие тем напрасно (тотчас) запрети, но с великою хитростию тех улови, рек тем всяк страх от себе отринути и с дерзновением глаголати хульное тех учение. Они же, уловлени царем и иже с ним сказаша подробну всю злославную их ересь. Царь же и иже с ним мудрыми вопросы тем на мнозе отговариваша от божественных писаний, дондеже обличиша злославное тех мудрование. Они же, якоже рыбы безгласны стояще, недоумением отвсюду содержими беху. Благочестивый же царь, сих посрамленных до конца виде и дьявола падша и низложена, Христа же величаема, радости исполни и повеле тех блюсти и тех иже от них прельщенных. Яко убо они сия видеша, паки притекоша к соборной церкви, а иже не покоришася православному собору, предани быша различным казнем и заточению. И посем повеле благочестивый царь Борис переписать (перевести) соборник от греческого в болгарский свой

язык, и повелением его и сей святой собор вписан бысть в православные соборы, яко да прочитается в первую неделю святых пост, якоже святии отцы изначала соборней и апостольстей церкви предаша, прежде бо царства его никто же ин сотвори православный сей (т. е. в первую неделю Вел. поста) собор. Сия же вся сотворишася и повелена быша от благочестивого царя Бориса в лето 6718, индиктион 14, луны 11 лет, солнечного круга лет 15, месяца февраля 11 в день пяток сыропостной недели».

Первый собор, бывший при царе Иоанне-Александре, созван был против тех же богомилов. В житии Феодосия терновского, который принимал деятельное участие в обличении еретиков на соборе, пишется о нем следующее: «Инокня некая именем ирина, в солуне живущи, в чистоте убо себе жити показоваше, отай же и сокровенне всякой скверне и нечистоте делательница бяше. Уведевше же сию мнози от монахов сицеву быти, начата часто тамо собиратися. Сия убо всескверная, навывши ересь масалианскую, в тайне сию предающе всем, иже к ней, скверного ради делания, приходящим. На мнозе распростревшихся, множество иноков от нее обяти бывше прелестию, и во святую гору афонскую вшедше и на лики разделяшеся по всю святую гору, и зело оскорбляху иже тамо сущий монастыри, яко они нищи и просители, и аще где обретахуся не имети тем хлеб, или питье, или дрова, посекаху масличие, елико вне монастырей обретахуся, множицею и ина прочая, и еже аще что мнится быти пакостно, творяху. Таковой бо ереси на трилетное простершися время, или и выше, святые они горы отцы, не терпяще тех нечестивую ересь, купно же и премногие пакости и безстудие, собор сотворше и тех прелести и злохитрство изобличивше, и всячески тех отгнавше, и конечному проклятию предаша. От сих два некая в тернов преидоша, единому имя лазар, другому же кирилл, прозванием босота, и ту немного пребывше время, намнозе свою прелесть не возмогаша таити, но лазарь убо юродствовати начат, ходящи наг в вес град, на срамных же удех тыкву ношаше, тою покрывашеся, странен и грозен позор всем зрящим, и детородным удом, их же чадородия бог человеком

дарова, сам казнитель. Кирилл же, предреченный босота, начат помалу нечестивую свою изьявляти ересь, овогда убо святыя хуляше иконы, овогда же святое попираше, овогда же честный и животворящий крест. К сим и пития в домах, и различные скверные снеди, сонная же мечтания боговидения быти учаше, женам же и мужием законного брака отступати учаше, и иная таковая многа, скверна же и хулна. Притяжа же и ученика подобна себе злонравию, скверного паппа стефана, ничим же остающа от тогова злобесия, и скверные того ереси опасна хранителя. Сим всем намнозе простревшимся и злomu всем ведому бывшу, иже тогда церкви предстательствуяй патриарх, прост сый, недоумевашеся отвсюду. Призвав же божественного феодосия и ведома тому вся сотвори, он же събору быти повеле и злomu в истязание приити. Цареви же ведома сия бывша и опасне извещению, царь же повеле собору быти, и тому с патриархом седшу, и всему причту церковному и сигклиту вкупе. Приидоша же и скверные ереси сквернии сеятеле, повеленно же бысть блаженному феодосию въпросы творити к ним, купно же и ответы. Он же тех вопрошаше, глаголя: что есть новое сие и вне церковного чина ваше учение, еже слышим вас учаще; они же отвещающе, реша: не ново есть изобретение, яко же ты глаголеши, ниже вне церковного чина, но господни суть словеса во святом евангелии глаголанны и апостольские заповеди, господу глаголющу: не делайте брашно гибнущее, но пребывающее в животе вечном. И паки: блажени нищии духом. Сим убо мы последуем заповеден, нищету лобзаем, непрестанно молимся, а на естество не востаем, и ина таковая, сего ради и блажими есмы от господа нищии духом, тем же и весь мир обходим, слово жизни храняще. Премудрый же противу сим отвеща, глаголя: господу не о брашне и снеди телесней сие быти рекшу, но о божественных своих заповедех, нам же повеле на всякий час молитися и хлеб насущный просити. Подобне же и апостолу глаголющу: руке мои послужиста мне и сущим со мною, а не обходити грады и веси, и упиватися и объядати, и себе священники и диаконы нарицати, и учити без стыдения ниже рукоположения имуще от епископа, ниже повеления учительства. Кто повеле вам учити

отступали людем законного брака, ниже ручного дела делати, и детородные уди отрезовати; кто вас научи, который пророк, который апостол, которая евангельская книга, сонная мечтания боговидения творити, божественному писанию поучающе, иже сном веруяй подобен есть свою сень гонящему, и ту покушающися яти ю; апостолу о брацех законных узаконившу и глаголющу: брак честен и ложе нескверно, блудником же и прелюбодеем судит бог. И господу рекшу: яже бог сочета, человек да не разлучит. Вы же есте не духом нищии, но духом нечистым сокровища их же и учителя и владыки имате. Который бес пошепта вам естественным страstem даяти вмещение; или естество наше рабу быти бесом и глаголати: не бог убо естество наше раба бесом устрой, но свободно и самовластно, бесы же ратницы суть и сопротивницы, и борят естество наше, и в нашем произволении есть вся. Аще убо тем покоримся совету их, яве яко и подручницы тех будем, аще ли ни, они посрамлени будут, мы же великим венцем сподобимся, темже в нашем произволении есть или покоритися, или отразити. Откуда дерзаете глаголати два начала суть, едино убо благо, другое же зло; ибо убо благое владеет, еже на земли, небесное же сопротивному обладали. И аще убо сия тако имеют, како нас научи глаголати в молитве: Отче наш, иже на небесех, да будет воля твоя, яко на небеси и на земли, темже небу и земли и всей твари хитрец и содетель есть бог. Который бес научи вас попирати святыя иконы, и животворящий крест, и прочия священныя сосуди, еще же и святым тайнам яко просто причащатися хлебу, дерзновенне же и без страха, но и ястие оскверняли и пития христианские, и егда увидими будете, вы же кленетесь различными клятвами, без страха же и без срама; тем же вы есте воистинну законопротивницы, евангелстии преступницы, вере досадители, прелестницы, и лестцы и клятвопреступницы, тако же господу глаголющу: аз же глаголю вам, не кленитесь отнюд. И егда обличени будете, яко еретицы, тогда масалианские ереси отрицаетесь, и проклинате ю, яко злу сущу, и заклинаньми страшными себе извествуете, и мните, никако же согрешати, ради належащего вам страха, и егда малу некую отраду примете, паки, яко же пси на свою блювотину,

вашу гнусную веру, возвращаете. Сия и сим подобная блаженному изрекшу феодосию, стояху они, яко же безгласны. Царь же, яко виде тех до конца посрамлени, возрадовася зело и весь благочестивых собор, и величашеся, яко же бы реши по писанному: дом давидов, умаляшеся дом сау- лов, и яко убо истинным обличенна бысть лжа, и злославныя велий обят студ. Лазарь убо, разумев прелести, в покаяние прииде и даже до конца пребысть. Скверный же босота со единомудренны учеником, стефаном, окаменени пребыша. Сего ради благочестивейший царь тех суемудренныя виде, железы ражжени лица их сожеши повеле и от предел своих изгнанны сотвори. Сице уже собору совершившуся и светлые приемшу подвиги, вси кийждо в своя си разидошася» (в Чтениях. Общ. Ист. и Древн. 1860 г. кн. I, л. 5 обор. – 6 обор.).

Другой собор, происходивший при тот же Иоанне-Александре, был на иудеев или жидов, которые, пользуясь тем обстоятельством, что тогдашняя царица болгарская, вторая жена Иоанна-Александра, была из рода еврейского³⁷², открыто осмеливались хулить христианство. Об этом соборе записано в том же житии Феодосия терновского. По напечатанному списку жития, год собора 1360; но это неправда, – он был неизвестно когда до 1356 г. (см. выше стр. 85 fin.). В житии читается: «Лукавый и неблагодарный род иудейский иногда подвижесе на сотворшего и бога, первее убо богопротивницы явишася, пророки избиша, проповедающие о пришествии сына божия, последи же и на самого спаса возвысишася, и даже до креста и смерти шаташася, тем же и бог отъял им достояние свое, и в расхищение римскому языку тех предаде, от туду же и по всей вселенной рассеяшася, и тако пребудут до скончания века, имуще вечное поношение. Они же окаменени суще и не понимающе рекшего: яко кляхся во гневе моем, аще внидут в покой мой, но еще касаются, дерзнуша хулити на иконы господа нашего иисуса христа, и на пречистую его мать, пресвятую богородицу. И не точию честные иконы хуляще, но и божественные храмы и приносимые в них жертвы бесстыдно хуляще и уничижающе, и ина многая блядословяще, иже не леть есть писанию предати, еще же священников безчестити, иноком

ругатися, и иная безместная деяти. Вина же сим всем деющимся от иудеов, беззаконного и нечестивого дерзнутя, о еже надеяться на царицу, яко от рода тех сущу и царствующую, попогрешиша своего начинания. Ибо благочестиву сущу и православну; не приемлющу отнюдь, еже аще на православную веру чтобы кто похулил, но и веру имея чисту ко господу нашему иисусу христу, и к того пречистой матери, и ко всем купно святым, монастырей и церкви воздвиже во славу Божию. Сия убо, яко услыша благочестия ревнитель, блаженный феодосий, абие к царице поиде, и егда царя виде, и того к себе на едине особь призва, и вся беззаконная иудейского начинания подробно сказа, и како и в колику устремилася иудеи злобу, и толико в ревность по- движе царя, елико ни мала отложить, но вскоре собору собратися повелети, зело бо стыдяшеся добродетели мужа, и сладостно яже от него глаголемая приимаше, и во всем тщася ревности его подражатель быти. Не точию же добрый он ревнитель сими доволен бывает, но и царицу к подобней ревности божественной подвиже, такожде и патриарха. И убо царским повелением собор собрася. Председящу же тогда царице с своими сыновы, шишманом, глаголю, и асенем, в новой от него зданной палате, к сим и патриарху квр феодосию, таже священнейший митрополит великого преслава, дорофей протофрон, захария митрополит дрестерский, лазарь митрополит овчаполя, парфений ловчанский, мануил митрополит филинопольский, леонтий митрополит средеческий, иаков мадитский вдовствуя (sic), дорофей епископ, иоаникий архимандрит великия лавры святых 4 мучеников, а иже от пустыни пришли бяху с блаженным феодосием добродетельнии старцы и всяких божественных исполнении добродетелей, бяху сии: иеромонах савва, иеромонах тимофей, иеромонах дионисий, и прочих иноков множества от равных монастырей. И православную веру проповедаша светлым гласом, яко единокровное божие слово, прием нашу плоть от девических кровей богоматере, и совершен бог сый, совершен бысть человек, нашего ради спасения, яко аще кто не покланяется воплощенному христу богу и того богоматери, на иконе написанному по человечеству,

да будет проклят и с неверными да осужден будет. И не точию о еврейских ересов, зле мудрствующих, проклята, но и скверную и богомерзкую богомилскую, сиречь масалианскую, ересь, и еще же и другую новоявленную, варлаамову и акиндинову глаголю ересь, и тоя служителии же и предстатели проклята, и далече от своих пределов отгнати осудивше, яко отсюду болгарстей земли таковых нечистых плевелей чисте устроитися, благочестивей же вере толико чисте сияти паче солнечных лучей. Повеле же благоверный царь иоанн александр, предреченныя хулники евреи, тех по закону со всяким опасным истязанием и повинны обрести и смертному осуждению предати, обаче, человеколюбив сущи, преложи оную смерть на живот и казнию казненном быти тех осуди, яко да и прочий накажутся не хулити. Царским же и патриаршеским и всего собора изволением написан бысть свиток, во извещение и утверждение прочиим родовом, иже послежде хотящим быти, яко да не к тому жидовин виною некоторою смеет дерзнути в чесом на истинную и благочестивую нашу веру, но яко же от бога в порабощение всем языком предани суть, сице и да пребывают, яко раби, а не яко властители, зане господь порази тех, враги своя, въспять, и в поношение вечное даде их. Сице убо собору светлу устроившуся, и светлую поставив победу, подписан бысть свиток червленными и царскими писмены, и царскою запечатан печатю в лето 6868». (ibid.л. 7 об. –8 об.).

Кое-что из внутреннего быта древних сербской и болгарской православных церквей

В Законнике царя Стефана Душана, который первоначально обнародован в 1349 г. и потом был им дополняем, читаются следующие статьи, относящиеся к церкви и духовенству (которые мы приводим по изданию Законника в Памятниках письменности южных славян Шафарика и в переводе с сербского языка на русский)³⁷³.

1. Прежде всего (скажем) о христианстве. Сим образом да очистится христианство: власти (бояре и чиновники) и прочие люди да не женятся, не благословившись у своего архиерея или духовников.

2. И ни один брак да не бывает без венчания; если же будет без благословения и без спроса у церкви, таковые да разлучатся.

3. Что касается до духовных обязанностей, то всякий человек да имеет повиновение и послушание к своему архиерею; если кто окажется согрешившим перед церковью или преступившим что-либо от сего закона волею и нехотением, то да повинится и исправит церкви; если же прослушает и удержится от церкви и не захочет исправить повеления церкви, то после этого да отлучится от церкви.

4. И святители да не проклинают христиан за согрешения духовные, но да посылает дважды или трижды к согрешившему и да обличит его; и если не послушает и не захочет исправиться по увещанию духовному, тогда да отлучится.

5. Что касается до ереси латинской, то христиане, которые совратили в азимитство, да возвратятся опять в христианство; если же кто не послушает и не возвратится в христианство, то да накажется по закону святых отцев.

6. И да поставит церковь великая (т. е. патриархия) протопопов по всем большим селам³⁷⁴, да возвратят христиан, от ереси латинские, преподавая им наставления духовные, и да возвратится всякий в христианство.

7. И священник латинский, если окажется совратившим христианина в веру латинскую, да намажется по «законнику» святых отцев.

8. И если окажется полуверец, взявший замуж христианку, – если захочет, то да крестится в христианство, а если не крестится, то да возмутся у него жена и дети и да даст он им часть от всего имения, а сам да изгонится.

9. И кто окажется какой-нибудь еретик, живущий вместе с христианами, то да заклеимся (железом) на лице и да будет прогнан; а если кто станет его таить, то и тот да заклеимся.

10. И да поставят святители духовников по всем приходам, по городам и по селам, и только те духовники да будут духовниками, которые получили благословение на духовничество-вязать и решить от своих архиереев, и да слушает их всякий, по закону церковному; а те духовники, которые не поставлены духовниками, да будут прогнаны и да поступит с ними церковь по закону (читатель, конечно, знает, что в Греции и у южных славян и до настоящего времени должность духовника отдельна от должности приходского священника и что на первую назначаются на то или другое количество приходов особые способные лица, по преимуществу и почти исключительно из иеромонахов).

11. И духовные дела миряне да не судят; если окажется кто из мирян, судив церковное дело, то заплатить (штрафу) 300 перпер³⁷⁵; только церковь да судит.

12. И митрополиты и епископы и игумены да не поставляются на мзде; и отселе кто поставит или митрополита или епископа или игумена на мзде, да будет проклят и анафема; и если кто окажется, что поставил кого-нибудь на мзде, то да извергнутся из сана оба – и поставивший и поставленный.

13. Игумены да не отставляются без причины от церкви.

14. Игумены по монастырям да поставляются добрые и искусные люди, которые желают быть строителями дома божия.

15. Игумены да живут в монастырях (киновиях) по закону, совет имея со старцами.

16. И на тысячу домов (прихода) да питается в монастырях 50 монахов³⁷⁶.

17. Монахи и монахини, которые постригаются, а после того живут в своих домах, да изгонятся (из домов) и да живут в монастырях.

18. И монахи тутошные урожденцы, из имения той же церкви³⁷⁷, да не живут в (своем) монастыре, но да идут в другие монастыри и пусть дана будет им какая-нибудь служба; это постановляется о них для того, что живя в монастыре, они бывают причиною многого зла, ибо не все мотуг удержаться, чтобы не дать чего-нибудь кому-нибудь из родственников и знакомых; а также и соблазн для братия весьма большой, ибо называют других в монастыри-гостей и пришельцев, – поэтому так и постановляется о них. Если же кто из них и будет в монастыре, то ни в чем да не будет стесняем, (но да имеет право) что хочет взять (из своего имения) и дать куда хочет.

19. Монах, который скинет рясу, да держится в темнице, доколе не обратится на покаяние и послушание,

20. И люди, которые с волхвованием изимают из гробов (тела покойников), а потом их сожигают, – то село да платит «вражду» (штраф), где это случится. А если священник в этом будет участвовать, то да извержется из священства.

21. И кто продаст христианина в иноверную веру, да отсечется ему рука и да отрежется язык.

22. Люди властельские (чиновных людей), которые живут в церковных селах и пастбешных землях, да подлежат ведению всякий своего господина.

23. Церкви да не знают «поноса», разве когда идет царь, – тогда провожают его.

24. Если окажется кто от «владельць» церковных взявшим мзду, то да рассыплется.

25. Церквами да обладает господин царь и патриарх и логофет³⁷⁸, а иной никто.

26. Все церкви, которые обретаются в земле царства моего, освободило царство мое от всех «работ» (оброков и повинностей) малых и великих.

27. Церкви царские да не приписываются к церквам великим (подл. да не подлагаются под церкви велие).

28. И по всем церквам да содержатся нищие, как записано ктиторами³⁷⁹; если же кто из митрополитов или игуменов не будет питать их, то да извержется из сана.

29. И монахи да не живут вне монастыря.

30. И с сего времени (никто) да не урвет ни единого волоса монаха или церковного человека, а кто сделает это при животе моем и по смерти царства моего, да не будет благословен; но если кто кого обидил, да ищет судом и правдою по закону; если же обидит его без суда, да заплатит в семеро.

31. Священники вотчинники (имеющие собственные вотчины, подл. бащинники) да владеют своими вотчинами и да будут (они – вотчины) свободны (от оброков); а другие священники, которые не имеют собственных вотчин, -п усть дадутся (им) три законные поля и да будет «поповская скуфья (т. е. сам священник, подл, капа) свободна (от оброков). А если возмет (земли от церкви) больше (положенного по закону), то от этой лишней земли, да работает (платит оброк) церкви по закону.

32. Священник, какой бы то ни было, никуда да не отходит от своего господина; если же господин не будет содержать его по закону, то пусть донесет своему архиерею, и архиерей да скажет тому господину, чтобы содержал священника по закону. И если господин не послушает епископа, тогда священник свободен и может идти куда хочет. Если же священник будет вотчинник, то господин не имеет права прогнать его (из его вотчины), но только он свободен.

33. Люди церковные (если не ошибаемся – арендаторы), которые держат церковные села и церковную землю, разогнали церковных крестьян или влахов³⁸⁰ – те, которые разогнали крестьян, пусть свяжутся и да отнимемся у них земля и да держит ее (землю сама) церковь, доколе не возвратятся крестьяне, которых разогнали.

34. Церковные люди во всяком деле да судятся пред своими митрополитами и пред епископами и игуменами. И если, оба человека одной церкви, да судятся пред своею церковью; а

если будут два судящие человека от двух церквей, то да судят их обе церкви.

35. Церковные села и церковные люди да не ходят на барщину царства моего – ни на кошение сена, ни на оранье, ни на виноград и ни на какую работу, ни малую ни великую; от всех работ освободило (их) царство мое, только да работают церкви; а кто окажется выгнавшим монастырских крестьян на барщину и преслушавшим закон царский, тот властелин да растянется и да накажется.

36. И предало царство мое игуменам церкви, да обладают всем имением монастырским – и конями и овцами и другим всем; во всем да будут вольны, что надлежит по обычаю и по правде и как пишется в хризовулах святых ктиторов.

37. И да уставят по церквам закон киновийский монахам в монастырях, сообразно с тем, какой который монастырь.

38. И екзархи да не бывают из мирян и да не посылают их митрополиты по священникам; но да посылают (митрополиты монахов сам-друг по священникам, да исправит духовные дела и возьмет оброк церковный с (тех) священников, у которых есть вотчины.

39. И все хризовулы и простагмы (προσάγματα), что кому дало царство мое и что кому захочет дать – и те вотчины да будут тверды как и первых правоверных царей и да будут вольны в них (вотчинники) или церкви дать или за душу отдать или кому-нибудь продать.

43. И властели и другие люди, которые имеют церкви вотчинные в своих вотчинах – да не будет волен ни господин царь, ни патриарх, ни иной святитель те церкви приписать к большой церкви, но волен вотчинник поставить своего монаха и да приведет его к святителю, чтобы благословил его святитель, в чьей епархии, и да заведует святитель в той церкви духовными делами.

44. И властелин, который припишет свою церковь к другой церкви, да не обладает больше тою церковью. (То же повторяется в § 192.)

53. Поместье (землю, полученную от царя во временное пользование)³⁸¹ никто не имеет ни купить ни продать, если не

имеет вотчины. Из поместной земли никто не имеет права отдать церкви; если же отдаст, то не твердо (не признается) дарствование.

55. Сирота кудельница да будет свободна (от податей), так же как и священник.

67. Если церкви имеют с кем-нибудь суд и судящийся вынесет царскую жалованную грамоту (в подл. «милостную книгу»), то грамоте той не иметь никакой силы, но судить по закону церковному и царскому и доложить царю.

72. «И кто рече бабуньску речь», если будет властелин, да платит 100 перпер, а если будет податный человек (в подл. себрь), да платит 12 перпер и да будет бит палкою (Раич и другие переводят: «кто речет злу и безчастну речь»; слово остается не совсем объяснимым, см. у Даничица в Речнике под словом бабуньский).

82. Если кто обесчестит святителя или монаха или священника, то платит 100 перпер.

83. Кто убьет святителя или монаха или священника, да будет предан смерти и повешен.

98. Который человек убежит из заключения, то с чем придет на двор царев, – будет ли то человек царев или церковный, или властельский, – с тем да будет свободен; а если убежал у «тогаи человека»³⁸², то да возвращен будет тому, у которого убежал.

99. Который узник держится во дворе церковном, а убежит в цареву полату, то свободен, и который узник убежит на двор патриарха, свободен.

111. Кто на войне ограбит церковь, да будет предан смерти или повешен.

120. Повеление царское: никто ничьего человека да не принимает, ни царь, ни царица, ни церковь, ни властелин, ни прочие кто-либо, без грамоты царевой; в противном случае да накажется как изменник.

127. И если кто будет обвинять кого-нибудь на суде в разбойничестве или татьбе, а не будет свидетелей, то оправдываться им железом, как положил царь, да берут его у ворот церковных из огня и да положит на святой трапезе.

131. Магийник и отравник, если будут обличены, да накажутся по закону святых отцев.

132. И с сего времени вперед жеребцы и кони да не даются по церквам и церковным селам, на прокормление.

153. Люди, которые имеют свою вотчинную землю и виноград и купленину, свободны от своего винограда и от вотчинной земли отдать в приданое (за дочерью) или записать церкви.

167. Если окажется какой-нибудь потворник (колдун, и причинить кому-нибудь зло) потвором, и обманом и навязыванием (обезомь), то да накажется как тать и разбойник.

173. Все города по земле царевой да живут во всем по законам, как было при первых царях; а если имеют суд, да судятся пред городскими начальниками и пред церковным клиросом; если кто из волости будет иметь тяжбу с горожанином, да тягается перед городскими начальниками и пред церковным клиросом по закону.

195. Что касается до глобы³⁸³ на церковных людях, когда судятся перед церковью и перед городским начальником (кефалием), ту глобу, которую присудят, да берет церковь, как пишется в хризовулах, и глобу да берут на церковных людях, как узаконил господин царь своим законом в государстве, и да поставят церковные люди глобарей, кои будут собирать глобу и отдавать церкви, а царь и городские начальники (кефалии) да не берут ничего.

196. И святители и игумены да не взимают с своих людей ни с кого мзды; а если будет обличен, что взял, да извержется из сана. А если «владелец церковный» будет обличен, что взял мзду, да накажется торговою казнью (да се распе – да растянется), а если монах который возьмет мзду, да будет бит и прогнан.

197. И жены да не садятся в церкви, кроме царицы и ее старшей невестки (наследницы).

198. И без благословения святителей да не постригаются (в монашество) ни мужи, ни жены. Для всякого человека (должен быть обязателен) закон церковный.

По изданию Законника Раичеву (Истории славенских народов часть IV, прибавл. III, 2 изд. стр. 254–84) читаются еще некоторые статьи, относящиеся к делам церковным (22, 93, 96, 97, 100, 101); но так как их нет в изданиях Шафариковом и Миклошичевом, то мы полагаем, что у Раича подлинный текст Законника перемешан с позднейшими вставками.

В актах, напечатанных в Monumenta Serbica Миклошича, между высшими церковными чиновниками упоминается «протопопа дворский». В грамоте Стефана Первовенчанного, данной Жичскому монастырю, читается: «что се прилага (ет кралеводство ми) сией цркви, симь да нема протопопа дворски никое (никоя) области, но что доходи (ть) или от попов или от влахь или земляна поповска бирь, что доходи от попов, половина да се узима сией цркви.... чьто приложи- хомь цркви спаса нашего, сь симь да не имаю протопопе дворске никоре области, а що доходи оть попов или от влахь или земельски люди, что е поповска бирь, что се уземле на людехь, да се та вса уземлю сей цркви, а инемь пискупьямь ке су дошле жупе, да узима протопопа дворски половину бири поповске, а ере е врховина попом, да одь тога не уземле протопопа честы, нь вьсе то пискупь да уземле (р. 13); а сие 4 жупе: Ельшаница, Пнука, оба Ибра одь испрва не улазиль протопопа, да и еще да су оть протопоп свободне и 4 на- мастири кралевсци: света богородица студеничька, и светы Георгие у Расе и светогорьски монастирь и света богородица градьчьска» (р. 14).

Между чиновниками сербского архиепископа упоминаются его «отроки». В грамоте Св. Саввы монастырю Св. Николая Вранинского 1233 г. читается: «и кое чловеке тузе посаде на том месте, да не има над ними область ни вельможа ни архиепискупь ни еговь отрокь» (ibid. р. 18 fin.).

Дела брачные отчасти подчиняются ведению епископов. В грамоте Стефана Первовенчанного помянутому выше Жичскому монастырю пишется: «светителемь же и господьствующимь запрещениемь божьствьнимь запрещениемь (sic), никтоже да не оставляет божьствьнаго сего закона (да не расторгает брака), разве словесе прелюбодеинаго, и той истино да испытаеть се сь разсуждениемь на властелехь же и на воиницехь, да уземлють

на нихъ ослухе господьствующи, а еже суть убозии, на нихже уземлю по два воли, то где обретают се у жупахъ, ке су под областью архиепискупие, да узимлетъ архиепискупия, а под областью инехъ епискупией аще обрешетъ се такови, то да узима епискупия еднъ воля, а други да узима господьствующи; аще кто сватвицу (родственницу) презаконъ узме, аще будетъ отъ властель или отъ воиникъ, да узимаетъ ослуху господьствующей по 2 воли; аще ли отъ убогих, то да узима светитель половину, а таковы да се распускають у распустехъ или у сватвицахъ»³⁸⁴ (ibid. p. 15).

Между податями низшего духовенства архиереям упоминаются «бирь» и «верховина». В грамоте Стефана Дечанскаго монастырю Дечанскому 1330 г. пишется: «попове (сел пожалованных монастырю) да даю врьховину, како ю су и у пискуна давали, ере (ибо) купи кралевьство ми тузи врьховину у пискуна хвостьньскога» (ibid. p. 98) (другие выписки см. выше в «протопопа дворский»).

Между сборами низшего духовенства с мирян упоминается также «бирь». В хризовуле Душана монастырю архангелов Михаила и Гавриила читается: «и да даю (крестьяне сел монастырских бирь духовну на одрицомъ (с венца?) лукно жита воля два динара» (Гласн. XV, 305).

В обеспечение содержания церквей и монастырей князья жаловали им: 1) торги в разных местах. В хризовуле Стефана Душана монастырю Хрусия, близъ Хилендаря, пишется: «приложи кралевьство ми трьгъ у Липляны, да е свеща матери божен» (Monumenta Serbica p. 122). В хризовуле его же церкви Богородицы Трескавицкой: «приложи кралевьство ми пресветеи богородици трескавской отъ трьга прилепскога да узимат трети дель вину светаа црькви въ помень кралевьства ми... да узима чьстны монастырь всако годище отъ трьга прилепскога по 100 перперъ освень првьнега дара выше писание» (Гласн. XIII. 376; еще выписки см. у Даничича в Речнике под словом трьгъ). 2) Судебные штрафы с принадлежащих церквам крестьян; в последнем из сейчас упомянутых выше хризовулов читается: «всака глоба що се учини у црьквнихъ людей, душеубийство и распустъ и девичь

разбои и рука и послухъ и престои, все да е цръквно (ibid. стр. 376 fin.). 3) Освобождали церковных и монастырских крестьян от государственных податей и повинностей. Стефан Душан в своем Законнике сделал эту льготу общею для всех церквей и монастырей, но крестьяне отдельных монастырей и церквей были освобождаемы и прежде него (см. Monumenta Serbica Миклошича pp. 27, 61, 63 и другие; государственные подати и повинности или работы малые и великие называются: приселица, дымнина, бирь, сокъ, поклизарь, псарь, позоб, понос, помистр, травина, градеж кой-либо, града зидание, котел (Гласн. XXIV, 240), жатва, сенокоша, жировнна, соколярь, приплата жупьска (ibid. 246 fin.), градоблюдение, оранье, врьшитба, винограда работание, провод (ibid. 252 нач.), десеток житный и винный и пчелный, овче, наметок, вражда (ibid. 271 нач.), бигла, повоз, грагя, воиско, подстава, геракарьство, ловчина, подхигонение, сьсадь, притражица³⁸⁵ (ibid. 275).

Относительно детей священников и кандидатов в священники в одном хризовуле Стефана Дечанского постановляется: «поповьсци сынове кто кънигу изучи, да стоят с отцемъ на своемъ ждребию, ако ли (а если) книге не изучии, а онъ да е меропхъ (крестьянин); а да се понъ от попь ставии» (Monumen. Serb. p. 98 fin.).

О внутреннем быте болгарской церкви, как уже мы говорили выше, сведения наши до крайней степени скудны. Из писем архиепископа Феофилакта открывается, что в его время священники болгарские и крестьяне, принадлежавшие церквям, не были освобождаемы от государственных податей и повинностей и что сборщики податей иногда позволяли себе притеснять духовенство и церкви. В письме к патриарху константинопольскому он пишет: «здесь (в Болгарии совершаются) тяжкие дела (и угнетают нас) жестокие приставники, – клириков обнажают и трясут за грудь, крестьян самым тщательным образом исчисляют, земли измеряют стопами блохи, дабы она на самом деле произрастила нам терния и волчцы; и все исследуют и взвешивают, так что неразумие это доходит до измерения плотей и костей»... (ed Finetti IV, в Патрол. Миня (t. 126, p. 316). В письме к епископу

виддинскому, утешая этого последнего, он пишет: «ты имеешь суровых сборщиков податей? Но они не суровее тех, которые в здешних странах и которые из пяти детей одного берут и отводят в рабство, как будто бы они принадлежали к тем скотам, с которых взимается десятина (ed Finetti XVI, у Миня ibid. p. 337). В письме к паниперсевасту Вриеннию, зятю императора, жалуясь на сборщика податей, он пишет: «особенно молю царство твое, не прося чего-нибудь нового и необычного святой и божественной душе императора, но только того, чтобы – что наблюдается относительно всех и всегда, было наблюдаемо и относительно меня. Он (сборщик податей) говорит, что не особенно важное дело, если клирики будут заставлены доставлять доход казне. (Но) я к этому не обязан, во-первых, потому, что казна не пользовалась от клириков и прежде нас, но что каждый, будучи освобожден от податей за пару волов, платил казне только в том случае, если имел более пары; потом, что прежде сего были освобождены (клирики) от десятины со всех животных. И это да не сочтет какой-нибудь не знающий судья кражей у казны, напротив это определено было щедродательностью царской, которою с избытком наслаждались те, которые ее обрели. Ныне же щедродательность эта возымела предел и конец и даже находят благословным требовать в казну сверх определенного и к должному приложили некоторую надбавку. В-третьих, если что достойно слез, так это то, что многие не только не пользуются свободой от податей с одной пары волов и не только не освобождены, как это определено от десятины с животных, но что при переписи у них увеличено число пар (волово) и число скота, так что не только не остались свободными, как имели право, но и должны были платить излишнее. Подобно сему они пострадали беззаконнейшим образом и в других вещах. Ибо и за мельницы клирики платят вдвое, чем миряне, и за так называемые на болгарском языке струги (отроууаѣс, – по-гречески можно назвать их канавами), доставляющие ловлю рыб, клирики платят гораздо более остальных людей. И это придумал он, верный и благочестивый, за тем, чтобы увеличить подати, собираемые с духовенства в казну, и оклеветать меня,

что будто я, будучи неблагодарен и ненасытен, нанес этот ущерб благодетелю и покровителю (т. е. императору). То же самое скажу и о податях, которых он требовал с людей церковных, ибо и сии были беззаконнейшим образом обложены податями, будучи монахи и священные евнухи; еще же и миряне некоторые, которых числом думаю не больше пяти и которые все ничем не пользуются от общества (т. е. от общественных земель, бобыли), каким образом их найдено было законным, обложить податями? На это не имеет права даже император. Меня же самого обобрал таким великолепным образом, что мне не стыдно тяжести моего сана, ибо потребовал всего за освобожденные прежде от платы мельницы и взял с меня вдвое более, чем с болгар. И за некоторое озерко, которое доставляет ничтожную ловлю рыб, заставил уплатить сумму в тридцать восемь монет, тогда как рыбы, из него получаемые, стоят не больше одного диовола и тогда так все другие заплатили за подобные места по одному диоволу. И еще: животные, принадлежащие церкви, крупные и мелкие, по царскому дару свободны (от подати); эти же люди взяли с них десятину» и пр. (ed. Meursio XLI, у Миня 448). В письме к Торносопулу, начальнику скопийскому, пишет: «и священники в городке не получили никакой свободы или облегчения ни от стояний³⁸⁶, ни от податей хлебом, и это в то время, как хризовул (императорский) повелевает им быть свободным от низких общественных служб.... недостойно священные лица приравнять к простому народу (ed. Lamio XIII, у Миня ibid. p. 525; читай также послание Meursio LXX, у Миня p. 489). В болгарском синодике, восходящем началом своих записей ко времени Бориса 3-го, о котором многократно упоминали мы выше, об Иоанне Асене 2-м или великом говорится, что он «вся святая и божественная церкви многими дарами одарил и свободу чисту на них объявил». Из этого следует заключать, что болгарское духовенство совершенно освобождено было от государственных податей и повинностей только при сейчас названном государе.

Относительно податей с мирян архиереям архиепископ Феофилакт дает знать, что в Болгарии, как и в Греции,

существовала подать, называемая *κανονικὸν* или *καττικὸν*, т. е. дымница. В то же время он дает знать, что в его время выдан был императорский хризовул, которым повелевалось, чтобы подать эту платили архиереям вместе с прочими крестьянами и крестьяне так-сказать удельные или царские (*τα δεσποτικὰ κτήματα*, ed. Lamo V, у Миня *ibid.* p. 512).

Подобно тому как и в Сербии, крестьяне монастырские были освобождаемы в Болгарии от государственных податей и повинностей. В хризовуле Иоанна Шишмана Рыльскому монастырю пишется: «пращает и освобождает царство ми люди все и села все того монастыре царства ми чистиимь и светлимь прощениемь, да имь не смеет забавлети (причинять тягости и насилия) иже суть севастии и прахтори (сборщики податей), и примикюри, налагатори и судие, потом ни перпираке, ни жнтаре, ни винаре, ни десеткаре пчелнии и свиннии и овчии, ни аподохатори ни сии ни стратор ни сенари, ни митати, ни крагуяря же, ни песаацы, ни градаре ни варничие ни побирчие и находницы, ни инь никто от всех болярь и работник царства ми великихь и малихь, иже суть на все времена посила ми о всяческих данех и работах царства ми» (Гласн. VII, 186).

Краткий очерк государственной и церковной истории хорватов или кроатов

Хорваты или кроаты, как мы говорили выше, суть весьма близкие родичи с сербами, то же с ними, что мы великоруссы с малоруссами или белоруссами.

Первоначально хорваты жили там же, где и сербы, именно, по Константину Порфирогениту, по ту сторону Багиварии, где в его времена оставались белохорваты, по ту сторону Франкии, близь Турции или Венгрии, в соседстве с некрещенными сербами (*De administr. imper.* с. 31, ed. Bonn. p. 143 fin. и 148 нач.), т. е. в нынешних – западной Галиции, Малой Польше и отчасти Силезии и верхней Венгрии (*cfr* выше, в сербской государственной истории). Часть хорватов, вероятно, избегая угнетений франков, под власть которых они находились (*ibid.* p. 144), под предводительством пяти князей братьев, оставили свое первоначальное место жительства и заняли-одна половина Иллирик и Паннонию в нынешней Венгрии, а другая древнюю Далмацию или нынешние области Австрийской империи – Далмацию, за исключением нескольких приморских городов и нескольких прибрежных островов, Хорватию или Кроацию, Славонию и западную часть нынешней турецкой области Боснии по реку Врбас или Вербас. Вторая половина хорватов, нашед сейчас помянутые области во власти аваров, которые отняли их у греков, отчасти избили их, отчасти покорили своей властью, так что остатки аваров сохранялись в Хорватии еще во времена Константина Порфирогенита (*ibid.* p. 144, и управлялись особенным баном *ibid.* 145)³⁸⁷. Это было во времена импер. Ираклия, незадолго до прибытия на нынешнюю территорию родичей хорватам сербов (*ibid.* p. 148). Что касается до иллиро-паннонских хорватов, то во время недолгого существования их государства они имели своего князя, особого от хорватов далматинских, который «ради приязни обсылался» с этим последним (*ibid.* p. 144), а потом в конце IX в. покорены были венграми³⁸⁸; история же далматинских или собственно так-называемых хорватов есть следующая. Страна разделялась на

11 жупаний (ζουπανίας, *ibid.* p. 145) или небольших удельных княжеств и имела одного верховного князя. 1) Первым таковым князем был который-то, вероятно – старший, по имени Крук, из помянутых выше пяти князей братьев. 2) Вторым князем был Порин или Порга, сын неизвестного точно по имени первого князя (*ibid.* p. 145 и 148); при этом Порине хорваты, выведенные из терпения насилиями франков, под власть которых состояли и в своей первородине, подняли против них войну, и после семилетней ожесточенной борьбы одолели и изгнали их (*ibid.* 144)³⁸⁹; при этом же князе хорваты приняли христианство, быв крещены священниками, присланными по приказанию импер. Ираклия из Рима, и получив от папы своего епископа (*ibid.* p. 148, – по Бонскому изд. Константина Порфир. стоит: ἀρχιεπίσκοπον καὶ ἐπίσκοπον, но ἀρχιεπίσκοπον, нет сомнения, есть вставка). Дальнейший за сим, известный в настоящее время, ряд государей есть следующий. 3) Терпимир I, бывший спустя немного времени после крещения хорватов (*ibid.* p. 139 fin. μετὰ χρόνους πολλούς читается ошибкой вместо μετὰ χρόνους οὐ πολλούς); при нем приходил в Хорватию утверждать христианство и христианские нравы Св. Мартин *ibid.*, -об этом Мартине, аббате саном, посланном папою Иоанном IV (640–642) в Хорватию для искупления пленных, см. у Анастасия библиотекаря в *Historia de visit Romanorum Pontificum*, в Патрол, Миня t.128, p. 717). 4) Сын Терпимира Красимер I (Конст. Порфирог. *ibid.* 150 нач.). 5) Мирослав, сын Красимера. правивший четыре года и убитый баном Привунией (*ibid.* p. 151). 6) Мислав или Моислав, упоминаемый прежде 837 г. (в грамоте у Баттиана в *Leges ecclesiasticae regni Hungariae* t. II, p. 40 нач. и 41 нач., Шафар. Древн. II, 2, 16). 7) Терпимир II, упоминаемый под 837 г. (у Баттиана *ibid.* t. II, p. 38, в *Kalendaria* Ассемани IV, 298, -при нем Хорватия разделялась на пять жупаний). 8) Домогой или Демогой, неизвестно долго ли правивший впереди следующего и упоминаемый в хронике Дандула (Ассемани *Kalendaria* IV, 309 fin. и 311). 9) Седеслав или Сдеслав, который изгнал сыновей Демогоя и занял престол при помощи греческого императора Василия Македонянина около 878 г.; убит был следующим за

ним в мае 879 г. (Ассем. Kalend. *ibid.*, Шафар. Древн. II, 2, 17 нач. и 18). Со времени поселения на теперешней своей территории до ближайших предшественников пмпер. Василия хорваты признавали верховную власть греков; при сейчас названных слабых предшественниках Василия они отложились было от власти греков и стали ни от кого независимыми; но по вступлении на престол сейчас названного императора они снова нашли более выгодным состоять под властью и покровительством византийских государей, почему при этом князе Седеславе снова и возвратились к ним (Конст. Пор- фиог. в *Vita Basilii*, которая в *Scriptores post Theophanem*, ed. Paris. § LII, p. 178 и в *De administr. imper.* с. 29, p. 128 *fin. sqq*, Шафар. II, 2, 17 и выше в истории сербов)³⁹⁰. 10) Бранимир, убивший предшествующего в мае 879 г. (Шафар. *ibid.*), немедленно по своем вступлении на престол нашедший необходимым отложиться от греков и отдаться под покровительство папы (см. у Баттиана *ibid.* II, 42 – грамоту папы к *electo Nonensi* Феодосию, и в Патрол. Миня t. 126, p. 841 *sqq* и 918 – послания папы Иоанна VIII к Бравимиру (два) и *Ad sacerdotes et populos Branimiro subjectos*, Ассем. Kalend. IV, 314, Шафар. Древн. II, 2, 17 *sqq*). 11) Мунтимир (младший сын Бранимира), упоминаемый под 892 г. (у Баттиана *ibid.* t. II, p. 45, Шафар. Древн. II, 2, 19). 12) Красимер или Кресимир II (старший сын Бранимира), занявший престол около 900 г. и умерший в 912 г. (сомнительный, Шафар. *ibid.* стр. 20). 13) Тамислав, получивший от папы титул короля, упоминаемый около 925 г. (у Баттиана *ibid.* t. I, p., 329 и 335). 14) Кресимир III (*ibid.* t. II, p. 79). 15) Держислав, младший сын Кресимира III, правивший с 990 по 1000 г. (Шафар. *ibid.* стр. 21). 16) Стефан, вероятно, старший сын Кресимира III (у Баттиана *ibid.* t. I, p. 409, (t. II, 76 и 79; Шафар. *ibid.* стр. 23 неправильно). 17) Кресимир IV, сын Стефана и внук Кресимира III, упоминаемый под 1059 –1069 годами (у Баттиана *ibid.* (t. I, p. 409, t. II, p. 75 и 79). 18) Славиша, вступивший на престол в 1074 г. и правивший недолго (Шафар. *ibid.* стр. 26). 19) Звенимир-Димитрий, упоминаемый под 1076–1086 годами (у Баттиана *ibid.* t. I, p. 430, t. II, p. 80 и 89). 20) Стефан II, последний хорватский государь, правивший

около 3 лет и умерший около 1090 г. (Шафар. Древн. II, 2, 26 fin.). В 1091 г. венгерский король Владислав, призванный самими хорватами, подчинил их своей власти; после смерти Владислава (в 1095 г.) хорваты было восстали, но преемник Владислава Коломан снова подчинил их себе, и с 1102 г., когда он венчался хорватским королевским венцом, страна их навсегда стала венгерской провинцией (Шафар. Древн. II, 2, 27 sqq, у Фесслера в *Geschichte von Ungarn* т. I, изд. 2, SS. 179, 194 и 203). Где была столица хорватских князей и королей, остается неизвестным. Грамоты их писаны в разных городах-Бигаче, Белграде, Ноне, Новограде, Тохине, Книне, Шибенике и других (Шафар. *ibid.* стр. 36 fin.; под 1069 г. столицей называется Нона, у Баттиана t. II, p. 79, – *in nostro Nonensi coenaculo residens*). Погребались хорватские государи в Салоне, в церкви Св. Стефана (у Баттиана *ibid.* II, 89 fin.).

Мы сказали выше, что хорваты заняли нынешнюю Далмацию, за исключением нескольких приморских городов и прибрежных островов. Эти последние, оставшиеся за греками, были: города – Спалатто (ἡ Ασπάλαθος), Трау или Трогир (Τετραγούριον), Зара или Задер (τὰ Διάδωρα), острова – Осеро ("Οψαρα), Арбе ("Αρβη), Вегла или Керк (Βέκλα), (Конст. Порфиروج. *De administr. imper.* с. 30, ed. Bonn. p. 146 fin., p. 128 нач., cfr *ibid.* p. 137 sqq). Население этих городов и островов, будучи по своему происхождению романоитальянским, т. е. состоя из итальянских колонистов, выведенных римскими императорами и особенно Диоклетианом (*ibid.* сар. 29, p. 125 и 128 нач.), составляло из себя особую небольшую общину, которая управлялась присылавшимся из Константинополя стратигом (Конст. Порфиروج. p. 146 fin.). При слабых предшественниках Василия Македонянина города и острова эти (вместе с хорватами) отложились от власти греков и стали совершенно независимыми (Конст. Порфиروج. *ibid.* p. 128 и 129 fin. – τὰ τῆς Δελματίας κάστραразумеются именно они); но при сем последнем императоре, просив и получив от него помощь против сарацинов (*ibid.* p. 129 fin. sqq), они снова возвратились под верховную власть империи. В конце IX века, по словам Шафарика, их подчинили своей власти хорваты (Древн. II, 2, 6

нач. и 23 нач.), но это, кажется, несправедливо; по крайней мере церковные акты X века дают заключать противное, и вероятнее, что они продолжали состоять в зависимости от греков, или, снова став ни от кого независимыми, управлялись своими дожами (сfr Шафар. *ibid.* стр. 16 нач.): Несомненно только то, что со времени импер. Василия и с его дозволения города и острова эти за беспрепятственное право пользования земельными угодьями, находившимися в черте владений хорватских, стали платить хорватам ту дань, которую прежде платили грекам (Конст. Порфириог. *ibid.* с. 30, р. 146 fin. sqq). В конце X века они были покорены венецианским дожем Петром Урсеолом (Шафар. *ibid.* р. 22 fin.), после чего, быв неоднократно оспариваемы и отнимаемы у венецианцев венграми, в конце концов остались за республикой, под которой и продолжали состоять до самого ее падения в начале нынешнего столетия (см. *Kalendaria Accemani IV*, 345 и *Dalmatien und Montenegro nach Wilkinsohn bearbeitet Lindau, Leipzig, 1849*, ч. 2, гл. 10).

Хорваты в первый раз приняли христианскую веру (одновременно с сербами) при том же самом импер. Ираклии, при котором поселились на своем нынешнем месте жительства, и были крещены священниками, которые по приказанию императора были присланы к ним из Рима (Конст. Порфириог. *De administr. imper.* с. 31, р. 148 fin.). Но это крещение еще не было окончательным, и во второй раз и совершенно они крестились во второй половине IX века при императоре Василии Македоняnine. Свергнув перед тем иго греков, а при импер. Василии снова добровольно возвратившись под власть их, хорваты (вместе с сербами) хотели скрепить это восстановление государственного союза посредством окончательного принятия христианства. Поэтому они отправили (вместе с сербами) к импер. Василию посольство, с которым просили прислать к ним священников, которые бы крестили у них как тех, которые оставались язычниками с самого начала, так и тех, которые отпали к нему от христианства незадолго перед тем, во времена самовластия, – каковую просьбу император и исполнил с великою готовностью, прислав им священников из Константинополя (Конст. Порфириог. в *De*

administr. imper. c. 29, p. 128 fin. sqq ив Vita Basilii, которая в Scriptores post Theophan., ed. Paris. p. 178, § LII и выше в истории сербской церкви. Таким образом, во второй раз и окончательно хорваты были крещены по восточному обряду священниками, приходившими не из Рима, а из Греции. Но страна их была так близко от Рима и от Италии, и так была втянута, по своему положению, в союз государств, которые признавали власть св. римского сиделища, что не могла долго остаться православною и волей-неволей должна была стать католическою. При князе Седеславе, при котором имело место второе крещение и который занял престол, как мы сказали, при помощи импер. Василия, хорваты оставались православными; но тотчас же по вступлении на престол преемника Седеслава Бранимира в 879 г. они увидели себя вынужденными отдаться под покровительство папы (см. выше), и с тех пор страна их навсегда осталась католическою.

Мы сказали выше, что хорватам после первого крещения при импер. Ираклии дан был один на всю страну особый епископ. Продолжала ли кафедра епископа с тех пор существовать непрерывно вплоть до второго крещения, или во времена самовластия, когда хорваты начали отпадать от христианства, прогнан был и епископ, остается неизвестным; вероятнее, как кажется, последнее (под грамотой Терпимира 837 г., подписанной всеми высшими сановниками государства, есть подписи двух пресвитеров (придворных) капелланов, но нет подписи ни одного епископа, у Баттиана II, 441, cfr впрочем *ibid.* p. 42, где под 879 г. о предшественниках тогдашнего епископа хорватского). Относительно епископов хорватских или высшего церковного управления у хорватов после второго крещения известно следующее. В продолжение второй половины IX и первой половины X века они имели одного на всю страну епископа, которого получили если не тотчас после крещения, то во всяком случае не позднее 879 г. (см. грамоту от этого года папы Иоанна VIII Феодосию *electo Nonensi*, т. е. кандидату выбранному в епископы нонские, у Баттиана II, 42, письмо папы Иоанна к Бранимиру в Патр. Миня t. 125, p. 918, деяния спалаттского или сплетского собора, бывшего около 925

г., у Баттиана 1, 330 sqq, грамоту папы Льва VI *ibid.* I, 343 и запись о соборе 1075 г. *ibid.* I, 430). Епископ этот не совсем ясно называется в актах и нонским и скардонским, т. е. вероятно одновременно имел кафедру в обоих городах (у Баттиана *ibid.*). С 1059 г. упоминается другой епископ, собственно так-называемый хорватский, о котором Фома диакон сплетский пишет: «*voluerunt Croatorum reges quasi specialem habere Pontificem, petieruntque ab Archiepiscopo Spalatensi et fecerunt Episcopum, qui Croatensis appellabatur, posueruntque sedem ejus in campo in ecclesia Sanctae Mariae Virginis juxta castrum Tiniense; hic multas optinuit parochias habuitque praedia et possessiones per totum pene regnum Croatiae, quia regalis erat episcopus et regis curiam sequebatur* и пр. (у Баттиана I, 400). Наконец, с 1066 г. упоминается третий епископ – белградский (*ibid.* I, 409). Это число трех епископов, сколько нам известно, и оставалось до поступления хорватов под власть венгров (или по крайней мере до 1076 г., см. *ibid.* I, 430 и 433)³⁹¹. Один епископ и потом три епископа хорватские находились в зависимости от митрополита спалаттского или сплетского; под 837 г. князь Терпимир признает, что митрополия спалаттская есть *metropolis usque ripam Danubii et pene totum regnum Croatiae* (*ibid.* II, 39), а относительно предшествующего и последующего времени свидетельствуют это все известные в настоящее время акты. В первой половине X века епископ нонский Григорий сделал было попытку отложиться от власти митрополита спалаттского и самого себя провозгласить митрополитом хорватским (*ibid.* I, 330; деяния собора 928 г., также *ibid.* I, 343 и 430), но попытка встретила решительное противодействие со стороны папы (*ibid.*) и не имела успеха.

Хорваты, находясь в непосредственном соседстве с коцеловой Паннонией, и как мы думаем, будучи именно одного происхождения с здешними славянами, заимствовали от последних славянское православное богослужение, переведенное Константином и Мефодием, по всей вероятности, еще при жизни последнего из первоучителей. Как бы то ни было, только перед 925 г. в Хорватии были славянские богослужебные книги и (*doctrina Methodii, alia*, как говорит папа

Иоанн X, от учения римской церкви и которая in sacris voluminibus non reperitur (послание папы Иоанна X к Иоанну 3-му, архиепископу спалаттскому, у Баттиана *ibid.* I. 334 и у Гинцеля в книге *Geschichte der Slawenapostel, Cyrill und Method, Leitmeritz, 1757, Codex'a* p. 75. Будучи по приказанию папы строго запрещено на соборе, бывшем около этого года в Спалатто (у Баттиана *ibid.* I, 330 sqq и у Гинцеля *ibid.* p. 78), славянское православное богослужение продолжало оставаться в ней и в последующее время. На соборе 1063 г.³⁹², в правление папы Александра II, был осужден епископ хорватский Чедеда (Cededa) coram suis Gothis (у Баттиана *ibid.* I, 408), т. е. как объясняют это последующие акты за то, что содержал gothicas будто бы litteras, a quodam Methodio haeretico perertas. При том же папе Александре был в Далмации в неизвестном году другой собор, на котором было постановлено: ut nullus de caetero in lingua slavonica praesumeret divina misteria celebrare, и на котором произнесено было вышеприведенное суждение о книгах Мефодиевых (Ассемани *Kalendaria* IV, 378 и у Гинцеля *ibid.* p. 89). После этих многократных приговоров папы, за исполнением которых, конечно, ревностно следил итальянский спалаттский митрополит³⁹³, в Хорватии не удержались славянские православные книги Константина и Мефодия, но в ней по крайней мере удержался славянский язык. На этот язык переведены были латинские богослужебные книги и написаны были особым, так называемым глаголическим письмом (о происхождении которого пока нельзя сказать ничего определенного). В 1248 г. епископ сеньский доносил папе Иннокентию IV, что in Slavonia est littera specialis, quam illius terrae clerici se habere a B. Hieronimo asserentes, eam observant in divinis officiis celebrandis, и просил, чтобы и ему дозволено было совершать богослужение по тем же книгам; папа (грамотой от XIV Kal. апреля 1248 г.) отвечал: attendentes, quod sermo rei et non res sermoni subjecta, licentiam tibi in illis dumtaxat partibus, ubi de consuetudine observantur, praemissa, dummodo ex ipsius varietate litterae sententia non laedatur, auctoritate praesentium concedimus postulata (у Райнальда в *Annal. Eccless.* an. 1248, n. 52, у Гинцеля *ibid.* p. 92), и с тех пор в Хорватии навсегда

осталось славянское глаголическое (католического обряда) богослужение, которое отчасти сохраняется и до настоящего времени (о нынешнем состоянии глаголитизма у хорватов, все более и более уступающего латинскому языку, см. у Гинцеля *ibid.* S. 171 sqq и Anhang III).

Примечания

¹ - Шафарик относит начало переселения болгарских славян за Дунай к концу пятого века по Р. Х. (Древн. II, I, 255 sqq). Но императоры Юстин и Юстиниан, несомненно бывшие родом славяне, происходили из одной славянской деревни, находившееся в Болгария или в окрестностях, или на самом месте нынешнего Кюстендила (на юго-запад от Софии, за верхним Стримоном). Юстин, вступивший на престол в 518 г. на 68 году жизни, родился в 450 или 451 году, и, следовательно, если были славянские деревни в Болгарии и притом довольно далеко вглубь страны в половине пятого века, то необходимо относить начало переселения сюда славян если не к концу предшествующего, то, по крайней мере, к началу этого пятого века. Говоря о славянах болгарских не как о коренных жителях их нынешней территории, а как о позднейших на ней поселенцах, мы повторяем мнение большинства; однако при этом должны заметить, что и противоположное мнение, защищаемое некоторыми и имеющее в свою пользу нашу древнюю летопись, вовсе еще не может быть считаемо окончательно и совершенно опровергнутым.

² - Известно свидетельство импер. Константина Порфирогенита, который говорит о Пелопоннесе: ἔβ ἠλαβώθη πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρις, De thematibus, ed. Bonn., p. 53. В одном латинском житии под 723 г. южный Пелопоннес называется славянской землей: et inde (e Sicilia) navigantes venerunt ultra mare adriaticum ad urbem Manafasiam (Μονεμβασία, Napoli di Malvasia) in slavinica terra, Acta Ss. Болландистов, 8 Julii p. 504.

³ - С щекотливым славянским патриотизмом некоторых славянских ученых, будто болгары были не урало-чудь, а славяне, не имеем ни малейшей охоты спорить. Специалисты не предубежденные знают, а не специалистов не предубежденных просим верить, что неславянское происхождение болгар есть факт совершенно доказанный славянскою, наукою и не подлежащий ни малейшему сомнению.

И наш русский летописец вслед за византийцами, свидетельствует: «Словеньску же языку живушю на Дунай, придоша от Скуф, рекше от Козар, рекомии Болгаре, седоша на Дунаи, населници Словеном быта...».

⁴ - Сейчас указанная местность, действительно представляющая собой угол, носила славянское название потому, что была обитаема одним из наших русско-славянских племен, именно племенем, получившим свое имя от своей местности Угличей (нынешнее турецко-татарское название области Буджаг есть перевод славянского, т. е. значит угол).

⁵ - Западная граница простиралась до пределов Аварии (Mentor. pop. II, 509 нач.), которые точным образом неизвестны; мы указываем ее, следуя Шафарику (Древа. II, I, 265 fin.). Для людей не знающих покажется неожиданным, что подунавье сербское и Белград могли принадлежать болгарам. Но подунавье и Белград начали принадлежать сербам только с четырнадцатого века, а до того времени вовсе были не сербскими и переходили из рук в руки между греками, болгарами и мадьярами или венграми (самый Белград с ближайшим округом и с четырнадцатого в. принадлежал сербам не постоянно, а только по временам, и окончательно, укреплен за ними уже господством турецким).

⁶ - В правление Крума, в начале девятого века, Болгария (бывшая для византийских летописцев) по ту сторону Дуная (βουλγάρια ἐκείθεν τοῦ Ἰούρου ποταμοῦ), т. е. обнимавшая ту или другую часть Баната с Трансильванией и Валахией с Молдавией, представляется у летописцев как завоеванная прежде (Mentor. pop. II, 553, 558, cfr ibid. 542, 556). Но из предшественников Крума это завоевание с наибольшей вероятностью может быть усвояемо именно или Тербелу или Комерсию.

⁷ - В одной редакции славянских хронографов недавно открыта болгарская запись о первых болгарских государях. Кубрат называется в ней Куртом, Аспарух, первый перешедший за Дунай в Мизию, Есперихом; преемники Аспаруха: Тервель, Твиремь, Севар, Кармнсошь (Кормесий), Винех (?), Телец, Уганн (?), Сомор (?), Алтем (?), Умор (см. Обзор хронографов русской редакции, А. Попова, выпуск I, Москва, 1866, стр. 25 fin. и у

Гильсердига в Собрания сочинений т. 1, Спб., 1868, стр. 20, прим.). О Круме см. еще *Annales* современного западного писателя Ейнгарда под 813 г. (называется *Crumas*). Об Омортаге или Мортагоне у него же под 824 г. Покорение болгарами славян паннонских Ейнгард относит к 827 г., под которым пишет: *Bulgari quoque Slavos in Pannonia sedentes, misso per Dravum navali exercitu, ferro et igne vastaverunt, et expulsis eorum ducibus, Bulgaricos super eos rectores constituerunt.*

⁸ - Менологий импер. Василия, под 22 января, в сказания о мученичестве епископа адрианопольского Мануила и прочих с ним (т. II, р. 182, в древнем славянок, переводе см. в статье Ламанского «О некоторых рукописях в Белграде, Загребе и Вене», составляющей приложение № 1, VI т. Записок Акад. Наук 1864, стр. 100 fin.) преемника Крумова, под которым, вероятно, понимает Мортагона, называет Цоком (Τζο'κος, в славян. Цокь). По Славянскому Прологу (под 22 января, о мученичестве еп. Мануила и прочих), после Крума государями болгарскими один за другим были: Дукум, Диценг, Муртагои.

⁹ - Продолжатель Амартола (в ed. Paris, под именем Георгия монаха р. 530, в изд. Муралья стр. 725) и Лев грамматик (ed. Paris, р. 458, оба в *Memor. pop.* II, 567 нач.) перед Борисом Михаилом говорят о государе болгарском Валдимере, племяннике Крума и отце проявившего после власть Симеона. Должно ли разуместь у них под Валдимером самого Бориса, или особое от него лицо, и в последнем случае считать их показание ошибочным – не видно.

¹⁰ - Византийцы в *Memor. pop.* II, 576 sqq; Лиутпранд кремонский, в своей *Historia gestorum, regum et imperatorum lib.* III, п. 29, сообщающий не многие, но важные, сведения о Симеоне, в Патрол. Миня t. 136, col. 847 нач.; см. также Шафарика Древн. II, I, 305 fin. sqq, Гильоерднга Письма об истории сербов и болгар, выпуск 1, стр. 107 sqq. Хотя слова Льва диакона εἰς ἀ'κο'νοϊαν τὴν Ζκυθικὴν καὶ συνη'θη ἐπαρθεῖς αἰ'τοκρά'τορα ἑαυτο'ν ἀνακηρίττειν Πωμαί'οις ἐχέ'λευεν, ed. Haase р. 75, значат не то, что Симеон приказал именовать себя царем ромейским или греческим, как неправильно толкуют их

некоторые ученые, а то, что ромеям или грекам он приказал именовать себя царем болгарским (безумие Симеона по летописцу греческому при этом состояло в том, что он дерзал присвоить себе титул, которое греки считали исключительным достоянием своих собственных государей, принимая свыше предустановленным существование на земле только единого христианского царства); но действительно положительным образом известно, что он мечтал, и стремился и считал себя свыше призванным занять место императоров византийских (см. письма к нему константинопольского патриарха Николая Мистика, в издании Анжело. Майо *Spicilegium Romanum* t. X, pp. 181, 201, 220, 224, 231 sqq, 235, 244 fin. sqq, 263). – Думают, что для получения церковного благословения на принятие царского венца Симеон входил в сношение с папою, но это совершенно несправедливо (см. о сем ниже); он или не обращался за ним ни к кому, или просто получил его от своего архиепископа (или может быть считал таковым благословение, преподанное ему патриархом константинопольским, названным выше Николаем Мистиком, о котором *Memor. por.* II, 583 fin. верхнего текста).

¹¹ - После принятия Борисом христианства, греки отдали болгарам землю от Сидиры, которая была прежде границей «между обоими государствами, по город Дебелът или Загору (см. ниже), – Дебелът ми Загора верстах в 20 на запад от приморского Бургаса, на западном берегу соединяющегося с бургасским заливом озера, а Сидира, по Шафарику, нынешнее селение Чаликавак, находящееся на юг от Шумлы по ту сторону северных Балкан (Древн. II, 1, 361 fin.). На юго-восток от Триадицы (Софии) к Филиппополю граница была в горах Родопских в верховьях р. Марицы, *Memor. por.* II, 632. За левым берегом Стримона, Раслог и Меленик принадлежали болгарам (см. ниже о границах болгарской архиепископии-патриархии и *Memor. por.* II, 636 нач.), и поля болгарские простирались до Сереса (*Memor. por.* II, 687), который принадлежал грекам (*ibid.* II, 622); на Вардаре граница была южнее Просева (см. о нем ниже, *ibid.* U, 705) и соприкасалась с округой или уездом Солуни, см. Камениату в *Scriptoribus post Theophanem*, ed. Paris., p. 322. На юг в Фессалии и Епире после

Симеона в правление Петра болгарам принадлежали города: Веррия, Сервия, Стагус-Балабак, Янина, Бутрот (см. о границах болгарской архиепископии-патриархии). На северо-запад и запад от Сербии граница шла по Дрину (Метог. рор. II, 634), захватывала область Хвостно (см. ниже об епархиях), на Косовом поле была между Липением и Звечавом (о которых ниже, *ibid.* 170, Анна Комнена говорит тут о позднейших границах, но в позднейшее время они не были расширяемы), подходила к Расе или нынешнему Новому Пазару (*ibid.* 575 *fin.*). В правление Самуила Диррахий некоторое время принадлежал к владениям болгарским (Метог. рор. II, 627); но он завоеван был не ранее как самим же этим государем. Это видно из того, что когда в 1019 г., после покорения первого болгарского царства греками, архиепископу болгарскому предоставлено было право возвратить себе в церковном отношении всю ту территорию, которая в правление Петра принадлежала к болгарскому государству, то на Диррахий он не изъявлял своих притязаний (см. ниже). Что касается до Белграда и нижней Савы, то при Борисе и Симеоне владения болгар простирались включительно до них не вероятно только, а несомненно. После не совсем надежного автора жития Климента белицкого, по которому сидел в Белграде наместник Бориса (§ XVI), смотри: 1) летопись Фульдскую, которая, рассказывая под 892 годом о сношениях немцев о болгарам (в немецком переводе Rehdantz'a стр. 111), ясно дает знать, что владения болгар прилежали к самой Саве; 2) анонима венгерского, который вод последними годами девятого века прямо говорит, что Белград принадлежать к владениям Симеона (у Фесслера в *Geschichte von Ungarn*, изд. 2, т. I, стр. 61 *нач. и fin.*); 3) Кедрина, который, рассказывая под 1640 г. о возмущении болгар против греческого правительства (Метог. рор. II, 650), ясно дает знать, что жители Белграда и его округа принадлежали до падения болгарского царства к числу его подданных и, быв или не быв болгарам по своему племенному происхождению, сознавали себя таковыми в смысле государственном; 4) Вильгельма Тирского, который под 1096 годом прямо называет Белград, в 1019 г. вместе со всеми остальными болгарскими владениями доставшийся

грекам, а тогда, как кажется, временно находившийся во власти венгров, городов болгарским (в Патрол. Миня т. 201, стр. 238, 239 и 254). Если Константин Порфирогенит говорит, что сербы до его времени никогда не признавали над собой власти болгар (De administr. imperio cap. 32), то слова его значат не то, что до его времени болгары никогда не овладевали Белградом, а то, что, как замечали мы выше и как это и у него самого, Белград не должен быть разумеем в числе владений сербских. Из сейчас указанных общих приобретений Бориса и Симеона что принадлежало первому и что второму, точным образом определить довольно трудно. Но во всяком случае первым расширены были пределы государства в северной Македонии и в северной Албании не менее как по города Истиб и Белград или Берет включительно (см. ниже об епархиях брегальницкой и албано-белградской). Мы сказали, что он сделал своя приобретения не посредством завоеваний у греков, а посредством подчинения себе независимых славянских пленено: мы предполагаем это, или иначе – мы предполагаем, что подчиненные им славяне северной Македонии и северной Албании были независимы от империи, основываясь на существующих и достойных веры свидетельствах, что при своем крещении он дал грекам обещание постоянно иметь с ними братский мир и что потом во все время своего правления он ненарушимо соблюдал свое обещание (см. ниже).

¹² - См. Метог. рор. II, 621 sqq, Шафар. Древн. II, I, 316, Гильфердинга Письма об истории сербов и болгар, период 2, 215 стр. 127 sqq (перед 995 г. мы видим в руках Самуила город Диррахий, которого не покорял даже Симеон, а перед 1003-м годом он владел Преславой, из чего следует заключать, что на некоторое время им отнята была у греков большая часть завоеваний Цимисхия, Метог. рор. II, 627 и 628). – Г. Гильфердинг, считая Самуила убийцей отца и всех братьев, представляет его отвратительным злодеем и вообще человеком ненавистным; но это, как кажется, довольно поспешно. Об убийстве одного из братьев говорят византийцы (Метог. рор. II, 622); но эта столь обычная нравам древних времен жестокость, быв вызвана подозрениями в измене отечеству, хотя не может

быть совершенно оправдана, во по тогдашнем обстоятельствам болгар может быть до некоторой степени понята и извинена. Что же касается до напечатанного г. Гильфердингом (*ibid.* стр. 132) латинского свидетельства об убийстве отца и остальных братьев, то достоверность его еще сильно нуждается в подтверждении. Если бы Самуил действительно был слишком нехороший человек, то византийцы, которых он был таким заклятым врагом, не преминули бы выставить его не только в ого истинном, но и в преувеличенно черном свете; а между тем из всех их отзывов о нем следует заключать совершенно противное.

¹³ - Из византийских летописцев о Петре и Асене главным образом должно смотреть Никиту Хониата (а не противоречащего ему несколько Георгия Акрополита), который был непосредственным их современником и сам лично участвовал в военных против них походах († после 1206 года); выписки в *Memor. por.* II, 672 sqq; есть русский перевод, Спб., 1860. Смерть Асеня Дюканж (в *Familiae Byzantinae*, ed. Paris, p. 319) относит к 1189 г.; но мы предпочитаем следовать Стриттеру (*Memor. p.* II, 448), потому что Никита Хониат прямо говорят о Петре (убитом или в 1195 или 1196 г.), что он правил после смерти Асеня весьма недолго (*Memor. por.* II, 693, § 240), – а Георгий Акрополит о самом Асене, что он правил девять лет (1185 – 1194, *ibid.* 690 fin.). Что касается до владений болгар при Петре и Асене, то из Мизии во Фракию они не переступали за Балканы, *Memor. por.* II, 680, 682, 684, и в первой из них, как мы сказали, София, Варна и Анхиал (и должно быть Месембрия) оставались еще во власти греков, *ibid.* 680, 681, 683, 685, 704; на восток в северной Македонии бонтары владели по р. Стримон, *ibid.* 688 fin., на юг по города Струмцу, Просек, Прилеп и Пел агонию, которые все еще оставались за греками, *ibid.* 693, 696, 703, также 687 и 689. Кем именно – Петром ли и Асеном, или их преемником Калияном была завоевана у греков подунайская Сербия, положительно неизвестно, но по всей вероятности первыми, а не последним. Никита Хониан говорит об Асене, что, не довольствуясь собственной Мизией, он старался возвратить от греков все

владения первого болгарского царства (Метог. рор. II, 677 нач.); но между этими владениями он прежде всего должен был позаботиться о сербском подунавьи, потому что иначе, оставаясь в сем последнем, греки могли бы действовать против него с двух сторон.

¹⁴ - Иоанном Калуюном называется сего государя патр. Евфимий в житии Филофеев терновской (Троицк. Лаврск. ркп. № 676, л. 763 об.), просто Иоанном византийские летописцы, Joannitins'ом папа Иннокентий III в первом к нему послании (у Миня в Патрол. т. 214, стр. 825), Иваницей – Виллегардуин (см. у Дюканжа в Familiae Byzant., ed. Paris., p. 319); сам себя в посланиях к папе Иннокентию он называет Calojannes. Выписки из говорящих о нем византийцев Никиты Хониата и Георгия Акрополита в Метог. рор. II, 693 sqq. О границах и могуществе Болгарии под конец его правления ibid. 713, 716 fin., 717, 720 (у греков оставались во Фракия только Селиврия и Визия, у латинян Константинополь, Адрианополь и Дидимотика) и в житиях Филофеи терновской и Илариона мегленского, принадлежащих патр. Евфимию (Лаврск. ркп. № 676, л. 763 об. и Волоколамск, ркп. № 629, л. 241 об. fin.). Северо-западная граница в 1204 г. была насупротив находящегося за левым берегом Дуная городка Кубина, по тогдашнему Keve (см. послание папы Иннокентия III к венгерскому королю в Monumenta Slavornm Meridionalium Тейнера т. I, стр. 34 и в Патрология Миня т. 215, стр. 411, а это будет именно устье соединенной Моравы. Перед 1204 г. венгерский король отнял у Калияна область, в которой находилось пять епископских кафедр (см. послание Калияна к Иннокентию III у Тейнера ibid. стр. 30, у Миня ibid. стр. 291; область не называется по имени, но под ней необходимо разуместь область белградскую, потому что ведем разуместь никакой другой. О страшной жестокости, с которою пустошили империю и вели себя по отношению к грекам Калиян и его два предшественника, см. Метог. рор. II, 690, 693, 711 нижний текст, 714, § 266, 718, § 272. Есть хризовул Калияна от 2 февраля 1192 г., см. Slavische Bibliothek Миклошича т. I, Wien, 1851, стр. 154; но вероятно, он был дан им, когда еще он был только участником братьев в правлении

(сfr Хониата в Царствовании Алексея Комнена гл. 6, Акрополита гл. 12). Что Калиян один остался на престоле после братьев действительно не ранее 1196 г., об этом следует заключать из одного его собственного послания к пане Иннокентию III (у Миня в Патрол. т. 215, стр. 155; в этом послании, отправленном в июне 1203 г., давая знать папе, что пытался войти с ним в сношения с самого вступления на престол, он говорит, что от начала попыток прошло шесть лет).

¹⁵ - О владениях болгар при Асене см.: 1) в записи, сделанной им самим в 1230 г. по случаю сооружения в Тернове церкви Сорока Мучеников (в Чтен. Общ. Ист. 1859 г. кн. 2, в статье Даскалова «Открытия в Тернове», стр. 19); 2) в грамоте неизвестного года, данной им же рагузским купцам (в издании Миклошича *Monamenla Serbica, Viennae*, 1858, р. 2, – грамоту эту, несомненно принадлежащую Асеню II, Шафарик и Миклошич несправедливо усвояют Асеню I); 3) в житии Параскевы терновской, принадлежащем патр. Евфимию (мы имели под руками несколько списков, см. напр. Волоколамск. № 644, л. 234 об.). Евфимий говорит, что Асень владел всей Македонией, Сером или Сересом, всей Афонской горой, Солунью со всей Фессалией, Тривалами (Сербией) и Далматией (с востока и с юго-востока прилежащей к Черногории нынешней северной Албанией, – см. ниже в истории Сербии), Арванитской державой (Албанией) даже и до Драча или Дураццо. Выписки из византийцев об Асене в *Memor. por. II*, 722 sqq; дополнения из западных летописцев у Дюканжа в *Familiae Byzant.*, ed. Paris., р. 320. Отзывы Акрополита об его личном характере *Memor. por. II*, 725 sqq, § 281 в 732, § 290. Годы у византийцев вообще не очень надежны; из новых исследователей 1241 г. полагает годом смерти Асеня Дюканж (в *Familiae Byzant.*; р. 320), более вероятный 1245 г. – Стриттер (*Memor. por. II*, 449); что касается до начала правления, то сам Асень, начиная счет неизвестно с окончательного ли завладения престолом, или с более раннего времени, 1230 год считает 12-м годом своего царствования (см. в статье Даскалова «Открытия в Тернове» стр.19).

¹⁶ - Так говорит о преемнике Михаила Георгий Акрополит, см. *Memor. por. II*, 751 нижний текст. По Никифору Грегорасу

(ibid, верхний текст), преемником Михаила, не оставившего наследников, был муж его сестры Мича (Μιτζης), которого некоторые из новейших считают за сына жившего в Венгрии русских) князи Ростислава Михайловича, сына Михаила Черниговского (см. в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. LXXI, статью г. Палаузова «Ростислав Михайлович князь Мачвы»). Но Георгий Акрополит есть непосредственный современник (род. ок. 1212 г. † 1282), а Никифор Грегорас есть писатель позднейший, живший спустя целое столетие († после 1359 г.), и отдавать последнему предпочтение перед первым, как это делает Стриттер, нет ни малейшего основания. Мы сказали, что вероятнее Калиян, а не Калиян: должно думать, что он был сын брата Асфиева Александра Севастократора (Метог. рор. II, 722, Болгарск. Синодик во Времен. кн. 21, стр. 11 fin.), и вероятно есть один и тот же с Калиеном Севастократором, о котором в записи Гласн. VII, 190 нач. Что касается до предположения, будто Мича был сын Ростислава Михайловича, то во-первых, оно не имеет ни малейшего действительного основания потому, что об отношениях к Миче Роза-Ура Акрополитова, в котором думают видеть Ростислава Михайловича, Грегорас не говорит ни единого слова (и г. Палаузов просто создает их из своего воображения), – и во-вторых, тут выходили бы невозможные по правилам церковным перекрестные браки (Михаил был жевать на дочери Роза-Ура или Ростислава Михайловича, а Мича, принимаемый за сына этого последнего, был по Грегорасу мужем сестры Михайловой).

¹⁷ - О вступлении Константина на престол и женитьбе на дочери Феодора Ласкаря см. Метог. рор. П, 751 eqq (важнее нижний текст, Акрополитов). Об утратах при нить болгар в войнах с греками ibid. II, 754, § 321, 758, 760. Хризовул Константина, в котором он не совсем попятным образом называет себя внуком сербского жупана Стефана Немана (был женат на дочери Немани его отец?), см. в Путешествии по Турции Григоровича стр. 38 и в Памятниках письменности южных славян Шафарика стр. 23 sqq, записи, относящиеся к его времени, у Григоровича ibid. стр. 182 fin., Гласника VII, 190,

Восток. Румянц. Муз. стр. 290, col. 2. Что был жив в 1359 г., см. запись, напеч. в Херсонск. Епарх. Ведом. 1867 г. № 2, стр. 94.

¹⁸ - Истинное болгарское произношение имени Святслав см. в синодике Бориса 3-го, напеч. во Временнике Общ. Ист. и Древн. кн. 21, стр. 13. Полнее Феодором Святславом называется сей государь в записи на Евангелии, написанном в 1322 г. по приказу его сына и преемника Георгия Тертерия. (Евангелие находится в афонском хиландарском монастыре, и список с записи виден нами между выписками преосвящ. Порфирия Успенского.)

¹⁹ - В Acta Patriarchatus Constantinopolitani, изданных Миклошичем, есть грамота к не названному по имени болгарскому царю от патриарха константинопольского Филофея, писанная во второе патриаршество этого последнего (t. I, 353, – с русским переводом эта грамота напечатана Григоровичем в приложении к Речи о Сербии, Казань, 1859, стр. 76): под царем, как кажется, тут должен быть разумею Иоанн Александр, а не его преемник Иоанн Шишман, потому что в грамоте говорится, что между царем и императором существует союз уже довольное время, τὸ καὶροῦ ἰκανοῦ; но патр. Филофея во второй раз взошел на патриарший престол в октябре 1364 г. (см. указанные Acta Patriarch. Constantinop. t. I, p. 448). К 1371 г. относит смерть Александра одна Румынская летопись (см. в прибавлении к Речи о Сербии Григоровича стр. 18). Потому ли, что дом Шишмана, из которого происходил Александр, был в родстве с прекратившимся домом Асеней, или потому, что после Асеней усвояли себе их имя и все последующий болгарские государи, только Александр называется в грамотах Асением (см. Acta Patriarchal Constantinop. t. I, p. 432).

²⁰ - Писатель конца шестнадцатого – начала семнадцатого века Мавро Орбини или Мавроурбин утверждает, что Срацимир был старший сын Александра, рожденный от первой жены, и что он обойден был в престолонаследии по влиянию второй жены, матери Шишмана, см. его «Книгу историографию почитания имени, славы и расширения народа славянского», Спб., 1722 г., стр. 532 sqq, также у Дюканжа в Familiae Byzantinae, ed. Paris., p. 324 и у Ранга в История славенских народов кн. II, гл. XI, § 36

(Шишман действительно был сын второй жены, – древнее свидетельство об этом в Болгарском Синодике, Временн. кн. 21, стр. 13). По словам того же Мавро Орбини, Срацимир, будучи лишен отцом престола терновского, все-таки был оставлен им на уделе виддинском, который получил от него прежде; но относительно этого последнего обстоятельства гораздо вероятнее думать, что Срацимир удержался на своем уделе самовольно. Кроме Виддина, в котором имел резиденцию, Срацимир владел Никополем и Софией или Триадицей (см. у Райнальда в *Annates Ecclesiastici* an. 1366, n. 11 и an. 1368, n. 18 fin. сербские летописи в Памятниках письменности южных славян Шафарика стр. 74 и *Acta Patriarchatus Constantinopolitani* Миклошича t. II pp. 28 и 161, и t. I, p. 331, – из помещенной в последнем месте Актов записи явствует, что в церковном отношении София подлежала ведению митрополита виддинского; но так как митрополит виддинский в то время не признавал власти патриарха терновского в подчинялся патриарху константинопольскому, то помянутый город не подлежал его ведению только в том случае, когда и в гражданском отношении принадлежал не Шишману, а Срацимиру; впрочем, позднее он едва ли не перешел от второго к первому, cfr хризовул Шишмана в Гласнике VII, 188 нач.). Подобно Шишману, Срацимир именовал себя и именуем был от других царем, а не деспотом (см. надписи на его монетах в Гласнике III, 231, помянутые выше *Acta* *ibid.*, похвальное слово преп. Филофее терновской современного ему митрополита виддинского Иоасафа и у Райнальда *ibid.* an. 1366, n. 11).

²¹ - Мемор. рор. II, 884, Румынская летопись, напечатанная Григоровичем в Речи о Сербии, Казань, 1839 г., прибавл. стр. 18, Болгарский Синодик во Времени, кн. 21, стр. 13, Гаммера *Histoire de l'Empire Ottoman*, traduit par Dochez, Paris, 1840, t. I, 1. V, p. 80, col. 1 fin. Основываясь, вероятно, на турецких известиях, Гаммер относит настоящее первое нападение турок на Шишмана к 1375 г., но это несправедливо; по документальному свидетельству одной грамоты валашского воеводы Владислава от 1372 г., государь болгарский воевал против сего последнего в союзе с турками или в этом 1372 г.,

или в предшествующем 1371 году, а следовательно и подручником турок он сделался не позднее сейчас указанных годов (выписку из грамоты см. у Фесслера в *Geschichte von Ungarn*, изд. 2, т. 2, стр. 155, прим.).

²² - После продолжительных напрасных поисков, нам удаюсь было наконец найти современное прямое свидетельство о годе взятия турками Тернова; но, к сожалению, оказывается не исправную рукопись, в которой встречено нами содержащее его сочинение. Свидетельство читается в похвальном слове препод. Филофее терновской, принадлежащем Иоасафу митрополиту бдинскому или виддинскому, который был совершенно непосредственным современником печального события и который на другой год после взятия Тернова перенес из сего последнего в Виддин мощи сейчас названной Святой [О посвящении Иоасафа в митрополиты виддинские в сентябре 1393 г. см. в *Acta Patriarchal Constaotinop.* Миклошича t. II, p. 161 sqq.] (о чем говорится в самом слове). По находившемуся в наших руках списку слова [Он есть новый список, снятый для А. Ф. Гидьфердинга с рукописи Рыльского монастыря (той самой, о которой у Григоровича в Путеш. стр. 187 fin. sqq). Ошибка, как полагаем, принадлежит писцу самого оригинала.] у Иоасафа читается, что Тернов взят турками 6902 г. индикта 3-го, но тут год и индикт не соответствуют один другому, потому что в 6902 г. индикт был 2-й, а индикт 3-й есть индикт 6903 года. В индикте несомненно ошибка, потому что мы имеем документальные свидетельства (о которых сейчас ниже), что Тернов взят турками не позднее 2-го индикта или 6902 г.; но так как в рукописи допущена одна ошибка, то мы не можем ручаться, чтобы в ней не было и другой, т. е. чтобы правильно написан был в ней и год [Не можем впрочем не сообщить к сведению специалистов в пасхалии и хронологии замечательной странности, что в одном сербском хризовуле, сохранившемся до настоящего времени в пергаменном подлиннике, подобно тому, как и в слове Иоасафовом по нашему списку, индикт поставлен не текущего, а следующего года, именно год 6829, а индикт 5-й (тогда как он должен бы быть 4-й, см. в *Monumenta Serbica* Миклошича, *Viennae*, 1858, p. 90).]. Оставаясь таким образом без прямого

достоверного свидетельства, мы в настоящее время можем однако ж положительно сказать, что столица Болгарии покорена была турками или в первой половине 1394 г., или в 1393 г. Это известно нам из следующего: в августе месяце 1394 г. (индикта 2-го) патриархом константинопольским послан был в Тернов один из его митрополитов для исправления там обязанностей местного архиерея (см. *Acta Patriarchatus Constantinopolitani*, изданные Миклошичем, t. 2, p. 223); по обстоятельствам дела необходимо вред полагать, что митрополит послан был тотчас или вообще в самом непродолжительном времени после того, как низведен и сослан был турками в ссылку тогдашний терновский патриарх Евфимий (потому что иначе патриарх константинопольский, искавший подчинить себе патриархию болгарскую, должен был опасаться, что болгары успеют испросить себе у турок нового патриарха); но патриарх Евфимий, как свидетельствует названный выше митрополит Иоасаф в помянутом своем слове, послан был турками в ссылку в первый же год после взятия ими Тернова. Что касается до честнейших обстоятельств, сопровождавших покорение Болгарии турками, то в вашей Никоновской летописи под 1393 г. (IV, 252) приписано: «того же лета Амуратов сын Челюбин Амиря турский взя землю болгарскую и град их славный Тернов, и царя их и патриарха и митрополита (-ты) и епископы их плени, а мощи святых пожже, и соборную церковь в мизгит (мечеть) претвори» (согласно с Никоновской летописью относят к 1393 г. покорение Болгарии и сербские летописи, в которых под сим годом читается: «прими царь Паязитель Трновъ и друге градове июля 17», см. Гласника XI, 149, Памятников письма южных славян Шафарика стр. 74 и у Григоровича в Речи о Сербии прибавл. стр. 51). Относительно дальнейшей судьбы самого Шишмана известия не согласны, – по одним, он был умерщвлен, по другим – ему сохранена была жизнь (Румынская летопись в Речи Григоровича о Сербии прибавл. стр. 22, Гаммера *Histoire de l'Empire Ottoman* t. I, p. 89, col. 2 нач. и 102, col. 1). Один из сыновей его, по имени также Шишман, взятый вместе с ним в плен, после принял магометанство и сделан был губернатором одной из азиатских провинций (у Таймера *ibid.* p.

102); другой сын, по имени Фружин – Frusinns, убежал к венгерскому королю, от которого получил довольно значительные поместья в Темешварском Банате (Фесслера *Geschichte von Ungarn*, 2-го изд. т. 2, стр. 257 fin.; начало нынешних болгарских колоний Баната, вероятно, было положено спутниками Фружина, cfr *Geschichte des Temeser Banats*, von Leonh. Böhm., Leipzig, 1861, Th. II, S. 245).

²³ - См. сербские летописи в Памятниках Шафарика стр. 74 и в Arkiv'e za povjestnicu jngoslavensku Сакцинского III, 17 нач. и Румынскую летопись у Григоровича в Речи о Сербии прибавл. стр. 25 (у Гаммера в *Histoire de l'Empire Ottoman*, t. I, 1. V, p. 88 sqq и I. VI, p. 102, fin. sqq, как кажется, Срацимир и Шишман перемешаны, и вообще известия не представляются надежными). По одним показаниям, Срацимир по взятии Виддина был лишен султаном престола, по другим – был оставлен на нем в качестве данника; если действительно был оставлен, то следует думать, что весьма не на долгое время. О дальнейшей судьбе самого Срацимира ничего неизвестно; сын его Константин, именовавшийся при нем младым царем (см. помянутое выше слово митр. Иоасафа), умер скитаясь вне отечества – по одним известиям в 1419 г., по другим – в 1422 г. (сербские летописи в Arkiv'e Сакцинского III, 18 и в Памятниках Шафарика стр. 76. – В первые годы правления, когда турки были еще далеко, Срацимир должен был ведаться с своими западными соседями венграми: в 1365 г. он был захвачен ими в плен и хотя скоро получил свободу, но от вассальства, при котором венгерские гарнизоны находились в его городах, мог избавиться с чужою помощью только в 1369 г. (см. Фесслера *Geschichte von Ungarn*, 2-го изд. т. 2, стр. 152 fin. и 156 нач., у Райнальда в *Annales Ecclesiastici* an. 1366, n. 11, van. 1368, n. 18). Современный писатель Константин костенчский в житии Стефана деспота (Волокол. ркп. № 655, л. 202 об.) сообщает, что царь Константин, сын Срацимира, царя болгарского, умер в сербском Белграде, пришед с Угор, в 1422 г.

²⁴ - Шафар. Древн. II, I, 256. При импер. Юстиниане Ринотмете было в войсках империи более тридцати тысяч, см. Амартола по изд. Мурадыта стр. 616 fin. и 617.

²⁵ - Положительное свидетельство относительно этого думают видеть в словах болгарских послов на константинопольском соборе 869 г. (см. Анастасия библиотекаря в жизни папы Адриана II, у Миня в Патрол. т. 128, стр. 1392). Но слова эти не должно принимать слишком буквально. Болгары оказываются тут памятливými до мелких подробностей просто потому, что это так нужно было по обстоятельствам данной минуты; нов действительности они, конечно, вовсе не могли в 869 г. помнить, нашли или не нашли они в Мизии за два столетия тому назад греческих священников.

²⁶ - В 812 г. он взял город Дебелът, – нынешнюю Загору, находящуюся недалеко от Черного моря, верстах в 20 к западу от Бургаса, – и увел в Болгарию всех жителей ее вместе с их епископом; в 813 г. он вывел «превосходящее число» или бесчисленное множество пленных из Македонии и из Фракии, и между прочим жителей и епископа взятого им города Адрианополя; в 814 г., взяв город Аркадиополь, – во Фракии, нынешний Бергази или Араба-Бергаз, верстах в 80 на юго-восток от Адрианополя, – он вывел пятьдесят тысяч пленных. Memor. por. II, 542 нач., 557 sqq, 561.

²⁷ - О мученичестве епископа Мануила и иных с ним говорят импер. Константин Порфирогенит, а за ним Кедрин, Куропалат и Зонара (выписки из них см. в Kalendaria Ассемани, II, 353 sqq, в Memor. por. II, 363 sqq, в Acta Sanctorum Болландистов Jannuarii t. II, p. 441), потом Менологий импер. Василия (под 22 января, славянский перевод см. в статье Ламанского «О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене», составляющей приложение № 1 к VI тому Записок Академии Наук 1864 г., стр. 109 fin.) и Славянский Пролог (под тем же числом). Менологий импер. Василия неладно говорит, что были умерщвлены все греческие пленники; по Прологу всего пострадало триста семьдесят семь человек и в числе их епископы – Мануил адрианопольский, Георгий дебелътский, Лев никейский (разумеется Никея не вифинская, а одна аз двух, бывших во Фракии) и Петр – неизвестного места.

²⁸ - Византийцы, говорящие о крещении Бориса, суть следующие: 1) Никита Пафлагонский, 2) неизвестный

продолжатель Амартола, 3) действительный, или только так называемый Симеон Логофет, 4) неизвестный продолжатель Феофана, 5) Лев грамматик, 6) Скилица, 7) Кедрин, 8) Зонара, 9) архиепископ Феофилакт. Взаимное их отношение между собой есть следующее: Никита Пафлагонский и продолжатель Амартола суть первосказатели, именно – первый из них, как современник события, нет сомнения, говорит на основании собственного непосредственного звания, а второй (десятого века) на основании источника нам неизвестного; Симеон Логофет в одной части своего рассказа есть первосказатель, именно – сообщает сведения, взятые из неизвестного нам источника, в другой – дословно повторяет рассказ предыдущего; Лев грамматик дословно воспроизводит рассказ того же продолжателя Амартолова; продолжатель Феофана переделывает Симеона Логофета; Скилица, Кедрин и Зонара повторяют продолжателя Феофанова; архиепископ Феофилакт отчасти говорит на основании источника неизвестного, а главным образом составляет свой рассказ, пользуясь Симеоном Логофетом и продолжателем Феофана. По группам они разделяются так: отдельно Никита Пафлагонский и отдельно архиепископ Феофилакт, потом трое: Симеон Логофет, продолжатель Амартола и Лев грамматик, и четверо: продолжатель Феофана, Скилица, Кедрин и Зонара. Никита Пафлагонский есть сказатель современный и поэтому заслуживающий нашей наибольшей веры. Но говоря о событии не нарочно, а случайно и мимоходом, к сожалению, он говорит о нем весьма кратко. Он упоминает о крещении болгар в житии натр. Игнатия; сказав о продолжительном землетрясении, бывшем в Константинополе в 861 г., которое он считает наказанием свыше за жестокое гонение на низведенного патриарха, и что тотчас, как оставили преследования, кончилось и землетрясение, он прибавляет: «и болгары, но божественному смотрению, быв удручаемы голодом и будучи преклонены от императора дарами, отложили оружие и были очищены водою небесного крещения» (житие напечатано в Собраниях соборных деяний Биния, Ляббея и Гардуина, и в X т. октября Acta Ss. Болландистов; наше место в нем гл. IV, , § 29

fin., отдельно самое место в Kalendaria Ассемани, III, 34). Продолжатель Амартола говорит о крещении болгар вслед за событиями, которые другие летописцы (Симеон Логоф.) относят к третьему году правления импер. Михаила. Он пишет следующее: «узнав, что болгарский народ удручается голодом, Михаил вместе с кесарем Вардою, снарядив поход, движется сушею и морем на болгарского князя Михаила [В древнем славянском переводе по сербской редакции так же, как в греческом тексте Муралья: «на Михаила кнеза бльгарскаго», см. Синод. рукоп. № 148, л. 385 об. fin., по болгарской редакции: «на князи болгарьскийи», которых имен нет и вместо которых ниже так же. как в греческ. тексте и сербск. редакции, один князь, Синод. рукоп. № 732, л. 325.]. Болгары, узнав об этом, были поражены как бы громом, и прежде сражений и битв отчаявшись в победе, предложили сделаться христианами и повиноваться императору и римлянам. Император же, крестив и восприняв князя их, нарек его своим именем [В славянск. перев. по болгарск. редакции: «нарек – именем» нет.], а также крестил и бояр его, введши в город» В славянск. перев. по болгарск. ред.: «в цариградь въведь», по сербск.: «въвед в константинь град». (см. Хронику Амартола, изданную Муральтом, стр. 732. Этот же продолжатель Амартола вместе с концом летописи самого Амартола напечатан под именем Георгия монаха в *Scriptores post Theophanem*, по парижск. изд. наше место там стр. 584). Лев грамматик, как мы сказали, буквально повторяет сего продолжателя (он напечатан в приложении к летописи Феофана, парижск. изд. стр. 462). Симеон Логофет помещает у себя два рассказа, взятые из двух разных источников, именно один из источника неизвестного, другой из сейчас приведенного продолжателя Амартолова. Первый рассказ читается: «Когда еще Феодора содержала царство, Борис князь Болгарии, услышав, что владеет царством римским женщина, дает знать ей, что нарушит мирные договоры и пойдет на римлян войною. Но (императрица) отвечает ему: «и меня найдешь готовою выступить тебе на встречу, и надеемся покорить тебя своей власти; а если же и нет, то и в сем случае одержу над тобою верх, имея (на своей стороне) слишком

явную победу, потому что ты одолеешь не мужчину, а женщину». Вследствие этого (князь болгарский) и остался в покое и возобновил союз дружбы. (Императрица в неизвестные последние годы своего правления) предпринимает намерение разыскать монаха Феодора Куфару, задолго перед тем плененного, (болгарами): почему и (государь болгарский), взявши это за повод (для себя), дает знать (императрице) о своей сестре, которая пленена была (греками) и содержалась во дворце императорском. Она (сестра государя), быв научена грамоте и христианскому уставу и наставлена относительно благочестия и вероучения, после того как возвратилась к брату, не переставала поучать (его христианству) и увещевать (его) преложиться на истинную веру. И хотя (он), будучи содержим неверием, не хотел дотоле сам собою открыть очей к созерцанию истины, но голод, снедавший страну, вынудил его переступить римские пределы». Этим кончается первый рассказ. Сказавши за сим о событиях, имевших место в третий год правления импер. Михаила, Симеон Логофет продолжает: «в четвертый год своего правления Михаил вместе с кесарем (Вардою) снаряжается на суше и на море против болгарского князя Гобора (так вместо Богора, Богориса)», – и повторяет (с незначительными изменениями) приведенный выше рассказ продолжателя. Непосредственно за выпиской из сего последнего опять по источнику неизвестному: «возвратившись домой (Борис) приказал живописцу, по имени Мефодию, написать в своем доме суд и воздаяние (т. е. картину страшного суда), почему еще более поднимается (против него) мятеж всех его родичей (ἐκ παντὸς τοῦ γένους αὐτοῦ). Нося на себе наперстный образ божественного креста, он победил их с помощью некоторых немногих, и всех явно сделал христианами. И (после сего) дает знать императору относительно земли, так как его многочисленному народу было тесно в собственных (землях), и что он всегда пребудет единомысленным в вере и во веки будет хранить ненарушимую любовь. Император выслушал сие благосклонно и дал им остававшуюся тогда пустою землю от Сидиры, которая была тогда границей между римлянами и ими, до Девелла, который называется у них Загорой» (Scriptores

post Theophanem, ed. Paris., p. 439 sqq). Рассказ продолжателя Феофанова, который, как мы говорили, переделывает Симеона Логофета, есть следующий: «Князь Болгарии, – это был Богорис, – услышав, что владеет царством женщина (т. е. Феодора), начал дерзостнее возноситься, почему послал к ней и некоторых вестников, говоря, что нарушит мирные договоры и пойдет войной на римскую землю, но она (Феодора), не имея в мыслях ничего женского или недостаточно мужского, послала сказать ему в ответ: «имена найдешь готовою выступить тебе на встречу, и надеемся покорить тебя своей власти; если же и не случится (сего последнего) и ты победишь меня, то и в сем случае одержу над тобою верх, имея (на своей стороне) слишком явную победу, потому что ты одолеешь не мужчину, а женщину». «Вследствие этого (князь болгарский) и остался в покое, не дерзая безрассудствовать, и опять возобновил союз дружбы. Быв возбуждена или какими-нибудь сновидениями и явлением, или иным каким-нибудь образом, Феодора обратилась к князю болгарскому с спросом и настоящим розыском относительно плененного задолго перед тем некоего монаха, так называемого Феодора, по прозванию Куфары, и посланием просила его найти и освободить ей сего за какой бы он ни хотел выкуп. Взявши сие за повод (для себя) отправить посольство, просил и сей (князь болгарский) о своей собственной сестре, которая некогда пленена была римлянами и теперь содержалась в императорском дворце. Она (сестра князя), искренно обратившись к вере (Христовой) и наученная во время плена грамоте и вместе с сим быв, как надлежит, исполнена величайшей преданности христианскому уставу и благочестию и вероучению, после того как возвратилась к брату, не переставала поучать и увещевать (его) и посеивать перед ним семена веры. (Итак) он (князь болгарский), – он был уже немного научен и оглашен начатками таинств от сказанного Феодора, – отослав его (Феодора), получил в обмен собственную сестру; однако пребывал, оставаясь тем, чем был, содержимый неверием и чтя свое суеверие. Но некоторая казнь, ниспосланная от Бога, – то был голод, ибо так обыкновенно наиболее вразумляются и приводятся к познанию зла те, коп

заглубели и оземленели, – удручала и поедала его землю: и сей-то именно голод принудил его для отвращения бедствий призвать Бога, Которого часто проповедывали и славил (перед ним) Феодор и его сестра. Итак, получив освобождение от бедствий, прелгается сим образом к богопочтению и сподобляется бани пакибытия, и от посланного к нему из царствующего града архиерея переименовывается Михаилом по имени императора. Но говорят, что случилось при сем и нечто таковое. поскольку князь Богорис имел чрезмерную любовь к звериной ловле (псовой охоте), то хотел, чтобы сие (т. е. сцены из звериной ловли) изображено было и в одном его доме, который он часто посещал, дабы (таким образом) иметь сии наслаждения для взоров и ночью по истечении дня. Когда таким образом явилось у него это желание, призывает некоторого монаха, из наших римлян, живописца, – Мефодий имя мужу. Но когда сей предстал пред него, то по некоему божественному промыслу не приказал писать ни убийства людей, бывающего на войне, ни избиения животных и зверей, но сказал, что хочет непременно того, созерцанием чего смотрящие были бы приводимы в страх и изображением чего возбуждался бы ужас. Сей же, зная, что ни от чего нельзя более придти в страх, как видя второе пришествие Господне, его изобразил там, – и праведников, принимающих воздаяния за труды, и грешников, собирающих плоды посеянного в жизни и жестоко прогоняемых и отсылаемых к грозному наказанию. Итак, увидев сие, после того когда была окончена картина, и от созерцаемого восприняв в себе страх Божий и быв оглашен нашими божественными таинствами, во время глубокой ночи сподобляется божественного крещения. Объявившись в сем, он возбуждает мятеж целого своего народа, но, нося в недрах своих знамение божественного креста, победил их (быв) и с некоторыми немногими, и остальных уже не тайно, но совершенно явно также сделал усердными христианами. После того как преложился к благочестию, поскольку был затрудняем многочисленностью своего народа, пишет к государыне (т.-ф. Феодоре) о земле, и оросит у нее тем с большею надежностью, что уже теперь они, быв связаны неразрывным союзом веры и

дружества, стали одно, а не два, и обещался подчиниться (ей) о устроить вечный и ненарушимый мир. Она выслушала его милостиво и дала бывшую тогда пустою (землю, начиная) от Сидиры, которая была тогда границей между римлянами и ими, до Дебелта, который называется у них Загорой» (Scriptores post Theophan. p. 101 sqq). Мы не будем выписывать Скилицу, Кедрина и Зонару, которые, как мы сказали, повторяют сего продолжателя. Скилица передает сполна весь рассказ его, и делает в нем только некоторые частные изменения (в парижск. изд. византийцев вместе с Кедрином, тома 2 стр. 25); Кедрин дословно повторяет Скилицу и только вопреки сему последнему и всем другим называет Куфару не Феодором, а Феодосием (парижск. изд. т. 2, стр. 539); Зонара воспроизводит рассказ продолжателя с небольшим пропуском, именно-он не говорит о картине страшного суда, написанной монахом Мефодием (парижск. изд. т. 2, стр. 155). Архиепископ Феофилакт говорит о крещении Бориса в своем сказании о тивериупольских мучениках. Рассказ его есть следующий: «Когда принял власть дивный Борис покрыло всю Болгарию облако Франков; к этому присоединился еще и страшный голод: и таким образом болгарский народ, будучи истребляем неприятельским мечем и язвою голода, находился в бедственном положении. Но Борис, хотя и был еще дитятею, познал божественный бич, и что учащий Отец и Господь наводит его, хотя обратить к истине чад и рабов. Итак тогда же отправляет посольство в царю и сенату римскому, – тогда содержал царство Михаил сын Феофила, – дабы, заключив мирный договор, проводить на будущее время жизнь ясную и немятежную, тихую и покойную, во всяком благочестии и благоговействе. И присоединил к сему твердое речательство (в искренности своих слов), именно – что и сам желает принять божественное крещение; и просил, чтобы посланы были к нему священники, которые бы предали им (болгарам) все христианство. Римляне же, с удовольствием приняв то, чего никогда себе не ожидали, именно – предложения о мире, все исполнили с поспешностью. И так крестится Борис, и от воды святой купели наименоывается Михаилом, желая почтить царя римского, – так говорят они, –

принятием его имени; со своей стороны и сей (царь) восхотел быть его восприемником, хотя и не присутствовал (при совершении таинства) телесно. Вместе с ним (Борисом) крестились и те, которые были между болгарами избраннейшие родом, достоинством и богатством. После сего приняли светоносное очищение и остальные, за исключением некоторых совершенно скотоподобных, но и сих, собрав на них весьма небольшое войско, поскольку вспомоществуем был Христом, без труда усмирил и привел к божественному крещению» (новое издание Феофилакта в Патрологии Миня т. 126, стр. 197 fin., § 34). Мы говорили выше, что продолжатель Феофана, которого повторяют Скилица, Кедрин и Зонара, в у которого читается рассказ о крещении Бориса отличный от рассказа продолжателя Амартолова и Симеона Логофета, не есть подобный двум предшествующим первосказатель, заимствующий свои известия из неизвестных нам источников, но что он имел своим источником. не кого иного как Симеона Логофета [Вопрос о греческом летописце, известном под именем Симеона Логофета, есть вопрос спорный и до сих пор не решенный ученой критикой: одни считают его за действительного Симеона Логофета, жившего в первой половине десятого века и известного своей обработкой житий Святых, от чего получил прозвание метафраста: другие видят в нем или носившего также имя Симеона, или неизвестного по имени византийского писателя гораздо позднейшего времени (двенадцатого века). Если справедливее второе мнение, то продолжатель Феофана не мог перделывать собственно этого так называемого Симеона Логофета, потому что жил раньше его (во второй половине десятого века). Но в этом втором случае нужно представлять дело так, что продолжатель Феофана пересочиняет ту древнейшую, остающуюся нам неизвестной, летопись, из которой так называемый Симеон Логофет после делал своя выписки. То же должно быть сказано об отношении к сему последнему и архиепископа Феофилакта, который, как мы замечали, отчасти пользуется известиями, читаемыми в его летописи.], и только сам собою его переделывает. Сколько помним, нам не случалось встречать у исследователей

заявления о таком взаимном отношении между продолжателем и Симеоном Логофетом в вашей повести о крещении Бориса. Но как бы то ни было, это не может подлежать ни малейшему сомнению, и в этом совершенно ясно убеждает нас взаимное сличение текста того и другого. В некоторых частях своего рассказа продолжатель так самовольно обращается с своим источником, что исчезает почти всякий след заимствования; но, к нашему счастью, он поступает так не везде, – есть отделы, в которых он, не пересочиняя совсем Логофета, только немного распространяет или разбавляет его при помощи своего ораторства. И эти-то именно отделы несомненным образом и доказывают, что продолжатель имеет своим источником никого иного как Симеона Логофета, и что там, где он повествует отлично от этого последнего, он передает не более как свои собственные измышления. Таковые отделы суть – во-первых, тот и в котором он говорит об угрозе Бориса импер. Феодоре пойти на нее войной и о смилившем князя знаменитом ответе этой последней, и во-вторых, тот, в котором он говорит о размене монаха Феодора Куфары и сестры Бориса (эти отделы составляют первую четверть его рассказа): если зачеркнуть у него здесь все лишние против Логофета фразы, то окажется, что остающееся у него за сим представляет собой не что иное как буквально речь этого последнего (операцию эту нужно делать с греческим подлинником, перевести обоих так, чтобы можно было повторить ее и с русским переводом, было невозможно). Может представляться с первого взгляда непонятным, для чего продолжатель, если имеет своим источником Логофета, до такой степени его переделывает; именно, вопреки Логофету он говорит, что причиной обращения была не война, бывшая вследствие голода в Болгарии, а самый этот голод, что Борис крестился не вне Болгарии, на месте мирных переговоров, которых по нему вовсе не было, а в самой Болгарии, для чего был прислан епископ. Но в действительности причина этой совершенной переделки известий Логофета весьма ясна, – все это ему нужно было для пересочиненного им рассказа о картине страшного суда. Превращая Логофета в сем последнем случае, он говорит, что Борис приказал написать картину страшного

суда не после, а прежде крещения, и что именно созерцанием этой картины была окончательно возбуждена в нем решимость принять христианство. Но если так. обр. Борис возымел окончательную решимость принять христианство, быв поражен созерцанием написанной в его доме картины страшного суда, – если он приказал крестить себя тотчас же, то очевидно, что уже не могло быть речи о войне, т. е. что Борис был вынужден креститься сею последнею, что он крещен был не в самой Болгарии, а на месте мирных переговоров, где-то в Греции и пр. За чем автор переделывает рассказ Логофета о самой этой картине, ответ на это очень простой, за тем, что в том виде, как читается у Логофета, рассказ ему не нравился и не представлялся занимательным. Переделывая рассказ, он разумеется, не имел ни малейшей заботы о том, не удаляется ли он с своей новой редакцией от подлинной действительности; на его беду случилось это последнее, – что Борис крестился после и вследствие войны с греками, при заключении с ними мира, это есть «акт, не подлежащий сомнению, известный нам не из позднейшего Симеона Логофета, а из современника Никиты Пафлагонского. Относительно некоторых частных при своей переделке автор вдохновляет себя тем же Симеоном Логофетом: последний говорит, что Борис, смилив упорных, всех явно сделал христианами, и вот в противоположение к этому «явно» сам Борис крестится у него тайно, во время глубокой ночи. Как мы видели, автор наш позволяет себе отступить от Симеона Логофета и в показании времени крещения Бориса: неправильно он хочет относить событие к правлению импер. Феодоры, без сомнения, потому, что речью о ней начинается весь рассказ, т. е. он полагает, что все частные события рассказа имеют место одно за другим в непродолжительном времени [Если бы кто-нибудь, из желания во что бы ни стало отстоять рассказ о картине страшного суда в том его виде, в каком он читается у продолжателя (некоторые ученые питают какую-то особенную привязанность к этому рассказу), вздумал утверждать, что не он переделывает Симеона Логофета, а этот последний переделывает его: то сейчас указанными, несомненно известными нам, его

погрешностями отнимается всякая к этому возможность. Каким образом правильные показания Логофета (что Борис крестился после войны с греками, что событие имело место в правление одного Михаила удалении Феодоры) мог он превратить в свои неправильные, это очень понятно; но каким образом его неправильные показания мог бы Логофет превратить в правильные, это, конечно, было бы совершенно непостижимо.]. Итак, повторяем, продолжатель Феофана, с своим знаменитым рассказом о картине страшного суда, есть не более как пересочинитель Симеона Логофета и должен быть исключен из числа первосказателей и наших источников (вместе с повторяющими его Скилицей, Кедривом и Зонарой). По его исключении, нашими источниками между византийцами остаются: современник Никита Нафлагонский и позднейшие – продолжатель Амартала и Симеон Логофет (и отчасти архиепископ Феофилакт). Насколько заслуживают веры последние при сличении с первым, скажем ниже. У сказателей западных Франко-немецких о крещении Бориса читается в летописях – Вертинской (у Пертца *Monum. Germ. hist. t. 1*, у Миня *Patrol*, t. 125, p. 1218, 1232), Регинона Прюмиенского (второй половины девятого в., у Пертца *ibid. t. 1*, у Миня *Patrol*, t. 132, p. 96), Фульдской (у Пертца *ibid.*, в немецк. переводе *Rehdantz'a S. 48 fin.*), Ксантиской (у Пертца *ibid. t. II*, в немецк. переводе *Rehdantz'a S. 147*), Сигиберта Гемблаценского или Гемблурского (второй половины одиннадцатого в., у Пертца *ibid. t. V*, у Миня *Patrol. 1.160*, p. 164 fin.). Первая из этик летописей (Бертинская), если бы не ограничивалась только некоторыми обстоятельствами, сопровождавшими крещение Бориса, а передавала и самую его историю, была бы гораздо важнее для нас всех указанных выше византийцев, потому что ее показания принадлежат непосредственному и имевшему полную возможность знать дело точным образом современнику [Непосредственно современный автор Вертинской летописи был придворным летописцем немецкого короля (см. Ваттенбаха *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*, Berlin, 1858, S. 154); а так как болгары в то время находились в союзе и в частых сношениях с немцами, то он мог узнать дело от самих болгар, и

притом от лиц достовернейших между сими последними.];
впрочем, во всяком случае она весьма важна для вас своим показанием о годе крещения Бориса. Многочисленные легенды о Константине и Мефодии мы подробно разбираем в нашем исследовании о сих последних, куда в отсылаем желающих. Читаются известия о крещении болгар в летописных книгах славянских, именно – во-первых, в нашей древнейшей летописи, – во-вторых, в позднейших хронографах, и в-третьих – у болгарского переводчика хроники Манассиной. Но быв составлены единственно на основании византийцев, – отчасти тех самых, о которых говорила мы выше, отчасти других, еще более поздних, – известия не имеют никакого значения. Летопись говорит о двух крещениях болгар, – об одном, действительно бывшем, под 6-м годом правления импер. Михаила, 6366-м годом от сотворения мира (Полн. Собр. 1, 8), – о другом, возникшем из недоразумения, под 2-м годом правления импер. Василия, 6377-м от сотворения мира (*ibid*, стр. 9). Сказание о первом крещении заимствовано и соvrащено ю славянского перевода продолжателя Георгия Амартола; относительно записи о втором крещении (которая вся – «в лето 6377 крещена бысть вся земля болгарская») см. ниже. В хронографах, под царствованием импер. Михаила III, читаются, во-первых, те два рассказа, которые напечатаны в Никоновской летописи ч. 1, стр. 12, и потом третий рассказ, под заглавием: «О друзем князе болгар и о крещении всех болгар, иже крестишася в лето 6371» (другие списки – 6376), начинается: «Михаил же царь с Вардою кесарем» (сего третьего рассказа в Никон. летоп. нет, см. его в Обзоре хронографов русской редакции А. Попова, выпуск 1-й, Москва, 1866, стр. 167; напечатанное в Никоновской летописи в виде двух отдельных рассказов, в некоторых хронографах соединено в один общий рассказ, но это уже позднейшая редакция; в отдельном виде последний из сих двух рассказов см. у Попова *ibid*. стр. 91). Что касается до первого рассказа, напечатанного в Никоновской летописи, то он заимствован из византийцев, принадлежащих к группе продолжателя Феофанова, – у кого именно, так как рассказ взят не буквально, сказать трудно: «болярином» не

называет Куфары ни один из византийцев, но всего ближе подходят к этому названию эпитеты, даваемые ему Кедриним, *vir praeclarus ac reipublicae utilis*; вместо голода (λίμος) недуг прокажения (λοιμός) также только у Кедрина; поэтому всего вероятнее, что на основании его именно рассказ и составлен (у Кедрина Куфара называется Феодосием, а в славянском сказании Феодором; но Феодосий, вероятно, ошибка только того списка Кедрина, с которого он напечатан в *Byzant. historiae Scriptorum*). Второй рассказ, напечатанный в Никоновской летописи, сокращен из продолжателя Амартолова. Третий рассказ: «О друзем князе болгарском и о крещении всех болгар», не напечатанный в Никоновской летописи, повествует о крещении того же самого Бориса-Михаила, о крещении которого говорит и первый, и только неправильно называет его вместо Михаила Симеоном. Рассказ этот о мнимом втором (а по счету древнейших хронографов, в которых напечатанное в Ник. лет. читается в виде двух отдельных рассказов, третьем, см. напр. Волокол. Хроногр. № 649, л. 209) крещении болгар представляет собой сокращение сказания Логофетова (о крещении Бориса-Михаила); в том списке Логофета, который был под руками у совратителя, вероятно, ошибкой или по неправильной позднейшей поправке Михаил назвав Симеоном, и таким образом вероятно и явился у него второй крестящийся князь – Симеон, под которым в действительности разумеется все тот же Борис-Михаил [Конец рассказа: «и даст им (болгарам) царица Феодора землю» пр., взятый у сказателей группы продолжателя Феофанова, вероятно, приписан после; по древнейшей редакции его в рассказе не читается, см. у Попова *ibid.* стр. 167]. Рассказ принадлежит не славянскому переводчику, а греческому составителю Хронографа; не имев в руках греческого подлинника, мы убеждаемся в его существовании из показания Мелетия афинского, который пользуется им в своей церковной истории (Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορίᾱ, напеч. в Вене 1783, тома 2-го стр. 276 fin.). Болгарский переводчик хроники Манассиной (см. его приписи о крещении болгар в исследовании Черткова «О переводе Манассиной летописи на славянский язык», Москва, 1842, стр. 98), 1

составляет свой краткий рассказ (или заимствует его из греческого хронографа, в котором он составлен) на основании византийцев, принадлежащих к группе продолжателя Феофанова.

²⁹ - Подробно мы доказываем это в нашем исследовании о Константине и Мефодии, а здесь заметим только следующее. Знаменитый Шафарик, авторитет которого, конечно, достаточно силен, чтобы можно было на него сослаться, из всех древних сказателей, на разные лады утверждающих, будто Болгария крещена была славянскими первоучителями, – или тем или другим из них, – находит возможным дать веру только одному продолжателю Феофана, который говорит о живописце монахе Мефодии, написавшем для Бориса картину страшного суда, при чем он (Шафарик) считает этого живописца Мефодия за одно и то же лицо с Мефодием первоучителем (Древн. русск. перев. II, I, 297). Но, как мы видели выше, рассказ продолжателя есть не что иное как простая, ему самому принадлежащая, переделка рассказа о том же Симеона Логофета. А у этого последнего Мефодий живописец не есть монах и нисколько не есть проповедник, а просто живописец, пишущий картину уже крещенному князю, так что о Мефодии первоучителе не может быть совершенно никакой и речи.

³⁰ - См. примеч. 23-е.

³¹ - С одной стороны весьма трудно придумать побуждения и поводы, по которым могло бы быть кем-нибудь измышлено событие; но с другой стороны не менее нелегко объяснить и то, каким образом сестра государя болгарского могла попасть к грекам. Это последнее возможно было бы только в том случае, если бы грекам когда-нибудь удавалось взять, и то как-нибудь врасплох, самую болгарскую столицу, о чем летописи греческие однакож вовсе не говорят; притом, если бы удалось взять сестру Бориса, то не одну, а с другими членами семейства, между тем как говорится только об одной [Представлялось бы и еще затруднение – долговременность пребывания княжны в плену у греков, т. е. почему Борис, имея у себя греческих ценных и следоват., имея на кого обменять сестру, слишком долго не заботился о ее возвращении. Но это обстоятельство

легче объяснимое, именно предположением враждебных действий между греками и болгарами, внутренними замешательствами в самой Болгарии и пр.]. Впрочем, принимая в расчет возможность разных случайностей, по которым могло иметь место необъяснимое для нас событие, т. е. этот плен болгарской княжны, кажется все-таки справедливее принимать известие, чем отвергать его.

³² - Справедливость этого не может подлежать никакому сомнению. Если бы Борис не сам пришел к убеждению в необходимости принять христианство, а был убежден к принятию его какими-нибудь христианскими проповедниками, то у него не могло бы иметь места колебание в выборе между теми или другими христианами, но решившись обратиться, он прямо принял бы веру тех христиан, проповедниками которых был бы склонен к обращению; т. е., мы разумеем, если бы он имел своими просветителями проповедников, латинских, то прямо и принял бы христианство от латинян, а если бы имел таковыми проповедников греческих, то и принял бы христианство от греков, потому что проповедники, вместе с убеждением в истинности христианства, конечно, убедили бы его в необходимости принять последнее именно от той стороны, к которой бы сами принадлежали. Но у Бориса, после того как он решился принять христианство, мы видим колебание между тою и другою стороною христиан, – сначала он хотел креститься от немцев (см. ниже), а потом передумал и крестился от греков. Из этого-то ясно и видно, что он приведен был к решимости принять христианство не внешнею проповедью каких-нибудь проповедников, а собственным сознанием необходимости этого дела. Что не приходили к Борису проповедовать ему христианства миссионеры греческие, это достаточно дают видеть слова патр. Фотия, который говорит, что болгары крестились неожиданно (παράδο'ξως), *Encycl. epist.*, ed. Montacut., p. 49.

³³ - Непосредственным образом новые языческие народы видели неизмеримое превосходство над собой общественного быта народов христианских. Но от этого превосходства они

необходимо должны были заключать к превосходству и их веры над своими верами.

³⁴ - Борис вступил на болгарский великокняжеский престол не ранее 852 и не позднее 856 года (см. о сем ниже). В 853 г. государь болгарский (неизвестно, Борис или его предшественник) был союзником моравов против немцев (см. *Annales Prudentii Trecensis*, под 853 годом fin., у Пертца т. 1, у Миня в Патрол. т. 115, стр. 1408 fin., cfr Палацкого *Geschichte von Böhmen* 1, 114). Позднее, в шестидесятых годах, Борис был союзником немцев против моравов (в первый раз упоминает об этом Фульдская летопись под 863 годом, давая знать, что союз существовал ранее, у Пертца т. 1, в немецком переводе Rehdantz'a, стр. 36).

³⁵ - В 864 г. король немецкий доносил папе, что он надеется, что князь болгарские обратится к христианству, и просил у папы его об этом молитв (см. *Capitula responsionum* папы Николая послу немецкого короля, в *Epistola et decreta* папы Николая № LX1, у Миня Patrol, t. 119, p. 875; о годе сих капитул ниже); летописец бертонский под 864 г. говорит, что каган болгарский обещал королю немецкому принять христианство (у Миня Patrol, t. 125, p. 1218). Если король просил у папы молитв об обращении Бориса и старался получить от него самого обещание относительно этого, то ясно, что он заботился и хлопотал о крещении государя болгарского, заботился и хлопотал, разумеется, в тех видах, чтобы таким образом крепче привязать его к своему союзу. Современный крещению Бориса западный писатель Анастасий библиотекарь, защищая права своей римской церкви на Болгарию, утверждает, будто она крещена была не греками, а одним латинским священником (по имени Павлом, см. его *Interpretatio Synodi VIII generalis, praefat.*, в Патрол. Миня t. 429, col. 18 tin.). Если он не совсем вымышляет свое известие, то этот его латинский священник, в действительности – только пытавшийся, но не успевший крестить болгар по латинскому обряду, по всей вероятности был послан в Болгарию именно королем немецким.

³⁶ - См. предыдущ. примеч.

³⁷ - Из двух позднейших византийцев продолжатель Амартола, очевидно, дает нам видеть не более как образец беззастенчивой греческой хвастни, когда утверждает, что греки были начавшими войну и что болгары, услышав о военных приготовлениях греков, без битв отчаялись в победе. Современник Никита Пафлагонский говорит, что болгары положили оружие, быв преклонены от императора дарами. Если положили оружие, то ясно, что поднимали его и вовсе не отчаивались в победе прежде битв; если положили оружие, быв преклонены дарами императора, то ясно, что не только поднимали его, но имели в своих враждебных действиях большой или меньший успех. Снося с словами Никиты другое позднейшее свидетельство (Симеона Логофета), что болгары, быв вынуждаемы голодом, переступили римские пределы, мы должны признать его за действительно достоверное свидетельство, т. е. что на самом деле не греки, а болгары были первые поднявшие оружие, – Симеон Логофет, как кажется, приводит известие не вполне, делая опущение с тою целью, чтобы иметь потом возможность повторить противоречащий ему рассказ продолжателя[Желательно, чтобы нашлась та греческая летопись, которая служила для него (Логофета) источником в первом отделе его рассказа, – в ней может быть мы прочли бы подлинную и обстоятельную повесть о крещении болгар.]. Таким образом, по соображении всех троих византийцев, говорящих о крещении Бориса, дело вообще должно быть представляемо так, как мы его представляем. Выше мы видели, что архиепископ Феофилакт говорит о покрывшем Болгарию облаке франков. Откуда берет он это, стоящее у него ни к селу, ни к городу, облако франков, пока мы не можем объяснить; но во всяком случае несомненно, что его показание ошибочно, – положительным и достоверным образом известно, что непосредственно перед крещением и непосредственно после крещения Борис находился в мире и союзе с немецким королем. (Не читал ли он летописи Бертинской и не понимал ли записанного в ней под 864 годом: «Hludovicus rex Germaniae hostiliter obviam Bulgaram Cagano... (пропуск) nomine, qui

christianum se fieri velle promiserat, pergit», ошибочным образом о враждебном походе Людовика против Бориса?)

³⁸ - Симеон Логофет сообщает, что Борис, после того как заключил мир с греками и крестившись возвратился домой, просил у них и получил одну прилежавшую к Болгарии область. Может быть и действительно было так, как он сообщает, т. е. может быть это действительно было со стороны Бориса уже новым требованием сверх тех, которые предъявил и на которые получил удовлетворение при заключении мира; во едва ли не вероятнее, что уступка названной области была одним из условий, предъявленным государем болгарским именно при сем первом случае.

³⁹ - Т. е. продолжателя Амартолова, которого повторяют Симеон Логофет и Лев грамматик, – повествующий отличное от сего продолжатель Феофана, как мы говорили, просто сам собою переделывает Симеона Логофета. Под городом, по всей вероятности, действительно должно разуместь, как это разумеют славянские; переводчики Амартола (см. выше), тот город, который был для греков городом по преимуществу, т. е. Константинополь. Слова летописца об этом городе не совсем вразумительны; он говорит: «крестив и восприняв князя, (император) нарек его своим именем, а также крестил и бояр его, введши в город». Как понимать эту странность, что для крещения введены были в Константинополь одни бояре, а сам князь крещен был вне его? Если слова сказаны не наобум, то мы полагаем, что действительно следует понимать их так, что сам Борис крещен был вне города, в своем военном стане. Хотя и заключил мир с греками, хотя и принимал их веру, но тем не менее он все-таки мог опасаться вероломства греков, опыт которого они показали над одним из его предшественников (Крумом, см. Метог. рор. II, 553 sqq), а поэтому и не пойти в их город, где бы он был совершенно в их власти. Что касается до бояр, то по отношению к ним опасения не могли иметь места, а поэтому для придания большей торжественности действию крещения они и введены были в город.

⁴⁰ - В своем поучительном послании к Борису, писанном спустя некоторое время после крещения последнего, он

называет князя дорогим украшением трудов своих, законным чадом своих духовных болезней (см. послание в русск. перев. в V т. Духовн. Беседы, стр. 128, 397). Слова эти если не исключительно, то между прочим должны быть разумеемы о наставлениях в христианской вере, преподанных им новокрещенному государю; но единственный случай, когда он мог видеть я наставлять последнего – это случай его крещения.

⁴¹ - О заговоре сообщал папе Николаю сам Борис, и из его собственных слов узнаем о намерении бояр убить его, с тем, чтобы поставить на его место другого, и о той жестокости, с которою наказаны были им зачинщики (см. *Responsa Nicolai ad consulta Bulgarorum* n. XVII у Миня в Патрол. т. 119, стр. 988). Подробные и, как мы думаем, слышанные от самих болгар известия о нем передает составитель Бертинской летописи (под 866 годом, у Миня в Патр. т. 125, стр. 1232: заговорщики явились ко дворцу княжескому для выполнения своего намерения, сопровождаемые огромной толпой возбужденного ими народа; Борис вышел к ним в сопровождении всего 48 человек; казнено им после усмирения восстания 52 человека). До какой степени заслуживает веры читаемые у Симеона Логофета рассказ о картине страшного суда, зрелищем которого, как говорится у него, особенно возбуждены были против христианства болгары? Точно сообщаемое имя живописца, написавшего картину, конечно, ничего не доказывает, потому что дать вымышленному лицу любое имя ничего не стоило; отсутствие поводов к измышлению рассказа также не может быть приводимо в доказательство его подлинности, потому что народные фантазии любят обставлять общенародные события разными занимательными подробностями и без всяких поводов. Но странным образом, некоторые как будто бы намеки на действительное существование этой картины могут быть находимы в рассказе самого Бориса о возмущении папе Николаю. Он говорит, что его подданные, после того как были крещены им, восстали против него с великим неистовством, говоря, что он дал им недобрый закон. Эти слова: «говоря, что он дал им недобрый закон», наводят на мысль, что болгары каким-то образом вдруг и наглядно могли убедиться, что

христианство есть недобрый для них закон; но подобным образом они могли убедиться в этом именно по картине страшного суда, на которой они должны были увидеть, что по христианству участь ожидающая грешников в загробной жизни есть несравненно худшая, нежели как они представляли себе ее по своим языческим понятиям, и что христианство очень многих осуждает как грешников, кого прежде они вовсе не считали таковыми. (Впрочем, дело может быть объясняемо и иначе: болгарам, как и другим язычникам, христианство могло показаться недобрым законом потому, что воспрещает многоженство и что после крещения им приходилось из многих жен оставлять у себя по одной.)

⁴² - Что Борис оставался язычником не менее как до 864 года, это известно из показаний двух современных свидетелей западных, именно – короля немецкого Людовика и составителя летописи Бертинской. Король Людовик не только находился в союзе и сношениях с Борисом, но и принимал живое участие именно в деле его обращения к христианству, а, следовательно есть свидетель вполне и безусловно достоверный; но весной 864 г. он доносил папе Николаю чрез своего посла, – как это мы знаем из сохранившегося до настоящего времени официального документа, – что он (король) надеется, что князь болгарский (остающийся еще в язычестве) примет христианство (см. *Capitula responionum* папы Николая послу короля в *Epistola et decreta* папы Николая № LXI, п. XII, у Меня в Патрол. т. 119, стр. 875). Что касается до времени бытности королева посла в Риме, то оно определяется теми указаниями, какие даются в сейчас названных ответных главах папы относительно подвергнутого им запрещению архиепископа кельнского Гунтера. В ответных главах, во-первых, говорится, что Гунтер, несмотря на запрещение, дерзает священнодействовать, а это последний дозволил себе в Пасху 864 г., см. летопись Вертинскую под 864 годом, в Патрол. Миня t. 125, p. 1217; во-вторых, в ответных главах говорится о Гунтере как о запрещенном, но не как о низложенном, а он совсем низложен был королем вскоре после своего самовольного посягновения на священнодействие, летоп. Берт. *ibid*. Составитель летописи

Вертинской, также бывший непосредственным современником, был в то же время придворным летописцем сейчас названного немецкого короля, и следовательно находился совершенно в такой же полной возможности знать дело достоверно точным образом, как и этот последний; под 864 г. он пишет, что король Людовик (спустя некоторое время после помянутого посольства к папе) ходил (или собирался идти) на свидание с каганом болгарским, который (еще остававшийся дотоле язычником) обещался принять христианство (в Патрол. Миня t. 125, стр. 1218. Подлинные слова летописца суть: «Hludovicus rex Germaniae hostiliter obviam Bulgarum Gagano... nomine, qui christianum se fieri velle promiserat, pergit». Их обыкновенно понимают так, что король пошел против кагана войною, чтобы наказать последнего за то, что он обещался принять христианство и потом не сдержал своего обещания. Но слова *hostis* и *hostiliter* в средневековом языке кроме своих коренных значений – враг и враждебно – употребляются еще совсем в других, именно – первое в значении поход, второе в значении (снарядиться) по-походному, (отправиться) походом, в поход, см. у Дюканжа в *Glossarium'e latinitatis* под словом *hostis*, и так как не задолго перед тем посол короля доносил папе, что он – *fidelis rex dispositum babeat venire Tullinam et deinde pacem cum rege Vulgarorum confirmare* (в ответных главах папы Николая), то у летописца необходимо понимать дело именно так, что король спешил отправиться в поход на свидание с каганом болгарским). Что Борис крестился или в 864 г., или в начале 865, показание об этом находим у патриарха константинопольского Фотия. В своем известном Окружном послании к восточным патриархам он пишет, что не успели пройти и два года после принятия болгарями христианства, как их страной овладели латиняне (οὐ'πω γὰρ ἐκεῖ'νου τοῦ ἔθνους οὐδ' εἰς δυ'ο ἐνιαυτοῦς τὴν ὀρεθὴν τῶν χριστιανῶν τιμῶντας θρησκεῖ'αν... Photii Epistolae, ed. Montacut., p. 49), т. е. иначе, что болгары приняли христианство или за два неполные, или – если предполагать весьма возможное некоторое преувеличение – за два полные года до того, как они отложились от греков и передались папе. Последнее событие имело место во второй

половине 866 г., именно – Борис прислал в Рим свое посольство с изъявлением желания перейти под власть папы в августе, а папа отправил в Болгарию свое латинское духовенство в ноябре этого года (см. ниже); а таким образом по сему указанию крещение Бориса именно и должно быть относимо к указанному выше продолжению времени (если Фотий считает с Борисова посольства в Рим, то, предполагая два полные года, крещение нужно будет относить к первой половине 864 г., а два не полные – ко второй половине того же года; если он считает с прибытия в Болгарию латинского духовенства, то, предполагая два полные года, крещение нужно будет относить к концу 864 г., а два неполные – к началу 865 года). Кроме сейчас приведенных свидетелей, есть еще показания о годе крещения Бориса у византийского летописца Симеона Логофета и у византийского писателя Никиты Пафлагонского. Симеон Логофет говорит, что импер. Михаил предпринял свой поход против Бориса, за которым последовало крещение этого последнего, в четвертый год своего правления (см. выше прим. 25); атак как четвертый год правления Михаила есть 860, то, на основании его слов, крещение должно быть относимо или к этому 860, или к следующему 861 году. Никита Пафлагонский в житии патр. Игнатия говорит, что болгары крестились в весьма непродолжительном времени после того, как прекратилось бывшее в Константинополе продолжительное землетрясение (см. там же); а так как землетрясение, о котором он говорит, было в августе месяце 861 г., то по его показанию крещение должно быть относимо или к концу 861, или к началу 862 года. Есть новейшие ученые, которые хотят следовать именно сим двум свидетелям (и соглашая их останавливаются на годе 861). Но делать это – значит не что иное как заведомо предпочитать неверное достоверному. Не говорим о Симеоне Логофете, который нисколько не есть писатель современный и у которого хронология если не вся вообще, то именно правления импер. Михаила несомненно весьма ненадежна (см. напр. год седьмой, п. XXVIII, ed. Paris., p. 441); но и современник Никита Пафлагонский не может быть ставим ни в малейшее сравнение

с троими названными выше. О той возможности, в которой находились король Людовик и составитель летописи Вертинской, чтобы дать показание совершенно достоверным образом, мы уже говорили выше. Но то же самое и патр. Фотий. Принимая непосредственное или посредственное участие в крещении Бориса, он не мог не знать его года, а свое сочинение, в котором читается у него наше показание, он писал так немного спустя времени после события (Окружное послание обнародовано в первой половине 867 г.), что никак не мог сделать его ошибочным образом по забвению. Напротив, что касается до Никиты Пафлагонского, то он был человек к делу крещения болгар не имевший никаких особенных отношений и современник события сравнительно довольно отдаленный (он писал житие Игнатия не ранее как между 880–886 годами, см. *Commentarium praeivum* к житию в *Acta Sanctorum* Болландистов, Octobr., t. X, p. 158, n. 5), а поэтому и ошибка с его стороны была возможна и легко объяснима (можно даже предполагать у него и умышленную намеренность; он говорит о незаконности преследований против патр. Игнатия и хочет подтвердить эту незаконность свидетельствами самого неба, – пока продолжались преследования, утверждает он, империю поражали бедствия – страшное землетрясение, война болгарская, но как только кончились преследования, прекратилось землетрясение и болгары не только положили оружие, но и приняли христианство: так как для него по его особенной цели именно нужно было, чтобы крещение болгар имело место вслед за превращением гонений на патр. Игнатия, то очень может быть, что он переносит его сюда из его действительного времени не по бессознательному неведению, а сознательным образом вследствие сейчас указанного побуждения). В наших собственных славянских записях есть свидетельство, хотя пока еще и не совершенно бесспорное, о том, что крещение Бориса должно быть относимо к пространству времени не 860–61, а именно 864–65 годов. В славянском переводе «летописца вскоре» патр. Никифора и в наших хронографах читается показание, что крещение болгар было за 80 лет до преложения книг: не может пока быть

утверждаемо совершенно положительным образом, но должно быть принимаемо более чем за вероятное, что под предложением книг тут нужно разуместь не перевод богослужебных книг, совершенный Константином и Мефодием, а перевод толкового Евангелия, совершенный их учеником Константином епископом, т. е. понимать дело так, что запись, сделанная этим последним относительно расстояния времени между крещением болгар и его собственным трудом [В единственном, известном в настоящее время, списке этого последнего не читаемая, см. Описания синодд. рукописей Горского и Невоструева Ц. 1, № 163, стр. 421.], ошибочно и нелепо понята была о труде Константина и Мефодия. Но если крещение болгар, по показанию Константина епископа, было за 30 лет до перевода им (точнее говоря – составления им) толкового Евангелия; то оно по нему было в 863–64 г., потому что перевод был совершен им в 6402 г. от сотв. м. или в 893–94 г. от Р. Х. (см. у Горского и Невоструева *ibid.* стр. 422). В русских сказаниях о времени крещения болгар говорится, во-первых, в древней летописи, – во-вторых, в позднейших хронографах. Составитель летописи, введенный в заблуждение славянским переводчиком «летописца вскоре» патр. Никифора, принимает два крещения болгар и относит – одно из них, произвольным образом, к 6366 г. от сотворения мира и 7 году правления импер. Михаила, – другое, на основании указанного славянского переводчика, к 6377 г. от сотворения мира и ко 2 году правления импер. Василия (Собр. Летоп. т. 1, стр. 8 и 9). Славянский переводчик Никифора, как мы говорили сейчас выше, по всей вероятности, неправильным образом усвоит Константину первоучителю труд Константина епископа, и затем определяет свой год на основании хронологической записи, находящейся при толковом Евангелии сего последнего. Но эта хронологическая запись в том виде, как она была читаема переводчиком и как она читается в настоящее время, представляет собой переправку одного из переписчиков, – вместо 6406 года в ней должен стоять 6402 г. (см. у Горского и Невоструева *ibid.* II, 2, 163, стр. 422); атакам образом на основании ее и годом крещения болгар будет не год

выставляемый переводчиком, а 6372 год от сотворения мира [Год преложения книг у переводчика не 64–06, как это в записи при Евангелии Константина, а 6405-й потому, что ин принимает не 20, как запись, а 19 лет правления импер. Василия. Крещение болгар он собственно должен бы был относить не к 6377 году, но или согласно с записью к 6376, или согласно с самим собой к 6375 году.]. Мы сказали, что составитель летописи с своими двумя крещениями болгар введен в заблуждение этим переводчиком Никифора: с одной стороны он давал веру ошибочному показанию переводчика, будто болгары крещены были при импер. Василии, а с другой – он читал у продолжателя Амартолова, что болгары крещены были при импер. Михаиле, – таким образом и явились у него два крещения. Чтобы объяснить эту странность двукратного крещения, о втором он прибавляет от себя, что тогда крещены были все болгары. Что касается до года первого (т. е. собственно единственного) крещения, бывшего при импер. Михаиле, то оно поставлено в летописи под 6366 или без всякой особенной причины, а просто потому, что нужно же было поставить его под каким-нибудь годом правления импер. Михаила (у продолжателя Амартолова, у которого заимствован рассказ, год не показан, а у летописца все события стоят непременно под годами), или если по намеренному соображению, то следующему нехитрому: по славянскому переводчику Никифора крещение болгар было за 30 лет до преложения книг, имевшего место в 6406 году [У переводчика, как мы сейчас сказали, год не 6406, а 6405-й, но летопись ставит у себя первый, а не второй, без сомнения, потому, что хочет поправлять его по служившей для него источником записи при Евангелии епископа Константина]; но в летописи над рассказом о преложении книг вместе с этим 6406 годом надписаны в одну строку не отмеченные никакими событиями и предшествующие годы, начиная с 6396 (см. Собр. Лет. т. 1, стр. 10), так что в ней говорится о преложении книг как будто под годами 6396–6406: как чрез вычитание 30 из последнего между этими числами получается год второго крещения, бывшего (будто бы) при Василии [В летописи не 6376, как бы следовало

в ней быть, а 6377 г. потому, что она хочет тут быть точно согласно не столько сама с собой, сколько с переводчиком Никифора. Так как 6406–6377 не 30, а 29, то в Никоновск. летоп., восстанавливающей точное вычисление годов самой древней летописи, и говорится (ч. 1, стр. 25), что от крещения болгар до преложения книг 29 лет.], так для отыскания года первого крещения, бывшего при Михаиле, вычтены те же 30 из первого числа, т. е. 6396. Если принимать эту намеренность, то следует думать, что не имеющее никакого действительного основания вычисление сделано не самим составителем летописи, а одним из позднейших ее дополнителей. В хронографах указывается год только второго из двух крещений, о которых в них говорится, т. е. крещения мнимого князя Симеона. Этот год есть один и тот же с годом крещения по переводчику Никифора, или с годом второго крещения древней летописи, именно – по поправке переводчика на основании годов летописи (6406–306376) 6376-й [В некоторых списках вместо 6376 года 6371, но это, вероятно, ошибка: в одном из двух, бывших у нас под руками, списков с этим последним годом, в надписании над сказанием 6371, а в самом тексте сказания, по переводчику Никифора, 6377 год. (Но с другой стороны редакторы хронографа, ставящие 6371 г., не имели ли у себя хронологической записи Константина епископа в ее подлинном виде, и не вычитали ли они 30, оставляя текущий год Константина, – у которого 6402, – из 6401?)] (а не 6377, как у переводчика. В бывшем у нас под руками списке хронографа одной редакции с Никоновской летописью нет сказаний о крещении болгар в самом тексте, но указывается год крещения в общей хронологической росписи событий, положенной в начале хронографа; здесь, год прямо по переводчику 6377-й). Желательно, чтобы ориенталисты попытались объяснить нам слова «етхь бехти», читаемые в приписке к Константинову переводу слов Св. Афанасия (Описания синодд. ркп. Горского и Невостр. II, 2, 33, № 111).

⁴³ - Гизелер в своей Церковной Истории и некоторые другие.

⁴⁴ - Что у болгар, до их обращения к папе, не было своего отдельного митрополита и что они получили его только после возвращения от папы, об этом ясно свидетельствуют 1) *Responsa* папы Николая *ad consulla Bulgarorum*, где папа (n. LXXII) отвечает спрашивающим болгарам, что если не патриарх, то архиепископ (или митрополит) может быть дан им с течением времени, – обещать только с течением времени дать то, что уже болгары имели, конечно, было бы со стороны папы весьма странно; 2) импер. Василий Македонянин, который, говоря о поставлении в Болгарии архиепископа после возвращения болгар от папы, ясно дает знать, что он тут поставляем был впервые (*Vita Basil. Maced. §. XGV, в Scriptt. post Theophan. p. 210*). Что болгарам действительно первоначально не было дано не только своего митрополита, но и ни одного епископа, об этом нужно заключать из того, что папа, когда обратились к нему болгары, сначала дал им только одного епископа: чтобы привязать к себе болгар, папа необходимо должен был дать им более, нежели что они имели от греков; но если он дал им только одного епископа, то следует, что от греков они не имели ни одного (см. также *Responsa ad consulta Bulgarorum n. LXXXVIII*, послание Фотия к Борису русск. перев. стр. 336, послание папы Адриана к патриарху Игнатию у Барония an. 871, n. XVI, где везде говорится об одних священниках; в послании папы к Игнатию под *presbyteri nostri et episcopi* должно разумеать пресвитеров и епископов не греческих, как неправильно разумеет Mansi, а латинских, см. *Hefele Conciliengeschichte B. 4, S. 422 прим.*).

⁴⁵ - *Anastasii BibtiotbVita Nicolai papae* у Миня в Патрол. т. 128, стр. 1374. Вместе с богатыми дарами (Анастас. *ibid.*) Борис прислал папе тот меч, с которым укротил восстание желавших низвергнуть его приверженцев язычества (летоп. Бертинск. под 866 г.).

⁴⁶ - *Responsa ad consulta Bulgarorum n. LXXII, LXXIII*, у Миня Патрол. т. 119, стр. 1007.

⁴⁷ - *Летопись Бертинская* под 866 г. и *Фульдская* под 866 и 867 годами. За чем Борис просил епископа и священников у короля немецкого, когда в то же время просил их у папы, ясно

не видно; вероятно, за тем, чтобы доставить королю удовольствие и более скрепить свой с ним союз. С епископом и священниками король послал Борису на собираемые им самим и его братом Карлом священные сосуды, одежды и богослужебные книги (летоп. Бертинск. и Регинон Прюмиенск.). Епископ и священники немецкие, пришел в Болгарию, нашли уже там епископов и священников, присланных папой, почему скоро возвратились назад (летоп. Фульдск.).

⁴⁸ - *Responsa ad consnltia Bulgarorum* nn. LXXII, LXXIII, CVI fin.

⁴⁹ - *Ibid.* nn. LXXII, LXXIII.

⁵⁰ - Они отправились вместе с легатами, посланными папою в Константинополь (*Anastasii Vita Nicolai* у Миня т. 128, стр. 1374), а письма, посланные с ними последними к императору и патриарху константинопольским и другим тамошним лицам, от 13-го ноября 866 года, см. у Миня в Патрол. т. 119, стр. 1045, 1053, 1057, 1061, 1063, 1067, №№ писем XCVIII-CIII.

⁵¹ - Напечатаны в разных собраниях соборных деяний, в Патрологии Миня т. 119, стр. 978 sqq.

⁵² - *Encycl. epist.* ed. Montacut. p. 49 sqq. Cfr. *Anastasii Biblioth. Interpretat. Synodi VIII general*, у Миня т. 129, стр. 20 нач. и Фульдск. летоп. под 867 г.

⁵³ - *Anastas. Vita Nicolai* у Миня стр. 1374 tin. sqq.

⁵⁴ - См. *Jatfe Regesta pontificum Romanorum*, Berolini, 1851, p. 264 нач., *Hefele Conciliengeschichte* B. 4, S. 496.

⁵⁵ - *Anastas. Vita Nicolai* у Миня стр. 1375 нач., *Vita Adriani II* *ibid.* p. 1383, tin. первого §.

⁵⁶ - Послы Бориса прибыли в Рим после того, как отправлены были папою в Константинополь легаты, в числе которых был прошенный болгарами Марин, а эти последние отбыли из Рима после 10 июня 869 г., — от сего числа посланные с ними грамоты к императору и патриарху см. Вагопии *Annales* ап. 869, n. X fin. и *Hefele Conciliengeschichte* B. 4. S. 363 fin.

⁵⁷ - *Vita Adriani* у Миня т. 128, стр. 1394 fin. sqq. Текст напечатанный у Миня сличай с текстом у Барония ап. 869, n.

ХСII и с посланием папы Иннокентия III к Калияну 1202 г. у Маня т. 214, стр. 1115 нач.

⁵⁸ - Об этих усилиях см. Константина Норфирогенйта в жизнеописании Василия Македонянина, в парижск. изд. Scriptt. post Theophan. р. 210, н. ХСV. Константин Порфирогенит хочет представить дело так, что как будто бы виноваты были сами болгары, не хотевшие прежде брать архиепископа; но тут обычную грекам замашку лгать на других он доводит уже до нелепости.

⁵⁹ - На заседаниях происходившего тогда в Константинополе собора (так называемого у латинян 8-го вселенского) послы болгарские присутствовали в первый раз 28 Февраля 870 г., см. Anastas. Biblioth. Interpret. Synodi VIII general., actio X, у Мини в Патрол. т. 129, стр. 148.

⁶⁰ - Прибыв в Константинополь, послы болгарские предъявили происходившему тогда здесь, в присутствии уполномоченных от восточных патриархов и папских легатов, собору настоятельное желание своего государя слышать его решение: чьему ведению – папы или патриарха константинопольского должны подлежать они – болгары. На состоявшемся особом заседании собора восточные решили в пользу патриарха константинопольского, а легаты папы доказывали права этого последнего и протестовали против решения восточных (Vita Adriani II у Миня т. 128, стр. 1391 sqq, Anastasii Interpretat. Synodi VIII general. praefatio у Миня т. 129. стр. 18 sqq, у Барония 869 LXXIII sqq; восточных известий нет). Но это требование соборного решения было со стороны Бориса не более как одною Формальностью. Не потому он отложился от папы, что так приговорил собор, а потому требовал соборного приговора, что уже прежде решил отложиться. Соборное решение, присуждавшее Болгарию патриарху константинопольскому, ему (Борису) нужно было за тем, чтобы иметь чем оправдывать перед па-, пой свое от него отпадение и так. обр. не очень раздражить его и перевести его гнев с себя главным образом на греков. Анастасий библиотекарь, действительно, виня во всем почти исключительно этих последних, полагает, что если бы они не убедили Бориса

прислать послов на собор, то не случилось бы и отпадения (Interpret. Synod. VIII у Миня стр. 20): в действительности наоборот, Борис не прислал бы послов на собор, если бы не задумал отпадения уже прежде. Вслед за латинянами и греками, препиравшимися о взаимных правах на Болгарию, стараются решать спор в пользу той или другой стороны и новейшие ученые. Но они хотят признавать тут права, которые не имеют ни малейшего права на признание: пока Болгария (под именем Мизин) была провинцией Греко-римской империи, она действительно должна была принадлежать к какому-нибудь из патриархов этой последней; но явившееся в ней независимое болгарское государство не принадлежало никому, кроме самих болгар, – чью хотели, ту власть они и признавали.

⁶¹ - Вместо того, чтобы прямо изгонять латинских священников, Борис, желая не слишком раздражить папу, предпочел отделаться от них иным образом. Именно, он подкупил, бывшего тогда в Болгарии начальником латинского духовенства, епископа Гримоальда, чтобы он сам, измыслив предлоги, вывел священников из Болгарии. С Гримоальдом Борис послал папе грамоту, в которой извещал с притворным сожалением, что принимает греческое духовенство, подчиняясь определению собора (Vita Adriani у Миня т. 128, стр. 1396).

⁶² - От папы Адриана сохранились два послания, одно к импер. Василию, другое к патр. Игнатию, оба от 10 ноября 871 г. В первом папа выражает свой гнев на то, что Игнатий поставил в Болгарию архиепископа, и убеждает императора заставить его отказаться от притязаний на страну; во втором, сохранившемся в отрывке, опровергает оправдания Игнатия относительно изгнания из Болгарии Латинского духовенства. Си. у Барония ап. 871, n. XII, XVI, у Jaffe в Regesta №№ 2236 и 2237. Посланий по тому же делу папы Иоанна VIII известно четырнадцать. Шесть от 16 апреля 877 г., из коих четыре в Болгарию – к Борису, к двоим из его бояр и к находящемуся в стране греческому духовенству, и два в Константинополь – к императору и патриарху: Бориса папа убеждает возвратиться к престолу Св. Петра; бояр его просит убеждать государя к тому же; греческому духовенству, находящемуся в Болгарии, под угрозой отлучения,

предписывает удалиться из нее в продолжение 30 дней; патриарху, под тою же угрозою, предписывает вывести свое духовенство из Болгарии в течение указанного срока. У Миня в Патрол. т. 126, р. 758 sqq, №№ CVIII-CXIII. Пять посланий от 879 г., из коих три к Борису, одно к его боярам и одно к императору греческому, – Бориса и бояр его убеждает к тому же, к чему выше [Обещался прислать вместе с ходившим в Рим епископом хорватским Феодосием, о котором см. в послании папы к Бравимиру хорватскому у Маня в том же томе стр. 918.]; от императора требует, чтобы возвратил Болгарию папскому престолу; у Маня *ibid.* стр. 832, 833, 843. 848, 853, №№ CCXVII, CCXVIII, CCXXI, CCXXVI, CXLIII. Два послания, к Борису и к императору греческому, 880 г., – в первом выражает свое удивление, что Борис не прислал, как обещался, своих послов [[Из одного послания к Борису (№ CCXXVI) видно, что последний посылал к папе свое посольство.]]; во втором благодарит императора, что возвратил ему Болгарию (о сей напрасной благодарности у Барония ап. 880, п. I, III). У Миня *ibid.* стр. 909 и 919, №№ CCXCVI и CCCVIII. Одно послание, к Борису, 881 г., – угрожает, в случае, если еще будет медлить непокорностью, предать отлучению. У Миня *ibid.* стр. 938, № CCCXXXIII.

⁶³ - Современник Бориса Регинон Прюмиенский, под 868 г., у Миня т. 132, стр. 97.

⁶⁴ - В Тивериупольских мучениках § 36 *fin.* у Миня т. 126, стр. 202.

⁶⁵ - См. послания патр. Николая к сыну Борисову Симеону у Анжело Майо, в издании *Spicilegium Romanum* t. X, pp. 176, 199, 247, 261 *fin.*

⁶⁶ - Что Борис был на великокняжеском престоле 36 лет, об этом говорит Феофилакт в Тивериупольских мучениках, § 36, у Миня стр. 202. Так как он не мог иметь никакого повода выдумывать это точное число, то, полагая, что он заимствовал его из какой-нибудь древней записи, мы принимаем его с полной верой. Под 892 г. Фульдская летопись называет королем болгарским Лаодомура (в немецк. перев. Rehdantz'a стр. 111), т. е. старшего сына Борисова Владимира, который находился на

престоле четыре года (по свидет. Феофилакта в Тивериуп. муч. § 47); принимая этот 892 год за первый год его правления, восшествие Бориса на престол нужно будет относить к 856 году, а принимая за последний – к 852, в таком образом вообще вступление на престол нужно полагать между сими двумя годами, а удаление с престола между годами 888 и 892. Что Борясь провел в монашестве немалое число лет, об этом прямо говорит Феофилакт, *ibid.* О смерти Бориса в 907 г. свидетельствует запись при славянок, переводе слов Афанасия Александрийского, см. Горек, и Невостр. Описание синод, рукописей II, 2, стр. 38, № 111. Старший сын Бориса Владимир, как мы сказали, находился на престоле четыре года. Что касается до его удаления с престола еще при жизни отца, то, по свидетельству болгарского современного сказателя, он согнан с него братом (см. Чудо о кресте и о болгарине в Тронцк.-лаврск. Прологе № 33, л. 162 об., в апеч. г. Срезневским в Древних памятниках русокого письма и языка, Спб., 1863, стр. 259 sqq); а по свидетельству также современного западного летописца (Регинона Прюмиенского, под 868 г., у Миня т. 132, стр. 97, повторяемого Сигибертом Бемблаценским, под 865 г., у Миня т. 160, стр. 165), низведен самим Борисом за то, что проводил непотребную жизнь и снова хотел возвратить народ к язычеству (*longe a paterna intentione et operatione recedens, praedas coepit exercere, ebrietatibus, comessationibus et libidinibus vacare, et omni conamine ad gentilitatis ritum populum noviter baptizatum revocare*). У Регинона рассказ о низведении подробный; по его словам, Борис выколол Владимиру глаза и заключил его в темницу, угрожая тем же наказанием всякому отступнику от христианства).

⁶⁷ - Что болгары не имели у себя славянских книг до 866 г. или до обращения к папе, это видно из того, что они просили папу о присылке к ним, взамен прогнанных ими священников греческих, священников латинских. Если бы они имели славянские книги, то они просили бы папу не об этом, а о том, чтобы он, прислав им епископов, поставил им священников из их собственной среды. Что болгары не вводили у себя славянского богослужения во время господства папы, об этом

необходимо заключать из того, что нет никаких намеков на это в существующих за это время известиях; между тем как если бы это было, – не только намеков, но и прямых речей необходимо следовало бы ожидать.

⁶⁸ - В западной церкви архиепископы были то же самое, что митрополиты, т. е. архиепископ – было просто другим названием митрополита, или наоборот (и по своему значению соответствовал восточным митрополитам). В восточной церкви митрополиты и архиепископы были отличены одни от других. Митрополиты, представляя собой в общей церковно-правительственной организации вторую инстанцию после патриархов, были главными архиереями и начальниками округ, на которые разделены были патриархаты и между которыми поделены были епископии сих последних. Архиепископы, все с эпитетом автокефальных (αυτοκέφαλος – самоглавный, т. е. не подчиненный тому, кому бы должен быть подчинен по общему порядку), представляли собой так сказать изъятие из общего правительственного строя и были двух родов – низшие и высшие митрополитов. Архиепископами низшими митрополитов назывались такие епископы, которые, быв освобождены из-под власти местных окружных митрополитов, зависели прямо и непосредственно от самих патриархов (этих архиепископов в позднейшее время было в Греции очень много). Архиепископами высшими митрополитов назывались такие окружные митрополиты, которые освобождены были с своими округами из-под власти своих местных патриархов и были столько же самостоятельны, как и эти последние, отличаясь от них и будучи ниже их только своим именем (такowymi архиепископами-митрополитами были: архиепископ недолго существовавшей первой Юстинианы, см. XI новеллу импер. Юстиниана, и здесь – *ut primae Justinianae antistes non solum metropolitanus, sed etiam archiepiscopus fiat*; архиепископ кипрский, см. Lequien'a Oriens II, 1087 sqq, и впоследствии архиепископ ахридский). Первый, данный греками болгарам, высший предстоятель их церкви везде в известиях называется именно архиепископом, а не митрополитом, см. славянское сказание, о котором в следущ. примеч., и Константина

Порфириогенита в Memor. por. II, 574 и ed. Paris, p. 110 fin. Так как к нему неприменимо понятие архиепископа низшего митрополитов, то оставалось бы предполагать, что он был архиепископом высшим митрополитов, т. е. что греки освободили болгарского митрополита от подчинения патриарху константинопольскому при самом учреждении их митрополии. Но это последнее до крайности сомнительно, и следует думать, что по своему значению архиепископ болгарский был обыкновенный, подчиненный патриарху константинопольскому, митрополит, а получил имя архиепископа, а не митрополита, только потому, что непосредственно перед сим были у болгар переговоры с папою о даровании им архиепископа (как преимущественно вместо митрополита употреблялось это имя на западе и как исключительно употребляется оно в переговорах болгар с папою), т. е. что для обозначения восточного понятия взято было тут западное имя (болгары, которым перед тем папа хотел дать архиепископа, не зная, что на западе архиепископ и митрополит значили одно и то же, требовали и от греков, чтобы и они дали им архиепископа, – и греки дали им митрополита с именем, но не с значением в их восточном смысле, архиепископа).

⁶⁹ - Читается в Прологе Троицкой лаврской библиотеки (№ 33, л. 162 об.). Оно напечатано в Древних памятниках русского письма и языка г. Срезневского, Спб., 1863, стр. 259, col. 2 sqq.

⁷⁰ - Древнейший из известных нам писателей, который приводит известие, что первым, поставленным от патр. Игнатия, болгарским архиепископом был Феофилакт, есть Бароний (Annal. Ессиев. ап. 870, n. LII). Он приводит его не как свое, а как чужое известие, и выражает сомнение относительно его достоверности; что касается до оснований, на которых принималось известие, то он их не указывает, а говорит просто affirmant. Позднейшие писатели, повторяя известие как достоверное, также решительно ни один не указывают его источников и оснований, почему и заслуживает полной веры Ассемани, который, давая знать, что оно есть простое позднейшее измышление, прямо утверждает (в Kalendaria t. 2,

р. 204), что оно принимается и повторяется *nullo antique teste*. По наведении точнейших справок, мы можем прямо указать, каким образом возник этот мнимый Феофилакт из смешения с Феофилактом позднейшим. Этот последний, как читается о нем в одном каталоге болгарских архиепископов (у Дюканжа в *Familiae Byzantinae*, ed. Paris., р. 175, и как он сам дает знать в своих письмах), был родом из Еврипа (Θεοφίλακτος ο' ἐξ Εὐπίπου), но на константинопольском соборе 879 – 880 г. присутствовал Феофилакт епископ еврипский (Θεοφίλακτος Εὐπίπου, см. Τοῦμος χαρῶς – патр. Досифея, напечатанный в Валахии в 1705 г. стр. 34, строку 10): нет сомнения, что Феофилакт архиепископ болгарский, родом из Еврипа, был смешан с Феофилактом епископом еврипским, и что сначала время его жизни перенесено было на девятый век, а потом, когда было узнано, что он жил не в девятом, а в одиннадцатом веке, он был раздвоен – перенесен был на свое место в одиннадцатый век, но также оставлен и на прежнем месте в девятом веке.

⁷¹ - Мемор. рор. II, 420 и 650. III, 629 нач. Город этот существовал еще при римлянах и назывался у них, также по имени самой реки, *Ad Magrum* и *Margus*. Шафарик (Древн. II, I, 356), предполагает существование многих городов с именем Морава, но это несправедливо; город известен именно только один сейчас названный, а затем по рекам сербской и болгарской Моравам было несколько не городов, а жуп или волостей того же имени; считаемый им за один из воображаемых им древних городов, носивших имя Морава, город Гилан (при истоках болгарской Моравы) есть город новый, построенный в очень недавнее время, см. Гана *Reise von Belgrad nach Salonik*, 1-го изд., 1861 г., стр. 86 (а под Моравой, о которой в Мемор. рор. II, 251 и 861, должна быть разумеема одна из жуп болгарской Моравы: cfr *Monumenta Serbica* Миклошича р. 117 и у Даничича в Речнике под словом Морава). Что касается до того, что в деяниях соборных то' Мора'βα, а у летописцев τὸ Μορα'βον, то подобные примеры безразличного употребления иногда единственного, иногда множественного числа имеются в

названиях и других городов, напр. название Белграда писалось и τὸ Βελεγραδόν, и τὰ Βελεγραδὰ.

⁷² - Каталог напечатан Дюканжем в *Familiae Byzantinæ* ed. Paris. p. 174. sqq. Относительно первых трех архиепископов (Мефодия – Климента) его показания неладны, но относительно последующих (с сего Дамиана) в них нет оснований сомневаться, так как большая часть их подтверждается свидетельствами и византийских летописей. Что каталог составлен в половине двенадцатого века, об этом нужно заключать из того, что о последнем архиепископе, на котором он останавливается, бывшем именно в этой половине двенадцатого века, Иоанне Комнине, сообщаются самые подробные родословные известия, – эти известия заставляют предполагать, что каталог составлен при жизни Иоанна: Ниже для краткости мы будем называть его Дюканжевым каталогом.

⁷³ - Что при заключении этого брачного союза греки действительно показали к болгарам величайшую благосклонность, с полной готовностью соглашаясь удовлетворить их требованиям, касавшимся народной чести, см. Лиутпранда кремонского *Relationem de legatione Constantinopolitana* § 19 в Патрол. Миня t. 136, p. 917.

⁷⁴ - Неправильно или ошибочно вместо Дассарипой.

⁷⁵ - Цахарие, см. *Beiträge zur Geschichte der Bulgarischen Kirche* S. 10, считает архиепископов Давида и Иоанна существовавшими одновременно совершенно несправедливо. Если импер. Василий не назначил Иоанна в архиепископы, а только утвердил его в этом сане (*ibid.* S. 17), то это должно понимать не так, что Иоанн был уже архиепископом до завоевания царства, а так, что импер. Василий, желая поставить на место низведенного им Давида также болгарина, а не грека, не сам выбрал кандидата (потому что между болгарями он не мог знать людей достойных), а предоставил избрать его болгарам, и что потом этого избранного болгарями он и утвердил в сане архиепископа. Что перед утверждением от императора Иоанн небыль архиепископом, а только монахом, это совершенно ясно говорится в грамоте первого (Ралли и

Потлн V, 258: ευ'λαβὲς αὐτὸν μοναχοῦν Ἰωα'μμη ἀρχιεπί'σκοπον Βαλγαρί'ας ἐκურω'σαμεν εἶναι).

⁷⁶ - Феофилакт был одним из наставников Константина Дуки Порфирогенита, сына импер. Михаила Дуки Парापинакиса, а Константин родился в 1074 г. (Дюканжа *Familiae Byzantinae*, ed. Paris, p. 162): предполагая, что он приглашен был в наставники, когда Константину было 8–9 лет, и что находился при нем не менее двух лет, получим 1084–85 год. Думать, как хотят некоторые, что воспитание им Константина ограничивалось только немногими уроками, которые он мог давать ему во время кратковременных посещений столицы уже в бытность архиепископом ахридским (краткая жизнь при казанск. издания Благовестника, стр. 28), вовсе не представляется вероятным; а что касается до письма его к философу Иоанну, которое могло быть написано только до 1081 г. (*ibid.* стр. 7), то в письме вовсе нет положительных признаков, чтобы оно было писано уже после, а не прежде поставления в архиепископы.

⁷⁷ - В правление Бориса государство болгарское простиралось на юг в Македонии и Албании не менее как по города Истиб, Ахриду и Берат включительно. В 1019 г. на территории, заключающейся внутри этих границ, епархий было не менее 17-ти; предположив, что даже семь из них открыты были после, мы все-таки будем иметь для нашего времени именно не менее 10-ти. Архиепископ Феофилакт и современный ему или немного позднейший его автор пространного жития Климента белицкого утверждают, что Борис построил семь соборных, т. е. кафедральных епископских храмов (первый в *Epist.*, ed. Lamio XVI, у Миня в Патрол. т. 126, 529 fin., второй в названном житии § XXIII). Если согласиться, что они говорят правду, то количество вновь построенных храмов не должно быть необходимым образом принимаемо за все количество епархий, потому что в некоторых городах храмы могли быть готовые, остававшиеся от греков.

⁷⁸ - Три хризовула импер. Василия Болгаробойца, данные им болгарскому архиепископу после покорения болгарского царства в 1019 г., приводятся в хризовуле импер. Михаила Палеолога, данном также болгарскому архиепископу в 1272

году. Этот последний до настоящего времени был известен в небольшом отрывке (содержащем его собственное предисловие и половину одного из хризовулов импер. Василия), напечатанном в издании Ралли и Потли Σύνταγμα κανόνων V, 266 sqq. Но известный наш русский ученый путешественник преосвященный Порфирий (Успенский) нашел его в одной из синайских рукописей в полном виде. Сняв по его благосклонному дозволению со сделанного им списка список для себя, приводим здесь из хризовула ту часть его, в которой читаются хризовулы импер. Василия. (После предисловия, которое см. у Ралли и Потли, первый хризовул Василия, половина которого также напечатана у названных выше):

ολλῶν ὄντων καὶ μεγάλων τῶν παρὰ τοῦ φιλανθρώπου θεοῦ δεδωρ
 ημένων τῇ βασιλείᾳ ἡμῶν ἀγαθῶν κατὰ διαφόρους καιροὺς, εὐαρίθμ
 ους (sic), ὑπερβαινόντων, τοῦτο ἐςὶ παρὰ πάντα ἐξαίρετον τὸ προσθ
 ήκην γενέσθαι τῇ Ρωμαίων ἀρχῇ καὶ τὴν τῶν Βουλγάρων γενέσθαι ὑ
 πὸ ζυγὸν ἔνα. Εντεύθεν οὖν καὶ τὸν εὐλαβέστατον μοναχὸν Ἰωάννην
 ἀρχιεπίσκοπον Βουλγαρίας ἐκυρώσαμενεῖναι, καὶ τὰ τῇ ἀρχιεπισκοπ
 ῇ προσήκοντα παρ' αὐτοῦ ἰθύνεσθαι. Καὶ ἐπεὶ ἡτήσατο ὁ τοιοῦτος ἐγ
 γράφως ἔχειν τοὺς οφείλοντας ταῖς ἐκκλησίαις τῆς ἐνορίας αὐτοῦ καὶ
 τῶν ἐπισκόπων αὐτοῦ κληρικούς καὶ παροίκους ὑπηρετεῖν, δεδώκα
 μεν αὐτῷ τὸ παρὸν σιγίλλιον τῆς βασιλείας ἡμῶν, δι' οὗ παρακελεύο
 μεθα αὐτὸν μὲν ἀρχιεπίσκοπον ἔχειν εἰς τὰ κάστρα, τῆς ἐνορίας αὐτ
 οῦ ἡγουν τὴν Ἀχρίδα, τὴν Πρέσπαν, τὸν Μόκρον καὶ τὴν Κίτζαβιν κλη
 ρικούς 40, καὶ παροίκους 30 [Что означает в хризовулах слово κ
 ἄ ρ ο ι κ ο ς , не можем сказать положительно; но, как кажется,
 светских архиерейских
 чиновников.]. Τὸν δὲ ἐπίσκοπον Καστορίας εἰς τὰ κάστρα τῆς ἐνορία
 ς αὐτοῦ ἡγουν εἰς τὴν Καστορίαν, εἰς τὸν Κουρέων (sic), τὴν Κολώνη
 ν, τὴν Δεάβολιν, τὴν Βοῶσαν καὶ τὸν Μώρον κληρικούς 40 καὶ παροί
 κους 30 εἰτάχα καὶ περισσότερον εἶχε πρῶην, ἀλλ' οὖν οὐ βουλόμεθ
 α ὑπερβαίνειν τὸν ἀριθμὸν τῶν κληρικῶν καὶ παροίκων τοῦ ἀρχιεπισ
 κόπου. Τὸν δὲ ἐπίσκοπον Γλαβανίτζης (sic) εἰς αὐτὴν τὴν Γλαβίνιτζα
 ν (sic) καὶ εἰς τὰ Κάνινα καὶ Νεανίσκαν, κελεύομεν ἔχειν κληρικούς 40
 καὶ παροίκους 30. Τὸν δὲ ἐπίσκοπον Μογλαίνων εἰς αὐτὰ τὰ Μόγλαι
 να καὶ τὸν Πρόσακον καὶ τὴν Μερίχοβαν καὶ τὴν Σετίνην καὶ τὸν Ὄστρ
 οβὸν καὶ εἰς τὰ Ζαόδρουα κληρικούς 15 καὶ παροίκους 15. Καὶ τὸν ἐπί

σκοπον Βουτέλεως εἰς τὴν Πελαγονίαν καὶ εἰς τὸν Πρίλαπον καὶ εἰς τὴν Δευρέτην καὶ εἰς τὸν Βελεσσὸν κληρικούς 15 καὶ παροίκους 15. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον Στρούμμιτζης εἰς αὐτὴν τὴν Στρούμμιτζαν καὶ τὸν Ραδοβίσον καὶ τὸν (sic) Κονέτζην κληρικούς 12 καὶ παροίκους 12. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον Μοροβίσδου εἰς αὐτὸν τὸν Μορόβισιον καὶ τὸν Κοζιάκον καὶ τὴν Σλάβισην καὶ τὴν Σθλετοβὰν καὶ τὸν Λουκόβιτζον καὶ τὴν Πιάνιτζαν καὶ τὴν Μαλέσοβαν κληρικούς 15 καὶ παροίκους 15. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον Βελεβουσδίου εἰς αὐτὴν τὴν Βελεβούσδα, τὸν Σουνδιάσκον (sic) καὶ τὴν Γερμάνειαν καὶ τὸν Τερίμερον καὶ τὸν Στοβὸν καὶ τὸν Κάτω Σουνδέασκον (sic) καὶ τὰ Ράσλογα κληρικούς 15 καὶ παροίκους 15. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον Τριαδίτζης εἰς αὐτὴν τὴν Τριαδίτζαν καὶ τὸν Πέρνικον καὶ τὴν (sic) Σύκοβον καὶ τὴν Σβενέαπος (sic) κελεύομεν ἔχειν κληρικούς 40 καὶ παροίκους 40. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον Νίσου εἰς αὐτὴν τὴν (sic) Νίσον καὶ εἰς τὸ Μόκρον καὶ τὸν Κομπλὸν (?) καὶ Τόπλιτζαν καὶ τὸν Σφελίγοβον κληρικούς 40 καὶ παροίκους 40. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον Βρανίτζης εἰς τὴν Βράνιτζαν καὶ τὸν Μορόβισκον καὶ τὸν Σφεντέρμον καὶ τὸν Γροντσον (?) καὶ τὸν Διβίσισκον καὶ τὴν Ἰστααγλάγγαν καὶ τὸν Βροδάρισκον κληρικούς 15 καὶ παροίκους 15. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον Βελεγράδων εἰς αὐτὰ τὰ Βελάγραδα καὶ τὸν (sic) Γραδέτζην καὶ τὸν Ὀμτζὸν καὶ τὸν Γλαβεντῖνον καὶ τὴν Ἀσπρην ἐκκλησίαν κληρικούς 40 καὶ παροίκους 40. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον τῆς (sic) Θράμου κελεύομεν ἔχειν εἰς πᾶσαν τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ κληρικούς 15 καὶ παροίκους 15. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον τῶν Σκοπίων εἰς αὐτὰ τὰ Σκόπια καὶ τὸν Βινέτζην καὶ τὸν Πρεάμορον καὶ τὴν Λύκοβαν καὶ τὸν Πρίνιπον κληρικούς 40 καὶ παροίκους 40. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον Πριζδριάνων εἰς αὐτὰ τὰ Πριζδρίανα καὶ τὸν Χοσνὸν καὶ τὸν Λεασκουμτζὸν καὶ τὸν Βραίτον κληρικούς 15 καὶ παροίκους 15. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον Λιπαινίου εἰς πᾶσαν τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ κληρικούς 30 καὶ παροίκους 30. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον Σερβίων κελεύομεν ἔχειν εἰς πᾶσαν τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ κληρικούς 30 καὶ παροίκους 30, ἵνα ἐξκουσεύονται οἱ τοιοῦτοι πάντες κληρικοὶ ἀπὸ τῆς κοδομίου καὶ τῶν λοιπῶν ἐπηρειῶν, ὡς ἐξκουσεύοντο καὶ ἐπὶ τοῦ Σαμουήλ. Ὅθεν καὶ πρὸς εἰδῆσιν τῶν μεθ' ἡμᾶς βασιλέων ποιήσαντες τὸ παρὸν σιγίλλιον δεδώκαμεν τῷ ἀρχιεπισκόπῳ, βουλλόσαντες τῷ βουλλωτηρίῳ τῆς βασιλείας ἡμῶν διὰ μολίβδου.

Ἐν μὲν τοῦτο τοιοῦτον, ἕτερον δὲ (второй хризовул импер.

Василия): Ἐπεὶ ὁ ἀγώτατος ἀρχιεπίσκοπος Βουλγαρίας ἡγήσατο τὴν βασιλείαν ἡμῶν μετὰ τὸ ἐκθέσθαι ταύτην (sic) σιγίλλιον διαλάμβανον

περὶ πασῆς ἐπισκοπῆς Βουλγαρικῆς ὁπόσῃν τὴν ἐνορίαν ἔχει, ποιῆσαι καὶ ἑτερονσιγίλλιον περὶ τῶν λοιπῶν ἐπισκοπειῶν, τῶν μὴ συναριθμιθέντων ἐν τῷ πρωτέρῳ σιγίλλῳ τῶνκατ' αὐτὸν λοιπῶν ἐπισκοπεῖων, διὰ τὸ τοὺς γειτνιάζοντας μητροπολίτας καθαρπάσαι ταύτας ἐκ τῆς Βουλγαρικῆς ἐνορίας καὶ πρὸς αὐτοὺς οἰκειῶσαι. Καὶ ἡ βασιλεῖα μοῦ οὐκ εὐδοκεῖ ὁδοβατεῖν τινὰ ἐξ αὐτῶν ἢ ἐκ τῶν ἀνθρώπωνεῶς ἐνὸς βήματος ἔσω τῶν τῆς Βουλγαρικῆς ἐνορίας, ἀλλὰ πάσας τὰς Βουλγαρικὰς ἐπισκοπὰς, ἅς ὑπὸ Πέτρου τοῦ βασιλέως καὶ τοῦ Σαμουήλ ἐδεσπόζοντο καὶ κατείχοντο καὶ παρὰ τῶν τότεἀρχιεπισκόπων, καὶ τὰ λοιπὰ ἀπάντα κάσρα, τὰ αὐτὰ θεσπίζομεν ἔχειν καὶ διακρατεῖν τὸν νυνὶἀγιώτατον ἀρχιεπίσκοπον οὐ γὰρ ἀναιμωτὶ καὶ πόνων χωρὶς καὶ ἰδρώτων, ἀλλὰ διὰ καρτερίας πολυτελοῦς καὶ συμμαχίας θεϊκῆς ὑπόσπονδον τὴν χώραν ταύτην ὁ θεὸς ἡμῖν ἐδωρήσατο, τῆς ἀγαθότητος αὐτοῦ εὐμάλα τρανῶς ἡμῖν ἀρωγούσης, καὶ τὰ διεσώτα εἰς ἓν συναπώσεως, ὑνὸ ζυγὸν ἕνα θέμενος τοὺς ὄρους καὶ τὸν τύπον, τοὺς καλῶς παρὰ τῶν πρό ἡμῶν βασιλεῦσαντωνθεσπισθέντας μηδὲν λεμνηαμένης εἰ γὰρ τῆς χώρας ἐγκρατεῖς ἐγενόμεθα, ἀλλὰ τὰ ταύτης δίκαια ἀπαράσπασα διετηρήσαμεν, ἐπικυροῦντες αὐτὰ διὰ χρυσοβούλλων καὶ σιγίλλων ἡμῶν, καὶ τὸν νυνὶ ἀγιώτατον ἀρχιεπίσκοπον Βουλγαρίας τοσαύτην τὴν ἐνορίαν ἔχειν θεσπίζομεν. οἷαν καὶ πόσηνεῖχε ἐπὶ Πέτρου τοῦ βασιλέως καὶ δεσπόζειν καὶ διακατέχειν πάσας τὰς ἐπισκοπὰς Βουλγαρίας, οὐκ ὁσαι δηλαδὴ τῷ προτέρῳ σιγίλλῳ ἔτυχον τεθεῖσαι, ἀλλὰ καὶ ὅσαι διαλαθοῦσαι οὐ ταυταῖς συνετάγησαν καὶ αἱ διὰ τῶν παρόντων σιγίλλων ἐμφανισθεῖσαι καὶ ἐξ ὀνόματος τεθεῖσαι. Καὶ ταύταις ὡς καὶ ταῖς λοιπαῖς κληρικῶν καὶ παροίκων δωρούμεθα ἡγουν κελεύομεν ἔχειν τὸν Δρίστραν ἐπίσκοπον εἰς τὰ κάστρα τῆς ἐνορίας αὐτοῦ καὶ τὰ λοιπὰ κάστρα τὰ περὶ αὐτὴν κληρικούς⁴⁰ καὶ παροίκους 40. Ἐπὶ Πέτρου γὰρ βασιλεύσαντος ἐν Βουλγαρίᾳ αὕτη μὲν τῷ τῆς ἀρχιεπισκοπῆς ἀξιώματι ἐλαμπρύνετο, μετὰ δὲ τοῦτο ἀπὸ τόπου εἰς τόπον μεταβαινόντων τῶν ἀρχιεπισκόπων, τοῦ μὲν εἰς Τριαδίτζαν, τοῦ ἐν τοῖς Βοδηνοῖς καὶ ἐν τοῖς Μογλαίνοις, εἰθ' οὕτω ἐν τῇ Ἀχρίδῃ τὸν νυνὶ εὐρομεν, ἀρχιεπίσκοπον, καὶ αὐτὴν μὲν τὴν Ἀχρίδα τὸν ἀρχιεπίσκοπον ἔχειν (подразум. повелеваем), ἐπίσκοπον δὲ εἰς τὴν Δρίστραν χειροτονῆσαι (подразум. а не архиепископа, как было прежде). Τὸν δὲ ἐπίσκοπον Βοδίνης κελεύομεν ἔχειν εἰς τὰ κάστρα τῆς ἐνορίας αὐτοῦ κληρικούς 40 καὶ παροίκους 40 ὅτι γὰρ καὶ προσφ

ωροτάτη αὕτη μοὶ γέγονε καὶ προσδευτικωτάτηκαὶ πρὸς τὴν τῆς χώρας εὐθεΐαν ὑδὸν τὰς εἰδόσους ἀνέωξεν (т. е. при завоевании Болгарии импер. Василием), ἔδει

πάντως αὐτὴν καὶ μεγίσον ἐπιτεύξασθαι ἀμοιβῶν καὶ τῶν κρειπτόνων πάντως ὑπεραρθῆναι ἀλλὰ διὰ τὸ μὴ ὑπεραίρειν καὶ ὑπερκεῖσθαι τοῦ ἀρχιεπισκόπου, κληρικῶν καὶ παροίκων τὴν ἰσομοίριαν τοῦ ἀρχιεπισκόπου ταύτη, δεδώκαμεν, ἐπαυξήσαντες δέκα ὑπὲρ τοὺς ἐβδομήκοντα τοῦ ἀρχιεπισκόπου. Τὸν δὲ ἐπίσκοπον Ῥάσου εἰς πάσαν τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ κελεύομεν ἔχειν κληρικούς 15 καὶ παροίκους 15. Τὸν δὲ ἐπίσκοπον Ὠραίας κελεύομεν ἔχειν εἰς πάσαν τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ κληρικούς 12 καὶ παροίκους 12. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον Τζερνίκου κελεύομεν ἔχειν εἰς πάσαν τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ κληρικούς 15 καὶ παροίκους 15. Τὸν δὲ ἐπίσκοπον Χίμαιρας κελεύομεν ἔχειν εἰς πάσαν τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ κληρικούς 12 καὶ παροίκους 12 τὸν γὰρ μητροπολίτην. Δυρραχίου μόνον τῷ θρόνῳ αὐτοῦ ἐκμεῖναι κελεύομεν καὶ ἀρκεῖσθαι τοῖς περὶ αὐτὸν κτήμασι καὶ χρήμασι, καὶ μὴ ἐπιβαίνειν ταῖς τῆς Βουλγαρίας ἐπισκοπαῖς. Τῷ γὰρ ἀρχιεπισκόπῳ Βουλγαρίας ταῦτα ἐκυρώσαμεν, ὥς καὶ ἀπὸ παλαιοῦ τὸ κύρος ἦν αὐτῷ καὶ ἡ ἐξουσία παρὰ τῶν ἀρχαίων τετύπεται· οὐ γὰρ παραχαράττομεν τι ἐκ τῶν προτυποθέντων τῇ ἀρχιεπισκοπῇ Βουλγαρίας, ἀλλ' εἰ καὶ ἡμαυρώθησαν, ἀνισοροῦμεν καὶ ἀνατυποῦμεν διὰ τοῦ παρόντος σιγιλλίου ἡμῶν, ἀπαράθραυστα τε διατηρεῖσθαι καὶ ἀκαινοτόμητα πάντα τα ἐξ ἀρχαίων ἀνήκοντα τῇ ἀρχιεπισκοπῇ καὶ μήτε τὸν αὐτὸν καὶ τοὺς λοιπούς ἐν ταῖς Βουλγαρίας ἐπισκοπαῖς ζυγομαχεῖν, ἀρκεῖσθαι τὲ τοῖς ἰδίῳις καὶ ἐξ ἀρχαίων ὄρων βεβαιωθεῖσιν, αἰδίων μένειν τῇ ἰδίᾳ δεσποτεΐᾳ καὶ ἀκαινοτόμητον. Τὸν δὲ ἐπίσκοπον Ἀδριανουπόλεως κελεύομεν ἔχειν εἰς πάσαν τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ κληρικούς 15 καὶ παροίκους 15. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον... (пропуск в списке преосвящ.

Πορφυρίου) κελεύομεν ἔχειν εἰς πάσαν τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ κληρικούς 15 καὶ παροίκους 15. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον Βοθρώτου κελεύομεν ἔχειν εἰς πάσαν ἐνορίαν αὐτοῦ κληρικούς 12 καὶ παροίκους 12. Τὸν δὲ ἐπίσκοπον Ἰωαννίνων κελεύομεν ἔχειν εἰς πάσαν τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ κληρικούς 15 καὶ παροίκους 15. Καὶ τὸν ἐπίσκοπον αὐτὸν Κοζίλης κελεύομεν ἔχειν εἰς πάσαν τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ κληρικούς 15 καὶ παροίκους 15. Τὸν δὲ ἐπίσκοπον Πέτρου κελεύομεν εἰς πάσαν τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ κληρικούς 40 καὶ παροίκους 40. Οὐμόνον δὲ τὰς ἐξ ὀνόματος τεθεῖσας ἐπισκοπὰς ἔχειν θεσπίζομεν τὸν ἀγιώτατον ἀρχιεπίσκοπον. Βο

υλγαρίας, ἀλλ'·εἰ καὶ λοιπαὶ ὑπελείφθησαν
 διὰ λίθην μὴ ἐμφανιθεῖσαι καὶ τῶν Βουλγαρικῶν ὄρων ἐντὸς εἰσὶ, καὶ
 τούτος διακατέχειν καὶ δεσπόζειν παρακελευόμεθα, καὶ ὅσα ἕτερα ὑπ
 ελείφθησαν κάστρα ἐκτὸς τῶν σιγιλλίων τῆς βασιλείας μου, ταῦτα πᾶ
 ντα κατέχειν τὸν αὐτὸν ἀγιώτατον ἀρχιεπίσκοπον καὶ λαμβάνειν τὸ κ
 ανονικὸν αὐτῶν πάντων, καὶ τῶν ἀνα πάσαν Βουλγαρίαν Βλάχων κ
 αὶ τῶν περὶ τὸν Βαρδάρειον Τουρκῶν, ὅσοι ἐντὸς Βουλγαρικῶν ὄρων
 εἰσὶ, τιμᾶν δὲ αὐτὸν καὶ σέβεσθαι μεγάλως καὶ ἀκούειν τοῦ λόγου αὐ
 τοῦ καὶ τῆς παραινέσεως, καὶ πάντας τοὺς ἐν Βουλγαρίᾳ στρατηγού
 ς καὶ λοιπούς ἀπαιτητὰς καὶ ἄρχοντας, καὶ μὴ περικόπεσθαι (?) αὐτο
 ῦς μήτε εἰς μοναστήριον Βουλγαρικὸν μήτε εἰς ἐκκλησίαν ἢ ἐν οἴῳ δὴ π
 οτε ἐκκλησιασικῶ ὅλως πράγματι, μήτε κωλύειν αὐτὸν μήτε τοὺς ὑπ'
 αὐτὸν θεοφιλεστάτους ἐπισκόπους ἢ ἐμποδίζειν τούτους, ἵνα μὴ μεγά
 λην καὶ ἀσυμπαθῇ ὁ τοιοῦτος ἀπὸ τῆς βασιλείας ἡμῶν ἀγανακτήσιν..
 .. Ὅθεν καὶ πρὸς εἰδήσιν τῶν μεθ' ἡμᾶς βασιλέων ποιήσαντες τὸ πα
 ρὸν σιγίλλιον, δεδώκαμεν τῷ ἀγιωτάτῳ ἀρχιεπισκόπῳ, βουλλώσαντ
 ες τῷ βουλλωτηρίῳ τῆς βασιλείας ἡμῶν διὰ μολίβδου μηνὶ μάλιστα ἔτου
 ς ἑξακισχιλιοσοῦ πεντακοσιοσοῦ εἰκοσοῦ ογδόου. Ἔτι δὲ καὶ ἕτερον
 (третий хризовул импер. Василия): Τῇ ἀγιωτάτῃ ἀρχιεπισκοπῇ
 Βουλγαρίας τὸ παρὸν σιγίλλιον ἐδόθη τῆς βασιλείας ἡμῶν, ὥσαν
 ἀκολύτως κατέχει τὰς ἐπισκοπὰς ταύτας τῶν δὲ Σερβίων καὶ
 Στάγων καὶ Βερροίας, τοῖς Βουλγαρικοῖς γὰρ ὅροις καὶ ταύτας
 διακειμένους, διὰ τοῦ παρόντος ἡμῶν σιγιλλίου ταῖς λοιπαῖς
 συνετάξαμεν ἐπισκοπαῖς καὶ τῇ ἀρχιεπισκοπῇ Βουλγαρίας
 ἐκυρώσαμεν, καὶ ταύταις δὲ κληρικούς καὶ παροίκους δωρήσασθαι
 διανοησάμεθα. Τῷ μὲν Στάγων παροίκους 12 καὶ κληρικούς 12, τῷ
 δὲ Βερροίας κληρικούς 30 καὶ παροίκους 30, τῇ δὲ ἐπισκοπῇ
 Σερβίων τῷ πρώτῳ σιγίλλῳ ἐδόθη αὐτοῖς (sic) καὶ μὴ κολύηται.
 Самый хризовул импер. Михаила Палеолога, в котором
 приводятся напечатанные выше хризовулы импер. Василия, дан
 был; архиепископу болгарскому (не названному по имени, с тем;
 чтобы он отыскивал в свою власть все помянутыя выше
 епископии) в августе 6780 (1272) года.

⁷⁹ - В первых годах тринадцатого века упоминается епархия
 девольская, открытие которой, вероятно; должно быть относимо
 еще к настоящему периоду. В области архиепископии,
 составляющей северную часть западной половины нынешнего

княжества сербского по ту сторону Моравы, в тех же первых годах тринадцатого века, вместо прежде известных двух (орейской и моравской), было пять епархий (см. ниже), и новые три, вероятно, также открыты были еще до 1185 года.

⁸⁰ - К стр. 52. В XVII в. городок Ески-Стамбул считался за древнюю великую Преславу (см. болгарский журнал «Периодическо Списание на българско книжно дружество», год. I, кн. 1, Браила, 1870, стр. 55).

⁸¹ - На соборе 879 г. присутствовал епископ тивериупольский (Τόμος χαρῶς стр. 34); но Тивериуполей было несколько, и думать, что присутствовавший на соборе был именно епископ Тивериуполя – Струмицы, нет никакого прямого основания (Lequien, I, 798, считает его за епископа Тивериуполя фригийского).

⁸² - Григорович, Путеш. 161, приводит местное предание, что древняя Сардина есть село Боян, находящееся на юг от Софии. Но предание неверно, см. Memor. pop. II, 623 fin., 638 fin. 683, где Триадица – Сардина, а castellum Bonius сам по себе. Древнее болгарское свидетельство, что Средец есть прежняя Сардина, см. в Описании рукописей синод. библиот. Горского и Невоструева II, 2, № 111, стр. 39. По некоторым старым свидетельствам, Средец начал называться Софией от того, что Милутин, король сербский, построил в нем храм Св. Софии, см. Гласника V, 60 fin.

⁸³ - При Борисе здесь было, за исключением днрнстрской, не менее трех епархий: две – проватская и дебелътская известны положительным образом, третья – преславская необходимым образом должна быть предполагаема. В половине двенадцатого века, по свидетельству Нила Доксопатра (которое см. ниже), здесь было, за тем же исключением, пять епархий.

⁸⁴ - См. послание в Monumenta Slavica Meridionalia Тейнера t. I, p. 30 и в Патрол. Миня t. 215, p. 291. Местность епархия в послании точным образом не обозначается, но что она есть указанная нами, это следует из того, что именно эта местность была завоевана венграми, о чем говорится у Кальяна.

⁸⁵ - Первый архиепископ терновский Василий в послании к папе Иннокентию III, писанном в конце 1203 или в начале 1204 года, дает знать, что он состоит архиепископом 18 лет (см. послание в Патрол. Миня т. 215, стр. 288); следовательно, поставлен в архиепископы в 1185 или 1186 году.

⁸⁶ - Изложим эту историю сношений болгар с папою Иннокентием III в ее подробности. Основываясь на позднейших уверениях Калияна Иннокентию, будто он возымел намерение обратиться за благословениями к его св. седалищу тотчас же по вступлении на престол, но будто неоднократно посланные им послы по разным препятствиям ни однажды не могли дойти до Рима, исследователя принимают, что сношения начались по инициативе не папы, а самих болгар, и что они начались не при Иннокентии III, а еще при его предшественнике Целестине II (так принимают не одни исследователи католические, которых легкое верие понятно и извинительно, а и наши православные). Но несомненно, что эти уверения Калияна суть не более как дипломатическое лгание, что сношения начались впервые при Иннокентии и что первый завязал их именно он, а не болгары. Первое послание Иннокентия к Калияну, которым он начал свои сношения с ним, не имеет даты. Но как прямо дается в нем знать (*hactenus non potuimus*) оно писано не тотчас, а то или другое время спустя после восшествия папы на престол, и вообще должно быть относимо к концу 1199 или к 1200 году. Обычный приступ, которым папы начинали свои сношения с православными государями, есть тот, будто дошло до их сведения об их (государей) преданности римскому престолу. Тем же приступом начинает и папа Иннокентий; но кроме этого обычного комплимента, он имел возможность сделать государю болгарскому комплимент еще совсем особого рода. Под властью болгар находилась тогда валахские румыны, которые производят себя и которые на самом деле отчасти происходят от итальянцев или римлян; намеренно или не намеренно приняв Калияна именно за такого римлянина-румына, пана пишет ему, что услышал об его происхождении от одного из благородных римских поколений и о том, что преданность к св. седалищу он с кровью наследовал от своих предков. Вся

вступительная речь папы есть следующая: «Призрел Господ на твое смирение и на преданность, которую, как это ведомо, имел ты доселе к римской церкви, и среди смятения браней и опасностей войн не только крепко защитил тебя, но и дивно и милосердо ущедрил (папа понимает счастливые войны I Калияна и его предшественников с греками, от которых незадолго перед тем они отложились). Мы же, услышав, что предки твои произошли из благородного поколения города Рима и что ты заимствовал от них как благородство крови, так и искреннюю преданность римскому престолу, которую оказывает» как бы по наследственному долгу, уже давно решили посетит тебя вашими грамотами и вестниками». За сим, оказав, что по разным препятствиям до сих пор не мог исполнить своего намерения, папа продолжает, что посылает к Калияну с этой грамотой *archipresbyterum Graecorum de Brundusio* Доминика, чтобы он Калиян полнее изъяснил перед ним (Домиником) свою преданность римской церкви, и что после сего, когда папа уверится в полноте его преданности, к нему будут присланы большие послы, которые обстоятельнее известят его о благоволении к нему папы (послание у Миня в Патрол. т. 214, стр. 825). Т. е. вообще Доминик послан был папой к Калияну за тем, чтобы попытаться, нельзя ли будет завязать дела об его подчинении римской церкви. На что рассчитывал папа при этом, мы уже говорили выше. Не зная, какой исход будет иметь попытка, папа в надписании послания не дает Калияну никакого титула, а просто называет его, еще никем не признанного в государях и считаемого за греческого бунтовщика, *nobilis vir*. Неожиданный посол папы сначала почему-то был принят Калияном весьма недоверчиво (Доминик был грек, и Калиян может быть заподозрил тут какой-нибудь подвох со стороны греков), так что едва ли даже не был посажен в заключение (по крайней мере довольно долгое время оставался так, не быв выслушиваем); наконец в несамозванстве посла государь уверен был одним надежным человеком [Каким-то Претаксатом. В другом послании папы Иннокентия (у Миня т. 215, стр. 153) упоминается о Претекстате константинопольце (в тексте письма вместо *Praetextati*

ошибочно potestatis). Если этот Претекстат одно и то же лицо с упомянутым выше Претаксатом, то он, будучи константинополец и вероятно грек, в то же время каким-то образом был приверженцем римской церкви (см. ib.). Допуская предположение о тождестве лиц, можно думать, что Претаксат имел влияние и на готовность Калияна вступить в сношения с папою, т. е. что он постарался представить Калияну выгоды, которые может извлечь из союза с папой.] (у Миня т. 214, стр. 1133 sqq). Предложения папы были приняты Калияном с величайшею готовностью, и он немедленно отправил к нему ответное послание. В этом последнем, извещая папу о получении его грамоты, Калиян прежде всего воздает великие благодарения всемогущему Богу, «который, – говорит он, – посетил пас недостойных рабов своих по своей неизреченной благодати и возвратил нас к памятованию крови и нашего отечества, из которого мы изошли» (Калиян понимает слова папы, что он и его предки произошли от римлян). За сим он уверяет папу: «блаженной памяти мои братья (Петр и Асень) уже давно хотели послать к вашей святости, но не могли достигнуть до вас по причине многих наших врагов; и мы подобным образом однажды и дважды и трижды пытались послать к вам, но не могли успеть в том, чего желали». Снова возблагодарив затем папу, что он сам удостоил вспомнить о нем, Калиян высказывает, чего от него (папы) желает: «сего просит власть наша от апостольского седалища, чтобы мы утверждены были в римской церкви как сыновством матери; во-первых просим от римской церкви, нашей матери, венца и чести (coronam et honorem), как (ее) возлюбленный сын, подобно тому как имели это прежние наши цари (imperatores), – один был Петр, другой – Самуил, и иные, которые предшествовали им во власти, как мы нашли это написанным в наших книгах». В заключение, если будет благосклонно принято выше заявленное, Калиян просит, чтобы папа прислал тех больших послов, о которых говорит в своей грамоте (послание у Миня т. 214, стр. 1112 sqq). Вместе с царем писал к папе свое послание и архиепископ терновский Василий. Повторяя то же самое, что в послании первого, архиепископ в заключение своей просьбы

относительно царского венца прибавляет не как только-что узнанное от папы, а как будто бы давно и всегда бывшее им – болгарам ведомым: «ибо сам он I (Калиян) и все его царство имеют благую преданность римской церкви, как наследники происходящие от крови римлян» (послание *ibid.* т. 214, стр. 1115 sqq). Замечательно, что в этом первом послании архиепископ ничего не просит у папы самому себе. Как кажется, это должно понимать так, что первоначально надеялись добыть от папы царский венец и торжественное признание в царском сане без вступления с ним в Формальный церковный союз, отделяваясь уверениями в своем сыновнем почтении только на словах и не закрепляя их какими-нибудь осязательными действиями. С Домиником, которому вручены были послания, Калиян отправил было к папе своего собственного посла, нареченного епископа браничевского (*Brandisnberensem*) священника Власия (у Миня т. 214, стр. 1113), который имел сообщить папе «тайные речи» царя (*ibid.* стр. 1116). Но Власий по каким-то препятствиям принужден был воротиться с дороги (*ibid.* стр. 1114); вероятно, с вин случилось то же самое, что потом с архиепископом Василием, именно – что на дороге через греческие владения он был задержан и ворочен греками. Долго не получая от папы никакого ответа на свои послания, Калиян решился отправить к нему нового посла. Решив для получения царского венца вступить с папою даже и в настоящий церковный союз и вероятно желая торжественностью посольства польстить самолюбию папы, он избрал на этот раз в послы самого архиепископа болгарского Василия. В послании, которое архиепископ имел вручить папе, Калиян, во-первых, снова настоятельным образом просит у последнего царского венца, а во-вторых, чего не просил прежде, – сана патриаршего для архиепископа: «молю (тебя), да пошлешь кардиналов, которым бы заповедала твоя святость короновать меня в цари и поставить в моей земле патриарха, да буду твоим рабом во (все) дни моей жизни». Здесь по-прежнему он уверяет папу, будто еще с самого вступления на престол неоднократно пытался послать к нему своих послов, но что они не могли пройти к нему. Чтобы побудить папу к скорейшей решимости, он

сообщает ему, неизвестно – действительно правду или нарочно придуманную ин ложь, что к нему засылают греки, предлагая короновать его царским венцом и сделать его архиепископа патриархом (послание у Миня т. 215, стр. 155). Василий отправился из Болгарии в июле 1203 г.; но, подобно Власию, и он принужден был воротиться с дороги. Доехав до Диррания (Дураццо в Албании на Адриатическом море), он остановлен был здесь греками, которые не только не хотели пропустить его, но если бы не находившиеся в городе латиняне, то хотели было даже бросить в Норе. Не имея возможности проехать сам, открытым посольством, он тайно отправил к папе с грамотой двояк ив своих спутников (см. у Миня т. 215, стр. 156 и 288). Наконец прибыл и посол папы с его ответом на посланные с Домиником грамоты. Посол этот, папский капеллан Иоанн de Casemarino, отправлен был еще в декабре 1202 года (от 3 декабря 1202 г. посланные с ним грамоты см. у Миня т. 214, стр. 1115); но он имел поручение устроить церковные дела в Боснии и Венгрии (см. у Миня т. 215, стр. 153 и 200), почему и прибыл в Болгарию только в августе 1203 г. (ibid, т. 215, стр. 288 fin. sqq). Если поведение Калияна, который в первых своих посланиях, прося царского венца себе, ничего не просил архиепископу, действительно должно понимать так, что он рассчитывал получить от папы первый, не вступая с ним в формальный церковный союз: то он должен был убедиться, что папа был не такой человек, которого легко можно было провести. Не посылая пока того, что у него просили, папа поспешил прислать сначала то, чего у него не просила, но что он должен был навязать просителям, чтобы привести их в формальное церковное себе подчинение; именно, не посылая венца царю, он прислал с Иоанном капелланом паллиум архиепископу. Вместе с этим, прежде всякого венца, Калиян должен был вручить послу клятвенную запись в том, что он и его преемники навсегда пребудут с своим царством в неизменной верности св. римской церкви и апостолическому седалищу. Так как болгары уже в сами решились теперь вступить в этот церковный союз с папой, то паллиум был принят и был возложен послом на архиепископа (8 сентября 1204 года,

см. у Миня т. 315, стр. 289), при чем последний, быв возведен в звание примаса (ibid. т. 215, стр. 290), дал торжественное обещание верности римскому престолу (ibid. стр. 289). Равным образом вручена была послу и клятвенная завись самого Калияна (она у Миня т. 215, стр. 287; ее дата – 6712 год от сотв. м. есть конец 1203 года от Р. Х.). Что касается до собственного предмета просьб со стороны болгарского государя, т. е. царского венца, то папа писал в своих грамотах, что он поручает послу хорошенько разведать относительно его получения предшественниками Калияна от римского престола в их древних книгах и других документах, и что поступит согласно с донесением: «повелеваем ему (послу), – пишет папа, – чтобы о венце, который был даваем, твоим предкам, римской церковью, он прилежнее разыскал истину посредством древних книг и других документов, и чтобы рассудил с тобой обо всем, о чем должно рассудить, дабы могли мы, по получении от него и от твоих послов обстоятельнейших обо всем сведений, решить как зрелее и обдуманнее поступить». При этом папа уверяет, будто, приказав пересмотреть регесты своего собственного архива, он нашел, что в его (Калияновой) земле действительно были многие коронованные короля (sic, объяснение ниже): «ты униженно просил, – пишет папа, – чтобы римская церковь дала тебе венец, как ом, по свидетельству твоих книг, даваем был (Калиян этого не говорил) славной памяти Петру, Самуилу и другом твоим предкам: итак, чтобы получить относительно сего большую уверенность, мы приказали прилежно перечесть наши регесты» и пр. (послание к Калияну у Миня т. 214, стр. 1113 sqq; послание к архиепископу ibid. стр. 1116 sqq). С Иоанном капелланом (в конце 1203 г.) был отправлен к папе послом тот самый, бывший прежде нареченным, а теперь уже посвященным епископом браничевским, Власий, который был было посылан с Домиником. С ними посланы были грамоты: 1) от самого Калияна (у Миня т. 215, стр. 290 sqq), 2) от архиепископа Василия (ibid. стр. 288) и 3) от всех епископов болгарских (ibid. стр. 289). После различных усиленных приветствий, извещая папу, что Иоанн капеллан возложил на архиепископа паллиум и сделал его примасом, Калиян налагает ему свои просьбы; во-

первых, для архиепископа в для церкви он просит следующего: «прошу и умоляю святость твою, да исполнит желание царства моего и да пошлет жезл пастырский к пасению овец и прочее, что обычно иметь патриарху, в да сотворит сущего примаса и патриарха в святой к великой церкви Тернова, первого города всей Болгарии, и да имеет церковь сия и по смерти этого патриарха – патриарха навсегда, по повелению твоей святости; и поскольку, по причине продолжительности пути и бывающих войн, было бы затруднительно по смерти каждого патриарха прибегать к римской церкви, то да будет предоставлено церковью римскою церкви терновской право избирать и посвящать себе патриарха, дабы по его небытию не оставалась она земля без благословения и чтобы (таким образом) твое посвящение (не было) несовершенным и не простерся грех на твою святость; еще просим, чтобы, по повелению твоей святости, в великой и святой церкви города Тернова было (освящаемо) миро для крещения христиан, ибо извещаем тебя, что когда узнают в Константинополе, что мы приняли посвящение от твоей святости, то не будут давать нам мира; во-вторых, для себя самого Калиян просит у папы следующего: «прошу у святости твоей, да пошлешь к царству моему кардинала от апостольского седалища, и да дашь ему диадиму и скипетр, и да пошлешь утвержденную грамоту запечатанную золотою печатью для всегдашнего хранения одного экземпляра ее в церкви терновской, да вручат все сие царству моему и да по, святят и венчают царским венцом царство мое». Архиепископ в своей грамоте просят папу прислать паллиумы для двух вновь наименованных (Иоанном капелланом, cfr у Миня т. 218, стр. 293) митрополитов, повторяет просьбу довершить дело относительно его самого (т. е. возвести в патриархи) и в особенности о св. мире; об этом последнем он пишет: «не имеем св. мира; мы получали его от греков, но они и нас имеют столько же ненавистными себе, сколько вас; и да ведаешь, господине ной, что (ныне) все сие осталось на твою святость (т. е. что обо всем относительно нас должен позаботиться один ты) и что ты все должен устроить, – и научи вас о святом мире, как должны мы крестить народ, и чтобы не

оставался народ без св. мира и не было греха». Епископы в своей грамоте (или вероятно в своей приписке к грамоте архиепископа) просят у папы паллиума (т. е. вероятно паллиумов для двух вновь наименованных митрополитов). Кроме указанного выше, Калиян еще говорит в своей грамоте о своих недоразумениях и спорах с королем венгерским, который, вероятно, жаловался на него папе. «О границах Венгрии, Болгария и Влахии, – пишет он, – оставляю суду твоей святости, да рассудишь дело это правильно и справедливо, чтобы не имела греха душа твоей святости, и таким образом царство мое будет иметь правды Болгария и Влахии (будет владеть Болгарией и Влахией), как король венгерский имеет правды Венгрии, и прекратятся убийства христиан из-за меня и из-за него; но да знает святость твоя, что принадлежат к моему царству пять епископств Болгарии, которые захватил и удерживает король венгерский с правдами (имуществами и доходами) церквей, я самая епископства уничтожены, и справедливо ли, чтобы это так было?» Вероятно, все ответы, принесенные Иоанном капелланом из Болгарии, папа нашел удовлетворительными, и вслед за сим послан был к Калиану для довершения дела новый большой посол, кардинал-пресвитер Лев. Посол этот не скоро мог дойти до Болгарии, – отправившись из Рима в начале марта 1204 г. (грамоты посланные с ним от 2 марта 1204 г. см. у Миня т. 215, стр. 280), он прибыл в Тернов только в половине октября того же года (см. *ibid.* стр. 554; в других списках – сентября, но это должно быть признано ошибкой). Он силой задержан был королем венгерским, через владения которого держал путь в Болгарию и который, относясь с величайшим неудовольствием и тому обстоятельству, что папа решил признать в одинаковом с ним сане королевском его соседа я врага, пытался было расстроить дело или по крайней мере вынудить у Калияна уступки своим требованиям в своих с ним спорах о владениях (см. у Миня т. 215, послания папы №№ CXXVI и CXXVII, Фесслера *Geschichte von Ungarn*, изд. 2-го, 1867 г., т. 1, стр. 301 sqq). Посол принес Калиану от папы королевскую диадиму, королевский скипетр и утвержденную грамоту или буллу о королевском сане (у Миня т.

215, стр. 279 и 293; булла *ibid* 277 sqq), но особенной просьбе посла Балянова епископа Власия – освященное знамя (*ibid.* стр. 295) и дозволение бить монету с своим изображением (*ibid.* стр. 280), и с возложением диадимы торжественно помазал его на королевство. Это последнее действие совершено было 8 ноября 1204 г. (*ibid.* стр. 554). Что касается до архиепископа, то папа возвел его в припасы, а ее в патриархи, утверждая, что *primas el patriarcha pene penitna idem sonat* (примас и патриарх значат почти совершенно одно и то же, *ibid.* стр. 281); архиепископ торжественно посвящен был легатом в примасы накануне коронации государя, 7 ноября, *ibid.* стр. 554, – папа прислал ему первосвященнические украшения (именно: *caligas et sandalia, amictum et albam, cingulum et succinctorium, orarium et manipulum, tunicam et dalmaticum, cibothecas et annulum, planetam et mitram*, *ibid.* стр. 286), и относительно внешних преимуществ дал дозволение носить пастырский жезл (заметив, что хотя римские первосвященники и не употребляют сего жезла, но что дает право носить его по причине его исторического и таинственного значения, *ibid.* fin.) и ходить в преднесении креста (*ibid.* стр. 282). Папа дает архиепископу (возведенному в примасы) и его преемникам право миропомазывать и короновать болгарских королей; также предоставляет ему нарочито прошенное право освящать миро, а равно и *oleum catechumenorum*; относительно избрания и поставления его преемников отвечает; что они имеют быть избираемы и посвящаемы собственными митрополитами и епископами Болгарии, но что паллиум имеют получать из Рима, при чем должны давать обещание верности римскому престолу (*ibid.* р. 281) [Узнав от епископа Власия, приходившего в Рим с Иоанном капелланом, что епископы болгарские не миропомазуются перед посвящением, папа приказал миропомазать его и потом предписал с легатом, чтобы как миропомазаны были наличные болгарские епископы, так постоянно были миропомазуемы и все будущие (см. у Миня т. 315, стр. 383, 386, 554).]. Мы говорили выше, что Калиян требовал от папы признания и утверждения в сане царя, и что папа признал и утвердил его в сане короля. Это не ошибка не с

нашей стороны, ни со стороны документов, на основании которых мы делали изложение, а действительно так было дело, представляющее едва ли не единственный в своем роде курьез. Государи второго болгарского царства, считая себя преемниками государей первого царства, восприняли тот самый титул, который носили эти последние. Этот титул был титул царя (по-гречески βασιλεύς, по-латыни *imperator*): его носил вслед за своими братьями Петром в Асене и Калияне, и именно торжественного признания его за собой желал он и от папы. Но папа мог дать как Калияну, так я вообще какому бы то ни было государю только титул короля (по-латыни *rex*, по-гречески πύξ и ῥήυας), а не царя. По воззрениям латинян, точно так же, как по воззрениям греков, мог быть в христианском мире только один царь или император (что одно и то же); как по воззрениям греков этого единственного христианского царя представлял собой император константинопольский, так по воззрениям латинян представлял его собой немецкий так называемый император римский (преемник Карла Великого, на которого перенесен был папою титул царя или императора после того, как оказались, по понятиям латинян, недостойными своей миссии христианских царей императоры византийские), и папа уже не мог более, раздирая единое царство, ставить царей, а мог ставить только действительно или номинально подручных и вассальных этому единственному царю королей. Поэтому-то папа и не мог дать Калияну, как и кому бы то ни было из государей, титул царя, а мог дать только титул короля. Но замечательность и курьёз не в том, что папа не мог дать Калияну того, чего он у него просил, а в другом, именно – в следующем: Калиян называет себя перед папой царем (*imperator Bulgarorum et Blachorum*) и просит себе у него торжественного утверждения в этом носимом им сане (*coronate in imperatorem*, см. все указанные выше грамоты Калияна к папе); папа не возражает Калияну, что он не может признать его царем, а только королем, но проходя это совершенным молчанием, просто говорит ему: «да, мы действительно нашли в наших регестах, что многие из твоих предшественников были признаны от римской церкви королями», – и посылает ему

диадиму и скипетр королевские; получив не то, что просил, Калиян принимает данное также без всяких возражений; но быв коронован от легата королевским венцом, он с благодарениями извещает папу, что получил из рук легата прощенный царский венец и, как бы действительно быв коронован в цари, по-прежнему продолжает именоваться перед ним царем (у Миня т. 215, стр. 551 fin. sqq; к послания самого Калияна стоит rex, но что это уже поправка, сделанная в папской канцелярии при занесении послания в регесты, это видно из самого послания, где после тех только однажды regnum и постоянно imperium meum, а главным и несомненным образом из послания патриарха, в котором папа извещается, что легат его coronavit et benedixit imperatori Galojoanni, стр. 554). [О взгляде западных на императорский венец Карла Великого см. у Гельмольда Бзовского в Chronic. Slavor. lib. I, стр. 3 fin. А о взгляде византийцев на своих императоров cfr у Дюканжа в примечаниях к Анне Комненой, ed. Paris. (в одном томе с Киннамом) р. 236.] Таким образом, папа, давая вовсе не то, что было у него прошено, притворился, будто дает именно то, чего у него просили, и Калиян, получив вовсе не то, чего просил, притворился, будто получил именно то, чего просил: другого примера подобного рода qui pro quo нам неизвестно... Что касается до папы, то он не хотел прямо говорить Калияну, что не может дать ему титула царя, нет сомнения, потому, что этим боялся оттолкнуть его от себя и испортить начатое дело о церковном подчинении себе Болгарии. Что касается до Калияна, то он без возражений принял присланный ему, вместо царского, королевский венец потому, что ему нужны были – это венчание, во что бы то ни было, рукою папского легата и эта, в чем бы то ни было, утверждающая его папская грамота, дабы с сим. Фактом и с сим документом в руках противопоставить себя как государя признанного папой своему соседу королю венгерскому: а там он мог именоваться как хотели, нисколько не опасаясь за самовольное присвоение не полученного титула взысканий со стороны папы. С саном, который дан был папой архиепископу болгарскому, было тоже самое, что с титулом, данным государю: папа возвел архиепископа не в патриархи, как было

прошено, а только в примасы; но архиепископ с благодарностью извещал его после, что легат принес ему всю полноту патриаршего достоинства (*portavit universam plenitudinem patriarchalis dignitatis*, у Миня т. 218, стр. 554). Мы говорили выше, что болгары, вступая с папою в сношения, чтобы получить от него для своего государя торжественное признание в сане царя, едва ли сначала не рассчитывали добыть от него желаемое без формального признания его церковной власти. Но если для первого они решились на это последнее и с самого начала, то, нет сомнения, решились с таким намерением, чтобы от притворного и наружного подчинения отказаться тотчас же, как минует в нем надобность. Теперь, когда легат папы принес наконец для государя то, что было искано и прошено (мы уже говорили, что он принес не совсем то, что было прошено), эта надобность миновалась; и действительно, сношения болгар с папою весьма в непродолжительном времени вслед за сим совершенно и прерываются: они послали с легатом благодарственные грамоты за присыл всего полученного [Грамота Калияна у Маня т. 215, стр. 551 fin., грамота архиепископа *ibid* стр. 553. После благодарностей, Калиян говорит в своей грамоте о своих отношениях к королю венгерскому, представляя зачинщиком происходящих между ними войн сего последнего и прося папу не быть в претензии, если он (Калиян), вынуждаемый необходимостью защиты, будет иметь над ним верх, также о латинянах, незадолго перед тем взявших Константинополь, и здесь он также просит папу не гневаться, если в случае нападений латинян на его государство принужден будет дойти с ними до пролития крови. С легатом Калиян послал в Рим двух мальчиков учиться латинскому языку, чтобы иметь толмачей для перевода папских грамот, прося после того, как выучатся, возвратить на родину. О дальнейшей судьбе этих мальчиков ничего неизвестно. Один из них в грамоте архиепископа называется сыном царя, нет сомнения, ошибочно, т. е. нынешнее чтение этого места в грамоте поврежденное. О посольстве 1206 или 1207 г., неизвестно за чем ходившем, – может быть за этими мальчиками, отданными в ученье, – упоминается в грамоте папы к Калияну от июня 1207

г., у Миня т. 215, стр. 1162. Что Калиян, по уверению папской грамоты, при этом случае снова клялся в самой неизменной верности римскому престолу, то подобные клятвы означают только, что государь болгарский был хороший и не слишком дороживший клятвами дипломат.], и затем, сколько известно, еще было от них посольство в Рим всего только один раз, в 1206 или 1207 г., незадолго до смерти Калияна [Что касается до папы Иннокентия, то известны в настоящее время еще два его послания к Калияну. Первое писано в 1205 г.; папа убеждает в нем Калияна заключить мир с константинопольскими латинянами и даровать свободу взятому им в плен (в адрианопольской битве 14 апреля 1205 г., в которой Калиян наголову разбил латинян) константинопольскому императору Балдуину (у Миня т. 215, стр. 705; вместе с царем писано было и к архиепископу или примасу *ibid.*); Калиян не только не исполнил ни той, ни другой просьбы папы, во и самого посла его принял не совсем почетно (*ibid.* стр. 1162). Второе послание от 6 июня 1207 г.; папа снова убеждает в нем Калияна заключить мир с константинопольскими крестоносцами (у Миня т. 215, стр. 1162).]. Мы уже говорили выше, что сношения начались по инициативе не болгар, а папы. Это не подлежит никакому сомнению и совершенно ясно видно из первых посланий папы в Калияну а сего последнего к папе. Калиян говорит, что начать сношения помышлял не только он сам с самого начала царствования, но еще и его братья Петр и Асень, – нет сомнения, что он дипломатическим образом лжет; но если бы он даже говорил и правду, во всяком случае его и его братьев неоднократно посыланные послы, как прямо он свидетельствует, ни однажды не могли дойти до Рима, и об этих попытках посольств папе ничего не было известно. Что касается до того, что болгары так горячо ухватились за предложение папы или с такой поспешной готовностью отвечали на его вызов, то причиной этого, как мы уже упоминали, были их тогдашние политические обстоятельства и нужды: получить для своих новых государей торжественное признание в их сане от главы западной церкви для них чрезвычайно важно было по отношению к своим западным соседям (именно королю

венгерскому), и потому-то именно они и приняли предложение так, как будто сами давно о нем помышляли. Основываясь на изложенной выше переписке Калияна с папой Иннокентием, принимают (см. Барония ann. 893, n. IX, Паджи ad ann. 927, n. VI), будто государи болгарские первого царства, начиная с Симеона, находились в общении с римской церковью (т. е. так как некоторое время находился в общении с римской церковью и предшественник Симеона Борис, будто состояли в этом общении все до одного христианские государи болгарские первого царства). Но это есть не более как намеренное или ненамеренное недоразумение. В переписке дело имеет себя следующим образом. Калиян, желая показать папе, что он присвоит себе титул царя не произвольно, а по праву, и что, прося себе царского венца, просит не чего-нибудь нового и прежде не принадлежавшего болгарским государям, ссылается на пример своих предшественников, государей первого болгарского царства; он пишет: «просим у римской церкви, нашей матери, венца и чести, подобно тому, как имели наши древние цари, – один был Петр, другой – Самуил, и иные предшествовавшие им во власти, как нашли мы написанным в наших квигах (*petimns a Romana ecclesia, matre nostra, coronam et honorem, tanqnam dilectns filius, secundum quod imperatores nostri veteres habuerunt; unus fuit Petrus, alius fuit Samuel et alii qai eos in imperio praecesserunt, sicut in libris aostis invenimus esse scriptum*», у Миня т. 214, стр. 1113; в другом послании то же, см. *ibid.* т. 215, стр. 290). Т. е. Калиян вовсе не хочет сказать того, чтобы он желал получать венец от райской церкви подобно тому, как получала его от воя его предшественники, а только то, что он желает получить венец царский, подобно тому, как имели этот венец его предшественники. Но папе нужно было, чтобы предшественники Калияна получали венец (он подразумевает при этом не царский, которого папы не могли дать государям болгарским, а королевский) именно от римской церкви, и в своем ответе ему воспроизводит его слова так: «ты смиренно просил, чтобы римская церковь дала тебе венец подобно тому, как по свидетельству твоих книг он был даваем (ею) славной памяти Петру, Самуилу и иным твоим предкам» (у Миня т. 214,

стр. 1114). Против желания папы представлять дело именно так, а не иначе, т. е. считать государей болгарских получавшими царский венец будто бы от римской церкви, Калиян не имел ничего возразить в данное время [А папа желал представлять дело таким образом, во-первых, за тем, чтобы по отношению к самим болгарам создать свидетельство, будто они всегда находились в подчинении римской церкви, и во-вторых, за тем, чтобы иметь оправдания перед королем венгерским. Последний жаловался, что, давая королевский венец государю болгарскому, папа делает дело никогда не бывалое, – и папа, ссылаясь на мнимое свидетельство болгарских книг и своих регестов, мог говорить, что он дает Калияну то, что уже давно было получаемо от римской церкви его предшественниками.]; а поэтому после папы и он уже пишет в своей клятвенной записи, врученной капеллану Иоанну, что по свидетельству древних книг его предшественники получали венец царства от святейшей римской церкви (у Мина т. 215, стр. 287) [Если бы писатели католические обратили внимание на то, что здесь утверждается, будто папы признавали за предшественниками Калияна сан царей (*imperatores*), а не королей, то, конечно, у них не было бы охоты верить мнимому свидетельству.]. Таким образом в переписке Калияна с папой мы находим это мнимое свидетельство, будто болгары вычитали в своих книгах, что их цари, начиная с Симеона, получали венец царства от римской церкви, вовсе не потому, что они действительно его вычитали, а просто и единственно потому, что так хотелось этого папе. Что государи болгарские первого царства получали венец царства не от пап, а просто от своих архиепископов, первоначально восприняв титул царей не по чьему-нибудь стороннему дозволению, а по своей собственной воле, и что они постоянно находились в общении с греческою церковью, ни однажды не обращавшись к церкви римской, это не может подлежать ни малейшему сомнению. Во-первых, если бы обращался к папе хотя один который-нибудь из государей болгарских, то документы об этом непременно сохранялись бы в папском архиве потому что подобного рода документы папы берегли весьма тщательно. Но, как это ясно и прямо открывается из

собственных показаний папы Иннокентия, подобных документов не было и следа: для узнания о прежних сношениях болгар с Римом он приказал навести тщательные справки в своем архиве, – и узнал только то, что действительно было, т. е. только о сношениях с папами Бориса (см. у Миня т. 214, стр. 1114 sqq; что касается до его слов о «многих коронованных королях» (*multi reges coronati*), то это не более как его присочинение, в нвм он достаточно изобличает себя уже словом короли – *reges*). Во-вторых, что государи болгарские первого царства получив свой венец вовсе не из рук папы (а просто надели его на себя сами), это с самою положительною несомненностью доказывается тем, что он был венец царский (или – что одно и то же – императорский), а не королевский: папы, как говорили мы выше, могли дать им только последний и никогда не могли (употребляем не могло в смысле не захотели бы) дать им первого. Не имев после Бориса ни одного из болгарских государей первого царства под своею властью церковною, папы вступали с некоторыми из них в сношения просто государственно или политическо-дипломатические. Этих последних сношений известны два случая, – один при Симеоне, другой при нем же или при его преемнике Петре. В 921–924 г. присланы были папою Иоанном X в Константинополь, для содействия к прекращению здешних церковных волнений по случаю четвертого брака импер. Льва Мудрого, двое легатов – епископы Феофилакт и Кар (см. в Прибавлениях к Творениям Св. отцов, т. XX, статью: «Николай Мистик, патр. Константиноп.», стр. 240). После устройства дел константинопольских, епископы, по поручению папы, должны были отправиться с его посланием в Болгарию к Симеону и попытаться примирить неукротимого и неумолимого государя болгарского с императором греческим. Но так как Симеон имел иногда обычай задерживать послов, то патриарх константинопольский (Николай Мистик) не решился отпустить к нему римских епископов, а только вместе с своим письмом переслал к нему грамоту папы, чем и кончились сношения на этот раз (см. послание патр. Николая к Симеону в. издании Анжело Майо *Spicilegium Romanum* t. X, p. 272 sqq я во в

полном виде у Барония в Annall. Eccles. an. 917, n. 4) О втором случае известно из деяний спалатского собора, бывшего около 928 г. [И не позднее сего года, потому что деяния соборные, быв доставлены в Рим, утверждены были папою Львом VI, а сей папа умер в начале 929 года.]; именно – здесь говорится, что собор держан был в присутствии папского легата епископа Младалберта, который непосредственно перед тем, вместе с другим папским послом (он Ioannes Dux, iliustris Dux Cumas), ходил по поручению папы в Болгарию для заключения мира между болгарами и кроатами. По приглашению которой из двух сторон папа принял участие в деле и при котором из болгарских государей это было – при Симеоне ли, умершем 27 мая 927 года, или при его преемнике Петре, из краткой и случайной заметки деяний не видно: в ней только дается знать, что посольство было успешно (Младалберт возвратился *peracto negotio pacis*. Деяния собора, первоначально напечатанные в Сборнике Фарлати *Illyricum Sacrum*, мы имели под руками в издании графа Баттиана *Leges ecclesiasticae regni Hungariae*, 1785, *Albae Carolinae*, t. 1, p. 341). Автор статьи «Прежние отношения римских пап к болгарской церкви», напечатанной в Православном Собеседнике 1865 года, ч. 3, стр. 82 прим., говорит, что «есть сказание, что Петр Симеонович входил в сношения с папою Марином II чрез одного монаха, которым был, по всей вероятности, епископ Мадалберт (читай Младалберт), посылаемый папою к хорватам на сплетский собор». Но где он читал это весьма подозрительное сказание, остается нам неизвестным, а сам он, по дурной привычке многих русских ученых, своего источника не указывает. В словах Калияна, что о болгарских государях первого царства он читал в своих книгах, думают видеть свидетельство о существовании в древнее время у болгар своих летописей. Но едва ли не гораздо вероятнее понимать дело так, что он перечисляет имена государей просто на основании устного предания, а на небывалые у него книги ссылается перед папой только для придания своим речам вида большей достоверности. Во-первых, слова его довольно подозрительны и сами по себе. В первом своем послании, перечисляя прежних болгарских царей,

он пропускает Симеона, и упоминает о нем только уже во втором (см. у Миня т. 214, стр. 1114 и т. 215, стр. 290): но если бы он имел в руках летописи, то едва ли бы был возможен подобный пропуск [Что во втором послании, назвав Симеона, Петра и Самуила, Калиян прибавляет *et caeterorum omnium imperatorum Bulgarorum* (у Миня т. 215, стр. 290, см. также т. 214, стр. 1113), тогда как в действительности *caeterorum* не оставалось ни одного, на это, пожалуй, можно смотреть как на ложь дипломатическую, но едва ли также не основательнее – просто как на ложь неведения.] Во-вторых, что у болгар не было летописей, в этом, к величайшему нашему сожалению, почти несомненным образом убеждает нас болгарский переводчик хроники Манассиной. Переводчик делает у себя приписки, относящиеся к болгарской истории; но он делает эти приписки не на основании неизвестных нам болгарских летописей, а на основании просто византийцев, что было бы невозможно, если бы первые действительно существовали (приписки эти см. в сочинения Черткова о переводе Манассиной летописи).

⁸⁷ - Греческий рассказ у Георгия Акрополита ed. Paris, p. 27, в русск. перев. стр. 57 и 60, в *Memor. por.* II, 727, и у Никифора Грегораса, ed. Paris., p. 16 fin., в *Memor. por. ibid.* Первый говорит, что перед сим епископ (т. е. архиепископ) терновский зависел от патриарха константинопольского, а второй – что от архиепископа первой Юстинианы, т. е. ахридского, но оба говорят неправду: не быв признан греками, архиепископ терновский считал себя автокефальным и не подчинялся в чьей власти. Асень не пошел из Каллиполя в Лампсак, а отпустил туда только жену, вероятно, потому же, почему Борис во хотел идти креститься в Константинополь, т. е. не очень доверяя дружбе греков. Болгарский рассказ в так называемом Синодике Бориса, во *Временнике* *Общ. Ист. и Древн. кн.* 21, стр. 9 eqq. Он принадлежит непосредственному современнику, потому что прямо называются в нем по именам все греческие патриархи. Мы полагаем, что рукописание, о котором в нем говорится, действительно было дано патриархом Германом; жаль, что оно не сохранилось, оно бы служило к уличению греков, которые после сами отказывались от своего дела (см. ниже слова *натр.*

Каллиста о патр. Германе). Когда составитель рассказа говорит о многих митрополитах, архиепископах в епископах болгарского царства, присутствовавших на соборе, то он нисколько не прихвастывает: при Асене II состояли вод властью архиепископа-патриарха терновского большая часть европейских епархий константинопольского патриархата (см. ниже).

⁸⁸ - Мартынов в *Annus Eccles.*, p. 247, col. 2, вслед за Болландистами *ibid.*, p. 326, col. 2, относит перенесение мощей Параскевы к 1221 г. Принимая его дату, патр. Василия жития следовало бы считать не за одно и то же лицо с Василием Синодика, преемником Иоакима, а или за одно и то же лицо с Василием I, бывшим при Калияне, или за отличного от обоих этих Василиев особого Василия третьего. Но Евфимиево житие Параскевы ясно дает знать, что перенесение имело место под конец правления Асеня, когда он, совершив свои многие завоевания, был уже на верху своего могущества. В житии упоминаются встречавшими мощи мать Асеня Елена и жена Анна; но это жало служит к разъяснению дела. По византийцам, Асень имел двух жен – Марию венгерку, которая умерла в 1237 г., см. *Memor. por.* II, 727 и 730, и Ирину гречанку, *ibid.* 731; но Синодику Борису трех жен – двух Анн и Ирину (*Временн. стр.* 12 fin.).

⁸⁹ - Единственный известный в настоящее время список слова находится в Санкт-петербургской Публичной библиотеке, Толстовских рукоп. отд. II, № 203, л. 257 об.–282 об. Через посредство одного из наших знакомых мы получили дипломатически верную копию с него от благотельнейшего между библиотекарями А. Ф. Бычкова, которому и приносим здесь нашу искреннейшую благодарность.

⁹⁰ - Епархии белградская, браничевская, вельбуждская и нишская, отошедшие от болгарской патриархии во второй половине тринадцатого – начале четырнадцатого века, называются в синодике епископиями; из этого следует заключать, что и большинство остальных епархий переименованы были из епископий в митрополии не ранее как уже после начала четырнадцатого века.

⁹¹ - Город Ζέρραι – Сер (Серез, на иностранных картах Seres и Siroz) находится на северо-восток от Солуни, недалеко от левого берега нижнего Стримона, см. о нем Григоровича Путеш. стр. 143. Город Филиппы, в настоящее время не существующий (на его развалинах деревня Филибеджик), находился на восток от Сереза и на юго-восток, не в дальнем расстоянии от Драмы на полдороге между сей последней и приморской Кавалой.

⁹² - Вероятно, хотели перенести на Вельбуждь достоинство остававшейся еще во власти греков соседней Софии.

⁹³ - В болгарском синодике. Что в синодике под Белградом должен быть разумеem именно Белград сербский, а не албанский, это ясно из того, что из епархий подведомых архиепископии ахридской, к числу которых принадлежал Белград албанский, в синодике прямо не упоминается ни одной, а только самая архиепископия, с которою они сами собой подразумеваются.

⁹⁴ - Кодин, см. у Ралли и Потли V, 501, утверждая, что Анхиал, принадлежавший к епархии месембрийской, получил своего архиерея немедленно вслед за тем, как епархия несембрийская из архиепископий возведе на в митрополии, говорит неправду. – В древнейшем известном в настоящее время каталоге архиерейских кафедр, у Ралли и Потли V, 457, говорится об Анхиане, находившемся в провинции родопской. Если в напечатанном списке каталога не ошибка, то кроме Анхиала, о котором говорим и который находился в провинции гемимонтской или балканогорской, был еще другой Анхиал с кафедрой архиерейской, лежавший где-то на берегу Егейского моря или Архипелага.

⁹⁵ - После Иоанна Калияна до самого конца существования царства, болгары никогда не приступали более к унии с латинской церковью; но были случаи политических или государственных союзов с папою, и римские первосвященники продолжали с своими помощниками делать попытки подчинить болгар своей церковной власти. Что касается до первых, то, отчасти побуждаемый расчетами, отчасти вынуждаемый обстоятельствами, два раза вступал в союз (в государственный, но вовсе не в церковный, как бы хотели того иные католические

писатели) с папою Григорием IX и с константинопольскими крестоносцами (в 1237 и 1238 годах) Иоанн Асень II (см. у Райнальда в *Annales Eccles.* an. 1236, n. 67, an. 1237, n. 69 sqq, an. 1238, n. 3 sqq). Относительно вторых известно следующее. В 1243 году писал послание к сыну и преемнику Асенья II Калинину папа Иннокентий IV (у Райнальда *ibid.* an. 1245, n. 11). Убеждая государя без замедления приступить к унии с святой римской церковью, папа изъявляет ему свою готовность, если бы он того пожелал, собрать для устройства дела вселенский собор. Какой ответ последовал бы от Калимана, неизвестно; но за смертью его, случившейся в том же 1245 году, ответа не было никакого. В 1291 г. писал послания к Георгию Тертерию и к патр. Иоакиму III папа Николай IV, о чем мы говорили выше. В 1365 году венгерский король Людовик захватил область виддинскую (в которой удельным владельцем был сын Иоанна-Александра и брат Шишмана Срацимир), и призванные ям латинские миссионеры, проповедуя с помощью войска или посредством меча и огня [Всех крещенных, как говорится в известиях, король приказал переписывать; это, конечно, для того, чтобы никто не мог укрытием от вынужденного крещения, в продолжение пятидесяти дней крестили (т. е. перекрестили, потому что большинство крещенных были православные, и только отчасти манихеи или богомилы) до двухсот тысяч человек или целую треть населения области; решив крестить всю завоеванную область и не имея достаточного числа рук крестьящих, король требовал новых миссионеров, но болгарам скоро удалось, с помощью воеводы валашского, свергнуть его иго, в конец был тот, кто, не успевшие вовремя убраться из Виддина, пятеро Францисканских монахов были преданы ими мучительной смерти (см. у Райнальда an. 1366, n. 11 и an. 1368, n. 18, *ср.* Фесслера *Geschichte von Ungarn*, 2-го изд. т. 2, стр. 152 *fin.* и 136 *нач.* Во время плена Срацимирова у короля венгерского, жена его, дочь бывшего валашского воеводы Александра и сестра тогдашнего воеводы Владислава, вероятно, удалялась на родину и вероятно в это время соверщена была в католичество своей матерью ревностной католичкой, о чем см. в послании к сей последней папы Урбана

V у Райнальда ап. 1370, п. 5; совращенная называется в послании царицей болгарской, но Срацимир, будучи удельным владетелем, действительно навывал себя царем; что она была жена именно Срацимира, а не Шишмана, видно из того, что брат ее, воевода валахский, был родственником именно первому. Автор статьи: «Прежние отношения римских пан к болгарской церкви», помещенной в Правом. Собеседнике 1866 г., ч. 3, стр. 121 fin., говорит, что папа Бонифаций VIII отправлял в Болгарию, в правление Святослава, Францисканских миссионеров и что, рассеявшись по всей стране, они проповедовали не безуспешно. Но Бонифацием в 1299 г. были отправлены миссионеры вообще на восток (см. у Райнальда ап. 1299, п. 39), и совершенно неизвестно – были ли они в частности в Болгарии.

⁹⁶ - Грамота в Acta Patriarchat. Constantinop. Миклошича 1, 436, а с старым болгарским переводом см. в Извест. Акад. Наук т. VII, стр; 156. «Ради снисхождения – говорит Каллист – дано вонскому терновскому право именоваться патриархом Болгария, но вовсе не дано ему права быть и единовравным (συνᾱριθμιον) остальным святейшем патриархам». О патр. Германе, давшем епископу терновскому титул патриарха, он пишет: «сам патриарх (Герман), оправдываясь относительно сего (учреждения терновской патриархии), в одном из своих описаний говорит: «наше же дело имеет себя не там, не так; помышляя о мирской общей пользе, мы почтили архиерея болгарского народа (титлом патриарха), но не написали ему (οὐκ ἐτονοῦράφησεν) всецелого права автокефалии; напротив, он связан обязательствами, то есть должен давать дани оброки почтившему его патриарху в вместе с сим возносить его имя в церкви, а если бы кто-нибудь (из патриархов терновских) изобличен был в нарушении обязательств, то имеет быть приводим к отчетам и ответам, то есть на суде».

⁹⁷ - Из упомянутого послания патр. Каллиста узнаем еще об одном замечательном обстоятельстве. Болгарские патриархи не решались присвоить себе права готовить для своей церкви св. миро, что, как кажется, признавалось тогда исключительным правом одного патриарха константинопольского; но в то же

время, находясь в ссорах с греками, болгары не хотели брать мира и от них: чтобы выйти из своего затруднительного положения, вместо обыкновенного мира они употребляли для таинства миропомазания миро от мощей Св. Димитрия Солунского или Великомуч. Варвары (см. послания стр. 440 и 441).

⁹⁸ - Первого, после покорения царства, архиепископа предоставлено было избрать самим болгарам, а императором он только был утвержден в его сане.

⁹⁹ - Первое разоблачение истины относительно того, как архиепископия ахридская стала архиепископией первой Юстинианы, сколько знаем, принадлежат известному немецкому ученому Цахарие, см. его статью *Beiträge zur Geschichte der Bulgarischen Kirche*, напечатанную в Мемуарах Санкт-петербургской Академии Наук, т. VIII, № 3.

¹⁰⁰ - Юстиниан построил Юстиниану первую не на месте города Вεδεριανα (иВεδεριάνα), близ которого находилась его родина-селение Таврезий, а именно при этом последнем селении; а что касается до города Вεδεριανα, то его перестроил и возобновил само по себе. У Прокопия в *De aedificiis* lib. IV, cap. 1, ed. Paris, p. 69, это совершенно ясно. Он говорит, что Юстиниан, желая почтить свою родину, обнес селение Таврезий стеной в форме четвероугольника и, поставив на каждом углу сего последнего по башне, назвал его Четверобашеньем (Τετραπυρίαι), а потом при том же самом селении (παρ' αὐτὸ δὲ τὸ χωρίον) построил великолепный город, который назвал Юстинианой первой. После сего о городе Ведериане: «к сему же (еще же – ἔτι μέντοι) перестроил совершенно заново и укрепленный город (φραύριον Ведериану, сделав его гораздо более крепким, чем прежде».

¹⁰¹ - Что в Дакии средиземной, а не в какой-нибудь другой провинции, это в XI новелле говорится с неоспоримой ясностью: перечисляя провинции, подчиняемые архиепископу первой Юстинианы, о Дакии средиземной император говорит: «*ipsa mediterranea Dacia*»; оправдывая учреждение в Юстиниане префектуры, он ссылается на удобство положения провинции, в которой она наводится, и эта провинция – *Dacia mediterranea*

(*nihil magni distat a Dacia mediterranea secunda Pannonia*). Прокопий в *De aedificiis*. *ibid.*, полагает Юстиниану первую не в Дакии средиземной, а в Дардании. Но так как невозможно допустить, чтобы сам импер. Юстиниан не знал точно провинции, в которой родился, то необходимо предполагать, что он (Прокопий) ошибается. По всей вероятности, он смешивает Дакию средиземную с Дарданией потому, что Юстиниана находилась в первой близ границы с последнею (или может быть слова его: Ἐν Δαοιάνοις πο τοῖς Εὐρωπαίος, οἱ δὲ μετὰ τοὺς Ἐπιδαρνίων ὅρους ὥκηνται, τοῦ φρουρίου ἄρχις, ὅπερ Βεδεριανὰ ἐπικαλεῖται, χωρίον Ταυρήσιον ὄνομα ἦν и пр., должно понимать не в точном смысле о провинции Дардании, а вообще о поселениях народа дарданов, которые кроме собственной Дардании могли быть и в провинциях соседних, *cfr* Географии Птолемея кн. 3, гл. 9).

¹⁰² - Мнение это, не знаем кем впервые высказанное, читается уже у Раича кн. VIII, гл. IV, § 1; из новейших держатся его Шафарик, *Древн.* II, I, 258 *fin.*, Цахариф в *Beiträge zur Geschichte d. Bulgar. Kirche*, S. 6, и некоторые другие. Что это мнение, первоначально высказанное, как кажется, без особенных оснований, действительно есть вероятнейшее, это видно из следующего: 1) Юстиниану первую должно искать в древней средиземной Дакии, потому что по несомненному свидетельству импер. Юстиниана она находилась именно в этой провинции; 2) ее должно искать в Дакии где-нибудь на смежи с Дарданией, потому что только этим обстоятельством можно объяснить ошибку (или неточность) Прокопия, который переносит ее из первой провинции во вторую: а всего более соответствует обоим этим условиям действительно местность нынешнего Кюстендила. Мнение тех, которые принимают за древнюю первую Юстиниану нынешнюю Скопию или Ускюб, несомненно ложно, во-первых, потому, что Скопия находилась не в Дакии, а в Дардании (*Hierocli Synecd.*, ed. *Вопр.*, p. 393); Юстиниана была построена на месте селения Таврезий, а Скопия и до построения Юстинианы называлась Скопией (*ibid.*). Думающие видеть Юстиниану в нынешнем Призрене может быть не переводят ее из Дакии в Превалитанию (границы тут

точно не известны), но не согласны с Прокопием, по которому она должна быть полагаема далее к востоку. (Автор статьи «Архиепископии первой Юстинианы», напечатанной в Чтениях Общ. Ист. и Древе. 1866 г. кн. и, стр. 20, принимает за Юстиниану нынешний Гилан, на верхней болгарской Мораве, совершенно произвольно, единственно ради своей предзанятой, неправильной мысли.)

¹⁰³ - Когда именно впервые было пущено мнение, что архиепископии ахридская есть древняя архиепископия первой Юстинианы, точным образом это пока остается неизвестным. Что оно не было изобретено до пятидесятих годов двенадцатого столетия, это доказывается молчанием о нем тех тогдашних греческих писателей, которые в противном случае должны бы были о нем упоминать. Так, во-первых, ничего не знает о нем архиепископ ахридский Феофилакт (живший во второй половине одиннадцатого и в начале двенадцатого столетия). Отстаивая свои права от посягательств патриарха константинопольского, он говорит только о своих правах как архиепископа болгарского, и не думает говорить о правах как архиепископа Юстинианы, что было бы в глазах греков несравненно важнее первого (см. его послание к Михаилу митрополиту халкидонскому, ed. Meursii XXVII, у Мина т. 126, стр. 416). Во-вторых, ничего не знает об этом Нил Доксопатр, писавший свое сочинение «О пяти патриарших престолах» в 1143 или 1144 году. В своих речах об ахридской архиепископии Нил обращает на дело внимание с такой стороны, что если бы ему что-нибудь было известно, будто ахридская архиепископия есть архиепископия первой Юстинианы, то он должен бы был сказать об этом совершенно необходимо. Он говорит: «к числу автокефальных архиепископий принадлежит) Болгария, которая не была Болгарией от начала, но стала потом называться Болгарией, потому что завладели ею болгары» (см. у Алляция De perpetua consens. lib. 1, cap. XXV, § IV, p. 431 fin.). Т. е. Нил Доксопатр говорит, что область, составляющая архиепископию ахридскую, первоначально была греческою, а стала болгарскою только в позднейшее время: если бы ему что-нибудь было известно, что и самая архиепископия ахридская первоначально

была также греческою (архиепископиею первой Юстинианы), то по связи мыслей у него должно было бы сказаться это само собой. В первый раз архиепископия ахридская, сколько нам известно, является в памятниках с именем первой Юстинианы под 1156 г.; именно – подпись архиепископа ахридского Иоанна Комнена под деяниями бывшего в сем году собора в Константинополе читается: «смиренный монах Иоанн и милостью Божиею архиепископ первой Юстинианы (πρώτης Ἰουστινιανοῦ, sic.) И всея Болгарии Комнен» (См. в издании Анжело Майо *Spicilegium Roman urn* I. X, p. 89). Но мы думаем, что в напечатанном списке деяний соборных слова «первой Юстинианы» составляют позднейшую прибавку в что оря архиепископе Иоанне Ахрида еще не начинала слыть Юстинианой: сохранился до настоящего времени каталог болгарских архиепископов, составленный при сем именно архиепископе (напечатан у Дюканжа в *Familiae Byzantinae*, ed. Paris., p. 174, см. о нем выше), и здесь они называются еще просто архиепископами Болгарии. За сим, первое, не подлежащее сомнению, именование Ахриды первую Юстинианой принадлежит известному канонисту Феодору Вальсамону, жившему во второй половине двенадцатого и в начале тринадцатого века; в толковании на второе правило второго вселенского собора он говорит: «Болгарию почтил (правом автокефалии) император Юстиниан, читай 131-ю его новеллу» (у Ралли и Потли II, 171). Мы не находим основательным считать его виновником измышления потому, что в судьбе болгарской архиепископии он нисколько не был заинтересован, и заботиться о превращении Ахриды во что-нибудь более прочное и более авторитетное в глазах константинопольского правительства не имел никаких побуждений. Что касается до наших подозрений относительно Димитрия Хоматена, то мы основываем их, во-первых, на том, что Хоматен был таких странно и неожиданно высоких понятий о своих правах и своей независимости (см. ниже), которые трудно объяснить из одних представлений его о себе только как об архиепископе болгарском и которые невольно заставляют подозревать, что он думал и хотел заставить думать о себе что-

то новое; во-вторых, на том, что натолкнуться на эту новую мысль превратить Ахриду в Юстиниану мог только юрист, человек знакомый с новеллами Юстиниана, а между лицами, замешанными в судьбе ахридской архиепископии, таков был именно он Хоматен. (Что Хоматен, ему или не ему первому принадлежит измышление, уже именовал себя архиепископом первой Юстинианы, см. его послание у Zhischman'a в *Eherecht. de Orientalischen Kirche*, Wien, 1864, S. 444). Желательно, что бы кем-нибудь из ученых если не был издан вполне, то по крайней мере был обстоятельно описан сборник сочинений Хоматена, находящийся в Мюнхенской библиотеке (у Гардта в *Cataiogns codicum manuscriptorum Bibliothecae regiae Bavaricae* t. 1, № LXI1. p. 336 sqq); тогда бы может быть наш вопрос разрешился окончательно.

¹⁰⁴ - Слова крантор – κράντωρ и династ – δυναστής по смыслу, очевидно, означают каких-то самых высших сановников, но каких именно, сказать не можем. Слова κράντωρ совсем нет в словаре Дюканжа, слова δυναστής также нет, но есть δυναστεῖαι, которое толкуется – potestates, summi magistrates, Proceres primi ordinis.

¹⁰⁵ - Комитами или комесами назывались начальники разных, важных и неважных частей в государственном управлении, и слово это употребляется у византийских писателей в приложении к весьма многим большим и малым начальникам (см. в *Glossarium*'е Дюканжа под словом κόμης). Но между всеми комитами нигде не упоминается комит палаты (κόμης παλατίς). По сравнению с другими комитами он должен бы значить министра двора; но так как нелепо было бы измышлять, будто архиепископ ахридский мог быть сделан министром двора, то очевидно, что он значит тут что-то другое (не употреблено ли тут слово в смысле представителя, locum tenentis, государя в провинции или в смысле городского дворецкого наших государей допетровского времени?)

¹⁰⁶ - Ромфеями назывались копья с золочеными древками, которые в торжественных выходах носимы были пред императорами, в числе четырех, почетнейшими из сановников

(см. у Дюканжа под словом 'Ρομφαῖα), а потом, вероятно, те или другие вещественные знаки разных должностей.

¹⁰⁷ - Можно подозревать на тех же основаниях, что и выше. Что касается до источника этих неожиданных от грека мечтаний, то латиняне находились тогда (в первой четверти тринадцатого в.) с своими взглядами и на деле показывали тогда грекам образцы своих учреждений в самой Греции. Слова «с подчиненными нашей империи королями» и вся вообще речь Фальсификатора новеллы ясно дают знать, что бывшие в голове его представления о государственно-иерархическом строе прямо сняты с живой действительности западной Европы. В Фальсифицированной новелле, после того, что приведено нами выше, говорится еще об особенной печати (гербе, имевшем быть изображенным на печати), будто бы даруемой императором архиепископу. В Сборнике сочинений Димитрия Хоматена, находящемся в Мюнхенской библиотеке, есть также статья о какой-то печати (у Гардта t. 1, p. 364, n. 149, Σιγίλλιον πρωτοπατρίδиков, что, неизвестно нам почему, Гардт переводит по-латыни Sigillum archiepiscopale). Сличение этой последней статьи с описанием печати в новелле может быть дало бы место каким-нибудь положительным заключениям. Как по-видимому ни курьёзно отважны мечты фальсификатора новеллы, но иные архиепископы ахридские находили возможным серьёзным образом возвращаться к ним даже в восемнадцатом веке, см. ниже об уничтожении архиепископии ахридской.

¹⁰⁸ - Государственная важность того обстоятельства, чтобы епископы не состояли в зависимости от высшей церковной власти, находящейся вне государства, заставляла государей болгарских и сербских делать церковные хищения и у самого патриарха константинопольского. Завоевая у греков территории, принадлежавшие в церковном отношении сему последнему, они обыкновенно изымали епископов этих территорий из-под его власти и подчиняли своим собственным патриархам. Относительно государей сербских известно, что они в сем случае не хотели уступать патриарху константинопольскому, несмотря ни на какие его угрозы и отлучения.

¹⁰⁹ - Находящиеся на север от Ахриды области дебрьская и кичавская и этот город Велес с его областью сербы отняли у греков прежде Душана, и след. они присоединены были к патриархии пекской. Архиепископам снова удалось возвратить их себе, вероятно во времена, наставшего вскоре после Душана, разновластия в сербском государстве.

¹¹⁰ - Джума стримонская обыкновенно пишется Джумая – Dschumaа, а просто Джума – южно-македонская, так как в бератах, если только верно в напечатанных списках, просто Джума, то вероятнее разуместь последнюю.

¹¹¹ - Митрополит касторийский был «прототроном» (первопрестольником), т. е. первым после самого архиепископа митрополитом, и носил титул ὑπέρτιμος καὶ ἑξάρχος, см. Turcograeciae Крузия р. 174, Philippi Cyprii Chronicon, ed. Hilarii, 1687, р. 409 fin., Сношений России с Востоком Муравьева ч. 2, стр. 160 и патр. иерусам. Хризанфа Синтагматийон. Цахарие, в Beitrage zur Geschichte d. Bulgar. Kirche, S. 25 прим., понимает название «прототрон» неправильно.

¹¹² - Архиепископ ахридский Нектарий, бывший в 1632 г. в Антверпене, в Бельгии, показывал, что под ним состоит 16 епархий – шесть митрополий и десять епископий (см. Illyricum Sacrum t. VIII, р. 198 и книжку La Bulgaria chretienne, Paris, 1861, р. 56 fin.). Архиепископ ахридский Дионисий, бывший в Москве в 1653 г., показывал, что под ним состоит 17 епархий (см. Сношения с Востоком г. Муравьева в рукописи, находящейся в библиотеке Моек. Дух. Академии, ч. 3, л. 711 об. и ч. 4, л. 1076 fin.). Что касается до епархий, известных и по именам, то под одной грамотой 1631 г. подписались: митрополиты – кострицкий (т. е. касторийский) [Был митрополитом уже в 1565 г., см. Turcograeciae Крузия р. 174, – третью от конца подпись.], водинский, корицкий, пелагонийский, струмицкий [В 1565 г. был еще епископом, Turcograeciae Крузия р. 174, – предпоследняя подпись.], гревенский, белградский, епископы – молексинский (молесхонский), преспинский, Мокрой горы (Κόρασκαὶ Μόκρας), спатинский и дебринский (Сношения с Востоком ч. 2, стр. 160); под 1588г. упоминается митрополит амойский (ibid. ч. 1, стр. 185 нач.) [В 1565 г. был еще епископ и, как кажется, был еще

подведом патриарху константинопольскому, *Turcograeciae* Крузия р. 173 fin.] под 1606 г. епископ могленский (*ibid.* ч. 1, стр. 303), под 1632 г. митрополит диррахийский (*ibid.* ч. 2, стр. 124). В 1632 г. архиепископ Нектарий показывал, что под ним шесть митрополий, между тем на самом деле в 1632 г. их было не менее девяти: тут или ошибка в записи его показания, или дело должно понимать так, что Нектарий (смещенный с своей кафедры) выехал из Греции задолго до 1632 г. и что новые митрополии сделаны были после него. Мы говорили выше, что митрополия диррахийская, до 1185 г. принадлежавшая к константинопольскому патриархату, в позднейшие неизвестные времена присоединена была к архиепископии ахридской. Что не позднее как с начала семнадцатого века и до самого конца существования архиепископии она принадлежала к сей последней, это известно положительным и документальным образом, – в 1630 г. диррахийский митрополит Харитон, бывший в Москве за милостыней, показывал о себе, что лет 17 тому назад он поставлен в митрополиты архиепископом ахридским (см. Сношений России с Востоком ч. II, стр. 129); в 1767 г., перед уничтожением архиепископии, как свидетельствует один официальный акт, епархия диррахийская, не существуя отдельно, была приписанною к епархии ахридской, собственной архиепископа (свидетельствующий о сем акт есть синодальная запись об избрании в 1767 г. митрополита в возобновленную после уничтожения архиепископии митрополию диррахийскую; запись напечатана в сочинении *Πραγματεία περὶ τῆς κανονικῆς δικαιοδοσίας τοῦ Οἰκουμένηκοῦ θρόνου ἐπὶ τῶν ἐν Βουλγαρίᾳ ὀρθοδόξων χριστιανῶν, ἐν Κωνσταντινουπόλει*, 1860).

¹¹³ - См. патр. Иерусал. Хризанфа *Συνταγμάτων, περὶ τῶν Ὀφφικίων κληρικῶν καὶ Ἀρχοντικῶν τῆς τοῦ Χριστοῦ ἀγίας Ἐκκλησίας et caet.*, напечатанный в первый раз в Торговищев 1715 г. и потом перепечатанный в Венеции в 1778 г. –

по второму изданию стр. 87. О присоединении диррахийской епархии к ахридской см. в предыдущем примечании; о присоединении молесхоиской к могленской и дебрьской к преспанской у Хризаифа *ibid.*; что авлонская и спатийская

присоединены были к болгарской, заключаем из того, что они принадлежат к сей последней В настоящее время, см. Σύντομον ἱστορικὴν περιγραφὴν τῆς μητροπόλεως Βελεγράδων митр. Анфима, ἐν Κερκύρα, 1868. Рико в своей Histoire de l'Eglise Greque (traduit de l'anglois par de Rosemond, a Amsterdam, 1710, p. 99 пая.) говорит, что в начале восемнадцатого века епархий в архиепископии ахридской было восемнадцать; но, нет сомнения, его показание ошибочно.

¹¹⁴ - См. синодальную запись об избрании в 1767 г. митрополита диррахийского, о которой в примеч. 88. Некоторые причисляют еще к епархиям бывшей ахридской архиепископии епархию погониянскую, которая между левым берегом верхней Воюцы и между правым берегом впадающей в нее Аргирокастро. Но это несправедливо; кроме каталогов архиерейских престолов, см. в Сношениях России с Востоком г. Муравьева ч. 3, рукой. л. 671, 822 fin. и 974, где сами архиереи погониянские показывают о себе, что они – патриархата константинопольского. Странным образом, в султанских бератах патриархам константинопольским епархия гревенская пишется в числе собственных епархий патриархата, а не в числе епархий бывшей ахридской архиепископии; несомненно, что она принадлежала к сей последней до самого конца ее существования.

¹¹⁵ - Следует предполагать это потому, что государи сербские Стефан Немана и Стефан Первовенчанный обращались с своими недоумениями по разным церковным вопросам не к патриарху константинопольскому, а к архиепископу ахридскому. См. Гарда Catalogus codicum manuseriptorum Bibliothecae regiae Bavaricae t. 1, № LXII, pp. 339, 365 fin., Ралли и Потли Leondarii Jos Graecoroman, lib. Y, p. 311, cfr Zhishman'a Das Eherecht. der Orientalischen Kirche, Wien, 1864, 8. 249 fin., 278 fin., 369, 708 fin.

¹¹⁶ - Что Хоматен до архиепископства был хартофилаксом не константинопольского патриарха, как говорит некоторые ученые, а ахридского архиепископа, это прямо видно из надписания его сочинений в Сборнике Мюнхенской библиотеки (у Гардта t. 1, A LXII, p. 336, cfr Zhishman'a Eherecht. S. 249 fin.).

Хоматен был поставлен в архиепископы, когда в Сербии был еще жупаном Стефан Неманя (см. у Zhishman'a ibid. S. 249 fin.), следовательно, не позднее 1195 года. Что касается до времени его смерти, то, во-первых, в 1222 г. был венчан им на царство деспот епирский Феодор Комнен (см. выше), и к этому Феодору Комнени, когда уже он был царем, писано им послание (у Гардта t. 1, p. 341), – во-вторых, известно об его сношениях с константинопольским патриархом Германом II (у Гардта t. 1, p. 359 и 364), который поставлен не ранее 1222 г. (см. Lequien'a 1, 278); следов. он умер то или другое время спустя после 1222 года.

¹¹⁷ - Μετὰ τῶν ὑπὸ σὲ ἀρχιερέων πάντων, – слова эти содержат то доказательство, что диоцез архиепископии оставлен был неприкосновенным.

¹¹⁸ - Из-за того, что Стефан Душан, отняв у империи многие области, те епископские кафедры в этих областях, которые прежде подведомы были патриарху константинопольскому, не оставил по-прежнему в заведывании сего последнего, а по изгнании архиереев-греков, заместив их своими сербами, подчинил власти своего патриарха пекского, см. Жшвоти кральева и архиепископа српских, изданные Даничицем, стр. 381, Acta Patriarchal Constantinopol. t. 1, №№ 300, 304, 306.

¹¹⁹ - Патриарх в своем послании таким образом выставляет значение архиепископа ахридского в церкви, что решительным образом устраняется мысль о нем как о подчиненном митрополите. Патриарх го ворит, что предполагается быть вселенскому собору что патриархи александрийский и иерусалимский в Константинополе, а антиохийский повешен, что затем остается он – архиепископ, т. е. патриарх стават его на один уровень с патриархами как одного из необходимых высших представителей церкви для того, чтобы составилась вселенский собор.

¹²⁰ - Что же касается до того, что архиепископа ахридского Душан называет не прямо архиепископом ахридским, а описательно архиереем престола греческого, то в данном случае ему нужно было выставить на вид, что он получил благословение на царство не только от предстоятелей

славянских, а также и греческого, каков был этот ахридский; но назвать его просто архиепископом ахридским не значило бы прямо и ясно высказать эту последнюю мысль, потому что с именем архиепископа ахридского не соединялось исключительно понятие об архиерее греческом, как это с именем патриарха константинопольского, а сколько понятие об архиерее греческом (каковым он был сам по себе), столько же и об архиерее славянском (каковым он был по своей пастве).

¹²¹ - См. Животи кралева и архиепископа српских, изданные Даничичеми, стр. 381, где говорит свидетель современный. Так называемый летописец трношский уверяет, что в последствии Душан вынудил себе у патриарха благословение (см. Гласника V, 69); но этот позднейший летописец такого рода, что один сам по себе не заслуживает никакой веры.

¹²² - Сказание, принадлежащее современнику, в Животах кралева и архиепископа српских, стр. 380: «царь Стефан венчался на царство и патриарха себе избра сербом не по закону ни с благословением цариградского патриарха, якоже подобает, но поиска благословение безчинно на патриарху (у патриарха) терновском и на архиепископу ахридском.

¹²³ - Если Душан отнял у патриарха константинопольского и подчинил своему патриарху пекскому греческие епархии покоренных им греческих областей, то отсюда нисколько не следует заключать, что он должен был лишиться автокефалии и архиепископа ахридского. Душан не хотел терпеть в своем государстве власти патриарха константинопольского потому, что он был патриарх иностранный и чрез подчиненных ему епископов мог действовать ко вреду его – государя сербского; но по отношению к архиепископу ахридскому это опасение вовсе не имело места.

¹²⁴ - Первое чтение в Книжицах, второе чтение принимают издавшие грамоту в Гласнике. В выписке из грамоты, находящейся в одной старой Кормчей, см. в Речи о Сербии Григоровича, прилож. стр. 41, прим, читается «от болиарь» из бояр.

¹²⁵ - О славянах в Италии см. статью г. Макушева: «О славянах Молизского графства в южной Италии», напечатанную в Записках Акад. Наук т. 18, кн. I.

¹²⁶ - Амбракчио, вероятно, принадлежавший тогда венецианцам, в южной Албании, на северном берегу Артского залива, недалеко от г. Арты. Василикатъ – область в бывшем неаполитанском королевстве.

¹²⁷ - Грамота напечатана в издании Тейнера *Vetera monimenta Poloniae et Luthnaniae, Romae, 1863, t. III, p. 1 fin.* По малодоступности дорогой книги Тейнера приводим грамоту вполне. (После титула в обычного приветствия) «Гавриил, патриарх ахридонский, предпринявший странствование к христианским государям для испрошения у них милостыни, которою бы мог помочь своей церкви в уплате тяжких, наложенных в настоящее время туркой (т. е. султаном), податей, приветствовав меня здесь (в Гродно), усиленно просил, чтобы я замолвил перед вашей святостью (*commendarem sanctitati vestrae*) за епископов и священников греческих, которые по временам посылаются от него в Сицилию, Апулию и Калабрию к находящимся в этих провинциях греческим церквам. Он утверждает, ссылаясь на продолжительную давность, что уже с того времени, как константинопольская империя подпала туркам, верховными первосвященниками, блаженной памяти предшественниками вашей святости, постоянно была оставляема всем его предшественникам неприкосновенною церковная юрисдикция над людьми греческого имени, которые были в тех провинциях. (Но) в настоящее время (говорит он) на нее посягают тамошние католические епископы, и епископам греческим препятствуется в (ее) отправлении, так что для тех, которые хотят посвятиться в церковные степени по греческому обряду, оказывается необходимым, с великою опасностью от турок, отправляться оттуда для получения всяких священных степеней в ахридонский диоцез. И я считал делом человеколюбия, не отказать человеку удрученному скорбью в том, чтобы замолвить относительно этого дела перед вашей святостью. Впрочем, я ничего более не хочу просить у вашей святости кроме того,

чтобы относительно всего этого дела постановила так, как рассудит правым и полезным для церкви Божией по своей собственной мудрости» (грамота дана в Гродно 24 июня 1586 г.).

¹²⁸ - 16 января 1767 г. архиепископ Арсений подписал свою отреченную грамоту от архиепископии. Эта отреченная грамота вместе с некоторыми другими актами, касающимися закрытия архиепископии, напечатана в книге архиграмматевса иди главного секретаря константинопольского патриаршего собора, в настоящее время митрополита хиосского, Григория:

Πραγματεία περὶ τῆς κανονικῆς δικαιοδοσίας
τοῦ Οἰκουμενικοῦ θρόνου ἐπὶ τῶν ἐν Βολγαρίᾳ ὀρθοδόξων
χριστιανῶν, ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1860, и потом перепечатана с теми же актами в книге митр. белградского Анфима
Σύντομος ἱστορικὴ περιγραφή τῆς ἱερᾶς μητροπόλεως
Βελεγράδων, ἐν Κερκύρα, 1868, и в брошюре неизвестного Τὰ
κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς Ἀχρίδων καὶ Πεκίου, ἐν Κωνσταντινουπόλει,
1869. Не имев под руками первой книги, мы пользовались
двумя последними; грамота Арсения у митр. Анфима стр. 101, у
неизвестного стр. 20 (о месяце и числе закрытия кафедры cfr у
Ралли и Потли V, 219, надписание 41-й Юстиниановой
новеллы).

¹²⁹ - Патриарх иерусалимский Досифей, ссылаясь на свидетельство, жившего в половине шестнадцатого века, великого логофета константинопольской церкви Иеракса (см. о нем Crusii Turcograeciae pp. 170, 204 и 332 нач.), говорит в своей Истории иерусалимских патриархов (кн. II, гл. 3 нач., стр. 1153), что после взятия Константинополя турками патриарх константинопольский пытался было отнять автокефалию у патриарха пекского и архиепископа ахридского, но что те успели спасти себе обещанием платить за себя Турецкому правительству отдельную от патриарха константинопольского подать.

¹³⁰ - Эту простую разгадку представлявшегося вам не совсем понятным деда, неким образом патриарх пекский и архиепископ ахридский успевали так долго спасать свою независимость от притязаний патриарха константинопольского,

мы нашли у Ризо Нерулоса (см. его *Cours de litterature Greque moderne*, Geneve, 1827, p. 31).

¹³¹ - По свидетельству одного из современных греческих писателей Иоанна Филемона, дело об уничтожении патриархии пекской и архиепископии ахридской, с целью теснейшего соединения славян с греками и приобретения больших удобств к их еллинизации, в восемнадцатом веке впервые поднято и поведено было около 1737 г. одним из представителей Фавара Иоанном Ипсиланти (сыном Антиоха И-ти, трапезундца, переселившегося в Константинополь в 1665 г.), который был каким-то весьма влиятельным чиновником при Порте (Пихлер к своей *Geschichte d. kirchlichen Trennung* 1, 540, нелепым и совершенно неожиданным от немца образом превращает его в патриархи константинопольские). Чтобы расположить в пользу своего плана турецкое правительство, он представлял ему выгоды, которые проистекали бы отсюда для него самого, именно, что чрез подчинение славян патриарху константинопольскому будет огражден к ним доступ интригам и опасным влияниям австрийского правительства. Но так как турки заподозрили австрийскую интригу в его собственном предложении, то дело на этот раз кончилось тем, что поплатился головой сам виновник проекта (см. сочинение Филемона *Δοκίμιον ιστορικὸν περὶ τῆς ἐλληναῖς ἐπαναστάσεως Ἀθῆναι*, 1859, Т. 2, стр. 2 sqq). Патриарху Самуилу помогали в исполнения его замысла члены влиятельных «аварских фамилий» – Сутцов, Ипсиланти (в особенности бывший тогда великим драгоманом Порты Иоанн Ипсиланти, сын Афанасия И-ти, племянник вышеназванного Иоанна И-ти), Мурузи, Риво и других (Филемон *ibid*, и Ризо Нерулос *ibid*.). Что касается до побуждений, руководивших им в его усилиях, то, кроме давнего непризнания патриархами константинопольскими законности существования помянутых автокефальных кафедр, такими побуждениями для него были – во-первых, те же греческо-патриотические планы относительно еллинизации славян (о чем слабые архиепископы ахридские, хотя также были греки, заботились но столько усердно, сколько желали бы в Константинополе, и за что со времени Самуила принялись

весьма деятельно, см. Филемона и Ризо *ibid.*), – во-вторых, как говорят греческие писатели, желание остановить проникавшую к славянам западную пропаганду (славянская паства ахридского диоцеза оставалась твердою в православии, но сами архиепископы ахридские, – греки, а не славяне, – действительно, то и дело продавались папе, см. выше), и наконец – в-третьих, желание привлечь епархии – пекской патриархии и ахридской архиепископии к участию в уплате тех огромных долгов, которые наделаны были константинопольской кафедрой, «чтобы таким образом большему числу лиц легче было поднять эту тяжелую ношу» (см. Захарию Мафу в Христ. Чтен. 1862 г. кн. 1, стр. 800 *fin. sqq*). Не знаем, по собственной воле или быв заставлены, только епископы ахридского диоцеза от всего своего собора подавали турецкому правительству просьбу, в которой, жалуясь на край. не бедственное положение дел архиепископии (служившей игрушкой для непрестанно покупавших один под другим кафедру интриганов и честолюбцев), умоляли правительство присоединить их к пастве вселенского патриарха (см. в книжках, названных в примеч. 94, у митр. Анфима стр. 95 *sqq*, у Неизвестного стр. 24 *sqq* и 40 *sqq*). Чтобы от закрытия не пострадали интересы турецкого правительства, патриарх обязался, независимо от своей собственной подати, платить за них их прежние отдельные подати (что продолжается и до настоящего времени и что прямо и прописывается в выдаваемых патриархам султанских бератах, см. список берата в Гласнике IX, 227 и в Българских Книжницах 1858 г. № 8, стр. 137). P. S. В недавно напечатанной книге Каница *Serbien, historisch-ethnographische Reise Studien*, Leipzig, 1868, есть некоторые новые данные к вопросу о закрытии ахридской архиепископии. Оказывается, что Иоанн Ипсиланти, когда указывал туркам на интриги австрийского правительства, имел в виду нечто положительное не только по отношению к патриарху пекскому, но также и к архиепископу ахридскому. До настоящего времени известно было, что перед 1737 г. австрийское правительство вело переговоры, с целью поднятия против турок сербского народа, с патриархом пекским Арсением Иоанновичем (который

потом и бежал в Австрию). Но из книги Каница, которого сведения, вероятно, из бумаг Венского архива, узнаём, что в переговорах этих участвовал и архиепископ ахридский (не называемый Каницем по имени) и – что для нас тут интереснее – что архиепископ этот был великий мечтатель и так сказать новый Димитрий Хоматен. Патриарх пекский предъявлял только такие требования, которые можно было предъявлять с серьёзной надеждой на их выполнение, а именно – в случае успехов австрийского оружия – свободы сербскому народу под властью императора его православной веры: «но – сообщает Каниц – цели прелата ахридского, который происходил из древнего дома Кантакузенов, шли дальше, – он желал подтверждения дарственной грамоты Юстиниана; он требовал себе, под условием ленной зависимости от императора, духовной и гражданской высшей власти в Боснии, Сербии, Албания, Македонии и т. д., потом права заседания в права голоса в немецком императорском сейме и многих льгот относительно таможенных пошлин и торговли» (S. 202). Т. е. архиепископ ахридский вообще требовал себе подтверждения дарственной грамоты импер. Юстиниана в том ее виде, как она пересочинена была в тринадцатом веке. Смешно подумать, что подобные требования могли быть заявляемы не в шутку, а серьёзно. «Некоторые из этих желаний, говорит Каниц, были отвергнуты; на исполнение многих других подана надежда», – увидел бы он, если бы австрийцам удалось отнять у турок его область, как бы его желания были исполнены.... (переданное составляет все, что есть у Каница).

¹³² - Что касается до избрания архиепископов в последний турецкий период отдельного существования их диоцеза, то они избираемы были клириками или чиновниками архиепископии (т. е. собственно самой архиепископской кафедры) и собором архиереев ее округа, см. у Ралли и Потли V, 565, Сношений России с Востоком ч. 4, рукоп. л. 1076 нач.

¹³³ - Как часта была смена архиепископов, показывает представленный нами выше, нет сомнения – даже и за последнее время не совсем еще полный, их список. Что они сменяли друг друга посредством подкупов (чиновников

центрального турецкого правительства и местных пашей) и всякого рода происков ληστρικῶ τῶ τροπῶ, это положительным образом, и нет сомнения – совершенно справедливо, утверждается в записях константинопольской патриархии о закрытии архиепископии, у митроп. Анфима стр. 95 sqq, у неизвестного автора брошюры стр. 28 и 41.

¹³⁴ - Преосвящ. Филарет довольно с обычной ему торопливостью спешит видеть в этом Григории знаменитого мниха болгарского Григория жившего в десятом веке (см. «Святых южных славян», января 8 ч.); но более чем вероятно, что этот Григорий, не покоившийся в храме, как произвольно толкует надпись преосвящ. Филарет, а создавший его, есть тот же самый Григорий сын тоῦ Μέστρι, зять императора Андроника, которым в 1295 г. была построена в Ахриде другая церковь и о котором у Григоровича *ibid.* стр. 115. При Феофилакте кафедра была при церкви Богородицы, под которую, по всей вероятности, должна быть разумеема эта же церковь Софии (см. его *Epist.*, ed. Lamio XII и XX, в Патрол. Миня т. 126, стр. 524 и 536).

¹³⁵ - В ряду прочих митрополитов, подведомых патриарху константинопольскому, митрополит терновский сначала получил очень высокое место, – не ниже как пятое (см. *Turcograeciae* Крузия р. 172, где под актом 1565 г. он подписался третьим, но где нет подписей – митрополита ефесского, который был выше, и митрополита анкирского, относительно которого неизвестно, был ли тогда выше или ниже его); неизвестно, с какой поры прежде начала восемнадцатого века и по настоящее время он в общем порядке митрополитов на десятом месте (см. Хрисанфа Синтагматийон и новые списки кафедр в Христ. Чт. и у Ралли и Потли).

¹³⁶ - Епархия червенская или руцукская была низведена из митрополий в епископии не при самом уничтожении терновского патриархата, а в позднейшее время; в 1590 г. она еще была митрополией, см. Деяние константинопольского собора сего года о русском патриаршестве, Никоновск. Кормчей предисл. л. 24 об.

¹³⁷ - Город Враца находится верстах в 150–60 на запад от Тернова на р. Сайтуле.

¹³⁸ - В некоторых известиях митрополия софийская причисляется к епископиям сербской или пекской патриархии (существовавшей до 1766 г.), но это совершенно несправедливо. Что митрополия софийская постоянно принадлежала к патриархии терновской, а после закрытия этой последней, постоянно к патриархату константинопольскому, см. выше и *Acta Patriarchat. Constantinopol.* Миклошича 1,551, *Turcograeciae* p. 282 и 287, Смиа *De Graecae Ecclesiae Statu hodierno* p. 63, Фабриция *Biblioth. graec. ed. Hamburgi*, 1727, XIII, 488, Ельснера *Beschreibung d. griechischen Christen in d. Türcey*, Berlin, 1737, 101.

¹³⁹ - На границе с Болгарией в позднейшее время была подведома патриарху константинопольскому митрополия браиловская. Город Браилов или Браила (по-греч. Προϊλαβον), находящийся на левом берегу Дуная в северо-восточной Валахии, вместе с другими двумя городами этой страны Журжевым и Турну с 1544 г. до адрианопольского мира в 1829 г. состоял в непосредственном (а не вассальном, как вся страна) владении турок (см. Когальничана *Histoire de Valachie* pp. 42 и 125); а поэтому, нет сомнения, и кафедра браиловская была подведома непосредственно патриарху константинопольскому, а не местному митрополиту угровлахийскому. Кроме самого города Браилова митрополит браиловский, первые известные нам упоминания о котором относятся к концу шестнадцатого века (Деяние константинопольского собора 1590 г. о русском патриаршестве в Никоновск. Кормчей предисл. л. 24 об. и Сношений с Востоком ч. 2, стр. 272, – в последних под Михаилом воеводой должен быть разумеem валашский воевода Михаил II Храбрый, правивший в 1592–1600 гг.), заведовал еще христианским православным населением нынешней южной Бессарабии (с городами Рени, Измаилом, Килией, Аккерманом или Белградом и Бендерами), составлявшей тогда татарскую область Буджак (Сношения с Востоком *ibid.*, Ельснера *Neueste Beschreibung derer Griechischen Christen in der Türkcey*. Berlin, 1737, S. 4 прим.). После закрытия митрополии браиловской

(неизвестно нам когда именно, вероятно – после адрианопольского мира, а во всяком случае уже в настоящем столетии, см. первое издание греческой Кормчей Πηδάλιον стр. 553, где митрополит браиловский под 1800 г.) наименование браиловский присоединено было к титулу митрополита дристрского или силистрийского (ὁο Αρβ στρας καί Προίλαβου, у Ралли и Потли V', 518): из этого можно заключать, что к епархии митрополита браиловского принадлежала некоторая часть и северной Болгарии (полный титул митрополита браиловского был – Προίλαβου καὶ Τιμαρόβου или Τομαρόβου (см. Синтагматион Хризанфа, Тимарова есть турецкое название города Рени, находящегося в Бессарабии при впадении Прута в Дунай).

¹⁴⁰ - Епархия литицкая (Λίτιτζης), существующая с давних пор, сначала была епископией филиопольской митрополии, а не позднее как со второй половины четырнадцатого века до настоящего времени есть автокефальная архиепископия (Ралли и Потли V, 483 и 501). О городе Литице ничего нет ни в каких известиях, и где именно он был – остается нам неизвестным; в настоящее время кафедра архиепископа литицкого находится в местечке Ортакёй, которое лежит на юго-запад от Адрианополя и на северозапад от Димотики и которое в гражданском отношении принадлежит к санджаку (губернии) адрианопольскому (сведение получено нами от одного проживающего в России греческого константинопольского иеромонаха).

¹⁴¹ - Город Меленик или Мельник (потурецки Менлык) находится за левым берегом среднего Стримона на одном из его притоков см. о нем Григоровича Путеш. Стр. 146 fin. Епархия меленикская, открытая неизвестно когда именно, но не позднее второй половины тринадцатого века (Lequien I, 95, Ралли и Потли V, 493), и бывшая в старое время то особой митрополией, то епископией митрополии серезской (см. Lequien ibid., Ралли и Потли V, 493 и 501, Acta Patriarchatus Constantinopolitani Микло шича t. I, p. 50, Turcograeciae Крузия p. 174, – последнюю подпись), не позднее как с начала восемнадцатого века до настоящего времени митрополия (см.

Хризаифа Синтагматийон и новые списки кафедр) постоянно принадлежала к патриархату константинопольскому (о трибаллизме, т. е. болгаризме населения меленикской епархии см. у Крузия в *Turcograecia*, p. 341 sqq, послание одного из ее греческих епископов шестнадцатого века). Рядом с епархией меленикской в пятнадцатом и шестнадцатом веках существовала другая, подведомая неизвестно кому, славянская епархия, именно-сначала епископия, а потом митрополия крупничская, находившаяся в городе, в настоящее время селе Крупнике, лежащем на север от Меленика, между ним и Джумой (в половине пятнадцатого века упоминается епископ Иаков, см. Гласника XXII, 289 и *Akriv'a* Сакцинского III, 21, до восьмидесятих годов шестнадцатого века митрополит Иоасаф, см. Григоровича Путеш. стр. 186 fin.; о селе Крупник у Григоровича *ibid.* стр. 147).

¹⁴² - Город Полянина или Поляна (Πωλεανίνη, Πολιανή), по-турецки Доиран, находится верстах в 60-ти на север от Солуни, при озере или болоте Полянском. Епархия полянинские есть епископия митрополии Солунской. Как кажется, она есть самая обширная епархия в своей митрополии: на юг к Солуни она простирается включительно по город Лълкъчъ или Кукушь (на иностранных картах *Kilkitsch* и *Kelkitsch*; по этому второму городу она называется также кугушской).

¹⁴³ - О переселении во Фракию павликиан импер. Константином Копронимом говорит еще Феофан, ed. Paris. p. 360; sub fin.

¹⁴⁴ - Синодик Бориса, проклиная Богомила, не называет с ним Иеремию (Времени, кн. 21, стр. 8 fin.); в одних сказаниях говорится о попе Иеремию, что он был священником «в навех на Верзиулове колу», а в других это же говорится о Богомиле.

¹⁴⁵ - Евфими Зигабен пользовался собственно вероучительной книгою богомилов, но она не сохранилась до настоящего времени.

¹⁴⁶ - Козьма пресвитер не совсем вразумительно пишет: «кланяются же затворшися в хизех своих, вся пятера врата отверста имуще, яже повелена суть затворити».

¹⁴⁷ - Другие же, по пат. Каллисту, давали вмещение естественным страстям, что, как кажется, значит, что вели жизнь совершенно распущенную (сfr в Лавр. Троицк. Кормч. № 205, л. 397, статьи: «ο месалианех, иже суть глаголемии богомилы (или) бабуни» – конец). Анна Комнена, *Alexiad. lib. XV, ed. Paris. p. 486*, говорит: *τρίχα μεν κοσμικήν οὐκ᾿αν ἴδοις βογομιλίζουσαν, κέκρυνται δὲ τὸ κακὸν ὑπὸ τὸν μανδύαν καὶ τὸ κούκούλιον, καὶ ἐσκυθρώπακεν ὁ Βογομίλος, καὶ μέχρι ρινὸς σκέπεται καὶ κεκυφῶς βαδίζει καὶ ὑποψιθорίζει τὸ σόμα, ταυδόθι δε λύκος ἐσὶν ἀνάθεκτος*, т. е. не увидишь богомила в мирском платье, но скрыто зло под мантиею и кукулем; богомил высматривает сурово (исподлобья), и закрывается до носу, и ходит сгорбившись (и всегда что-то) шепчет губами, внутри же есть волк.

¹⁴⁸ - Известны соборы и нарочитые розыскания, бывшие при Борисе III или Бориле в 1210 г. (см. Синодик Бориса во Времен, кн. 21) и при Иоанне-Алексаднре в половине четырнадцатого века (см. житие Феодосия терновск. в Чтен. л. 8). Так как ересь распространена была не только в Болгарии, но я в империи греческой, то и здесь равномерно предпринимаемы были церковные и государственные меры. Весьма строгое преследование на них поднято было императором Алексеем Комненом (1081–1118, см. Анны Комненой *Alexiad. lib, XV, ed. Venet , p. 384 sqq*; о последующем времени см. Вольфа *Hist. Bogomil, p. 34. § XVI sqq*).

¹⁴⁹ - По свидетельству одного западного писателя XIII в., обратившегося в католичество из альбигойства, все западные альбигойские или катарские общины вели свое начало от церквей или общин *Burgaliae* и *Dugunthiae* (у Гильферд. Полн. Соб. сочин, т. I, стр. 133). *Burgalia* очевидно есть *Burgaria*, а под Дугунтией совершенно справедливо разумеют Другувитию или область болгарского племени Дреговичей. Основываясь на словах Иоанна Ка- мениаты (в *Scriptores post Theophan., ed. Paris. p. 322 fin.*), область эту несправедливо ограничивают только пространством между городами Фессалоникой и Веррией. С давнего и до настоящего времени митрополит филиппопольский носит титул экзарха *Θράκης Δραγοβιτίας* (У

Кодина ed. Paris. p. 407, где Εὐρώπης καὶ Δραγουβιντίας, у патр. Хризанфа и у Ралли и Потли V, 516 fin.). Из этого следует, что или Драгувития простиралась от Веррии до Филиппополя или что были две области этого имени веррийско-салоникская и Филиппопольская. В нашем случае, нет сомнения, разумеется община или церковь богомилов именно филиппопольских.

¹⁵⁰ - Лиутпранда, еписк. кремонского, который †972 г. и который по сведениям, нет сомнения, собранным в Константин., где он неоднократно бывал посланником, в своем Antapodosis'e, lib. 3, cap. 29, говорит о Симеоне: «Hunc Simeonem emiargon id est semigrecum esse ajebant, eo quod a pueritia Bizantii Demostenis rhetoricam Aristotelisque silogismos didicerit. Post haec autem relictis artium studiis ut ajunt conversations sanctae habitum sumpsit. Verum paulo post regnandi cupiditate deceptus ex placida monasterii quiete in seculi procellam traosivit.

¹⁵¹ - О Златоструе см. Записки г. Срезневского в Сборнике статей, читанных в Отделении Русского языка и Словесности Академий Наук т. I, XXI и XXII.

¹⁵² - В списке слов Константина, который имел под руками Силивестр. Медведев, читалось, что Константин перевел их, «понужден Наумом», под которым, вероятно, должен быть разумеем Св. Наум, один из учеников Константина и Мефодия (см. Оглавление книг, кто их сложил, № 128, Константин философ, по изд. Ундольск. стр. 52 fin.).

¹⁵³ - Экзарх – ἑχζαρχος собственно означает правительственного чиновника, которому переданы на время права другого высшего правительственного чиновника и который действует от лица этого последнего как его представитель. Слово экзарх имело много значений; но преимущественно экзархами назывались и называются состоящие при архиереях духовные чиновники, которые посылаются ими куда-нибудь для исполнения каких-нибудь экстренных поручений (как бы духовные чиновники особых поручений), или, как говорится в одной славянской рукописи, содержащей именно Шестоднев Иоанна экзарха, они суть «обзиратели, послании от епископ и патриарх» (у Горского и Невоструева Описания № 58, л. 2, II, 1, 38). Иоанн был

экзархом, по всей вероятности, не при каком-нибудь епископе, а при самом болгарском архиепископе.

¹⁵⁴ - Так называется Григорий в надписании Падей, приложенной к переводу Малалы, у Калайд. в Иоанне экзархе стр. 178. Что значит «мних или презвитер мних всех церковник», в настоящее время мы не можем объяснить. Мы подозреваем, что известное ныне чтение неправильно, и что нужно: презвитер мних и (приставник, пастух или что-нибудь подобное) всех церковник болгарских церквей.

¹⁵⁵ - О древности перевода сочинений Ефрема Сирина см. статью г. Срезневского в помянутом выше Сборнике статей Академии Наук т. I, №№ 6–9, стр. 65 sqq.

¹⁵⁶ - В библиотеке профессора Московского Университета Баузе, погибшей в 1812 г., был пергаменный Пролог, написанный в 1227 г. в Новгороде, см. Каталог библиотеки в Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1862 г. кн. 2, Смеси стр. 54, № 122.

¹⁵⁷ - По списку, читанному Григоровичем: «на похвалу Болгаром и на пакость Греком и Сербом», Статьи, касающиеся древнего словинского языка, стр. 52 прим. fin.

¹⁵⁸ - Понимая дело точным образом, эту безусловность должно разуметь не о лицах, а о духе и системе, или о характере и направлении лиц. Вместе с большинством кандидатов из греков иногда назначаемы были на кафедры кандидаты и из природных болгар, которые, отказавшись от своей народности, были не менее, если еще не более, ревностными грекоманами, чем сами природные греки.

¹⁵⁹ - Впрочем, даже и села не везде были одинаково счастливы. В собственной так называемой Болгарии богослужение оставалось по селам большею частью болгарское, но например в южной или нижней Македонии, даже и по сельским церквям, первое было не более как весьма редким исключением, см. Григоровича Путешествие по Турции, стр. 136.

¹⁶⁰ - Гатти-гумайюн, – что значит законодательный акт, снабженный собственноручным указом государя, – есть султанская грамота, содержащая обещание разных реформ и

преимущественно самое коренное улучшение быта христианских подданных империи и полное уравнивание их в правах с мусульманами. Он был вынужден у турок перед заключением парижского мира 4856 года (он был обнародован 18 февраля сего года) правительствами их союзников в Крымской войне, французским и английским. Заставив султана quasi – добровольно обещать реформы, правительства – французское и английское хотели предупредить требование этих реформ на предстоявших конференциях о мире со стороны России, и таким образом, предвосхитив у нее инициативу, по возможности парализовать на будущее время ее влияние на христианских подданных империи. См. Розена Geschichte der Türkei von d. Reform in 1826 bis zum Paris Tractat 1856, Leipzig, 1857, 2 B, S. 232 fin. sqq. Полный текст гатти-гумайюна напечатан в русских газетах 1856 года, см. например Московских Ведомостей № 26, под рубрикой: с Востока.

¹⁶¹ - Один русский путешественник, имевший в 1863 г. возможность поверять мысли греков на месте, говорит: «на болгар нападают с одной стороны латиняне, чтобы привлечь их к унии, с другой американские методисты, чтобы втянуть их в протестантское общество; а в патриархии при сем делается такой арифметический расчет: перейдут болгары к папе или к протестантам, все же останется с кого собирать на нужды великой церкви; а дай им своеобразную иерархию, прощай всякий доход, см. дня 1863 г. № 7, стр. 19.

¹⁶² - Мы сказали, что дело началось из-за оброков, собираемых архиереями. Почин принадлежал болгарам епархии виддинской. Быв выведены из терпения поборами своего митрополита (Паисия), которым и вообще были до чрезвычайности недовольны (по причине ненавистной роли, которую он играл во время бывшего в Виддине восстания в 1849 г.), виддинцы отправили в Константинополь депутацию с просьбой к султану, чтобы митрополиту, согласно обещаниям гатти-гумайюна, назначено было определенное жалованье. Судьба этой просьбы была та, что от султана она передана была в патриархию с предписанием, чтобы эта последняя назначила размеры жалованья по соглашению с прибывшими

депутатами, а патриархия в ответ на требование заявила о своем совершенном несогласии вообще с мыслью о назначении архиереям какого бы то ни было жалованья и твердо настаивала на сохранении прежних порядков. Но сигнал был подан, и вслед за виддинцами поднялись болгары во многих других местах; с одинаковыми жалобами на поборы и притеснения архиереев явились в Константинополь депутаты из епархий терновской (где был митрополитом Неофит, после переведенный в Солунь), филиппопольской (где был митрополитом Хризанф, – оба ненавистные болгарам не менее Паисия виддинского) и других, и при этом-то общем своем сборе, уже не довольствуясь требованием только жалованья архиереям и жалобами на их злоупотребления, подали турецкому правительству коллективную просьбу, в которой после жалоб прямо заявило требование, чтобы вместо греческого высшего духовенства им дано было свое болгарское (см. статью покойного Даскалова «Турецкие дела» во 2-й Февральской книжке Русского Вестника 1858 г.). Все это происходило в конце 1857 г.; с 1858 г., в начале которого депутатами была подана их коллективная просьба, начинается история болгарского церковного вопроса, как вопроса открыто поставленного. Известно, что в настоящее время турецкое правительство пользуется домогательствами болгар как средством эксплуатировать в свою пользу обе враждебные стороны, – когда нужно задобрить греков, оно объявляет суровые отказы болгарам; когда нужно привлечь этих последних, оно дает строгие предписания об удовлетворении их требований константинопольской патриархии. Но, как кажется, на то обстоятельство, что возникавшая тяжба есть прежде всего дело весьма выгодное для него самого, оно обратило свое внимание не тотчас, и сначала действовало без всяких задних мыслей. Требования болгар были слишком неожиданны и слишком велики: вся райя, имеющая своим церковным главой патриарха константинопольского, с давних нор составляла в глазах правительства одну нераздельную греческую нацию, и вдруг приходилось решиться на такую немаловажную меру, как разорвать эту одну нацию и создать еще новую нацию –

болгарскую. Как бы то ни было, правительство, немедленно сделав настоятельные предписания патриархии о предании суду архиереев, которые были обвиняемы болгарскими в злоупотреблениях, отказало сим последним в их просьбе об архиереях их собственных и особенных, при чем отказ был выражен в дипломатической форме неопределенных обещаний (ibid.). Быв опечалены, но не обескуражены первой неудачей, и во всяком случае вовсе не думая покидать своих желаний, болгары обратились после этого с своими надеждами в другую сторону. Прежде их сепаратистических требований к правительству уже были обращены относительно высшего духовенства другие требования. Тогда как они искали избавиться от архиереев-греков в видах национального обособления, само греческое православное население не меньше их было недовольно своими высшими пастырями по тем беспорядкам, которые господствовали в центральном управлении при патриархии, и по тем злоупотреблениям, которые архиереи, действуя совершенно одинаково как в епархиях болгарских, так и греческих, позволяли себе во взимании податей. Имев или не имев действительное желание удовлетворить давно раздававшимся между греками громким на все это жалобам, правительство по крайней мере нашло нужным показать вид, что имеет такое желание, как и вообще оно тогда принуждено было показать вид, что желает произвести всевозможные улучшения и реформы. Вследствие этого обещано было гатти-гумайюном и действительно предположено было составить при патриархии особую временную комиссию, которая бы проектировала новые, способные устранить все прежние недостатки, церковно и народно-административные правила [По инструкции, начертанной для комиссии в особой подготовительной комиссии, состоявшей при Порте из ее чиновников и греческих представителей (составленной вскоре после издания гатти-гумайюна в мае 1856 г.), она должна была проектировать: 1) новые лучшие правила для избрания патриарха; 2) новые лучшие правила для избрания митрополитов епископов; 3) новый лучший способ составления заседающего при патриархии

синода архиереев; 4) организацию нового, имевшего состоять при патриархии, административного учреждения, именно – так называемого смешанного совета, который бы, быв составлен из духовного председателя и светских выборных членов, заведовал недуховными делами греческой нации; 3) размеры предполагавшегося взамен податей жалованья архиереям сообразно их степеням и достоинствам, а также и размеры налога, который на сей конец имел быть собираем правительством с мирян; б) способы к единовременному или постепенному погашению так называемого народного долга, т. е. долга константинопольской патриархии. См. эту инструкцию в статье Пишова: *Die Verfassung der griechisch orthodoxen Kirche in der Tiirkei*, напечатанной в журнале *Theologische Studien und Kritiken*, 1864 г. выпуск 2-й, стр. 275 fin, sqq.]. К этой-то, имевшей составиться, комиссии и обратились болгары с своими ожиданиями и надеждами. Правительство дало патриархии приказание созвать ее в апреле 1857 г. (вместе с тем как препроводило в патриархию сей· час помянутую свою инструкцию будущих занятий комиссии, у Пишова *ibid.*); но так как последняя столько же мало была расположена к каким-нибудь реформам, в своей области, сколько и само правительство в своей, то прежде всего она попыталась употребить все средства, чтобы остановить дело; наконец однако ж, вследствие новых и настоятельных требований со стороны Порты, комиссия была созвана в начале 1858 г. (она названа была *ἔθνοσθνέλευσις*, т.е. народный съезд или народное собрание; у Пишова *ibid.* S. 280 sqq, Московск. Ведом. 1856 г. 29 и 34, и 1858 г. №№ 7 и 148, под рубрикой: с Востока). Болгары, нет сомнения, возлагали на комиссию свои надежды потому, что большинство ее должно было состоять из членов не назначенных патриархией, а выборных, – состав ее имел быть: 1) семь архиереев, назначенных патриархом, и сам патриарх как председатель; 2) десять выборных представителей от населения столицы, и 3) по одному выборному представителю от каждого из 28, имеющих православное население, провинциальных округов [От столицы имели быть избраны 20 кандидатов в члены, а назначить из этих 20-ти 10

действительных членов правительство предоставляло себе. Правила относительно избрания как сих кандидатов, так и провинциальных членов, содержатся в помянутой выше инструкции у Пишова *ibid.*]. От членов из архиереев болгары, конечно, не ожидали никакой уступки своим требованиям; но они тогда еще не совсем отчаялись в греках-мирянах, а главным образом они должны были рассчитывать на то, что они будут иметь в комиссии значительное число представителей из своей собственной среды. Но и на этот второй раз напрасны были их ожидания, я исход дела с комиссией был тот, что они увидели себя совершенно обманутыми во всех своих расчетах и надеждах. Не знаем, от чего зависело, от того ли, что они сами виноваты своей недеятельностью и неумелостью, или – как обвиняют они греков и греческих архиереев – действительно от того, что не в состоянии были бороться с противодействием и происками сих последних, только во всех болгарских округах из природных и преданных национальному делу болгар избрано было в члены комиссии и всего двое (от Тернова и Филиппополя), из которых притом один (представитель филиппопольский), нашедшись вынужденным протестовать, скоро удалился из комиссии [См. брошюру единственного болгарского члена комиссии, представителя терновского, Дим. Минчоолу – Ἀ πάντησις εἰς τὸν λόγον τοῦ κυρίου Σ. Καραθεοδωρ ἡ , 1860, стр. 8 sqq].. Остававшийся единственный представитель болгар настоящим образом заявлял комиссии о требованиях своего народа и словесно и письменно (у Минчоолу *ibid.* стр. 6); но голос одного не имел права даже и на то, чтобы быть просто занесенным в протоколы заседаний. Что касается до светских греческих членов комиссии, то болгары имели только случай убедиться, что напрасно они в них не отчаивались. Относительно собственных греческих дел члены комиссии разделялась на две, весьма враждебные одна другой, партии – партию консервативную или ретроградную (преимущественно из духовных), которая стояла за старые порядки, и партию либеральную или прогрессивную (преимущественно из светских), которая требовала нововведений и улучшений (у Пишона *ibid.* S. 280 sqq): но по

вопросу о будто бы нелепых притязаниях болгар обе партии были между собой совершенно единогласны и единодушны... Заключительное слово в заседаниях комиссии держал г. Каратеодори, один из наиболее просвещенных членов партии либеральной; но и этот самый горячий требователь и поборник улучшений для своей греческой нации дал понять болгарам в своем помянутом заключительном слове, что они слишком наивны, если воображают, чтобы в собрании народных представителей греческих когда-нибудь могли быть выслушиваемы речи о правах их нации болгарской (у Минчоолу *ibid.* стр. 5). Заседания комиссии тянулись и продолжении двух лет (до февраля 1860 г., у Пишона *ibid.* S. 290). В продолжение всего этого времени напряженное состояние умов между болгарскими, тогда еще не потерявшими куража, а только входившими в него, и еще верившими в силу своей правоты, достигло самой последней степени. Наконец, когда им пришлось выслушать из уст и наилиберальнейших между представителями греческого народа насмешливое – что они могли заявлять свои требования только по своей простоте, их вражда к держащимся над ними чужой силой их господам перешла в совершенное озлобление и разразилась до крайней степени печальным, но до некоторой степени извинительным в их положении, взрывом. При церкви болгарского народного подворья, находящегося в Константинополе [Для торговых, ремесленных и всяких промысловых занятий, болгар постоянно живет в Константинополе весьма большое число: от 30 до 40 (Правосл. Обзор. 1869 г., май, стр. 740), а по некоторым даже до 70 тысяч. Но до 1848 года все эти проживающие в Константинополе болгары не имели ни одной своей болгарской церкви, т. е. такой церкви, в которой бы богослужение совершалось не по-гречески, а по-славянски.], с 1838 года был епископом болгарин Иларион, человек известный по своим качествам с самой лучшей стороны самой патриархии, но в то же время ревностный болгарский патриот, стоявший в спорном вопросе между патриархией и болгарскими совершенно на стороне своих соотечественников (см. статью Богобоева «La question bulgare» в журнале *L'Union chretienne* 1865–66 г. стр.

15 и 38). Избрав его своим духовным главой и представителем и возложив на него полномочие хлопотать пред турецким правительством, болгары решились сами собой формальным образом разорвать союз с патриархией константинопольской. Спустя два месяца после закрытия греческой комиссии, в день светлого Воскресения (которое в 1860 г. было 3 апреля), когда Иларион совершал в подворной церкви торжественное богослужение и по обычаю начал поминать имя вселенского патриарха, присутствовавший в церкви в огромном количестве народ, по предварительно сделанному между ним уговору, внезапно потребовал, чтобы оставлено было возношение имени патриаршего; Иларион сначала возражал, представляя опасные следствия такого решительного шага, но наконец, будучи не в состоянии противиться общему непреклонному требованию, принужден был уступить [Так передает дело относительно Илариона тот болгарский описатель всей этой достойной сожаления истории, которого мы имеем под руками, именно г. Богобоев (ibid. p. 38); но гораздо вероятнее, что Иларион не оставался об уговоре в неведении и что, увлеченный общим тогдашним настроением болгарских патриотов, он дал свое согласие предварительно.], и так. обр. и произошел между болгарскими и патриархией константинопольской прискорбный раскол, который продолжается и до настоящего времени, и о печальных последствиях которого мы замечали в самом тексте исследования. В непродолжительном времени после этого разрыва на кафедре константинопольской произошла перемена: бывший с 1855 г. патриархом Кирилл, чувствуя свое бессилие справляться с наставшими крайне затруднительными обстоятельствами, согласно своему прошению, уволен был на покой (2 июля 1860 г.), а на его место избран был, после упорной борьбы между греческими партиями, один из членов партии консервативной, митрополит кизический Иоаким (через три с половиной месяца после удаления Кирилла, 16 октября) [О борьбе партий при избрании см. у Питона ibid. S. 301 sqq. Патриарх Иоаким был выбран по новому способу избрания, проектированному комиссией 1858–60 г. (ἐθνοσυνέλευσις'ом). Этот новый способ, введенный потом навсегда или по крайней

мере употребленный и при избрании двух его преемников, подразделяется на три приема и есть следующий. При патриархии составляется особое избирательное собрание, которое состоит, во-первых, из митрополитов, составляющих патриарший синод, и всех вообще находящихся в данное время в Константинополе, во-вторых – из особо определенных избирателей мирян. Затем: 1) все митрополиты, подведомые престолу константинопольскому – находящиеся налицо в собрании подают, а находящиеся в епархиях присылают в запечатанных кувертах имена кандидатов, которых каждый из них рекомендует; к этим кандидатам, когда по вскрытии кувертов они станут известными, избиратели-миряне имеют право присоединить одного или нескольких своих, если только за допущение каждого из них по следних будет не менее трети митрополитов, находящихся в собрании; список всех кандидатов представляется правительству, которое имеет право вычеркнуть тех, которых почему-либо не находит возможным допустить к избранию; 2) из всех этих кандидатов избирательное собрание, т. е. составляющие его как митрополиты, так и миряне, имея каждый по одному голосу, выбирают посредством закрытой подачи голосов троих кандидатов; 3) из этих троих кандидатов митрополиты, находящиеся в избирательном собрании (без мирян) выбирают, также посредством закрытой подачи голосов, одного, который и объявляется патриархом (новый избирательный устав см. у Пишона *ibid.* S. 293 sqq). По проекту комиссии 1858–60 г. отдел избирателей-мирян должны были составлять следующие члены: 1) трое главнейших светских чиновников патриархии, между которыми непременно великий логофет, 2) члены имевшего быть учрежденным при патриархии (и после действительно учрежденного) смешанного совета, 3) три архонта первого и второго класса, два высших военных чиновника и три чиновника гражданских, 4) наместник самосский или его представитель, 5) три депутата от дунайских княжеств, 6) четыре известнейших ученых, 7) пять представителей от купечества, 8) один банкир, 9) десять представителей от значительнейших ремесленных цехов, 10) два представителя от города Константинополя, 11)

двадцать восемь представителей от христианских провинций, именно: кесарийской, эфесской, ираклийской, кизической, никомидийско-никейской, халкидонско-дерконской, солунской, терновской, адрианопольской, амассийской, янинской, брусской, битольской, боснийской, критской, трапезундской, ларисской, филиппопольской, серезской, смирнской, митнленской, варнской, виддииской, софийской, хиосской, скопийской, писидийской, костамоницкой (у Пишона *ibid.* S. 297).]. С открытым возмущением болгар нужно было что-нибудь делать, новый патриарх, произнесши, свое осуждение на епископа Илариона и на присоединившегося к народной стороне другого архиерея из болгарских уроженцев – митрополита Авксентия [Иларион и Авксентий были осуждены патриархом и объявлены лишенными архиерейства и священства сначала в конце 1860 г., потом торжественно, в присутствии многочисленного собора, 23 января 1861 г. (*Annuaire des deux mondes* 1861 г. стр. 543. Христ. Чтен. 1861 г. кн. 2, стр. 349)], потребовал от болгар, чтобы они письменно заявили патриархии свои желания. Вследствие этого болгары представили следующие семь пунктов: «1) болгарский народ признает и почитает святейшего патриарха константинопольского, как имеющего преимущества чести в православной церкви, 2) болгары, будучи особым народом, желают иметь себе иерархию, которая бы находилась под властью архиепископа болгарского, имеющего пребывание в Константинополе, 3) этот архиепископ будет избирает болгарскими и утверждаем патриархом, 4) все епископы болгарские будут избираемы туземным клиром, при участии народных представителей и с согласия вышеназванного архиепископа или его уполномоченных, 5) болгары исключительно самим себе оставляют право устроят все то, что касается их церковной администрации, 6) болгары, почитая константинопольский патриарший престол, с полною охотою соглашаются ежегодно давать патриарху значительную сумму денег, 7) равным образом болгары нисколько не отказываются вместе с народом греческим позаботиться о погашении долгов константинопольской церкви» (у Богобоева *ibid.* p. 38 fin.). Требования, изложенные в этих пунктах, разумеется, никогда не

могли быть приняты патриархом; но в то же время совершенно невозможно было отвечать на них и простым отказом: раздражение между болгарами достигло такой степени, что некоторые из них, не довольствуясь отложением от патриархии, дали увлечь себя папским агентам и затевали известную, наделавшую шума, унию с Римом (см. о ней ниже). Чтобы не быть осуждену как виновнику всех зол, патриарху нужно было хотя для виду предложить болгарам какие-нибудь обещания, и он поспешил сделать это. 25 Февраля 1861 года им обнародовано было соборное окружное послание к болгарам, в котором после нового осуждения на Илариона и Авксентия болгары уверяются, что великая церковь или патриархия всегда относилась к ним как истинная мать в истинным своим чадам, что болгарская народность и болгарский язык никогда не были в утеснении, а в котором наконец под видом нового подтверждения того, что будто бы было наблюдаемо патриархией и всегда прежде, даются болгарам изложенные в 15-ти отдельных пунктах некоторые по-видимому довольно благоприятные для них обещания [Это окружное послание патриарха мы имели в руках в подлинном его виде, напечатанное особой брошюрой на греческом и на болгарском языке; как мы сказали, оно от 25 Февраля 1861 г.; кроме самого Иоакима под ним подписались два бывших константинопольских патриарха, тогдашние действительные патриархи александрийский, антиохийский и иерусалимский и 21 прочих архиереев; отдельно самые пункты даваемых болгарам обещаний см. в Христ. Чтен. 1861 г. кн. В, стр. 351 fin. sqq. Главнейшие из этих пунктов: 1) достойные лица из болгарского клира будут отныне назначаемы на чисто болгарские епархии. 2) в случае вдовства какой-нибудь из чисто болгарских епархий, патриархия с благосклонностью будет принимать достойных кандидатов, рекомендуемых самой епархией, 3) в одной из епархий болгарам дозволяется открыть для себя богословское училище, 4) во всех болгарских училищах имеет первенствовать болгарский язык (перед греческим), 5) один или два болгарские архиерея будут, как и прежде, -присутствовать в синоде, состоящем при патриархии, 6) в церквах чисто болгарских

епархий богослужение будет совершаемо на болгарском языке. Самый собор, которым решено было обнародовать окружное послание и присутствовавшие на котором подписались под сим последним, имел место 24 февраля; см. изданную от патриархии брошюру: Ἡ φωνὴ τῆς ἀλ-ηφύας, Κωνσταντινοῦ πλ., 1861 г., σελ. 54 нач.]. Обнародовав в послании, патриарх немедленно вслед затем представил свои обещательные пункты на усмотрение правительства, которое и утвердило их как руководство на будущее время (см. Христ. Чтен. 1861 г. кн. 2 *ibid.*, cfr Богобоева *ibid.*, р. 163). Но так как умирительные действия патриарха были нисколько не искренние, а только притворные, то и не могли иметь никаких благих последствий. Представляя правительству свои пункты, в то же самое время он испросил у правительства указ об от- правлении осужденных им епископов в ссылку, что имело на болгар такое действие, что мудрено было бы ожидать успеха и от самых широких уступок [Иларион и Авксентий отправлены были в ссылку 29 апреля 1861 г. (см. у Богобоева *ibid.* р. 164 sqq, где подробно и о величайшем по этому поводу волнении между болгарами), сначала оба в одно место на Принцевы острова, а потом порознь – первый в Конию (древний Иконий), а отсюда в Бруссу – в Малой Азии, второй – в Воло в южной Фессалии, а отсюда в Исмит (древнюю Никомидию) в той же Малой Азии (*Annuaire des deux mondes* 1861 г. стр. 543 fin., дня 1864 г. № 44, стр. 18). Вскоре после провозглашения болгарами своего разрыва с патриархией перешел на их сторону еще один архиерей, грек родом, митрополит филиппопольский Паисий (см. о нем у Богобоева *ibid.* р. 102); он также был осужден патриархом, и вскоре после двух первых также послав был в ссылку (у Богобоева *ibid.* р. 164, *Annuaire des deux mondes* 1861 г. *ibid.*)]. Затем, обещания патриарха были таковы, что болгары на основании их могли пойти на мир только в таком случае, когда бы снова решились отказаться от всего, чего искали, или когда бы хотели видеть себя в осмеянных дураках. Сущность деда составлял вопрос об архиереях, и патриарх в своих обещаниях пишет: «достойные и непорочные священники из болгарского клира, обладающие качествами, которые требуются

священными канонами, равно как знающие хорошо болгарский язык, имеют быть отныне избираемы и определяемы в митрополиты и епископы на чисто болгарский митрополии и епископии» (в Христ. Чтен. этот пункт переведен не точно). Патриарх тут обещает не то, что отныне на чисто болгарские епархии будут определяемы архиереи исключительно из природных болгар, даже не то, что из таковых будут определяемы преимущественно, а только то, что если в болгарском клире будут оказываться священники, достойные архиерейства, то они будут избираемы в архиереи на чисто болгарские епархии. Таким образом патриарх, не связывая себя какими-нибудь, большими или меньшими, положительными обязательствами, единственно хочет заставить болгар верить себе, будто между членами болгарского клира он будет находить лица достойные архиерейского сана. Но при известных понятиях греков о достоинстве болгарской народности вообще, это более насмешка, чем какое-нибудь обещание: когда же монет оказаться в их глазах достойным архиерейства болгарский священник, не отказавшийся от своей болгарской национальности? Греки постоянно твердят болгарам, что они назначают к ним в архиереи из кандидатов греков, а не болгар, не потому, чтобы непременно хотели навязывать им первых, а потому, что не находится лиц достойных архиерейства между последними: ясно, какое нравоучение из этого следовало для болгар по отношению к обещаниям патриарха. Не давая никакой веры этим обещаниям, и кроме того во всяком случае желая «требуя гораздо большего, чем что в них содержалось, болгарские народные представители подали Порте новое прошение сыновым заявлением своих требований (прошение подано летом 1861 г., см. Правосл. Обозр. 1869 г., май, стр. 744). Это были так называемые восемь пунктов или по-болгарски восемь точек, на исполнении которых болгары настаивают и по настоящее время, именно они состоят в следующем: «1) Болгарский народ, как принадлежащий пастве константинопольского патриарха, просит иметь право участвовать в его избрании, в силу своей многочисленности; 2) необходимо, чтобы члены патриаршего синода, состоящего до

сих пор только из одних греком, вперед были на половину из болгар, а на половину из греков; 3) болгарские епископы, будущие члены синода, должны, сверх того, составлять с таким же числом (болгар) мирян болгарский народный совет, которого цель будет – рассматривать все дела болгарского народа, не касающиеся религии; 4) самому достойному из епископов (болгарских) и одному из мирян, выбранному из более почетных болгар, дать народную начат с правом извещать и просить правительство о каком бы то ни было народном деле, -оба эти лица должны постоянно пребывать в Константинополе при болгарской церкви; о) патриарх не должен иметь права сменять или заменять другим этого первого епископа или митрополита и мирянина – его помощника, – их смена и замена пусть совершаются властью самого высокого правительства, когда их обвинит в чем-либо народный совет; 6) когда какая-нибудь болгарская епархия будет нуждаться в епископе, то она должна выбрать двух духовных лиц и отправить в Константинополь того из них, который будет выбран болгарским народным советом, представлять патриарху для рукоположения и отсылать в нуждающуюся епархию; 7) в тех епархиях, в которых жители смешаны с греками, епископ должен быть выбираем из среды того народа, который многочисленнее; епископ такой епархии должен основательно знать оба языка – греческий и болгарский, но строго блюсти, чтобы никакого препятствия не было жителям сел или даже отдаленных приходов употреблять в церквях и училищах свой природный язык; 8) после одобрения вышеозначенных пунктов, так как духовным лицам не подобает силой собирать с царской райи различные дани под именем мирии, то назначить, с одобрения высокого правительства, известную плату каждому епископу сообразно его сану» (см.1 Дня4861 г. № 5, стр. 8 fin. sqq). Получив эту новую просьбу болгар, правительство турецкое в следующем 1862 году предписало патриархии составить для ее рассмотрения смешанную комиссию из греков и из болгар: Патриарх Иоаким: ни малейше не желавший· делать каких-нибудь уступов, хотел отделаться медлением, но неожиданным образом на помощь болгарам подоспели события.

Белградские замешательства 1862 г. (сопровождаявшиеся известным бомбардированием Белграда 4 июня 1862 г.), как бы подав болгарам сигнал к восстанию, отозвались между ними значительными народными волнениями; обеспокоенное этим; правительство решило задобрить их и предписало патриарху немедленно занялся их церковным вопросом, вследствие чего в июле 1862 года комиссия и была действительно составлена. Первое время комиссия занималась своими работами довольно деятельно. В первых семи заседаниях, происходивших с 18 июля по половину августа, был разбираем первый пункт просьбы болгар, т. е. о степени их участия в избрании константинопольского патриарха; после продолжительных прений, обе стороны пришли к тому соглашению, что на общее число 70-ти избирающих лиц болгары будут иметь на будущее время с своей стороны от 25 до 80-ти (Дня 1862 г. № 40, стр. 16). С седьмого заседания (которое было 18 августа 1862 г.) перешли ко второму пункту просьбы или проекта болгар; но здесь, после столько же продолжительных споров (в которых проведен был и Весь следующий сентябрь месяц), не пришли ни к какому соглашению, и наконец порешили тем, что обе стороны письменно изложат свои доводы и представят на обсуждение и заключение Порты (Дня 1862 г. № 40, стр. 16 и № 45, стр. 17 – подробно; 1863 г. № 7, стр. 19). После этого было перейдено к третьему пункту просьбы болгар (*ibid.* 1862 г. № 45, стр. 17, 1863 г. № 7, стр. 19). Что сделано было по этому пункту, нам остается неизвестным; по всей вероятности, ничего, потому что в этом случае и правительство было на стороне греков, а не болгар (см. *ibid.* 1863 года № 7, стр. 19, col. 2). В начале 1863 года правительство предложило свое решение относительно второго пункта. Так как решение было в пользу болгар, то они немедленно его приняли; но не хотели принимать его греки [Правительство предложило, чтобы епархии, подчиненные константинопольскому патриарху, участвовали в составе патриаршего синода сообразно с числом своих жителей, – напр., принимая за нормальную цифру 50 тысяч: епархия, имеющая 50 тысяч жителей, от одной самой себя посылает своего архиерея для очередного заседания в синоде, а епархии,

имеющие по 10 тысяч жителей, только от пяти посылают одного архиерея для такого заседания в синоде. По этому способу назначения болгары имели бы в синоде не менее шести или половины общего числа архиереев, чего они сами требовали. См. Дня 1863 г. № 15, стр. 20 fin. sqq.], – и на этом остановились занятия смешанной комиссии. В половине 1863 года (в июне месяце) трое архиереев, стоявших на стороне болгар, именно митрополит филиппопольский Панарет, митрополит преславский Анфим и епископ полянинский или доиранский Парфений [Анфим учился в России, в московской дух. академии, и мы внаем его лично. В академии он оставлял свое происхождение в секрете, и основываясь на предположениях, одни считали его греком, другие болгарин; будучи на самом деле болгарин (см. его собственное об этом свидетельство в Дне 1864 г. № 27, стр. 20), он заявлял себя самым отчаянным грекоманом (и некоторыми своими ультрамонтанскими действиями оставил по себе не совсем добрую память). После его удаления на родину, вдруг увидев в газетах, что он ратует в числе защитников болгар, мы сильно было возрадовались, что вот наконец открылись человеку очи сердечные... Но дело было гораздо проще. Не совсем верно рассчитав, что берет перевес сторона болгар, он пристал к своим соотечественникам за тем, чтобы в ожидавшейся отдельной болгарской церкви приготовить себе возможно лучшее положение; увидев, что обманулся в своих расчетах, он снова бросил болгар, и в настоящее время, не принимаемый в своей епархии, живет на острове Халки, управляя, в качестве ректора, тамошним богословским училищем. Парфений, также воспитанник московской академии, не похож на Анфима искренний и горячий болгарский родолюб. Он поставлен был в епископы епархии полянинской или доиранской в октябре 1859 г., по стараниям другого болгарского родолюбца известного Д. Миладинова, для противодействия явившейся было в этой епархии католической пропаганде. В конце 1861 г., за свои старания о пробуждении и поддержании в болгарях своей епархии народного болгарского духа, он отдан был Солунским митрополитом под суд и заключен в солунскую митрополическую тюрьму (см. Дня 1862 г. № 21, стр. 13 sqq и № 48,

стр. 8, col. 3 нач.).], вместе со многими значительнейшими болгарскими из мирян, подавали Порте прошение об ускорении окончания дела, при чем требовали, чтобы спор решен был на основании заявленных болгарскими восьми пунктов, или чтобы последние совсем отделены были от греков (см. болгарской константинопольской газеты Съветник 1863 г. №15, л. 2). Вскоре после этого, когда низложен был патриарх Иоаким (в начале июля 1863 г.), живущие в Константинополе болгарские депутаты делали было попытки склонить правительство, чтобы были удовлетворены их требования на основании их восьми пунктов прежде избрания нового патриарха (см. того же Съветника 1863 г. JV*. 19, л. 2 об.). После избрания на место Иоакима нового патриарха Софрония (13 сентября 1863 г.), само турецкое правительство предписало, чтобы к рассмотрению так долго тянувшегося спора приступлено было немедленно и чтобы он покончен был в возможно скором времени (Дня 1864 г. № 1, стр. 20 fin.), и вследствие этого первая половина 1864 года опять проведена была по-прежнему в ни к чему не приведших заседаниях и прениях. Правительство прежде всего требовало, чтобы как-нибудь порешено было относительно второго пункта просьбы болгар. Не допуская требования сих последних, чтобы половину членов патриаршего собора всегда непременно составляли архиереи болгарских епархий, патриарх предложил свой способ решения, именно: пусть в члены синода архиереи поочередно выбираются независимо от народности их епархий, по праву своего архиерейства; а чтобы не оставаться при этом болгарам в меньшинстве, так как епархий болгарских гораздо меньше, чем греческих (из 85 митрополий, подведомых константинопольскому патриарху, болгарских митрополий до 24, а с сербскими Боснии и Герцеговины до 28), пусть большие болгарские епархии будут раздроблены на малые, так чтобы их стало не меньше греческих. Но этот способ соглашения не был принят ни правительством, ни болгарскими (Дня 1864 г. № 5, стр. 22), – последними потому, что грозил слишком большим увеличением податей в пользу архиереев (при разделении одной епархии на две или на три, пришлось бы, при предположенном жалованье архиереям, платить подать вдвое

или втрое большую нынешней) и что нисколько не обеспечивал ин в патриаршем соборе равенства голосов с греками (не обязанный непременно назначать половины членов из архиереев болгарских епархий, а только наблюдать очередь, патриарх всегда бы имел возможность, к ущербу болгар, обходить эту последнюю). Испросив себе срок для представления нового проекта (ibid.), патриарх 21 февраля 1864 года собрал чрезвычайное собрание из находившихся в Константинополе архиереев и почетнейших греческих мирян, которое и повернуло дело так, что оно должно было как бы начаться опять с начала; именно – собрание это решило составить новую особую комиссию для нового тщательнейшего изучения вопроса. Быв составлена из девяти «ученых» греков, самых ревностных панеллинов, эта комиссия работала около полутора месяцев и написала пространную докладную записку, в которой старается всевозможным образом доказать, что притязания болгар совершенно неосновательна и несправедливы и что все должно быть оставлено по-прежнему. За сим с 12 апреля по 12 июня, 1864, года в патриархии было шесть заседаний, посвященных болгарскому вопросу. Первое заседание (12 апреля) посвящено было слушанию упомянутой сейчас докладной записки. Во втором заседании (17 мая) были читаны, во-первых, изложение или мнение одного из бывших константинопольских патриархов, именно того самого Григория VI, который с 10 февраля 1867 г. снова есть действительный вселенский патриарх, – во-вторых, протесты, направленные в защиту требований болгар, митрополитов – филиппопольского Панарета и преславского Анфима, и наконец в-третьих, были выслушаны суждения ученых греческих богословов. Сущность мнения патриарха Григория состоит в том, что должны быть отвергнуты все требования болгар и даже должна быть взята назад уже сделанная им уступка относительно первого пункта (относительно избрания константинопольского патриарха); Панарет и Анфим (те самые, о которых выше) требуют в своих протестах, чтобы дело решено было к удовлетворению заявленных болгарам желаний; ученые греческие богословы заявили о своем совершенном согласии с

мнением патриарха Григория, и кроме, того требовали, чтобы на будущее, время совсем изгнаны были из всяких актов названия – болгарский народ, болгарские архиереи и т. п. В третьем заседании (22 мая), читан, был подобный двум предшествующим протест митрополита софийского Дорофея [Подобно Панарету и Анфиму будучи родом болгарин, Дорофей в начале 1863 г. принял было унию с папой, но потом скоро раскаялся и снова возвратился к православию, см. дня 1863 г. № 15, стр. 21, а несколько раньше того, в 1861 году, ознаменовал себя ссорами с своей паствой, Московск. Ведом. 1861 г. № 180, под рубрикой «Сербия» 1866 г. № 116, стр. 3, col. 4.] и слушаны были, новые заявления членов собрания; последние по-прежнему все сходились в том, чтобы не делать болгарам никаких уступок. Четвертое заседание (30 мая) посвящено было продолжению предшествующих рассуждений. В пятом и последнем заседании (12 июня) сначала было выслушано письменное мнение, поданное одним образованным болгаринном (Крестовичем) я содержащее доводы в пользу справедливости в законности требований болгар; затем собрание постановило в изложило свои окончательные решения относительно составлявшего предмет его совещаний дела. Эти последние были следующие: 1) требование болгар, чтобы половина членов патриаршего синода была (постоянно) из архиереев-болгар, признается несправедливым и противоканоническим; имеют быть вызываемы для участия в синоде, одни вслед за другими, в определенном и равном расстоянии времени, все подчиненные вселенскому престолу архиереи, при чем, исправляя дотоле бывший порядок назначения членов разделить все существующие престолы на шесть отделений, которые бы состояли из равного числа митрополитов; и призывать в год по одному от каждого отделения; 2) что касается требования болгар о назначения архиереев, то собрание принимает мнение смешанной комиссии, но которому всегда должны» быть предпочитаемы кандидаты, представляемые самою овдовевшей епархией, а если не окажется таковых; – кандидаты, рекомендуемые соседними епархиями; 3) относительно избрания патриарха

собрание постановляет, во-первых, чтобы из жителей Константинополя кроме лиц, назначаемых уставом 1858 года призываемы были еще старосты шести константинопольских церквей, – во-вторых, чтобы представители провинций являлись не в числе двадцати восьми, как полагает устав, а в числе пятидесяти восьми, как определено смешанной комиссией; 4) требование болгар составить болгарский независимый совет (третий пункт просьбы болгар 1861 года) не принимается собранием, как противное правилам церкви, по Которым никак не допускается властвовать в одной и той же епископии (разумеется – в одной и той же патриархии константинопольской) двум совершенно единоверным церковным начальникам (Дня 1864 г. № 27, стр. 18 и № 32, стр. 14, cfr ibid. № 52, стр. 29 sqq). В этих решениях единственная уступка требованиям болгар состоят в том, что собрание (в третьем пункте) Принимает определение смешанной комиссии относительно избрания патриарха; но и здесь, увеличивая число греческих членов избирательной коллегии новыми шестью, оно хочет обезопасить несомненное решительное большинство своей стороне – греческой. Затем, когда собрание предлагает порядок поочередного присутствования в синоде патриаршем всех архиереев, а не непременно присутствования половины греческим и половины болгарских, оно хочет, чтобы большинство было постоянно на стороне первых, потому что епархий греческих гораздо более, чем болгарских; когда оно только обещает, что при назначении архиереев имеют быть предпочитаемы кандидаты, представляемые самой епархией (при чем епархии болгарские представляли бы кандидатов из болгар), а не непременно обязуется всегда делать это: то оно хочет оставить этим патриарху возможность вести дело по-старому (т. е. по-прежнему замещать кафедры болгарские греками). После значительного промедления времени (в августе или сентябре 1864 года) решения представлены были патриархом турецкому правительству; но когда они сообщены были правительством болгарским народным представителям, последние самым решительным образом их отвергнули, пространно изложив в поданной записке причины своего

несогласия (см. Дня 1864 г. № 52, стр. 29). Конец 1864 и большая половина 1865 года прошли ни в чем [В конце 1864 г. (в октябре) турецкое правительство возвратив из ссылки болгарских архиереев – епископа Илариона и митрополита Авксентия (ори этом болгары устроили было им торжественную встречу; но правительство, узнав о ней, приказало доставить их в Константинополь ночью, см. подробно в Дне 1864 г. № 44, стр. 13). Быв приглашены подчиниться власти патриарха и решительно отказавшись от этого, они снова скоро удалены были из Константинополя, впрочем, на этот раз не в Азию, а в одно из селений, находящихся вблизи столицы или собственно одно из ее предместий, Ортаке́ни или Ортаке́й (на проливе, и северу от города). Престарелый Авксентий вскоре после этого (в Феврале 1865 г.) скончался, решительно отказавшись перед смертью, если верить французским известиям, примириться с патриархом (см. *Annuaire des deux mondes* 1864–65 г. кн. XIII, стр. 604). – Возвращен ли был из ссылки митрополит филиппопольский Паисий, нам остается неизвестным (в списке архиерейских престолов за 1867 г., Христ. Чт. 4868 г. № 5, май, стр. 711, он упоминается в числе низложенных, но место жительства его не указано).]; после того, как упомянутые выше определения были отвергнуты болгарами, патриарх, обещавшись перед правительством созвать новый собор (Современ. Летопись Московск. Ведомостей 1866 г. №28, стр. 28, col. 1 fin.), решился отделяться посредством обычного способа – медления. Во второй половине 1863 года неожиданным образом открылись было надежды на скорое и удовлетворительное для обеих сторон порешение спора, но, к сожалению, не только не оправдались, но окончились еще большею прежнего взаимной враждой. Не имея об этом эпизоде точных сведений, повторим недостаточно определенные известия, сообщаемые одним болгаринном. Сказав об упомянутом сейчас медлении патриарха, он продолжает: «Тогда четверо знатнейших и влиятельных между греками лиц [Это были какие-то константинопольские купцы, см. болгарской газеты *Время* 1866 г. № 37, л. 4, col. 1.], руководимые здравым смыслом и духом времени, постарались сблизиться и войти в

соглашение с болгарскими депутатами. Наши депутаты с радостью и благодарностью приняли их услуги, и в какие-нибудь три-четыре заседания было достигнуто полное соглашение (это было в ноябре 1865 года, см. Современ. Летопись. 1867 г. № 39, стр. 10, col. 1); были составлены новые условия, подписанные как болгарскими депутатами, так и греческими посредниками [Эти условия напечатаны в болгарской газете Время 1866 г. № 37. Они суть следующие: 1) «избрание патриарха должно совершаться на основания постановления греческо-болгарской смешанной комиссии (см. выше). 3) Для составления патриаршего синода или должны быть назначены две равные половины епархий греческих и болгарских, и от каждой половины должны быть назначаемы по три члена чрез каждые два года, или пусть назначены будут двенадцать епархий, на половину греческих и наполовину болгарских, которых митрополиты должны заседать в синоде в продолжение десяти лет. 3) Назначение архиереев должно быть производимо на основании избрания, совершаемого самими вдовствующими епархиями. 4) Один из болгарских синодальных членов, после избрания болгарской константинопольской общиной и утверждения патриархом, имеет председательствовать в константинопольской болгарской народной церкви. 5) Необходимо, чтобы после соглашения обеих сторон были рассмотрены комиссией, состоящею поровну из греков и болгар, нынешние уставы патриархии.], и последние взялись убедить патриарха к принятию этих условий, в надежде завершить таким образом все дело. Но они жестоко обманулись; а между тем, спустя несколько времени, патриархия, показав вид, что будто ничего не знает о том, что происходило между болгарскими депутатами и греческими посредниками, потребовала чрез правительство начертанные ими условия, и когда эти условия были доставлены ей правительством, собрала новое собрание из духовных и мирян, и скрыв истину, предложила им на рассмотрение помянутые условия, как бы вновь и неожиданно представленные требования со стороны болгар. Реченное собрание высказалось решительно против всякого соглашения и отвергло предложенные ему условия как еретические и

нечестивые, нарушающие будто бы народные греческие права, как нечто демократическое и будто бы совсем несходное с церковными в гражданскими началами, правами и обычаями: Но собрание не ограничилось этим: оно осудило переговоры наших депутатов с вышеупомянутыми греческими посредниками и изрекло хулу на наших представителей, подавших такие условия; отвергло и самый болгарский вопрос, не признавая его даже за вопрос, и вычеркнуло болгар из числа народов» (см. в Современн. Летописи Московск. Ведомостей 1866 г. № 28, стр. 3, col. 1 fin sqq, cfir Современн. Летоп. 1867 г. № 39, стр. 10, col. 1, Богобоева в Union chretienne 1865 г. стр. 39 прим. Правосл. Обозр. 1869 г., май, стр. 746). В болгарской газете Время (1866 г. №№ 36 и 37) сообщаются сведения о сейчас упомянутом собрании в патриархии, имевшем место 22 апреля 1866 г. Быв весьма многочисленно [Кроме прежде бывших патриархов, всех находившихся в Константинополе архиереев и нескольких ученых архимандритов, в собрании присутствовало до 30 человек мирян. Болгар между ними было всего двое – митрополит филиппопольский Панарет и известный своей ученостью мирянин Гавриил Кръстович.], собрание действительно постановило то самое, что передается выше; особенно непреклонную вражду к болгарам заявили начальник главного константинопольского греческого училища архимандрит Евстафий Клеовул и начальник халкинского торгового училища архимандрит Маджараки: первый в своей, исполненной крайнего фанатизма, речи назвал нечестивыми тех, которые решаются предлагать подобные требования, а последний сказал, что скорее умрет, чем подпишет такие условия (из русских периодических изданий сообщаются известия об этом соборе 22 апреля 1866 года в июньской книжке Православного Обозрения, где напечатана корреспонденция о сем из Константинополя, Заметок стр. 31 sqq; по этой последней, на соборе все требования болгар были отвергнуты, признаны незаконными, противоцерковными в противоканоническими, и самая попытка болгар заявить о себе патриархату этими требованиями осуждена была как возмущение против порядка, как дерзкое противление власти).

Собор должен был принять какие-нибудь решения, чтоб было что донести правительству. Большинство членов стояли на том, чтобы просто объявить, что решительным образом отвергают все притязания болгар; но один из членов более благоразумных (тогда – прежде бывший, а в настоящее время снова действительный' Константинов, патриарх Григорий VI) поставил собранию на вид, что подобное поведение может возбудить неудовольствие правительства, и предложил составить особую комиссию для более тщательного рассмотрения требований; с этим предложением согласились, и члены будущей комиссии тут же были назначены (см. той же болгарской газеты Время 1866 г. № 37, л. 1, col. 2, cfr Современ. Летопись. 1866 г. № 28, стр. 8, col. 2, – где не совсем ладно). О деятельности этой новой, Бог знает которой по счету, комиссии мы не имеем никаких сведений (кроме того, что она имела начать свою деятельность 3 мая 1866 г. и должна была собираться для рассуждений каждые вторник и пятницу, см. болгарское Время 1866 г. № 30, л. 2 об.): быв составлена единственно для виду, по всей вероятности, она более только слыла, чем что-нибудь делала [В корреспонденции из Константинополя, помещенной в январской книжке Правосл. Обозрения за 1867 г., Заметок стр. 41, по всей вероятности, говорится о решениях именно этой комиссии. Не сообщая подробностей, корреспондент дает знать, что решения вообще были совершенно для болгар неблагоприятные.]. В конце 1866 г. на кафедре константинопольской произошла перемена: натр. Софроний был низведен (4 декабря) и на его место избран один из прежде бывших константинопольских патриархов, Григорий VI (10 Февраля 1867 г.). Новый патриарх, будучи по месту рождения константинопольским фанариотом по своим убеждениям и стремлениям самым горячим панеллинистом (см. Захария Мафу в Христ. Чт. 1862 г. кн. 2, стр. 62 и Дня 1863 г. № 39, стр. 17, col. 1), неожиданным образом изъявил готовность сделать серьезную попытку примирения с болгарам. В непродолжительном времени после своего восшествия на престол он подал правительству проект соглашения, в котором хотя далеко не сполна удовлетворяются требования болгар, но в то же время делаются такие

значительные и такие действительные, а не мнимые уступки болгарам, что, как временная сделка, он должен бы был принят последними с величайшей радостью. Вот этот важный проект в подлинном и целом его виде: 1) «Болгарские епархии, которые будут признаны за болгарские [Если не ошибаемся, но памяти сообщая сведение из книжки, которой в настоящую минуту у нас нет под руками, патриарх желал бы признать за болгарские 13 епархий, именно – четыре сербские: босно-сараевскую, ерсекийскую или герцеговинскую, эворничскую и рашко-призренскую, и девять болгарских: терновскую, доростольскую или силистрийскую, виддинскую, преславскую, няшскую, нишавскую, червенскую или руцукскую, ловчанскую и врачанскую.)], составят округ во вселенской патриархии, который не будет считаться отдельным от нее, но будет пользоваться некоторыми преимуществами. 2) Первенствующий в иерархии митрополит этого округа будет иметь титул экзарха всей Болгарии, как канонический представитель вселенского патриарха в округе. 3) Экзарх и все митрополиты округа будут поминать канонически имя вселенского патриарха. 4) Все митрополиты округа, собираясь как в обыкновенных, так и экстренных случаях, у своего экзарха и председателя, будут составлять областной синод, который старательно и неусыпно будет следить за поддержанием православной веры и за благочинием в церквях, внутри и вне, согласно с священными законами, правилами и обычаями, по преданию нашей православной восточной церкви. Этот синод будет заниматься всеми церквями и другими делами христиан округа. Его решения будут иметь силу областного и местного закона; но стороне, которая останется недовольною решениями синода, предоставляется право обращаться с жалобой на них ко вселенскому патриарху. 5) Областной синод, по собрании точных и подробнейших сведений, будет записывать в особой книге имена и качества духовных лиц из болгарского округа, которые достойны быть избранными в архиереи. Ежегодно синод будет доставлять великой церкви копию с этого каталога, для занесения ее в общую книгу об избираемых лицах вселенского престола, которая хранится в патриархии. 6)

Избрание митрополитов и епископов в болгарском округе будет совершаться областным синодом из лиц, имена коих записаны в областном или же в общем каталоге избираемых; право на каноническое утверждение сохраняет за собою патриарх. Рукоположение будет совершаться по распоряжению патриарха или в областном синоде, или в самых митрополиях и епископиях, оставшихся без архиереев. 7) Бераты для архиереев болгарского округа будут испрашиваемы у Порты чрез патриарха, который и отсылает их в областной синод для передачи рукоположенным архиереям. 8) Областной синод будет просить у патриарха всего, в чем он нуждается (напр. св. мира и пр.) и только к нему будет обращаться о всяком областном деле, которое требует покровительства и содействия патриарха пред Портой или другим местом. 9) Областной синод будет стараться основать в болгарском округе духовные училища, а в городе, где заседает синод, высшее богословское училище, которое будет содержаться общими средствами всех митрополитов и епископов округа и болгарского православного народа. Известное число болгарских юношей будет принимаемо в халкийское богословское училище. 10) По соглашению между великою церковью и начальниками болгарского духовенства и благочестивого болгарского народа, в болгарском округе будет написан, на основании изложенных выше постановлений, в определенное время особый устав касательно круга деятельности областного синода. О всяком необходимом изменении в этом уставе всегда будет испрашиваемо предварительное согласие вселенского патриарха в синоде. 11) Правило о монастырях вселенского патриарха (ставропигиальных) остается неприкосновенным. 12) Бели в каких-либо церквах болгарского округа божественная служба совершается на греческом языке, а в других на славянском, то этот порядок может остаться и вперед, если прихожане не пожелают, по общему согласию, просить у митрополита дозволения о замещении одного языка другим. 13) Духовенство церквей как в болгарском округе, так и вне его будет подчинено вполне и прямо пастырскому надзору местных архиереев; от них зависит канонически это духовенство, их имена оно

поминает на литургии; они назначают и судят его, они же лишают его должностей и чина по правилам. 14) При избрании вселенского патриарха, митрополиты из болгарского округа, как лица избирательные и избираемые, пользуются теми правами, какими пользуются и остальные лица престола. 15), Митрополиты и епископы болгарского округа, которые находились бы в Константинополе по своим собственным или епархиальным делам, будут соблюдать те же Формальности, как и другие иерархи престола. 16) Митрополиты, болгарского округа, которые находились бы в Константинополе, будут допускаемы участвовать в служении в церквах и будут заседать в синоде по почетному приглашению патриарха наравне с другими митрополитами престола, которые, не будучи действительными членами синода, пребывали бы в Константинополе. 17) Если в Константинополе находятся светские представители болгарского округа, призванные законно, то они будут приглашаемы в собрания патриархии, в которые приглашаются представители и других округов. 18) Великая церковь торжественным синодальным актом освободит низложенных архиереев от наказания, наложенного на них за то, что они перестали поминать имя патриарха, если они признают свое заблуждение и дадут обещание сообразоваться в точности со всеми изложенными выше постановлениями» (Правосл. Обозр. 1869 г., июль, стр. 110, Современная Летопись Русского Вестника 1867 г. № 44). К величайшему сожалению, на этот раз не оказалось достаточно благоразумия и политического смысла у болгарских народных представителей; вероятно, по внушениям турок [В туркофильстве и своекорыстие болгары в особенности обвиняют представителя филиппопольской епархии, доктора Чомакова или Томакова (см. Современ. Летопись. 1867 г. № 39, стр. 10).], для которых так желательно продолжение и. было бы так неприятно прекращение вражды между болгарскими, и греками, они (представители) объявили, что желают получить все и не хотят довольствоваться частью. Когда правительством был сообщен им проект патриарха, они подали первое прошение, в котором странным и неблагоприятным образом увеличивая свои искания [В этом увеличении

требований до несомненной при теперешних условиях неисполнимости, действительно, невольным образом подозреваются коварные внушения турок.], требуют, чтобы болгары совсем были отделены от греков и чтобы для них была восстановлена патриархия ахридская (Соврем. Летопись. 1867 г. № 41, стр. 5). Величайшего, говорим, заслуживает сожаления, что у болгарских народных представителей не оказалось достаточно благоразумия и политического смысла. Нет сомнения, что патриарх предложил свой проект, побуждаемый не тем мудрым миролюбием, которое поспешили прославить в нем русские газеты, а своими патриотическими еллинскими расчетами: но что им – болгарам до этого за дело, когда его своекорыстные расчеты вполне совпадают с их собственными интересами? Патриарх, нет сомнения, рассуждал так: при будущем распадении Турецкой империи забалканским болгарским епархиям во всяком случае не доставаться будущей византийской империи (за Балканы не простирают своих притязаний даже и самые неумеренные греческие патриоты), а между тем пожалуй как-нибудь случится, что болгары успеют выпросить себе у правительства не только эти, но и все вообще болгарские епархии; пусть я отдам им эти безнадежные для будущей византийской империи епархии, и навсегда обезопасю для нее все остальные, потому что, согласившись взять часть, болгары не будут уже потом иметь возможности, возобновив требования, просить всего [Этим, а не мудрым миролюбием необходимо заставляют объяснять поведение патр. Григория все предшествующие о нем данные. Впрочем, во всяком случае он заслуживает особенных похвал в сравнении с своими предшественниками. Не думая жертвовать, для прекращения вражды с болгарам, интересами своей, будущей Византии, он по крайней мере решается принести в жертву интересы свои лично, патриаршие, т. е. отказаться от этих тринадцати епархий, которые, не будучи включаемы греками в пределы будущей византийской империи, имеют для патриархии довольно важное значение, как епархии пока ей подведомые, в настоящее время.]. Таким образом патриарх, предлагая свой проект, собственно подставляет болгарам так сказать западню. Но в

том-то и неразумие болгар, что и они с своей стороны хотят видеть в нем действительно западню для них опасную. Пусть думает и мечтает патриарх о будущих границах своей будущей византийской империи, как он хочет и как ему нравится: при действительном будущем распадении государства Османлисов, пределы болгарского царства и пределы византийской империи будут назначены не сообразно с тем, как мечтают панеллинисты, а как решать события и обстоятельства и воли более сильные, чем воля греческих патриотов. Пока они – болгары будут требовать особое патриархии, или даже только сполна всего того, что содержится в их восьми пунктах, греки никогда не захотят уступить, а турки никогда не захотят принудить их к уступке (потому что, как мы неоднократно говорили, в интересе сил последних заботиться не о прекращении, а о поддержании вражды), и след. они (болгары), убивая время и силы на бесплодную борьбу, никогда ничего не получают. А между тем уступки, которые патр. Григорий, по своим еллинско-патриотическим соображениям, решается сделать им, имеют для них величайшую важность. Им предоставляется иметь некоторое число своих собственных болгарских архиереев, которые будут иметь во главе своей особого экзарха всей Болгарии и составят из себя в патриархии свой отдельный округ; им предоставляется завести свое особое богословское училище: но все именно это им и необходимо, и всего этого пока по нужде им и достаточно для их национального дела, т. е. для окончательного пробуждения себя к чувству своей национальности и для некоторого нравственного приготовления себя к будущему независимому существованию. В своих природно-болгарских архиереях они получают себе руководителей в своем народном деле, а единый экзарх всея Болгарии будет для них тем объединяющим центром их народного сознания, которого им теперь недостает, и той единой силой, которая будет связывать и направлять общие усилия; дело не в имени, а в качествах, носящих имя людей, – не нося имени патриарха, люди способные скоро приобретут значение этого последнего. Болгарам всего более недостает просвещения; пусть богословское училище, которое проектом

патриарха дозволяется им завести, постараются они устроить наилучшим образом, и они создадут себе просвещение (разумею – некоторое, потому что настоящее просвещение создашь не вдруг). Опасаться за те болгарские провинции, которые проектом патриарха по-прежнему оставляются при архиереях греческих, что они, как надеются греки, действительно погречатся и таким образом будут потеряны для будущего болгарского царства, нет ни малейшего основания, – пример забалканских соотечественников будет действовать на болгар этих провинций с неотразимой силой, так что, несмотря на уе усилия архиереев-греков и только более озлобляемые против еллизма этими усилиями, сполна и всецело останутся болгарам. Правда, что и эти тринадцать безнадежных для будущей византийской империи епархий патриарх решается отдать болгарам с величайшими предосторожностями, принимая все меры, чтобы в случае, если они слишком зашевеливаются, иметь возможность тотчас же остановить их. Но укреплять и постепенно расширять права полученные гораздо легче, чем добывать их с первого начала.... Заключим пожеланием, чтобы открылись болгарам очи их разума и чтобы нашлись между ними толковые и энергические патриоты, которые, вопреки людям тупым или своекорыстным, постарались бы устроить эту, столько желаемую и выгодную для них, сделку с патриархией. Сейчас прочитанное читателем написано было нами давно. Дальнейшая история вопроса с 1867 г. до настоящего времени есть следующая. После отказа болгар принять проект соглашения, представленный патр. Григорием, турецкое правительство, неизвестно нам хорошенько – кем и чем побуждаемое и что именно имея в виду, само решилось взяться за дело и в своем министерстве иностранных дел составило два новые проекта, которые и вручило патриарху во второй половине 1868 года с тем, чтобы он или принял один из них, или, если оба найдет негодными, «возможно скорее изобрел какое-либо другое начертание». В существе своем проекты, составленные правительством, совершенно сходны с проектом, который был предложен самим патр. Григорием. Как этот последний предполагает образовать

из епархий болгарских особый (до некоторой степени зависимый от патриарха константинопольского) экзархат, так совершенно то же самое предлагают и оба проекта правительства. Однако ж, когда они сообщены были патриархии, то последняя самым энергическим образом против них протестовала, как против проектов будто бы антиевангельских, противоречащих «не только канонам, но и самому существу христианского вероисповедания, т. е. догмату веры, разрушающих православное вероисповедание, наносящих смертельную рану догмату православной церкви, и пр. и пр. (см. Правосл. Обзор. 1869 г., март, стр. 146 sqq). В чем же однако ж дело, т. е. от чего проекты, по-видимому совершенно согласные с проектом самого патриарха, так ужасны? Дело в том, что патриарх желал бы признать болгарскими и отделить в особый экзархат только небольшую часть действительно болгарских епархий, а остальную часть – значительнейшую желал бы навсегда удержать за собой под именем греческих; напротив проекты правительства предлагают, чтобы отделены были все болгары [По обоим проектам правительства, все болгары по роду языка, в какой бы местности государства ни находились, составят особый экзархат. Затем существенное различие между, ними то, что по одному – в каждой митрополии, существующей в настоящее время в патриархате, должен быть один митрополит, избираемый из большинства населения (т. е. или греков, или болгар), а по другому – болгарам предоставляется право, если они хотят содержать, иметь в каждой митрополии своего отдельного архиерея, хотя бы они и составляли меньшинство против греков (оба проекта см. в Правосл. Обзор. 1869 г., март, стр. 443).]. Итак, отделить в особый экзархат небольшую часть болгарских епархий патриарх не находил бы противозаконным и антиканоническим, в был бы весьма не прочь; отделить же всех болгар он находит совершенно антиканоническим и антиевангельским... Обращаем внимание на эту константинопольскую логику наших защитников стороны греческой (а также просим их обратить внимание и на весь этот протест, – бесцеремонная греческая софистика доведена в нем до геркулесовских столбов или до совершенно невозможного;

он напечатан в Правосл. Обозр. 1869 г., март, стр. 446 sqq). Не находя возможности покончить с упорными болгарскими, домашним образом, патриарх весьма неожиданно заявляет в этом протесте требование новой и решительной меры, именно – с заднею или без задней мысли он требует, чтобы для решения вопроса был созван вселенский собор. «Так как каноны – говорит патриарх – определяющие единообразное управление всей православной церкви, – каноны, которые болгары своими требованиями хотят (будто бы) нарушить, постановлены (будто бы) вселенскими соборами, и какая-либо местная церковь (будто бы) ни в каком случае не может изменять их, не будучи осуждена остальными церквами в том, что она разрывает церковное единство (замечательное опасение!), то по этой причине один (будто бы) только собор всей православной церкви может решить и этот церковный болгарский вопрос, и поэтому патриархия, исчерпавши (будто бы) все что она с своей стороны могла сделать в пределах, предписанных священными канонами, только эту меру считает впредь необходимою, ибо только эта мера может дать определенное и неизменяемое решение вопросу, избавить раз навсегда почитаемое правительство от беспокойства и изгладить властвующее с некоторого времени неудовольствие между людьми одного и того же вероисповедания» (Правосл. Обозр. 1869 г., март, стр. 453). Подав протест правительству против его проектов 16 ноября 1868 г., патриархия от слов о вселенском соборе перешла к делу и разослала окружную грамоту с заявлением о нем и с приглашением на него ко всем прочим греческим патриархам и ко всем остальным поместным церквам [Грамота патриарха с приложением документов и брошюр разослана в конце 1868 и в начале 1869 года. Ответы на нее патриархов антиохийского и иерусалимского, синода греческого королевства, митрополитов кипрского и сербского и нашего св. Синода напечатаны в сентябрьской книжке Христианского Чтения 1869 г. Греческие ответы благоприятны грекам, ответ сербского митрополита болгарам; ответ вашего св. Синода, несколько уклончивый и не совсем определенный, более благоприятен болгарам, чем грекам, но первым показалось, что

на. оборот, и произвел на них весьма дурное впечатление, см. Правосл. Обзор. 1869 г., ноябрь, стр. 585.]. В ответ на эту грамоту патриарха немногие архиереи, держащие сторону болгар, сочли нужным обнародовать свою окружную грамоту, в которой излагают всю историю вопроса с своей точки зрения и возлагают всю вину на патриарха (грамота напечатана в Правосл. Обзор. 1869 г., май, стр. 733 sqq). В то же время архиереи эти умыслили учинить против патриарха демонстрацию, о каноническом значении которой мы предоставляем судить другим, более нас сведущим в каноническом праве (и которую мы, говоря откровенно, находим неуместною и просто смешною). Именно – архиереи подали патриарху коллективную просьбу, в которой, говоря, что положение их – архиереев вследствие возникшего раздора стало совершенно невыносимым, так как болгары не принимают их на епархии, а патриархия требует, чтобы они отправлялись на них, в что вследствие того же раздора и вообще состояние церковных дел стало нестерпимо бедственным, архиереи заявляют патриарху, что они «решились подать в отставку и удалиться от служения вселенскому престолу», что они и делают чрез настоящее подписанное ими каноническое деяние... Но архиереи не удаляются однако ж в отставку в обыкновенном смысле этого слова; они заявляют далее: «мы возвращаемся в древнюю каноническую, самостоятельную (автокефальную) православную болгарскую церковь, которую весь болгарский клир и народ признают, и посвящаем наше архиерейское служение ее престолу, принадлежности которого будут определены в последствии»... [Напеч. в Правом. Обзор. 1860, март, стр. 458. Этот, курьезный по нашему мнению, протест от 19 декабря 1869 г. подписали: Панарет филиппопольский, Дорофей софийский, Иларион довчанский и Анфим виддинский (тот самый, о котором говорено было нам выше).] По всей вероятности, уступая настояниям болгарских представителей, в Феврале 1869 г. турецкий министр иностранных дел Али-паша созвал, новую смешанную комиссию для решения вопроса (три члена от греков и три от болгар, Правосл. Обзор. 1869 г., май, стр. 750). В апреле месяце

членам комиссии действительно удалось было как-то прийти в соглашение и составить проект; но когда он был сообщен в патриархию, патриарх энергически отверг и его, как (будто бы) нарушающий правила и постановления церкви (Правосл. Обзор. *ibid.* стр. 751, и июль стр. 110). За сим поручено было правительством той же комиссии составить новый проект, на основании проекта, предложенного самим патриархом Григорием; но когда таковой был составлен и представлен (в мае месяце 1869 г.), то патриарх снова нашел его антиканоническим (Правосл. Обзор. 1869 г., июль, стр. 113). Вся антиканоничность и неудобоприемлемость проектов состояла в том, что по ним отчислялось в болгарский экзархат большее количество епархий, нежели какое он бы желал уступить. Уступая представлениям патриарха о противозаконности проектов, Алипаша созвал и еще новую комиссию (Правосл. Обзор. 1869 г., июль, стр. 114), которая в августе месяце 1869 г. составила еще новый проект (напечат. *ibid.*, ноябрь, стр. 589). Но и этот проект был объявлен патриархом также антиканоническим... В начале прошлого 1870 г., может быть ожиданно для болгар, но довольно неожиданно для нас, само турецкое правительство решилось положить конец распре. 28 февраля прошлого года Али-паша призвал к себе представителей греческих и болгарских и вручил им Фирман султана, в котором содержится проект соглашения, составленный самим правительством имеющий быть окончательным и не подлежащим более никаким ни с которой стороны протестам. Вот этот Фирман в полном его виде: «Самое главное наше императорское желание состоит в том, чтобы все жители и верные подданные, населяющие нашу высокославную державу, находясь в безопасности и тишине относительно веры и религии и во всяком другом отношении, и живя между собою в любви и добром согласии, как подобает соотечественности (это слово выдуманно турецким министром) и человечности, могли, насколько зависит от них, содействовать беспрестанным нашим стараниям, которые полагаются вами для достижения в совершенстве благосостояния нашей державы и прогресса цивилизации: (!!) а

так как противное этому доброму желанию, распря и вражда, породившиеся с некоторого времени между греческою патриархиею и православными (ортодокс) болгарскими о степени духовной зависимости, то есть о том, сколько митрополитов, епископов, священников и церквей подчинены патриархии, причинило нам прискорбие, то поэтому, как следствие розысканий и исследований, предпринятых для хорошего разрешения этой (распри), поставлены следующие пункты: 1) Образован будет отдельный духовный округ под наименованием болгарский экзархат, в состав которого войдут нижепоименованные митрополия, епископии и некоторые другие местности. Управление духовно-религиозными делами этого округа будет вполне возложено на этот экзархат. 2) Высший по чину из болгарских митрополитов, который будет находиться в названном округе, будет иметь титул экзарха; ему будет принадлежать каноническое председательство в болгарском синоде, который будет находиться при нем. 3) Внутреннее духовное управление экзархатом будет определено, согласно с основными канонами и религиозными постановлениями православной церкви, в варочном для этого уставе, который будет представлен на одобрение и утверждение нашему царскому правительству. Этот устав должен отстранить как посредственное, так и непосредственное вмешательство патриарха в управление духовными делами, особенно же в избрании епископов и самого экзарха, по избрании коего болгарский синод дает знать патриарху, который как можно скорее будет давать требуемые согласно с верою утвердительные письма. 4) Этот экзарх, назначаемый моим высокославным бератом, обязан будет сообразно с церковными правилами поминать имя константинопольского патриарха. Прежде, чем будет провозглашено духовное по религии избрание лица достойного быть экзархом, должно быть испрашиваемо соизволение и соглашение от нашего высокославного правительства. 5) Экзарху дозволяется относиться прямо к местным властям о делах, касающихся подчиненных его духовному управлению местностей, о которых (делах) он законно и канонически уполномочен

ходатайствовать, а в случае нужды (ему дозволяется относиться) и к нашей высокой Порте. Береты же, которые будут даваемы духовным лицам, принадлежащим его ведомству, будут издаваться с уведомлением его. 6) О делах, касающихся православного вероисповедания и требующих совместного совещания и взаимного вспомоществования, синод названного экзархата будет относиться ко вселенскому патриарху и его митрополитскому синоду. Последние с своей стороны поспешат дать необходимую помощь и отправлять нужные для этого ответы. 7) Синод болгарского экзархата будет просить у константинопольского патриарха св. миро, употребляемое церковью. 6) Епископы, архиепископы и митрополиты, подчиненные константинопольскому патриархату, будут беспрепятственно проезжать чрез епархия болгарского экзархата, равно как и болгарские епископы, архиепископы и митрополиты будут проезжать чрез епархии константинопольского патриархата; они могут, если случатся дела, требующие этого, пребывать и в центрах вилаэтов и других правительственных местностях; однако ж, они вне своего духовного округа не могут созывать синод и не могут вмешиваться в дела христиан, не принадлежащих их духовному ведомству, а также, в какого бы городе они ни находились, не могут священнодействовать без позволения местного епископа. 9) Подобно тому, как иерусалимское подворье, находящееся в Фанаре, зависит от иерусалимского патриархата и принадлежит ведомству иерусалимского патриарха, точно так и болгарское подворье, находящееся в той же местности, а также и болгарская церковь подчинены будут болгарскому экзарху. Названный экзарх, когда это необходимо, имеет право приезжать в нашу столицу и жить в упомянутом подворье, и как сказано выше, он (экзарх) во все время своего пребывания относительно священнодействия будет подчиняться церковным правилам, которым в подобных обстоятельствах подчиняются иерусалимский, антиохийский в александрийский патриархи. 10) Духовный округ этого болгарского экзархата составлять будут следующие митрополии: русчукская, силистрийская, шумненская, терновская, софийская, врачанская, ловчанская,

вединская, нишская, пиротская, кюстендольская, самоковская, велесская (к Македонии) и побережье Черного моря от Варны до Кюстенджи, исключая двадцати сел, жители которых не болгаре. Сливненский округ, за исключением города Варны и уездных городов Ахило и Месембрия. Созопольский округ без приморских сел. Филиппопольская епархия, исключая собственно города Филиппополя, уездного города Станимака и сел Куклен, Воден, Арнауткво, Панегия, Новоселе, Лесково, Ахлян, Бачково, Белошница, и монастырей Бачковского, св. Бессребреников, св. Параскевы и св. Георгия. Приход св. Богородицы в городе Филиппополе войдет в состав болгарского экзархата, но жителям названного прихода, если пожелают, предоставляется свобода не подчиняться болгарской церкви и экзархату. Для решения этого пункта воспоследует соглашение между патриархией и экзархатом согласно с религиозными постановлениями. Сверх поименованных выше местностей, православные жители других епархий, если они все или по крайней мере две трети пожелают относительно своих духовных дел подчиниться болгарскому экзархату, то им позволяется присоединиться к нему после поверки о действительности относительно численности. Но так как это будет происходить по изъявлению желания в согласия всех, или же двух третей народонаселения, то все те, которые решились бы возбудить несогласие и раздор между жителями, будут ответственны перед законом и будут изобличаемы (?). 11) Порядок монастырей, находящихся в пределах болгарского экзархата и по вероисповедным законам зависящих от патриарха, остается тот же самый и будет соблюдаясь и впредь. Находя, что изложенные выше пункты удовлетворяют законные нужды обеих сторон и отстраняют бывшие прискорбные раздоры, наше высочайшее правительство одобрило их, чтобы они с этого времени служили правилом для действия, и нарушение их не допускается. Впрочем, для объявления, что это согласно с моею царскою волею, издан настоящий мой императорский Фирман, написанный в 8-й день счастливого месяца зилхидже в лето 1286 (1870)». Фирман напечатан в мартовской книжке Православного Обозрения 1870 г. в статье «Решение греко-

болгарского вопроса. Вслед за изданием Фирмана Али-паша приказал болгарам образовать смешанную комиссию (из 5 духовных и 12 мирян), которая бы занялась составлением устава о будущем управлении болгарского экзархата. Болгары, считая волю правительства действительно и нелицемерно твердою и будучи довольны его проектом, после его получения пели благодарственные молебны, ходили благодарить султана, и считают вопрос наконец порешенным. Но патриарх настойчиво протестовал против Фирмана и (вместе со многими другими греками, как мы знаем) питает твердую надежду, что дело еще вовсе не решено [Осенью прошлого 1870 г. газеты извещали о скором, предполагавшемся турецким правительством, избрание болгарского экзарха. Однако с тех пор действительно ничего более об этом не слышно.]....

Выдержит ли себя на этот раз турецкое правительство или снова, отложив дело в долгий ящик, начнет вилять между болгарами и греками, остается неизвестным. Рождается вопрос: если решение правительства действительно окажется неизменным, то не поступят ли болгары вопреки канонам церковных, если примут независимость своей церкви только от него одного, помимо, и против волн, и среди протестов патриарха? Мы, разумеется, вовсе не компетентны, чтобы отвечать на этот вопрос: положительным образом; однако ж мы думаем, что они вовсе не нарушат канонам церковных и что они могут принять эту независимость, если только она будет дана, без всякого сомнения...

¹⁶³ - См. болгарскую брошюру *Les Bulgares et le Patriarche Oecuménique, Constantinople* 1861, р. 11. По другим известиям, до полутора сот человек, Христ. Чт. 1861 г., кн. 2, стр. 357, а еще по другим – только до сотни, см. Соборное окружное послание патр. Иоакима от 25 февраля 1861 г., в издании отдельной брошюрой стр. 5.

¹⁶⁴ - См. брошюру *Les Bulgares et le Patriarche Oecuménique* р. II, Окружное послание патр. Иоакима от 25 февраля 1861 г., стр. 5, *Annuaire des deux mondes* 1861 г., стр. 544. Абаджиями (абаджия), как объяснял нам один болгарин, называются купцы, занимающиеся приготовлением и продажей азиатской или

турецкой одежи; так как они ведут свои дела, обыкновенно, в довольно значительных размерах, то их корпорация принадлежит в болгарском торговом мире к числу значительнейших. По некоторым известиям, Боре первоначально успел было склонить к унии до четырех тысяч человек, но его планы вовремя были разрушены, см. Христ. Чт. 1861 г., кн. 2, стр. 357. По другим некоторым известиям, он успел было склонить 2600 человек и во главе их епископа Илариона, и что дело, зашедшее было уже довольно далеко, расстроено было по влиянию России, см. Kirchliche Chronik Matthes'a 1860 г., S. 160 fin., также Annuaire des deux mondes 1861 г., стр. 543. Если это последнее правда, то Иларион за свое спасение от погибельного шага обязан нашему константинопольскому посольству величайшею благодарностью. Впрочем, болгары объявляют это греческой клеветой на Илариона (см. Богобоева в Union chretienne 1866 г., № 27, стр. 214), и несмотря на единогласные (впрочем совершенно голословные) уверения официальных греческих актов и неофициальных греческих брошюр, правда может быть только то, что Боре пытался склонить Илариона к унии и что именно из напрасной надежды на его обращение и проистекали те слишком большие ожидания пропаганды, о которых она возвещала католическому миру. «Летописи» пропаганды и западные газеты говорили о 400.000 и даже о двух миллионах униатов, см. Kirchliche Geographic Neher'a, II, 490.

¹⁶⁵ - Это представленное болгарами исповедание веры нам неизвестно. Первоначально они было представили просьбу, в которой не заявляли готовности исповедовать всех истин католической веры и не называли папы главой церкви; но они принуждены были взять ее назад, см. Пихлера Geschichte d. Kirchlich. Trennung zwischen dem Orient und Occident, I, 542. Обе просьбы сполна напечатаны в имеющейся у нас брошюре: La Bulgarie chretienne, Paris, 1861, p. 79 sqq, но к сожалению без подписей, которые в брошюре, написанной рьяным католиком и в пользу католичества, опущены, вероятно, намеренно, по малочисленности и непредставительности подписавшихся. См.

также Окружное послание патр. Иоакима от 25 февраля 1861 г., стр. 5 sqq.

¹⁶⁶ - Это послание Иосифа к болгарам, в котором он просит прощения за свой грех временной измены православию и предостерегает их против козней иезуитов, см. в *Union chretienne* 1867 г. № 11, р. 83 iqq.

¹⁶⁷ - См. *Anouaire des deux mondes* 1861 г., стр. 544 fin. sqq, Правосл. Обзор. 1863 г., т.Х, Заметок стр. 82, *Kirchliche Chronik Matthes'a* 1861 г., S. 159.

¹⁶⁸ - *Kirchliche Chronik Matthes'a* 1861 г., S. 159, Прав. Обзор. 1863 г., т. 10, Заметок стр. 82. Здесь – по первой возвратилось шесть священников, по-другому семь. Что возвратились действительно все, это видно из того, что после сего пропаганда принуждена была дать болгарам-униатам в священники своих католиков.

¹⁶⁹ - 19 ноября по новому стилю. Вероятно, чтобы доставить зрелище униатам православным, он посвящен не в Риме, а в Константинополе; в здешней униатской церкви Св. Иоанна Златоустого, и не по латинскому обряду, как Иосиф, а по униатскому, приезжавшим нарочито для поставления, галицким униатским митрополитом Сембратовичем при участии двух греческих епископов-униатов. См. подробное известие о поставлении в *Union chretienne* 1860 г. № 19, стр. 148.

¹⁷⁰ - В административном отношении он подчинен константинопольскому апостолическому викарию, см. *Union chretienne* 1866 г. № 19, стр. 149, примеч.

¹⁷¹ - Вынужденное и недолго продолжавшееся отступление от православия части жителей виддинского округа в 1366 г., о котором в примеч. 72-м, не должно быть принимаемо в счет.

¹⁷² - Бём в своей *Geschichte des Temeser Banats*, Th. 2, S. 245, если не ошибается, утверждает, что живущие в Банате болгары-католики оставили свою родину, вследствие преследований за веру, около 1391 г., и след. были обращены в католичество ранее сего времени (по достоверным известиям, болгары поселились в Банате с 1737 г., см. Чернича *Die Vertheilung der Yolkerstämme in der Österreich. Monarchie*,

Wien. 1861, S. 53; но может быть справедливо то, что в конце четырнадцатого века они выселялись в малую Валахию, из которой перешли они в Банат).

¹⁷³ - Из бумаг Неаполитанского архива открывается, что в половине XVII века и после была католическая епархия преславская (см. болгарский журнал «Периодическо Списание» и пр. кн. 1, стр. 55). А в сочинении Матфея Гундулича, бывшего рагузским посланником в Константинополе, *Diverse notizie* о состоянии христианства в Боснии, Сербии и Болгарии, писанном в 1671 г. и находящемся в рукописи в одном из римских доминиканских монастырей, сообщается, что в сем 1674 г. была католическая епархия софийская, епископ которой жил в селении Кипровце, находящемся на север от Софии (жители которого, числом 4000 человек, все были католики, *ibid.* кн. 2, стр. 65). На этом основании становится весьма вероятным существование и епархии никопольской, о которой не однократно упоминали мы выше. По свидетельству Гундулича, павликиане Города Никополя и 14 окрестных сел обращены были в католичество незадолго до 1674 г. стараниями епископа не названной кафедры Филиппа Станислава. А что касается до павликиан филиппопольских, то тот же Гундулич дает знать, что тогда были обращены из них в католичество только весьма немногие (*ibid.*), и след. их всеобщее обращение должно быть относимо к позднему времени.

¹⁷⁴ - В конце семнадцатого столетия некоторая часть их была обращена в православие трудами жившего в Филиппополе низложенного константинопольского патриарха Дионисия, см. у де-Марсильи *ibid*, стр. 18.

¹⁷⁵ - Вне Болгарии болгаро-католические или павликианские колонии находятся в Темешварском Банате, где их до 23 тысяч (см. Чернича упомянутое выше *Vertbeilung et caet* S. 58 и Фиклера *Bevölkerung der Oesterreich. Monarchie*, Gotha, 1860, S. 41), в Валахии (Палаузова Румынские господарства Молдавия и Валахия стр. 20).

¹⁷⁶ - Когда учреждена кафедра никопольская, остается нам неизвестным по некоторым писателям второй половины восемнадцатого века, она существовала уже в их время (см. у

Кагальничана в *Histoire de la Valachie* p. 4–56); но как кажется, за никопольскую католическую они ошибочно принимают православную кафедру рушукскую, и вероятнее, что епархия открыта в настоящем столетии, около одного времени с епархией филиппопольской.

¹⁷⁷ - Об одном из здешних лазаристов Grimblot/ср.е, старающемся доказывать болгарам, что между ними и другими славянами нет никакого родства, см. Дня *ibid.* стр. 18, col. 1.

¹⁷⁸ - В Солуни, где вместе с другим разноплеменным населением есть до сотни домов и болгарских (Григоровича Путеш. стр. 105), пропаганда тамошних латинских миссионеров есть также отчасти пропаганда между болгарами. Трое живущих в городе лазаристов и несколько сестер милосердия в 1802 г. имели в своих школах – в мужской 40 экстернов иди приходящих и 55 (греческих и болгарских) пенсионатов или казенно-коштных, а в женской 85 тех и других (*Neher'a Kirchliche Geographic II*, 467 fin.; в Дне 1863 г. № 7, стр. 19, вероятно, сообщаются сведения менее верные).

¹⁷⁹ - В 1864 г. было предпринято ими в Константинополе даже издание на болгарском языке посвященного делу пропаганды особого журнала, под названием: «Зорница, евангельско-периодическое издание» (см. Дня 1864 г. № 8, стр. 23, col. 1); но об успехе и времени существования этого журнала нам ничего неизвестно.

¹⁸⁰ - Что Мавровлахией называли Молдавию, а не Валахию, см. *Acta Patriarchat. Constantinop.* Миклошича II, 170 нач., 223, 241 sqq, 257, 278, где везде разумеются митрополит и митрополия молдавские, также Кодина – у Ралли и Потли V, 502 нач. Наоборот после у турок Молдавия называлась белой Влахией, а черною-Валахия (это, вероятно, потому, что первая добровольно признала их власть, а вторая была покорена ими), см. Кантемира Описание Молдавии, Москва, 1789 г., стр. 5. У турок и вслед за ними у греков Молдавия называлась и называется еще Богданией (Μπογδανία, как думают, потому, что первый воевода молдавский, признавший верховную власть султана, был Богдан).

¹⁸¹ - Не изучав государственной истории воеводств специальным образом, в остальной части этого отдела главным образом руководствуемся книгами – Когальничана *Histoire de la Valachie*, Berlin, 1837 г., и Палаузова Румынские Государства Валахия и Молдавия, Спб., 1859 г.

¹⁸² - Буковина получена Австрией от Молдавии в 1774 г., Бессарабия присоединена к России в 1812 г.

¹⁸³ - Грамота патр. Антония воеводам Бальше и Драгошу, о которой у Палаузова в Государствах Валахии и Молдавии стр. 63, не подложная; она принадлежит патр. Антонию IV и писана в 1391 г., см. ее в *Acta Patriarchat. Constantinop.* Миклошича, II, 156, а в древнем официальном латинском переводе у Шатуны в *Geschichte der Griechisch-Orientalischen Kirch in Oestreich*, Hermanstadt, 1862, S. 27. Следовательно основатель государства, если только он действительно назывался Драгошем, был не этот, а другой Драгош.

¹⁸⁴ - Этот список валашских воевод, относительно десяти первых из них только приблизительно верный, берем у Когальничана и Палаузова.

¹⁸⁵ - Здесь у Когальничана года неправильно, потому что в актах под 1359 г. воеводой называется Александр, см. ниже об учреждении угровлахийской митрополии.

¹⁸⁶ - Здесь также неправильно: по свидетельству достоверных актов, в 1369 и 1370 годах воеводой валашским был Ладислав (Владислав), сын воеводы Александра, см. ниже о латинской пропаганде.

¹⁸⁷ - В 1522 г. воеводой угровлах. был Їω. Негое, под, которым, вероятно, должен быть разумеem Негу I (Заметки поклонника Святой горы, Киев, 1864, стр. 246).

¹⁸⁸ - Берем его у Палаузова, делая некоторые собственные поправки и замечания.

¹⁸⁹ - У Палаузова нет сего Бальши, а после Петра Стефан I 1389–1392; но к воеводе Бальше (Μπαλίτζας) с братом его Драгошем (Νδράγος) есть грамота патр. Антония от августа 1391 г., см. *Acta Patriarchat. Constantinop.* Миклошича, II, 156.

¹⁹⁰ - От мая 1395 г. есть послание к нему патр. константинопольского, см. *Acta Patriarchat. Constantinop.* II, 243.

¹⁹¹ - См. у Венел. 319.

¹⁹² - В 1543 г. воеводой молдовдах. был Їω. Янкуль (Записок Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. IV, отд.2, стр. 322).

¹⁹³ - У Палаузова порядок воевод здесь неправилен; он должен быть восстановлен по Кантемиру (Описание Молдавии стр. 108), -именно: Ивония (у Кантемира называемый Иоанном Армянином), Петр VI Хромой, Иван Подковар (у Кантемира называемый Ианкулем), Петр V Палаузова, у Кантемира пропущенный (грамота к нему папы Григория XIII от мая 1583 г. у Тейнера в *Annales Ecclesiastici* t. III, p. 454), Петр VI Хромой во второй раз. Что Петр VI был в первый раз воеводой после Ивана Подковара, это видно из его хризовулов от 1577 и 1579 годов, см. в *Slavische Bibliothek*, изд. Миклошичем, В. I, S. 178 и из записи на одной, писанной в Молдавии в XVI в., богослужебной книге, см. библиотеки бывшей Ундольского № 82, л. 108 об.

¹⁹⁴ - Тут неладно, потому что в 1602 г. воеводой был Стефан Томза (см. ниже о митр. Анастасии).

¹⁹⁵ - У Кантемира в Описании Молдавии, М., 1789, стр. 110, после Симеона Могилы Михаил I, сын Симеона Могилы, и потом Константин и Богдан, сыновья Иеремии Могилы. Годы Константина Могилы и о следующих до Каспара – неладно: есть грамота Константина от 1611г.; перед Каспаром в 1615 г. не Богдан, а Радул (см. в Записках Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. 3, стр. 256 sqq).

¹⁹⁶ - В 1618 г. воеводой молдовдах. был не Александр, а Стефан, сын Богдана (*ibid.* т. III, стр. 259).

¹⁹⁷ - Тут Раду Долгий или во второй раз, или годы его правления неладно; есть достоверное известие, что он был молдовлахийским воеводой в продолжение трех лет когда-то перед 1621 г. (см. Сношения России с Востоком Муравьева ч. 2, стр. 2. Радул, упоминаемый под 1615 г., см. предыдущ. прим., вероятно, есть именно он).

¹⁹⁸ - В 1633 г. воеводой молдовдах. был Петр, сын Стефана (ibid. т. IV, отд. 2, стр. 350).

¹⁹⁹ - Из Торговища в Бухарест столица окончательно перенесена, по приказанию султана, в 1659 г. См. Гаммера Histoire de l'Empire Ottoman, b. LIII, ed. Paris, 1842, t. III, p. 64.

²⁰⁰ - Быв покорена мадьярами, Трансильвания, правда, образовала из себя отдельную вассальную область, но не с румынскими, а с мадьярскими удельными князьями и высшим сословием; но крестьяне румыны, если бы прежде сего они были язычниками, конечно, не могли бы думать о принятии христианства помимо остававшихся в язычестве своих мадьярских князей и дворян.

²⁰¹ - Очень может быть, что первые начатки христианства были положены между румынами еще в IV веке, владевшими некоторое время частью их территории, готфами. Но не может подлежать сомнению, что эти первые начатки скоро потом исчезли; а следовательно не может быть о них и речи. (О христианстве у готфов см. в Истории христианства в России до равноапост. кн. Владимира, преосв. Макария, стр. 67 sqq.)

²⁰² - Относительно времени непосредственно предшествующего учреждению в Молдавии своих архиерейских кафедр – это известно положительным образом, см. грамоту папы Урбана V по поводу открытия в Молдавии в 1371 г. латинской епископии (у Райнальда ап. 1370, п. 7) и у нас ниже об основании молдовлахийской митрополии.

²⁰³ - Βιτζίνης. Витзина – Βίτζινη (Бычина) находилась где-то в древней Алании, нынешнем нашем Кавказском крае, см. Lequien'a Oriens I, 1349 и приложенную к сему тому карту, на которой она в верховьях нынешней р. Кубани. Митрополит витзинский принял приглашение заведовать чужою церковью, вероятно, потому, что в то время его собственная епархия существовала более по имени, чем на деле, и он, оставаясь просто титулярным митрополитом, жил, подобно другим таким же архиереям, без всякого дела в Константинополе.

²⁰⁴ - На карте Сербии с границами Валахии и Болгарии, изданной в прошлом веке наследниками Гоманна (известного издателя большого географич. Атласа) о городе Чернеце, близь которого находится бывший город Северин, замечено: *olim sedes Principum Valachiae*. Свидетельство это, конечно, должно понимать так, что в Чернеце или в находившемся близь него Северине была резиденция удельных правителей или воевод северинского края. Если оно справедливо, то оно служит к подтверждению нашего предположения, что второй угровлахийский митрополит имел кафедру в Северине, потому что архиерею всего естественнее было пребывать в одном городе с гражданским правителем.

²⁰⁵ - У южных славян Рымник называется Рыбником и епархия рымникская-рыбницкой, см. напр. предисловие к Псалтыри, напечатанной в Валахии в 1637 г., в Реестре старопеч. книг Ширяева, М., 1833, № 74, стр. 76, и каталог Мушицкого в Гласнике VI, 85. С 1717 по 1739 г. епархия рымникская, так как город Рымник с частью своего округа находился тогда во власти австрийцев, состояла в заведывании сербскоавстрийского митрополита карловицкого, см. у Мушицкого *ibid*.

²⁰⁶ - Нейгебаур в своем сочинении *Beschreibung der Moldau und Walachei* (Breslau, 1854, S. 203) говорит, что епископ рымникский носит титул северинского потому, что его кафедра некогда была в Турну-Северине (*cfr* *Verfassung und gegenwärtiger Bestand Sämmtlicher Kirchen des Orients*, Landshut, 1865, S.141 нач., где епископ рымникский называется новосеверинским). Если он говорит правду, то кафедра рымникская, первоначально находившаяся в Северине и имевшая сначала имя и достоинство митрополии, как мы видели, была открыта в 1370 году.

²⁰⁷ - Когальничан (*Histoire de la Valachie* p. 111) и Палаузов (Господарства стр. 30) утверждают (вслед за Фесслером), будто на Флорентийском соборе 1438 г. присутствовали два угровлахийские митрополита, просто на основании странного недоразумения. Митрополитам угровлахийским присвоены были степени после митрополитов никомидийского и амасийского (см.

выше), а названные писатели думают, что им присвоены или переданы были имена сих последних, – находя между присутствующими на соборе митрополитов никомидийского и амасийского, они и полагают, что это были митрополиты угровлахийские. Странно, что воевода угровлахийский не был даже и прошен прислать своих представителей на собор, тогда как последние были прошены от всех остальных православных владетелей – от императора трапезунтского, от государя иверского, от вел. князя московского, от деспота сербского и от воеводы молдовлахийского (Syropuli Hist. Concil. Florent. ed. Creyght. sect. III, с. 2, р. 44). Может быть в Константинополе были остановлены замешательствами, происходившими тогда в Угровлахии, – при борьбе нескольких соперников, отнимавших друг у друга воеводство, не знали, к кому обратиться.

²⁰⁸ - По нашим русским известиям, Нифонт был действительным константинопольским патриархом в 1495 г. (см. Истории Госуд. Росс. Карамзина, изд. Эйнерл., т. VI, прим. 476). Как следует заключать, это было его второе, а не первое патриаршество; но во второй раз он сидел на престоле один год, а след. и низведен был или в том же 1495, или в следующем 1496 году.

²⁰⁹ - Вероятно, нужно разуместь Феолипта, потому что Пахомий не приходится по времени; patriarche oecumenique de Janina, о котором говорится у Когальничана далее, есть именно сей Феолипт, потому что именно он поставлен в патриархи из митрополитов янинских.

²¹⁰ - Мануил Малакс (младший), родом навилиеца из Пелопоннеса, бывший нотарием при фивском митрополите, а потом под старость учителем в константинопольском патриаршем училище, жил в XVI в. и умер в 1581 г., см. Turcograeciam Crusii p. 185 нач. и Фабриция Biblioth. Graec. t. X, ed. Hamb., 1721, p. 529. Номоканон (в греческом подлиннике известный только по рукописям и нигде обстоятельно не описанный) составлен в 1561–63 г.; немедленно принятый в употребление, он тотчас же начал подвергаться изменениям и дополнениям, так что известные в настоящее время списки его сильно разнятся между собой по объему и по расположению

содержания, см. Цахарие *Historiae juris Graeco-Romani delineatio*, Heibeld., 1839, p. 89 sqq.

²¹¹ - Впрочем, если присутствие одного из угровлахийских митрополитов в Константинополе в 1396 г. (а также и в 1400 г., *ibid.* p. 112) не может быть принимаемо за неперменное доказательство, что Валахия состояла тогда под патриархом, то во всяком случае несомненно, что она состояла, под ним в 1401 г. (*ibid.* p. 494).

²¹² - Г. Раш в своей книжке *Die Völker der Unteren Donau und die Orientalische Frage* (Breslau, 1867, S. 203 fin.) утверждает, что митрополит букарестский носит также титул патриарха никопольского. К сожалению, мы не имеем возможности поверить, насколько справедливо это неожиданное показание. Но если оно действительно справедливо, то мы бы имели новое доказательство, что в XVI-XVII веке митрополиты угровлахийские пользовались независимостью и самостоятельностью. В настоящее время митрополит валашский может изъяслять притязания на титул патриарха единственно потому, что некогда носили это титул прежде-бывшие митрополиты угровлахийские; но последние могли присвоить его себе только в XVI – первой половине XVII века, потому что относительно времени, начиная со второй половины XVII в., нам положительно известно, что они уже были митрополитами подчиненными константинопольскому патриарху. Что касается до того, что митрополит валашский носит титул патриарха именно никопольского, то неизвестно всегда ли, но по крайней мере в конце XVII века митрополиты угровлахийские, как кажется, действительно между прочим именовали себя никопольскими. Об этом мы не имеем прямых свидетельств, но в справедливости этого мы уверяемся из следующего: Lequien в своем *Oriens Christianus* говорят, что в незадолгое перед тем время, в последних годах XVII столетия, султан турецкий посылал в Вену для переговоров о мире с императором германским воеводу угровлахийского и архиепископа никопольского (I, 1224); но архиепископа никопольского в собственном смысле (разумеется Никополь или Нигебул на правом берегу Дуная в Болгарии) вовсе не бывало,

а поэтому под архиепископом никопольским, вероятно, и должно разуместь у него, так как больше не кого, архиепископа или митрополита торговищского (Lequien, утверждающий, что был епископ никопольский в половине XV в. (ibid.), и Сильбернагл и Neher, утверждающие, что существует митрополия, никопольская в настоящее время (см. указанный выше *Verfassung Geographie und Bestand Sammtl. Kirchen d. Orients* первого §. 32 и *Kirchliche Geographie und Statistic* второго B. 2, s. 496), говорят неправду. Ни у болгар, ни у валахов, ни у греков в позднейшее время никогда не бывало епархии никопольской; она была в нем у греков только в древнейшие до-варварские времена). Что касается до причины, почему митрополит угровлахийский мог именоваться никопольским, то валахи, начиная с воеводы Мирчи I, некоторое время владели правым, болгарским, берегом Дуная (Мирча называет себя «владельцем оба пола по всему подунавью», см. *Влахоболгарские грамоты Вевелина* стр. 18), и митрополит угровлахийский, в собственной епархии которого должен был принадлежать город Никополь во время его бытности под валахами, мог принять и навсегда удержать титул никопольского за тем, чтобы увековечить память об этом иностранном их владении.

²¹³ - Насколько похожи эти семинарии хотя бы то на наши не слишком блестящие учебные заведения того же имени, остается нам неизвестным.

²¹⁴ - У Когальничана под 1370 г. воевода Николай, но это неправильно; в действительном существовании воеводы Ладислава, сына воеводы Александра, кроме грамоты папы, уверяет собственная грамота сего последнего от 1369 г. (в которой он называет себя *Ladislaus* и сыном Александра); см. ее в издании Баттиана *Leges ecclesiasticae regni Hungariae*, 1727, t. III, p. 217.

²¹⁵ - Были или не были вообще католические епископии в Валахии, основанные когда бы то ни было, это остается вопросом. Когальничан (*Histoire de la Valachie* p. 110) и другие исследователи считают валахской католическую епархию мильковскую, находившуюся где-то на речке Милькове,

служащей в настоящее время границей между Молдавией и Валахией и вытекающей из Карпатских гор от Трансильвании. Но это несправедливо: из грамоты воеводы валашского Ладислава (о которой в предыдущ. примеч.) видно, что в Валахии не было своей католической епископии до 1369 г., а из слов папы Григория XI видно, что не было в ней таковой епископии до 1374 г.; между тем положительно известно, что епархия мильковская существовала раньше этого времени (см. Тейнера Monumenta Slavorum Meridionalium t. I, p. 270. По Фесслеру, епископия мильковская была епархией трансильванской; быв основана в первые неизвестные времена христианства в Венгрии, существовала для тамошних (трансильванских) шеклеров, а с 1227 г. и для обращенных тогда латинскими миссионерами в христианство молдавских куманов или половцев, и была закрыта в XV веке, см. его Geschichte von Ungarn., изд. 2, 1867, т. I, стр. 342 и 465 нач., cfr. Lequien'a Oriens III, 1121). Далее Когальничан говорит, что воеводой Мирчей I была основана латинская епархия арджисская (ibid. p. 110); но это более чем сомнительно. Латинская кафедра никопольская (в Никополе дунайском), о которой говорит он же (ibid. p. 456), может быть и действительно существовала в конце XVIII века (хотя вероятнее разуместь у него православную кафедру рущукскую), но во всяком случае ее открытие должно быть относимо к тому времени, когда Никополь уже не принадлежал валахам. – В 1369 г. воевода валашский Ладислав, по примеру своих предшественников, поручал церковное заведывание католиками своей страны латинскому епископу трансильванскому (см. его грамоту, указанную в предыдущем примечании): вероятно, что и во все последующее время они состояли под властью того же трансильванского епископа.

²¹⁶ - За сим об отношениях пап к валахам и о сношениях последних с первыми известно еще следующее. В 1500 г. папа Александр VI, возобновляя мадьярам и полякам юбилей, данный им для войны с турками, распространил его, никем не будучи прошен, и на жителей Валахии (Тейнера Monumenta Slavorum Meridionalium t. I, p. 542; впрочем под Валахией,

provincia Valachiae, может быть должно тут раз уметь не собственную Валахию, а Трансильванию, и юбилей распространяемым не на православных румынов, а на католическо-мадьярское дворянство последней). В 1519 г. воеводы валашский и молдавский посылали посольство к папе с изъявлением готовности принять участие в походе против турок, который был тогда устроим папою на западе (у Тейнера *ibid.* p. 571). В 1593 г. папа приглашал воевод валашского и молдавского чрез своего посла принять вместе с другими государями участие в крестовом ополчении против тех же турок (Тейнера *Monumenta Poloniae et Lithuaniae* t. III, p. 210). -То, что говорят Когальни-чан (*Histoire de la Valachie* p. III) и Палаузов (Господарства стр. 30 fin.) о католичестве в Валахии после флорентийского собора, относится к области баснословия, потому что, как говорили мы выше, угровлахийских митрополитов вовсе не было на этом соборе.

²¹⁷ - Одновременно с францисканцами явились в Галицию и Молдавию и доминиканцы, см. *Supplementum ad historica Russiae monumenta* Turgene vii, p. 127.

²¹⁸ - Отец Лачки называется Богданом саксонским или саксонцем. Не значит ли это, что он действительно был немец (трансильванский сакс), а не природный румын, и не потому ли именно оказался удобопреклонным к проповеди францисканцев и его сын?

²¹⁹ - Патр. Матфей говорит, что предшественник его, патр. Антоний, будто потому отлучил молдавских епископов, что ему (Антонию) донесено было, что они – *σερβοεπίσκοποι*, т. е. что они приняли посвящение и были присланы в Молдавию от сербского патриарха, который незаконно присвоил себе право над чужой областью и вследствие чего они не были законными епископами. Отправляя в Молдавию своих послов для окончательного разузнания дела, патриарх предписывает им, что в случае, если это прежде донесенное патр. Антонию окажется несправедливым, а напротив, как доносили сами молдовлахи, окажется справедливым, что епископы посвящены от митрополита галицкого, то они – послы имеют остававшегося

теперь из двух епископов одного объявить, по данному им полномочию, истинным епископом и законным молдавским митрополитом. Но первое действительно было несправедливо (и было не более как позднейшим константинопольским измышлением для прикрытия прежних истинных поводов к отлучению), а последнее действительно было справедливо; а поэтому и нужно думать, что послами было сделано то, что им предписывалось сделать во втором случае. Под митрополитом мавровлахийским, присутствовавшим в Константинополе в июле 1401 г. (Acta P. C. II, 519), не должно разуместь этого Иосифа, а назначенного было прежде, но не принятого молдовлахами и после этого получившего в заведование митрополию терновскую (ibid. II, 223, 529) Иеремию; что же касается до Иосифа, то в конце того же июля 1401 г. патриарх только еще посылал в Молдавию своих уполномоченных для окончательного исследования его дела (ibid. II, 530).

²²⁰ - Митрополия молдо-(мавро)-влахийская упоминается как уже существующая в Кодиновом списке кафедр, писанном в 1387 г. (см. у Ралли и Потли V, 502 нач.). Но нет сомнения, что это или самим Кодином, или кем-нибудь другим сделанная позднейшая приписка.

²²¹ - Кантемир в своем Описании Молдавии, неизвестно на чем основываясь, утверждает, что митр. Дамиан, приняв на соборе Флорентийском из видов честолубия унию с папой, не осмелился возвратиться к своему престолу и что на его место в митрополиты молдовлахийские Марк Эфесский поставил своего архидиакона, родом болгарина, Феоктиста (Москва, 1789, стр. 363 и 384). Но, во-первых, положительно и достоверно известно, что Феоктист не был и преемником Дамиана (о Виссарионе, бывшем после Дамиана и прежде Феоктиста, мы знаем из официального документа), а, след., и речи об особых поводах к его поставлению во всяком случае несправедливы. Во-вторых, более чем вероятно, что точно также несправедливо и то, будто Дамиан не возвращался в Молдавию с Флорентийского собора. Нет особенных уважительных причин сомневаться в подлинности деяний константинопольского собора 1450–51 года; но по этим деяниям Дамиан оставался

митрополитом молдовлахийским по сей 1450–51 год включительно. Патр. иерусал. Досифей, как кажется, заимствующий сведение из хорошего источника, в своей Истории иерусалимских патриархов говорит, что воевода молдовлахийский отверг и предал проклятию Флорентийский собор именно после возвращения домой митрополита (кн. 10, гл. 6, т. 2, стр. 910, col. 1. Говоря о невозвращении Дамиана, не смешивает ли его Кантемир с загадочным предшественником его Григорием, который принял латинство еще до собора Флорентийского и который, как кажется, действительно не смел возвратиться в Молдавию?).

²²² - Из книг напечатанных Досифеем на румынском языке известна в настоящее время Псалтырь, напечатанная (вместе с славянским) в Яссах в 1680 г., см. Реестр старопеч. книг Ширяева № 135 и у Соникова № 956.

²²³ - В статейном списке путешествия Трифона Коробейникова 1593 г., находящемся в одном из хронографов Московск. Дух. Акад. (расколын. № 434), в Описании Ясской соборной церкви Николая Чудотворца непонятным образом сказано: «а митрополит бельский тут же у церкви служит» (список на конце рукописи, самого списка § 13). Бельский, тут не от Бельцы ли, которые можно подразумевать под Ἀσπρόκαστρον, и не значит ли это, что митрополиты молдавские действительно имели первоначально пребывание в сем городе, а потом продолжали удерживать его имя в своем титуле?

²²⁴ - В грамоте 1470 г. замечательно следующее: сначала один раз говорится: «пред нами (воеводой) и пред нашим митрополитом кир Феоктистом и пред нашим епископом кир Тарасием от Романова торго», а потом во всех остальных упоминаниях (которых три): «пред нашими митрополитами»... «и наши митрополиты кир Феоктист от Сучавы и кир Тарасие от Романова торго»... «и печати нашии митрополитов». Из этого, как кажется, должно заключать, что в Молдовлахии первоначально было то же, что в Угровлахии, т. е. не митрополит с подведомым ему епископом, а два особые митрополита.

²²⁵ - В конце XVII – начале XVIII в. епископ романский носил титул архиепископа. См. Кантемира Описание Молдавии стр. 363.

²²⁶ - Кантемир приводит самое послание патр. Парфения к Василию Лупуле, которым он убеждал воеводу возвратить Молдавию константинопольскому престолу. Если послание это есть подлинное, то из него действительно видно, что перед тем Молдавия находилась в зависимости от архиепископа ахридского. Но с другой стороны, г. Миладинов в одной своей статейке приводит, неизвестно нам откуда взятые, слова Георгия Могилы, митрополита молдавского, который, говоря о начале независимости молдавской митрополии, бывшей независимой в его время, возводит ее ко временам импер. Андроника Палеолога (1282–1328) и пишет: «взят (Андроник) митрополию молдавскую с подпослушания Охрида и устави, да будет аки патриарх, якоже есть Охрид и Кипр, тако и Молдава» (см. издававшийся в Москве болгарский сборник «Братский Труд» 1860 г. кн. 3, стр. 21 fin.). Что Георгий Могила, замышляв унию с папой, сам не хотел признавать власти ни архиепископа ахридского, ни патриарха константинопольского (см. Тейнера Monumenta Poloniae et Lithuaniae t. III, p. 44), это совершенно естественно: но когда он относит начало независимости к таким отдаленным временам (неправильным образом), то следует заключать, что она началась не с его собственного времени, а несколько раньше и не была случайным эпизодом по поводу унии, а делом установленным.

²²⁷ - Мало ограниченный со стороны патриарха, митрополит молдавский значительно ограничен был со стороны князя или воеводы; по словам Кантемира, избрание и смещение епископов принадлежало не ему, а сему последнему. Подобным же образом князю, а не епископам, принадлежало право избрания и смещения архимандритов и игуменов монастырей, *ibid.* 368 sqq.

²²⁸ - В Трансильвании в XVII и XVIII вв. давали лисий мех кандидаты во священники протопопам за приискание им сими последними мест в своих протопопиях (см. у Шагуны S. 99, n. 2).

²²⁹ - Из остальных патриархов константинопольскому не принадлежит в княжествах ни одного монастыря, александрийскому и антиохийскому по одному монастырю в Молдавии, *ibid.*

²³⁰ - Впервые было обращено внимание на румынов молдавских более, чем за целое столетие до открытия епископии серетской, когда еще не существовало воеводства молдовлахийского. Папа Григорий IX, узнав, что в католической епархии куманской (т. е. нынешней Молдавии, – епископией куманской называлась находившаяся в Трансильвании и обнимавшая страну тамошних шеклеров, епископия мильковская, так как с 1227 г. к ней причислены были и обращенные тогда в католичество молдавские куманы или половцы) живут православные валахи, требовал от короля венгерского содействия к их обращению в католичество и предполагал открыть для них особую епископию (см. у Райнальда *ap.* 1234, п. 38). Но требование и предположение остались просто на бумаге.

²³¹ - После этого под 1592 г. находим известие, что в начале сего 1592 или в конце предшествующего 1591 г. воевода Петр имел намерение отправиться в Рим для какого-то «приятнейшего» для папы дела (Тейнера *Monum. Pol. et Lithuan.* III, 209). Если верны годы его правления у г. Палаузова, то он был тогда уже низверженным, и вероятно хотел идти в Рим за тем, чтобы новым предложением унии получить от папы рекомендацию к французскому послу в Константинополе, а с помощью сего последнего снова достать воеводство.

²³² - Изъясняясь не совсем вразумительно, Кантемир утверждает, что славянские буквы вместо латинских и славянский язык вместо румынского приняты в Молдавии к письменному и церковному употреблению после флорентийского собора (Описание Молдавии, стр. 383). Но, во-первых, он утверждает тут нечто невероятное и невозможное: если бы румыны сначала употребляли свой язык, то с какой стати, отказавшись от своего, они приняли бы потом чужой? Во-вторых, положительно известно, что они употребляли славянскую азбуку и славянский язык прежде флорентийского

собора (см. влахоболгарские грамоты, собранные Венелиным). Вообще, если румыны приняли славянский язык для употребления, то несомненно, что они могли принять его только непосредственно после своего крещения от болгар, когда еще не имели возможности употреблять своего собственного языка и когда последние могли навязать им язык славянский.

²³³ - См. Кантемира Описание Молдавии стр. 387 и 256, и Палаузова Румынския Господарства стр. 50 и 106. Первый неправильно говорит, что в Валахии при Щербате Кантакузене, второй – что в Молдавии после Валахии. О румынской Кормчей книге см. выше. В ясской типографии после Уложения печатаемы были на румынском языке и другие книги, именно Кантемир дает знать, что были напечатаны Евангелие с Апостолом и Служебник (*ibid.* стр. 387. По словам грека Димитрия Прокофьева, в каталоге греческих ученых XVI-XVIII в., Священное Писание переведено было в Молдавии с греческого на румынский язык тем же Николаем Спафарием, который после, при царе Алексее Михайловиче, жил у нас в России, см. *Fabric. Biblioth. Graec. t. XI, ed. Hamb., 1722, p. 789*).

²³⁴ - Палаузов, неизвестно на чем основываясь, утверждает, что богослужение на румынском языке в Молдавии введено было в 1636 г., а в Валахии двумя годами раньше (Господарства стр. 106). Но Кантемир, конечно, не ошибается, когда говорит о своем собственном времени: «сей же князь (Василий Лупул) установил, чтобы в соборной церкви (ясской) в честь церкви патриаршей (патриарху Лупул подчинил молдавскую митрополию) был хор греческих певчих, и целая половина обедни пелася на греческом языке, а другая на славянском, что и поднесь состоит» (Описание Молдавии стр. 387). С другой стороны, тот же Кантемир, изъясняясь не очень вразумительно, дает знать, что важнейшие богослужебные книги со времени Лупула, быв переведены на румынский язык, начали быть употребляемы на сем последнем если не в самом богослужении, то в домашнем чтении (*ibid.*). Так как XVIII век был веком безграничного господства в княжествах светских, а с ними, вероятно, и духовных фанариотов (одна румынская статья, случайно встреченная нами в перепечатке в

константинопольской болгарской газете Светник 1864 г. № 36, утверждает это положительно), то следует думать, что славянский язык в богослужении сначала заменен был греческим, а не румынским, и что сей последний окончательно был введен только уже в нынешнем столетии, когда населением обоях княжеств возвращено было право выбирать воевод из своей собственной среды.

²³⁵ - Мы это говорим о книгах собственно рукописных. Что касается до книг печатных, то румыны валашские и трансильванские употребляли и сами перепечатывали книги сербские, а румыны молдавские, вероятно, употребляли книги южно-русские (список известных в настоящее время старопечатных сербских и угровлахийских книг см. у Каратаева в Росписи славянских книг и у Шафарика в *Geschichte der Südslawisch. Literatur.*, Prag., 1865, III, 249 sqq; о печатниках у Шафарика *ibid.* S. 123 sqq и в *Arkiv'e za Pavestnicu Jugoslavensku*, издаваемом Кукулевичем Сакцинским в Загребе, кн. 1, стр. 121 sqq).

²³⁶ - Население Трансильвании кроме мадьяр и румынов составляли еще 1) неизвестные точно по своему происхождению так называемые шеклеры или секлеры (полатыни *Siculi*, считающие себя потомками гуннов, но учеными признаваемые за особую ветвь мадьяров) и 2) призванные в страну для поселения в 1143 г. саксы (главным образом собственно фламандцы). См. Фесслера *Geschichte von Ungarn*, 2-го изд. т. 1, стр. 25, 247 и 461.

²³⁷ - Ряд князей трансильванских есть следующий: 1) Иоанн Заполия 1538–1540, 2) Иоанн Сигизмунд, сын Заполии, 1540–1571, 3) Стефан Баторий 1571–1574, 4) Христофор, сын Батория 1574–1586, 5) Сигизмунд, сын Христофора, 1586–1601, 6) Моисей Шекели 1602–1603, 7) Стефан Бочкай 1604–1607, 8) Сигизмунд Ракочи 1608, 9) Гавриил Баторий 1608–1613, 10) Гавриил Бетлен 1615–1629, 11) Стефан Бетлен 1629, 12) Георгий Ракочи I 1630–1648, 13) Георгий Ракочи II 1648–1657, 14) Франц Редай 1657, 15) Ахатий Бертшай 1658, 10) Георгий Ракочи во 2-й раз 1660, 17) Ахатий Бертшай во 2-й раз 1661, 18)

Иоанн Кемений 1661, 19) Михаил Апафи I 1661–1681, 20) Михаил Апафи II 1681– 1705, †1713. Список этот составлен нами по книге *Geschichte des Temeser Bants von Leopold. Böhm, Leipzig, 1861, Erster Theil.*

²³⁸ - Ма­дьяры трансильванские, подражая примеру своих подданных румынов, сначала стали было принимать христианскую веру также с востока. В 948 г. пришел в Константинополь и крестился удельный трансильванский князь Гиула (см. Кедрина у Стриттера в *Memor. pop. III, 620*, Фесслера *Geschichte von Ungarn*, изд. 2-го т. 1, стр. 73, также нашу Никоновск. летоп. 1, 115), а взятый им с собой греческий епископ с успехом проповедовал христианство между его сородичами (Кедрин *ibid.* и Фесслера *ibid.* стр. 110 fin. – о гонении на христианство при племяннике предшествовавшего язычнику Гиуле младшем). Но в 1002 г. Трансильвания совсем присоединена была к принявшей незадолго перед тем христианство от латинян Венгрии, чем и положен был конец распространению между трансильванскими ма­дьярами православия.

²³⁹ - См. румынского трансильванского митрополита Андрея Шагуны *Geschichte der Griechisch-orientalischen Kirche in Oestreich, Hermannstadt, 1862, S. 121 и 166 fin.* и Ио. Гинтца (Hintz) *Geschichte des Bisthums der griechisch-nichtunirten Glaubensgenossen in Siebenbürgen, Hermannstadt, 1850, S. 16.* Впрочем, в Трансильвании, несмотря на закон 1791 г., православная вера была считаема только терпимой даже еще и в 1810 г., у Шагуны *ibid.* S. 131 п. 7.

²⁴⁰ - У Шагуны *ibid.* S. 35.

²⁴¹ - От 1224 г. есть законодательный акт, из которого видно, что прежде и после того православные румыны трансильванские обязаны были платить десятину латинскому духовенству (у Шатуны S. 23 нач.). Неизвестно, освобождаемы ли были они когда-нибудь от этой обязанности в продолжение следующих двух столетий, но в 1468 г. король Матвей Корвин, вследствие жалоб латинского трансильванского епископа на их нехотение платить подать, посредством своего указа строжайшим образом предписал им это последнее (см. в

издании

Баттиана *Leges ecclesiasticae regni Hungariae*, Claudiopoli, 1827, t. III, p. 529 fin. sqq). В 1481 г. тот же король освободил было их от противозаконной и тяжело ненавистной для них дани, что в 1495 г. подтвердил было и его преемник Владислав Богемский (у Шагуны S. 25, у Гинтца S. 23 sub fin.); но в 1498 г. второй из названных снова со всей строгостью обязал их к ней, причем, так как они хотели упорствовать, через два года самым решительным образом повторил свое предписание (у Баттиана III, 609 и 635 fin.). В продолжение первого столетия владения собственных трансильванских кальвинского исповедания князей, хотя и не быв вероятно освобождены от десятины формальным законодательным актом, успели было в большинстве своем стать от нее свободными на деле; но в половине XVII в. снова был положен конец этой свободе посредством нарочитого изданного относительно их закона (у Гинтца S. 23 sqq., cfr. у Шатуны S. 61 прим.).

²⁴² - Румынские священники были было освобождены от всяких казенных податей – одни неизвестно когда прежде 1479 г., другие в сем последнем году (см. у Шагуны S. 23 и у Гинтца S. 63, указ Матвея Корвина от 1479 г., – митрополит просил короля об одних только священниках комитата мармарошского, без сомнения, потому, что священники других мест освобождены были ранее); но что и в последующее время свобода эта была весьма плохо признаваема, видно из того, что в продолжение XVII в. митрополиты трансильванские принуждены были многократно обращаться с просьбой к князьям о ее подтверждении (у Гинтца S. 20 и у Шагуны S. 41) и что окончательным образом священники были выключены из подушного оклада только при ревизии 1754 г. (у Гинтца S. 46 прим.). Что касается до оброков помещикам, то священники были было освобождены от них в 1609 г., быв обязаны на будущее время только давать им обычный, вероятно – ежегодный, дар (*do na solita*, у Гинтца S. 20, cfr. у Шагуны S. 30 fin.); но как мало помещики думали признавать, а правительство как мало думало настаивать на признании ими данных относительно этого указов, видно из законодательных

актов конца XVII-начала XVIII в., по свидетельству которых, тогдашние священники не только платили помещикам определенные *colonicales praestationes sub honorarii titulo*, но и принуждены были *jobbagyonom* (крепостных крестьян) *move ad robottas laboresque* (у Шагуны S. 85, у Гинтца S. 92 fin. и 102). Относительно детей румынских священников в конце XVI в. было постановлено, что если они женаты и живут своими домами, то суть крестьяне помещиков наравне со всеми прочими крестьянами, а если холосты и живут при отцах, то свободны выбирать род жизни (у Шагуны S. 36 fin.). Неизвестно, с какого времени прежде половины XVII в., сами православные митрополиты трансильванские обязаны были платить своим князьям ежегодную подать. В грамоте на митрополию, данной в 1643 г. князем Георгием Ракоци I митр. Стефану Симоновичу, между прочим пишется: «*pro censu annuali pelles martinianas triginta et duas ac lynceas quatuor, juxta usum hactenus observatum, fisco nostro*(митрополит) *singulis annis administrabit* (у Гинтца S. 75; то же в таковых же грамотах и последующим митрополитам, *ibid.* 81 и 86).

²⁴³ - У Шагуны S. 60. § 34.

²⁴⁴ - См. у Шагуны *ibid.* S. 57 sqq.

²⁴⁵ - Ардон из Nandor, как назывался по-венгерски г. Карлсбург, в котором имели пребывание трансильванские митрополиты.

²⁴⁶ - Разумеется трансильванский князь Георгий Ракоци I, который был с 1630 по 1648 г. Князья трансильванские, вероятно, называли себя и были называемы от своих подданных королями с тех пор, как в 1605 г. султан дал венгерский королевский венец Стефану Бочкаю. См. Böhm'a Geschichte des Temeser Banats, th. I, S. 142.

²⁴⁷ - В официальном акте у Гинтца, S. 71, он называется Stephanis Gelei.

²⁴⁸ - У Гинтца SS. 22, 70 и 77, у Шагуны SS. 38 и 40. Сербский историк Юрий Бранкович, пропуская Ореста, ставит между Геннадием и этим Стефаном митр. Досифея (у Раича кн. XI, гл. VI, § 21); но нам Досифей его есть одно и то же лицо с

Орестом, или у него ошибка, см. официальный акт у Гинтца S. 70 sqq.

²⁴⁹ - У Шагуны S. 40, у Гинтца S. 22. Инициатива этой замены употреблявшегося дотоле славянского языка собственным языком румынским принадлежала не столько самому митрополиту, сколько гражданскому правительству, имевшему в виду приобрести чрез это большие удобства для своей кальвинской пропаганды. Вследствие этого, и благодетельное в сущности начинание перевести книги с чужого на свой язык встречено было румынами весьма неблагоприятно, у Гинтца S. 22 sqq, 72.

²⁵⁰ - Главным и ревностным заправщиком дела был примас Венгрии архиепископ гранский Леопольд Коллонич. – Австрийское правительство и его католическое духовенство озаботились делом об унии тотчас же, как получили Трансильванию в свою власть. Архимандрит афонский Исаия, в 1689 г. приезжавший в Москву с грамотами от воеводы валашского Щербана Кантакузена и от патриархов константинопольского и сербского (см. выше), сообщал о делах трансильванских: «ехал он на седмиградскую землю, которая из под султана выбилась и поддалась цесарю; много в ней православных людей, которым от папезан стало притеснение в вере; приезжал из Вены римский бискуп и все церкви переписал и попам сказал: чтобы все с римскою церковию были в соединении, а если волею не захотят, тех будут мучить, а народ принуждать цесарским указом, и от такого принуждения великая печаль, ибо под турским игом была им тяжесть от налогов, а в вере принуждения не было» (Сношения России с Востоком, г. Муравьева, рукоп. Моск. Дух. Акад. ч. 4, л. 1110 об. fin.).

²⁵¹ - У Гинтца S. 31, у Шагуны S. 62 sqq. Требовалось принятие четырех пунктов: 1) главенства папы, 2) приемлемости для таинства евхаристии опресночного хлеба, 3) исхождения Св. Духа и от Сына, и 4) чистилища.

²⁵² - У Шагуны S. 48 fin. При посвящении Афанасия торговицким митрополитом находился в Валахии иерусалимский патриарх Досифей. По каким ли особенным побуждениям (т. е. подозревая ли напр. нетвердость Афанасия

в православии), или просто по своей известной чрезвычайной ревности, он преподал новопосвященному митрополиту довольно пространное наставление. В этом последнем между прочим находим: 1) по воскресным и праздничным дням, и при похоронах, и вообще когда и где случится, митрополит должен говорить поучения к сербам и к русским на славянском языке, а к румынам на румынском, но совершать богослужение всегда и для всех или по-гречески или по-славянски (у Шагуны *ibid.* S. 75, пп. 2 и 5; однакож вопреки этому последнему предписанию митр. Афанасий после обязывал свое духовенство совершать богослужение по-румынски, *ibid.* S. 100, п. 14); 2) митрополит должен веровать и других учить, что пресуществление в таинстве евхаристии совершается чрез молитву и благословение священника (S. 76 fin.); 3) совершать таинство елеосвящения семи священникам и не менее как двоим, но не одному (S. 78, л. 15); 4) при посвящении в церковные степени не брать никакой платы и никаких даров (S. 81 и 22); 5) митрополит должен собирать епархиальные соборы дважды или, по крайней мере, один раз в году (S. 79, п. 20). Из наставления патриарха также узнаем, что незадолго перед тем было переведено на румынский язык «Православное исповедание» Петра Могилы (S. 80 fin., одной из причин к составлению которого, по уверению некоторых румынских писателей, была кальвинская пропаганда между трансильванскими румынами, у Гинтца S. 21 fin.).

²⁵³ - Подробно у Шагуны S. 70 sqq и у Гинтца S. 33 sqq, см. также Пихлера *Geschichte der Kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident II*, 130. На соборе 1700 г., на котором окончательно решено было принять унию, митрополитом предложено было к соблюдению на будущее время несколько правил, касающихся главным образом церковного благоустройства. Некоторые из этих правил довольно интересны и знакомят с местными обычаями трансильванской церкви, см. у Шагуны S. 98 sqq.

²⁵⁴ - Город Fogarasch или Fogaras в южной Трансильвании на р. Алуте.

²⁵⁵ - Ibid. S. 110. Сербьы начади переселяться из своей родины за Дунай, в принадлежащее ныне австрийской короне венгерское королевство (в Срем и Славонию, в западную половину Темешварского Баната и в южную половину собственной Венгрии), с половины XV столетия, когда их отечество поработщено было турками, и потом постепенно продолжали переселения до первой половины прошедшего столетия; в настоящее время их в австрийской империи (в указанных сейчас областях) до 1,150,000. Будучи переселенцами весьма желаемыми, потому что увеличивали собой средства военной борьбы против турок, они получили от венгерских королей некоторую долю свободы своего вероисповедания; почему с первого же времени они начали учреждать у себя епископские кафедры, и еще в XV в. (в последних годах) устроили у себя особое церковное управление, сделав одну из открытых кафедр митрополией. Городок Карловец или Карловицы, в котором сербо-австрийские митрополиты имеют пребывание с начала прошедшего столетия, находится в Среме, на правом берегу Дуная, немного ниже города Петервардейна.

²⁵⁶ - Если верить жалобам румынов, то сербы вели себя по отношению к ним не лучше, чем в Турции ведут себя греки по отношению к болгарам.

²⁵⁷ - О русских малорусского племени, с древних времен населяющих северовосточную часть Венгрии (полосой идущей параллельно Карпатам от 38 гринвичского градуса широты на западе до 42½ такового же градуса на востоке, причем в западной половине этой полосы они перемешаны с словаками, а в восточной с румынами), обстоятельно см. в сочинении Бидермана *Die ungarischen Ruthenen* – первый выпуск Innsbruck, 1862. Епископская кафедра в городе Мункаче или Мукачеве была открыта ими около 1454 г. (см. у Пихлера в *Geschichte der Kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident II*, 127). Продолжая с тех пор постоянно существовать, она постоянно находилась под митрополией трансильванской (у Гинтца SS. 68 нач. и 77). В половине XVII века, именно – в 1652 г. епископ мункачский Парфений принял латинскую унию (у

Пихлера *ibid.*, о посвящении сего Парфения в 1651 г. у Гинтца S. 77), и в настоящее время все венгерские русские, числом не менее 500,000 душ, суть униаты (для церковного заведования в настоящее время у них две епископские кафедры – старая мункачская, с резиденцией епископа в г. Унгваре или Ужгороде, и новая, в 1816 г. открытая, епериесская или прашевская, Neher'a Kirchliche Geographie II, 227 sqq).

²⁵⁸ - С кафедрой епископа неизвестно в каком именно месте области, патр. Хризанф в Синтагматоне. Эта епископия мармарошская не должна быть принимаема за одну и ту же с мункачской, во-первых, потому, что в конце XVII в. последней уже не существовало, – во-вторых, потому, что и прежде закрытия (в 1652 г.), по крайней мере, в последнее время ее существования, область мармарошская к ней уже не принадлежала (у Гинтца S. 77 fin.). Находившаяся с 1694–95 г. православная кафедра в Гросс-Вардейне не должна быть сюда относима, потому что она была не продолжавшей существовать румынской, а новооткрытой сербской, о чем см. в истории сербской церкви.

²⁵⁹ - Гинтц говорит, что из числа мармарошского духовенства вместе с митрополитом приняли унию 3 протопопа и 59 священников, но ничего не говорит об епископе, 8. 33. Может быть, кафедра оставалась тогда праздною.

²⁶⁰ - По отношению к буковинской епархии карловицкий митрополит не имел права назначения кандидатов в епископы (которое принадлежало правительству), а только право рекомендации в кандидаты достойных, по его сведениям, лиц. Шагуна *ibid.* S. 174 fin.

²⁶¹ - Г. Каран-Себеж или Каран-Шебеш находится в западной Трансильвании, недалеко от границы с Банатом, на р. Темеш.

²⁶² - От 1100 года есть дарственная грамота Бодина одному латинскому монастырю (см. ее в сочинении Макушева «Исследование об исторических памятниках и бытописателях Дубровника», напеч. в XI т. Записок Академии Наук, Спб., 1867, стр. 4 прим.); так как в том же году грамота была подтверждена

его сыном (*ibid.* стр. 190), то следует думать, что в этом именно году он и умер. Что он сидел на престоле 26 лет, это утверждается в некоторых западных известиях, см. у Дюканжа в *Familiae Byzantinae*, ed Paris., p. 282, чему не противоречат и византийцы, *Memor. pop.* II, 167.

²⁶³ - Стефан Первовенч. говорит, что незадолго до рождения Стефана Немани, которое было в 1113 или 1112 г. (потому что по свидетельству другого жизнеописателя – Св. Саввы, Неманя умер 13 Февр. 1200 года, будучи 87-ми лет от роду), был великий мятеж в сербской земле и Диоклитии и Далмации и Травунии, и что отец его (Немани), быв оземствован или прогнан с своего стола от братии своей, удалился из Сербии в место своего рождения Диоклитию, где и родил Неманю, но что потом он опять возвратился на свое стольное место (по Памятникам древней письменности южных славян Шафарика § II, стр. 2.) Стол, который занимал отец Немани до своего изгнания и после возвращения, был в Расе, потому что именно здесь крещен был Неманя православным крещением, после того как отец возвратился в Сербию из Диоклитии; что а стол этот был тогда именно великокняжеский, это ясно, во-первых, из того, что при нем находилась единственная тогда в Сербии кафедра православного архиерея, – во-вторых, из того, что, говоря о нем, жизнеописатель выражается «посреде серпские земли» (*ibid.*), каковое выражение должно быть понимаемо в политическом, а не в географическом смысле. Стефан Первовенч. не дает ясно знать, как скоро отец Немани возвратился на свой великокняжеский престол, но об этом прямое указание находим у Св. Саввы, который говорит, что отец возвратился, когда Неманя был еще младенцем, т. е. весьма скоро (*ibid.* стр. 14 нач.). Что отец и дядья Немани были сыновья Волкана, а не Бодина, об этом необходимо заключать, во-первых, из того, что стольный город великого князя сербской земли был при них не в Диоклее, где имел свою столицу Бодин (см. о сем ниже), а в собственной Сербии, где владел Волкан, – будучи сыновьями первого, они бы не имели никаких побуждений переносить столицу из Диоклеи в Сербию; во-вторых, из того, что если бы

они были сыновья Бодина, то не отказались бы от титула, приобретенного их домом у папы, и подобно отцу и деду именовались бы королями, а не великими жупанами [Когда в последствии сын Немани просил себе у папы королевского венца, то, по свидетельству одного из сказателей, ссылаясь не на то, что он был потомок прежних сербских королей, а только на то, что некоторые из прежних сербских государей уже носили королевский титул (Житие Св. Саввы, написанное иером. Дометианом, по изд. Даничича, Белград, 1865, стр. 246).]. Так как Волкан умер после Бодина, то весьма вероятно думать, что еще он сам, одолев детей Бодина, превратил свой дом из подчиненного в господствующий и переместил центр власти из Бодинова Скадара в свою Расу.

²⁶⁴ - Киннам особо говорит сперва о Бакхине и особо потом о Примиславе, но что они у него одно и то же лицо, только называемое в двух разных местах двумя разными именами, это видно из начала его речи о Примиславе. Он начинает говорить о нем: «Примислав и прежде уже, как рассказано нами в другом месте, замышлял, отложиться от императора» (в Метогрор. II, 184); но в другом месте выше он говорил о Бакхине и вовсе не упоминал о Примиславе.

²⁶⁵ - Киннам в своей нарочитой речи о сербских князьях говорит, что Примиславу наследовал Белуш, а Белушу Дежа (в Метог. рор. II, 184); но в одной случайно сделанной заметке у него читается, что Урош (неизвестно кому наследовавший) был-было согнан с престола народом, передавшим власть Деже, но снова был восстановлен императором (кн. 3, гл. 9 fin.). Если бы считать Уроша, на место которого был- было поставлен Дежа, за особое лицо от Белуша, которому наследовал тот же Дежа, то преемственный ряд выходил бы – Примвслав, Урош, Дежа, опять Урош, Белуш, Дежа (или Примвслав, Белуш, Дежа, Урош, Дежа, опять Урош, опять Дежа); но это слишком много смен на какие-нибудь пять-шесть лет после низведения Примислава (в 1156 г.) до окончательного утверждения Дежи (не позднее как в 1160 или 1161 году). Притом же, и главное, если бы Урош был отдельным лицом от Белуша, то Киннам не

пропустил бы его в своем нарочитом рассказе о сербских князьях.

²⁶⁶ - Дежу, о котором говорят византийцы, обыкновенно считают отцом Стефана Немани [См. Шафарика Древн. I, II, 418, где он называется Тешей или Техомилом. Заметим здесь кстати, что греческое Δέσσε по-славянски должно читать не Теша, а именно Дежа, сличай Киннама, у которого, ed. Paris. p. 124, Δεσ è χάραξ -вал Дежи, с Животи кралева и архиепископа срцских, по изд. Даничича стр. 25 и 27, где то же самое место называется «место глаголемое Дежево в области жупы рашьские», cfr Записки Географич. Общ. XIII, 140 fin.], но это совершенно несправедливо, и несомненно, что он есть не отец Немани, а сам Неманя, называемый другим своим именем (у Киннама он Дежа, у Никиты Хониата сначала Дежа, потом Стефан Неманя). 1) Из сербских совершенно достоверных источников известно, что Стефан Неманя, будучи младшим сыном своего отца, занял великокняжеский престол не непосредственно вслед за сим последним, а после которого-то из своих старших братьев и после более или менее продолжительной борьбы со всеми ими (см. Жития Стефана Немани, написанные Стефаном Первовенчанным и иеромонахом Дометианом – первое в Памятниках Шафарика стр. 4 sqq, второе по изданию Даничича стр. 4 sqq). Но между правлением Дежи и правлением Стефана Немана византийцы не только не полагают сколько-нибудь значительного промежутка времени, в который бы все это могло произойти, но и совсем никакого: Дежа в последний раз упоминается под 1162 г., а о Стефане Немане, который упоминается в первый раз под 1167 г., дается знать, что он занял престол довольно задолго до этого (потому что к 1167 г. после занятия престола он уже успел сделать весьма многое, в Метог. рор. II, 190). 2) Из тех же сербских совершенно достоверных источников известно, что Стефан Неманя вступил на велико-княжский престол в 1158 или 1159– г. (Св. Савва говорит: а) что Стефан Немана, умерший 13 Февраля 1200-го года 87-ми лет от роду, вступил на владычество, будучи 46-ти- лет; б) что он, постригшийся в монахи 25 марта 1195 года, был на владычестве 37 лет, в

Памяти. Шафарика; Св. Савва не дает ясным образом знать, что под вступлением на владычество должно разуметь у него вступление на великокняжеский престол, но это несомненно открывается из свидетельства других двух жизнеописателей Немани – Стефана Первовенч., в Памяти. Шафар. стр. 2, § III, и иеромонаха Дометиана, по изд. Даничича стр. 4, которые сообщают, что на удельное владычество он был посажен отцем еще в возрасте отроческо-юношеском). Но если Стефан Неманя занял великокняжеский престол в 1158 или 1159 году, то он необходимо должен быть принимаем заодно и то же лицо с Дежей, потому что вступление на великокняжеский престол и сего последнего (после вторичного удаления Белуша) современные византийцы относят к тому же самому времени (Метог. рор. II, 185). Существующие второстепенные доказательства также в пользу именно той мысли, что Стефан Неманя есть одно и то же лицо с Дежей. По сербским летописям, один из старших братьев Немани назывался Первославом (см. Гласн. I, 164, V, 25, XI, 145, Arkiv Сакцинского III, 7 и 9); по византийцам, самый старший брат Дежи носил тоже самое имя. По достоверным сербским известиям, Неманя прежде занятия великокняжеского престола был удельным князем в одной из восточных областей Сербии (Стефан Первовенч., в Памяти, стр. 2, § III, говорит, что он получил от отца во владение «рекомую Топлицу, Ибрь же и Расину и глаголемые Реки»); по византийцам, там же был удельным князем и Дежа (в области Дендра, прилежавшей к Нишу, Метог. рор. II, 185). Очень может быть, что отец Стефана Немани, как уверяют сербские летописи, действительно назывался Тешей или Техомилом; но во всяком случае несомненно, что под Дежей, о котором говорят византийцы, должен быть разумеem не отец его, а именно он сам.

²⁶⁷ - О приобретениях, сделанных Стефаном Неманей, известно, во-первых, из его собственного показания, во-вторых, из показаний его сыновей Саввы и Стефана. Сам Неманя в одном своем хризовуле пишет: «приобретох од (от) морьске земле Зету и с градовы, а од Арьбанась Пилоть, а одь гръчьске земле Лабь с Льпланемь, Гльбочицу, Реке, Загрьлату, Левьче,

Белицу, Лепеницу» (Monumenta Serbica Миклошича р. 4). Св. Савва в Житии отца пишет: «приобрете одь поморския земле Зету и с градовы, а одь Рабна (Албании) Пилота оба, а одь греческие земле Патьково, Хвостно вьсе, и Подримие, Кострьць, Дрьжьковину, Ситницу, Лабы, Липлянь, Гльбочицу, Реке, Оушку и Поморавие, Загрьлату, Левьче, Белицю» (в Памяти. Шафар. стр. 1). Стефан Первовенч. пишет: «приложи к земли отечествия своего область нишьвьскую до коньца, Лыплянь же и Мораву и глаголемы Врани, призренску же область и Полога оба до конца с мегями своими..... Диоклитию же и Дальмацию, отечество и рождение свое, истовую дедину свою, насилену бывшу оть рода греческого, и съзидани гради у ней оть рукь ихъ, яко проглаголет се греческая область, им же имена сии суть: Дань град, Сарьдоникии градъ, Дривост, Росаф градъ, рекомый Скъдьрь, град Свачь, град Льцин, градъ славьны Бар, Котор же остави, утвердив ии и възнесь двор свои в нем, иже е и доселе, прочее же граде испроверже и раздруши, греческое имя истребив, да не именуется имя их отнюдь в области той, а люди свое, иже в них, невредимомо сохрани, служити владычеству его», и потом в другом месте говорит, что когда Стефан Неманя был еще удельным князем, император греческий Мануил, питавший к нему расположение, «отлучив ему оть земле свое даст ему рекомую Глубочицу» (в Памятн. Шафар. стр. 3 и 8, § VII). О Пилоте, разделявшемся неизвестно как – на верхний и нижний или на большой и малый, о Подримье и Поморавье мы говорили в самом тексте исследования. Речка Лабы, на которой, вероятно, была жупа или волость ее имени, впадает с правой стороны в речку Ситницу на Косовом поле, немного выше городка Вучитрна (см. первую карту в первом издании книги Гана *Reise von Belgrad nach Salonik*). Село Липлянь на сейчас названной Ситнице недалеко от ее начала (см. *ibid.* S. 161 и ту же карту). Села Левьче или Левочи, множ. от Левоч, близь Гилана, на юго-запад от него на речке Шаранке, впадающей слева в верхнюю болгарскую Мораву (*ibid.* та же карта). Речка Лепеница, на которой была прежняя жупа Лепеница (Monum. Serb. р. 13), впадает слева в верхнюю болгарскую Мораву, ниже г. Врани (у Гана *ibid.* та же карта). Глубочица,

Реке или Реки, Белица, Кострыць, Дрьжковина и Ушка находились на Косовом поле, но где именно – в настоящее время точным образом неизвестно (сfr Рјечник Даниича под всеми этими словами, о Глубочице еще Гласн. VIII, 143). Патьково находилось где-нибудь в области Хвостыно или хвостенской (см. Даниича *ibid.*). Загрьлата, по мнению Даниича, была где-нибудь в области нишевской (*ibid.*, о ней еще Гласн. XXIV, 264). Волости или жупы Врани, по всей вероятности, составляли округу нынешнего города Врани, находящегося на верхней болгарской Мораве. О приморских городах Диоклитин или Диоклеи, перечисляемых Стефаном Первовен., скажем ниже в отделе о римском католичестве в Сербии. Стефан Первовенч. говорит, что Неманя приложил еще к земли отечества своего призренскую область и оба Полога; но – или слова его должно понимать только о незначительном северозападном крае этих областей, или вскоре после Немани они снова были отняты у сербов греками, потому что после они поименовываются в числе завоеваний Милутина.

²⁶⁸ - Св. Савва венчал Стефана принесенным из Рима королевским венцом в 1220 г.; но после этого, как дает знать жизнеописатель Саввы, Стефан оставался жив еще довольно продолжительное время, не менее по крайней мере как именно года четыре или три (Дометиан по изд. Даниича, 1865 г., стр. 246 sqq). Известна в настоящее время одна запись, в которой старший сын Стефана Радослав называется королем уже в конце 1221 г. (см. ее в журнале Загребской Академии Наук Rad I, 129); но это, нет сомнения, должно понимать не так, что тогда Стефана уже не было в живых, а так, что Радослав получил титул короля еще при жизни отца (сfr Миклошича Monumenta Serbica pp. 11 и 13, где Стефан говорит о Радославе: «его же благословисмо быти ему кралю всея сея, т. е. сербския, державы»; что жители города Каттара, которым принадлежит запись, поминают имя Радослава, а не самого Стефана, это, как справедливо предполагают, потому, что Радослав, в качестве наследника престола, вероятно считался, наместником отца в Диоклее или Дукле, к которой тянул и город Каттара).

²⁶⁹ - Дометиан в Житии Св. Саввы говорит, что после согнания с престола Радослава Владиславом Савва пребыл с последним лета многа (по изд. Даничича стр. 295); но Савва навсегда удалился из Сербии в 1234 г. (см. о сем ниже). Крайний предел этих многих лет до 1234 г. есть вторая половина 1230 г., потому что в июле сего года Радослав был еще на престоле (см. его грамоту в Загребском журнале Rad I, 130). У сербских повествователей, мало заботящихся об исторической точности и постоянно противоречащих друг другу, добираться толку вообще весьма мудрено: архиепископ Даниил в своем так называемом Родословнике утверждает, что Савва отправился в свое последнее путешествие не при Владиславе, а еще при Радославе, по изд. Даничича стр. 249 sqq, и подтверждением ему как будто служит и грамота Радослава рагужанам от февраля 1234 г., в которой как будто говорится, что он только непосредственно пред тем был согнан братом с престола (в Monumenta Serbica Миклошича р. 19). Мы предпочитаем следовать Дометиану потому, что он был не только современником и учеником Саввы, но, как следует думать, именно и одним из лиц, сопутствовавших ему в путешествии; а что касается до грамоты, то вероятно в ней просто неудовлетворительная, зависевшая от писавшего дьяка, расстановка слов, и она писана не непосредственно вслед затем, как Радослав был согнан с престола, а только непосредственно вслед затем, как он после разных странствований (сfr летопись в Гласн. V, 45) прибыл в Рагузу.

²⁷⁰ - Относительно первого правления Владислава известно с одной стороны, что он оставался на престоле «лета николика» после смерти Св. Саввы, который умер в январе 1235 или 1236 г., а с другой стороны, что в 1243 г. занимал престол уже Стефан Урош (см. Дометианово житие Саввы, по изд. Даничича стр. 333, о перенесении мощей, и стр. 344 послесловия автора, и в Monumenta Serbica р. 30). Что касается до второго правления, то в марте 1252 г. называется королем он Владислав, а в сентябре того же года уже Стефан Урош (см. грамоту в Rad'e I, 133 sqq). Что во второй раз Урош занял

престол не после смерти Владислава, а из-под живого, см. MonumentaSerbica Миклошича р. 36.

²⁷¹ - Автор Родословника, заключая свой рассказ о Драгутине, говорит, что он завладел многими областями земли Угорской (стр. 41). Так как под этими областями невозможно разуместь еще других, кроме помянутых выше, то и следует понимать так, что Драгутин сначала владел ими в качестве вассала, а потом завладел в полную собственность. CfrФесслера Geschichte von Ungarn, изд. 2-го т. 2, стр. 37 нач.

²⁷² - О завоевании Браничева см. Родосл. стр. 115 sqq. О том, кем именно отодвинута была юго-восточная граница с Моравы на Стримон, где видим ее до дальнейших расширений при Милутиновом преемнике (Родосл. стр. 181 и 182 нач.), прямых известий нет; но мы усваиваем это самому Милутину, а не кому-нибудь из его предшественников, потому, что о каких-нибудь завоеваниях сих последних ничего неизвестно.

²⁷³ - См. собственную запись о сем Душана в Истории сербского языка Майкова стр. 239fin. (в напечатанном списке записи, вместо 16 апреля, ошибочно 14), cfr выписки из официальных бумаг Венецианского архива в Гласнике XI, 363 и 374 (показание сербской летописи, в Памяти. Шафар. стр. 54, будто Душан поставился царем в 1348 г., несомненно ложно).

²⁷⁴ - В 1371 г. турки завоевали города Ихтиман, Самоков и Кюстендил (Гаммера Histoire de l' Empire Ottoman, в переводе Doche'za, t. I, p. 78, col. 2 нач.); в 1373 г. они подчинили своей власти двух сербских деспотов или удельных князей, владевших частью Македонии между городами Драмой и Кавалой на востоке, и рекою Вардаром на западе (ibid. p. 80, col 1, Memor. por. II, 349, cfr ibid 335); в 1375 году они завоевали город Ниш, а после 1375 г. города Истиб, Прилеп и Битоль или Толп-Монастир (Гаммер ibid. por. 80, col. 1 fin. и 82, col. 2 нач.). Что касается до остальных сербских владений, то Зетой или Черногорией с прилежащим к ней адриатическим побережьем независимо владела сербская Фамилия Бальшичей (о которой скажем ниже, когда будем говорить о Черногории); в северной и средней Албании возникли свои собственные албанские

княжества; в южной Албании, Фессалии и Акарнании владели также независимые сербские деспоты (в одной половине брат Душанов Синиша или Симеон, который после неудавшихся попыток занять царский сербский престол также именовал себя царем, и потом сын его Иоанн (в монашестве Иоасаф); в другой половине – зять Синиши, сын одного из деспотов Душановых, и потом другой зять, второй муж его дочери. Обстоятельное и по новым источникам составленное изложение о владетелях эпирских или албанофессалийских от смерти Душана до покорения турками можно читать в Энциклопедии Ерша и Грубера, первой секции т.

86, *Griechen land im Mittelalter und der Neuzeit*, SS 32 sqq и 92 sqq).

²⁷⁵ - Каниц в своей книге *Serbien historisch-ethnographische Reisestudien*, Leipzig, 1868, 5. 74, указывает как на место Дестиника или Десницы на развалины города или замка, которые называются в народе Траяновым градом и которые находятся близ села Десить или Десич в окружении шабацком, верстах в 25 на юг от Шабца. О планине Десановец, находящейся в окрестности г. Валиева, см. Гласи. XXV, 67 нач.

²⁷⁶ - Что Михаил и Константин Бодин имели свое пребывание где-нибудь в области Диоклее или Дукле, это ясно из следующего: с начала XII века центром владений сербских была собственно так называемая Сербия и верховными владетелями всесербскими были владетели расские; но тогда как до Стефана Первовенчанного собственная Сербия была только великим жупанством и владетели расские только великими, жупанами, Диоклея и до этого времени называлась королевством, и ее удельные, подручные расским, владетели назывались королями (см. Дометианово житие Немани, по изд. Даничича стр. 246, где пред венчанием Стефана королевским венцом говорится о Диоклее, что она «зывается велико кралежество оть перва», и где в подтверждение права Стефанова на королевский венец указывается на то, что отец его родился в Диоклее, и у Тейнера в *Monumenta Slavorum Meridionalium*, t I, pp. 5, 6 и 13,. грамоты папы от 1198 и 1200 годов, в которых Волкан, младший брат

Стефана Первовенчанного, бывший тогда удельным владельцем Диоклеи, называется королем Далмации и Диоклеи – *rex Dalmatiae et Diocleae* [Тот же Волкан, когда в 1202 г. отнял у брата Расу и таким образом пересел с младшего стола на старший, превратился из королей в низшие по титулу великие жупаны и искал у папы получить себе королевский венец, которого он не имел как владелец расский, у Тейнера *ibid.* p. 36 sub fin.]. Диоклея могла получить название королевства и ее удельные владельцы могли носить титул королей единственно только потому, что в этой именно области имели свое пребывание два старые сербские короли – Михаил и Бодин. Что их столица была именно в городе Скадаре или Скутари, это мы предполагаем на том основании, что в Скадаре встретили Бодина в 1096 г. шедшие чрез приморскую Сербию крестоносцы (см. у Вильгельма Тирского в *Historia rerum trasmarinarum* lib. II, cap. XVII, в Патрол. Миня т. 201, стр. 267 fin., – слова Вильгельма Тирского, которые называет встреченного владельца не по имени, а безименно *regem Slavorum*, Шафар. Древн. II, I, 417, понимает не о Бодине, а о Волкане (не том, о котором сейчас выше) неправильно, потому что король именно был Бодин, а не Волкан; по местным преданиям, Бодин и погребен был в Скадаре, см. Макушева Исследования об историч. памятниках и бытописателях Дубровника стр. 4, прим. 2 fin.). Относительно Расы обыкновенно думают, что впервые ее сделал столицей Сербии Стефан Неманя, который будто бы до своего великокняжения был в ней князем удельным. Но это совершенно несправедливо; что Раса была столицей еще во время младенчества Неманина, в начале XII в., при его отце и братьях (т. е. иначе, что она начала быть столицей с того самого времени как верховное господство над страной перешло из дома Бодина в дом Волкана), это из свидетельства жизнеописателя Неманина Стефана Первовенч. известно положительным образом (в Памяти. Шафар., стр. 2, § II, – под «посреде серпские земле, у светью.....апостолу Петра и Павла» разумеется именно Раса); а что касается удела Немани до великокняжения, то, по свидетельству того же Стефана Первовенчанного, он получил от отца «рекомую Топлицу, Ибрь

же и Расину глаголемые Реки» (ibid. стр. 2, § III), при чем под Расиной должна быть разумеема не впадающая в Ибар Рашка, на которой стоял город Раса, а именно Расина, которая, начинаясь не очень далеко, на восток или на северо-восток от впадения Рашки в Ибар, впадает справа в нижнюю сербскую Мораву.

²⁷⁷ - О митрополии скодрской или скадарской (Scodaritana), которая находилась в зависимости от архиепископии первой Юстинианы, и об епископии диоклейской (Diocletana), которая была подведома митрополии скодрской, упоминается в двух посланиях папы Григория 1-го от 602 года (у Баттиана в *Leges ecclesiasticae regni Hungariae* I, 322 sqq) [Одновременно с митрополией скодрской (Scodritana) упоминается какая-то неведомая епископия скодрская (Scodrensis), принадлежавшая к округу какой-то тоже неведомой митрополии далматинской (Dalmatiae, у Баттиана в *Leges ecclesiasticae regni Hungariae* I, 299), особой от митрополии салонской; их должно искать где-то на западе от митрополии салонской (о Малхе, митрополите неведомой митрополии далматинской, cfr. pp. 305, 307, 308 и 316 fin.).]. Митрополия скодрская открыта была неизвестно когда именно, но не ранее второй половины V века, потому что в 457 году епископия диоклейская была подведома еще митрополии дарданской или скопийской (у Баттиана ibid. I, 228). Город Диоклея (Διόκλεια и Διόκληα) находился на восточной границе нынешней Черногории, с северной Албанией, при впадении р. Зеты в р. Мораву между левым берегом первой и правым берегом второй, недалеко на север от нынешнего городка Подгорицы (об его развалинах см. в книге Е. Ковалевского «Четыре месяца в Черногории», Спб., 1841, стр. 81; у многих других не совсем правильно). Аварами или не аварами был опустошен и разрушен, город этот во всяком случае во времена импер. Константина Порфирогеннта уже находился в развалинах (см. его сочинение *De administer. Imper. Cap. 35 fin.*, ed. Bonn. p. 162. Мнение Шафарика, Древн. II, I, 449, будто Константин Порфириог. ошибается, совершенно неосновательно, и что бы ни разуместь у него под Доклой в Λοντοδόκλα, но во всяком случае

не Диоклею). На месте разрушенного древнего города был или не был в последствии у сербов свой сербский город, остается точным образом неизвестным [Стефан Первовенч. в Житии своего отца Стефана Немани говорит, что отец Немани, быв согнан братьями с великокняжеского престола, ушел от крамолы их «в место рождения своего рекомое Диоклития, и изволением Божиим родил сего отрока (Неманю) на месте рекомемь Рыбница» (в Памяти. Шафар. стр: 2). Под местом Диоклитией у него, как кажется, должно разуместь не в обширном смысле область, а в частном смысле город Диоклею; но понимать ли его слова как о городе населенном или только о развалинах, давших свое название окружной местности (сfr Константина Порфириог. *ibid.* сар. 35 fin.), этого сказать нельзя.]; но если и был, то незначительный и не важный (а ссылка Шафарика *ibid.* на Киннама, который в половине XI в. говорит о Диоклее, *urbe percelebri*, в *Memor. pop.* II, 188, есть недоразумение, потому что Киннам, как совершенно ясно у него, говорит о Диоклее не сербской, а хорватской, – нет сомнения, той самой, о которой у Константина Порфириог., *ibid.* сар. 29, ed. Bonn., p. 126).

²⁷⁸ - Епископия рагузская или епидаврская, быв открыта не позднее начала VI века (см. у Баттиана в *Leges. Ecclesiasticae regni Hungariae*, I, 290, деяния салонского собора 530 г.), существовала потом непрерывно. Епископия каттарская, неизвестно когда открытая, существовала во второй половине VIII века, потому что на 7-м вселенском соборе присутствовал епископ каттарский (Δεκατέρων, см. Lequien'a *Oriens* II, 250, если впрочем только Lequien не ошибается). Неизвестно, сколько еще продолжало существовать после половины VII века епархий митрополии дарданской (с главным городом Скупи или Скопия), но во всяком случае на 7-м вселенском соборе присутствовал один епископ дарданский (Lequien I, 776).

²⁷⁹ - Об этом вторичном крещении сербов Константин Порфириогенит рассказывает в двух своих сочинениях – в жизнеописании импер. Василия, который был ему дедом (*Scriptores post Theophanem*, ed. Paris. P. 178, § LII sqq) и в книге

«Об управлении государством» (cap. 29, ed. Bonn. p. 128 sqq). В первом он говорит, что сербы (а также и хорваты) отпали от власти греков в правление слабого и беспечного предшественника Василиева Михаила III, и что очень многие между ними, чтобы сделать свое отпадение как можно более решительным, отложились вместе с тем и от самого христианства. О причинах, которые побудили их желать возвращения под власть империи и вместе с тем просить священников для вторичного и окончательного крещения, у него читается здесь следующее. Пользуясь той же слабостью греков при императоре Михаиле, в Далмацию явились с своим флотом африканские сарацины; они взяли города Будву, Расу и Каттаро и приступили к осаде главного города области Рагузы. Но когда осажденные рагужане отправили за помощью в Константинополь и когда сменивший между тем на престоле Михаила (23 сент. 867) импер. Василий, с величайшей готовностью вняв их мольбам, прислал им свой вспомогательный флот, осаждающие, сняв осаду, поспешно удалились от берегов Далмации. Эта именно помощь, оказанная импер. Василием рагужанам, и заставила, по словам Порфириогенита, сербов искать снова власти и покровительства греков: «видя – говорит он – сделанное греками в Далмации и убеждаясь в кротости, совершенной справедливости и добродетельности теперешнего императора, и почитая надежное подначалие ненадежному самовластию, сербы (и хорваты) принимают поспешное решение возвратиться к прежней власти» и пр. В другом своем сочинении Порфириогенит ничего не говорит о причинах поступка сербов а рассказывает о нем как о событии, имевшем место несколько прежде нашествия сарацин на Далмацию. Здесь он ничего не говорит также и об отпадении многих между сербами от христианства к язычеству, но взамен того говорит о многих между ними, оставшихся в язычестве с самого начала. Что касается до частных, не относящихся к настоящему предмету, то, по этому второму сочинению, сербы (и хорваты) отложились от власти греков не при импер. Михаиле III, а при его деде Михаиле Косноязычнике (820 – 829). Совершенно ясно, что

Константин Порфирогенит вообще весьма пристрастен к импер. Василию, и если он говорит правду во втором своем сочинении, что возвращение сербов под власть империи последовало прежде нашествия сарацин на Далмацию, то, поскольку несомненно, что это последнее было в конце правления Михаила и в самом начале правления Василия, а не спустя некоторое время после смерти первого и воцарения второго (как справедливо говорит Порфирогенит в первом сочинении и как несправедливо говорит во втором [Вследствие приближения греческого флота оставив Далмацию, сарацины отправились воевать в Италию. Но и сюда была прислана императором помощь против них уже в 869 г. (см. под сим годом западную Бертинскую летопись у Миня в Патрологии т. 125, стр. 1244 fin. и 1251).], – то следовало бы даже принимать, что сербы возвратились не при Василии, а еще при Михаиле.

²⁸⁰ - Послание папы Иоанна к Мунтимиру, в котором он убеждает последнего возвратиться к паннонскому диоцезу и под пастырское попечение поставленного там епископа, см. у Ербена в *Regesta Bohemiae et Moraviae* N 39; выражение «возвратиться» употреблено для обозначения того, что страна князя принадлежала, некогда к паннонскому диоцезу; под епископом паннонским разумеется Св. Мефодий, брат Св. Константина, славянского первоучителя, который был тогда епископом у владельца панноно-блатенского Коцела. Мунтимир в надписании послания неопределенно называется князем славянским (*Dux Sclavoniae*). Что он есть именно Мунтимир сербский, а не хорватский (несколько позднейший сербского), это совершенно ясно из того, что папа убеждает его возвратиться к паннонскому диоцезу, – естественный диоцез для князей хорватских был диоцез далматинский (салонский или спалатский).

²⁸¹ - Это известно из обстоятельств рождения Стефана Немана. Отец Немани, быв согнан братьями с великокняжеского расского престола, родил сына (в 1112 или 1113 г.) в Диоклее, и хотя сам был православный, принужден был крестить его латинским крещением, после чего перекрестил его по православному только когда уже снова возвратился на свой

стол в Расу (см. Стефаново и Саввино жития Немани в Памятниках Шафарика).

²⁸² - Антивар или Бар и другие приморские города, лежащие на юг от Черногории в нынешней северной Албании, до правления Стефана Немани принадлежали грекам (см. Констант. Порфириог. *De administer. Imper.* Cap. 30, ed Bonn. pp. 141 и 145, и Стефана Первовен. житие Немани в Памяти. Шафар. стр. 8, § VII); но население всех этих городов по своему происхождению было не греческое, а романо-латинское, выведенное из Италии (Констант. Порфириог. *ibid.* cap. 29, 31 и 32, ed. Bonn pp. 125, 148, 153, – в последнем месте Ῥωμάνοι οἱτὸ Δυρράχιον οἰκῶντες понимаются именно жители сейчас помянутых городов, потому что в административном отношении города эти тогда принадлежали к провинции дуррахийской, *ibid.* с. 30, pp. 141 и 143; см. также у Вильгельма Тирского в *Historia rerum trasmarinarum lib. II*, cap. XVII, в Патрол. Миня т. 201, стр. 267, где под 1096 г. говорится, что в Далмации, со включением именно и округа митрополии антиварской, *in oris maritimes habitant inqoli qui ab aliis (славян) et moribus et lingua dissimiles, Latinum habent idioma*); а поэтому и в вероисповедном отношении они принадлежали к церкви латинской, а не к греческой. Что касается высшей церковной администрации, то по крайней мере до сороковых годов X в. города эти входили в состав общей для всего сербо-хорватского далматинского побережья архиепископии или митрополии спалаттской (древн. салонской), и не имея собственного ни одного епископа, по всей вероятности, были заведываемы ближайшим к ним епископом которским или каттарским (см. запись о спалаттском соборе 927–28 г., по которой существовавшие тогда в восточной части митрополии спалаттской епископские кафедры были стагненская или стонская, рагузская и каттарская, в Фарлатиевом издании *Illyricum Sac.* III, 106, у Баттиана в *Leges ecclesiasticae regni Hungariae I*, 341fin. sqq); а потом была учреждена для них и своя епархия, именно антиварская или барская, с титулом архиепископии или митрополии. В каком именно году была учреждена эта епархия, точным образом

остается неизвестным: в 927 – 28 г. ее несомненно еще не было (сейчас помянутая запись), а в 1067 г. по поводу поставления нового митрополита говорится уже во множественном числе о предшественниках сего последнего (также митрополитах, см. послание папы Александра III к митрополиту Петру у Миня в Патрол. т. 147, стр. 1323, у Leguïen'a II, 177); по свидетельству, неизвестно насколько достоверному, писателя довольно позднего, Фомы архидиакона спалаттского или сплетского, она была открыта, быв отделена от митрополии спалаттской, около 1030 г. (см. у Ассемани в *Kalendaria* I, 322, IV, 367). Полнее архиепископ антиварский назывался диоклейским и антиварским, – первое не по городу Диоклее, как несправедливо думают многие, а по области того же имени, в которой находился город Антивар (сfr Стефана Первовенч. в Памяти. Шафар. стр. 8, § VII). – От 1102 г. есть грамота папы Пасхалиса к митрополиту рагузскому, в которой заведывание Сербией, Захолмией и Травунией поручается сему последнему (см. в Arkiv'e Сакцинского кн. IV, стр. 326). Если грамота не подложная (странны в ней выражения: *regnum Serviliae*, *regnum Zachulmiae*, *regnum Tribunia e*), то, вероятно, дело должно понимать так, что митрополия антиварская в то время низведена была в суфрагании митрополии рагузской (что когда-то до 1198 г. это действительно было, см. послание папы Иннокентия III от сего последнего года к находившимся в Сербии его легатам в Патрол. Миня т. 214, стр. 490, у Ассеманн в *Kalendaria* V, 27).

²⁸³ - Что сербам не дано было своего епископа импер. Василием и что потом они не имели его по крайней мере до половины X в., некоторый повод предполагать это дается молчанием об епископе Константина Порфиrogenита (который упоминает об епископах хорватских и болгарских). Что в начале XI в. сербы имели уже епископа, см. выше в истории болгарской церкви. – Что епископ, быв дан один на всю страну (о чем выше там же), постоянно оставался один и во все последующее время до самого учреждения Св. Саввой архиепископии, об этом необходимо заключать из показаний, которые читаются в Неманином житии Степана Первовенчанного. 1) Рассказывая о

намерении отца истребить в своей земле ересь патаренскую, он пишет, что последний, когда случайным образом узнал о существовании ереси, «ни мало закоснив скоро призва своего архиерея, Евфимия глаголема, и чернцы съ игумены своими и честные иереи, старцы же и вельможи своя от мала и до велика ихъ» (в Памяти.. Шафар. стр. 6, § VI); 2) говоря о пострижении Немани в монашество, он пишет: «призва (Неманя) подружие свое и сыны своя и архиерея своего, Калинина рекомаго, и приставники деломъ и князи земля своя, воеводы и воины» (ibid., стр. 12, § X); 3) говоря о собственной встрече креста, присланного ему (Стефану Первовенчан.) с Афона Св. Саввой на благословение, он пишет, что вышел встречать его «с архиереом своим и с иереи и с честными чернцы и совсем клиросом» (ibid. стр. 16): во всех трех случаях ясно дается разуместь (и по важности всех трех и необходимо было бы подразумевать), что во все три раза собираемы были полные церковные соборы земли, но епископ каждый раз только один [В рассказе Стесана Первовенч. о встрече им мощей Немани, принесенных в Сербию с Афона Св. Саввой, по изданному тексту читается: «и абие съ поспешениемъ совокупль архиереи своя и иереи и чернцы изыдохъ» и пр. ibid стр. 20); но о том же самом у иером. Дометиана: «и усердно сrete святого вселюбезный сын его с всеосвященным архиереомъ и съ священными иереи и съ диаконы» и пр. (по изд. Даничича стр. 102 fin.). Сам Дометиан в одном месте своего Жития также говорит об архиереях во множ, числе (ibid. стр. 31); но очевидно, что в этом ораторском месте (оно содержит общую похвалу Немане, как устроителю сербской церкви) он просто увлекается ораторской вольностью свою похвалу Дометиан списывает с похвального слова Св. Владимиру нашего митр. Илариона, и епископы являются у него просто потому, что так в подлиннике)]. По именам из епископов этих известны только два [Позднейшие сербские летописи называют еще третьего – Леонтия, который крестил будто бы Неманю православным крещением, когда отец его возвратился из Диоклитии в Расу. Но Стефан Первовенч., говоря об этом крещении, не называет архиерея по имени и пишет глухо; «сподобисе второе прияти

крещение отъ руки святителя и архиерея посреде серпские земли»...]: сейчас помянутый Евфимий и Каллиник. В каталоге архиерейских престолов Греческой империи, носящем в своем надписании имя импер. Льва Мудрого (886–912), а на самом деле принадлежащем гораздо позднеjšíму неизвестному времени, в числе епископий митрополии диррахийской между прочим называются: елисская или алессийская (города Алессиио или Леш, по-греческ. Ἐλισσός, на нижнем соединенном Дрине), диоклейская, скодрская, дривастская (город Дривасто не очень далеко на северо-восток от Скодра иди Скадара), палатская (Παλάθων, т. е. албанской области Пулати, о которой говорено было выше) и антиварская (у Ралли и Потли V, 484). Если бы показание было справедливо, то или целые три из этих епархий, именно диоклейскую, скодрскую и дривастскую, или по крайней мере одну диоклейскую нужно было бы считать епархией сербской. Но не может подлежать никакому сомнению, что позднеjší редактор каталога (не официальный, а частный) превращает тут в православные епархии существовавшие в его время католические епархии тех же названий (разделяя только по неведению на две епархии диоклейскую и антиварскую одну епархию антиварскую, называвшуюся диоклейской по имени области).

²⁸⁴ - Сведения о жизни и деятельности Св. Саввы главным образом содержатся в двух его житиях, из коих одно принадлежит ученику его хилендарскому иеромонаху Дометиану, а другое составлено при жизни и по рассказам учеников кем-то неизвестным (в наших русских рукописях оно неправильным образом усвояется также Дометиану; если у Григоровича в Путеш., стр. 29 нач., разумеется именно оно, а не первое житие, то оно составлено по дополнительным рассказам Дометиана учеником его Феодором грамматиком, тем самым, который в 1263 г. написан синодал. список Шестоднева, у Калайд. в Ю. экзархе стр. 164). Оба жития напечатаны сербским ученым Ю. Даничи́чем, – первое вместе с принадлежащим тому же Дометиану житием Стефана Немани, в 1865, второе в 1860 гг. (первым житием, которого не встречается в наших рукописях, мы пользовались по печатному изданию, а вторым, которого у

нас не было под руками в печатном издании, но которое в наших рукописях нередко, – по сим последним, имев несколько списков библиотек Московск. Духовной Академии и Троицкой Сергиевой лавры).

²⁸⁵ - Валопедские монахи постарались перезвать его в свой монастырь потому, что от монаха-княжича справедливо ожидалось богатые денежные вклады.

²⁸⁶ - Относительно года поставления Саввы в архиепископы имеются следующие несогласные между собою данные: 1) По свидетельству Дометиана, он пребывал на архиерейской кафедре в продолжении 14-ти лет. Так как о втором архиепископе Арсении известно, что он правил 80 лет и умер в октябре 1262 или 1263 года (см. ниже), то будет следовать, что он поставлен Саввой на свое место или в конце 1232 или в 1233 г., и что сам Савва оставил кафедру или в первом или во втором из этих годов [Есть грамота Саввы от 6741 г. (Monumenta Serbica Миклошича р. 17). Но так как при годе нет месяца, то и неизвестно, который это – 1262 или 1263-й год от Р. Х.]. Но если Савва после 14-ти-летнего правления оставил кафедру в конце 1232 или в 1233 г., то он был поставлен на нее в конце 1218 или в 1219 году. 2) По свидетельству обоих жизнеописателей, Савва поставлен в архиепископы патриархом константинопольским Германом и при императоре греческом Феодоре Ласкарисе. Так как по существующим в настоящее время данным Герман не мог быть поставлен в патриархи ранее конца 1221 г. (потому что в сентябре или в августе того же года еще его предшественник Мануил Lequien'a Oriens Christian. I, 278) и так как Феодор Ласкарис умер в 1222 г., то на основании этого второго указания поставление Саввы в архиепископы должно быть относимо к концу 1221 – к 1222 году. Из двух этих дат мы отдаем предпочтение первой, т. е. мы полагаем, что Савва поставлен был или в 1218 или 1219 г.; а что касается года восшествия на престол патр. Германа, то мы полагаем, что наши настоящие сведения об этом неудовлетворительны. Основанием для нашего предпочтения служат показания Райнальда в его Annales Ecclesiastici. Под 1220 г. Райнальд говорит, что именно в этом году было посольство от сербского

государя к папе Гонорию о королевском венце; но это было уже после поставления Саввы в архиепископы. Приводимая у него грамота государя к папе, правда, не имеет года и месяца [Ассемани в *Kalendaria*, V, 39, не знаем почему, говорит прямо: «*literae datae anno 1220*»]; но если он тем не менее относит посольство к 1220 г., то мы полагаем, что он делает это не без достаточных оснований. Свидетельство сербских летописей, вообще весьма ненадежных, само по себе не имеет никакого значения. Но при других и они не должны быть оставляемы без внимания, – все более исправные между ними относят поставление Саввы к 6727 г. от сотв. м. или к концу 1218 – к 1219 г. от Р. Х. (см. у Шафар. в *Памятн*, стр. 69, *Гласн*. I, 164 и XI, 145, у Григоровича в статье о Сербии и ее отношениях к соседним державам в XIV в., прибавл. стр. 48, в *Arkiv'e Сакцинского* III, 10). В недавно изданном 4 томе *Acta et diplomata graeca medii aevi* Миклошича (*Vindob.*, 1871) напечатана грамота патриарха Мануила I Харитопула, из которой оказывается, что он был жив и на престоле в сентябре 1222 года (р. 295). Таким образом следует, что Савва сербский или был поставлен не в 1219 г., а позднее, или что был поставлен не Германом, а Мануилом. До окончательного разъяснения дела, на основании свидетельств совершенно несомненных, мы остаемся при том мнении, что он поставлен был в 1219 г. и что в нынешних списках житий его Дометиановом и Феодоровом имя Германа вместо Мануила стоит по позднейшей неправильной (и вероятно, тенденциозной) переправке. К некоторому подтверждению нашего мнения может служить, то, что патр. Паисий, конечно, знавший и читавший названные жития Саввы, говорит в житии Душана, что он поставлен «рукою патр. Мануила» (Шафар. *Geschichte d. Südslaw. Literat.* III, 246; по печатному изданию жития в *Гласнике*, кн. XXII, это место не читается; вероятно, оно находится в том пропуске, который не совсем кстати сделан на стр. 216).

²⁸⁷ - В Дометиановом житии Саввы, по изд. Данич. стр. 227, читается: «ту (в Солуни) пребысть елико хоте, и книги многи переписа законныя: о исправлении вере, ихже требоваше

соборная ему церкви». Первое место между этими законными книгами занимала Кормчая книга, о которой в послесловиях к нескольким известным спискам ее свидетельствуется, что она «изыде на свет нашего (сербо-славянского) языка потщаниемъ я любовию мною и желанием..., перваго архиепископа всея сербския земли киръ Саввы» (см. послесловие в списке 1306 г., напеч. в статье А. Павлова «Первоначальный славянорусский Номоканон», Казань, 1869, стр. 88, и послесловие к списку 1615 г., в котором повторено послесловие списка 1253 г». в Сербо-далматинском Магазине 1866 г. кн XXV, стр. 186). Так как Св. Савва во время своего длительного пребывания на Афоне, и первоначально именно в обществе греков (в Валопедск. мон.), должен был хорошо выучиться греческому языку, то мы полагаем, что он не только позаботился о том, чтобы переведена была Кормчая на славянский язык, но именно сам был ее переводчиком; а так как в Солуни он не мог останавливаться на столько, чтобы заниматься переводом, то мы полагаем, что здесь он только поручил списать для себя греческий оригинал, а переводом занимался уже по прибытии в Сербию (переведенная им Кормчая была та самая, которая после прислана была нашему митрополиту Кириллу болгарским деспотом Святославом, см. названную выше статью г. Павлова).

²⁸⁸ - Некоторые из русских ученых хотели бы отрицать участие Саввы в посольстве Стефана за королевским венцом к папе. Но этим ученым известно житие Саввы, которое встречается в наших русских рукописях и несправедливо усваивается в них Дометиану; но неизвестно другое житие Саввы, которое действительно принадлежит Дометиану и в наших русских рукописях не встречается. В этом последнем житии» по изд. Даничича стр. 245, читается: «посылании преосвещенааго (Саввы) в град великого Рима. И паки избрав от учених своих благоразумна мужа, вьсеосвещенного епископа Методия, и посьла его в Рим к прехвальным апостолом Петру и Павлу и к великому съпрестольнику светью папе великие римские державы, и дав благословение подобно тех светыни, яко да и ти благословеть отъчество его и своею благодетию венънають

(sic) благоверьнааго спрестолника отчества его, и написав послание к великому спрестольнику светью и славную апостолу папе, исповедав ему неутаеную благодеть, еюже самъ (sic) богом венчан бысть, и проси яко да послеть ему благословение от светью апостолу и от того самого благословеннии вемц, яко да венчает брата своего на королевство по первому отчеству королевства их, в нем же и отце их родися по божественному смотрению в месте рекоме Диоклитии, еже зовет се велико королевство от прьва, и бог всахоуде подае силу и поспех любимому рабу своему, и вса прошения его испелняе небесная и земльная. и тому святому спрестольнику светых апостол духом светывм повеле поселати ему богом благословеннии венец, истиненному вспелнителю светых заповедии его, яко да благословен будет богом и венчан и прославлен еште zde на земли прежде дене оного великого» и пр. (далее о принесении венца и о венчании им Стефана Саввою).

²⁸⁹ - У жизнеописателей Св. Саввы, странным и прискорбным для нас образом не жалующих хронологии, год его смерти оставлен также не указанным. По соображениям, он отправился в путешествие в 1233 г.; путешествие было продолжительное, но сколь именно – в Житиях этого не видно: если продолжалось менее двух лет, то он умер 12 января 1235 г.; если более двух лет, то 12 января 1236 г. (Что во всяком случае смерть его не должна быть переносима за указанные месяц и число 1237 г., это видно из того, что он умер в Тернове при жизни терновского патриарха Иоакима 1-го, а сей последний умер во второй половине 1237 года, Метор. рор. II, 730, у Райнальда в Annal. Eccless. an. 1237, n. 74.)

²⁹⁰ - Мы сказали, что годы правления архиепископов Евстафия 2-го и Иоаникия 2-го находятся посредством некоторого вычисления. Оно состоит в следующем. Если, начиная с архиепископа Иакова, относительно которого известно, что он поставлен в 1286 году, будем слагать количество лет правления следующих архиепископов (это количество лет правления каждого архиепископа, без обозначения годов с какого по какой именно, показано в

Родослове), то получим, что следующий за Иоанникием 2-м патриарх Савва 4-й умер около 1874–78 г. (смотря по тому, как принимать годы тех архиепископов, о которых не замечено прямо, как полные или не полные); но относительно дня его смерти в Родослове сделано указание, которое дает возможность определить год его смерти совершенно точным образом; здесь сказано, что он скончался 29 апреля на антипасху; из ближайших вниз и вверх к указанному времени годов антипаса (Фомино воскресенье) была 29-го апреля и Пасха 23 апреля в 1375 году, и следовательно в сем именно году он и умер. От известного точным образом года смерти патр. Саввы мы идем вверх: умерший 29 апреля 1375 года патриарх Савва правил 20 лет и 5 месяцев, следовательно поставлен в ноябре – декабре 1354 г.; если полагать, что между ним и предшествующим не было годового промежутка, то умерший 3 сентября 1354 г. Иоанникий 2-й правил 16 лет и 8 месяцев, следоват. поставлен в декабре 1337 – январе 1338 г.; умерший 9 декабря 1337 г. Даниил 2-й Правил 14 лет и 3 месяца, следов. поставлен 14 сентября (эти месяц и число прямо указаны в Родослове) 1323 г. Относительно продолжительности правления следующих за сим вверх архиепископов в Родослове нет точного указания годов и месяцев, а кругло одни года; не зная на сколь в каждом случае велико это округление годов, мы лишаемся возможности идти вверх с помощью одного Родослова; но здесь помогают нам отчасти некоторые сторонние указания, отчасти обратные расчисления сверху вниз от 1286 года. Умерший 12 мая Никодим правил 8 лет, из чего следовало бы, что он поставлен во второй половине 1315 г.; но так как положительно известно, что его предшественник был жив еще в 1316 г. (см. Григоровича Путешествие по Турции стр. 28 fin.), то надлежит думать, что его восемь лет правления составлены из годов неполных и что он поставлен только в сем 1316 г. (а при счислении 8 лет взяты за целые года неизвестные последние месяцы 1316 г. и первые четыре с половиной месяца 1323 г. [В грамоте Милутина от 1318 г., напечатанной в описании сербской Хилендарской лавры архим. Леонида в Чтениях Общ. Ист. и Древн. 1867 г. кн. 4, стр.

42 sqq, Никодим называется игуменом хилендарским не как бывший в этом самом году, а как бывший прежде]. За сим, чтобы между 1286 и 1316 годами было место для всех трех остальных архиепископов, следует понимать, что – Никодим, умерший 16 или 26 июля 1316 г., правил неполные 8 лет и был поставлен в последних месяцах 1309 г., – что Евстафий 2-й, умерший 16 августа 1309 г., правил не совсем полные 18 лет в поставлен после февраля в 1292 г., – что Иаков, поставленный в 1286 г. и правивший шесть лет, умер 3 Февраля 1292 года.

²⁹¹ - См. древнее перечисление епархий, существовавших при Св. Савве, сделанное на основании собственных хризовулов Саввы и его брата Стефана Первовенчанного, в Памятниках Шафарика стр. 34. Позднейшие сербские летописи утверждают, что Саввой было открыто не 8, а 12-ть епархий, но их показания не имеют никакого значения, и в число этих 12-ти епархий они включают такие, относительно которых положительно известно, что они открыты были или стали сербскими не при Савве, а после него.

²⁹² - В правление Стефана Душана или в половине XIV века в названных областях существовали: в восточной Македонии митрополии мельникская, филиппинская, христовольская и серезская (с подчиненными епископиями) и архиепископия драмская; в Фессалии, южном Эпире и Акарнании – митрополии веррийская, ларисская, навпактская и иоаннинская или днинская (также с подчиненными епископиями, – Солунь ие была завоевана Душаном).

²⁹³ - Караж, т. е. происходивший из знатной фанариотской фамилии Караджей.

²⁹⁴ - Cfr выше в истории болгарской церкви, что говорено было о попытках константинопольских греков присоединить к константинопольскому престолу архиепископию ахридскую и патриархию пекскую, деланных в 1737 г.

²⁹⁵ - Свидетельство касательно последнего, относящееся к половине XVII в., см. в сочинении известного Юрия Крыжанича, изданном г. Бессоновым под названием: «Русское государство в половине XVII в.», раздел 54, § 10, стр. 191.

²⁹⁶ - Георгаки Ставраки был поверенным при Порте валахских воевод, и в 1765 г. был казнен турецким правительством за выдачу кому-то его государственных тайн, см. Гаммера *Historie de l'Empire Ottoman*, в переводе Dochez'a, Paris, 1842, t. III, p. 579, col. 1 sub fin.

²⁹⁷ - Одна официальная запись константинопольского патриаршего архива утверждает, что присоединение сербской патриархии совершилось согласно и вследствие письменного прошения большинства архиереев ее диоцеза (именно митрополитов нишского, белградского, ужицкого, скопийского, боснийского, самоковского и кюстендильского, см. в брошюре *Τὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς* стр. 63). Если показание записи справедливо, то следует думать, что архиереи эти, в большинстве своем бывшие родом сербы, а не греки, были приклонены изъявить согласие и подать прошение (требовавшееся для представления турецкому правительству) посредством лживого обещания, что, несмотря на закрытие патриархии, они будут оставлены на своих кафедрах.

²⁹⁸ - Что при переименовании архиепископа в патриархи Душаном возведены были некоторые (и как кажется, многие) из епископов в митрополиты, см. его Законник, по изд. Шафарика в Памятниках ст. V, § 12, ст. IX, § 28, ст. XII, § 38 и грамоту в *Monumenta Serbica* p. 143. Одна позднейшая и не совсем надежная сербская летопись утверждает, что когда в правление князя Лазаря было устроено примирение между церквами греческой и сербской, то патриарх константинопольский предписал, чтобы на будущее время у сербов были только два митрополита – приседящий престолу королевскому и скопский (Гласи. V, 81). Архиереи XVII- XVIII в. почти все называются митрополитами в сохранившихся от них грамотах и встречающихся о них записях. Патр. Хризанф в своем Каталоге семерых (скопийского, призренского, герцоговинского, рашского, босносараевского, белградского и валиевского) называет митрополитами и четверых (самоковского, кюстендильского, нишского и шабацкого) архиепископами, причем отличие одних от других, так как митрополиты не имели тогда под собой подчиненных епископов, должно быть считаемо просто

титулярным. У владыки черногорского Василия один, именно белградский, называется митрополитом, а все остальные неопределенно архиереями.

²⁹⁹ - В записи 1657 г. митрополит коласийский Михаил называет себя митрополитом коласийским, кратовским, щипьским и радомирским. В записи 1653 г. тот же митрополит называет себя баньским, кратовским и щипским (Ученых Записок II Отд. Акад. Наук кн. II, вып. 2, стр. 105 и 108).

³⁰⁰ - Что такое турецкое название города – Кюстендил или Гюстендил, объясняется сербским его названием Костандин (см. в каталоге владыки Василия), т. е. оно есть испорченное из Константин, как Кюстендже (на Черном море) из Констанции. Единственный Константин, по имени которого город мог быть назван, есть именно сейчас помяну тый воевода; турки так называли его, по всей вероятности, потому, что в правление этого воеводы подчинили его своей власти (у Гаммера *ibid.*; подобным образом Молдавию они называли Богданием потому, что она признала их власть в правление воеводы по имени Богдана).

³⁰¹ - В половине XVII в. епархия истибская присоединена была к епархии коласийской (см. предыдущую припись).

³⁰² - Что автор жития во всяком случае есть не Дометиан, которому оно несправедливо усвоится надписанием, что он по всей вероятности есть именно Феодор, это видно из следующих слов автора о себе: «сих ради и аз вашему повелению отеческому повинувся ныне хвалимаго всеблаженаго Саввы житие.... в повесть предлагаю слышащи(м), не от слышания токмо сиа прием, но от честных его ученик, иже с ним спостник и странчествиа спутник и хождения студник, иже яко пребогатое съкровище или причастие отче иже по них онаго стаду писанием оставите» (разумеется, очевидно, Дометиан) *ibid.* л. 2 об. – По всей вероятности, это именно житие Саввы принесено было святогорским старцем Исаиею в Россию вел. кн. Василию Ивановичу в 1517 году, Царск. № III, стр. 50, *cfr* Карамзина по изд. Эйнерлинга т. VII, прим. 379. – В рукописях вслед за этим житием помещается еще «месяца февруариа в 13 день похвала святых и преподобных отец наших Симеона и Саввы, учителя

серпською», нач. «Светла и просвещенная нам всечестною отцу днесь братие вьсиа память», как кажется, остающееся неизвестным г. Даничичу.

³⁰³ - Что книга архиеп. Даниила называлась Родословом и Цароставником см. Даничича предисл и у Раича в 1-й части, в каталоге аукторов под словом Даниил. Раич (*ibid.* п. 61) говорит еще о Цароставнике или Трoаднике, в котором описаны царства сербское, греческое, болгарское и российское славенски: это есть не что иное как хронограф, (см. Шафарика *Geschichte der Südslaw. Literat.* III, 237, п. 194 fin.).

³⁰⁴ - Цамблак, как называют его наши летописи и как он сам дает знать о себе в похвальном слове митр. Киприану (Собр. летоп. III, 106, V, 259, Никон, лет. V, 73, Соф. Времени. I, 449 нач., Горского и Новоструева Описание синодальных рукоп. № 235, л. 236, II, 3, 138 fin.), был терновский болгарин, по всей вероятности, происходивший из той знатной Фамилии Цамблаков, к которой принадлежал великий примикирий Цамблак, упоминаемый в синодике царя Бориса 3 (Временн, кн. 21, стр. 12). Так как он не в переносном, а кажется в обыкновенном смысле говорит о митр. Киприане, что он «брат беяше его (Цамблакову) отцу» (у Горск, и Невостр. *ibid.* стр. 140), то из этого должно следовать, что и Киприан был Цамблак и родом болгарин, а не серб. В объяснение того, каким образом Киприан, будучи родом болгарин, имел до того сильные связи в константинопольском патриаршем Синоде, что удостоился избрания в русские митрополиты, не невероятно предполагать, что он был родственник тех знатных константинопольских Цамблаков. о которых говорит Кантакузен (*lib.* II, с. XXII, *lib* III, с. XLII или *lib*, III. с» XXXII; Кантакузен постоянно пишет ὁ Τζαμπλάκων, и след. по славянски Цамблак).

³⁰⁵ - Мнение покойного В. М. Ундольского о взаимном отношении летописей, известных в болгарском и сербском переводах под именем Георгия Амартола, см. в статье Викторова: Очерк собрания рукописей Ундольского, в полном составе приложенной к Каталогу славяно русских рукописей Ундольского, Москва, 1870, стр. 55.

³⁰⁶ - Быв удельным князем Диоклеи, Волкан, во-первых, и сам называл себя и от других называем был не князем, а королем (*rex*), – во-вторых, назывался и называем был королем не просто Диоклеи, а Далмации и Диоклеи (см. приводимые ниже грамоты по поводу его сношений с папою). Что касается до титула короля, то, как говорено нами выше, следует предполагать, что имели пребывание в Диоклее получившие от папы королевский титул сербские великие князья XI века Михаил и Константин, и что Волкан как бы считал себя их преемником. Название Далмация должно понимать не в обыкновенном значении этого слова, а в том теснейшем и особенном, в котором оно употреблялось у древних сербов, именно – под ней должно разуместь только ту небольшую часть далматийско-адриатического побережья, которая прилежит к нынешним Черномории и северной Албании от границы Австрии до устья реки Дрина. Впрочем и по отношению к этой в теснейшем смысле Далмации Волкан более просто носил титул ее владетеля, чем был таковым на самом деле.

³⁰⁷ - Просительная грамота Волкана к папе не сохранилась до настоящего времени; см. о ней в верительной грамоте папы имевшим отправиться к Волкану легатам и в ответной грамоте самому Волкану у Тейнера в *Monumenta Slavorum Meridionalium* t. I, p. 5, у Миня в Патрол. t. 214, p. 480 fin., у Ассемани в *Kalendaria* V, 25. Что посольство было отправлено в 1198 г., а не ранее, следует из того, что папа Иннокентий, к которому именно (а не к предшественнику которого) оно было адресовано (см. вторую из сейчас названных выше грамот), вступил на престол в начале этого 1198 года.

³⁰⁸ - Грамоту папы к Волкану и о грамотах папы – к жене Волкана, к вел. жупану и к жене последнего см. у Тейнера *ibid.* p. 5, у Миня *ibid.* p. 481, у Ассемани *ibid.* p. 26. Верительная грамота посланным легатам, у тех же *ibid.*, и сейчас упомянутая грамота к Волкану писаны 2 января 1199 года. Православное население Волкановой Диоклеи тогда еще не имело своих особых епископов; по присоединении Волкана к латинству, в его, области также не было учреждено особых епископских

кафедр, а была она поручена в заведывание латинскому романо-албанскому архиепископу антиварскому с его суффраганами (о латинской архиепископии антиварской см. ниже в особом отделе). Так как посланные папой легаты имели от него поручение, «требующее исправления (в делах церковных) исправить, излишествующее и вредительное уничтожить и истребить, полезное и честное устроить и насадить» (см. верительную грамоту), то, по прибытии к Волкану, они держали в Антивари, в присутствии всех латинских епископов антиварского диоцеза, церковный собор, на котором сделано было несколько определений, направленных отчасти против действительных найденных злоупотреблений и беспорядков, отчасти против обычаев православной церкви (против брачного состояния священников, против браков выше седьмой степени родства). Деяния собора см. у Тейнера *ibid.* р. 7, у Миня *ibid.* р. 727 (что собор был держан именно в Антивари, см. у Тейн. *ibid.* pp. 10 и 13, у Миня *ibid.* pp. 731 *fin.* и 919). Легаты возвратились от Волкана в Рим до 7 сентября 1199 г., у Тейн. р. 10, № XVI *fin.*, у Миня 732. Грамота Волкана, посланная к папе с ними, у Тейн. р. 6, у Миня р. 725, у Ассемани V, 27 *fin.*

³⁰⁹ - Послание Степана к папе у Тейн. р. 6 *fin.*, у Миня р. 726, у Ассемани V, 31. В послании Стефан называет своего отца *bonae memorie*, след. оно писано после 13 февраля 1200 г., когда умер Неманя. Что Стефан просил у папы именно королевского венца, о чем не говорится в его собственном послании, см. в грамоте папы к венгерскому королю у Тейн. р. 36, у Миня t. 215, р. 415.

³¹⁰ - См. послание папы к венгерск. королю у Тейн. р. 36, у Миня t. 215. р. 4.15.

³¹¹ - Что Сербия при Волкане находилась в вассальной зависимости от Венгрии, см. сейчас названное послание папы *ibid.*, cfr Фесслера *Geschichte. von Ungarn*, изд. 2-го т. 1, стр. 296.

³¹² - В сентябре 1204— г. исполнилось два года, как король венгерский согнал Стефана и посадил Волкана, см. послание папы к венгерск. королю у Тейн. р. 36, у Миня t. 215, р. 415.

³¹³ - См. послания папы к Волкану и к архиепископу колочскому у Тейнера р. 18 fin., у Миня t. 215, р. 28. Они от 22 марта 1203 года. Пересев с низшего престола на высший, Волкан должен был переменить высшее титуло короля на низшее великого жупана. Король венгерский сначала испросил было у папы дозволение дать ему королевский венец, но потом передумал и не хотел исполнить своего намерения, см. послание папы к венгерск. королю у Тейн. р. 36, у Миня t. 215, р. 415.

³¹⁴ - Не знающие никакой меры в хвалебной лести и лжи, составители Родословника хотят представить эту кралицу Елену усердной ревнительницей православия (см. Родосл., изд. Даничича стр. 54 sqq). Между тем о ней положительным образом известно, во-первых, что, усердно заботясь о находившихся в Сербии католиках, она выпросила у папы дозволение открыть в прибавку к существовавшим прежде новую католическую епархию (см. у Райнальда ап. 1291, п. 42, у Тейнера в Monumenta р. 111, у Ассемани в Kalendaria V, 46), – во-вторых, что, не довольствуясь деятельностью в самой Сербии, она было мечтала своими трудами привести к подножию папы соседнюю Болгарию (см. выше в истории болгарской церкви).

³¹⁵ - В настоящее время здесь совсем нет жителей романо-итальянского происхождения; но что они были здесь в XI и XII век., см. Вильгельма Тирского в Патрол. Миня t. 201, стр. 267, col. 1 нач.

³¹⁶ - Албанцы разделяются на два главные племени – северное племя гегов и южное тосков; пограничной чертой между обоими приблизительно служит названная выше река Schkumbi. Говоря об обращении в католичество, мы разумеем племя гегов, которое перед завоеванием турецким все сполна было католическим, тогда как напротив племя тосков все оставалось православным. При турках значительная часть из того и из другого племени приняли магометанство. Возникают вопросы: во-первых, что заставляло гегов отступать от православия в католичество, во-вторых – как позволяли латинским миссионерам их проповедь сербские короли и

греческие императоры, под государственной властью которых находилась Албания; но ни на тот, ни на другой вопрос мы не можем отвечать ничего положительного. В настоящее время между гегами и тосками существует самая непримиримая вражда; может быть она отчасти и содействовала уклонению первых в другую веру от ненавидимых ими соплеменников (но с другой стороны возможно, что сама она наоборот произошла вследствие разделения в вере). Что касается до незапрещений пропаганды со стороны правительств, то, вероятно, сербов и греков заставляла смотреть равнодушно – к той или другой вере принадлежат албанцы – племенная особенность сих последних.

³¹⁷ - В актах Венецианской республики, владевшей тогда частью северо- албанского побережья, упоминается год 1396 г. город Satti, находившийся за левым берегом р. Бояны, недалеко на восток или юго-восток от г. Скутари (см. в Гласи. XII, 174 fin.). Как кажется, Zapati есть одно и то же с этим Satti.

³¹⁸ - См. Lequien'a Oriens III, 1138, Neher'a Kirchliche Geographie II, 502 прим., cfr Тейнера Monumenta Slav. p. 347 fin. Что титулярный, этого не говорится, но это необходимо предполагать: поселения албанцев до Скопии не доходили, а что касается до природных сербов, то не только не могло быть учреждено для них где бы ни было в Сербии латинской епископии, но и всякая католическая пропаганда между ними была строго воспрещена и преследуема, см. Законник Душана, по изд. Шафар. в Памятнн. § 5 sqq.

³¹⁹ - Что не менее как до половины X века Босния составляла удельную область Сербии, это следует из повествования Константина Порфирогенита, который, нигде не говоря о ней особо, ясно включает ее в границы Сербии и прямо называет ее частью сей последней, см. его сочинения De administrando imperio cap. 30, ed. Bonn. p. 145 sqq и cap. 32. Что в XI веке Босния принадлежала некоторое время к Хорватии, об этом, во- первых, прямо свидетельствуют некоторые акты (см. в Arkiv'e Сакцинского кн. 2, стр. 4, под 1080 родом), – во-вторых, об этом нужно

заключать из того обстоятельства, что после XI века владельцы боснийские именовались банами, каковое название не есть сербское, а хорватское. Когда именно Босния поступила подвласть Венгрии, точным образом неизвестно; всего вероятнее, это случилось в последних годах XI века, одновременно с тем как присоединено было к Венгрии королевство хорватское, а во всяком случае не позднее первой половины XII века, потому что в 1186 г. венгерский король Бела 2-й уже отдал ее в удел одному из своих сыновей (см. у Баттиана в *Leges ecclesiasticae regni Hungariae* II, 227, cfr Фесслера *Geschichte von Ungarn* I, 241).

³²⁰ - Милешев монастырь, в настоящее время, остающийся только в развалинах, находился в новопазарском пашалыке между городами Сеницей и Преполем, верстах в 10 от второго.

³²¹ - Стефан Дабиша называется и представляется католиком в посланиях папы Урбана V от 1369 г., у Райнальда ап. 1369, п. 12; но так как он в то время искал у паны и у венгерского короля защиты от притеснений брата (Стефана Твартки, *ibid.*), то неизвестно, не присоединялся ли от патаренства (которого держался весь его род) к католичеству только на время и притворным образом. Павел Шубич должен быть считаем католиком, а не патареном потому, что главным образом он был баном не боснийским, а хорватским, и что таким образом он не мог решиться на отпадение от католичества (к которому принадлежал по рождению) в патаренство по требованиям своего положения. Стефан Томаш, ища и надеясь получить от папы помощь против турок, присоединился от патаренства к католичеству в начале своего правления в 1444 г. (у Райнальда в *Annall. Eccless.* ап. 1444, п. 2 и ап. 1445, п. 23 sqq). По тем же побуждениям он оставался католиком и во все последующее время своего правления, а равным образом был таковым же и сын его, недолго правивший, Стефан Томашевич (у Райнальда *ibid.* ап. 1447, п. 21 sub fin., ап. 1449, п. 9, ап. 1455, п. 24, ап. 1457, п. 17 sqq, ап. 1460, п. 91 sqq, ап. 1461, п. 136, ап. 1462, п. 30 sqq).

³²² - Если достоверны помещенные в Фарлатиевом *Illyricum Sacrum* – деяния спалаттского собора

1185 г. (t. III, p. 213) и грамота папы Климента III от 1191 г. (t. id. p. 223), то епархия боснийская открыта между этими двумя годами, потому что в деяниях соборных между епископами митрополии спалаттской еще не упоминается епископ боснийский, а грамотой папы уже подтверждается митрополиту спалаттскому власть над сим последним. Не знаем достоверное ли, упоминание об этом епископе под 1195 г. см. в одном акте, указанном в Arkiv'e Сакцинского IV, 326, и совершенно достоверное перед 1203 г. в донесении папе Иннокентию III находившегося в Боснии его легата, в Патрол. Миня т. 215, стр. 153, у Тейнера в Monum. Slav. Merid. I, 19 (Ассемани в Kalendaria неправильно понимает слова донесения об епископе православном). После низложенного в 1232 г. за соращение в патаренство неизвестного по имени епископа (см. грамоту папы Григория IX в издании Баттиана Legesecclesiasticae regni Hungariae II, 238), дальнейшие епископы известны по именам и в непрерывном порядке.

³²³ - См. в Illyricum Sacrum Фарлати, I. III, pp. 223 и 237, грамоты папы Климента III от 1191 г. и венгерского короля Емериха от 1207 г., по которым епископия боснийская в архиепископии спалаттской, – в Monumenta Hungarica Тейнера, t. 1, p. 204, грамоту папы Иннокентия IV от 1248 г., которой епископия боснийская переводится из архиепископии рагузской в архиепископию колотскую (грамота папы Пасхалиса II от 1192 г., в которой поручается заведывание Сербией, Захлумией и Травунией архиепископу рагузскому, но в которой области эти называются – regnum Serviliae, regnum Zachulmiae, regnum Tribuniaе, см. в Arkiv'e Сакцинского кн. 4, стр. 326, по всей вероятности подложная; cfrv Illyricum Sacrum, t. V, p. 53, грамоту венгерского короля Коломана от того же 1102 г., по которой рагузский архиерей не архиепископ, а епископ, и назывался не Домиником, а Сингидуном. Если не подложна грамота рагузского архиепископа Бернардина от 1195 г., у Сакцинского ibid. n. 9, то дело нужно будет понимать так, что между архиепископами спалаттским и рагузским происходили

из-за епископии боснийской споры и что она переходила между ними от одного к другому).

³²⁴ - См. Тейнера Monumenta Slav. Merid. I, 298 sub fin., 146 fin., 211 fin., Юкича Zemljopis i Poviestn. Bosne стр. 31 sqq, Записок Географич. Общ. XIII, 67; по некоторым, кафедра сначала была в Крешове, а в Босну перенесена была в 1238 г., у Юкича *ibid.* стрр. 36 и 96.

³²⁵ - См. послание сербского князя Волкана к папе Иннокентию III от 1199 г. в Патрол. Миня т. 214, стр. 726 и у Тейнера в Monumenta Slav. Merid. I, 6, и послание самого папы к венгерскому королю от 1200 г. у Миня *ibid.* стр. 872, у Тейнера *ibid.* р. 12 fin. – Что касается до побуждений политических, которые бы могли заставить бана Кулина принять патаренство, а равным образом большую часть преемников поддерживать ересь: то как у одного, так и у других может быть предполагаемо желание по средством в ведения в стране своей особой веры уничтожить ее религиозные тяготения к тем или другим ее соседям (к православным сербам и католическим венграм), и таким образом в этом обособлении относительно веры иметь одно из средств к утверждению и ее государственной самостоятельности.

³²⁶ - См. у Миня го Патрол. т. 214, стрр. 871, 1108 и т. 215, стрр. 153 sqq и 240, у Тейнера в Monumenta Slav. Merid. I, 12, 15, 19 и 22; что еретики изъявили раскаяние только притворное, видно из того, что, спустя не очень продолжительное время после Кулина (в начале правления Нинослава), их снова оказалось в стране огромное множество (см. ниже).

³²⁷ - Нинослав был рожден и воспитан в патаренстве (Тейнера Monumenta Hungarica I, 120); когда в 1233 году, вскоре после его вступления на престол, явился в Боснию папский легат, то, не желая потерять престола, которого мог быть лишен королем венгерским, он поспешил изъявить притворную готовность приступить к латинской церкви (*ibid.* р. 169); но едва удалился легат, как он снова возвратился к патаренству (*ibid.*). В последствии, оставаясь в душе неизменным патареном, он действовал подобным же образом (*ibid.* I, 205 fin.). О Стефне Котроманиче известно, что до 1340 г. он принадлежал не к

латинской церкви (у Тейнера *ibid.* I, 633 и 675), – к православной церкви или к патаренству, из актов ясно не видно; но что ко второму, а не к первой, об этом необходимо заключать, во-первых, из того, что по происхождению он был внук немца-католика, и что если легко допустить с его или его отца стороны отпадение от католичества в патаренство, то напротив весьма трудно предположить переход из католичества в православие, – во-вторых, из того, что родственники его принадлежали к патаренству и что о племяннике его (Стемне Твартке) говорится кап о патарене от предков патаренов. Было ли помянутое выше присоединение Стефана Котроманича к католичеству искреннее или только притворное и временное, остается неизвестным (так как изъявил желание обратиться вследствие прибытия в страну папского легата, то искренность может быть заподозриваем). Стефана Твартку, как мы говорили, некоторые считают за православного; но папа Урбан V в одном послании к венгерскому королю пишет о нем:

«*Banus Bosnae, sequens suorum progenitorum vestigia detestanda ac fovens et defendens haereticos, ad illas partes quasi sentinam foetidam de diversis mundi partibus confluentes*» (обижает своего младшего брата католика, у Райнальда *an.* 1369, п. 12). Слова эти ясно дают знать, что он был патарен, а не православный, потому что о православии папы никогда не позволяли себе выражаться *vestigia detestanda* (сfr еще у Тейнера в *Monum. Slav. Merid.* 1, 265). Некоторые полагают, что он приступил к католической церкви под конец своей жизни, потому что в одной граноте 1390 г. он называет себя *fidei catholicae plantula*, *Rad VIII*, 135 нач.; но и это весьма сомнительно, потому что для патарена, когда это требовалось, ничего не стоило назвать себя розгой католической веры. Что Стефан Остоя был патарен, это следует из того, что сын его Стефан Томаш был рожден и воспитан в патаренстве, и присоединился от последнего к католичеству только по вступлении на престол. Что Степан Твартко Тварткович был также патарен, об этом, во-первых, необходимо заключать из слов папы Евгения IV, который о преемнике его Стефане Томаше, принявшем католичество, говорит, что

он *primus inter reges Bosnae sanctam fidem catholicam acceptavit* (у Райнальда an. 1447, n. 21 sub fin. и у Тейнера в *Monum. Hungar.* II, 237,— у первого вместо *primus* неправильно читается *prius*),— во-вторых, об этом прямо свидетельствует один бывший при нем в Боснии панский легат (см. Загребский *Rad* VIII, 143fin.).

³²⁸ - Современные свидетельства о сем имеются: от первой четверти XIII в. (1232 – 48 г.), см.

Тейнера *Monumenta Hungarica* I, 123, 204, 297; от первой четверти и от половины XIV в., *ibid.* I, 463 sqq, 517, его же *Monumenta Slav. Merid.* I, 265, Райнальда an. 1369, n. 12; от половины XV в., *Farlati Illyricum Sacrum* IV, 257 sqq (показание 1244 г. говорят,

что *in Bosna haereticorum perfidiam admodum invaluisse seu pullutasse ita, quod pauci invenirentur in partibus illis verae fidei* (т. е. католичества) *zelatores vel cultores*; по показанию 1369 г. — *in partibus Bosnae quam plures haereticorum commorantur*; по показанию 1445 г. патарены составляли такой процент населения, что изгнать их значило бы страшно обезлюдить страну (см. *Rad'a* VIII, 152 fin. и 153 нач.).

³²⁹ - В 1236 г. папа Григорий IX писал к одному боснийскому боярину, остававшемуся католиком, что он *inter principes Bosnensis diocoeccos infectos macula haereticae pravitatis existit quasi lilium inter spinas* (у Райнальда an. 1236, n. 67, Тейнера *Monum. Hungar.* I, 147); в 1447 г. папа Николай V писал к таковому же боснийскому боярину: *inter hereticos constitutes tu solus catholicus inter principes regni Bosne sanctam fidem catholicam illibatam servasti* (у Тейнера *ibid.* II, 235). О принадлежности к патаренству в конце XIV и в первой половине XV столетия самых первых боснийских бояр и боярских родов см. в статье Фр. Рачкаго *Vogemili i Patareni*, напеч. в загребском журнале *Rad* VIII, 136.

³³⁰ - Небольшая заметка о манихеях или патаренах боснийских читается у современного писателя Енея Сильвия Пикколомини (с 1458 г. папы Пия II), который говорит: «в Боснии имеют великую силу еретики манихеи, которые признают два

начала вещей – одно злых и одно добрых... Их монастыри или скиты (соенобия) расположены на крутых вершинах гор. Подвергающиеся болезням женщины дают обещание, если выздоровеют, послужить в них известное время святым мужам, и если выздоравливают, то, с дозволения мужей, исполняют обеты – живут вместе с монахами известное время» (у Крузия в Turcogr. p. 60 при μθ). – В венецианской библиотеке Св. Марка есть латинская рукопись конца XIV века, в которой находятся две статьи, посвященные учению боснийских патаренов, и из которых одна начинается: *hic sunt omnia puncta principalia et auctoritates extractae de disputatione inter christianum et patarenum bosnensem*, а другая: *isti sunt herrores, quos communiter parateni de Bosna credunt et tenent* (Загребск. Rad I, 249 fin.).

³³¹ - См. у Даничича в Речнике под словом «дедь», – во всех указанных тут местах из памятников под церковью босанскою разумеется патаренство.

³³² - В 1203 г. еретики обещались папскому легату: *nos autem de caetero non christianos, sicut hactenus, sed fraters* (дававшие обещание были монахи) *nos nominabimus, ne singularitate nominis aliis christianis injuria inferatur* (у Миня в Патрол. т. 215, стр. 154 fin., Тейнера Monum. Slav. Merid. I, 20). Относительно дальнейшего времени см. в Речнике Даничича под словом «кръстиянин», где во всех указанных из памятников местах под христианами разумеются патарены. Что касается до названия патарены, то по мнению одних, оно не есть туземное а дано им папами, быв перенесено на них с западных еретиков катаров, которые с XIII века усвоили себе название патаренов (объяснение названия патарен см. у Герцога в Real-Encyklopädie под словом Patarener XI, 190); а по мнению Шафарика, оно происходит от реки Тары, которая течет в юговосточной Боснии (в направлении от юго-востока к северо-западу и впадает в верхнюю Дрину), и дано им потому, что они жили по этой реке (Древн. I, 1, 410 прим.). В туземных письменных памятниках, в которых это название совсем не встречается, они называются бабунами (см. у Григоровича в Путеш. стррр. 20 sqq и 182, в Законнике Душана по изд. Шафар

§72, – «бабуньска речь»), богомилами (см. у Григоров, в Речи о Сербии стр. 52) и просто еретиками (в Житии Стефана Немани, написанном Стефаном Первовенч., у Шафар. в Памяти, стр. 6 sqq, в Дометиановом житии Св. Саввы по изд. Даничича стр. 233 fin. sqq. У некоторых греческих писателей XV в. патарены называются кундугерами или кудугерами, –

Κουνδοούεροι, Κυδοούεροι – см. Геннадия патриарха константинопольского послание к синайским монахам, напеч. В книге патриарх. иерусал.

Нектария Επιστομὴ τῆς ἱεροκοσμικῆς Ἱστορίας, стр. 227 (выписка у нас ниже в прим. 15), и Халкондилу в Meror. por. II, 428. Откуда взято было название, положительным образом сказать не можем. Патр. иерусал. Нектарий в сейчас названной своей книге Επιστομὴ τῆς ἱεροκοσμ. Ἱστορίας говорит, что кутугерами, Κοιτοούεροι, иначе называются сирийские еретики трусиды или друсиды, Ττροισίδες, Ντροισίδες, стр. 189 fin., под которыми у негоразумеются, если не ошибаемся, ливанские друзья (кроме стр. 189, см. еще стр. 298 sqq); так как об основателе секты, египетско-палестинском владетеле Хакем Αμπρίλλε или ΜέλεκΝταχαρ'е (жившем в конце X в.), Нектарий говорит, что он увлек в свою ересь многих из манихеев, стр. 189 fin.: то может быть вследствие этого обстоятельства название кундугеров или кутугеров и перенесено было с друзидов или друзов на патаренов, которые представляли собой отрасль манихеев и которые весьма часто называются прямо именем сих последних).

³³³ - См. у Даничича в Речнике под словами «дед и строиник», и разумей указанные у него места о патаренах. По преданию, неизвестно справедливому ли, сохранившемся у монахов Крешевского монастыря, находящегося верстах в 15 на запад от Сараева (при городке Крешеве), кафедра или столица епископа патаренского была именно в этом Крешевском монастыре (см. Юкича стр. 36 и 96, Записок Географич. Общ. XIII, 362 fin. В 1404 г. одна грамота писана «у господина епискупа (патаренского) на Яниких», но где искать этих Яники, остается неизвестным, см. у Рачваго в статье о богомилах, Rad'a VII, 164 fin.).

³³⁴ - Король Стефан Томаш под конец своего правления, в виду приближавшейся турецкой грозы, желая расположить в свою пользу папу, у которого усиленно искал помощи, решился поднять на патаренов гонение (см. у Райнальда ап. 1460, п. 91, у Рачкаго в статье о богомилах, Rad'a VIII, 165 sqq). При этом многие из патаренов бежали из Боснии в Герцоговину к своему единоверцу герцогу Стефану Косаче (у Рачкаго *ibid.* стр. 166), а другие многие, по уверению одного современного свидетеля, присоединены были к католической церкви (см. послание патриарха константинопольского Геннадия к синайским монахам, напеч. в сочинении патр. иерусал. Нектария 'Επιτομή τῆς ἱεροκοσμικῆς Ἱστορίας 'Ενετίησι, 1677, стр. 227: καὶ ἐποίησαν ἐκεῖ, — ἐν Πόσνα, в Боснии,— πολλοὺς ἀπὸ Κουνδουγέρων — патаренов — εἰς τὴν ὑποταγὴν τῆς Ῥωμαϊκῆς ἐκκλησίας). Но относительно этих последних следует думать, что их обращение было не искреннее и что потом они, подобно оставшимся в патаренстве, так же приняли магометанство (воевода города Бобовца, скотораго турки начали завоевание Боснии, принадлежавший к числу новообращенных патаренов, изменническим образом предался туркам при первом же их приближении, у Райнальда ап. 1463, п. 15). Что турки успели привлечь на свою сторону боснийских патаренов (или же может быть, наоборот, патарены начали заискивать у турок) еще когда готовились к завоеванию страны, см. послание папы Николая V к боснийскому королю Стефану Томашу от 1450 г. у Райнальда в *Annalles Ecclesiastician.* 1450, п. 13 (в послания папы читается: *quod tu in bello, quod contra Teucros et haereticos Manichaeos pro tua defensione geris...*).

³³⁵ - Известно находящееся в афонском Хидендарском монастыре древнее сербское Евангелие, в котором заглавные буквы росписал золотом дьяк Григорий «кнезю великославному Мирославу сыну Завидину (см. о нем в Заметках поклонника Св. горы, Киев, 1864 г., стр. 309). Так как сербские летописи называют Завидой или Завидом одного из братьев Немана, то мы полагаем, что Мирослав Евангелия есть одно и то же лицо с

нашим Мирославом и что сей последний был Немани племянником.

³³⁶ - В 1615 г. упоминается митрополит требиньский Симон (Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г. апрель, ч. СХХХIV, стр. 154 fin.).

³³⁷ - Что в Захолмия не было другой латинской кафедры кроме стагненской и что епископ стагненский был вместе и вообще католическим епископом захолмским, см. Фому архидиакона спалаттского или сплетского у Ассемани в *Kalendaria*.

³³⁸ - Свидетельство о патаренстве Сандаля Хранича см. в статье Ф. Рачкаго *Bogomili i Patareni* – в *Rad'e VIII*, 136; о Стефане Косаче см. у Райнальда an. 1449, n. 9, у Тейнера в *Monumenta Hungarica II*, 359 (мы говорили выше, что он давал у себя убежище патаренам боснийским, когда на них поднято было гонение королем Стефаном Томашем) и в послании константинопольского патриарха Геннадия к синайским монахам, напечатанном в книге патр. иерусал. Нектария 'Επιτομή τῆς ἱεροκοσμικῆς Ἱστορίας, 'Ενετίῃσι, 1677, стр. 227 (cfr у Фабриция в *Biblioth. Graeca. ed. Hamb.*, 1721, X, 379. По необыкновенной редкости книги Нектария, выписываем из Геннадиева послания все то место, в котором говорится о Стефане Косаче (говорится по тому поводу, что монахи синайские спрашивали патриарха, как им относиться к епископу боснийскому, пришедшему к ним с дарами герцога): *Περὶ τοῦ ἐπισκόπου τοῦ ἀπὸ Πόστνας* (Боснии). *Καὶ ἐποίησαν ἐκεῖ* [Выписываем отдел послания как он есть, без всяких изменений. Это начало его показывает, что он напечатан в книге Нектария не в полном виде, а в сокращении, сделанном не совсем толково.] *πολλοὺς ἀπὸ Κουνδουγέρων* (католики в Боснии из патаренов) *εἰς τὴν ὑποταγὴν τῆς Ῥωμαϊκῆς Ἐκκλησίας*. *Οὕτω καὶ αὐτὸς* (епископ боснийский) *ἐφιλοτιμήσατο, ἵνα τὸν Αὐθέντην χερτζέκαν* (герцога Стефана) *ἐν ἄλλῳ μέρει τῆς Πόστνας, καὶ ὁσους δυνηθῇ ἐκεῖ ποιήσῃ Χριστιανοὺς ὀρθοδόξους εἰς τὴν Ἐκκλησίαν ἡμῶν*. *(εἶθε ἵνα ἐποιοῦντοῦτο καὶ τῶν ἡμετέρων τινές,*

ἀλλὰ ποῦ ζῆλος τοιοῦτος;) Ποιεῖ οὖν ἐκεῖ,
ὥς μανθάνομεν, καίπολλήν ὠφέλειαν ὁ δὲ Αὐθέντης ἐκεῖνος φανερ
ὥς μὲν οὐδὲν χωρίζεται τελείως τῶν Κουνδουγέρων, διὰ τὸν περὶ τῆς
ἀρχῆς φόβον καὶ οἰκονομία χρώμενος,
ἵνα διὰ τοῦ τοιοῦτου καλήμματος,
ἐλκύσῃ τοὺς ἄλλους, τῇ συνεργίᾳ τοῦ ἐπισκόπου.
Ἔτι δὲ τῇ διαθέσει Χριστιανὸς, ἀποὸλίγου καιροῦ, διὰ τοῦτο πέμπει εἰ
ς τοὺς Χριστιανούς ἐλεημοσύνας εἰ δὲ μὴ ἦν Χριστιανὸς, οὐκ ἔμελλεν ρί
πτειν ματαίως τὰ χρήματα αὐτοῦ. Διὰ τοῦτο, τὸν ἐπίσκοπον,
ἐὰν μνημονεύσητε ποτὲ, οὐ βλάπτεσθε,
ἐνὶ γὰρ Ὁρθόδοξος, καὶ χειροτονία ὀρθοδοξοῦ, τοῦ γνησίου Πατριάρ
χου τοῦ τόπου αὐτοῦ.

³³⁹ - У владыки Петра Петровича 1-го в его «Краткой истории Црне горе», напечатанной в Грлице, календаре црногорском на 1835 год, перечисляется следующий ряд владык после Вавилы до Даниила (стр. 63-): 1) Герман, 2) Павел, 3) Василий, 4) Никодим, 5) Руфим Болевич, 6) Пахомий Коман, 7) Мардарий Корнечанин, 9) Руфим Велекрайский. 10) Василий Велекрайский, 11) Виссарион Байца, 12) Савва Калудеричич. У Милутинова в «Истории Церне-Горе од искона до новиега времена», у Београду, 1835, стр. 24 sqq: 1) Герман, 2) Павел, 3) Никодим, 4) Мардарий, 5) Пахомий, 6) Руфим, родом от Болевичей, 7) Руфим, родом из села Велий Край, 8) Василий, 9) Виссарион, 10) Савва. У Милаковича в «Истории Црне-Горе», у Задру, 1856 г: 1) Герман, 2) Павел, 3) Василий, 4) Никодим, 5) Ромил, 6) Пахомий Команин, 7) Вениамин, 8) Руфим Негош, 9) Мардарий.

³⁴⁰ - Первые переселения сербов собственного царства сербского, бывшие еще до покорения сего последнего турками, относят к 1404, 1412, 1433 и 1439 годам, см. у барона Чёрнига в его Ethnographie der Oesterreichischen Monarchie B. 2, Wien, 1855, S. 152 sqq, и Раича по 2-му изд. т. 3, стр. 268 (cfr 158) и 167. Что переселения эти, т. е. бывшие еще до падения царства, действительно имели место, хотя вероятно были еще и немногочисленны, об этом положительным образом свидетельствуют некоторые официальные документы, напр. грамота венгерского короля Владислава от 1440 г., которая дана

была им сербским колонистам, жившим в городе Keve (ныне Kubin, на левом берегу Дуная, против впадения в него Моравы), и которую дозволялось сим последним переселиться из Keve, угрожаемого турками, на остров Cserel (на Дунае, ниже Пешта), см. грамоту в Сербском Летописе, издаваемом Матицей сербской в Будиме, 1862 г. кн. I. стр. 57. О переселениях после падения царства, совершавшихся большими массами, большею частию под предводительством потомков бывшего деспотского дома или других знатных лиц, см. у Чёрнига *ibid.* и у Раича *ibid.* стр. 269, 272, 279. Об Арсении Черноевиче у Раича т. IV, стр. 116 sqq. О переселениях босняков и герцоговинцев в продолжение XV-XVI века в Кроацию и Далмацию см. ниже; в конце XVII в. (в 1698 г.) до 40.000 босняков (неизвестно, православного или католического исповедания) выведены были из Боснии в Славонию (в Бродский регимент) австрийским полководцем принцем Евгением савойским, см. Тёммеля *Beschreibung des Vilajet Bosnien*, Wien, 1867, S. 30 fin. Перенесши свои завоевания за Саву и Дунай в 1521 г., турки непрерывно продолжали их в течение следующих 80 лет, и с таким успехом, что к началу XVII века (к *Sitvatorok's*кому миру 1606 г.) им принадлежали весь Темешварский банат, Срем и вся Славония и наибольшая часть самой Венгрии (в этой последней завоевания турок на западе и северо-западе простирались начиная от Дуная неключительно по г. Nagy Kanisa и включительно по гг. Körmönd, Veszprem, Palota, Dotis (Tata), Neuhäusel (Ersek Ujvar), Neograd и Erlau (Eger). Поворот военного счастья на сторону австрийцев против турок относится к 1683 г.; после нескольких кампаний, начиная с сего года, по Карловицкому миру 1699 г. австрийцы приобрели от турок всю Венгрию, за исключением Темешварского баната, и всю Славонию с Сремом.

³⁴¹ - На королевском соборе (*synodus regia*), бывшем при Матвее Корвине в 1481 г., было постановлено, что расцияне или сербы и прочие схизматики, обитающие в пределах королевства, освобождаются от взноса десятины латинскому духовенству; но, прибавляет декрек соборный, *hoc tamen adjecto et per expressum declarato, quod tales Rasciani sive schismatici non censeantur et neque in perpetuum ab hujusmodi*

decimarum solutione exempti, sed tantummodo per aliquos annos, et interim, quousque scilicet bono modo se tales alienigenae et transfugae in regno Ungariae et dominiis sacrae coronae subjectis firmabunt, et ut talium transfugarum exemplo etiam alii ditioni Turcarum subjecti adveniendum (читай ad veniendum) tanto promptiores efficiantur, quanto tales, qui jam venerunt, tanta praerogativa conspexerint esse donatos, см. декрет соборный (и в нем §§ 3 и 4) в издании Баттиана *Leges ecclesiasticae regni Hungariae* I. 1, p. 514. На королевском соборе, бывшем при Владиславе 2-м в 1495 г., сербы вместе со всеми прочими схизматиками навсегда освобождены были от платы десятины латинскому духовенству (декрет соборный, в котором о сербах § 15, *ibid.* p. 540); но если бы тех местностей венгерского королевства, в которых были сербские колонии, вскоре за сим не завоевали турки, то с этим навсегда более чем вероятно было бы то же самое, что было с ним в Трансильвании по отношению к румынам (см. выше).

³⁴² - В кампанию 1683–89 годов австрийцы не только выгнали турок из Венгрии и Славонии с Сремом, но и простерли свои завоевания за Дунай, на самый Балканский полуостров. Мечтая о решительном поражении турок, они обратились с своими воззваниями к христианским населением полуострова – к сербам, болгарам и албанцам, которые все немедленно и изъявили решительную готовность стать на их стороне. Но в 1690 г. они снова оттеснены были турками на тот берег Дуная. Опасаясь мщения турок, патр. Арсений Черноевич, поскольку перед тем открыто действовал в пользу австрийцев, и нашел себя вынужденным бежать в Австрию; равным образом по опасению того же мщения последовала за ним и огромная толпа сербов, см. у Муравьева в *Сношениях с Востоком*, ч. 4, л. 1205 об. fin., рассказ о сем бегстве патр. Арсения, записанный в нашем Посольском Приказе со слов присланного им в 1696 г. за милостыней одного из митрополитов. Что с патриархом бежало в Австрию именно 40 тысяч семейств, это утверждал он сам, см. у Чёрнига в *Ethnographie* II, 157; обыкновенно принимается, что около 37 тысяч семейств.

³⁴³ - Приезжавший в Россию в 1654 г., сербский невский патриарх Гавриил Раич сообщал в Московском Посольском Приказе, что под областью его состоит 40 епархий, 8 митрополий и 32 епископии (см. Муравьева Сношения с Востоком ч. 3, л. 740). Из этих 40 епархий, как мы полагаем для сербо-венгерских поселений должно быть отделено не менее 10-ти; но каковы именно они тогда были, остается неизвестным.

³⁴⁴ - Архим. Арсений в статье «Сербь и Волохи в австрийских землях, помещенной в Журн. Мин. Нар. Просв. 1870 г. октябрь, стр. 244. веро ятно основываясь на книге Керцелича *Notitine de regnis Slavoniae, Croatiae et Dalmatiae*, которой мы не имели под руками, перед Симеоном Вретанией говорит еще об епископе Петре Домитровиче, который поставлен был в 1618 г. и который принял унию с папой. О самом Вретании архим. Арсений говорит, что он был было послан Петром Домитровичем для посвящения в Рим, но вместо того принял его от архиепископа охридского.

³⁴⁵ - Часть прежних переселенцев, жившая в Темешварском банате, присоединилась к этому целому немного позднее, потому что банат был отнят австрийцами у турок уже в 1718 г.

³⁴⁶ - Сведения об архиепископах до Стефана Стратимировича включительно мы заимствуем главным образом из каталога Лукиана Мушицкого, напечатанного в Гласнике кн. VI, стр. 25 sqq, и из статьи «Народни конгреси овоостраних Срба», напечатанной в Србском (будимском) Летписе 1861–63 годов. Везде, где не поставлено цитат, должен быть подразумеваем или тот, или другой (преимущественно второй) из этих источников. При разногласиях между Мушицким и автором статьи относительно хронологических дат мы следуем второму, как новейшему и более ученому, а показания первого выставляем в скобах.

³⁴⁷ - Народными конгрессами у австрийских сербов называются такие соборы, на которых присутствуют не только епископы, но и представители как от прочего духовенства, так и от мирских сословий гражданского и военного. О привилегии избирать архиепископов именно посредством таких конгрессов говорится уже в грамоте импер. Леопольда I от 1691 г. (*licetque*

vobis – сербам – inter vos, ex propria facultate, ex natione et lingua Rasciana constituere archiepiscopum, queni status ecclesiasticus et saecularis inter se eliget, см. у Чапловича в Slavonien II. 31).

³⁴⁸ - Форма эта, остающаяся и до настоящего времени, есть: 1) подрясник, по-сербски долама, отличающийся от наших русских подрясников тем, что верхняя часть его от ворота до пояса застегнута на множество пуговиц; 2) ряса или тиундия, иначе тунджа или тунья, которая по покрою совершенно то же, что подрясник, только несколько просторнее его, и которая в верхней части также застегивается на множество пуговиц; 3) маленькая, едва сидящая на темени скуфейка употребление которой есть древнее в православной церкви и форма которой взята австрийскими сербами у католических священников; 4) невысокая круглая шляпа с весьма малыми полями (Чапл. ibid. II, 94).

³⁴⁹ - Экземпляр регламента 1777 г. есть в библиотеке Московской Духовной Академии.

³⁵⁰ - См. указ у Чапловича в Slavonien II, 37 и у Раича IV, 302 fin. В 1696 г. при патр. Арсении находилось в Австрии шесть митрополитов и десять епископов (Муравьева Сношений с Востоком ч. 4, л. 1207), следовательно девятеро архиереев безместных. Некоторые из этих последних может быть были архиереи упраздненных австрийским правительством сербо-венгерских епархий (каких именно неизвестно); но большая часть, по всей вероятности; были архиереи епархий турецких, бежавшие из Турции в Австрию вместе с самим патриархом.

³⁵¹ - Если верны сведения, сообщаемые Чапловичем, то весьма странно, что сербов в Австрии не только не прибывает, но значительно убывает. По Vertheilung der Völkerstämme in der Oesterreichischen Monarchie барона Чёрнига, напечатанному в 1861 г. (в Вене), всех сербов в Австрии, со включением, кажется, католиков и униатов, 1,427,788.

³⁵² - См. Србско-далматинск. Магазин 1862 г. стр. 141 sqq и 1863 г. стр. 149. Что касается до греческих венецианских епископов, носивших название архиепископов филархелфийских, то они явились следующим образом. Иеромонах Гавриил

Север, исправлявший обязанности священника у общины венецианских греков, в 1577 г., быв в Константинополе, посвящен был патриархом константинопольским в архиепископы филаделфийские, что в Лидии, но вместо того, чтобы идти в свою епархию, возвратился в Венецию, и потом, ссылаясь на убожество епархии, испросил у патриарха дозволение остаться в Венеции с сохранением титула архиепископа филадельфийского (т. е. как бы с перенесением из Филадельфии в Венецию архиепископской кафедры). С этого Гавриила Севера (принадлежащего к числу греческих церковных писателей и между прочим автора напечатанного в Никоновской Скрижали сочинения «6 святых тайнах»), который был признан епископом греческой венецианской общины и со стороны венецианского правительства, и начался в Венеции ряд архиепископов филаделфийских, продолжавшийся, с 56-ти-летним перерывом в первой половине XVIII в., до конца существования республики (см. Србско-далмат. Магаз. 1862 г. стр. 141 sqq, также Lequien'aOriens I, 873), Acta Ecclesiae Graecae annorum 1762 et 63 sive de schismate recentissimo in Ecclesia Graeca subnato commentatio, auctore Io. Fr. le Bret, Stutgardiae, 1764. О подчинении далматинцев ведению архиепископа филаделф. Афанасия Валериана, который был в 1635–56 гг., в Србско-далмат. Магаз. *ibid.* (так как первый архиепископ Гавриил Север между прочим усвоил себе титул примаса Далмации, *ibid.*, то на этом основании следует предполагать, что и сербы далматинские находились в действительной или номинальной от него зависимости).

³⁵³ - Сербы-католики не все впрочем должны быть принимаемы за совращенных усилиями именно венецианского латинского духовенства. Во-первых, переселения сербов в Далмацию совершались из Боснии и Герцеговины, а в этих последних странах не все жители принадлежат к православной церкви, а в довольно значительной части и к католической; след. та или другая часть переселенцев могли быть католиками еще до переселения. Во-вторых, под этими 400 тысячами далматинских сербов должны быть разумеемы не исключительно сербы в теснейшем смысле этого слова, а тот

или другой процент коренных жителей западной половины области хорватов; но хорваты издавна все были католиками.

³⁵⁴ - Софроний Подгоричанин, который должен быть считаем первым епископом пакрачским, по Мушицкому (Гласн. VI, 79), назначен в 1708 г., по Чапловичу (Slavonien II, 153) – в 1710 г. – Чаплович (ibid.) считает первым епископом пакрачским Петронию Любибратича, который пришел в Австрию из Турции вместе с патр. Арсением Черноевичем в 1690 г. и который жил в Пакраче. Но так как этот Петрония Любобратич не упоминается в грамоте импер. Леопольда от 1695 г., то нужно думать, что он не был признанным со стороны правительства епископом пакрачским, а жил в Пакраче только частным образом, исправляя для жителей его и его округа обязанности архиерейские.

³⁵⁵ - Нотарий есть то же, что наш секретарь; о фискале Чаплович не совсем вразумительно говорит, что он *vertheidigt vorzüglich die Sacramente*.

³⁵⁶ - Слово сидоксия-синдоксия, нет сомнения, взято из греческого языка; но так как слова *συνδοξία* нет ни в классическом, ни в теперешнем греческом языке, то синдоксия не есть ли несколько измененное новогреческое слово *συνδοσία*, которое значит сбор?

³⁵⁷ - Не соответствует ли она существующей у греков до настоящего времени подати *βοήθεια τῷ ἀρχιερέως* которая состоит в том, что новопоставленный архиерей в первый год после поставления взимает с мирян и духовенства двойную подать?

³⁵⁸ - Сарандарь от греческого *σαράντ* которое есть новогреческое сокращение *τεσσαράκοντα*.

³⁵⁹ - Так объяснял нам значение слова парусия один константинопольский грек. У болгар (по словам одного болгарина) парусией называется записание покойника в синодик для вечного поминовения.

³⁶⁰ - По *Kirchliche Geographie* Neher'a, напечатанной в 1865 г., всех униатов в епархии крейцкой, обнимающей Кроацию и Славонию с Сремом, до 20 тысяч человек (II, 222); из этого

числа на последние две области, вероятно, нужно отделить тысяч до двух, потому что в Среме униатов до тысячи (см. Србский Летопис 1863 г. II, стр. 144 и 146, – румский и илочский срезы), и в Славонии вероятно не менее.

³⁶¹ - Когда в 1836 г. эти округа присоединены были к Сербии, и когда открыты были две новые епархии, то определено было, что на будущее время сербская церковь будет вносить в кассу патриарха ежегодно 9000 грошей (Н. Попова Россия и Сербия I, 277)

³⁶² - Именно назначено было впредь взимать архиереям: с монастырей ежегодно по 25 пиастров, с церковей по 121/2 п., за рукоположение священника 100 п., с каждого священника ежегодно 10 п., за венчание вступающих в первый брак 1 п., во второй брак 4 п., в третий 6 п., мирии с каждого дома ежегодно по 6 пар, дымницы по 1 пиастру 4 пары, В. Попова Россия и Сербия I, 186.

³⁶³ - Мирию, дымницу, оброки с священников и плату за венчание, Н. Попова. I, 187.

³⁶⁴ - Полное заглавие весьма редкой книжки «Царственник» есть следующее: «Царственник или История болгарская, коя-то учи от где са Болгаре произошли, како са кралевоуствовали, како же царствовали и како царство свое погубили и под иго попали, из Мавробира латинскаго, Барония, Иоанна Зонаря, Буефира французскаго, Теофана греческаго, светаго Евтимия терновскаго, светаго Димитрия ростовскаго и других летописей собрана. Издание первое. У Будиму, 1840», в 8 д. л., страниц 80. Имени автора нет, но по словам Априлова (см. его Мысли за сегашно-то болгарско учение, Одесса, 1847, стр. 29), он есть г. Христаки, учитель училища в Сищове. В настоящее время мы не имеем Царственника под руками и не можем сличить его с Паисиєм, но по словам людей сличавших, г. Христаки или вообще неизвестный, его автор почти ничего не делает более как повторяет и сокращает Паисия.

³⁶⁵ - Когда армяне поселились в Болгарии, остается нам неизвестным; но об них и попытках к обращению их в православие прежде времени Илариона говорится в письмах

архиепископа Феофилакта, ed. Finetti XVIII и XX, ed. Lamio X, у Миня в Патрол. t. 126, pp. 345, 353 и 520. Об «армейских селищах» около реки Пшини говорится в хризовуле Душана, Гласн. XXIV, 245. О переселении во Фракию импер. Константином Копронимом сирийских монофизитов см. Феофана, ed. Paris. p. 354.

³⁶⁶ - Об Иоанне рыльском см. еще у Гильфердинга в Полном Собрании сочинений т. I, стр. 121 sqq.

³⁶⁷ - Трапезицей в Тернове называлась какая-то часть города, как кажется та, которая в древности по преимуществу называлась городом, т. е. городская крепость, cfr Григоровича Путеш. стр. 175.

³⁶⁸ - Цараория, по словам иеросхимонаха Спиридония, переписавшего житие Феодосия, ныне по-турецки Сакардну называется, между пределы греческие и болгарские, предисл. к житию в Чтен. Общ. Ист. и Древн.

³⁶⁹ - Служба царю Петру находится еще в одной пергаменной Минее, хранящейся в афонском Заграфском монастыре и писанной до 1469-го года (до перенесения мощей Иоанна рыльского из Тернова в Рыльск. мон., Заметки поклонника Св. горы стр. 332).

³⁷⁰ - Параскева терновская была сестра епископа мадитского Евфимия (Евфимиево житие), а сей последний, по свидетельству Михаила Пселла, был незадолго до патр. константиноп. Михаила Керуллария; Laquien Oriens I, 1141.

³⁷¹ - Этот Григорий, или вовсе не существовавший, или если существовавший, то бывший не архиепископом, а одним из епископов сербских несколько раз поминается и в общей службе «собору» сербских святых, помещенной в Сербляке под 30 августа. Помнится, есть немного о нем в которой-то книжке Гласника.

³⁷² - В синодике Бориса стр. 13 об ней записано: «Феодоре, благочестивей царице великого царе Иоанна Александра, сущой от рода еврейска, восприемши же на ся святое крещение и благочестивую веру целу сохрани, и церкви многи обновльши и монастыри различные воздвигшей, вечная память».

³⁷³ - Кроме Раича и Шафарика Законник издан еще отдельно Миклошичем под заглавием: *Lex Stephani Dusani Editit fr., Miklosich Fasciculus prior. Vindobonae, 1856.*

³⁷⁴ - В подл. трьговех, см. у Даничича в Речнике под словом «треть».

³⁷⁵ - Сербская перпера (ὑπερπυρον) по Даничичу (в словаре под словом перьпера *pin.*) сначала соответствовала половине дуката своего времени, а потом одной третьей дуката. По Раичу (IV, 284) тогдашняя перпера соответствовала, в сербском и болгарском царствах пятнадцати аспрам его времени.

³⁷⁶ - Из этого правила следует, что в древней Сербии монастыри, подобно приходским церквям, имели свои приходы.

³⁷⁷ - В подл. «И калогерие, кои се су постригли топици, из метохые тези церкви», *Топикь-топикѡс, ejusdem regionis* (Даничич в Речнике под словом Топик).

³⁷⁸ - Логофет, *Λογοφῆτης* контролёр, чиновник следящий за правильным расхождением сумм. На его обязанности, вероятно, преимущественным образом лежало учитывать монастыри и церкви, владевшие недвижимыми имениями. В одном памятнике церковный логофет называется логофетом великим (*Bad. I 156;*, из этого следует заключать, что он был главный государственный логофет или что должность церковного логофета была соединена с должностью сего последнего.

³⁷⁹ - В хризовуле Милутина пишется: «госпогя ми мати кралица Елена дала и записала (одному монастырю имения) на пищу старцем и на одежду слепим и хромым. (*Monum. Serb. Миклош. р. 68*). В хризовуле Стефана Дечанского монастырю Дечанскому: «и ина многа притежания (дахь монастырю), яже на крьму и на одение всем служителем црьквным и маломощным и странним». (*ibid. р. 92*).

³⁸⁰ - Влах-крестьянин, питающийся не от пахания земли, а от содержания стад, – пастух.

³⁸¹ - В подл.: «иронию да несть волен никто продати ни купите». Шафарик (*Geschichte d. Südslaw. Liter. III, 162*) для объяснения слова прония считает нужным обратиться к древне-

немецкому и готфскому языкам и вообще поднять на ноги чуть не всю филологию, а между тем дело очень просто: прония есть греческое κρόνοια, которое в средневековом греческом языке значит именно поместье (вещь, отданную во временное чьенибудь промышление).

³⁸² - Что значит «тогай», мы нигде не нашли объяснения; но по смыслу, оно, кажется, есть тяжай, т. е. крестьянин.

³⁸³ - Автор корреспонденции из Боснии, помещенной в Современной Летописи Московских Ведомост. 1864 г. № 39, стр. 5, col. 3, неправильно считая глобу изобретением турецким, пишет о ней: «Название глоба происхо дит от турецкого слова – штраф, казнь. Эта подать существовала (в Турции) не так давно, но уничтожена. Если случалось, что кто-нибудь утопитя или сделается убийцей, и если найдется где-нибудь убитый человек, тогда целый тот округ подвергался штрафу, назначенному турецким начальством» (сfr Речник Даничича под словом Глоба, по выпискам у которого глоба значит вообще штраф или пеню).

³⁸⁴ - Приведем здесь кстати замечательное определение Стефана Первовенч. касательно дел брачных, читаемое в одном из его хризовулов: -аще (жена) иметь бесноватисе оставляющи своего мужа, да аще има добытькъ, добытьком да наказуется; аще ли добитка не има, то своимъ теломъ да наказуется, якоже будет изволение мужа ее. Наказав ю, да ю водить, аще ли не будет ему угодна водити, то наказав ю, да ю продасть, камо ему годе» (Monum. Serb. Микл. р. 15 sub fin.).

³⁸⁵ - Приселица – обязанность давать квартиру, корм и подводу проезжающему государственному чиновнику, см. Шафар. Geschichte d. Südslaw. Literat. III, 461. Дымнина или дымница, греч. каквикòν, -подать в подьзу епископов. Бирь-подать в подьзу епископов и священников. Сокъ – государственная подать хлебом, tributum frimentarium, у Данич. в Речн, под словом сокъ. Позоб – frumentum exercitui providendum, Данич. ibid. под сл. позобь. Понос, провод, повоз – повинность подводная, ibid. Травина – обязанность косить царские луга и подать государственная за пользование лугами; градеж – обязанность помогать царю строить что-либо; града

зидание – строение городов иди городских крепостей; градоблюдение – обязанность охранять городские крепости. Жатва, сенокоса, оранье, врьшитба, винограда работание – обязанность жать, косить, орать, молотить, обрабатывать виноград для царя. Поклисарь – обязанность кормить и провожать едущего царского посла; псарь, соколярь – обязанность кормить царского псаря и сокольника. Десеток – десятина; овче – подать с овец. Жировина – подать за право откармливать свиней желудями в царских лесах. Остальные виды податей пока остаются необъясненными.

³⁸⁶ - По-гр. καὶ εἰς παραμονὰς ἔλκονται παραμονῇ – какая-то повинность крестьян помещику (преимущественно монастырских крестьян монастырю); но какая именно, сказать в настоящее время не можем.

³⁸⁷ - За потомков древних аваров Шафарик считает нынешних так-называемых морлаков, Древн. II, 2, 3, о которых подробнее см. Dalmatien und Montenegro nach Wilkinsohn bearbeitet von Lindau, Leipzig, 1849, II 250.

³⁸⁸ - Нам думается, что Шафарик, Древн. II, 2, 3 и 37, говорит о месте иллиро-паннонских хорватов неправильно.

³⁸⁹ - Шафарик говорит о франках Древн. II, 2, 9, о Св. Мартине ibid. 16 и пр. – неправильно.

³⁹⁰ - Главною причиной возвращения хорватов при Седеславе под верховную власть греков Шафарик полагает введение славянского богослужения между паннонскими славянами и в Моравии (Древн II, 2, 17). Но это совершенно ни на чем не основано. За славянскими книгами хорваты должны были обращаться не в Константинополь, где после отбытия Константинова о них еще менее заботились, чем в Риме, а в более близкую к ним Моравию, где жил и действовал тогда Мефодий первоучитель и где введено было славянское богослужение с дозволения самого папы. Что хорваты возвратились вовсе не по сейчас указанной причине, а именно ища покровительства императоров, о котором говорит Константин Порфирогенит, это совершенно ясно из того, что тогда отложился от папы к грекам и салонский итальянский

митрополит с своей общиной, который искал, конечно, уже не славянского богослужения.

³⁹¹ - По именам известны – из епископов нонских (или скардонских): Феодосий, посвященный папою в 880 г., первый после возвращения хорватов от греков к папе (у Баттиана *ibid.* 11, 42 и в Патрол Миня t. 126, p. 918), Григорий, упоминаемый под 928 г. (у Баттиана *ibid.* 342, 430), Формин, упомин. под 1075–76 г. *ibid.* I, 430 и 433), – хорватских: Райнер, упомин. под 1059–66 гг. (*ibid.* I, 409, II, 77, Анастасий, упо мин. под 1069 г. (*ibid.* II, 80), Григорий, упомин. под 1075–78 гг. (*ibid.* I, 430, II, 81). Чедеда епископ не названной, но вероятно хорватской кафедры, упомин. под 1063 г. (*ibid.* I, 408), – белградских: Дабро, упомин. под 1066–72 гг. (*ibid.* I, 409–10), Феодосий, упомин. под 1075–76 гг. (*ibid.* I, 430 и 433), Престанций (*ibid.* II, 216), Бон, упомин. под 1103–1109 гг. (*ibid.* II. 215 и 223). Что касается до независимой от хорватов общины итальянских городов и островов, то здесь в митрополии спалаттской под 928 годом упоминаются четыре епархии: 1) зарская (Jadertina), 2) арбская (Arbensis), 3) вегльская или керкская (Veglensis) и 4) осерская (Absarensis, у Баттиана *ibid.* I, 342); с 1066 г. упоминается пятая епархия – трогирская (Traguriensis, *ibid.* I, 409, 410 и 433).

³⁹² - Год собора, не означенный в актах, находится посредством того указания, что осужденный на этом соборе один священник находился в заключении 12 лет и освобожден был в 1075 г., у Баттиана *ibid.* I, 408 и 430.

³⁹³ - Впрочем, в начале X века спалаттский митрополит весьма равнодушно смотрел на то, что в Хорватии распространялось славянское богослужение и греческое православие Мефодия, см. послание папы Иоанна X к архиепископу Иоанну 3-му, в котором говорится: *fama revelante cognovimus per confinia Parochiae vestrae aliam doctinam pullulare... vobis tacentibus et consentientibus.*